МИР
ПРИ-
КЛЮ-
ЧЕ-
НИЙ

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1986

С61
М63

Составитель
О. И. Соколов

Оформление
В. Лыкова

$М\frac{4801000000-552}{М101(03)86}$ 096—86

Альберт Иванов, Евгений Карелов

РЕБЯТА, Я ЖИВ!..

Приключенческая повесть

ВСТУПЛЕНИЕ

В кромешной темноте выкарабкался из подвала Мишка Гапонов и побежал в ту сторону, где, как ему казалось, находился забор.

Внезапно стена цеха покрылась трещинами, просвеченными мгновенным пламенем изнутри, и осела. Она легла грудой кирпичей около отброшенного взрывной волной Мишки, и, очнувшись, он сразу отполз от нее подальше.

С рук, лица и одежды пластами отваливалась известковая пыль.

— Ребята! Ребята-а...— закричал Гапон, не слыша своего голоса.— Я жив!

Ему никто не отвечал. Пустынно было вокруг в свете жаркого пламени, плясавшего на развалинах минного завода.

Вдалеке мельтешили вспышки выстрелов. Там были немцы...

Часть I. КАЖДЫЙ ДЕНЬ — СЕГОДНЯ

«Оценка русского солдата: «Русский будет бнться до последнего там, куда его поставят».

(Одии из выводов секретиого сообщеиия руководителей гитлеровского вермахта о плаие предстоящей операции «Барбаросса», 30 апреля 1941 года)

Глава 1

Это было в тнхом подмосковном городе...

Валька жнл на самом берегу рекн, на Набережной. По-настоящему — улица нменн Кулнбнна, но, еслн спросишь у кого-ннбудь о ней, никто не сможет вам ее показать. А вот Набережную все знают. С одной стороны дома́, а с другой — сразу река и длнннная череда лодок, прнкованных к сваям. Река н есть самая главная улнца. Не во всяком городе на центральных проспектах такое движение — все время катера, баржн, плоты...

Даже на географнческой карте, внсящей в классе, эту реку нздалн вндно.

Самый знаменнтый на всю улнцу человек — Юрка Тихонов. И хотя ему, как н Валентнну, пятнадцать с половнной лет, выгляднт он старше. У него большущая грнва волос, а в кармане пнджака рядом с авторучкой всегда торчит здоровенная расческа. Но за эту гриву Тихонову в школе никогда замечаний не делают, потому что он едннственный поэт в городе. Единственный талантлнвый, разумеется. О нем даже в местной газете пнсалн, но, вндимо, для того, чтобы он не зазнавался, назвалн не талантлнвым, а растущим. Все, в том чнсле н он сам, счнтают, что это одно и то же.

Тнхонов поймал Вальку на базаре, по воскресеньям его всегда посылают харч закупать, и с ходу стал чнтать свое новое стнхотворенне, про осень:

Снова осень, печальна и выжженна,
С лужамн, полными слез...
Осень поздняя, осень рыжая
Черных лнп и белых берез...

Он дочнтал стнхотворенне до конца, полчаса чнтал, такое оно бесконечное, а потом тревожно спроснл:

— Ну как?

У них уговор: по-честному обо всем говорить.

— Муть.

— Правда? — Юрка сразу потускнел.

Сумка у Вальки уже была набита полностью, и поэтому он повесил поэту на шею, как ожерелье, связку репчатого лука. Юрка до того расстроился, что так и шел с ней целый квартал. А потом со злостью сунул Вальке лук и сказал:

— Ну, раз муть...— И разорвал листки со стихами на мелкие клочки.

— Ты что? — поразился Валька.— Если поэты будут рвать свои неудачные стихи, то у каждого за всю жизнь и одной тоненькой книжечки не наберется.

— Ничего,— сказал Юрка и начал причесываться.— Это черновик, а чистовик я Зине дал переписать. У нее почерк красивый.

Только он сказал, а она тут как тут. Выходит из «Культтоваров» и сразу к ним:

— Вы на базаре были, да?

«Спрашивает тоже, как будто не видно!» — в сердцах думает Валька.

— На базаре,— отвечает Юрка, вынимает расческу и снова начинает приглаживать волосы.

Когда Валентин их видит вместе, ему всегда скучно становится.

— Ты куда? — говорит Зина.

— Домой.

— А потом?

— На речку.

— А потом?

— Домой.

И так до бесконечности. Как будто он не догадывается: она его пытает, чтобы узнать, во сколько он к ней вечером зайдет, и они в кино пойдут.

Наконец она от них отвязалась, как только Юрка сказал, что заявится к ней часов в семь. И что он в этой Зинке нашел? Некрасивая и ростом не вышла, он на целую голову выше. Наверно, привык. Они уже лет пять дружат.

— Что ж ты ее обманываешь? — мрачно сказал Валька, когда они спустились к реке.— У тебя же сегодня с Лелей свидание.

Юрка даже не смутился:

— Тут совсем другое дело. Это просто так.

«Просто так»... Часа два будет прогуливаться с ней по Набережной, чтобы Чумакова позлить. Леля самая-самая красивая девчонка на всей Набережной. Славке Чумакову она нравится. А Славка с Юрием враги. Они друг друга не переносят. Тесно им на улице: Тихонов — талант, а Чумаков — сила, грубая, физическая. Валька завидовал им обоим, потому что, ну, кто он сам-то, чтобы Леля обратила на него хоть

капельку внимания?! Иногда покажет ему язык и отвернется — и то праздник!

Отец Валентина возился в саду. Медведки корни у деревьев портят, и он готов целыми днями сад перекапывать. С Юрой он даже не поздоровался. Сразу видно, что сегодня отцу не повезло, ни одной гусеницы не нашел, а у него уже две молоденькие груши засыхают.

Не заходя в дом, Валька поставил сумку на подоконник, повесил на форточку лук и пошел с Юркой к парому.

Шурик, младший брат, увязался было за ними. Но Валентин приказал ему топать домой, несмотря на его истошный рев. Гляди там за ним! Что он — нянька?!

Они связали одежду в узел и забрались на паром. До моста от Набережной далеко, вот и соорудили здесь перевоз, чтоб удобней на песчаный пляж добираться.

Они сидели на шершавых досках и болтали ногами в воде. А несколько мальчишек, на четыре года моложе их — мелюзга из пятого класса, тянули за канат. Одно название что паро́м. Восемь пустых бочек из-под бензина, к ним прикручены проволокой доски, а по краям два кольца, через них канат пропущен и закреплен за сваи на этом берегу и на другом. Так вот и тащи сам себя, да еще вместе с паромом, к пляжу.

Мальчишки уважительно посматривали на Юрку и о чем-то шептались. А он на это хоть бы хны. Не впервой. В такие минуты Вальке всегда обидно: почему и он стихов писать не умеет? Одно время и на него мальчишки с уважением смотрели. Это когда он в секции боксом занимался. А потом ему на первой же товарищеской встрече таких синяков по-дружески навешали — целый месяц не сходили. Ну, отец и запретил. Да Валька и сам раздумал. Ему еще повезло, что отец запретил. Все равно бы в секцию ходить не стал. А так хоть перед всеми оправдаться можно.

Бочки задели мель. Ребята соскочили и побрели к берегу.

А позади, на Набережной, надрывался какой-то мужчина в соломенной шляпе:

— Паром! Паром!

Долго ему ждать придется, пока кто-нибудь в город надумает.

Пацаны с их улицы, как обычно, лежали невдалеке от пляжа, на обрыве, и слушали, как Славка хвастается. Он всегда хвастается. И особой тут проницательности, конечно, не нужно: если вокруг него собралась куча ребят, значит, или драка затевается, или рассказ о жизни и необыкновенных приключениях Вячеслава Чумакова — по прозвищу Чумиций.

Увидев «поэта» Тихонова, Славка умолк, встал и, демонстративно повернувшись к нему спиной, вразвалочку напра-

вился к обрыву. Разбежался, с силой оттолкнулся двумя ногами, так что земля загудела, и как бы повис ласточкой над водой. Но в последнее мгновение какая-то неведомая сила завернула его, и вместо ласточки вышло полусальто — он грохнулся в реку плашмя, спиной.

Чумаков вынырнул с вытаращенными глазами. Морщась от боли, лег на воде, растопырив руки. И течение понесло его «бездыханное тело».

— Вот это шарахнулся! — с восхищением сказал двенадцатилетний Мишка Гапонов, по прозвищу Гапон.— Все печенки отбил!

«Поэт» презрительно улыбнулся.

— А ты-то, ты-то! — рассвирепел Гапон.— Слабо́ попробовать!

— У меня сердце,— гордо сказал Юрка, расстелил пиджак на траве и улегся на нем пузом, задрав пятки к пояснице.

Он любил к месту и не к месту ссылаться на свое якобы больное сердце. Несколько лет назад молодой и неопытный врач заподозрил у него ревмокардит, но, слава богу, ничего такого не оказалось. Однако с тех пор Юрий был, к своему великому счастью, освобожден от уроков физкультуры. И даже на лыжах вместе с классом никогда в лес не ходил, боялся, что увидят, какой он на самом деле выносливый, и заставят опять посещать физкультуру, делать выжимы на турнике и прочие «бумоканатокозлоразмники», как он выражался.

Даже футболом он нисколько не интересовался. А когда уже не помнится кто из прыгунов взял рекордную высоту и во всех газетах об этом писали, Тихонов заявил:

— Человек отличается от животных только умом. На спор, что ни один бегун не быстрее собаки, ни один пловец не проворней рыбы, ни один штангист не сильнее слона! Нашли чем гордиться!

Ребята, увлекающиеся спортом, страшно злились, а девчонки смотрели на Юрку чуть ли не квадратными от восхищения глазами. Но вообще-то зря было бы с ним в таких случаях спорить. Он, пожалуй, всегда спорит только из оригинальности. Сам-то вряд ли верит в то, что доказывает.

Не спеша подошел Славка и начал небрежно хвастаться, что его снесло черт знает куда и ему пришлось возвращаться к косе против течения, а оно здесь такое — с ног валит!

Вальку почему-то зло взяло:

— Бреши, бреши!

— Хочешь? — деловито спросил Славка, сжав кулаки.

Валентин немного струсил. Но все же ответил:

— Ну, хочу.

— Ах, хочешь!..— засмеялся Славка.

И вся компания засмеялась.

— Иди, иди,— вмешался Юрка.— Отстань.

Ему-то что! Он, как поэт, был табу для всего города. Если его побить, то назавтра такую орду соберет — Чингиз-хан позавидовал бы.

Валька не хотел, чтобы его защищали. Встал и нарочито равнодушно спросил у Чумиция:

— А ты очень мне хочешь дать?

— Очень!

Ну, Валька его тут же и толкнул слегка в грудь ладонью: иди, мол, окунись. Чумаков стоял на самом краю обрыва, да так и плюхнулся в реку — надо же, снова спиной!

Валька прыгнул за ним и давай его кунать под воду, пока тот не опомнился. Но затем Славка изловчился, зажал ему шею локтем...

Хорошо еще, их на мель снесло, здесь Валька сумел вывернуться и крепко схватил противника за чуб.

— Не по-честному! — завопил Чумиций.

Юрка на берегу громко успокаивал ребят:

— Нормально! Пусть дерутся как хотят! Законно — до первой крови!

Знал, что говорить. У Вальки ведь волосы короткие — ежик, так что чубатый противник был надежно у него в руках. Вырываясь, Славка до крови прикусил себе губу. Глазастый Тихонов, сразу заметив это, вновь закричал на берегу:

— Все, конец! До первой крови!

И драка прекратилась. Закон есть закон.

— Ну, мы еще с тобой встретимся! — пригрозил Чумиций. Скажет тоже, словно они куда-то надолго уезжают, а не видятся каждый день по сто раз.

— Пошли! — сказал Юрка. И побрел по мелководью к парому.

Валька все время останавливался и брызгал на горящее лицо водой. А все-таки здорово, что Чумаков так удачно себе губу прикусил.

...Вечером на Набережной появилась Леля. В своей яркой цветастой юбке она гордо прошла мимо любопытствующих стариков и старух, сидящих на лавочках. Что ни дом, то лавочка, а то и две.

Валька тоже сидел на лавочке вместе со своим дедом. Тот был в своем обычном наряде: майка, ватные брюки и тапочки на босу ногу. Дед курил «Памир» из длинного дамского мундштука — единственного трофея, оставшегося у него с первой империалистической, и скучал. Увидев Лелю, он залился смехом и крикнул:

— Муха цеце! Споткнешься!

— Ну, хватит тебе,— буркиул Валеитии деду, стараясь не глядеть иа иее.

Оиа иегодующе обериулась — и впрямь споткнулась. Не привыкла разгуливать на каблуках.

Дед от смеха чуть с лавки ие сполз:

— К поэту потопала.

— Откуда ты-то знаешь? — сиова буркиул Валька.

А удивляться было нечему. Просто дед раньше его заметил, что Тихоиов вышел из дому. Тот был в своем выходиом синем костюме и даже при галстуке. Ои ие спеша иаправился к Леле, подиимая пыль клешами.

Они встретились у калитки и поздоровались за руку Вид у обоих был крайие смущениый.

— Свидаиие,— хихикал дед.— Сейчас Славка покажется.

И точио, в тупике улицы появился Чумаков вместе с Мишкой Гапоиовым.

— Ну, будет...— предвкушал дед, закииув иогу за иогу.

Но те потоптались иа месте и вдруг двииулись к их лавочке. Дед от недоумеиия даже дымом поперхнулся.

Валька догадался, в чем тут дело. Они побоялись с Юркой связываться, решили иа ием отыграться.

— Пошли поговорим,— сказал Чумиций.

Валька молчал и, как ему казалось, презрительно улыбался.

— Трусишь? — усмехиулся Мишка.

— Я тебе!.. — иеожидаино вскипел дед.— Я тебе, Гапои, поговорю! Как встаиу сейчас! — И сделал вид, что встает.

Славка и Гапон ие испугались, но все же отошли в сториу. На всякий случай. Стояли и косо поглядывали на Юрку с Лелей.

А оии сидели себе иа ступеньках у самой воды, поэт даже газеты подстелил. Сидит каждый иа своей газете, словио в театре, любуются закатом. А Леля тихоиечко так напевает: «Чайка смело полетела иад седой волиой...» А сама почему-то страиио на Валеитииа посматривает. Непоиятио...

Дед зябко поежился и ушел спать. Ои всегда ложился раио, зато вставал с петухами.

Послышалось звякаиье уключии. Это Славка и Гапои прошествовали мимо с веслами на плечах. Под мышкой у Славки торчала удочка.

— Лель,— позвал Славка,— пошли покатаемся?

— Неохота,— ответила Леля и продолжала все так же тихонечко иапевать: — «Ну-ка, чайка, передай-ка милому привет...»

Тихоиов леииво швырял камешки в воду и ие обращал на Чумиция никакого внимания.

— Ну, смотри! — вдруг вскипел Славка.— Запомню.

Леля только засмеялась и снова оглянулась на Вальку.

Славка и Гапон оттолкнули лодку от берега, отъехали на несколько метров и с шумом сбросили «якорь» — кусок рельса на канате.

Они стали как раз напротив парочки. Чумаков делал вид, что ловит рыбу, но он больше смотрел на них, чем на поплавок. Гапон ерзал на корме и невпопад повторял:

— Тащи!.. Клюет!..

Юра и Леля встали, прошли немного ниже и уселись на одной из лодок, прикованных к берегу.

Рыболовы тотчас же переместились по течению и снова бросили «якорь».

Парочка опять перешла на новое место. Чумиций и Гапон не отставали. Так бы они передвигались до самого железнодорожного моста, если б на улице не появилась Зина.

Юрка обернулся и замер. Она тотчас вздернула голову и направилась к Валентину.

Мерный рокот болтовни старух, сидящих на лавочках, сразу стих.

— Пошли в кино? — отчаянным голосом сказала Зина. Громко-громко. На всю улицу.

— Пошли.— Он почему-то испугался.

Поэт нагнал их на горе.

Шел рядом и молчал. Она тоже молчала. И Валька молчал — такое дурацкое у него было положение.

А у самого кинотеатра Юрка тихо сказал, будто извиняясь:

— Гапон с Чумицием рыбу ловят...— Он неестественно засмеялся.— Головля поймали.— И кисло добавил: — С ладонь.

— Хорошо клюет? — неожиданно спросила его Зина и взяла Вальку под руку.

— Хорошо...— неуверенно ответил Тихонов и стал мрачно причесываться.

— Ну, иди... лови...— Она бросилась в подъезд кинотеатра, таща Вальку за собой. Билеты она купила заранее. Два!

Он оглянулся. Юрка стоял у входа, жалобно смотрел им вслед и причесывался.

...Когда они возвращались домой из кино, Зина просто измучила Валентина. Обычно она может кого угодно измучить своей болтовней, жалобами всякими. А на этот раз она измучила его своим молчанием. Ну ни слова ни о чем не сказала.

Надоели эти Юркины фокусы. Валька его прямо ненавидит, когда тот такие штуки выделывает. Он уж и так и сяк его выгораживал. Наконец даже всю правду ей сказал: как, зачем и почему Юра сегодня с Лелей встретился.

— Чумакова разыгрывали, ты понимаешь?

А она молчит. Идет, ладошки в рукава свитера спрятала и молчит. И только у самого своего дома сказала:

— До свидания.— А потом: — Пусть больше ко мне не приходит.

— Ладно,— буркнул он. Разве ей объяснишь!

А она стоит, не уходит. И Валька стоит, как дурак, думает, может, еще что передаст.

— Ну? — не выдержал.— Сказать, чтоб завтра зашел?

— Спокойной ночи,— вспылила Зина. И опять не уходит. Стоят и молчат...

— А ты не врешь?..— спросила она.— Насчет Славки и Лельки?..

Нехотя так спросила, словно невзначай.

— Век воли не видать! Я никогда не вру.— И уточнил: — Если мне невыгодно.

Она засмеялась:

— А тебе как раз выгодно сейчас врать.

— Почему ж?

Она смутилась.

— Ну, вы друзья...

— Мало ли что! — разозлился Валька.— Хочешь знать, так мне сейчас как раз выгодно плести на него все, что вздумается. Я, может, на него еще больше обиделся. Хоть у меня и зуб на Славку, ненавижу, когда разыгрывают. Понимаешь?

— Понимаю...— говорит она, а на него не смотрит.

— Ничего ты не понимаешь.— Ему даже тоскливо стало, потому что она ничего не понимала.— Хочешь по-честному?

— Ну?

— Так вот. Плюнь ты на Юрку, если не хочешь с ним дружбу потерять. Уж кто-кто, а я его знаю. Чем хуже к нему, тем лучше.— Он вконец разошелся — такая его злость взяла.— Вот и помыкает тобой, потому что ты ему пятки лижешь...

— Неправда!

— Чуть что — Юрочка, Юрочка... А Юрочка... Думаешь, я не догадываюсь, почему ты мне тут зубы заговариваешь? Пусть больше, мол, не приходит. А сама только и ждешь, чтобы он пришел.

Зина повернулась и пошла к дому.

— Ты что? — опешил он.— Обиделась? А сама хотела правду!.. Я же пошутил.

Зина не остановилась. И вообще ничего не ответила.

Спит Валька летом всегда в сараюшке вместе с дедом. У них там два топчана стоят. И воздух курортный. Часов за пять высыпаешься. Валька шел к себе в сарай и думал: «Никогда больше с ними связываться не буду. Им что ни

говори — своё! Помирятся — не помнрятся, я виноват. Ну нх всех в болото! Сами разберутся».

Дед бодрствовал. Положив две подушки под голову, чтобы повыше, он читал при свете фонаря «летучая мышь» третий том Гоголя и дымил из своего мундштука, как гибнущий пароход.

— Ну как кино? — не отрываясь от книги, спросил дед.

— Да так... Про любовь.

— Угу,— сказал дед и больше ничего не спрашивал.

Только Валентин хотел завалиться на свой топчан, глядит — там Юрка лежит. Дрыхнет как ни в чем не бывало.

Валька его растолкал, и тот подвинулся, зевая и потягиваясь. Валька тут же завалился и накрылся одеялом с головой. Но от Тихонова просто так не отвяжешься. Он сдернул с него одеяло и начал оправдываться:

— Меня к вам отпустили на ночь... Ну, чего она?.. Я же не хотел. Сам видел, как получилось...

— «Получилось, получилось»...— проворчал из своего угла дед.— Что Зина-то говорит, внучек?

— Ничего,— буркнул внучек.— Молчит.

— Молчит? — Дед снова уткнулся в книгу.— Раз молчит, значит, дело серьезное.

— А если бы она чего-нибудь говорила? — угрюмо поинтересовался Юрка.

— Тогда бы еще ннчего,— откликнулся дед.— У всех у них одно н то же. Поговорит — и полегшает на душе. Отойдет, значит. И простит.

— Я ей сказал, чтобы она к тебе похуже относилась,— проворчал Валька.

— Правильно,— уныло кивнул Тихонов.— Я такой.

Больше они Вальку ни о чем не спрашивали. «Поэт» улегся рядом. Лежали валетом. Юрка все время ворочался, н его ноги шуршали у Валькиной головы, словно мыши.

Дед погасил лампу, и в сарае сразу стало темней, чем на улице. Дверь была открыта, от реки тянуло холодом. Откуда-то издалека доносились смех, паровозные гудки, лай собак. Пахло камышом и лягушками.

Уныло загремела цепью за соседским забором дворняга, яростно и громко запели коты. Наступила ночь. И Валентин заснул.

Юрка разбудил его под утро, когда только еще начинало светать. И утро не наступило, и ночь уже прошла. Темнота нехотя рассеивалась. И все окружающее проступало сквозь серые сумерки...

Июнь только начался, и вода была еще холодной. Но они привыкли: уже третий год начинали купаться в мае.

Стояли на берегу, поеживаясь от зябкой свежести. И медлили, прежде чем войти в воду.

— Зина очень на меня обиделась? — вдруг спросил Юрка

— Да вроде.— Неохота было об этом говорить.

Как только Тихонов напомнил о вчерашнем, Валька сразу почувствовал, что новый день наступил бесповоротно. Стоять теперь на берегу было как-то глупо, и он побрел по мелководью к омуту. Вода поднималась все выше, она словно одевала. Если всмотреться, то она слегка прогибалась вокруг него, а потом вновь опоясывала кольцом.

Валька нырнул. На самом деле вода не одевала, а раздевала. Она схватила холодом, и, вынырнув, он оттолкнулся от упругой поверхности, выбросившись чуть ли не по пояс, и с диким криком снова ушел в глубину. Снова вынырнул и так заколотил по воде, вздымая брызги, что чуть не отбил ладони. Юрка бесился рядом. Тоже что-то орал, откликалось эхо, и они подняли такой шум, словно пришел купаться целый взвод солдат, которых редко водят на реку.

Потом их подхватило течение, снесло за железнодорожный мост, и они выбрались на песок дикого пляжа.

— Я не думал, что так получится,— задумчиво проговорил Тихонов, стуча зубами от холода и пересыпая колючий песок из ладони в ладонь.

— Никто не знал, что так получится...

— Хочешь, я пойду извинюсь? — привстал Юрка. Он сказал это так, что согласись с ним — и помчится, не разбирая дороги.

— Не надо, сама придет,— сказал Валька и опять соврал: он хорошо помнил, что говорил Зине вчера вечером.

— А Славка-то как вчера злился! — вдруг засмеялся Юрка.

Валька вспомнил, какое было у Чумиция лицо, и тоже засмеялся. И все сразу встало на свое место. К черту всю эту муру! Они два товарища, два закадычных друга, сидят на песке и торжествуют победу над своим врагом.

— Знаешь,— вдруг сказал он,— а все-таки ты с Лелей больше не ходи.

— Почему? А-а... Из-за Зины...

— Не из-за Зины, а вообще!

— Так... Понятненько.

— Ну, ладно,— смутился Валька.

Все хорошо, все чудесно на свете! Что им еще нужно!

...Это было утро 3 июня 1941 года.

Глава 2

— Надень штаны! — крикнула мать.

— Не хочу.

Мишка Гапонов лежал иа крыльце в однних трусах, положнв под голову руку, н поежнвался от утреииеи сырости. Солнце приятио пекло жнвот, ио по спние бегалн мурашки.

Сразу перед домом начннался луг, уходя далеко, до самого горнзонта. По лугу вышагнвалн мачты высоковольтиой лнинн. Она начиналась от ТЭЦ, которую давным-давно, еще в двадцатых, спроектировал нностранный ннженер Лассон. Отец говорнл, что это был одержимый человек. Однажды, когда тот снdел иад проектом электростанцнн, иа подоконннк конторы вскочнл петух н вскрнчал дурным голосом. Инжеиер отложил в сторону рейсфедер, стукнул петуха тяжелым пресс-папье н продолжал работать. Правда, потом ему прншлось за петуха заплатнть. И Лассон заплатнл, не моргиув глазом. Он еще тогда сказал, что у себя на родине не смог бы нметь такого удовольствня, там ои был безработным.

На горнзонте зелеиое поле прерывалось черной лнннеи оврага, а за ним иаходнлнсь невиднмые отсюда торфяные карьеры — ТЭЦ работала на торфе. В овраг ребята ходнлн резать дудкн, тут онн разыскнвалн днкнй лук н всякую вкусную траву. Средн дремучнх зарослей бузины онн сооруднли шалаш, н Гапон любил целымн диямн лежать в нем на сене н смотреть через прореху крышн на снnее небо, похожее на море, по морю плавали облака — льдины. В шалаше пахло вялой травой н свежими огурцамн. Здесь, в шалаше, ребята мечталн о путешествнях н рассказывали друг другу страшные нсторнн. Чего только тут Гапон ие наслышался! Он узнал, что во время грозы нельзя ходнть по полю с лопатой на плече: шел однажды так человек — его н убило; н что еслн разозлнть кошку, она может запросто загрызть человека; н что по парку, бывшему поповскому саду, ночью гуляют покойнннкн.

Овраг был длнннный — будь здоров, и там, где он кончался, за шаткнм деревянным мостнком, проходнла железная дорога — сюда Мишке ходнть не разрешалось. У водокачкн останавлнвались пышущне паром паровозы и длнннымн шеренгамн выстраивалнсь щербатые товарные вагоны. Когда прнбывал пассажирскнй, мальчишкн выбегалн на тропинку, ведущую в поселок, и приезжне отдавали нм желтые и красные билеты. Этн разноцветные картонкн потом выменнвалн друг у друга на рыболовные крючкн, поплавкн н трубкн от школьных ручек. Из таких металлнческнх трубок можно было стрелять кружкамн сырой картошкн на приличное расстоянне.

Послышался далекий гудок паровоза. «Спешу-у-у-у!..» — крнчал паровоз. На крыльцо вышел отец. В руках у него бы-

ла брнтва, и с лица на деревянные ступеньки мягко шлепалась мыльная пена.

— Война,— растерянно сказал он.

А затем выскочила мать и закричала на Гапона не своим голосом:

— Надень штаны, кому я говорю!

Гапон влетел в комнату н быстро надел брюки, потому что встречать войну без штанов было просто нельзя. С сегодняшнего дня жизнь обещала быть особенно интересной.

По радно передавали выступление Молотова:

«...н подвергли бомбежке со своих самолетов нашн города — Жнтомнр, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территорий...»

Потом местный узел каким-то очень бодрым голосом объявил, что надо сделать светомаскировку н заклеить бумагой, крест-накрест, окна на случай бомбежки. Всполошившись, мать сразу же полезла на табуретку завешивать окно одеялом, будто сейчас был вечер, а не день. В комнате сразу стало темно, как в погребе.

Потом что-то грохнуло, и опять засияло солнце. Одеяло упало — мать сидела на полу, растирала ушибленную ногу и плакала. Рядом валялась табуретка.

Глава 3

Это все малышня придумала, приятели Валькиного брата — семнлетнего Шурика: один прикатил два велосипедных колеса с погнутыми спицами, другой приволок огромный ящик из-под конфет, третий принес несколько болтов н гаек, четвертый — клещи и молоток... А Гапон любезно предоставил под аэродром крышу своего сарая. Вчера по местному радио передавали, что рабочий Черненко из пригородного совхоза сдал в Фонд обороны сто тысяч из собственных трудовых сбереженнй на постройку истребителя. Поэтому самолет, который собирались построить ребята, был им нужен не просто так. Не для забавы. Надо сделать деревянный истребитель и пикировать на нем с крыши во двор, тогда можно добыть для обороны страны кучу денег. У них в городе живет много мальчишек. Пусть каждый из них прокатится хотя бы десять раз н заплатит хотя бы копеек двадцать за каждый рейс... По грубым подсчетам Шурика выходило, что на вырученные средства еслн даже н не на целый, то уж на половину-то настоящего нстребителя денег хватит.

В день торжественного испытания самолета во дворе у Гапона собралась галдящая толпа мальчишек. После большого спора и небольшой драки за право первого полета решили тянуть жребий.

Счастливцем оказался Шурик. Ликующе улыбаясь, он вскарабкался на сарай, долго усаживался в кабину, сделанную из ящика, и, наконец, испуганно замер. Гапон крутанул деревянный пропеллер на подшипнике, торчащий из передней стенки ящика, и, страшно взревев, разогнал самолет.

Велосипедные колеса легко зашуршали по отлогой толевой крыше и... Истребитель под дружный крик мальчишек рухнул в мусорную яму у сарая, вместо того чтобы плавно спланировать на заботливо расстеленное сено. Больше всех ругали Гапона, а он чистил щеткой одурелого и гордого с испугу Шурку и торопливо говорил:

— Я ни при чем! Это он рулил неправильно!.. Такое дело провалил!

...Вскоре через городок потянулись беженцы. Заскрипели колеса телег, зачихали моторы полуторок, замычали коровы. И через несколько дней все ветки кустов, торчащие из палисадников на улицу, стали голыми, словно в осень: их, проходя, обглодали тоскливые стада.

...Потом появились отступающие солдаты. Они ничего не отвечали на лихорадочные вопросы жителей, а если что и говорили, то разве только проклинали жуткую немецкую авиацию. Видно, самолеты рабочего Черненко из пригородного совхоза и многих других, кто отдал свои сбережения на оборону, еще не были построены.

Валькина мать выставила перед домом громадный чугунный котел, который раньше без дела валялся у деревянной баньки. Теперь под ним почти круглосуточно пылали дрова.

В эту осень был хороший урожай, и дед вместе с Валентином и Шуриком накопал мешков тридцать картошки. Довольный дед мечтал завести на зиму поросенка и еще кое-какую живность, чтобы к Новому году быть с мясом...

Валька не успевал наполнять котел картошкой. Ее варили в мундирах. А рядом на лавке стояла миска с серой солью. Солдаты выбегали из строя, хватали горячие картофелины, перебрасывали их из руки в руку и торопились дальше.

Многие отцы из городка тоже ушли на фронт.

— За Родину! За Сталина! Ура-а!..

«Русские» наступали. Они брали вражеский дот в кольцо. «Немецкий» пулеметчик отстреливался робко и нерешительно, явно опасаясь в кого-нибудь попасть.

— Сдаюсь! — завопил он, когда у амбразуры разорвалась граната.

Наступающие с треском распахнулн дверь сарая, забросали семилетнего Шурика граиатами из сырого песка, и он заревел.

— Все меия да меия! Я больше иемцем не буду!

Мальчишки возмущеиио загалдели, но вдруг умолкли: в сарае появился Валентин.

— Братуха,— заголосил «немец».— Мие землей в глаз залепили!

Ои тут же получил от старшего брата подзатыльник, и все поспешно повалили иаружу. Шурик метнулся было за инми, но Валька схватил его за руку.

— Что, я за тобой бегать буду?! Мать зовет.

«Мама пришла, ура! Мама, дорогая, родная, любимая, что поесть принесла?»

...Мать достала из сумки сверток. В ием оказалось два бутерброда с колбасой.

— Валя, Шурик, ешьте.

— А ты? — спросил Валя.

— Я уже ела,— очеиь бодро сказала мать.— У нас на работе буфет оргаиизовали, ДП.

— Что это — ДП? — Шурик схватил бутерброд.

— Дополиительиое пнтаиие.

— Завтра тоже будут давать? — жнво поиитересовался ои.

— Будут, будут,— пообещала мать.

Валеитии видел, что мать еле держится. Она ходила, как старушка, переваливаясь с иоги иа иогу, и одежда у нее была старушечья, темиая. А до войиы мать иосила шелковое платье, часто трогала пушистые волосы у висков стекляиной пробкой, взболтиув флакои «Красиой Москвы», улыбалась и разучивала иа гитаре песии. Просыпалась раио и, чтобы иикого ие будить, выходила на крыльцо с гитарой. Веселое трень-бреиь просачивалось в комнату сквозь щели под дверью...

— Вставай,— говорил старшему сыиу отец.— Идем купаться.

И оии шли на озёра ТЭЦ, а мать сндела иа крыльце и громко била по струиам марш из кииофильма «Цирк». Отец и сыи для смеху шагали в ногу, высоко подиимая колеии, как таицующие кони.

Озёра ТЭЦ... Особые, удивительиые озёра: туда выходнла остаточиая горячая вода со стаиции. И Валька всегда вспомииал сказку о коиьке-горбунке: как Иваиушка-дурачок окуиулся в чаи с кипящим молоком, а потом в чаи с холодиой водой и стал добрым молодцем.

В первом озерце вода была горячая, иад иим всегда висело облако пара, будто над рекой раииим утром.

— Ну, входи, входи,— звал отец.

Валька, зябко переминаясь на берегу, не видел его лица, настолько густым был пар.

— Залезай,— торопил его отец. Он работал кочегаром в котельной станции, и жара была ему нипочем.

Валька входил в горячее озеро постепеиио, словио в ледяную воду, набирал в пригоршню воды и сначала растирал живот и грудь, как старик, а затем кидался в озеро, вопил, задыхался и бросался к берегу.

Затем оии бежали к соседнему озеру, там вода была ие такой горячей, от иее ие перехватывало дух. А потом — к следующему, к другому, к третьему... В последием вода была холодная, ключевая. И так приятно было лежать в ией, раскииув руки...

Леса вокруг были болотистые, и иад озерами времеиами иосились злобиые стаи малярийиых комаров. Но одиажды здесь развели умную рыбу гамбузию, для которой комары были, пожалуй, таким же лакомством, как для мальчишек арбузы, и комаров сразу поубавилось. Только как-то промывали котлы щелочью, по иедосмотру вода со стаиции без очистки попала прямо в озера, иачали всплывать рыбы со вспучеиными животами. И Валентииу с отцом долго ие пришлось купаться.

А теперь Валька иногда бывал на озерах одии, без отца...

Когда отец уходил иа фроит, мать его попросила:

— Поговори с Валей. Ои почти взрослый, за девчоиками бегает.

Отец отозвал его в кухню и сказал:

— Уважай мать. За меия не бойтесь. Моя пуля в пие сидит. И вот что... Помии: войиа сейчас, в такое время всегда миого гадостей разиых бывает. Смотри ие связывайся. И мать беспокоится.

Шурик, подслушивая за дверью, только хлопал глазами и иичего не понимал.

А еще отец сказал, как, иавериое, все отцы, уходящие иа фроит. Он сказал:

— Ты остаешься за старшего.

Глава 4

Вечерами приходил Гапон. Ои молча сидел на лавочке и курил подобраииые иа перроие бычки. На второй месяц войиы ему пришло страшиое извещеиие со стаиции Чумыри от железиодорожного иачальиика. Мать ездила туда вымеиивать иа сало отцовский костюм и погибла, попав под бомбежку А от отца все ие было и не было никаких известий.

Гапона все жалели, но ои ие иуждался ии в чьей жалости.

А к Вальке он приходил потому, что тот ин о чем его ие расспрашивал н не распускал нюни.

Каждое утро оии вместе отправлялись добывать топливо. Ходили по шпалам н собиралн уголь, раскапывая еще красиеющие кучи золы на местах остановок паровозов. Свон иаходкн бросали в ведра и шлн дальше, как грибиики. Иногда удавалось иайти целую глыбу, свалившуюся с переполненной платформы. Оин разбивали ее и строго делили все пополам, до последиего кусочка.

Гапоиу было двенадцать лет, ио выглядел ои совсем взрослым и разговаривал с пятиадцатилетиим Валькой словио старший, и тот ие заводнлся. Мишка носнл длиииое, до пят, пальто, переделаниое из солдатской шииели, и бесцветиую кепочку с малюсеньким, в полтора пальца, козырьком — такие кепки были в моде. Ои здорово умел курить и ругаться. А еще ои умел плевать на далекое расстояиие.

Держался Гапои всегда иезависимо и даже высокомерио. С тех пор как погибла мать, у иего в бараке постояиио околачивалась рыиочная шпаиа, которая приводила в трепет всех ребят с улицы.

Гапон окоичил только пять классов и иа этом прервал свое образоваиие. «Некогда,— так он объяснял всем.— Надо на жизнь зарабатывать». Вальке было почему-то иеудобио перед Гапоиом за свое благополучие: учится, мать жива, и дед есть, и братишка, отец пишет. Учиться ему ие хотелось, но отец иаказывал с фронта: «Учись, Валентин!» И Валеитии учился...

А было совсем не до этого. Хлеб по карточкам выбирали вперед, каждый раз надеясь иа что-то. А этого «что-то» ие случалось.

— Чего ты больше всего хочешь? — тихо спрашивал Шурнк старшего брата по иочам, ворочаясь с боку на бок. Его мучнла бессоииица с голодухи.

— Нажраться. А ты?

— Тоже,— отвечал братишка н, задумчиво помолчав, добавлял: — Я бы еще и сыру съел.

Когда мать задерживалась иа работе, Валька уходил в барак напротив, чтобы потолковать о жизни с Гапоном. Тот сам себе хозяин. Его комиатушка находилась в коице длнииого, всегда темиого коридора.

...В этот раз Гапон был одни. В комнате пахло углем и жжеиой тряпкой. Ои варил картошку в чайнике — кастрюлн ие было, почтн всю посуду продал,— и слушал радио. Передавалн коицерт для фроитовнков.

Кто сказал, что надо бросить
Песию на войне?
После боя сердце просит
Музыки вдвойне...

Затем были сводки и сказали, что оставлеи город Н. и еще какие-то населеиные пуикты.

Гапон отодвииул чайник, бросил в чугуику пригоршию угля, рукавом отряхнул с вьюшек пыль и положил перед гостем пузатую картофелину. Закурил н прииялся рассуждать:

— Это шпноны! Шпионы, подлые! Ты Лёху, точильщика, зиаешь?

Как же Валька мог не знать хромоиогого Леху-точильщика? Ои каждый деиь обходнл весь город, вопя что есть мочи: «Ножн, топоры точить, бритвы править!» Возвращался ои только к вечеру, пьяный, бросал свой стаиок наземь н, ругаясь и проклииая жизнь, начииал громнть своего «кормильца». Потом ои колотил свою жену. Утром ои наспех чинил искореженный накануие стаиок и опять иачииал все сначала.

— Так ои шпион, Леха-то,— свистящим шепотом продолжал Гапои.— Ходит, толстомордый, и под этим самым видом иемцам сигиалит...— Ои многозиачительио постучал кочережкой по печурке.— Дошло?

— Брось,— отмахиулся Валька.

Дверь открылась, и в комиату ввалился длинный пареиь в распахнутой телогрейке.

— Ха! — обрадовался Мишка.

Вслед за парием вошли еще какие-то люди, и под коиец появился безиогий дядька иа тележке, осиащеииой колесиками-подшипииками.

Гапои оживился.

— Пока, потом договорим. Уходи, Валь,— подмигиул он приятелю и стремглав выскочил из комнатушки.

У самого выхода из барака Валеитии иаткиулся иа Гапоиа и какую-то тетку с мешком. Те умолкли и вошли в дом.

Через грязиоватое стекло окна было видно, как тетка проворио пересыпала стакаиами из мешка в кошелку пшеио. Губы ее шевелились в беззвучиом счете.

Валька ие мог оторваться от этого зрелища. Богатство!

Глава 5

Немцы рвались к Москве. 4—5 октября нашими войсками после ожесточеиных боев были оставлеиы Спас-Демеиск, Юхиов... 14 октября — Калииин, 18 октября — Боровск, Малоярославец...

...Теперь это был не просто овраг иа окраине городка, где Мишка Гапоиов с ребятами когда-то построил шалаш, а противотаиковый ров. Извилистые его гребии были с обеих сторои усыпаны черными фигурами людей. Вспыхивали иа солнце

сотии лопат, вгрызаясь в землю, мелькали иосилки, взлетали над головами кирки, и отовсюду доиосился неумолчиый глухой стук ломов.

Мишка спрыгиул вниз, проехал на спиие, вздымая тучу пыли, и уткнулся иогами в шалаш. Там больше ие пахло травой и свежими огурцами. Теперь в ием пахло землей и дымом.

Он сиова вскарабкался иа обрыв и схватил лопату. Куски сухой глииы покатились вииз, и ои ие разгибал спииы до тех пор, пока земля не похороиила шалаш под собой.

Рядом орудовал грабаркой Валеитии... А чуть дальше — «поэт» Тихоиов... А еще дальше Шурик крутил ручку патефона, который притащил из дома, чтобы всем веселее было работать.

«Саша, ты помнишь иаши встречи в приморском парке на берегу...»

У мыса, там, где овраг отвесио обрывался, мельтешили пальто девчонок. На краю обрыва стояли двое воеииых с трепетавшей иа ветру картой и оживлеиио спорили, размахивая руками.

...В тот раз, в далекий памятиый день, Мишка вместе с отцом и матерью были в горсаду иа праздиике Осоавиахима. И играла эта пластинка: «Саша, как миого в жизни счастья...» А потом трубил духовой оркестр. Отец пил пиво и весело говорил:

— Пиво — жидкий хлеб. Не было такого случая, чтоб от этого умирали.

И мать тоже пригубила кружку и сказала, что оио горькое и все-таки, иавериое, вредиое, чего только мужчииы в нем иаходят?! Все кругом были очеиь праздиичные, при галстуках. Даже карусель работала! Оии сидели с отцом иа полосатой зебре и дико вскрикивали каждый раз, проиосясь мимо матери, стоящей у забора, и оиа всегда ужасио пугалась и ахала.

— Товарищи! — вдруг закричал какой-то мужчииа в клетчатой рубашке, взобравшись на эстраду.— Случилась большая беда!

Все рассмеялись и бросились поближе к сцене, приняв его за массовика. А оказалось, и правда беда. В десяти километрах от города загорелся торф, пожар угрожал захватить бензохраиилище, и иадо было срочио помочь. Полуторки, одна за другой, увозили наряжениых отдыхающих. Оии размахивали лопатами и почему-то громко пели: «Саша, ты помнишь иаши встречи...»

Торф горел под землей, и странно было видеть, как из каждого куста, из каждой травиики иа всем бескоиечиом простраистве серого поля струился дым. По дороге тарахтели телеги — это уезжали колхозиики, потому что их деревня, стоящая иа торфяиой почве, была обречеиа... И вскоре домики,

торчащие иа горизоите, исчезли под землей, оставив после себя белесые клубы дыма. Тогда тоже вспыхивали на солице лопаты, мелькали ломы и кирки. А потом все побежали за холм, и Мишка побежал, и отец, и мать; мииеры заложили миия — вверх взлетали фонтаиы земли; и сиова люди рииулись иазад, чтобы расширить и углубить заградительиый пояс...

...«В такой же ласковый, в такой же теплый вечер, до иовой встречи, мой родиой...» — кричал патефои. Все кругом дружио работали, и можио было подумать, что сейчас «довойна» и тушат обыкновеииый торфяной пожар, а ие копают противотаиковый ров.

К вечеру они сделали иемало, и воеиные объявили им благодарность. Самый главиый из иих пожал Гапоиу руку. Тот расплылся от радости и сказал:

— Рад стараться!

Глава 6

Собрались опять в бараке у Гапоиа. В этот раз пришла почти вся «компаиия»: долговязый Шляпии, Славка Чумиций и их дружки. Гапон сидел у чугунки и время от времеии шуровал кочережкой в поддувале, после чего печка иачииала гудеть, как примус, и румяииться раскалеииыми боками. Заводилой, как самый старший и опытиый, был Шляпии, иедавио вернувшийся из колоиии. Ои иигде ие работал, целыми диями пропадал иа толкучке, что-то покупал, что-то менял... Когда соседи стыдили его: «Вон какой лоб вымахал! На парашютный или миииый иди, фроиту помогать!», ои, хмыкиув, бережио чистил рукавом свою чериую шляпу, за которую его, собствеино, и прозвали Шляпииым: «Я фроиту иа фроите помогать буду. Через полгода, в восемнадцать лет, призовут — и коиец вольиой жизии! Хочу впрок пожить!»

— Коичай! — цыкиул иа Гапоиа Славка Чумиций.— Устроил баию!

Гапои и ие обериулся. Кто здесь хозяии-то?

— Это у него малярийиая привычка,— хихикиул Шляпин и подсел к Гапоиу.— Вот что, малый, тут одии человек — Рябого знаешь? — пшеиицы просит. Надо бы разведать. Может, съездишь?

Гапону не иадо было долго объясиять.

Шляпии, сдериув свитер и оставшись в тельияшке, достал из-под кровати гитару и принялся тихонько что-то иапевать.

— Ты только живей,— бросил Гапоиу вслед Чумиций.

— А ты б умолк,— невозмутимо отозвался Гапои.— Вы тут ие засиживайтесь и печку загасите!

Когда Гапон был уже на улице, песню подхватила компания. Всех громче, с надрывом, орал Славка.

...На запад мимо станции Узловая спешили теплушки с солдатами, платформы с машинами и другим военным снаряжением... Иногда на станции возникал затор. Тогда составы переформировывали и, в зависимости от их важности и срочности, отправляли дальше. А некоторые оставались в тупиках, ожидая своего срока. После этого на толкучках появлялись из-под полы колбаса, мыло и другие редкостные товары.

Страна сражалась, работала день и ночь, а жулье, спекулянты, шпана, всевозможные деляги в годину бедствий думали только о своей утробе. Откуда их столько взялось?! Вот и Мишку Гапонова втянула шпана в свои дела. «Берем мы немного,— говаривал Шляпин.— Подумаешь, какой-то мешок муки! Не обедняют!» Затуманили Мишке мозги: мол, эти составы все равно могут попасть под бомбежку или, еще хуже, в руки врагу. Шляпин и его компания расхваливали Гапона за удачные вылазки, льстили, и легковерный, одинокий, голодный Мишка не мог устоять перед их просьбами.

Через пару часов на попутном порожняке Гапон добрался до пригородной станции Ореховка. Тут он с ходу наткнулся на знакомого машиниста. Тот возился со своим старым паровозом — «щучкой». Ей предстояло тащить назад на Узловую длиннющий состав: в голове стояли пульманы, груженные дровами, брикетом и фрейзером — торфяной пылью; затем — несколько открытых вагонов с чугунными чушками; в середине состава на платформе везли новенький военный катер, рядом с ним ходил часовой — матрос. Проследив дальше взглядом, Гапон увидел с десяток запломбированных двадцатипятитонок с неизвестиым грузом. На площадке хвостового виднелась красная фуражка железнодорожного охранника.

— Ты откуда свалился? — спросил машинист.

— К теще ходил щи хлебать,— подмигнул Гапон.

Когда они собирали с Валькой уголь по путям и, случалось, наталкивались на знакомую «щучку», машинист насыпал им полные ведра и дружески толкал коленом под зад. Гапон уважал его и звал по-свойски — дед.

— Подбросишь, дед?

— Можно, только пойди рожу сполосни. А то как сатана какая,— усмехнулся «дед».— Ты, случаем, не в трубочисты заступил?

— Ты на себя посмотрел бы,— беззлобно огрызнулся Гапон и, потоптавшись на месте, спросил на всякий случай, скоро ли отправится состав.

«Дед» объяснил, что они дожидаются вагона с мукой, который задержала мукомолка, и что время пока еще есть.

Гапон оживился: половина работы, считай, уже сделана. Теперь оставалось только незаметно поставить на этом вагоне метку. Вот и все.

Когда состав отмахал от Ореховкн километров двадцать, Гапон по крышам добрался до предпоследнего вагона и поставил маленькую «м» — мука́. На хвостовой он не пошел: там стоял охранник и мог заметить. На обратном пути Мншка стал проверять остальные вагоны. Делалось это очень просто. У него была прнпасена обыкновенная железная скоба с остро отточенными концамн. Стоило подолбить скобой стенку вагона, н, словно под клювом у дятла, появлялась едва заметная дырочка. Обычно вагоны грузилн спешно, насыпом, без тары, н поэтому через пробитое отверстие сразу же просачивалось зерно, соль, крупа, семечки нлн пуршила мука — что было. Дырочку потом Гапон затыкал щепкой и ставил условную метку, вот и все. Вскрывала вагоны компанння Шляпнна на Узловой по-разному. Чаще всего просверливали доски снизу и потихоньку наполняли мешки.

Работа у Гапона шла споро, и теперь он уже знал, что н в каком вагоне везут. Спрятав скобу, он лег на крышу и уставился на соседнюю платформу с катером. На палубе катера сндел матрос н тщательно протнрал затвор винтовки.

— Эй,— окликнул его Гапон.

Матрос завертел головой.

— Братишка! — еще громче крикнул Мишка и сел, свесив ногн.

Матрос поднял глаза н молча рассматривал гостя. Может, он и не сразу определнл, кто это, потому что своей чумазой рожей Гапон напоминал черта.

— Матрос,— уже более почтительно обратился Гапон,— можно твой корабль поглядеть?

Матрос снова склоннлся над винтовкой, словно ннчего и не слышал. А когда Мншка уже собрался было обругать его самымн последними словамн, сказал:

— Валяй.— И полез за кисетом.

Прежде всего Гапон прошелся по палубе. По ее гладким выскобленным доскам. Попытался заглянуть под брезент на носу катера, но матрос строго заметнл:

— Не трогай!

Больше он не обращал на него вннмання, и Мишка опустился в небольшую каюту. В иллюминаторах подпрыгивали желтые перелески, и, когда в просветах голубело небо, казалось, что не по рельсам, а по настоящему морю плывет катер. Он плавно покачивался и вздрагивал.

Середину каюты занимал стол. Под ним стоял сундучок. Мишка не выдержал и открыл. Там он обнаружил несколько буханок хлеба и еще небольшую краюшку, которую можно было

слопать мгновенно. Но Мишка знал: матросский паек,— и передумал. В углу сундучка стояли две банки с тушенкой. Одна была начата. Малюсенький кусочек из нее Мишка попробовал.

В каюте висел пристроенный к переборке умывальник. Обдав лицо водой и напившись, Мишка вылез на палубу и сел, скрестив ноги по-турецки. Матрос по-прежнему молчал, занятый своим делом. Мишке же, наоборот, не терпелось побеседовать.

— У меня вот есть один дружок — Валентин. Мы с ним тоже матросами хотим стать. Только он капитаном, а я юнгой.

Матрос тяжко вздохнул и, загасив окурок, стал смотреть на рябь проносящегося кустарника.

— Он очень культурный,— продолжал Гапон.— Уже в девятом учится. Его-то сразу возьмут, а уж он своего кореша не забудет!

— Там, в кубрике, возьми банку тушенки. Скоро станция. Нельзя посторонним здесь находиться.

Мишка обиделся — не так его поняли,— отвернулся и начал что-то насвистывать. Тогда матрос сам спустился в кубрик и вынес банку.

— Держи.

Мишка и не глянул.

— Не брезгуй, пацан, флотским. У меня на двоих паек-то выписан, да дружка вот... сняли в Ореховке. Жар у него. Не успел ему передать...

Сказал все это матрос просто, по-свойски. И, плюнув на самолюбие, Мишка взял нежданный подарок.

Уже с крыши он крикнул матросу:

— А ты сам на ветру не торчи. А то простудишься. Кемарь себе в кубрике.

— Не положено,— отозвался матрос.— Мне теперь круглосуточно стоять придется.

Поезд сбавлял ход. Впереди была Узловая.

— Турецкий корень Самсур! Заменяет десять кусков мыла! Было на френчике пятно, потер — да сплыло! — надрывно орал рябой рыночный деляга и показывал изумленной толпе что-то отдаленно напоминающее редиску.

Мишка дернул его за рукав. Рябой испуганно обернулся.

— А, ты? — И свернул бойкую торговлю: — Все! Граждане, все. Товар кончился!

Закрыв деревянный лоток, он выбрался из водоворота толкучки и присел на скамейку у привокзального сквера.

— Ну, что? — спросил он Мишку.

— Вагон с мукой. Еще есть урюк и пшено.

— Насыпом?
— Ага. Так и текет... Можно снизу просверлить — и порядок.
— Охрана какая?
— Один в красной шапочке. Да матрос катер стережет.
— Это хуже.
— А что ему! Он за свой корабль отвечает. Хороший парень.
— На каком пути?
— В самый тупик поставили. Рябой, вы бы вагон с урюком закалечили. Мировой урюк! — Гапон достал из-за пазухи пригоршню.
Рябой попробовал.
— Дешевый он, урюк-то. Его раньше узбеки привозили.
— Зато вкусный.
— От отца есть что? — равнодушно спросил Рябой.
— Нет... пока...
— Немец, говорят, уже совсем близко. Скоро и мы вещички складывать будем. У них солдаты не пешие, а все на танках да на машинах.
— Уж и все? — засомневался Гапон.
— Как один,— подтвердил Рябой.— Кто на машинах, кто на мотоциклах или велосипедах. Техника... А отца зря ты... Раз писем нет, погиб. Сейчас наших много полегло...
Гапон ничего не ответил.
— Так что ты меня держись,— продолжал Рябой,— а то пропадешь, с голодухи загнешься.
— Я пойду,— сказал Гапон, не глядя на Рябого.— Может, сегодня на почте письмо есть... Мало ли чего... Врешь ты все!
— Иди... А со мной больше не встречайся, а то вдруг милиция засекет. Лучше ребятам сразу сообщай, где и как. А мое дело: потом на рынок втихую. Вы меня не знаете, а я вас. Дошло?.. Ну, чего молчишь?.. Неохота небось? Воруем, мол... А кому охота?! Жить-то надо.— И Рябой, видимо в который уже раз, подчеркнул: — Думаешь, составы эти с мукой своим идут? Как же! Их, так на так, немцы перехватывают или бомбой в щепки.— Он насмешливо посмотрел на Гапона.— Вот война кончится, все по-другому будет — на честность.

Глава 7

Бомбежка началась без объявления тревоги. Прокатился въедливый гул — задребезжали стекла, зазвякали в буфете тарелки. Мать была на работе, ее текстильный комбинат стал выпускать парашюты, и теперь она приходила совсем поздно.

Деда тоже не было. Он устроился на минный завод, в стабилизаторный цех.

Валька не любил по вечерам бегать в убежище. Вечерами там стояла холодина, как в погребе. Убежище они сделали сами: вырыли щель, закрыли сверху бревнами и засыпали землей. Нырнешь в узкий лаз — и в землянке. В углу под лежаками Валька соорудил тайник, где хранились граната, шашка динамита, бикфордов шнур, детонаторы и большое количество винтовочных патронов. Еще здесь был спрятан немецкий парабеллум, тщательно завернутый в промасленную бумагу и тряпку. Валька нашел его на станции в разбитом немецком танке, направляемом на переплавку. Остальное пацаны тоже просто брали сами, если плохо лежало.

Вот грохнуло где-то рядом. В окно полыхнуло светом, и белые бумажные кресты на стеклах показались черными.

Вальке не терпелось выбраться наружу и, пристроившись на крыше дома у трубы, смотреть, как шарят по небу нервные лучи прожекторов, как летят в чернильные низкие тучи светящиеся пунктиры трассирующих пуль и где-то за облаками вспыхивают зарницами разрывы. Но в таких случаях Шурик всегда увязывался за ним, ныл и грозил пожаловаться матери, когда его гнали прочь.

Схватив ватное одеяло и растормошив братишку, Валька побежал в убежище.

При свете свечи оно напоминало фронтовой блиндаж. Он их видел в кино. Там так же снаружи погромыхивало, так же сыпался с наката песок. Ему порой даже казалось, что рядом, за сараюшками, и проходит фронт.

Шурик, который на этот раз, видимо, так и не успел толком проснуться, похлопал-похлопал глазами и уснул. Валька укрыл его ноги одеялом и стал смотреть на вздрагивающий огонек свечи.

...Почему-то вспомнилось: недавно они с Лелей сидели на бревнах и слушали, как Юркин сосед Пашка играл на гитаре. Потом пели. Пашка сбегал домой и принес платье сестры. Переодевшись, он стал изображать из себя генеральшу Татьяну Ларину, а Тихонов, встав перед ним на колени, страстно признавался в любви, дурашливо охая и хватаясь за сердце. Все визжали от смеха и катались по траве. Затем пошли на окраину. Там жили бородачи-староверы. Потихоньку подкравшись к темной избе, Мишка выводил на стекле белой краской рожу черта и, страшно завывая, царапался в окно. Когда к окну подходили и отдергивали занавеску, изнутри доносился испуганный крик и шум. Ребята драпали без оглядки. Леля мчалась впереди всех. Валька никак не мог догнать ее. В темноте мелькало ее белесое платье, и не было видно ни го-

ловы, ни рук, ни ног. Казалось, платье само по себе летит по ветру...

— Спишь?

...Валька вздрогнул и поднял голову: сверху на него смотрело бледное Мишкино лицо, очень похожее на те меловые рожи, которые они выводили на окнах старообрядцев. Гапон подобрал полы пальто и спустился в землянку.

— И чего вы тут?.. Смех! Сейчас «мессер» сбили! Он так и так! — Гапон начал прыгать и вертеть задом, показывая, как пытался вывернуться из перекрестных лучей прожекторов «мессер».— А его тра-та-та! И фью-у! Айда?

Валька показал Гапону на спящего брата и пожал плечами. Гапон понимающе кивнул. Подозрительно оглядев темноту, он подвинулся к Вальке и начал шептать в самое ухо:

— Клянись, что никому? Тогда слушай. Я раскусил этого гада. Помнишь, я тебе про Леху-точильщика говорил? Так это он фрицам сигналы дает, куда лететь и где фугасить! Я сам видел! — Мишка перевел дух.

— Где?!

Гапон торжествовал. Он подмигнул и теперь почти влез в Валькино ухо:

— Уборную на задах знаешь? Так вот... Только все началось, я туда — посмотреть. Оттуда «мессеры» хорошо видно. Иду я, а из этой самой «скворечни» луч света полысь! Я ничком в грядки. Смотрю: еще раз! Хотел поближе подползти и тут бац башкой об слегу. Этот «шорох», наверное, его и спугнул. Открылась дверь, и идет оттуда. У меня глаза, знаешь, как у кошки. Я в темноте, если хочешь, читать могу. Смотрю — Леха! Идет с точилой и вроде б, как пьяный, шатается! Чуешь?

— А может, он это так?..— неуверенно сказал Валька. Ему не очень-то верилось, как и в тот раз.— Может, пьяный?

— Я тебе говорю! Что я, слепой? Да и с какой стати ему ночью туда тащиться, да еще с точилой! Видел, где маскируется! Слушай, у тебя граната есть?

— Есть, а что?

— Что! Ликвидировать надо немедленно этот объект, вот что! Может, там рация у него. Кто там копаться будет? А он ти-ти — и фашистам! Ну, давай, давай быстрей! Ну!

Мишкина нахальная убежденность подействовала, Валентин полез под лежак. Порывшись в тайнике, достал гранату, закрыв все остальное от зорких глаз приятеля.

Мишка выхватил у него гранату.

— Ты знаешь как? — в запоздалом испуге крикнул Валька.

— Бре-ке-ке-ке! — презрительно заквакал Гапон и, высоко подняв гранату, бросился прочь, будто на штурм.

Валька выскочил из убежища, Гапона и след простыл.

Затем из темноты донеслось истошное: «По-лу-у-ндра!» — и...

Успокоившиеся было после бомбежки граждане тянулись по домам, когда раздался еще один взрыв — одинокий сортир на задах разлетелся вдребезги. Зазвенели стекла, вновь все попрятались.

Из пожухлой картофельной ботвы высунулась голова Гапона. Отплевываясь землей, он ликующе крикнул:

— Пусть теперь носом немцам передачи выстукивает!

Неподалеку, тоже из ботвы, поднялся очумелый Леха-точильщик.

— Надо же, как повезло,— заикаясь, сказал он, разглядывая дымящуюся воронку.— А если б я там был?! Прямое попадание, не меньше полтонны фугасик.— И, взвалив точило за спину, заковылял домой, светя себе фонариком.

— Эй, выключи! — заорал кто-то из темноты.

— Возможно, я ошибся,— не моргнув глазом, сказал Гапон, глядя на ошеломленного Вальку.— Бывает.

Глава 8

Валька в первый раз поругался с матерью. Он хотел бросить школу, устроиться на работу или поехать за хлебом.

Тихонов со своим дружком Пашкой уже несколько раз ездили по деревням и выменивали на довоенное барахло хлеб. Привозили они сало, а иногда гречку, пшено и топленое деревенское масло. Валька-то видел, что мать приносит с работы бутерброды и притворяется, будто наелась уже ими до отвала и больше не хочет. Шурику чтó, он еще ничего не понимает.

— Поеду, и все,— твердил Валентин.

— Не поедешь! — закричала мать.— Пока я жива, не поедешь и будешь учиться! Спать ложись!

Он молча разделся и лег. Мать тоже больше не говорила ничего. Долго она сидела перед коптилкой, потом разогрела утюг и, завернув его в полотенце, положила к Шуркиным ногам под одеяло.

Так она всегда делала. Осень была холодная, громыхала крышами и дула во все щели.

Валька притворился, что спит. Мать взяла коптилку и пошла за перегородку.

Уже засыпая, он слышал, как мать переговаривалась с дедом:

— Папа, вы не спите?

— Нет, Олюшка.

— Говорят, завод ваш собираются эвакуировать. Ребята со школой поедут. А вы с заводом можете.

— Никуда отсюда не поеду.

— Папа...

— Я сказал! Много я не проживу, мне бояться нечего. От Василия есть что?

Валька слышал, как мать всхлипнула.

— Ольга, перестань,— строго сказал дед.

— Ох, боюсь я за Валентина, папа. Свернется вдруг с пути! Что вокруг творится!

Дед помолчал.

— Может, мне в колхоз счетоводом устроиться? — спросила мать.— Предлагают... Трудодни все-таки, и овощами обещают помочь.

Было слышно, как скрипнула кровать. Видно, дед встал.

— Какой же колхоз? Немец вот он.— Дед помолчал.— Костюм мой продай, какие уж теперь праздники! А доживем — новый купим.

Дед опять лег на кровать и тихо сказал, словно спрашивая кого-то:

— Чем же все это кончится?

Больше они ни о чем не говорили.

Глава 9

Валька и Леля шли по улице. Небо было часто усыпано звездами — целые дороги и тропинки из звезд. Дома́ провожали их темными глазницами окон, и только месяц нахально нарушал светомаскировку, заливая все вокруг желтой унылостью.

По радио передавали последние известия, ветер доносил обрывки фраз: «Наши войска... упорные бои... продолжительных ожесточенных... оставили город...»

— Школу, наверно, скоро эвакуируют,— вдруг сказала Леля.— Фронт все ближе...

Валька поднял воротник телогрейки.

— Я со школой не поеду. А ты? — Она повернула к нему лицо. От ресниц на ее щеках лежали глубокие тени.

— Меня фронт ждет,— ответил он.

— Пока тебе восемнадцать стукнет, война закончится.

— Я не собираюсь ждать,— неуверенно сказал Валька.— Пойду в военкомат и скажу: или берите по-хорошему, или по-плохому сам сбегу.

— Все равно не возьмут...

— Спорим?

— Спорить я не буду. Из двух спорящих один дурак, другой — подлец. Понял?

— Интересно, к кому из них ты себя-то относишь? — съязвил он.

Леля обиделась и ничего не ответила.

— Ну, ладно,— смягчился он.— Поживем — увидим.

Они остановились за углом ее дома. Стояли и молчали.

— Холодно как...— Она зябко передернула плечами.

Валька вдруг несмело обнял ее, укутав полами телогрейки.

— Подожди, тебе ведь теперь совсем холодно,— доверчиво сказала она. Расстегнула пальто и тоже укутала его полами.

Им стало очень тепло. И удивительно было чувствовать, как стучат в тишине сразу два сердца: тук-тук-тук-тук...

— Три длинных, один короткий,— пошутил Валька.— «SOS»!.. Скажи,— робко вымолвил он,— почему ты с Юркой ходила, а?

— Тебя позлить.

— Врешь!

— Отпусти.— Она внезапно отвернулась.— А ты правда уйдешь на фронт?

— Сама же сказала: не возьмут,— тоскливо ответил Валька.

«Сейчас я ее поцелую,— со страхом подумал он.— Поцелую, и все. Ну, ударит по щеке, подумаешь!..»

— Пока,— сказала Леля.

«Сейчас...»

— Что? — быстро спросила она, словно угадав.

— Ничего.

— Я... поняла? — тихо-тихо спросила она.

— Сейчас,— напряженно сказал Валька и шагнул к ней.

— До свидания! — Леля побежала к подъезду. И, как у всех бегущих девчонок, смешно косолапили ее ноги.

— Если возьмут, буду ждать. Хоть всю войну! — крикнула из подъезда она и засмеялась.— Жених...

Женихом его прозвали еще во втором классе. Влюбился он прямо с самого первого взгляда. Леля приехала с родителями из Харькова, и случилось так, что они попали с ней в школе на одну парту. Она была дочерью начальника угрозыска, тогда еще капитана, Молоткова. Он привозил ее в школу на «эмке», а легковых машин в их городке—по пальцам пересчитать.

Однажды восьмилетний Валька услышал, как мать, собираясь пойти на праздничный вечер, где отцу должны были вручить грамоту и подарок, сказала:

— Сними этот жениховский галстук. Надень какой-нибудь попроще.

Отец неохотно снял красный в белую крапинку шелковый

галстук, который только недавно купил специально для торжеств.

И вот Валька, оставшись один, облачился в белую рубашку, повязав на шею тот самый злополучный галстук, с трепетом достал из шкафа пиджак от отцовского костюма и выскочил во двор.

Валька заявился к дому Лели во всем параде. Правда, отцовский пиджак был ему много ниже колен, а рукава пришлось подвернуть, но все равно вид он имел очень солидный. Когда он с полчаса прослонялся у завалинки, вставая на цыпочки и заглядывая в окна, дверь открылась и появилась Лелина мать.

— Заходи, заходи. Чай будешь пить?

И он целый вечер потел в жарко натопленной комнате в отцовском пиджаке. Громко пил чай с блюдечка, показывая этим, что чай ему очень нравится. Капитан Молотков самолично накладывал ему сахар. А Леля по просьбе матери, подкрепленной снисходительным кивком «гостя», читала, встав на стул, стихотворение «Погиб поэт, невольник чести...» Было очень весело, и все почему-то называли его женихом. Да и сам он почувствовал себя в конце концов настоящим женихом. Единственное, что отравляло ему настроение в тот вечер, была мысль, сейчас ли сделать Леле предложение или, может, неприлично с бухты-барахты и надо подождать хотя бы дня три...

За самовольство с отцовским пиджаком ему грозила дома порка. Родители уже вернулись. Валька потихоньку влез в окно, надел еще трое штанов: праздничные, лыжные и из «чертовой кожи», чтобы смело предстать перед отцом. Но пороть его не стали, очевидно, потому, что из клуба родители пришли с друзьями. Они встретили Вальку смехом, и ему опять пришлось пить чай и потеть в своем жарком наряде.

...Валентин возвращался домой по ночной улице, подняв пришитый к телогрейке кроличий воротник. На углу он увидел каких-то парней. Ярко вспыхивали огоньки цигарок, освещая острые подбородки. Он остановился. Парни направились к нему.

— Гуляем? — спросил один из них, и Валька узнал Шляпина.

Остальные угодливо захихикали. И громче всех Славка Чумиций. Его-то Валька быстро разглядел.

Шляпин положил тяжелую руку ему на плечо:

— А-а, Валентин... Может, пройдемся? Еды будет — во!

Валька отрицательно мотнул головой.

— Стесняешься, значит? — просипел кто-то угрожающе.— Мамочка ждет Валечку?

— Я ему сейчас! — угрожающе сказал Славка.

Но тут из-за спины Шляпина вынырнул Гапон.

— Я сейчас, сейчас. Я с ним сам поговорю, мигом.— Он отвел Вальку в сторону и зашептал: — Айда с нами, дело есть. Для тебя же стараюсь! Всего будет вдоволь!

— Не могу, домой надо.

— Ну, что там? — нетерпеливо крикнул Шляпин.

— Не хочет он,— пришлось откликнуться Гапону.

— Не хочет, пусть почаще оглядывается!

Чумиций оглушительно свистнул. И Валька помчался по дороге, будто ожидая, что за ним непременно погонятся.

Дома Шурик сказал:

— Тебя Славка с Гапоном искали. Говорят, закатим пир на весь мир!

«Пир закатим»... Лет пять назад Чумаков пришел к нему и сказал, озираясь:

— Пошли. Будет пир на весь мир!

— Я без Шурика не могу. Куда его?

Он редко брал брата с собой к ребятам, потому что тот картавил: «р» Шурик-то выговаривал, но почему-то произносил его вместо «л». А пацаны и давай учить, нарочно подбирая ему всякие хитрые фразы.

Шурик рад стараться, все с ног от хохота валятся.

В тот раз Валька его с собой все же взял. Взрослые уезжали за город и приказали — от братишки ни на шаг. А охота ли сидеть с ним в душной комнате.

Чумиций собрал ребят в овраге. Пришли Валькины одноклассники, Юрка с Пашкой, и еще Гапон.

— Сегодня праздник,— торжественно сказал Чумиций.

— Какой?

Все вытаращились на него.

— В календаре посмотрите: сто двадцать лет со дня рождения Боклевского!

— А кто это? — опешил Шурик.

— Знаменитый человек. Надо устроить пир на весь мир!

— А как? — с любопытством спросил Пашка.

— Давай по домам и все вкусное — сюда!

— У отца вино есть,— оживился Гапон.— Запас у него.

— Тащи. Живей только. А я ждать буду. Я уже принес. Вот! — Чумиций вытащил из-за пазухи газетный сверток.— Три котлеты и огурец!

Дома Валька заглянул в календарь. Чумаков не соврал: там было напечатано: «120 лет со дня рождения (1816) П. М. Боклевского, русского художника-иллюстратора. Умер в 1897 году».

Шурнк уже сиовал по общей кухие — в квартире было трое соседей — и складывал в кошелку пирожки. Валька открыл духовку. На противие лежало жареиое мясо, на дие духовки лосиились разбухшие толстые сосиски.

— Бери.

Шурик тут же загреб горсть сосисок.

А, ладио. Валька забрал всё. И оии, захлопиув дверь, помчались к оврагу. По пути им встретнлся Пашка. Руки у иего были заняты всякими свертками, а ногами ои катил здоровеииый полосатый арбуз.

Начали пировать в овраге, закончили в уютиой песчаиой каиаве у забора парка.

Съели все подчистую: мясо, пирожки, сосиски, котлеты, яблоки, яйца и огурцы, хотя есть и ие очеиь хотелось. Но деиь был большой, и потому справились.

Насытившаяся компаиия двигалась вдоль забора, голося иа весь парк: «Сашка-сорваиец, голубоглазый удалец...» Любимая песия соседки тети Тони, у нее летом каждую субботу появлялся летчик с голубыми глазами. Когда он приходил, она заводила пластинку «Сашка-сорваиец» по иескольку раз. Даже Шурик и тот успел запомиить песию иаизусть. И почему-то считал, что все летчики обязательио Сашки.

Перед домом весь кураж иеожидаиио улетучился, и Валька с Шуриком долго бродили под окнами, ие решаясь войтн. Их смущала нервозная обстаиовка на кухне. Там что-то кричалн соседи, наскакивая друг иа друга н размахивая руками.

На крыльцо выскочнла мать — видать, заметила! — схватила братьев за руки, притащила в комиату и прикрыла дверь. Когда их волокли, соседи умолкли и выжидающе проводнлн глазами.

Отец сндел на диваие.

— Ну? — сказала мать сыиовьям.

Все смотрели иа иих. Валька оробел и хотел дать деру, ио вошел дед и встал у двери, отрезав всякую попытку к бегству.

— Валя,— ласково начал дед,— ты ничего ие брал иа кухие чужого?

— Нет,— промямлнл Валька.

— Не брал,— поддержал Шурик.

— Валя, говори правду,— сказала мать.

— Чего говорить! — взорвался отец.— Не вндишь, что лн? Был бы он такой тнхий!

— Мие важно, чтобы ои сам признался,— сказала мать.

— Зиачит, ии дыню, ни варенье вишневое, ни баклажанную нкру вы не брали? — коварно спросил дед.

— Откуда оин? — возмутился Шурнк.— Там же только сосиски, пирожки да мясо было!

Дед невольно засмеялся. Остальные тоже.

— Не будут они больше, чего вы... Спать давайте, носит вас! — Дед толкнул Вальку и Шурика за перегородку, чтоб спасти от кары.

— Ладно,— отец встал.— Ремня вы, так и быть, не получите. И без ремня понять можете.

— Хоть сами съели или так — собакам? — поинтересовался дед. Валька поспешно закивал, а Шурик провел ладонью по горлу.

— А вот с соседями как? — отец с беспокойством взглянул на мать.

— Куплю я им все. Схожу завтра, что ж делать...

— Я не про то.

— Кричите, и посильней. Будто порют! — посоветовал дед.

Валька с Шуриком завопили. Особенно младший старался.

— Мамочка! Мамочка! По головке не бей! — вдруг заорал он, не придумав ничего лучшего.

— С ума сошел! — перепугалась мать.

В дверь тут же забарабанили соседи, до этого с удовлетворением внимавшие крикам братьев.

— Не трогайте ребенка! Как не стыдно!

Вскочил рассвирепевший отец и тут же задал обоим сыновьям ремня. А так как братья теперь мужественно молчали, соседи постояли немного под дверью и разошлись.

— Надо же было вчера Боклевскому родиться! — сокрушался утром Шурик.

...С тех пор их пути с Чумаковым развела жизнь.

И даже не с тех пор, а как-то незаметно, постепенно, как уводит друг от друга людей, оставшихся на разных его половинах, большой разводной мост через Оку.

Матери у Славки не было, а когда его отец ушел на фронт, Славка бросил школу, вставил себе «фиксу» — медный блестящий зуб, завел хромовые сапоги — «пархари» и выбрал в лучшие дружки известного на всю улицу хулигана Шляпина.

Глава 10

Районная газета «Светлый путь» размещалась в старинном доме.

Через узкие окна, проделанные в приземистом каменном цоколе, виднелась типография: станки со снующими ременными шкивами, наборные рамки, ящики со шрифтом на дощатых столах и кипы серой, разлохмаченной по краям бумаги. В бревенчатом бельэтаже, обшитом зелеными досками, находилась сама редакция — три отдела в двух комнатах: в той, что побольше,—

промышленно-сельскохозяйственный, агитации и пропаганды, в другой — писем и учащейся молодежи.

Юрий поднялся по дубовой лестнице и толкнул дверь в отдел писем и учащихся, там обычно бывал редактор.

На этот раз его не оказалось. За столом сидела Зина в пуховом платке, по-бабьи перехлестнутом назад.

— Приветик,— удивленно сказал ей «поэт» и развалился в единственном уцелевшем кресле. В углу валялись обломки остальных, ими топили по вечерам буржуйку.

Зина кивнула и принялась важно разбирать жиденькую пачку писем.

— Чего копаешься?

— Я не копаюсь, я работаю!

— И давно? — опешил он.

— Я уже второй день в штате!

— И сколько тебе положнли?

— Чего положилн?

— Ну, зарплаты.

— Я не за деньги, я за так,— смутилась она н озабоченно заметила:— Трудно знаешь как! Все на нас лежит.

— А редактор где?

— На почте. Может, хоть сегодня газеты придут. Материалов нету, хоть плачь.

— Не плачь.— «Поэт» солндно отвернул полу пальто н положил на стол пухлую общую тетрадь.— Вот вам.

— Стихи? — оживилась она.

— Увидишь,— многозначнтельно сказал Тихонов, но, когда Зина взяла тетрадь, не выдержал и похвастался: — Моя поэма «Убьем врага в его берлоге». Можете дать отрывок.

Она, даже не читая, умчалась в наборную. А Юрка долго сидел, листая телефонный справочник Москвы, неизвестно как оказавшийся в редакции.

Когда он собрался уже уходить, вернулась запыхавшаяся Зина.

— Ты только не обижайся,— виновато сказала она, отводя взгляд.— Нашн говорят... не пойдет поэма. Мура, говорят. Извини...

— Пусть,— сдержанно ответил он и поднялся.— Я в «Красную звезду» пошлю. Ну, пока.

— Я тоже домой,— Зина смутилась.— Обед уже...

На улицах собирали листья, набивали в мешки. Хоть и дыму от ннх много, а все же горят.

Про свою тетрадку с поэмой Юрка забыл от огорчення, и Зина бережно несла ее в руке.

— Зима скоро,— сказала она.— Вот тогда бы на лыжах!

— Мои на растопку пошлн.

— В клубе сегодня «Чапаев».

— Сходим?

— У меня дежурство,— сразу потускнела она.

— «Дежурство»...— передразнил ее он.— А чего ж зовешь?

— А я не зову! Я просто так...

У табачного ларька стоял Чумиций со своими дружками. Они дымили цигарками и беззлобно переругивались с продавщицей, которая отказывалась отпустить им махорку без карточек.

— Поэту — с приветом! — Славка сделал дурашливый поклон.

Юрка оттолкнул его и пошел дальше.

Чумаков затянулся так, что глубоко провалились щеки.

— На, подержи.— Он сунул одному из своих окурок и зашагал за «поэтом».

Тот остановился.

— Пошли, пошли,— Зина тянула его за рукав.

— «Вы, жадною толпой стоящие у трона»,— начал издалека Славка и, приблизившись, хмуро бросил Тихонову: — Разговор есть.

— А ну катись! — заверещала Зинка.

— Не смеши...— буркнул Чумаков, нагнулся, делая вид, что хочет зашнуровать ботинок, и вдруг, резко выпрямившись, заехал «поэту» кулаком в подбородок.— Это тебе за все для начала.

За спиной у Юрки стояла низенькая загородка, и он кубарем полетел в кусты. Зина кинулась к Чумицию и стала хлестать его тетрадкой по лицу.

Он испуганно пятился и бормотал:

— Ну, ты!.. Спятила?! — И кинулся прочь.

Тихонов перемахнул через штакетник и помчался за ним.

Зина нашла своего «поэта» у базара. Он стоял возле ворот и тяжело дышал, как загнанная борзая. Нос у него был расквашен. Он задирал голову и глядел в небо, чтобы остановилась кровь. Под мышкой у него торчал оторванный рукав собственного пальто.

— Юра...— робко сказала она.

— Отойди! — рявкнул он.— Защитница тоже!

— Ах, ты так! — разозлилась она.— Так тебе и надо, косматому! Будешь знать, как с Лелей дружить!

— Я с тех пор ее не видел,— прогундосил он.— Только в школе...

Зина повернулась и пошла. Он двинулся за ней — все так же, с задранной головой:

— Ну, подожди... Чего ты?

— Пошли,— смягчилась она,— рукав пришью. Тоже мне — Пушкин!

Гапон никогда не мыл пол. Последний раз мыла мать. И вообще, когда она была жива, их комнатушка в бараке, даже в войну, считалась самой чистенькой. Каждую субботу мать отсылала сына в баню, а сама кипятила здоровенный чугун воды, проволочной корчеткой до бела отдраивала каждую половицу, мыла окна, заменяла вырезанные фестонами нарядные бумажные занавески, сдувала пыль с восковых цветов, протирала икону, покрывала ее свежим выглаженным полотенцем и зажигала лампаду. Глядя на этот мерцающий, чуть фиолетовый по краям огонек, Мишка дремал, засыпая, в блаженной приятности чистого белья, а мать садилась за стол и грустно пила чай.

«Про отца небось думает»,— уже из дремотного далека догадывался Гапон и, плюнув на реальную действительность, крепче зажмуривал глаза и уже бежал по хрустящему песку мимо чешуйчатых сосен, продырявивших верхушками небо, и теплый ветер пузырил его рубашку, и счастье распирало грудь...

Теперь половицы были засалены, занавесок и след простыл, а икону вместе с венскими стульями порубил Гапон на разжигу.

Он ждал гостей, и встретить их надо было как положено. Вчера забежал к нему Серега и спросил, не может ли Гапон пустить квартиранта. Неожиданно обнаружился вроде бы приятель Сережкиного отца по фронту — дядя Коля. Родных у него нет — все в оккупации, а сам он инвалид, и вот ему некуда податься. Сам-то Серега жил по соседству в фабричных домах, у них было две комнаты, но народу — на целых пять: мать, три сестры, дед, жена брата с близнецами и еще кто-то. Тут он вспомнил о приятеле. Да и мать советует: все-таки человек приткнется пока, да и Гапону пофартит. Платить будут.

Нет, пол надо было мыть. Вдруг квартирант откажется, заявит: не квартира — хлев!

Мишка разулся. Вылил на пол ведро воды. Засучил штаны и, усевшись на корточки, начал тереть половицы тряпкой. Но вода почти тут же протекла сквозь щели, и лишь кое-где остались на досках крохотные лужицы.

Как раз в этот момент и заявились гости.

— Знакомьтесь: мой друг Гапон,— представил Серега хозяина пожилому мужчине в драповом полупальто.— А я побег, дела! — И исчез.

Гапон, держа в одной руке тряпку, вытер другую о штанину, но не решившись все же подать ее гостю, раскланялся.

Мужчина засмеялся. Действительно, как-то все это смешно получилось.

Растерявшийся было Мишка успокоился.

— Пол текет, холера! — неизвестно к чему сказал он и приветливо улыбнулся.

Гость скинул вещевой мешок. Поискав место посуше, поставил его у самой двери и, опираясь на клюшку, прошелся по комнате. Осмотревшись, он уселся на сундук и воззрился на хозяина, словно изучая.

Мишка, в свою очередь, бесцеремонно рассматривал будущего квартиранта.

В лице мужчины была усталость, но не та, что проходит,— он словно родился таким усталым.

— Ну, что ж, хозяин, будем знакомы. Меня можешь дядей Колей звать.

Мишка сразу догадался, что дяде Коле его каморка понравилась. Дело в шляпе!

— Будем! У меня дядьку тоже Николаем звали. Только он был короткий и лысый.— Тут он слегка замялся, не зная, как представиться посолидней: по имени или прозвищу? И, решившись, назвался не без достоинства: — Гапон.

— А почему у тебя кличка такая паршивая?

— Чего? — изумился Мишка. Он всегда гордился своим звучным прозвищем. Не то что у других: Карман, Чумицин или даже Шляпин. И вдруг на́ тебе!

— Гапон — это попик был такой продажный. Шкура,— пояснил квартирант и снял пальто.

— Вообще-то я Михаил. А про попа ты заливаешь? — расстроился Мишка.

— Один живешь?

— Один... Мамаия под бомбежку попала, одежоику менять ездила.

— Я тоже вроде сирота. Там мои все...

— А отец у меня на фронте.

— А я вот отвоевался.— Дядя Коля постучал себе по ноге, она отозвалась деревянным звуком.— Ну, да ладно. Площадь, гляжу, у тебя подходящая, разместимся как-нибудь. Сколько с меня брать будешь?

— А я чего? Я как все. Живи.

— Пол не мой, бабье это дело.— Квартирант свернул цигарку.— Я тут договорюсь.

По коридору неожиданно разнесся топот ног, и в комнату влетели Валька с братом.

— Гапон, скорее! Жиры отоваривают!

Мишка бросил тряпку и рванулся к двери. На пороге он остановился и взглянул на квартиранта, словно спрашивая разрешения. Неудобно вот так сразу одного оставлять.

— Валяй, я сам,— кивнул дядя Коля.

К магазину со всех сторон бежали люди.

Глава 12

Это было давно, год назад... К Зине приехал двоюродный брат Леонид, москвич, лет шестнадцати. Каждый июль и август он приезжал к ним в город, видите ли, дышать воздухом.

— Летом в Москве невыносимо,— говорил он.

Ребята ему завидовали. Они завидовали человеку, которому, представьте себе, летом невыносимо жить в Москве! Более самоуверенного и независимого парня в жизни не встречали. Одним словом — москвич! Он был по-столичному худой, длинный и бледный. Его благородный острый профиль сводил с ума всех девчонок, а широченные брюки в мелкую клеточку были предметом постоянной зависти «поэта» Тихонова. Леня уже носил галстук, курил, небрежно сбрасывая пальцем пепел,— в общем, им не чета.

Тогда он ввалился к Вальке в сарай сразу после обеда. Был возбужден, прямо с поезда: «На секунду к своим забежал, чемодан бросил!»

Сразу же в сарай притопал дед, увидел Леню и засуетился. На столе появились огурцы, вобла.

Прибежал Юрка. Леонид раскрыл коробку дорогих папирос «Герцеговина Флор» и угостил деда. Валентин с Юркой не курили: влететь может, да и занятие противное, сокращает жизнь на семь — десять лет, это всем известно.

— Ерунда,— сказал дед после первой же затяжки.— Одеколоном воняет.— Выбросил папиросу и закурил свой любимый «Памир».

— А у нас в Москве...— начал Леня.

Москва! Удивительный, огромный город, где можно запросто купить папиросы «Герцеговина Флор»! Здоровенные дома, большущие кинотеатры, поток машин, метро и Красная площадь!

— А что у тебя с Зиной вышло? — вдруг спросил столичный житель.

— При чем тут Зина? — промямлил Юрка.

— Я ей: «Пойдем вечером все на танцы». А она: «Мне и без вас тошно!» Все цапаетесь? Деревня... К женщине надо подходить с кнутом и пряником. Ясно? Так говорит Заратустра.

Кто такой Заратустра и почему он так глупо говорит, ребята не знали, но на всякий случай согласились. Не хотелось выглядеть такими уж провинциалами.

— Пошли прошвырнемся,— предложил Леонид.

— У нас д-дела,— запинаясь, сказал Юрка.

— Ну, салют! Вечером зайду.

Вечером Леонид за ними, однако, не зашел, и они пошли на «пятачок» сами.

В городе был парк с танцплощадкой, обнесенной высокой металлической оградой, чтоб не лазили без билетов. Туда ходили танцевать только «старые» — те, кому за двадцать и выше. Среди них ребята выглядели бы совсем уж сопливыми школьниками. Да и девчонки-старшеклассницы там редко появлялись. Парни с комбината все время приставали к ним, а чуть им от ворот поворот, сразу начинали: «Девочки, вам пора бай-бай, мамочки заждались». Ну, а взрослые девушки с комбината наседали на билетершу: «Нечего сюда детский сад пускать! Пусть себе в школе вечера устраивают!» Они так рьяно заботились о подрастающем поколении, что всем было ясней ясного: просто боятся конкуренции.

Старшеклассницы были что надо, особенно если приоденутся! Смотришь на них потом в школе: куда что делось? Тихонькие, скромненькие, с косичками. А вчера на танцах подметки до дыр протирали да глазки строили.

В конце концов у ребят появилась своя танцплощадка, так называемый «пятачок». Возле маслозавода, через дорогу, был ничейный фруктовый сад, а в нем бетонированная площадка для игры в городки, в самый раз для танцев. Маслозавод выхлопотал сад для молодежи, провел туда свет, развесил лозунги о культуре поведения и оставил за собой право отключать электричество в любое время. В виде наказания, если что не так. Вот если начнется драка, сразу свет выключают.

У входа в сад обычно стоял ветхий дедуля, который взимал с каждого по двадцать копеек. Но так как музыкой заведовал Павел, Валькин и Юркин друг, а самодельная радиола и пластинки были его собственные, то их пропускали бесплатно. Собственно, почти половина танцующих проходила бесплатно — столько у Пашки было друзей. Ему за труды платили двадцать пять рублей в месяц, но даже если бы его лишили зарплаты, он все равно продолжал бы работать. Нравилось быть в центре внимания.

Помнится, в тот вечер они пришли рано. Пашка еще только пристраивал на суку груши «колокольчик» — огромный школьный громкоговоритель, а Леня, оказывается, уже давно был здесь.

Пашка поставил «Кукарачу», и «колокольчик» заревел на весь город.

И сразу повалил народ, словно все дожидались сигнала. Танцы начались. Пыль поднялась столбом!

Они стояли у радиолы. Леонид высматривал, кого пригласить, а Юрка искал Зину. Она смилостивилась и собиралась прийти. А вот Вальке — жди не дождешься Лелю, она каждое лето на море с мамой. Сидит, наверное, где-нибудь на валуне у прибоя в далекой Гагре... А может, кино смотрит, или гу-

ляет по набережной, или читает на подоконнике — она любит на подоконнике читать. Приедет загорелая и начнет воображать!..

Пашка вовсю дымил московской папиросой, широко улыбался и не успевал здороваться со своими многочисленными приятелями. А Леонида атаковывали совсем незнакомые пацаны. И откуда он их знает?

— Когда приехал? Ну, как там?..

Там — это, значит, в Москве.

— Порядок,— говорил он, и мальчишки, вполне удовлетворенные таким ответом, дружески хлопали его по плечу.

Он всех гостеприимно оделял папиросами. Тот, кто не курил, прятал папиросу в карман, чтобы потом, когда пойдет кого-нибудь провожать с танцев, небрежно закурить и равнодушно сказать восхищенной спутнице: «Московские... «Герцеговина Флор». Мой «Беломор» покрепче».

Юрка увидел Зину, толкнул Валентина плечом и начал причесываться. Она танцевала с Чумаковым, и они посматривали на них. Он торжествующе, а она жалобно и немного испуганно.

Юрка сделал вид, что ему все равно, и начал копаться в пластинках.

На танцующих посыпались груши: какой-то тип раскачивался на ветвях. Раздался визг, шум. Груши со свистом полетели вверх, и пацан на дереве начал кричать:

— Эй, вы, спятили? Сейчас как слезу!

Все шло как обычно. Своим чередом.

Валька спросил у москвича:

— Как ты думаешь, почему вот друг друга любят, а мучают? Странно, да?

Леонид хмыкнул:

— Ничего странного. Понимаешь, любовь — это явление кратковременное. Где хочешь можешь об этом почитать. Так? Люди, само собой, пытаются удержать в себе это чувство. А если все тишь, да гладь, да божья благодать, любовь уходит, понял? Она становится привычной. Вот и сходит на нет. Так? А когда друг друга за нервы дергают, это переживать заставляет. Успокоиться не дает. В этом и есть борьба. Любовь — борьба!.. А вообще это все чепуха,— закончил он.

— Что чепуха?

— Любовь — чепуха! Хоть любовь — борьба, но, как сказал кто-то великий, не помню кто, это такой вид борьбы, в которой обе стороны проигрывают. Так-то! — Леонид покровительственно улыбнулся.— А если смотреть глубже, никакой любви нет. Любовь — это биологический процесс плюс привычка. Природа, брат, все предусмотрела и придумала любовь для того, чтобы сохранить род человеческий на земле. Инстинкт!

— Чего-чего? — ввязался в разговор Пашка.— Если я вот влюблен в кого, значит, биологический процесс?

— Процесс!

— И если я кого полюбил, значит, во мне инстинкт?

— А ты думаешь, нет! — кивнул Леонид.— Ну, подумай сам. Например, ты живешь в городе... Нет, в маленькой деревушке Н.

— Ну, живу.

— И ты полюбил, скажем, некую А.

— Ну, полюбил.

— Жить без нее не можешь!

— Ну, не могу.— Пашка посмотрел на Вальку, призывая его в свидетели.

— Что ж выходит? Ведь, по-твоему, любовь — это Любовь! С большой буквы! Неповторимое чувство, а не увлечение какое!

— Не увлечение,— согласился Пашка.— Я живу в деревушке Н. и люблю некую А., и другие для меня не существуют. Ну и что?

— А то! — торжествующе вскричал Леонид.— А не кажется ли странным, что человек, которого ты так любишь, живет с тобой в той же деревушке Н.? Почему бы ему не жить в Москве или где-нибудь... в Люксембурге?! А если ты, именно ты, жил бы не в этой деревушке, а в другой, за тысячу километров, мог бы ты там в кого-нибудь окончательно и бесповоротно влюбиться?

— Ну, мог...

— Видишь! — возликовал Леонид.— А то получается, как будто тебе кто ее подсовывает, эту А., в пределах деревни Н., какого-то города или целой страны, наконец! В том-то и дело, что любовь — биологический процесс! И тот, кого ты, как тебе кажется, любишь, в большей степени отвечает твоим природным инстинктам. Иначе многие вообще никогда бы не нашли своей настоящей любви по самой простой причине, что их разъединственные избранницы могли бы оказаться где-нибудь в Турции, куда редко кого посылают в командировку!

— Да...— только и мог сказать Пашка. У него голова пошла кругом.

— А вдруг так оно и есть...— тихо сказал Валька.— Вот люди встретились, полюбили вроде друг друга, а по-настоящему-то они просто не нашли тех, кто им назначен. Ну, хотя б потому, что не судьба. Думаешь, легко им встретиться? Она живет, как ты сказал, в той же Турции, а он еще дальше... Или он здесь, на танцах, а она где-нибудь в Гагре кино смотрит, и они даже не знают ничего друг о друге. У каждого семья, дети...

Леонида это удивило. Он не думал, что его рассуждения можно так истолковать.

— А что, может быть,— сказал он. И тут же спохватился:— Пошли лучше потанцуем.

— Иди, иди,— съязвил Пашка, обозленный поражением.— Бывают и исключения. Может, она здесь и ждет тебя, а у тебя инстинкт.— Он захихикал.— Дай закурить, что ли...

Двоюродный брат Зины — Леонид — погиб месяц назад. На мине во вражеском тылу подорвался. Оказывается, он несколько лет в радиокружок ходил при ДКА, вот его и взяли на фронт, в связь. Сначала не брали по годам, но уж очень он просился. Девушка у него в Москве была знакомая, на одной улице жили, каждый день: «Привет» — «Привет»,— и только. А он ей иногда из партизанского отряда письма без обратного адреса писал. Удивлялась, верно: с чего бы это?..

Лицо его почему-то Валентин не мог вспомнить, хоть убей. Мелькает — то и не то. Помнит лишь, что Леонид никогда не смеялся, боялся достоинство уронить. Москвич!

...И танцплощадка в парке больше не работает, и «пятачок» тоже, а радиолу Пашка продал. Вместе с пластинками.

Глава 13

21 ноября фашисты захватили Дедилово, 22 ноября — Сталиногорск 25 ноября — танковая дивизия врага вышла к городу Н., стремясь захватить мост через Оку...

..Каждый день приносил с собой кучу событий. Рассказы матери становились все тревожней: немцы вот-вот обойдут город.

Воздушные тревоги объявляли ежедневно. Зенитчики не успевали отгонять немецкие самолеты от парашютного комбината и минного завода.

Время от времени фашисты выбрасывали диверсантов, чтобы вывести из строя ТЭЦ и линию электропередачи. Поэтому линию надо было охранять особо, но людей не хватало...

Однажды всех старшеклассников собрали в кабинете директора. Разговор начал школьный военрук капитан Дубинин, списанный из армии вчистую.

На фронте он был сапером, в первые же дни войны его контузило взрывной волной и раздробило пулей локоть левой руки, теперь она не гнулась. Густо засели порошины в коже лица и шеи. Глаза у капитана какие-то прищуренные, словно они целились во что-то и застыли, и оттого такие суровые. Дубинин организовал взводы по классам. Без устали гонял

ребят цепью, заставлял часами ползать по-пластунски, объяснял устройство гранат, учил пользоваться противотанковыми бутылками с горючей смесью и стрелять из боевой винтовки, которую под свою ответственность выпросил в военкомате.

— Вот так, товарищи, обстановка, думаю, ясна,— сказал он возбужденным ребятам.— Нужна наша помощь. Девятые классы и десятый «А» завтра пойдут на строительство укреплений. Одного человека от вас надо выделить на охрану высоковольтки. Задание боевое, придется иметь дело с оружием. Не исключена встреча с врагом. Давайте решать: кого?

Какое-то мгновение стояла немного жутковатая тишина — вот оно!.. И вдруг все полезли к Дубинину: «Я! Я! Я! Я!» Валентин даже вспотел: неужели не он?.. Пашка ближе всех к Дубинину! А вон Тихонов трясет гривою: «Меня! Меня!» Пробиться к Дубинину было невозможно. И тогда Валька вскочил на стул и, подняв руку, как на уроке, изо всех сил вытаращился на военрука. Казалось, тот почувствовал это и обернулся к нему. Все с завистью проследили за взглядом Дубинина и затихли.

— А что, ребята, Валентин хорошо изучил винтовку. Метко стреляет. Комсомолец, парень надежный. Как вы считаете?

— Надежный... свой...— без энтузиазма подтвердил класс.

— Не надо завидовать,— неожиданно с горечью сказал Дубинин.— Винтовку из вас каждый получит — рано или поздно.

Подосиновиков на этой лесосеке, где торчат мачты высоковольтки, когда-то было пропасть. Только не каждый об этом знал. Ринутся сразу в лес, а там голо — уже обобрали. Чем дальше в лес, тем меньше грибов. Все ведь пытаются поглубже в чащу забраться. А здесь, на краю, у просеки, кто же искать станет?

Поднимался туман, утонуло за деревьями солнце, металлическим блеском отливала влажная гладь папоротника. С неумолчным шорохом падали листья, сбивая на своем пути еще и еще, и казалось, что из лесных луж навстречу им тоже летят листья; Валька сидел на бетонной опоре высоковольтной мачты, присел всего на минуту, а башмаки уже завалены листвой почти по шнурки.

Он встал, зябко передернул плечами. Триста метров до другой мачты. Триста — обратно... Дальше, по обе стороны, тянулись участки соседей. Дубинин сказал, что слева дежурят курсанты, а справа, ближе к станции,— железнодорожники.

Темнело быстро, как всегда бывает в лесу. Только что можно

было различить стволы и ветки деревьев — и ближних, и в глубине,— а теперь все слилось в две сплошные стены. Потом тьма подступила еще ближе, выйдя из-за деревьев.

Валька оказался будто в каком-то бесконечном темном коридоре. Вот разве потолка не было. Среди окружающего мрака просека угадывалась по более светлому небу, как бы по серой дороге, схваченной по бокам зубчатыми макушками сосен. Иногда лениво проползет по небу далекий луч прожектора, исчезнет — и станет еще темней.

Сначала Валька напряженно прислушивался, часто кружился на месте и водил винтовкой из стороны в сторону, не снимая пальца со спускового крючка. Стоять еще было ничего. Когда спина прижата к железной ферме мачты, чувствуешь себя как-то увереннней. А вот когда повернешься, спина деревенеет, словно голая. Так и кажется, что сзади бесшумно крадутся. Следят за каждым твоим движением и выжидают момент: не спеша, чтобы ударить наверняка, ночь-то долгая.

Интересно, а другим на посту страшно? Или это просто ему с непривычки? Говорят, ко всему можно привыкнуть. А может, такой привычки и не бывает? Разве к такому привыкнешь?.. Трус он, конечно. Когда драка, всегда трусил, хоть и лез. Из самолюбия и чтоб не говорили потом... С оружием, понятно, еще ничего. В случае чего, винтовка выручит. Приказ: «Стрелять в каждого, кто не остановится!»

А вот взглянуть потом на диверсанта, когда убьешь, сможет ли он?.. Или еще хуже — ранишь, а тот всю ночь стонать будет. Неужели тогда придется делать вид, что никого нет, что все по-прежнему, а человек весь в крови и умирает... Вдруг окажется, и не фашист, а забрел кто-нибудь из своих случайно да и не расслышал — мало ли что! Ты ему: «Стой!», а он прет — тогда как?.. Это лишь кажется, что легко выстрелить. Пусть даже и во врага. Так вроде бы просто: нажал на спуск — был человек, и нету... А на самом деле... И его самого тоже могут! Фашисты раздумывать не станут. Они этому обученные. Родную мать зарежут. И задание у них, рассуждать долго не станут. Тут кто кого!

Ствол винтовки был холодный и мокрый от росы. «Стрелять в каждого, кто не остановится после предупреждения,— говорил Дубинин.— Если подойду я... Ты какую песню любишь?.. «Каховку»? Хорошо, спою тебе. Узнаешь».

Внезапно неподалеку явственно зашелестела листва. Снова и снова. Словно шел кто-то. И даже не пытался этого скрыть. Шел прямо на него. Неумолимо и нахально.

Валька лихорадочно завертел головой. Будто был он не один здесь на посту и можно было крикнуть, позвать кого-то... Но никого не было. Он был один. Надеяться надо только на себя. Он невольно попятился, вскинув винтовку.

Волков, говорят, сейчас развелось тьма. И сразу на мгновение отлегло. «Эх, если бы и вправду волк!.. А если нет? Лучше я не буду спрашивать: «Кто идет?» Как увижу, что тот будет делать, сразу шарах — и конец!»

Валька быстро оглянулся. Так н мерещилось, что сзади кто-то большой и черный замахнулся и вот-вот вгонит нож между лопатками. Даже плечи свело. Черта с два тут увидишь... Крикнуть?

Шорохи внезапно стихли. Потрескивая, гуделн где-то там высоко над головой провода, и чуть слышно шуршала от ветра высокая трава.

— «Каховка, Каховка, родная винтовка...»

— Это вы? — обрадованно выдохнул Валька.

— Я,— отозвался Дубинин. Появилась расплывчатая фигура. Дубинин присел на полуразобранную поленницу у мачты.

— Страшновато у тебя здесь...

— Подумаешь!

— Не ври...

— Вообще-то боязно,— сконфуженно признался Валька.

— Бывает. Куришь?

— Нет.

— Молодец. А я закурю. Мальчишка, понимаешь, из пятого «Б» на фронт сбежал. Уехал. Черт его! — Дубинин закурил.— Видали его у состава с танками... Ну, я пойду. Скоро светать будет. Еще не долго осталось.

Он шагнул в сторону и исчез.

Вальке сразу стало как-то веселей и спокойней, и, может, поэтому он не заметил, как начало светать. От леса пахнуло пронизывающей сыростью. Чтобы согреться, Валька начал выполнять упражнения с винтовкой — благо никто не видит. Он неистово колол штыком н крушил прнкладом воображаемого врага.

Внезапно за его спнной кто-то тихонько засмеялся.

— Стой! Кто идет? — Валька отпрыгнул в кустарник и поспешно клацнул затвором.

У мачты преспокойно стоял Гапон. В своем сером длинном пальто, окутанный сизым туманом, он был похож на привнденне.

— Ты... чего? — озадаченно спросил Валька.

Гапон не спеша уселся на поленницу, вытащил из-за пазухи банку тушенки и открыл ее самодельным ножом.

— Проведать надумал, скукота... Ешь, флотская!

Валька сглотнул слюну и нерешительно протянул руку.

— А ты?

— Хэ! — Гапон постучал себя по жнвоту.— Я еще с кило хлеба слопал! Дай вннтовку подержать.

— Нельзя. Заряженная.

— Не видал я заряженных! Дай, а? Ну?

— Только смотри...— предупредил Валька.— На секунду.

Гапон взял винтовку. Повертел ее, погладил ложе и приложил приклад к плечу.

Раздался выстрел. Гапон и Валька вздрогнули. Это был не очень далекий, одиночный выстрел. Но растерявшийся Мишка как-то сразу не понял, он даже от неожиданности в ствол заглянул.

— Слыхал? — опомнившись, спросил он.

Валька вырвал винтовку.

...В это утро на своем посту был тяжело ранен на просеке часовой-курсант. Но мачту не взорвали — вероятно, побоялись, а возможно, и не диверсанты орудовали, а дезертиры,— так и не узнали. Да и попробуй узнай. Лес...

Глава 14

Жилец сразу пришелся Гапону по душе, еще с того дня первого знакомства. Теперь они вместе каждый вечер ужинали, пили кипяток с сахарином и долго разговаривали про житье-бытье и дела на фронте. Дядя Коля раздобыл где-то чугунную лапу и подрабатывал по сапожному делу. Ходил по дворам и чинил обувь. Выходило грубо, но зато крепко. «Зубами не оторвешь,— любил он повторять.— До победы хватит!»

Мишка собирал ему по свалкам всякую рухлядь: в клочья изодранные ботинки, куски резины и дырявые протекторы — из них можно набойки вырезáть.

В этот день дядя Коля был злой, как никогда. Он сидел на сундуке, положив поврежденную ногу на табуретку, словно пират Джон Сильвер на рисунке из единственной Гапоновой книжки «Остров сокровищ», случайно избежавшей печки, и угрюмо глядел в пол.

— Ты где был?

— Я? — замешкался Мишка.— Гулял...

— Я про вчера.— Квартирант поднял голову.— Ты вчера где был?

— Ну, был там...— неопределенно ответил Гапон.

Вчера он размечал новый вагон с мукой. Попробуй ему скажи про вагоны. Еще неизвестно, как жилец к этому отнесется. Да и от своих потом, если пронюхают, достанется. А он знал, как они с такими поступают.

— Не выдаешь, значит, дружков? — Дядя Коля хитровато прищурился.— Молодец.

— Каких дружков?

— Может, я обознался... Только смотри, научат — и попадешься!

Мишка демонстративно глядел в сторону.

— Кому я говорю! Тебе что, есть нечего? Я же даю!

— Грозится, грозится, а чего...— буркнул Гапон. От страха у него в животе захолонуло, как на качелях.

— Я тебе свое сказал. Навидался я таких бойких. Ловкач какой... Чай ставь, чего расселся!

Мишка с готовностью схватил чайник.

— А все это про вчерашнее... ты откуда взял?

— Доложить тебе, да? Совесть надо, Михаил, иметь.

— Я имею.

— На твою совесть телескоп нужен, чтоб увидеть. Я до твоих дружков еще доберусь. Всыпать бы тебе горячих, так ведь обидишься!

— Ну, обижусь.

— А то еще и с квартиры прогонишь, да?.. Дурак ты. Я же тебя жалею. Поймают ведь. И меня еще затаскают. Время военное.

Они попили чаю и легли спать.

«И чего он ко мне привязался? — думал Гапон.— ...А влипнуть, конечно, можно, чего-чего!.. Только я не влипну, я ловкий!.. Но все равно он хороший, дядя Коля-то, он ко мне по-хорошему...»

Глава 15

Гапон сидел на берегу у костра и сонно смотрел на бегущую воду. Река была покрыта свинцовой рябью и громко хлюпала в подмоях.

Вокруг бродили тощие козы с колокольчиками на шее и зло косились на засохшие плешины трав, скудно разбросанные по обрывистому берегу. Далеко выпятив губы, козы жадно ощипывали кусты, усыпанные яркими несъедобными ягодами, яростно блеяли, натыкаясь на колючки, и вообще были, наверное, противны сами себе. Каждый день одно и то же место, будь оно проклято!

Рыжая коза Зойка, вытянув шею, подслеповато щурилась, уставившись на тронутую желтизной зелень косогора, над которой торчали покосившиеся кладбищенские кресты, но, как и другие козы, идти туда не решалась, потому что была уже учена-переучена длинным Гапоновым кнутом.

Подмытый кусок берега изредка обрушивался в воду со звуком пушечного выстрела, и козы задирали головы, испуганно звеня колокольчиками. Верно, вспоминали о вчерашней бомбежке. А подрядился Гапон пасти коз у одного старика с окраины. Хозяин давал за работу полную бутылку молока.

Жилец дядя Коля похвалил Мишку: «При деле, да и молоко полезно, туберкулезом не заболеешь, в молоке вещества нужные».

Огонь неохотно жевал сырые ветки. Гапон выбирал речные ракушки покрупней и бросал в котелок.

В такие одинокие тихие минуты Гапон любил мечтать о сытой и веселой довоенной жизни.

Сюда, на берег, любили приходить Мишка с отцом по воскресеньям. Обрыв всегда был усыпан рыболовами. Над головами свистели лески донок, и грузила, увлекая снасть с крючками, гулко булькали где-то на середине реки. Ни у кого не клевало, и рыболовы, намотав леску на палец, лежали, подставив спину палящим лучам. Но отец сказал, что рыба будет, и под насмешливыми взглядами полез в воду, нырнул в подмой. Все рыболовы судорожно вытянули шеи. Отец появился ни с чем, и все захохотали, а Гапон стоял красный как рак и сжимал кулаки. Отец снова нырнул, а когда вынырнул, в руках ошалело бил хвостом здоровенный язь. Рыболовы онемели от изумления, а рыжий дядька с русалкой, выколотой на груди, завистливо сказал: «Дуракам счастье» — и резво подбежал смотреть добычу. Гапон очень обиделся на рыжего и незаметно для всех отхватил ему острой половинкой ракушки леску донки у самого колышка. «Гляжу — стоят! — доносился из толпы сбежавшихся зевак голос отца.— А я одного цап за жабры!»

«Эх, была не была,— отчаянно сказал рыжий.— Полу-у-нд-ра!» И ринулся в воду.

Минуты через две его привели в чувство. Откачивал его Гапонов отец. Рыжий открыл глаза и с жутью в голосе сказал: «Шутки шутите, да?» А потом выпил малость и долго ходил по берегу, напрасно разыскивая свою донку и оправдываясь: «Коряга, понимаешь... Вот с такими рогами!.. Как жив остался, не понимаю».

«А мне можно?» — затаив дыхание, спросил Гапон...

«Только по-умному»,— сказал отец.

Под водой все было словно окутано белесым туманом. Лихорадочно разводя руками, Гапон вплыл в подмой и на мгновение обернулся. Отец вплывал за ним. Глаза у него были выпучены, а волосы торчали дыбом и колыхались. Он подмигнул Гапону и растянул плотно сжатые губы, что означало улыбку.

В глубине подмоя смутно угадывались рыбы, они висели в воде серыми колеблющимися тенями. Гапон рванулся к ним, схватил что-то упругое и брусковатое, но рыба вдруг бешено забилась и выскользнула, оставив на ладони липкие чешуйки...

Они долго пробыли на реке в тот день.

Шестнадцатый магазин разбил вдоль берега палатки, там было сумрачно и прохладно, яростно шипело ситро в зеленых бутылках, и высокие щербатые бокалы покачивались из стороны в сторону, когда в них падала густая пузырчатая струя.

Все косились на их рыбину и вежливо спрашивали, где поймали и на что. А мальчишки бегали следом и разносили их рыбацкую славу по всему пляжу.

...Гапон очнулся и тоскливо взглянул на коз.

— По-пластунски! — внезапно услышал он резкую команду.

...Валька полз с деревянной винтовкой в руках (каждый выстругал себе сам), и только у военрука Дубинина была настоящая. Он полз впереди Вальки, потешно вскидывая задом.

Рядом пыхтел Тихонов. Противогаз мешал ему, и Юрка то и дело перекидывал его за спину.

А где-то, далеко отстав и шурша травой, полз весь класс.

— В атаку! — насмешливо прокричал от реки Гапон.

«Кричи, кричи, сегодня у нас урок военного дела, сегодня в руках деревянные винтовки, а завтра-послезавтра... Бей фашистскую сволочь!» — думает Валька.

В кильватере сопели девчонки с санитарными сумками на боку. Вчера Дубинин сказал: «А все девочки должны надеть лыжные брюки». И девочки почему-то покраснели. «Где там Леля? Сейчас я возьму на прицел вот этот крест. Вот этот. С перекладинами. Здесь немецкий окоп, сейчас оттуда высунется каска, а под каской — прищуренные глаза... И тогда — не дергать за крючок, покрепче упереть приклад в плечо... Под обрез, спокойно... Огонь!»

— Приготовить гранаты,— сказал Дубинин.

— Гранаты, гранаты! — прошелестело от одного к другому.

За линию кладбищенских крестов полетели комья глины.

И вдруг из-за крестов — ребята вздрогнули — навстречу их классу выбежали курсанты с винтовками наперевес. Полы шинелей стегали по запыленным сапогам, и саперные лопатки в защитных чехлах бешено раскачивались на широких ремнях. Курсанты промчались мимо, не обращая ни малейшего внимания на ошеломленных мальчишек, но, поравнявшись с девчонками, на секунду замедлили шаг и оборачивались на них, пока не исчезли за кустарником.

— Учения,— сказал Дубинин, провел ладонью по потному лбу, оставив на нем широкую грязную полосу, и закричал: — В атаку! В атаку!

Кресты вырастали навстречу, словно поднимались во весь рост, и ветки деревьев плясали в небе.

— Ура-а! — раздался многоголосый крик.

Козы испуганно рассыпались по берегу. Ошалев от немыс-

лимо громкого дружного крика, подслеповатая рыжая Зойка шарахнулась в сторону и рухнула с обрыва в воду.

Гапон мчался вдоль обрыва, на ходу сбрасывая одежду, а в водоворотах рекн мелькала бородатая Зойкина голова. Козы толпились на обрыве и жалобно кричалн, смотря ей вслед.

Гапон истошно кричал, размахивая руками:

— Места им для занятьев нету! Развопились! Тоже мне вояки!

Он с разбегу бухнулся в воду, схватил козу за рога и с трудом выволок на отмель.

Козы толпились вокруг и внимательно следили, как дрожащий Мишка делает Зойке нскусственное дыхание.

— Ну-ка,— послышался чей-то голос.

Гапон поднял голову. К нему, хрустя сапогами, подошел Дубнннн. За ним тянулся весь класс. Мальчишки хохоталн, а девчонки озабоченно расстегивали санитарные сумки.

Коза жалобно моргала глазами и не шевелилась.

Капитан заложил в магазин винтовки патрон н пальнул в небо над самым ее ухом. Зойка ошалело подпрыгнула, отскочила в сторону н, нервно вздрагивая, принялась ощипывать куст.

— Нервный шок,— сказал военрук.

Гапон поспешно схватил дымящуюся гильзу:

— Чего там...— И, подумав, добавил: — Если у нее молоко пропадет, отвечать вы будете.— Он побрел к костру, подбирая одежду.

— Урок окончен,— объявил Дубинин.

Все быстро разошлись, а Валька и Леля подсели к костру.

— Готово? — спросил Валька, подбросив щепок.

— Готово,— буркнул Гапон, прихватнв полами пиджака раскаленный котелок, и выплеснул все в реку.— Из-за вас переварилось, черти!

Леля сидела на телогрейке, поджав под себя ноги, и не мигая смотрела на огонь.

Стояла тишина. Пусто кругом, даже коз не было видно, и лишь по дрожащим веткам бузины можно было догадаться, что козы наконец дорвались до кладбища.

— Брошу я их,— вздохнул Мишка.— Надоело за бутылку молока ишачить. Хозяева думают, я их здесь подаиваю.

Он обернулся н скорчил страшную рожу в сторону бревенчатого дома, торчащего на околице. В чердачном окне горел ослепительный солнечный зайчик.

— Целый день дед Ефим за мной в театральный бинокль следит!

— А может, к нам жнть пойдешь? — вдруг смущенно сказала Леля.— У нас места хватнт.

— Чего я у вас не видел! У меня своя хата есть. Видалн

мы таких... заботливых. Тут одна вчера приходила и в детский дом звала. Так я и пошел! Как же, разбежался! Отец с фронта придет, может, раненый, а где я?

— Зря ты,— сказал Валька.— Она тебе по-хорошему...

Гапон засопел и ничего не ответил.

— Я тебя понимаю, Миша.— Леля прижала руки к груди.— Но ведь тебе одному тяжело, правда?

— Не пропадем, будет день — будет пища.— Гапон встал и, оглушительно щелкнув кнутом, направился к своим козам.— Котелок не трогайте, ручки запачкаете.

— Говорят, ворует он, да? — тихо сказала Леля.

Валька пожал плечами.

— А чего там,— беззаботно протянул Гапон (он услышал).— Вот скажи, ты банк стала бы грабить?

— Нет...

— Ну и дура. Если так придумать, чтобы не трогать никого, а влезть в трубу ночью, забрать мешок сотенных и ку-ку! Вот если я у кого хлебные карточки стащу, плакать будет. А деньги-то — ха! — в банке, их снова напечатают там, в казне. И все!

— Так что ж, ты, выходит, банки грабишь? — засмеялась она.

— Сказала... Я б тогда в шляпе ходил и в пальто коверкотовом. Это я так. Да и с деньгами сейчас туго, на войну не напасутся.

Глава 16

27 ноября части Гудериана перерезали железную дорогу Тула — Узловая — река Дон.

Павел вдруг начал учиться игре на скрипке. Или потому, что, продав свою радиолу с пластинками и гитару, скучал по музыке, или потому, что скрипка досталась ему случайно — курсант один перед отправкой на фронт подарил,— а старый учитель музыкальной школы Руфим Андреевич пообещал обучать бесплатно. Наверное, и потому, и поэтому. Кто знает...

Правда, вначале Пашка пытался скрипку загнать. Она была новенькая, вся в лаке, венгерская. Но никто не взял. «Если б гармонь, можно»,— говорили на базаре, подержав скрипку в руках и погладив по лакированному боку.

Каждый раз он засовывал скрипку в рюкзак — футляра не было — и отправлялся к Руфиму Андреевичу. Там он получал в руки настоящий смычок — смычка у Пашки тоже

не было, курсант потерял. Свой смычок Руфим Андреевич брать ученику с собою не разрешал. Дорожил: особый н к тому же еднственный.

— Играй здесь.

Несколько раз с Пашкой увязывался Гапон. Он сидел смнрно в углу у печкн, покурнвал в рукав, терпелнво дожндаясь, пока Пашка кончнт пилнкать н занграет Руфим Андреевич. Тогда Мишка гаснл цнгарку, выказывая этнм свое уважение к тягучнм поющим звукам, н, оперев подбородок на руки, закрывал глаза. О чем он думал в эти мннуты, Гапон и сам не знал. Он мог так слушать долго, погружаясь в какой-то заколдованный мнр, в котором все было хрупко, как ветки, одетые в лед. Онн звенят, сталкиваясь друг с другом, н ветер разноснт этот затнхающнй звон по лесу. Припекает солнце, растопырив пальцы-лучи, звуки тают сосульками, роняя каплн-смешинки. Булькают ручьн, прорезая глубокими морщинамн седой снег; выпрямляются ветки деревьев, сбросив ледяную кожуру; змеистые потоки несут прошлогоднне шишки и скрученные листья; на весь город базарят воробьн, сотнями усыпав голые, по-весеннему черные деревья... Однажды он заснул, слушая скрнпку. А потом, когда, к своему конфузу, проснулся на хозяйском днване, божился, что не сомкнул глаз н что Руфнм Андреевич нграл целую ночь.

Получалось у Пашки плохо. Учнтель злнлся и говорил, что такими рукамн надо лед на мостовой колоть, а не за скрипку браться.

Ученик смертельно обижался, он счнтал себя очень музыкальным. Уходнл якобы насовсем, не слушая поспешных уговоров, а затем опять заявлялся. И прннимался мучить своего учнтеля, который снова начннал ругать бездарного ученнка. Тут уж он ничего не мог с собой поделать, когда дело касалось нскусства.

— Искусство, Павел,— он невежливо вырывал скрипку н показывал, как надо,— халтуры не терпит.

— Ну да, вон сосед мой, безногий, нот не знает: на гармонн играет — заслушаешься! Таких музыкантов понскать — не найдешь!

— Халтурщнк он, а не музыкант! — свнрепел Руфнм Андреевич.— Мехи на гармошке любой рвать может, а скрнпка...— он склонял голову набок н водил смычком по струнам,— душн требует. Был такой скрнпач — Паганинн, скрипка в его руках говорнла, как живой человек. Однажды ему перерезалн все струны, кроме одной. Но он сыграл — словно целый оркестр! Говорилн, что в него вселнлся дьявол, обуял сатана,— так нграл!

— А кто ему струны оборвал?

— Врагн.

— Какие враги? — живо заинтересовался Пашка.

— Завистники. У любого таланта есть завистники.

— А у вас есть?

Руфим Андреевич положил скрипку и ответил не сразу:

— У меня нету... К сожалению.

— А я вам завидую,— признался Пашка.

Учитель засмеялся:

— Зависть и завистничество суть разные вещи.— Он подбросил дрова в чугунку и продолжал: — Я не Паганини. Когда-то в молодости самонадеянно думал, что я еще лучше, а теперь давно вижу — не то. Не дано мне... Кое-что, правда, умею, скромничать не буду, но до настоящего далеко.— И грустно пошутил: — Дальше, чем до Берлина.

— Ну, тогда мне и подавно,— опечалился Пашка.— Мне никогда, как ваш Паганини.

— Способности есть у тебя, есть. Тебе еще шестнадцать, не все потеряно, хотя и поздновато малость,— неуверенно возразил Руфим Андреевич.— Паганини занимался днем и ночью, не спал, не ел. Он только потом понял, какую божественную силу дала ему судьба. А в детстве его били и выгоняли на улицу, если он не играл положенное время. Своей игрой он содержал чуть ли не с малолетства всю семью. А те стремились к наживе: подавай больше, больше! Вся его жизнь — сражение!

— Тяжело ему было...

— Тяжело. Но не будь этого, может быть, и не было бы Паганини.

— Все говорят: нажива, нажива... Вот вы сами сказали: не будь этого...

— Когда Христофор Колумб открыл Америку, им двигало не простое любопытство мореплавателя. Он искал торговые пути в Индию. Скажешь, не ради наживы? Пусть и не столько своей... А ведь он, безусловно, был великий человек. Тут, знаешь, черт ногу сломит. У каждого по-разному. Свое у каждого. Только одно скажу: думай обо всем, на веру не принимай, пытайся сам разобраться — тогда это не просто где-то услышанное или прочитанное. Твое! В мире ничего бесспорного нет. Только в споре...

— ...рождается истина.

— Раз знаешь, начинай сначала.— Учитель протянул скрипку.— Война идет. Людям хорошая музыка нужна, много музыки, если мало другого. Возьми смычок и дома поиграй.

В тот вечер Пашка играл лучше обычного. Или ему только казалось. Если так кажется — уже хорошо, а завтра будет еще лучше.

...Когда он назавтра пришел к Руфиму Андреевичу, на месте дома полыхали окольцованные огнем балки да парила дымом

развороченная земля. Бомба угодила сюда часа полтора назад, в то время, когда Пашка был в школе и слышал далекий взрыв, от которого тоненько звякнули стекла. Это был случайный самолет, и о налете не объявляли.

Впервые вечером Пашка остался дома и играл допоздна, пока мать не сказала, что разобьет эту «забаву» о его «дурацкую голову». Она не могла заснуть, а на работу ей надо было в утреннюю смену.

Глава 17

Фильмы в единственном работающем кинотеатре «Пролетарий» крутили не часто, не каждый день.

Показывали «Александра Невского». Юрка с Зиной чудом билеты достали. Все ломились на фильм, хотя смотрели его еще до войны, в тридцать восьмом году. Но сейчас картина воспринималась по-особому.

На экране псы-рыцари, занявшие Псков, бросали в костер младенцев. Напряженно гудел зал.

— Бей немецких оккупантов! — не выдержал какой-то мальчишка.

Топот ног, свист, крики. Затем зал опять приутих.

В зале всхлипывали и сморкались.

Александр Невский собирал силы, стягивались войска, ковалось оружие ополченцам.

— Красивая,— сказал Юрка про девушку-воина. У нее была такая длинная, сказочная русая коса, а из-под шлема строго глядели большие глаза. Она крепко сжимала тяжелый, вспыхивающий на солнце меч.

— Толку от них, от женщин, на войне! — заметил оказавшийся возле них Гапон.— Только под ногами путаются.

— Юр...— вдруг тихо сказала Зина.— А я тебе нравлюсь?..

— Ты серьезно? — смутился он.

— Я серьезно. Можешь сказать?

— Могу...

— Ну, скажи.

— Нет...— буркнул Юрка.

— Чего «нет»?

— Не нравишься.

— Правда? — Голос ее упал.

Юрка заерзал:

— Замолчишь ты, наконец?

Сбоку зашикали.

— Значит, правда...

Зина посидела немного, а потом встала, отворила дверь

запасного выхода и пошла вниз по лестнице. При тусклом свете лампочки было видно, как постепенно она скрывается — сначала по пояс, затем по плечи, вот уже только видна голова... И исчезла.

Юрка метнулся за ней.

Она стояла, обняв перила.

— Ну, пошли... Хватит,— суетился он.

— Я это давно поняла.— Она повернула к нему печальное лицо.

— Ну, чего ты поняла? Я и сам не знаю!.. Не знаю я,— повторил он тише.— Все ноешь да ноешь, ничего от тебя больше не услышишь. Одни глупости, если хочешь знать!

— Я вас попрошу покинуть вверенный мне кинотеатр.— Вверху появилась билетерша. Молча проконвоировала их до самого выхода на улицу и закрыла за ними дверь.

— Добилась?! — Юрка пошел прочь.

— Поссорились, что ли? — как-то спросил Валентин у хмурого, молчаливого Тихонова.

— Да нет,— неопределенно ответил он.— Помнишь разговор на танцплощадке? Ну, еще когда Леня из Москвы приезжал. Наверно, он тогда прав был, а может, ты или Пашка. Только и так и этак не сходится. Вот и спрашивается: зачем? Тянулось бы и тянулось... Я думаю, лучше, что так получилось. Понял?

— Ничего я не понял. Чепуху какую-то городишь.

— Может быть... Только мне тяжело как-то с ней. Смотрит на меня круглыми глазами и молчит... Или все ноет и ноет... Это сейчас-то, когда ей только пятнадцать с половиной, а представляешь, какая она лет через пять будет! Нет, я не для нее на свет божий родился, я это вдруг неожиданно понял.

А через день Валька увидел их вдвоем, они шли по улице, взявшись за руки, и бессмысленно, как ему казалось, улыбались.

Глава 18

— Выдь на минутку,— позвал Чумаков, видно не решаясь говорить при Валентине.

— А зачем? — Гапон даже не поднялся. Он сидел с Валькой у себя дома возле печурки и жарил семечки. На базаре собрал, под рядами, вместе с землей, а потом провеял. Почти полшапки получилось.

— Нужио.— Славка требовательио мотиул головой.

— Мне дядя Коля запретил,— невозмутимо сказал Гапон.

— Какой дядя?.. Чего запретил?

— А того. Жилец мой. Хватит, говорит.

Чумиций с беспокойством взгляиул иа Вальку:

— Болтаешь?

— Он все равио иичего ие поиял. Ну, о чем я сказал? — Гапои впялился в Вальку.

— А кто тебя зиает...— пожал тот плечами.

— Новых дружков завел! — процедил Чумаков.— Раиьше-то прыткий был. Не боялся.

— Я и сейчас ие боюсь. Сказаио: дядя Коля запретил. Чуть что, возьмет и уедет. А мне за ним и так неплохо. Сыт. И коичим.

— Дядю нашел... Взгляиуть хотя бы. Ты от него подальше бы. Может, ои мильтон переодетый!

— Что с дураком говорить...— Мишка засмеялся.

— Ну ладио, молись на иего.— Славка пододвииул иогой табуретку и сел.— Зиачит, не хочешь, да?

— Не твое дело.

— Нет, мое. Клялся?.. А ты иди отсюда,—обернулся Чумиций к Вальке.—Расселся! Аитеииы выставил! — и угрожающе поднял с пола кочережку.

Но тут Гапои рваиул табуретку к себе, и Славка полетел вверх тормашками. Не успел ои опомииться, как Мишка уселся ему верхом на шею, а Валька оседлал спиину.

Чумаков ругался и елозил головой по полу. Затем внезапно замер, напряжеиио уставившись в сторону двери.

— Играем? — бодро спросил, входя, дядя Коля.

Оии вскочили.

— Слушай меия, Чумаков, внимательио...— спокойио сказал квартирант.

Даже Мишка изумленно воззрился на своего жильца, услышав, что тот знает его приятеля по фамилии.

Славка замер.

— Дорогу сюда забудь. А Михаила хоть пальцем троиешь — ноги повыдергиваю! — Дядя Коля легко сгреб вскрикиувшего Чумиция в охапку, вышвыриул в коридор и закрыл дверь.

— Давайте пить чай, орлы!

— Щас,— засновал по комнате Мишка, благоговейио и иесколько испугаино поглядывая иа жильца.— У, черт! Семечки сгорели!

— А откуда вы его зиаете? — иерешительио спросил Валька.

— Зиаю,— неохотно ответил инвалид. Тяжело опустился на кровать и вытянул поврежденную ногу.— Походи с мое по

городу, не таких навидаешься. Сгрести бы их всех в кучу да на свалку, чище бы стало.

— Мы с ним давно на ножах.— Валька сполоснул в ведре кружки.— Он всегда такой был. Перед ребятами бахвалится, а сам трус.

— Вы его не слушайте,— возразил Гапон.— Чумаков еще ничего. Только с приветом. А вот наддавать ему как следует стоит! У него тут шариков не хватает, а так свойский.

— Гони ты таких свойских,— заворочался дядя Коля, устраиваясь поудобнее.— Вон Валентина побольше слушай, из тебя толк будет. Учебу забросил, шатаешься с кем попало!

— А чего учиться-то? — весело откликнулся Мишка.— Война кончится — наверстаю. Мне бы тогда в пекарню определиться, или, когда вырасту, женюсь на молочнице — и живи!

Домой Валька возвращался поздно, петляя проулками. Опасался компании Чумакова. Но никто ему не встретился.

Часть II. ПО ЗАКОНУ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

«Теперь даже в Ставке Гитлера вдруг поняли, что война в России по сути дела только начинается...»

(Начальник штаба 4-й немецкой армии Люментрит)

Глава 19

От истощения и простуды умер Валькин дед. Последними его словами были: «Дожить бы до победы...» Он сказал это со страшной досадой.

За буханку хлеба, взятую опять же вперед по карточкам, его схоронили по правилам.

Раньше, задолго до войны, любили ребята закапывать в овраге железо, мечтая о том, чтобы лет этак через тридцать снова откопать его и посмотреть, что с ним станет. Но эта важная работа, как правило, срывалась, так как уже через два-три дня нетерпеливые исследователи доставали погребенные вещи. Металл обычно успевал покрыться слоем рыжей ржавчины, что приводило всех в неописуемый восторг. Но после того как ребята зарыли Пашкин утюг, висячий замок от сарая Гапоновой соседки, ключ от Славкиной квартиры и некоторые другие «мелочи», изыскания пришлось немедленно остановить. Только дед спас тогда Вальку от намеченной порки. Он увел его к себе в комнату, а потом доказывал матери и отцу, что у внука сказывается наследственная тяга к профессии механика-металлиста. Смысла этих слов Валька тогда толком не понимал. Зато долго мог слушать рассказы деда о морских плаваниях. Дед в молодости был помощником механика на корабле и втайне надеялся, что внук пойдет по его стопам. Иногда дед открывал свой сундучок и показывал снимок, на котором он стоял во весь рост в морской форме. Внизу было что-то написано по-итальянски — как переводил дед: «Генуя, в Италии».

В наследство от деда внуку осталась эта фотография и старая карта Южной Америки.

После смерти старика в доме стало как-то очень тихо. Тихо ходили, тихо разговаривали. Казалось, что последние слезы уже выплакали, и глаза у всех сухие и глубокие, как пересохший колодец. Теперь мать старалась прийти домой пораньше. Иногда она рассказывала что-нибудь из довоенного или снимала со шкафа гитару и Валька с Шуриком тихонько подпевали:

...И направил туда Гордиенко
Своего вороного коня...

Так меньше думалось о еде и скорей наступала ночь.

Заболел ангиной Шурик... Его бы подкормить. А продавать было уже почти нечего, разве что с себя снять. Но как-то раз Валька обратил внимание на лосиные рога, висевшие у них вместо вешалки в передней. А может, их кто купит?.. Надежды, конечно, никакой, но все же... Люди чем только не торгуют. И хоть он понимал, что эти дурацкие рога никому не нужны, все же не мог отделаться от надежды на авось, на счастливый случай и, взвалив рога на плечо, быстро понес на толкучку.

— Турецкий корень Самсур! Заменяет десять кусков мыла! Было на френчике пятно, потер — да сплыло! — орал Мишкин знакомец Рябой, капал себе на рукав чернилами, ловко натирал пятно «корнем», окунал зубную щетку в банку, чистил — и на глазах у публики пятно пропадало. Правда, через несколько секунд на френче появлялась дырка, но Рябой умел это скрыть, у него были ловкие руки. Вокруг вырастал плотный частокол спин, бойко шла продажа, а затем барыга исчезал с туго набитым кошельком, унося с собой секрет «волшебного турецкого корня» и банку с соляной кислотой, в которую макал щетку.

Устало прислонилась к забору пожилая женщина, разложив на доске академическое издание Пушкина. Над сутолокой голов колыхались поднятые на палках для всеобщего обозрения пиджаки, сапоги, рубахи, пальто. «Садо! Садо! Садо-виноградо!» — хрипло кричал патефон. Его тоже продавали со стопой пластинок в желтых потрепанных обертках, похожих на блины. Вальке надоело слоняться по базару, он тоже прислонился к забору около женщины, продающей собрание сочинений Пушкина. К ней иногда подходили. Поднимут на ладони книгу, словно желая определить, сколько она весит, повертят в руках — и дальше. К Вальке никто не подходил. Никого не интересовали ветвистые лосиные рога, которые давно оттянули ему руки.

Уже начинало темнеть. Заметно поредело на базарной плешине.

Если б рога продать, он бы кусок хлеба купил или лучше сахару Шурику. Говорят, при ангине сахар — первое средство... Все больше хотелось есть, даже тошнило. А тут еще рядом, как назло, устроились бородатый спекулянт, торгующий хлебом из-под полы, и толстая тетка — «сахарница». Выстроив пирамидой на табуретке в плоских тарелках полтора десятка кру-

гов со сваренным из патоки сахаром, она пронзительно голосила:

— Сахаро-о-ок! — Еще два круга она держала в руках и совала под нос каждому проходящему. Круги были аккуратно размечены на сектора.

— Где геометрию проходили? — насмешливо спросил Валька.

— Грамотный...— огрызнулась торговка.

Чтобы хоть чуть отдохнуть, Валька повесил рога на забор и, не отрываясь, смотрел на коричневый круг сахара. «Схватишь, исколотят до смерти — точно... Вообще-то, если прямо махнуть через забор, не побежит ведь она, не оставит остальное. Да и темнеет...»

— А-а! — внезапно разнесся по базару истошный крик.— Держите!

Забор остался позади вместе с клоком от штанов. Валентин несся по пустынному переулку, прижимая к груди круг сахара.

Но кто-то топал там, сзади, за ним. Гонятся! Валька поднажал. Но вот она, беда! Как раз из той арки, за которой в лабиринте проходных дворов было спасение, вырос какой-то человек. Цепко схватил его за шиворот и рванул к себе, в темноту.

У Вальки зазвенело в голове. Он обмяк и сел на землю. Все, кончено!.. Над ним стоял кто-то в грязных морщинистых сапогах. Валька боялся взглянуть вверх. Его почему-то не били...

А преследователь был уже совсем близко. И когда он поравнялся с аркой, незнакомец схватил и этого.

— Ты куда спешишь? — спросил он.

— Украл! Вон энтот! — Спекулянт рванулся к Вальке.— Дайте-ка я его проучу!

— У кого украл?

— У Ксении-Ведьмы украл!

Валька рванулся, но его держали крепко.

— А может, он у тебя украл?

— Нет-нет,— остывая от запала погони, ответил спекулянт.— Отпусти, чего ты!..

Валька, ничего не понимая, поднял голову. Над ним стоял инвалид — жилец Гапона.

— А может быть, это я его попросил?! — с издевкой сказал дядя Коля.— И может быть, ты хочешь проучить меня?!

Спекулянт кисло улыбнулся, пытаясь высвободиться.

— Если ты так быстро бегаешь, почему ты не на передовой или не роешь окопы на трудовом фронте, а с утра до вечера шляешься по рынку? — Дядя Коля притянул его к себе.

— У меня справка есть!

— У меня тоже есть справка, что я обгоняю лошадь,— и что из этого?

— Извиняюсь,—жалобно вздохнул спекулянт и взмолился: — Я пойду, там у меня вещи остались почти безнадзорные!

Инвалид выпустил его, и спекулянт вихрем помчался прочь.

— Пойдем.— Дядя Коля, усмехаясь, крепко взял Вальку за руку.— Что, стыдно? Наверно, стыдно.

Тот молчал.

— А им не стыдно! — вдруг закричал инвалид и перешел на быстрый шепот: — Спекулянты! Паразиты! На фронт бы их! К стенке гадов! — Он, прихрамывая, направился к баракам и обернулся: — Беги домой. Никого не бойся. А об этом лучше уж молчи.

На душе у Вальки было паршиво. «Конечно, дядя Коля прав: почти все они, торговцы, сволочи! Вот купила мать прошлый раз буханку хлеба за двести рублей, а в ней под коркой вместо мякиша оказалась чурка. Да еще раз с мылом подобное было. Ну а он?.. Подумаешь, тарелка сахару! Эта тетка обедняет, что ли? Спекулянтка! Еще и хлебом, наверное, торгует!.. Может, она тогда мать обманула?!»

Потом Валька уже совсем убедил себя, что не «может», а точно, именно эта тетка обманула их. Но легче ему почему-то не становилось.

...Когда пили чай вприкуску с сахаром, сводящим зубы от сладости, Валька рассказал матери и Шурику, как ему удачно удалось сбыть рога. Купил какой-то дядька. Так они ему зачем? Он, верно, артельный. Будет выпиливать гребешки, пуговицы или брошки разные. Жаль, понятно, рога, но ничего. Сахар нужнее. Благо, пили чай и можно было не смотреть матери в глаза, а просто уткнуться в чашку, напустив на себя смертельно усталый вид...

Только легли спать, как Шурик вдруг ни с того ни с сего вспомнил про рога и, запоздало поддакивая брату, стал говорить, что вовсе их не жаль. Кончится война, можно будет купить сто таких рогов и развесить повсюду. И на старом месте, в передней, тоже повесить. Отец вернется с фронта и даже не догадается. Они ведь все одинаковые, рога-то!..

В ответ Валька двинул ему локтем в спину: пора, мол, спать, и сам стал умащиваться под одеялом.

Шурик тут же начал ныть, что брат прижимает его к стенке и стаскивает на себя все одеяло. Валька промолчал и лег на самый краешек, успокаивая себя тем, что, как только младший выздоровеет, он будет сам спать у стенки и при случае даст своему разлюбезному братцу по шее, если тот опять станет ныть.

Валька долго не мог заснуть, потому что все время клял себя, настойчиво повторяя: «Все... Больше ни за что!» И пытался не переживать, но безуспешно. Хочешь не хочешь, но в нем говорило только одно чувство: а все-таки спасся, повезло!

Глава 20

Валька и Леля свернули на главную улицу. Через город, к переправе, по снегу шли и шли беженцы. Машины, телеги, тачки...

— Гапон!

Мишка обернулся. Он стоял в хвосте длиннющей очереди у магазина.

Валентин расстегнул противогазную сумку.

— Я к тебе сто раз заходил. Мария Николаевна просила записку передать.

Гапон развернул листок, прочитал и подмигнул Леле.

— Всё учиться зовет... Передай Николаевне: не буду. После войны доучусь. Я уж лучше на работу определюсь, там вшивость не проверяют и руки можно не мыть.

— Опаздываем,— сказала Леля.

— Ну, давай, Миша, заходи.— Валька заторопился.

— После войны в морское училище махнем, слышишь! — сказал Гапон вдогонку.

Валька с Лелей пролезли сквозь пролом в заборе и пошли по железнодорожным путям. Леля, балансируя, быстро переступала по рельсу, словно по буму.

— Я так и не выучил монолог Чацкого,— говорил Валька.— Не успел. И вообще стихи плохо запоминаю.

— А я, я все представляю себе, как наяву.— И Леля восторженно продекламировала: — «Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету...»

— «Карету мне, карету!» — подхватил Валька и засмеялся.

— Ложись! — внезапно завопил кто-то.— Воздух!

Леля юркнула под вагон, Валька за ней — рывком на другую сторону.

Почему-то не слышится ни гула самолетов, ни свиста бомб, а сразу вырастают взрывы, они на мгновение будто зачарованно останавливаются в воздухе, прежде чем опасть. И зазвенело, взвыло, загрохотало!

Подальше от станции... Подальше!

У-ах-х!!! По паровозу — землей, трубы как не бывало... Туман из снежной пыли... Носом в сугроб... С треском стянуло доски с забора, как мехи у гармошки...

— Открой! Открой! Погибаем!

Вверху в решетчатом окоице вагона мельтешат лица с разинутыми ртами, вытесняя друг друга. Стриженые головы... Вагон почему-то закрыт на засов, а дужки связаны толстой проволокой. Люди кричат и колотят изнутри по стенам и двери.

И снова взрыв, совсем близкий. С визгом разлетелся гравий, садануло воздушной волной. Валька прижался к рельсам. Сверху неожиданно посыпались люди, ныряли под вагоны, кидались на шпалы...

Валька приподнял голову и увидел совсем уже непонятное. Несколько человек, пригибаясь, бежали вдоль состава. Один из них, высокий, черный и горбоносый, отстал, таща за собой пожилого дядьку. Тот упирался и что-то кричал. Тогда горбоносый ударил его и помчался за остальными... Бомбежка кончилась так же неожиданно, как и началась. Валька даже не услышал, а почувствовал эту растерянную тишину. Повертел головой, искоса посмотрел — все лежат. Не шевелятся, смотрят друг на друга.

— Леля-а! — завопил Валька.

— Я здесь! — Она лежала неподалеку, по другую сторону полотна, прикрыв портфелем голову.

Поднимались люди, спрыгнувшие из вагона. Их было человек пятнадцать. Они собрались кучкой, о чем-то быстро переговаривались, спорили. Умолкли и обернулись к Вальке.

Он встал. Тот пожилой дядька бросился к нему:

— Стой! Не уходи, малый! Конвоира убило, видишь?

У колеса вагона лежал милиционер с зажатой между колен винтовкой. С его головы стекали тяжелые багровые капли.

Валька помчался прочь, спотыкаясь о шпалы. Но пожилой дядька догнал, схватил за руку:

— Не бойся, дурак... Пойми, на нас подумают, что часового убили. А ты видел... как все это тут было. Его волной бросило, ты же видел? Нам веры-то нет! Сынок!

— А чего я-то? — затравленно озирался Валька.— Я не видел!

— Отпустите его! Чего вы там! — испуганно закричала Леля.

— Не уходи. Побудь. Придут — все расскажешь. Мы из пересыльной тюрьмы. Из нашего вагона семеро бежало. А мы не хотим.— Дядька крепко держал его, заискивающе заглядывая в глаза.— Эй, в вагон давай! — крикнул он остальным. Люди послушно полезли в вагон.

Пожилой выпустил Вальку и сел рядом на рельс. Леля нерешительно двинулась к ним, отряхивая пальто.

— Может, мне сбегать на вокзал? — пробормотал Валька.

— Нет, ие уходн. Придут.— Пожнлой даже попытался улыбиуться.— Ты не бойся, парень. Тебе же инчего ие будет.

У вагона был выбит взрывом угол, там зиял пролом. Заключенные выбрасывали нзнутрн землю, время от времеии кто-ннбудь из иих высовывался и смотрел. Из-за состава показался военный патруль.

— Сюда! — закричала Леля.

Патрульные прибавили шагу.

...В тот же день в угрозыске, в кабинете майора Молоткова — отца Лелн,— срочио собрались оперативники: капнтаи Митни, сержант Никншов н иачальиик школы курсантов лейтеиаит Немолякин.

— Пока есть основания считать, что группа бежавших уголовников осела у иас,— говорил Митии.— В городе иеразбериха, миого прншлых, бежеицы. Это им иа руку.

— А что, если оии хотят отступлением воспользоваться н уйти иа оккупированиую территорию? — вставил Нникишов.

— Уж скорее оин попытаются в тыл,—сказал Молотков.

— А для этого нужны документы,— подчеркнул Митин.— И оии их будут доставать любымн путямн. Я тоже полагаю, что оин тут. Отсиживаются.

— Мы опросили оставшихся, вот приметы бежавших.— Никишов положил на стол папку.— Уже размиожили. Военные тоже помогут. На станцнях и дорогах предупреждены посты.

— Нам придаиа школа курсантов,— сказал Молотков.— Но мы нмн, само собой, можем воспользоваться только в экстреиином случае.

Немолякии кивиул.

Молотков одии за другим переворачивал листки, иа которых были иапечатаны приметы, примерный возраст, воровскне клички семерых бежавшн уголовинков: Кривой, Сыч, Мышь, Артист, Пахаи, Тумба, Хрящ.

— Удрали самые матерые. Вот этот, иапрнмер,— сказал Никишов о Хряще,— уже десять лет отсидел. Им теперь терять нечего. На все готовы, лишь бы шкуру свою спасти.

— Сопроводиловки погиблн при бомбежке. Фотоснимков нет н ие будет. Город, откуда их перевозили, иа оккупированной территории.— Молотков встал.— По-прежиему держать под наблюдеиием толкучку, вокзал, прнстаиь...

Глава 21

Валентии подолгу иосил с собой дорогие отцовские письма, каждый раз замеияя одио другим...

«...Я жив и здоров. Попал на переподготовку. Рекомеидуют в училище. Там по окоичаиии лейтенанта присваивают. Глядишь, к коицу войиы маршалом стаиу. Кормят иас вполие. Как у вас с питаиием? Продавайте все, ие жалейте. Будут эвакуировать, сообщите. И главиое — адрес. Как там дети? Учатся? Помогают? Поочередио всех целую в обе щеки. Василий».

«...В училище ие еду. Отмеиилось. Сиова иа фроит. Пишу в поезде. Сейчас иас отправят. Письмо кому-нибудь передам, бросят. Полевую почту сообщу с места. Целую всех в обе щеки. Василий».

После долгого молчаиия письма вдруг пошли часто. Только почему-то оии приходили, когда Вальки и Шурика ие было дома. У отца все шло иормальио. Он был жив-здоров и поочередио всех целовал в обе щеки.

Эти письма Валька с собой не иосил. Ои зиал, что их пишет мать. Нарочио мелкими буквами, подделывая почерк отца.

Прочитав письма вслух, мать испугаиио смотрела иа старшего сыиа, когда он потом брал их в руки. Но ои иаучился притворяться, и оиа иичего не замечала или делала вид, что не замечает. Шурик верил — и иа том спасибо.

Как-то Валеитии ей сказал:

— Ты хоть скажи, когда настоящее будет.

Оиа вздрогиула:

— Сам поймешь...

И они долго ревели вдвоем, уткиувшись друг другу в плечо.

Глава 22

Разговаривали двое, высокий и иизкий. Оии схороиились за искорежеииой от бомбежки стеиой, сверху свисали иа железиых прутьях глыбы бетоиа. У высокого голос был густой, взрослый, у иизкого — тоикий, как у подростка.

— А это точио оии? — спросил взрослый.

— Кому же еще! Я сам случайио увидел, как туда полезли,— тихо сказал подросток.

Разговор был загадочный, о чем-то поиятном только им.

— А больше их иикто ие заметил?

— Где там... Давио бы уже их схватили. Откуда узиать — все тогда от бомбежки попрятались. А я тут обычио пря-

чусь, лучше всякого убежища. Бомба в одио и то же место ие падает.

— Не скажи. А тебя они видели?

— Нет. Я другим ходом выбрался. А потом на вокзале услышал: семеро ушло. Людей там расспрашивали, ие заприметил ли кто. Удивляюсь, что собаку по следам ие пустили.

— После бомбежки — глупо. Вот что... Держи рюкзак. Передашь, о чем договорились.

— А оии меия не тронут? — спросил подросток.

— Оии за любую соломинку ухватятся. Им выбирать ие приходится.

— Зачем они тебе? Ну их!

— Не пойдешь, я тебя везде найду!

...Подросток иыриул в глубь развалин. Повисиув на руках, ои бесшумио спустился виих через пролом в полу. Придерживаясь рукой стеиы, двииулся по завалеииому землей и прелой бумагой ходу, пока ие уперся в дощатую дверь. Ои загляиул в щель и смутно увидел заброшеиный складской подвал. В дальием углу лежала груда ящиков. Открыл дверь... Не слышио было ни шороха, ии шагов. С потолка падали иевидимые капли, оии звоико стучали по камеииому полу. Ои испугаиио громко сказал:

— Спокойио. Я ие из милиции. Держите.— И бросил на пол рюкзак.— Харчи. Одежда тоже будет.

Из темиоты молча выступили фигуры каких-то людей.

— Ну?.. Никто ие зиает, что вы здесь. А я свой. Чуть погодя иайдем вам другую хату.

— Ты кто?

— Родствеииик. Привет вам от Седого, ои тоже вор, иастоящий.

Глава 23

Серой иестройиой колонной двигались оии с товариой стаиции, впереди шагал пожилой комаидир. Новобраицы, молодые ребята, которым только что стукнуло восемиадцать. Одеты оии по-разному: в ватниках, поддевках, тулупах... Котомки, чемодаиы, мешки с пожитками и сиедью.

Сколько раз вот так же по этой дороге шли такие колоииы. Валька и Гапон зиали, что сейчас новобранцев поведут в баию, потом отберут все лишнее, дадут обмуидироваиие и разместят в бывшем педагогическом техникуме для кратковремеииой пехотной подготовки. А вскоре опять по этой дороге, только назад, и уже более стройио, под музыку, отправятся оии

к вокзалу, откуда прямиком на фронт. И будут бежать за ними пацаны и долго махать руками. Потом поредеет на перроне ребячья толпа, потянется по домам, а издалека будет доноситься военный марш...

Колонна остановилась, парни уселись у обочины на противотаиковые рогатки, задымив самокрутками.

Гапон подсел к одному из них. Он был выше и кряжистей всех, и, может, поэтому Мишка выбрал именно его.

— Из деревни?

— Ага,— ответил парень.

— Оставь! — вовремя спохватился Мишка, когда парень вознамерился было выбросить шикарный бычок.

Тот помедлнл, потом все же растоптал окурок, приведя тем Мишку в молчалнвое бешенство, и не спеша достал из кисета здоровенную щепоть табаку — самокрутки на три. Гапон тут же расплылся в улыбке, мгновенно позабыв об окурке.

— Слушай, у тебя, наверное, в сидоре сухари да лепешки, угадал?.. Так вот, все у вас в бане отберут, и сядете вы на паек.

— Это почему? — обеспокоился парень.

— Потому. Положено так. Только и видели вашу провизию!

Парень заволновался еще больше.

— Да ты не вздыхай, давай сидор, мы его пока у себя оставим. Мы себе иичего ие возьмем,— заверил Мишка,— хочешь, побожусь?

— По-о-дъем! — скомандовал комаидир, и новобраицы зашевелились.

Парень быстро развязал свой сидор, вынул из него туго набитую котомку и дал ее Гапоиу.

— Не забудь: вон дом с красной крышей. Валентина, вот его, спроси, слышишь? — сказал Мишка.

— Ладно!

Колонну повели к бане.

Прошел день, другой, но знакомец что-то не приходнл. Валька н Мишка не раз слонялись у ограды техникума, высматрнвая парня, но безуспешио.

...Было часов шесть утра, когда Валентнн проснулся. Его разбудил давио зиакомый марш. Опрометью оделся н выскочил на улицу. От техникума шла колонна солдат. Она была не такая большая, как прежние, и оркестр был меньше, и ряды были не такие четкие, как в предыдущнх.

Рядом с Валькой оказался неизвестно откуда появнвшнйся заспанный Гапон.

— Вон ои! Вон!

В первом ряду, крайний справа, шел их парень. Колонна проходила мимо.

Валька н Гапон побежали сбоку:

— Эй, парень! Что ж ты! Цело все!

Солдат взглянул на них, узнал и развел руками. Потом что-то крикнул.

— Чего? — не понял Мишка.

— Себе, себе! — Солдат тыкал пальцем в их сторону и улыбался. Улыбка у него была какая-то странная: то ли он извинялся, то ли смущался.

Новобранцев посадили в вагон, парень еще раз обернулся и крикнул, показывая на себя пальцем:

— Степан! — И помахал рукой.

— Мишка! Мишка! — пронзительно вопил Гапон и подпрыгивал, чтоб тому было его лучше видно.

Солдат улыбался. Улыбались через силу мальчишки.

— Недоучили,— вздохнул Гапон.

Оркестранты полезли в последний вагон. Поезд тронулся и пополз к роще. Неизвестно по чьему заказу оркестр заиграл бодрую полечку.

Неожиданно все это заглушил рокот моторов, из туч выползли немецкие бомбардировщики.

За сосняком, где только что скрылся состав, вскинулись взрывы, взлетели щепки, колеса!..

Бомбардировщики шли и шли в пике.

Но вот один из них, подбитый из пулеметов с уцелевших вагонов, полетел вверх, оставляя за собой полосу дыма. Под самолетом одна за другой появились две точки, над ними белыми горошинами повисли парашюты. Их несло к городу. И тут гул уходящего ввысь подбитого самолета смолк. Бомбардировщик, завалившись набок, ринулся вниз, на своем пути он зацепил крылом купол парашюта, и летчик, завертевшись волчком на стропах, канул вместе с машиной за кромку рощи. Второго несло все ближе и ближе к станции. И тогда из толпы провожавших отделилась седая старуха и побежала. И весь народ побежал туда, где вот-вот должен был приземлиться немецкий летчик. Бежали молча, стремительной волной.

Фашист, обезумев от страха, смотрел на колышущуюся внизу толпу. К нему тянулись сотни рук.

Еле его военные отстояли...

В котомке Степана оказались две буханки хлеба домашней выпечки и сухари. Смахивая слезы, Гапон молча поделил все поровну, отломил от своей буханки ломоть и вдруг обнаружил внутри запеченные яйца. В буханке же Валентина ничего не оказалось.

— Сухари бери себе. И мои возьми,— сказал Мишка.— Так по-честному. Пускай они у тебя.— Он начал суетливо совать сухари Вальке в карманы.— Мне ж еще и яйца достались.

— Не могу я,— отвернулся Валька.

— С голоду помрешь! — страшно закричал Мишка.

...Вечером Молоткова вызвали в ОГПУ и сообщили, что в городе — человек, работающий на немцев. Кто-то передавал по рации об отправке состава с солдатами за сорок минут до отхода поезда. Пока сумели разобраться в перехваченной шифровке, состав уже бомбили... Вражеский радист сообщал сведения на прифронтовой немецкий аэродром. Недавний налет на минный завод тоже, думается, не случаен.

— Имейте это в виду и в вашей работе. Черт знает, под кого враг камуфлируется и с кем связан!

Глава 24

Майор Молотков работал в угрозыске давно. До войны было спокойно, дела раскрывались сравнительно легко. Но с началом войны небольшой аппарат сотрудников плохо справлялся с работой. Город был забит беженцами, множеством людей без прописки.

После побега уголовников из товарного вагона Молотков со своими оперативниками и солдатами рыскал по городу — ставили посты на дорогах, проверяли документы, прочесывали толкучку, развалины, пассажирскую и товарные станции. Кое-кто попался, но не те, а так, мелкое жулье.

Возможно, уголовники в лес ушли или в тыл. Но... Разве что фрицев им ждать, а у нас ведь все равно не помилуют. Схоронились где-нибудь здесь... За линию фронта пробираться опасней. Даже если пройдут, доказывай потом немцам, что не переодетые красноармейцы,— документов нет... Да и немцам не до них на передовой: расстреляют, и всё. Сбежавшие это понимать должны... Нет, в городе они. Затаились. Документы липовые доставать будут, чтоб переждать. Одна сейчас у бежавших надежда, что город сдадут.

Через три дня после побега был тяжело ранен ночью дежурный милиционер — прямо в отделении на пассажирской станции — и там же взломан оружейный шкаф.

По данным эксперта, ранение произведено ножом. При помощи лома был снят замок несгораемого шкафа. Похищено четыре револьвера системы «Наган», автомат, три автоматных диска, сто девяносто три револьверных патрона. Очевидно, налет совершила группа бежавших: побег и нападение — за короткий срок два чрезвычайных события! Дежурный находился в помещении один каких-то двадцать — тридцать минут. Видать, у банды кто-то свой в городе. Наводчик. Отсюда такая оперативность.

Опрашнвалн беженцев, ночевавшнх на вокзале... Кто-то вспомннл, что, случайно проснувшнсь, вндел трех человек, выходнвшнх нз отделення. Он еще подумал, что онн нз мнлнцнн, хоть н в гражданском, раз так спокойно прошлн на улнцу,— в городе ведь комендантскнй час. Военный же патруль, дежурнвшнй на площади, нх не заметнл в темноте.

Новые понскн ничего не дали.

И тут случнлось неожнданное... В угрозыск сам пришел однн нз бежавшнх. По фамнлнн Семенов, по кличке Крнвой. В шннелн — сейчас многне в шннелях,— валенки подшнтые, шапка-ушанка. Рукн держнт по швам.

— Бежал я. Состав разбомбнло... Да вы самн знаете...

У Молоткова даже сердце больно екнуло.

— Оружне?

Семенов положил револьвер рукояткой вперед на стол.

— Саднсь.

— Я постою...

— Оружне откуда?

— Оттуда... Только я поодаль стоял.— Вскннулся: — Дежурного не трогал! Внутрь не заходнл! Далн мне наган потом!.. Я к вам сам пришел, сам!.. Вы бы меня век не поймалн. Не хочу я...— Заревел.— Не могу я с ннмн, боюсь!

— Где онн?

— Не знаю... где сейчас... Я н еще однн, его Сычом клнчут, пряталнсь в бывшем фабрнчном общежнтнн, хозяин комнаты, по прозвнщу Рябой, он н вправду рябой, а остальные пятеро еще где-то хоронятся. Я с ннми сегодня должен был встретнться еще полчаса назад у сквера, а я вот, вндите, сразу к вам! Не хочу я больше!.. На фронт пошлете, а?.. Кровью хочу внну нскупнть! — закрнчал Семенов в дверях, когда его уводнлн.

— А не врет? — сказал Молоткову сержант Ннкншов.— Сомневаюсь я что-то. Может, с ннм поработать, чтоб точно?..

Хорошо бы, конечно, установить наблюденне за этнм Рябым, навел бы на след остальных, но это невозможно: Кривой ведь не пришел к ннм на свнданне — насторожатся!

Надо действовать немедленно, чтобы те пятеро не смоглн предупреднть свонх в общежнтнн.

Трехэтажное зданне было оцеплено. Мнлнцнн помогалн солдаты нз комендатуры н курсанты пехотного учнлнща. Молотков, Никншов н Митнн вошли в корндор н остановились у дверн. Она была заперта. Неужелн ннкого?.. Сержант достал нз кармана отмычку. Когда он справнлся с замком, Молотков отстраннл его н открыл дверь.

Из темной комнаты полоснула автоматная очередь.

Пули выдралн клок нз полушубка Молоткова, прошнлн плечо Мнтнна. Ранило Ннкншова — вскользь задело голову.

С полминуты в темных, длинных и гулких коридорах шла перестрелка.

Бандит по кличке Сыч и Рябой, хозяин комнаты, были убиты...

Митина отправили в госпиталь. Никишова перевязали на месте...

При осмотре комнаты Рябого обнаружили под комодом тайник, где лежали два автоматных диска. Выяснилось: хозяин появился в городе за год до войны и устроился на минный завод истопником. Когда началась война, с ним произошел несчастный случай: при разгрузке угля ему повредило грудь, поэтому его не призвали на фронт. С работы пришлось уйти по инвалидности, но комната осталась за ним. Жил на пенсию и случайными заработками, на толкучке «мыльным корнем» торговал...

Зачем ему понадобились бандиты?.. Под доской пола нашли другой тайник, там находилась железная коробка с золотыми кольцами и пачками сотенных: семьдесят пять тысяч рублей. Запасливый мужичонка, капитал сколачивал. Жадный. Может, на его жадности кто-то сыграл?.. Подкупили?.. А кто? Уголовники денег не имели.

На новом допросе Семенов показал, что им помогал какой-то неизвестный: когда они после побега скрывались в развалинах, их нашел человек, совсем еще молодой, судя по голосу,— разговаривать-то приходилось в темноте. Дал одежду, загадочно сказал: «Привет от Седого». Сообщил им надежные адреса, двум — адрес Рябого, пятерым другим — неизвестно какой, отдельно с ними говорил. Второй раз они встретились дня через три, ночью, уже с этим Седым, тоже лица его не видели. Он-то и навел их на привокзальное отделение. По голосу этот Седой — пожилой человек. Вот и все данные. Больше ничего не знает.

— Жалко, Рябого живым не взяли,— переживал Молотков.— Он бы нам, наверное, много порассказал.

Ни родных, ни друзей у хозяина комнаты не оказалось. Надо же, вот тебе вроде и мелкий спекулянт, «мыльным корнем» промышлял... Ниточка от Рябого тянулась к загадочному пожилому человеку с его писклявым «подмастерьем».

Глава 25

Надо было привезти из леса дрова. Но Леля отказывалась с ним пойти:

— Мама рано придет, вчера две с половиной смены работала, чтоб сегодня пораньше. Придет, а меня нет.

— Так мы успеем вернуться,— убеждал ее Валька.
— Ну да, успеем. По сугробам — часа два, по шею намело.
— Зато дрова привезешь.
— Знаешь, Валя,— вдруг сказала она.— А ведь немцам ни за что Москвы не видать!.. У них, у немцев, и зимы-то не бывает, выпадет снегу чуть-чуть, хоть в музей неси. Померзнут фрицы, как мухи!.. Ты про банду слышал? — понизила голос.
— Те, что в общежитии отстреливались?
— Валь, это они во время бомбежки бежали, помнишь?.. У отца двух друзей ранили. Сам он чудом тогда уцелел. Я за него очень боюсь.
— Не бойся. Все же он не на фронте,— некстати сказал Валька.
— Сейчас всюду фронт! Ну, чего стоишь? Ладно уж, пошли. Санки взял?
— Я их у вас под крыльцо засунул.
Санки были всем на зависть: из целой тесины, широкие, окованные тонкой сталью, с закрученными впереди, как рога, полозьями, сделаны мастером по заказу. То ли отец Валентина сам такие придумал или у финнов видел, на той войне,— не говорил.
До лесу добирались чуть ли не по пояс в снегу. А там уже снегу поменьше, сносно. В сумерках казалось, что вокруг за ближайшими и поэтому более отчетливыми соснами теснятся холмы, бугры и пригорки,— это все от заснеженных деревьев, словно каждое укрыли темно-синими ватниками.
Набрали сухих валежин, привязали веревкой к санкам. По поляне рассыпались елочки. Держа ветвями снежные шапки, они были будто семейство грибов около своих более взрослых собратьев. Красиво!..
— А я... я тебе правда нравлюсь? — Глаз Лели не было видно, они были как две глубокие тени.
Валька снял варежку, взял кусочек снега, съел.
— Ты почему спросила?
— Не знаю... Из любопытства, наверно... Можешь не отвечать, я все равно знаю.
— Что знаешь?..— засопел он.
— Что нравлюсь. А ты мне — нет.
— И не надо. Ты мне тоже.
Он вдруг притянул Лелю к себе и сказал, уткнувшись лицом в лицо и чувствуя теплое, слабое ее дыхание:
— А если еще такое скажешь!..
— Ну, скажу.— Она вырвалась.— Хочешь, повторю?
— Да ну тебя,— не зная, что сказать, обиделся Валька. Разыгрывает зачем-то...

— А ты самоуверенный... Помнишь, ты мне рассказывал, что пионервожатая в лагере, когда ты еще маленький был, говорила: «За тобой девчонки бегать будут»?

— Вспомнила!

— Не будут они за вами бегать, Валентин Васильевич, не будут! — торжественно заявила Леля, тряхнула ветви, и он попал под снежный обвал.

Валька погнался за нею, на ходу дергая за ветки, но она все время выскальзывала из-под лавин, падающих с деревьев...

Потом она его долго отряхивала от снега, стараясь почувствительней хлопать брезентовой варежкой по спине, а он стоял как ни в чем не бывало и, выждав удобный момент, засунул ей за шиворот ледышку. Визгу — на весь лес!

...Дрова поделили поровну и спрятали в сараюшках.

Забежав домой, Валька взял деньги, карточки и помчался в магазин. У мамы сегодня день рождения, надо хоть что-нибудь купить.

Он страшно обрадовался, увидев у входа очередь. Значит, еще не закрыли. Те, кто впереди него, давно, видать, стоят. Замерзли, топчутся, словно приплясывают. Не позволят закрыть. А когда и за ним самим заняли, стало еще спокойней.

«Мама уже вернулась, наверно... Интересно, Леля к нам придет? Мама ее приглашала. Но могут не пустить. Куда, мол, на ночь глядя? Отец у нее серьезный. Молотков!.. Нет, не придет. А если придет, даже Шурик стесняться будет, промолчим весь вечер. Или в лучшем случае: «Ты ешь, ешь».— «Я уже наелась, спасибо».

...— Вам что, молодой человек? — спросила продавщица.

— Мне? Вот...

— Смальца нет, можете взять маргарин.

Стоящий за Валькой мужчина суетился, улыбаясь, и заправлял продавщице какие-то байки, радовался, что проскочил в магазин, повезло,— после него закрыли дверь на засов.

Сквозь щели прорывался пар, доносились с улицы жалобные просьбы, дверь толкали, стучали, но продавщица была невозмутима.

...Дома было необычно светло, мать где-то достала лампу-молнию. Даже странно, будто не у себя. Все вроде по-другому и неуютно стало, сырые углы на свет вылезли, пол в щелях, тряпье.

На столе дымилась кастрюля с картошкой в мундирах. Мать суетилась, доставая праздничные тарелки.

— Леля придет?

— Не знаю. Если отпустят...

Леля не пришла. Сидели втроем: Шурик, Валька и мать.

Чокнулись рюмками с чаем.

— Мама... живи сто лет! — сказал Валька.

— Нет, двести! — заявил братишка и начал зевать.

— Иди спать, уже поздно,— тихо сказала мать.

Он послушно ушел за перегородку, а потом вдруг выскочил в трусах и в майке, подпрыгивая и пытаясь пойти вприсядку.

— «Барон герр фон дер Пшик попал на русский штык,— козлетоном вопил он,— остался от барона Пшика — пшик!»

Мать не рассердилась, отвела его, уложила спать. В дверь постучали.

— Леля! — Валька бросился к двери.

— Я это.— Окутанный морозным паром, ввалился в комнату Гапон, ожесточенно потирая уши.

Из-за перегородки показалась мать:

— Здравствуй, Миша! Что же ты не раздеваешься?

Гапон усмехнулся:

— Да я так, на секунду, по-соседски. Курящая вы, может, угостите?

— Курить не дам.— Мать вышла и скоро вернулась.— Возьми.— Она протянула ему небольшого деревянного слоника.

— А это зачем? — изумился он.

— Подарок тебе.

— На память? — Мишка растерянно улыбнулся.— Давайте. Сразу видно, интеллигентная вы.— Он зачем-то раскланялся перед ней, покраснев от смущения, и ушел.

— Зря вы его Гапоном дразните,— сказала мать.

— Всех дразнят...

— А тебя как?

Валька пожал плечами и снял с вешалки ватник.

— Я скоро.

— Может, не надо? Не ходи, комендантский час.

— Я мигом.

В лицо ударило вьюгой, в ушах гудело от ветра. По самой середине улицы ковыляла тропинка, дома замело по завалинки, ни огонька. У Лели тоже было темно. Он постоял немного у палисадника, и неожиданно на миг чем-то розовым изнутри засветилось окно у Лелиной соседки. Он толкнул калитку, подошел и прилип к стеклу.

Он увидел в комнате двух женщин. Одна поставила на блюдце свечку и что-то сказала, оглянувшись на другую. Та стояла прямо, не шелохнувшись, и держала на блюдце комок бумаги. Женщина опять что-то сказала, и вторая подошла к столу, поставила блюдце напротив свечи и зажгла спичку. Она медлила подносить ее к бумаге и стояла все так же прямо...

И сиова стало темио. Это поправили отвериувшийся угол полотна, прикрывающего окно.

Валька отпрянул от окиа и побрел домой. Ои зиал, зиал, что это было... Если зажечь бумагу иапротив свечи, то иа стеие возиикают страииые теии и фигуры, и тогда по иим можио узиать, что прииесет судьба, что с кем случится... Но мало кто иа это решался: вдруг теиь будет похожа иа крест? Зиачит, иет тебе покоя ии дием ии иочью. Зиачит, ие встретишь того, кто иа фроите...

Змеились по сиегу бескоиечиые лииии поземки, похожей иа дым... И было тихо и пусто кругом до крика.

Глава 26

— Вы чего щекочетесь? — взвизгнул Шурик, отдернув пятку.

— Ишь ты,— сказал иезиакомец, присев рядом иа лавку.— Зиачит, сыиок Ольги Николаевиы?

— Ну, чего иужио? — Шурик вытер иогу, придвииул поближе таз и прииялся мыть другую.

— Боевой, боевой. Мамаша, говорю, где?

— Ма! — крикнул Шурик и постучал кулаком по стене к соседям.

— Извииите, Ольга Николаевиа,— подиялся ей иавстречу мужчииа,— извииите за поздиий визит.

— Ничего, присаживайтесь.

— Да я иа ходу. Доложить вот пришел. И вопрос койкакой.— Ои достал записиую киижку и иачал суетливо листать.

— Погрузку закоичили?

— Вот-вот. Ага. Готовую продукцию погрузили. Пять вагоиов. Сырье закаичивают. Из пятого парашютные стропы остались; все иа машииы распределили. Полотиа шелковые уже в дороге. Так что иаличиая цеииость, можио сказать, в пути и движеиии. Могу докумеитацию показать. У меия здесь.

— Ладио, Маркии. Поздио сейчас. Я с утра по иакладным и описям проверю, и закоичим оформлеиие.

— Ну, что ж.— Маркии проводил взглядом Шурика, скрывшегося за перегородкой.— Я тут обиаружил... Помиите, пряжа к иам пришла? Оиа ие заприходоваиа. Такая иеразбериха. Вроде как оиа иичья вышла. Докумеитации, так сказать, ие будет. От греха подальше... Может, иам ее, иу, это, оставить пока, а?

— Себе взять? — устало спросила мать.

— Ну, да,— оживился Маркин.— Прикиньте: кому нужны какие-то двести килограммов этой несчастной пряжи? А нам очень кстати получится. Самая малость — и пожалуйста. Выход из наитруднейшего положения. Особенно вам. У вас иждивенцы. Им, извиняюсь, шамать давай. А буханочка, извольте, триста рублей — и не моргни.

— Уходите,— резко сказала мать.

— Ну, не надо... не надо... Жалко просто. Сами знаете, сколько кругом пропадает. Да...— В дверях он остановился, поспешно расстегнул пальто и извлек сверток.— Жена моя просила вам хлебушка передать. Самая малость. Говорит, как, мол, ей там с двоими? А мы одни, нам хватает, да родичи в деревне...

— Заберите сейчас же! Слышите, вы!

— Тут ничего такого,— настаивал Маркин.

— Если вы сейчас не уйдете,— страшным голосом сказала мать,— я соседей позову. И вас вышвырнут!

— Ах, вон как обернулось? Понятно. Я вроде мерзость какая, а она святоша. Так? А нам это еще не известно. Поди как хватила б горячего лиха, от хлеба не отказалась бы! Какая ж ты мать, если своих детей голодом моришь, когда рядом все! Смешно мне на тебя...

— Чего кричишь? — высунулся над перегородкой Шурик.— Чего на маму кричишь? Я Вальке скажу! — И он неожиданно запустил в незнакомца поленом.

Маркин выскочил, хлопнув дверью.

— Ой, Шурик, Шурик... Что делать? Что делать? — Мать закусила руку.

— Да чего ты, мам? — прошлепал к ней Шурка.— Как делаешь, так и делай. А хлеб ты зря взаймы не взяла, сгодился бы,— неожиданно сказал он, сглотнув слюну.

— Я завтра принесу,— заискивающе сказала мать.— Завтра карточки выдавать будут. Пойду и принесу.

— Ну, тогда жаль, что я в него поленом не попал,— опечалился Шурик.

— Жаль,— согласилась мать.

Глава 27

Молотков и Дубинин дружили давно, когда-то они начинали работу в милиции вместе, но потом Дубинин окончил заочно инженерно-строительный институт. Встречаться стали реже, большей частью по праздникам, семьями. А война совсем уж разъединила их: майора Молоткова на фронт не взяли, оставили в угрозыске, а капитана Дубинина направили в саперные войска. После ранения, вернувшись в город, он стал

работать в школе военруком, и так получилось, что с другом он почти не встречался, виделись мельком.

Дубинин вдруг твердо решил ехать на Урал, строить заводы. Там он нужнее, а обучать ребят военному делу любой инвалид-фронтовик сумеет.

Он зашел попрощаться с другом. Милиция помещалась в том же здании, что и военкомат. По длинным коридорам деловито сновали военные, у дверей теснились призывники. На полу намело снегу. В окнах, выходящих на станцию, были выбиты стекла — следы вчерашней бомбежки. Под лестницей гудела железная печка, и уборщица в мужской шапке, присев на ящик, отхлебывала чай из раскаленной железной кружки, прихватив ее полами пальто.

— Значит, точно уезжать надумал? — сказал Молотков.

— Да все уже оформил,— ответил Дубинин и пошутил: — Окопаюсь в глубоком тылу.

— А я уж хотел тебя к нам просить. У меня тут народу раз-два, а дел — вот!..

— Если б раньше. А теперь уже не могу.

— «Не могу»...— проворчал майор.— Помнишь, как нас дразнили? В стенгазете помнишь: «Ударим Молотком и Дубиной по преступным последышам нэпа»?

— Давно было,— улыбнулся Дубинин.

Сколько уж он не был здесь, в этой знакомой комнате? В углу стоит сейф, покрашенный под дерево, на нем цветы в горшке; массивный стол, чернильница «Богатырь» и готический черный стул, неизвестно как сюда попавший в незапамятные времена. Все как будто по-прежнему, но не так... Примешивалось что-то незнакомое, какая-то странность, и он, наконец, понял почему. Стекла перекрещены нарезанными из газет полосами.

— Радикулит на погоду,— словно извиняясь, сказал Дубинин и закрыл форточку.— Значит, худо у вас?

— Да вот так, хуже некуда...

— На фронте тоже не сахар. Немец уже рядом... Тула в осаде... Да что там — в Малоярославце фашисты стоят!..

Молотков подошел к окну. В стекло бился снег.

— Как думаешь, наш город сдадут?

— Не знаю,— не сразу ответил Молотков.

— Не знаешь... Все уезжают. На мосту заторы...

— Фронт близко, бомбежки... Мирными-то людьми рисковать зачем?.. Михаил, а может, все-таки пойдешь к нам? Ну, посуди. Почти весь аппарат на передовой. В моем отделе только два оперативника. С ног валимся. Спекулянты, шпана... А тут еще банда вооруженная. У тебя опыт, работал у нас...

— Опять ты за свое. Я тебе уже сказал. Строить буду, не могу на развалины спокойно глядеть.

— Остался бы ты,— безнадежно сказал Молотков.— Люди нужны...

— Люди сейчас всюду нужны.

— Там, я думаю, поспокойнней. А нам — позарез.

— Хитришь ты, Андрей. Мечтаешь опять мной командовать.

— И хитрю,— невольно засмеялся майор.— Неохота с тобой расставаться. А что туго нам — правда, чего хитрить.

Затрещал телефон, Молотков снял трубку.

— Слушаю. Да... Где?.. Еду! Ну, вот...— Он взглянул на Дубинина и заторопился.— Сберкассу ограбили!.. Поезд когда?

— Ночью,— ответил Дубинин.

— Провожать не приду. Видишь как. Прощай.

Глава 28

Они бежали в темноте по неровной земле, словно ощущая ее не подошвами сапог, а обнаженными ступнями. Угадывали малейшие спуски и подъемы; легкие еле успевали вдохнуть и выдохнуть воздух обжигающими кусками: так бешено мчишься, разве что спрыгнув с вагона на полном ходу и напряженно ожидая, что сейчас полетишь через голову.

Гулкий топот ног, взвизг служебной собаки — она яростными рывками натягивала длинный ремень. Проводник еле поспевал за ней, она тащила, как на буксире, ему казалось, что, если он споткнется, она поволочет его по земле.

Впереди была железная дорога. Донесся и быстро вырос шум поезда.

— Скорей,— задыхаясь, сказал Молотков, поравнявшись с проводником.— Скорей, может, успеем!

Со скрежетом и гулом неумолимо приближался состав. Вслед за овчаркой проводник и майор рванулись из последних сил, чудом проскочив перед самым носом паровоза.

Остальные не успели. Состав, преградив им дорогу, начал замедлять ход и замер: светофор впереди округлил свой красный глаз под защитным козырьком.

Отставшие милиционеры и курсанты метнулись было под вагоны, но их остановила резкая команда:

— Назад! Стрелять буду! — Заклацали затворы винтовок, с подножки спрыгнула охрана, сопровождавшая эшелон.

— Мы из милиции! Надо нам! Бандиты, сберкасса...— сбивчиво объяснял Никишов.

— Осади! Назад!

— Ну пропустите, — умолял Никишов.

— Товарищи! — кричал командир группы курсантов лейтенант Немолякин.— Я вам приказываю пропустить!

— Я вам не подчиняюсь. У меня свой приказ. Отойди! — Красноармеец выстрелил в воздух и, передернув затвор, направил винтовку на скучившихся у вагона людей.

Солдат был прав. Он действовал по закону военного времени.

Ругаясь, группа попятилась.

А там, за составом, вдруг загремели выстрелы. Донесся лай собаки... Смолкло... Снова... Лязгнули буфера, состав тронулся.

Никишов, который попытался обежать поезд спереди, вернулся назад.

Уже в полной тишине неслись они к месту перестрелки.

На груде железных чушек у темных пакгаузов ничком лежал Молотков. Чуть поодаль раненный в руку проводник склонился над неподвижной собакой.

Дубинин с женой сидели на чемодане. В вагоне было темно и только в дальнем углу горел в фонаре огарок свечи. В темноте шептались, на верхней полке кто-то храпел.

Поезд двинулся. Но почти сразу где-то дернули стоп-кран. Под вагонами зашипело и заскрежетало.

Хлопнула дверь, в тамбуре вспыхнул фонарик.

— Приготовьте документы.

Вагон ожил, загалдел, зашевелился.

— Назад! — приказали кому-то.

Дубинин протянул билет и документы.

— Отбываете...— сказал человек с фонарем.

— Никишов?.. Что случилось? — узнал его Дубинин.

— Несчастье у нас. Молоткова убили.

Дубинин встал и взглянул на жену.

Они сошли с поезда. Жена что-то говорила о билетах: то ли их сдать, то ли обменять. Она говорила об этом как-то механически, толком не понимая, о чем, потому что молчать было невыносимо.

...Дверь в квартиру Молоткова была открыта. Люди заходили, уходили, появлялись новые.

Дубинин стоял в стороне, у стены, глядя на фотографию Андрея в траурной рамке и держа здоровой рукой чемодан,— так и забыл поставить, как вошел.

Леля внезапно зарыдала и уткнулась матери в колени. А та продолжала сидеть с застывшими глазами.

Жена Дубинина беспомощно суетилась с какими-то сердечными каплями.

Свет погас. Зажгли керосиновую лампу, стены и потолок перечеркнули изломанные тени. Они колыхались, и лица всех то освещало, то задергивало сумраком.

Дубинин медленно приблизился к столу.

— Леля,— с трудом выдавил он,— может... чем помочь иадо?

— Ему уже иичем ие поможешь,— ответнла за нее мать.

Молоткова хороннли утром. Несли веики, ордена — еще с фннской. Тосклнво ухал барабаи и звеиели тарелки оркестра. За гробом шли без шапок, падал сиег, головы былн в белых хлопьях. Прохожне останавлнвалнсь н смотрели, редко кто сннмал шапку, смерть стала привычной.

На кладбнще секретарь горкома Никонорова иачала было надгробную речь, но, расплакавшнсь, ие смогла ее закончнть. Тогда вышел Дубнннн.

— Мы хороннм товарища... Замечательного товарнща, майора Молоткова. Он погиб от рукн врага, н мы клянемся отомстнть за него! И будем бнть и уннчтожать нх на фронте н везде... Везде!

Курсаиты вскинулн вннтовки.

Вслед за дружным залпом раздался еще один выстрел — это замешкался молоденькнй парень. Он стоял растерянный, внновато глядя на всех, словно совершнл что-то иеуважнтельное к покойному.

В тот же день Дубнннн прншел в горком иа прнем к Ннконоровой. Разговор был короткнм.

— Меия Андрей вчера проснл остаться. Предлагал идтн к нему в отдел розыска. Я отказался. Честно говоря, я не представлял, что положение настолько серьезио... И ие потому, что Аидрей погнб. Впрочем, и потому. Одно к другому.— Он с хрустом сжал спнчечный коробок.

— Курнте? — Ннкоиорова протянула ему пачку.

— Спаснбо...

— Вы обратнлнсь ие по адресу. Но, в общем, я в курсе дела. Начальннка милицин переводят в Москву. На его место будет иазначен Мнтнн, он только что вернулся нз госпиталя после ранеиия. Значит, в отделе розыска остаются всего два человека. Мы запроснм насчет вас область. Будем рекомендовать.

Глава 29

Домнк у Дубнннна был рядом с фабричиым прудом. Здесь онн прожнлн с женой почтн десять лет. Дом окружен садом, который подступал к самому берегу, летом можно было чудно отдохнуть, поуднть рыбу, здесь Дубннии готовился к экзаменам в стронтельиый ниститут. Сейчас пруд застыл, н ветер гонял снег, обнажая гладкне пятачкн толстого льда...

Дубинии вошел в дом и, не раздеваясь, сел на диван. В полутьме светлым пятиом выделялась иа столе записка. Он дотяиулся, ие вставая, и прочитал: «Ужинай без меня. Ушла в магазии. Надя».

Как ей сказать?.. Ведь оии были уже в дороге... Андрей... Как же так, Андрей!.. У хороших людей жизиь всегда обрывается раио... Все говорил: «Мие бы, Мишка, дело какое-нибудь такое! А у нас тут ие выдвииешься». Его же, иаоборот, ие раз звали иа работу в столицу. Отказывался: «Там обязательио зазиаюсь, располнею. А я себя знаю: мие полиота ие к лицу». С ехидцей мужик. «Вот мы с тобой,— говорил, иамекая иа их фамилии,— вроде как два сапога пара: что молоток, что дубииа — постарались предки. Только молоток — это, как ии говори, молоток, а дубииа — дубииой и остается!» За Надей они вдвоем ухаживали, вот и пытался Андрей поддеть перед ней друга. Может, оиа потому Михаила Дубииииа и выбрала, что ои все время молчал и только улыбался в ответ иа Аидреевы шуточки. После свадьбы Аидрей сказал сопериику: «Не видать бы тебе Надьку без моей помощи. Я нарочио из себя дурачка строил, чтоб у иее глаза ие разбегались.— И, мрачно помолчав, расхохотался: — Еще не известно, кому повезло!»

Смертей иа фроите Дубииии перевидел немало. Там смерть от своей ежемииутности становилась обыдеииой: не убьешь — тебя убьют. Но здесь, в тылу, гибель друга от руки какого-то баидита — во время такой войиы! — выглядела иепривычио, страиио, ие верилось даже.

— Миша,— торопливо иачала жеиа еще с порога,— говорят, что в городе орудует баида. Сорок человек. Все матерые уголовиики!

— Чепуха.— Дубииии зажег лампу и помог ей стащить бурки.— Слухи.

— Какие ж тут слухи, если Андрея убили!.. Миш, мы когда поедем?

«Как ей сказать?..» — тоскливо подумал Дубинин.

В дверь постучали.

— Разрешите? — На крыльце стоял сержант Никишов. Из-под фуражки высовывалась полоска бинта.

— Заходи,— пригласил Дубииии.

Сержаит обмахнул сапоги веником и проследовал в комиату.

— Вечер добрый,— поздоровался он.— Ну, что думаешь делать, товарищ иачальник?

— Какой иачальник? — удивилась Надя.

— Михаил Николаевич теперь у иас главный!

— Да, да,— «бодро» подтвердил Дубииин.— Меня иазначили вместо Андрея.

Надя иапряжеиио глядела иа иего.

— Так надо...— Дубинин опустил глаза.

— Вы не переживайте,— вмешался Никишов.— Не на фронте, прямо скажем. В нашей профессии, собственно, нет ничего опасного. Ну, а Андрей... Вышло так...

— Я не расстраиваюсь, чего мне? — Надя улыбнулась. Вернее, улыбнулся только рот, а глаза неподвижно горели лихорадочным блеском.

— Ну, что ты?..— попытался успокоить ее Дубинин.

— Опять! Господи! — Надя засмеялась.— Да что я, чурка какая? Или я тебе ни к чему? Ты оставайся, оставайся на здоровье! Лови бандитов!

— Хватит! — вскричал Дубинин и нервно заходил по дерюжной дорожке.— Уезжай! Не держу!

— Ну и поеду! — Надя села на табуретку и заплакала.

— И езжай! — еще громче закричал Дубинин.— Давай все схватимся и уедем за Урал! А что тут,— он махнул рукой на окно,— провались все пропадом?!

— Уезжают другие же, Миша,— просительно сказала она.— Ты свое сделал, отвоевал. Ведь здоровьем своим заплатил. Как у тебя кость по ночам ломит, я знаю, не он! — Она со злостью кивнула на Никишова, будто тот был всему виной.

Утром Дубинин вошел в кабинет Молоткова. Здесь было чисто и холодно. На несгораемом шкафу стояли в горшке давным-давно увядшие цветы. При виде цветов возникло в памяти восковое лицо Андрея, венки, музыка...

— Выбросьте,— сказал Дубинин милиционеру. И, когда тот был уже в дверях, добавил, как бы извиняясь: — Засохли ведь.

Появился Никишов.

— Разрешите объяснить положение, товарищ капитан?

— Давай,— буркнул Дубинин и сел за стол.

Дел было много и разных. И во все надо было вникнуть. Но самым главным было все связанное с бандой: побег, захват оружия, ограбление сберкассы, убийство Молоткова...

С чего начать? Хотелось что-то делать немедленно, сейчас же. Но что?..

Снег застлал окно, и на улице ничего нельзя было различить. Дубинин вышвырнул окурок в форточку и вернулся к столу, заваленному бумагами. Тому самому, за которым еще совсем недавно сидел Андрей Молотков. Снова стал просматривать список бежавших бандитов, изучал приметы и клички, документы с перечнем похищенного оружия, дело об ограблении сберкассы, записи всех происшедших в городе событий за последнее время.

— Все какую-то мелочь ловим, товарищ капитан: шпана,

спекуляиты, жулики — время жалко,— проворчал Никишов, тихо сидящий в сторонке.

— Будь моя воля,— ие подиимая головы, сказал Дубинин,— я тебя с таким настроением держать бы в милиции ие стал. Мелочь... Эта мелочь у людей последний кусок хлеба изо рта вырывает!

Никишов иасупился:

— Я все думаю, а ие ушли они из города?

— Здорово было бы — правда? — съязвил Дубииии.— А если иет? — И сиова уткиулся в бумаги.— Вот что, иеплохо бы толкучку почаще прочесывать.

— Сеть у иас слишком короткая.

— Ну, хотя бы проверить самых подозрительиых. Можио привлечь всю милицию: иаших, со станции, дежуриых... Оргаиизуешь? И комсомольцев хорошо бы, старшеклассииков. Этим я займусь.

Глава 30

— А ты точио его помиишь, Валеитин? — настойчиво спрашивал Дубииии.

— Да я его иа всю жизиь запомнил. Как живого вижу,— горячо говорил Валька.— Горбоиосый такой. Губы толстые.

И сиова иачииал рассказывать, как оии с Лелей шли по путям, как иачалась бомбежка, как прыгали из вагона заключенные, как тот горбоиосый ударил пожилого дядьку, как...

— Хорошо,— прервал Дубииии.— Я тебе верю. И приметы сходятся. Кличка — Хрящ.

Валька притих.

— Ты едииствеииый, кто видел его в лицо,— сказал Дубииии.— У тебя большое преимущество перед иами. Поможешь?

— Хоть сейчас!

— Не торопись. Сядь,— остаиовил его Дубинин.— Надо бы еще двух-трех ребят позвать.

— Юрий и Павел! — выпалил Валька.— Они помогут. Мы уж лет десять вместе. Вы же их зиаете!

— Зиаю,— улыбиулся капитаи,— зови.

...— Задаиие у вас простое,— сказал Дубииин.— Ходить по улицам, магазинам, по окраииам, прощупывать станцию, толкучку. В общем, весь город. Приметы баидитов запомнили?

Ребята закивали.

— Никаких самостоятельиых действий. Если что заметите подозрительиое, тут же сообщайте мие или в угрозыск.

— А как же школа? — спросил Юрка, втайне надеясь, что от заиятий освободят.

— Школа — школой. Дело добровольное.

— Пошли,— поторопил друзей Валентин, боясь, что Дубинин передумает.

— Оружие бы нам,— нерешительно произнес Пашка.— Мало ли что.

— Будет нужно — дадим и оружие,— закончил капитан.

На след так и не удавалось напасть. По-прежнему попадались спекулянты, рыночные жулики. Беженцев — каша, каждый день новые, всех не проверишь!

Однажды, когда Дубинин собрался отправиться на ночное дежурство, в дверь постучали.

Вошел невысокий мужичок в суконном полупальто и сапогах. Почтительно поздоровался, сняв шапку. У него оказалась длинная, отнюдь не мужицкая прическа.

Почувствовав изучающий взгляд, мужичок приветливо заулыбался и поспешил представиться:

— Никодим, здешний батюшка, то есть, извиняюсь, как говорится, поп.

Пригласив попа к столу, Дубинин сел напротив.

— Вы извините, что я вас дома беспокою, товарищ начальник, но в отделение ваше мне по сану неудобно как-то, а дело важнейшее... Грабят прихожан, грабят проклятые. Боятся верующие храм посещать.

Далее Никодим рассказал, что по пути в церковь почти каждого останавливают бандиты, отбирают деньги, а то и просто раздевают. А сегодня вечером должна идти служба за победу над врагом. А разве пойдут к вечерне, коли такое дело!...

Закончив рассказ, батюшка просяще добавил:

— Вы уж посодействуйте. Я не только о нашей казне пекусь. Вы уж сами знаете: два раза в фонд обороны деньги сдавали...

Дубинин пообещал, что выставит к вечеру на дороге наряд, и предупредил попа, чтоб тот никому об этом не говорил.

— Да благословит вас...— начал было поп, но, спохватившись, протянул на прощание руку.

...Церковь парадно возвышалась на бугре приблизительно в километре от города. А чуть ближе находились развалины старой часовенки, окруженные зарослями сирени и полусгнившими корявыми вязами. Здесь Дубинин обнаружил ведущие в темноту мшистые ступени. Спустившись, он попал в небольшой сырой подвал. Продолговатое, как бойница, решетчатое окно тускло освещало давно заброшенное помещение. Пахло нечистотами и гнилью. Капитан выбрался наружу, посидел на могильном камне, что-то обдумывая, и побрел обратно...

Зазывно звенели колокола. К храму еще засветло потянулась цепочка старушек, стариков... Не прекратился поток и к вечеру, только теперь к церкви шли ходко и группами. Отставшие резво нагоняли своих и, робея перед опасными сумерками, теснились друг к другу. Но вот стемнело совсем, и фигуры почти не различались.

Никишов смотрел на все это из дремучих зарослей бузины и ругался про себя: «И чего это затеял капитан охранять боговеров!» Ему было обидно еще и потому, что пришлось за свою жизнь много натерпеться от поповского сословия: отец у дьякона батраком работал. Вот и стал сержант ярым борцом против религии. С приходом Советской власти не одну преподобную контру в рясе довелось водить ему под конвоем.

— А ну подожди, бабуся,— услышал он вдруг совсем рядом чей-то сипатый голосок.

Прильнув к земле, Никишов увидел, как две темные фигуры сграбастали какую-то старуху и повели к разрушенной часовне.

Весь антирелигиозный гуд сержанта сняло как рукой. Хотелось выскочить и тут же накрыть голубчиков, но капитан настрого приказал не обнаруживать себя ни в коем случае, отзываться только лишь на команду или спешить на место, где возникнет стрельба. Никишов стал ждать.

Два парня ловко спровадили бабку в подземелье часовни. Бабуся, видимо, онемела от страха и только крепко прижимала к груди руки. Один из грабителей присел у двери, а другой просипатил:

— Ты, старая, не дрожи, мы тебе ничего не сделаем. Гони монету, век за тебя молиться будем.— Сипатый хохотнул, довольный своей шуткой.

Бабка неожиданно вытянула вперед руку, и из рукава высунулся вороненый ствол. Из-под надвинутого до бровей платка смотрели злые, решительные глаза.

— Вперед! — скомандовала «старуха» мужским голосом. Это был Дубинин.

Ошеломленные грабители послушно двинулись вверх по лестнице.

Дубинин негромко окликнул Никишова. Тот сначала тоже растерялся, увидев старуху, говорящую басом, но затем быстро смекнул, в чем дело, и быстренько связал грабителям руки.

Как выяснилось на допросе, пойманные к банде не имеют никакого отношения.

На допросах упорно твердили одно и то же:

— Бес попутал... Ради бога!..

Дальнейшая их судьба известна — время военное.

Глава 31

Получив задаиие, Валька с друзьями вот уже третий вечер шиыряли по городу, искали бандитов по приметам. Валька на приметы мало надеялся — столько всяких людей бывает похожих! Ои больше полагался иа свою память: закроешь глаза — и встает перед ним та бомбежка иа стаиции и тот мужчина, что ударил пожилого дядьку: горбоносый, толстые губы, жилистая шея... Воровская кличка — Хрящ, как сказал Дубинин.

Около вокзала оии остаиовились, и Юрка тихо сказал:

— Сегодия разделяться ие будем. Прочесывать иадо втроем. Ясио? Каждому иадо искать ие одиого, а сразу трех. Шансы в девять раз возрастут!

— Но Дубинин сказал...— иачал Пашка.

— Чего Дубииин! — возмутился Тихоиов.— Если у меня — память! Как хотите, а я могу и ваших выследить. К тому же,— понизив голос, добавил ои,— если втроем иа одиого иаткиемся, его и захватить можио. Виезапно обезоружить и связать. А он за собой всю цепочку потянет.

— Посмотрим...

— Я и говорю: смотря по обстоятельствам. Вальк, а ты как считаешь?

— Дурак ты — вот как я считаю. И трепач.

— Я?..— Юрка вдруг замер.— ОН!

— Кто? — удивлеиио спросил Пашка.

— Кличка Тумба, кто ж еще...— прошептал Юрка, уставившись иа бородатого человека, вышедшего из зала ожидания.

— А борода? — усомнился Валька.

— Отрастил, чтоб ие узиали. Осторожный. Видишь, нервиичает?

Бородатый вертел головой из стороиы в стороиу.

— Похож. Низкий лоб в морщинах. Куриосый. Острый подбородок.

— Где подбородок-то? — вскипел Валька.

— Я ж сказал: бородой скрыл, чтоб не узнали.

— А откуда зиаешь, что острый?

— Сбреют — разглядишь.

— Вроде ои,— поддержал Пашка.— Очеиь подозрительный тип.

Бородатый перешел на другую стороиу улицы и пристроился к очереди в газетный киоск. Ребята проследовали за ним и стали поодаль.

— Поближе надо,— прошипел Тихоиов.— Махиет через ограду — ищи-свищи!

Чувствуя внезапную слабость в иогах, оии подошли и встали за бородатым.

Тот вдруг злобно покоснлся иа инх, плотнее зажал сумку под мышкой и повертел здоровенным кулаком перед самым Пашкнным иосом.

— Вы что? — пролепетал тот, попятнвшнсь.

Юрка перемахиул через забор, а Валька ныриул за ларек, в котором когда-то торговалн газнровкой. Их бегство прндало бородатому решнтельность.

— Ишь какие! — закрнчал ои так произнтельио, что все стали оборачиваться.— Карманннкн!

— Чего ои привязался? — заиыл Пашка.

— Да выдай ему по шее,— пропел чей-то тенорок.

Какая-то бойкая баба мгновенно огрела Павла кошелкой по голове.

— Вы чего деретесь! — плаксиво вскрнчал он н бросилси прочь, затесавшнсь в рыночную толпу у вокзала.

Бородатый громко, на всю площадь, жаловался окружающим:

— Гляжу, за миой шныряют! Трое!

У ворот толкучкн Пашка столкнулся с Чумнцнем.

— Эх, вы! Культурно надо работать! Интеллнгузия... Не умеешь воровать — ие берись! — презрительно заметил ои н удалнлся.

— Разберись попробуй,— оправдывался потом «следопыт» Тнхонов.— Может, онн все бороды поотпускалн...

— Ладно,— оборвал его Валька.— Нечего на рожон лезть и втроем шляться: сразу заметно.

Задание оказалось ие таким простым, как оии себе это представлялн.

Глава 32

Дубннин бесцельно прошелся по рыночным рядам н остановнлся, чтобы перекурнть. На ием была потертая шниель, как у многнх, и старая гражданская шапка.

Прошло уже иесколько дней после его изначеиия, но форму еще ему не выдалн. Да н не нужна оиа ему была прн его-то работе. Он смотрел на разношерстную, орущую иа разиые голоса толпу. «Вот взять бы сейчас да забрать разом. И проверить! До шута тут, наверно, всякнх!..»

И, словно подчнняясь его мыслям, проходнвшнй мимо незиакомый усач-мнлнцнонер проворио схватнл за локоть какого-то остроносого барыгу.

— Ты чего? — дернулся тот.

— Идем, там узиаешь! — Мнлнцнонер серднто шевельнул усамн.

— Обознался ты,— заулыбался остроносый.

Рядом с Дубиннным зашушукалнсь торговки:

— Николашка влип...

Дубиннн подошел поближе.

— Чего тебе? — вскипел милиционер.

— Я ничего...

— А ну, стой! — Милиционер предостерегающе расстегнул кобуру.— Пошли,— приказал он Дубинину и остроносому.— Давай, давай!

Вот тебе нá! Документы предъявнть? Глупо: толпа собралась, зачем ему, чтоб его столько народу знало? Надо же — вся милиция начала прочесы, то и дело забирая подозрительных, а сейчас самого взяли! Неделю работает, откуда же всем милиционерам в лицо его знать, ну, вот хотя бы этому старшине из привокзального отделения — туда их ведет. Попался, называется!

Милиционер доставил нх в дежурку, и Дубинин с остроносым субъектом оказались в плохо освещенном коридорчике.

— «Море плещет о берег скалистый»,—запел кто-то совсем рядом в кабинете.

Милиционер втолкнул задержанных в предварилку и захлопнул дверь.

На скамье сидел тощий парень и держал на коленях большую плетеную корзину. У окна стояла полная баба. На полу спал точильщик, обняв свой станок.

«Влетел в историю! Не станешь же при всех колотить по двери и доказывать, кто ты такой.— Дубиннн поднял воротннк и, прнсев на край скамьи, прислонилсся к стене.— Положеньице!»

Баба принялась бегать из угла в угол.

— Да сядь ты! — прикрикнул на нее остроносый.

— Тебе что, против тебя, видать, уликов нет никаких! — всхлипнула баба и забегала еще быстрей.

Остроносый скрипнул зубами.

Баба, подойдя к Дубинину, уставилась на него. Он отвернулся, словно собираясь вздремнуть.

— Ты по какому делу? — спросила она.

— Так, недоразумение,— буркнул он.

— Думаешь, выпустят?

— Должны бы...

Баба быстро подсела рядом, оттеснив задом тощего соседа. Она уткнулась почтн в самое лицо Дубиннна и тихо зачастила:

— У меня их всего-то шесть. Если ты захватншь эти,— она проворно достала невесть откуда кусок мыла,— скажу два сама для себя купила. Все вндели, что два в руках держала. Докажи! — Спекулянтка улыбнулась.— Возьмешь? — Приняв

его молчание за согласие, баба стала еще напористей: — Да ты не опасайся! Ежели даже у тебя найдут, они тебе ничего не сделают! Скажешь — купил. А чуть что, кричи: для чего, мол, нас фрицы калечили! — Баба на секунду замолчала и зорко оглядела Дубинина.— У тебя чего нет-то?

Дубинин не понял.

— Из органов чего нет? — разъяснила баба.

— А,— догадался Дубинин,— руку зацепило.

— Во-во, для чего, мол, я руки лишился! — И, не спрашивая ответа, баба запустила руку за пазуху и извлекла еще три небольших куска мыла.— Скажешь, твои, и всё.

Остроносый скосил глаза и зло заметил:

— Чего распотрошилась, кто там искать будет?

— И не там искали! — отрезала баба и доверительно притиснулась к Дубинину.

— Желудько! — выкрикнул дежурный.

— Проиесешь — твоя половина,— пообещала баба, сунула Дубинину мыло в шинель — он даже опомниться не успел. И, причитая, вышла из камеры.

В этот момент остроносый незаметно для всех выдернул из-под пальто потертую полевую сумку и повесил ее на гвоздик точильного станка.

Дубинин обернулся — и остроносый, как бы забавляясь, нажал несколько раз на педаль точила.

— Хорошая машина у Лехи, кормит и поит,— кивнул он на спящего хозяина.

Загремел засов, вошел милиционер и обвел взглядом камеру.

— Меня вызывай,— кинулся к нему остроносый.— А то в следующий раз не пойду.

Милиционер открыл дверь.

— И ты — тоже,— приказал он Дубинину.

— «Мы одни, с нами только гитара»,— напевал тенорком франтоватый следователь.— Давно воруешь? — спросил он, пронзительно взглянув на остроносого.

— Работаю в артели «Бытовик»,— затараторил тот.— Фотография, что на Карла Маркса,— знаете? Фамилия Краснов. Это я.— Он протянул паспорт и какие-то бумажки.

Следователь принялся внимательно разглядывать документы.

— Чего ты на рынке торчишь? Спекулируешь?

— Что вы! Я честно. Чего куплю, чего продам. Жить-то надо.

Милиционер проверил его карманы, похлопал по пальто — ничего.

— Имя и отчество? — Следователь неожиданно подался вперед.— Быстро!

— Николай Степанович,— выпалил остроносый.

Следователь разочарованно захлопнул паспорт.

— Бери свои бумаги. Еще раз попадешься — пропадешь!

— Первый и последний.— Остроносый схватил свои бумаги и вышел.

— «Над волной свет луны серебристый...» — Следователь пристально посмотрел на Дубинина.

Милиционер, не говоря ни слова, запустил ему руку в карман шинели и торжествующе вытащил кусок мыла. Дубинин усмехнулся, вынул еще три и положил на стол.

— Что, попался, спекулянт? — возликовал следователь.

— Встать! — крикнул Дубинин.

Следователь вскочил с такой быстротой, словно все время только и ждал этой команды. Усач-милиционер вытянулся и притих в ожидании чего-то страшного и непонятного.

— Пиши: принял от начальника угрозыска капитана Дубинина четыре куска мыла хозяйственного, полученного от спекулянтки во время пребывания под арестом.

— Пожалуйста, документы,— очнулся следователь.

— Вот,— протянул Дубинин.

— А я говорю: оставь машину! — кричал милиционер на точильщика в предварилке.

— А я говорю: не брошу! — кричал точильщик.— Она твоя?

— Ну, черт с тобой! — милиционер привел Леху, не выпускающего из рук станок, в дежурку.

Следователь робко глянул на Дубинина.

— Продолжайте,— сказал тот.

— Скажите, пожалуйста, товарищ, за что задержаны?

— По пьянке,— жалобно признался точильщик.

— На путях лежал,— разъяснил милиционер.— Могло задавить.

— Идите и не допускайте больше подобного. Стыдно,— пожурил Леху следователь, стараясь быть вежливым.

— Очень даже,— повесив на плечо станок, согласился точильщик. У двери он задел точилом косяк, и полевая сумка, слетев с гвоздя, упала на пол.

— Товарищ,— окликнул его следователь,— сумочку потеряли.

Милиционер поднял ее и протянул точильщику. Леха ошарашенно взглянул на сумку.

— Я в первый раз вижу...

— Ну-ка,— заинтересовался Дубинин, взял сумку, открыл и вытряхнул над столом. Посыпались толстые пачки сотенных, опоясанные банковскими бумажными ленточками.

— Так,— выдавил следователь и снял фуражку.

— Откуда деньги? — спросил Дубинин.

— Не знаю,— запинаясь, божился точильщик.— Не моя она.

— Уведите в отдельную,— приказал Дубинин дежурному. И повернулся к следователю: — Как вы считаете, он говорит правду?

— Врет! — не моргнув, выпалил следователь.— Артист! Крупная птица! Каким барашком прикинулся! Видать, он и ограбил сберкассу!

— А я вот что думаю,— сказал Дубинин.— Если б сумка была его, он бы ее так не повесил. Он бы ее держал при себе или, на худой конец, бросил в камере.

— Как же, такие деньжищи бросить! — возразил следователь.

— Жизнь дороже. Пусть даже захмелел, выключился. Когда вы его отпустили, он прежде всего думал бы о деньгах... Все дело в том, что он ее просто не заметил... Нужно его отпустить.

— Не могу.

— Я вам прикажу.

— В письменном виде.

Дубинин сел за стол и стал писать.

— Много сегодня задержанных было?

— Человек сорок. Всех не проверишь,— ответил следователь.— Этот точильщик с утра попал.

Вошел милиционер и стал у двери, ожидая распоряжений.

— Вот мое распоряжение об освобождении.— Дубинин пододвинул листок.— Здесь же расписка в получении тридцати тысяч рублей. Ясно?

— Так точно,— ответил следователь.

— Старшина, проводите меня к арестованному.

Леха-точильщик сидел на лавке и плакал. Увидев Дубинина, он поспешно встал.

— Садись,— сказал Дубинин.

Точильщик сел.

— Не знаю, откуда они! Не знаю!

— Может, и так. Но кто в это поверит? У тебя же их нашли? У тебя. Плохие ваши дела, Коршунов.

— Плохие, чего хорошего... Ни за что посадят. Нету справедливости. Нет ее, правды! — Точильщик заплакал.

— Нет, есть,— возразил Дубинин.— Хочешь найти?

— Да я б!.. Эх! Где мне! — всхлипывал Леха.

— Слушай меня. Я тоже хочу найти правду. Я не хочу, чтобы ты невинно страдал. Но что ты ни при чем, надо еще доказать.

— Верно.— Точильщик вытер рукавом глаза.

— Тогда вот что. Бери сумку. Повесь, где была, и иди.

— Как?..— поразился Леха.

— Так. Иди, и все. Тебя выпустили, ты пришел домой, там и увидел деньги в первый раз. Ясно?

— Значит, как вроде ничего и не было? — старался уловить нить замысла точильщик.

— Именно. Только всех денег я тебе не дам.— Капитан вынул из кармана одну пачку и положил в сумку.— Вот с этим домой пойдешь. А дальше дело наше.

— Ну а если они деньги потребуют? Ну, те, кто подкинул их мне.

— Сделаешь так...— начал Дубинин.

— Ты куда, солдатик? — услышал за собой Дубинин, выйдя из дежурки. К нему спешила его новая знакомая по камере.

Капитан обернулся и поманил пальцем появившегося в дверях милиционера:

— Задержите вот гражданку за спекуляцию мылом.

— Растяпа,— ошеломленно сказала баба.— Проболтался!

Глава 33

...Этот старый переходной мост на ржавых опорах через пути. Дубинин любил постоять на нем, не спеша покурить. Всякий раз раньше, до войны, возвращаясь с работы, он останавливался, опирался на железные перила — внизу спешили рельсы, похожие на бесконечные лестницы. Они скрещивались, уводили в тупики, их напористый бег сдерживали бесчисленные стрелки и светофоры. Но вот две дуги, словно прорвавшись сквозь оцепление, устремлялись на простор, за поворот, за рощу. Где-то там они разветвлялись, соединялись с другими ветками, а все железные дороги, если б можно охватить взглядом, были похожи, наверное, на гигантское бескрайнее дерево, на котором висят большие города и маленькие станции...

На станции раньше всегда было шумно, подходили поезда, люди спокойно садились, носильщики в передниках несли чемоданы, из ресторана доносилась музыка. А сейчас тихо. Пассажирские теперь ходили только ночью — из-за бомбежек.

Дубинин шел по мосту, а навстречу ему на минный завод спешила вечерняя смена: старики, подростки, женщины в серых платках, перехлестнутых на груди, как патронташи.

Когда поток схлынул, капитан увидел мальчишку, сидящего на ступеньках. Это был Гапон. Он не сводил глаз с товарняка на крайнем пути. Паровоз «щучка» разводил пары, собираясь тронуться на Узловую. В последние дни Мишка снова сошелся

со шляпииской компанней, н его, как обычио, посылалн размечать «харчевые» вагоны.

— Глаза лопнут,— сказал ему Дубинин.

Мишка обернулся.

— Не призиаешь?

Гапои вгляделся вннмательней:

— Не знаю я тебя...

Да ведь н сам Дубинин с трудом узиал в хмуром худом мальчишке довоенного веселого толстяка Мишу Гапоиова — сыиа зиакомого каменщика, с которым они вместе уходили на фронт. С тех пор ие довелось больше с иим встретиться. Тем более, вскоре попал Дубиции в госпиталь.

Как быстро все измеиилось! Теперь мальчонка напомннал ему беспризорииков, каких миожество перевидал ои в гражданскую, когда сам был пацаиом.

— Где я тебя видел? — задумался Мишка.— Шляпнна зиаешь?

— Не зиаю.

— А Чумиция?

— Не доводилось.

— Тогда я обозиался.

— А я-то тебя, Миша, помию.

— Иди ты!

— Да. Мы вместе с твоим отцом иа фроит уходилн.

— И где ж он?.. Не пншет почему? — не мнгая смотрел Гапои.

— Где он, сказать не могу, иа высадке расстались. Больше не видел. А потом раиили меия. Тоже своим не пнсал. Не хотел тревожить. Думал: а вдруг выживу? И выжил.

— Ну, вот! Я н говорю,— лихорадочио затараторнл Мншка.— А все: каюк, говорят, погиб. Шиш! Ои у меня бедовый. Ты вот живой. Мало ли что случается, правда?

— Коиечио.

Грузовой порожняк наконец троиулся в путь.

— Я побег,— заспешил Гапои.— Мие в Ореховку надо по делу. Ты где живешь?

— Новая стройка, семь,— ответил Дубииии.

— Теперь я тебя узнал,— обрадовался Мишка.— Тебе эту, выве...— хотел сказать «вывеску»,— лицо прилнчно контузило. Пока!

Он сбежал по ступенькам, догиал последннй вагон, сел иа буфер и помахал рукой.

Глава 34

Точильщик огляделся, положил сумку на тумбочку, зашторил окио, вытащил из кармаиа пол-литра.

В дверь забарабанили. Леха вышел в сеицы и испугаиио спросил:

— Кто?

— Это я.

— Сейчас.— Леха открыл, впуская остроносого.

— Соли не одолжишь, сосед?

— Есть немиого.— Точильщик прииялся шарить в буфете.

Остроносый быстро оглядел комиату, увидел иа тумбочке свою сумку и стоящую иа столе бутылку. Леха, покачиваясь, достал стакаи с солью и отсыпал в спичечную коробку гостю.

— Отдам с проceитом,— заулыбался остроиосый.— Спасибо.

Леха запер дверь. Немиого подумав, нашел пустую бутылку и заменил ею стоящую иа столе.

На улице и в саду было пустынно — ни души. Остроиосый обошел дом со всех сторон. Только в одиом окие с трудом угадывался свет. В остальиых стояла тьма.

Остроиосый просунул шило меж створками рамы на вераиде и сбросил крючок. Осторожио открыл раму и перевалился внутрь. Бесшумио отворив дверь, ои попал в темиую комнату, смежиую с той, в которой горел свет, и прильиул к замочиой скважиие.

Точильщик закатил пустую бутылку под буфет и, натыкаясь на стулья, побрел к дивану. Рухиул поперек и через мгновеиие уже храпел иа весь дом. Остроносый проскользиул в комиату, схватил сумку и облегченно вздохиул.

— Ну, здравствуй,— сказал кто-то за его спиной.

В дверях кухии стоял Дубииин. Леха сразу же встал:

— Порядок!

Доставленный в угрозыск, остроносый вкоиец раскис. У него потели ладоии, и ои все время вытирал их о телогрейку.

— Так ты знаешь, откуда эти деньги? — спросил Дубииин.

— Откуда мие зиать...

Дубииин обмакиул замызгаииую ученическую ручку в чернильиицу и, не глядя на остроиосого, иачал рисовать на листке какие-то загогулиины.

— Деньги эти — из сберкассы, которую ты и твои дружки

ограбили десять дней назад. При перестрелке...— Дубинии иадавил, перо сломалось,— был убит майор Молотков. За это сам зиаешь, что полагается. Говори!

— Не грабил я! — вскричал остроносый и глухо пробормотал: — Дали мне их.

— Кто?

— Ей-богу, ие зиаю.— Ои нервио теребил фуражку.— Я был в фотографии, что иа Карла Маркса, пришел человек... Ну, о прошлом напомиил. Сидел я по этому делу...

— По какому?

— Штампы иа паспорта вырезал, печати всякие, но с тех пор ни-ни! — поспешио подчеркиул остроиосый.— И вот... Нужда попутала, граждаиии иачальиик,— взмолился ои,— а тридцать тысяч — деиьги!

— Зиачит, тебе заплатили за работу вперед?

— Да. Не верите? Деиьги же вот оии, у вас!

— Штамп уже передал? — быстро спросил Дубииии.

— Что вы! Нет! — сказал остроносый так, как будто это была его заслуга.

— А когда тот человек обещал за штампом зайти?

— Ои не обещал. Ои сказал: «Пойдешь двадцатого в баню...»

— Завтра? — перебил Дубииии.

— Ну, да. «Пойдешь,— говорит,— в пятницу, в мужской деиь, в баию и за полчаса до закрытия бросишь штамп в четыриадцатый шкаф в раздевалке, и — квиты». Там дырки такие в шкафах для веитиляции — зиаете?.. Правду говорю! — Остроносый беспокойио заглядывал Дубинину в глаза.— Легко проверить можио. Сами увидите, ие вру!

— Как он выглядит?

— Трудно сказать. Лет тридцати пяти, росту средиего, все время улыбается, зубы как зеркало. Полупальто драповое, ботиики. Ну, что еще?..

— Мие нужиы два человека в пятиицу,— сказал Дубииии, стремительио войдя в кабииет к начальиику городской милиции Митииу после допроса остроносого.— И обязательио тех, кто ие примелькался.

— Возьми Сухарева. Это иаш проводник, ои только поправился после раиения, изиывает без дела. Собаку убили тогда...

— Ну а второго? — иетерпеливо спросил Дубииии.

— Постой...— Митин подумал.— У нас иовичок один, сержаит. На железиодорожиом разъезде дежурит. Я сейчас позвоию.

— И пусть оденется в штатское.

— А в чем, собственно, дело? — оживился Митин.— Что показал арестованный? И к чему весь этот маскарад?

— А дело в том...— начал Дубинин.

Глава 35

Люди раздевались, складывая одежду в шкафчики и запирая на замки, предусмотрительно захваченные из дому. Дубинин и молоденький парнишка — сержант с разъезда — отдали билеты контролеру и прошли в предбанник.

На шкафчике с номерком «четырнадцать» висел внушительный замок. Сухарев уже сидел напротив, чертыхался, снова и снова перематывая портянки,— делал вид, что на них никак не налезают сапоги.

В тесном банном зале скучилось человек двадцать. Дубинин намылился, окатил себя из шайки и опять пошел за водой, присматриваясь к людям.

— Давай я тебе, Егор, спину потру,— сказал, вернувшись, Дубинин.

— Есть, товарищ капитан! — машинально выпалил сержант. Соседи недоуменно обернулись, кто-то засмеялся.

Сержант виновато пожал плечами. Капитан принялся яростно драить Егору спину мочалкой. Сержанта даже шатало, он морщился от боли, но мужественно терпел.

— Болван,— прошипел Дубинин, когда любопытствующие снова занялись своим делом.

— Простите...— К Дубинину подошел дядя Коля, Гапонов жилец.— Вашим мыльцем можно на минутку воспользоваться? А то мое совсем смылилось.

— Пожалуйста.

Дядя Коля намылил свою мочалку и вернул.

— Большое вам спасибо.

— Не за что.

...Сухарев по-прежнему сидел на своем месте. Один сапог ему, наконец, «удалось» натянуть.

Одеваясь, сержант жалобно глядел на Дубинина.

Все шкафы были уже пусты, дверцы распахнуты. И только на четырнадцатом висел замок.

В зале кто-то весело насвистывал и плескался под душем.

— Закрываем!— крикнул банщик.

— Сейчас.— В предбаннике появился лысоватый огромный мужчина с шайкой в руках. На ее ушке болтался ключ.

— У вас, случайно, чего-нибудь острого нет? — спросил он у Сухарева.— Ключ никак отвязать не могу.— И вдруг, уронив шайку, кинулся к одному из раскрытых шкафов.— Обокрали!

Как же я, а?..— Чуть ие плача, ои заметался по предбаиику.— Что же теперь делать?

— Ну, хватит ломать комедию,— оборвал его причитаиия Дубииии, перерезал веревочку и протянул ключ.— Открывайте!

— Вы что, издеваетесь надо мной! — взвизгиул тот.

Тогда Дубииин сам открыл шкаф, проверил карманы висящего там пальто и извлек пистолет.

— Баищи-и-и-и-ик! — пронзительно закричал лысоватый.

— Тихо,— обрадоваино сказал сержант.— Одевайся, дядя.

Лысоватый испугаиио оделся.

— Ну, что?.. Видите! — вскричал ои.

Брюки ие доходили ему до щиколоток, а руки торчали из пиджака, как у пугала.

А в это время у входа в баию происходило иечто удивительиое. Какая-то женщина, мертвой хваткой вцепившись в человека в клетчатом пальто, иадрывио кричала:

— Петю раздели! Люди добрые, я это пальто сама из одеяла шила. А шапка-то, шапка! Только вчера купили!

Освободиться от иее ие было иикакой возможиости.

Отчаяииым рывком человек выскользиул из пальто, оставив его в руках женщины, и бросился было прочь, ио, запутавшись в длииных широких брючиних, полетел кувырком. Женщииа села иа него верхом и заголосила пуще прежиего.

Тут-то и появился в сопровождеиии Дубииина и остальных задержаииый в баие.

— Клава! — плаксиво завопил ои.

...В милиции жеищииа затрещала, как пулемет:

— Я, значит, жду Петра. Гляжу, идет иаше пальто! Я его со спииы увидела. И вижу — не то. Сразу смекиула. Хоть вор этот и бугай, ио мой крупиее,— ие без гордости сказала оиа.— Надо же, как хитро придумал: ключ заменил! Петя, верио, голову иамылил и ие заметил. Ну, и...

— Большое вам спасибо.— Митии пожал ей руку.

— Да ои все равио б от меия ие ушел,— улыбнулась она.— В штаиах запутался. А вам тоже спасибо. А то ведь люди стоят, глазеют, а помочь не желают. Всякий боится.

Когда оиа ушла, Митии сердито сказал Дубиииу:

— Ну, если бы ты его упустил!..

— Промашка вышла...

— Ты хоть зиаешь, кто иам попался?

— По приметам, пожалуй, Тумба.

— Точно. И номер взятого у него иагаиа в иашем списке значится. В привокзальиом отделеиии милиции похищеи.

...Дубииин долго убирал со стола бумаги и папки, аккуратно раскладывал по ящикам, будто не зная, чем заияться, и сидевший напротив Тумба — кряжистый, угрюмый здоровяк — извелся от нетерпеиия.

— Ну? — не выдержал арестованный.

Капитан ничего не ответил.

— Ты давай курить предлагай и начинай с ФИО,— насмешливо посоветовал Тумба.— Фамилия, имя, отчество. Только ничего ты из меня не вытянешь. Без пользы. Так или этак, а мне теперь дорога одна. Мне терять нечего. Дай закурить лучше.

— Обойдешься.

— Нехорошо,— покачал головой Тумба.— Невежливо.

— Выходит, ничего не скажешь?

— Нет. Даже если очень попросишь.— И Тумба сплюнул на пол.

— Вытри.

Тумба не шелохнулся. Дубинин встал:

— Вытри.

Тумба демонстративно закинул ногу за ногу. У Дубинина задергалась щека. Он закрыл массивную дверь на ключ и подошел к Тумбе.

— Я говорю: вытри!

— Ты меня не пугай.— Тумба взял графин и иаклонил над стаканом.— Что-то мне пить захотелось. Горло пересохло. Разговорчивый я очень, правда?

— А если я тебя бить буду?

— Не имеешь права,— ухмыльнулся Тумба.

— К сожалению, не имею. Права ты свои знаешь.

Тумба, покосившись на запертую дверь, вдруг бросился на Дубинина. У него, вероятно, возникла мысль: с этим одноруким «начальником» он запросто сладит, отберет оружие — и айда на улицу через окно.

— А убивать ты имеешь право? — Дубинин перехватил его руку, и Тумба, описав ногами дугу, плашмя шлепнулся иа пол. Вскочил, попытался прорваться к окну.—А Родину предавать,— Дубинин резким ударом вновь сбил верзилу с ног,— имеешь право?

Бандит схватил стул и поднял над головой...

Митии и Никишов ломились в запертую дверь, за которой раздавались шум, вскрики и грохот мебели. Неожиданно все стихло. Затем донеслись голоса и не сразу щелкнул ключ.

— Что тут происходит? — ошалело сказал Митин, влетая в кабинет.

Первое, что бросилось ему в глаза,— Тумба с расквашенным носом. Он суетливо сгребал веником обломки стульев.

— Поднасорили тут малость,— сказал Дубинин. Лицо у него было в ссадинах.

— Нарушаешь законность! Руки распускаешь! — свирепым шепотом сказал Митин.

— Руку,— уточнил Дубинин.

— Ои тут приемчики применял! — гундося, вскричал бандит.

Дубииин сделал к нему шаг, и Тумба поспешио схватнл веннк, продолжая прерваиное дело.

— Объявляй сбор по тревоге,— сказал Дубинин Мнтину.

Оказалось, что дом, который назвал Тумба, уже проверяли. Еще при Молоткове, когда осматрнвали все развалиины н брошеииые жнтелями дома.

На чердаке была потайиая выгородка, которую и не заметишь, если не знаешь о ией. Сделана нз старых досок. Стонт сдвииуть одну доску — и попадешь в длииный узкий проем за трубой. Здесь лежали одеяла, тряпье...

— Снова проверить все заброшеиные дома,— приказал Дубииии.— Впрочем, не надо... Баидитов иаверияка предупредили. В брошеиные дома оин теперь не суиутся.

— Кто-то у иих в городе есть.— Митии поддел иогой консервную банку.— Еда, одежда, жнлье... Это, коиечно, было с самого иачала ясио. Но кто? Кто?

— Может, еще раз допроснть арестоваиного? — Никишов рыскал по чердаку, заглядывая во все закоулки.

— Он больше ннчего не знает. Можете мне поверить. Тех, кто им помогает, они так и не видалн в лицо. Седой и подросток. Все те же.

— Одии убит. Двое бандитов — у иас. На воле теперь четверо из тех семи бежавших,— сказал Митин.— Плюс двое иеизвестиых.

— Почтн то ж на то,— буркнул сержант.— Шестеро.

Часть III. ГОРОД «БЕЗ ВЛАСТИ»

Глава 36

Парты былн сгружены в конце перрона.

— Опоздал...— виновато сказал Пашка, вынырнув из-под вагона.— Вы уже давно?

— Со вчерашнего дня,— с иронней крикнул Валька.— А ну, становись с того краю!

Пашка засуетился и полез в кузов машины. Леля стояла у открытого заднего борта и подавала вниз свертки и узлы, в которых были наспех упакованы ученические пособия.

Теперь дело пошло быстрее. На земле, прямо у железнодорожного полотна, выросла гора школьного нмущества.

Разгруженная машина с Пашкой в кузове ушла за новой партией груза.

Валька и Леля присели на кнпу географических карт.

Подслеповатый завхоз лазил между тюками, что-то разыскивая н приговаривая себе под нос: «И куда же она задевалась?»

Валентин воднл пальцем по карте, разыскивая доселе неизвестное место назначения:

— Вот, смотрн. Далеко нам прндется ехать. Снбирь.

— А как странно,— сказала Леля.— Вот учились. Опаздывалн на уроки. В школу идти не хотелось, учителей ругали. А сегодня проснулась, в школу больше не надо... Сразу жалко стало. А тебе?

— Тоже немножко,— признался Валька.— Только не до школы теперь.

Он встал и вдруг увидел на крышке парты вырезанную надпнсь: «Леля + Валентин = ?» Он достал перочнннный ножик и принялся ее состругивать.

— Ты чего там делаешь? — Леля заглянула через его плечо, нахмурилась, а потом засмеялась.

— Это Тихонова работа,— проворчал Валька, продолжая стругать.

— А ты оставь,— сказала Леля.

— Зачем? — буркнул он.

— Ну так, на память...— сказала Леля.— Я ведь никуда не поеду. Если город оставят и меня не возьмут в партизаны, я сама буду!.. Я уже решила.

— Решила она...— Валька захлопнул крышку.— Сама... Хочешь, чтоб тебя в Германию заграбастали — арбайтен, да?

— А меня папа из нагана учил стрелять. Я умею, из винтовкн тоже умею!

— Умеет! Тебе уж лучше в госпиталь!

— Я даже палец не умею перевязать и очень крови боюсь.

Понимаешь,— сказала она,— если бы отец на фронте погиб, все же не так обидно было бы. Говорят, из милиции скоро всех на фронт мобилизуют. Не дождался...

Подъехала машина. С нее соскочили мальчишки и девчонки, мигом разгрузили приборы физкабинета, каждый стал искать свою парту. Наконец все парты оказались у своих хозяев, и получилось так, что их расставили у путей на снегу в том же порядке, как и в классе.

Только стол достался завхозу, он сел на него и, положив перед собой полевую сумку с бумагами, что-то писал, беззвучно шевеля губами.

Из школы примчался запыхавшийся Юрка.

— Слыхали, что делается, а? — заорал он, размахивая глобусом.— Немцы совсем рядом, на дороге неразбериха!

— Сам ты неразбериха,— перебила его Леля.— Лучше пораньше пришел бы помочь, как договаривались. Явился — не запылился! Паникер!

— Я глобус принес,— растерянно сказал Тихонов.— И никакой паники с моей стороны нет. Я, наоборот, призываю всех к организованности!

Он вскочил на стол, рядом с завхозом, и обвел всех гордым взглядом.

— Вот послушайте! Мои последние стихи: «Призыв»! — И начал декламировать, взмахивая рукой:

Проклятые фашистские руки тянутся к нам!
Слышны орудий раскаты то тут, то там!
Но рано трубят победу фашистские трубачи!
Найдут себе могилу у нас палачи!

Юрка спрыгнул со стола, завхоз чуть не упал и тут только заметил «поэта».

— Бестолочь некультурная! Что ты ножищами по столу топаешь?

— Я...— начал опешивший Тихонов.

— Ты, а кто же!

Ребята невольно засмеялись. Юрка разозлился и перешел в наступление:

— А вы сами-то сидите на столе!

— Да, я сижу, у меня пальто драповое, а у тебя калоши!

Вдали на перроне появилась маленькая фигурка директора школы — учительницы по литературе Марии Николаевны. Стуча каблучками, она приближалась, как бы вырастая, и вот уже можно было разглядеть строгие очки, конопатый нос и большие желтые пуговицы на пальтишке. Рядом с Марией Николаевной шел бывший школьный военрук Дубинин.

Класс притих и встал из-за парт, словно на уроке. Завхоз

стал показывать директору какие-то бумаги. Марня Николаевна кнвнула ребятам, и они сели.

— Тихонов, у тебя что по литературе? — шепотом спросил Пашка с задней парты.

— «Посредственно», а что?

— Ннчего, просто «посредственно», вот и все.

— Говорить ты мастер! — разозлился Юрка.— Тут не в лнтературе дело! Тут, понимаешь, вот тут! — И он стукнул себя в грудь.

— Хорошо, когда еще н вот тут,— в тон ему ответил Пашка и постучал себя по голове.

— Чего прнстал к нему? — коварно заступился Валька.— Ведь стихи у него последние.

Тихонов обиделся и отвернулся.

— Мальчишки, не ссорьтесь! — вмешалась Леля.— У нас сегодня такой день, а вы!..

Все зашнкали.

Днректор отвела в сторону завхоза и тихо выговаривала:

— Ну зачем ты парты приволок? Куда нх теперь девать?

— Зачем? Как будто они мне нужны! Вам же н пригодятся. Вдруг там нет нли высадят посреди поля? — обиделся завхоз.

— Все равно, Аким Иванович, дорогой. Сейчас людям и тем вагонов не хватает. Ну ладно, успокойтесь, попробуем. Удастся — возьмем.

Мария Нниколаевна поправила очки н встала за стол. Стало совсем тихо.

— Ну, вот, ребята,— сказала она так, словно начала свой обычный урок по литературе.— Вы все тут и всё прекрасно поннмаете... Ваш класс едет последннм. Скоро подадут поезд. Но это не последннй наш урок. Некоторое время вы не будете ходить в школу — до переезда и пока устроимся. Но заниматься вы должны. Должны сами. Так, как будто бы ничего не пронзошло. Это ваш долг — учиться. Для того чтобы... чтобы быть достойными тех родных и близкнх, которые сейчас там... Они сражаются н за то,— подчеркнула она,— чтоб вы спокойно учились. Вот все, что я хотела вам сказать. Какне будут вопросы?

— Можно, Мария Николаевна? — поднялась Леля.

— Да, Молоткова.

— Интересно, как мы будем учнть, напрнмер, немецкий, если мальчншки отняли у нас все учебннкн немецкого н их больше нет!

— Как нет? — не поняла Мария Николаевна.

Леля испуганно покоснлась на ребят. Они осуждающе смотрелн на нее.

— Как нет? — переспросила учительница.

Тогда встал Пашка.

— Мы решили всем классом покончить с немецким языком, как с вражеским, ну и уничтожили учебники.

Пашка покосился на ябеду и сел. Потом опять вскочил и повторил:

— «Ди блауэн фрюлингсауген шауэн аус дем грасс херфор» — «На тебя смотрят из травы голубые глазки весны», да? А может, сейчас какой-нибудь фашист своими голубыми «ауген» целится в моего отца! Не хочу учить язык врага!

Учительница медленно прошлась между рядами. Ребята молча следили за ней и ждали, чем все кончится. Она подошла к Пашке и положила ему руку на затылок. Он съежился.

— Эти стихи о голубых глазах весны написал не Гитлер, а Гейне. Не всю жизнь война, Павел. Кончится, вырастете, будете учиться дальше, работать. Может, тоже и стихи писать. А знать надо многое, для того и школа...

— Вот ты говоришь — вражеский язык,— вмешался Дубинин.— Правильно, сейчас вражеский. А вдруг попадешь на фронт? Возможно, дай бог, до вас дело и не дойдет, но допустим? А?

Все повернулись к нему.

— Без немецкого на фронте плохо. Особенно в разведке и вообще.

Все опять зашевелились.

— Кто не сдаст экзаменов, оставляйте, Мария Николаевна, на второй год. В интересах обороны! — не то шутя, не то всерьез закончил капитан.— А в общем, я попрощаться с вами пришел... Желаю вам всем хорошо доехать!

Вагонов так и не подали. А если б и подали, ехать было некуда. Ни Мария Николаевна, ни Дубинин, ни девятый «Б», ни даже завхоз Аким Иванович, так заботившийся о партах, еще не знали, что немецкие бомбардировщики разрушили железнодорожный мост.

Глава 37

— Давно воруешь? — спросил следователь в пристанционной дежурке.

Мишка испуганно проглотил слюну.

— Не ворую я... Чего вы?

— С какого года?

— Двадцать девятого...

— Курим? — ласковым тоном сказал следователь и протянул открытую коробку «Казбека», в которой Гапон сразу

же распознал давно не куренные папиросы «Норд». Он охотно взял.

Дубинин сидел у окна поодаль, у него и у Мишки был такой вид, словно они не знают друг друга.

— Значит, ты, Михаил Гапонов,— продолжал следователь,— конечно, не знал, что на крыше вагона ездить воспрещается?

— Знал! Чего вы из меня дурака делаете? Знал. Все ездят!

— И ты, конечно, не ведал, что тебя заметила охрана, когда ты размечал вагон, который потом будут, как у вас называется, «калечить»,— продолжал следователь.

— Ничего я не размечал! Брешут! — вскочил Мишка.— Чего привязались?

— Извините, оставьте нас вдвоем,— сказал Дубинин следователю.

Тот недоуменно взглянул на него и вышел.

— Что ж, тезка, так долго не заходил? — сказал Дубинин.

— Некогда,— сразу осмелел Гапон.— Я тогда, помните, как сел на поезд, так и уехал. Потом пересел на состав с обгорелыми танками, думал, сойду на Узловой, да так и отмахал незнамо куда без остановки. На скорости не спрыгнешь, шею можно поломать... Назад сутки добирался. Гляди, что нашел! — Он суетливо достал из кармана орден Красной Звезды. Эмаль на нем была в трещинах, края оплавлены.— Сгорел он, танкист... А может, и утек или в плен попал.

Дубинин взял орден, повертел в руках и вернул. Гапон потер его о рубаху и спрятал.

— Сгорел, наверно. Танк — что гроб. Железный, а горит, как свеча. Только дым черный.

— А чему там гореть-то? — поинтересовался Мишка.

— Найдется. Горючее... Резина.

— Ну, давай,— сказал Гапон,— все мне рассказывай, чего помнишь. Про отца. И случаи военные тоже.

— А что привезли в составе, на котором ты вернулся,— пшено? — неожиданно спросил Дубинин.

— Рожь.— Гапон спохватился и испуганно взглянул на него.— А ты откуда знаешь?..

— Я много чего знаю,— заметил Дубинин.

— Тогда на мосту врал: не знаю, говорит, никого. Хитер.

— Знаю-то я все, да не все одобряю. Вот зачем, к примеру, ты воруешь?

— Вот ты на фронте был,— не сразу ответил Мишка,— и не знаешь!.. Вот скажи: ты думаешь, все это на фронт везут? — Он ткнул пальцем в окно, за которым грохотал поезд.

— На фронт.

— Шиш! — авторитетно заметил Гапон и закурил.— Наши там с голоду пухнут, а предатели все поезда к фашистам

направляют. У-у-у! — взревел он, как паровоз.— Пожалуйста, хлебца.

— Откуда ж у тебя такие сведения?

— Все говорят.

— Все — они тоже разные бывают.— Капитан пристально смотрел на мальчишку.— Одни хлеб растят, пекут. А другие... К нам вагоны с мукой прнходят, а из них тянут.

Мишка молча глядел в окно.

— И из фронтовых — тоже. Твой отец где-нибудь сейчас воюет нли раненый. Ему хлеб нужен. И другим красноармейцам. А кто-то грабит, ворует, спекулянтам продает. Выпишется отец, война кончится, придет н скажет: «Я воевал, а ты, Миша, чего делал? Как помогал Родину защищать?» А ты ответишь: «Я тут помогал ворью и спекулянтам карманы набивать. Вот я какой!»

Гапон по-прежнему молча смотрел в окно.

— Кому ж ты теперь сообщаешь? Ведь Рябого-то нет... Ну, чего молчишь? Шпане базарной, верно?.. Странная, однако, у тебя честность.

Мишка ничего не ответил. Потом поднял голову и, сбиваясь, сказал:

— Я пойду сотру... Там я вагон... с мукой разметил.

— Завтра сходишь.

— Завтра поздно будет. Только побожись, что никому! Знаешь...— начал Гапон.

Глава 38

— Ночью будут грабить поезд с мукой,— сообщил Митин сотрудникам милиции, устало опершись локтями на стол, н взглянул на Дубинина.

— Намечен третий от хвоста вагон,— уточнил капитан.

— Прошу всех быть готовыми,— продолжал Митин.— Домашних предупредите, что задержитесь.

— Чего там! — сказал Сухарев.— Им не в новинку. Сутками не видят.

Вечером Дубинин, зная характер жены, пошел все же домой сказать, что ему придется вернуться на работу — на всю ночь.

Поднимаясь по ступенькам переходного железнодорожного моста, он услышал за спиной быстрые шаги. Инстинктивно обернулся. Его ударили!..

Через горячую пелену он увидел склонившееся над ним лнцо.

— Ну, цево? — шепелявя, сказал человек.— Полуцил?

Это был шепелявый бандит, по кличке Артист.

Приближался поезд. Стуча по рельсам, он ворвался под

мост. Обмякшее тело Дубинина втащили наверх и, раскачав, словно куль, перебросили через перила. Оно кануло в грохочущую темноту.

Сознание возвращалось откуда-то издалека, постепенно, а вместе с ним и простые короткие мысли: «Что такое? Где я?» Все тонуло в каком-то страшном грохоте, и этот стук отдавался острой болью в затылке и пояснице.

Дубинин открыл глаза. Над ним было серое небо. В лицо сыпал снег. Он лежал в открытом вагоне, доверху наполненном торфяной крошкой.

Попытался подняться — удалось. «Живучий черт,— подумал он.— Повезло!»

Дотронулся до головы. Шапки на нем не было. «Мокрая... Кровь или снег? Не видно... А шапка все же спасла от удара».

Тьма струилась вокруг ветром и снегом.

Через час после покушения он вылез из вагона на брикетной фабрике, куда пришел состав с торфом. С трудом нашел медпункт. Перепуганная медсестра сделала укол, сбрила волосы вокруг раны и зашила кожу.

— Кость у вас крепкая,— улыбнулась она, убедившись, что все вышло у нее удачно.— Только вам бы в госпиталь. Вдруг сотрясение мозга.

— Наша порода твердоголовая,— пошутил капитан.— Вы мне забинтуйте как следует и порошков каких-нибудь. А насчет сотрясения — вряд ли, думаю.

— А вот думать-то вам вредно,— рассердилась медсестра.

— Думать никогда не вредно,— слабо улыбнулся он, чувствуя приятные, прохладные взмахи бинта вокруг головы.— Спасибо тебе большое, девочка. Жених есть?

— Жених сейчас на фронте.

— Ну а я тебе в тылу достану. По блату. Сам бы тебе руку и сердце предложил, да староват и женатый.

— Руку и сердце...— засмеялась она.— Вот голову бы я у вас на время взяла, чтоб ногам покоя дать.

В милицию он не позвонил, знал, что сейчас там никого нет, даже дежурного. Все на задании.

Капитан появился в угрозыске под утро. Никишов вскочил:

— Михаил!.. Мы тут не знали, что и думать,— исчез! Операцию без тебя проводили,— бросился он навстречу, с испугом глядя на землистое лицо Дубинина.

— Что, страшен? — Он, морщась, поправил повязку.— А, гляжу, знакомый...

Белобрысый человек, сидевший напротив Никишова, мед-

ленно поднялся, затравленно глядя на капнтана, н попятился в угол:

— Я иицего ие скажу! Ннцего!

— Захватилн прн грабеже вагоиа с мукой,— поясинл сержаит.

— Ну, крестник,— стисиул зубы Дубинии.— Выкладывай!

«Артист» прижался к стеие:

— Ни за цто! Нет! Нет! Нет!

— Что ж. Тогда разговор короче будет. Уведите арестоваииого.

Никишов вызвал милициоиера, баидита увели.

— Остальиых взяли? — спроснл капитаи.

— Шпаиа, подростки. Связаиы были с Мишкой Гапоиовым. Мы его отпустили, как вы приказали.

Были схвачены Шляпнн н его дружки. Все, кроме Славки Чумиция. В последиее время он в ограблеииях не участвовал, о нем на допросах, естествеино, не спрашивалн, и поэтому его иикто ие назвал. У миогих прн обыске нашли дома воровааиую пшеиицу.

Прямое отиошеиие к банде нмел только Шляпии. Последние иесколько дией баидиты скрывались у иего в сарае...

— Как и в тот раз, мы опоздали,— продолжал Никншов,— птички из сарая улетели.

— Откуда Шляпии их знает?

— Прншли одиажды к нему. Говорит, запугали. Спрятал их. Видать, кто-то им посоветовал к иему суиуться — знал, чем Шляпин заиимается! Оии только прятались у иего, больше иичего, а иа этот раз Артист напросился к иему в дело. С размахом собирался работать, иагребли себе иесколько мешков мукн, а потом ои вагоны поджечь хотел. Поиимаешь? Город без хлеба оставить!..

Никишов с беспокойством глянул иа капитана.

— Михаил, тебе лечь надо...

— Затылок...— Дубиини опустился иа диван.

— Я врача сейчас...

— Не иадо. Пройдет. Вызывай арестоваииого, продолжай допрос.

Глава 39

Во дворе Валькиного дома стоял двухэтажный деревянный старый барак. За инм тяиулся настоящий лабиринт сараев, широкие дорожки между иими чередовались с такими узкими проходами, что надо было пробираться боком.

В этот вечер Валеитии возвращался домой с охапкой дров из своего сарая. Одио из полеиьев мягко соскользиуло в рых-

лый снег. Он присел в узком проходе на корточки, чтобы не обронить остальные, поднял полено и внезапно увидел поблизости Чумиция и каких-то двух мужчин. Они стояли неподалеку от входа в барак.

Когда высокий мужчина повернулся, Валька так и застыл. Горбоносый профиль... Бандит по прозвищу Хрящ! Его приметы! А второй?.. Приметы?.. Низенький, почти квадратный... Вспомнил! Похож на рецидивиста по кличке Мышь.

Он не ошибся: это действительно были Хрящ и Мышь. Вслед за Славкой они проскользнули в барак. Вальку они так и не заметили.

Мышь поправил одеяло, занавешивающее окно, тяжело сел на кровать и мрачно сказал, прислушиваясь к голосам за стеной:

— Опять хату сменили.

— Не нравится — возвращайся в сарай к Шляпину. Но если Шляпин и Артист заговорят, я тебе не завидую. Да только отсюда все равно уходить надо, людное место...— Хрящ уселся на табуретку у пышущей жаром чугунной печки.

— Пустое,— беззаботно сказал Славка Чумиций.— Уж один-то день здесь переждать можете. Народу в бараке полно, прописки не требуют. Тут никто никого не знает. Чужих целый поезд. И с обыском не ходят, чего же еще?

— Не ходят — придут,— заметил Хрящ.— Твои-то дружки попались, свободно могут на тебя показать. Нет, уходить надо.

— Седой передал, что сегодня скажет, когда и куда,— обеспокоился Чумиций.— А вы не опасайтесь... Я давно уже с ними не ворую, а за прошлые дела — очень я им нужен! Мне Седой приказал, и я сразу прекратил. Если уж ко мне до сих пор не пришли, значит, я чистый. И вообще, у них сейчас о другом голова болит. Немцы близко.

— Свои-то намного ближе,— опять помрачнел Хрящ.

— Может, в лес подадимся? — пробубнил Мышь.

— Не советую,— сказал Чумиций.— С голодухи замерзнешь. Надо от Седого известий ждать. Другого вашего — Пахана — он уже пристроил где-то, теперь за вами двумя очередь. Если сегодня сам не придет, человека пришлет к булочной на проспекте, завтра вечером в восемь. Только хвост не притащите.

— Запел,— недовольно сказал Хрящ.— Сами понимаем... Как твой Седой-то хоть выглядит?

— Сегодня, может, сами увидите, а сам я ничего не могу сказать,— со страхом в голосе сказал Чумиций.— Убьет. Он такой, вы его не знаете.

— Все мы такие,— проворчал Хрящ.

В коридоре послышались шаги.

— Ои, верио,— тихо сказал Чумиций, взгляиув иа часы.

Со звоиом разлетелось стекло, и обвалилось одеяло — в комиату глянуло дуло виитовки. В ту же секуиду сорвалась с крючка дверь — иа пороге стояли Дубиииi и Никишов. Хрящ сразу сшиб иогой раскалеииую чугуику. На пол посыпались полыхающие угли, комната наполиилась дымом. Топот ног, тяжелое дыхаиие, удары — и все молча, иикто не хотел получить пулю.

Хрящ рваиулся к окиу, ио его сбили с иог. Упав иа раскалеииые угли, взвыл и выхватил из-за голеиища нож. Кто-то схватил его за руку. Он ударил.

— А-а! — закричал Чумиций.— Уби-и-ли!

Хрящ откачиулся, пополз. Куда?.. Кто?.. Где?.. Нечем дышать. На глазах словио паутииа из дыма. Ои неожидаиио очутился в темиом пустом коридоре и, покачиваясь, как пьяиый, побежал к выходу.

У дверей стояли. Деваться было иекуда! Но тут рядом распахнулась дверь и выскочила полуодетая женщиiа.

— Горим! Горим! — кричала оиа.

Из комиаты Славки вырвалось пламя, затрещали доски... Подиялась паника. Захлопали двери, зазвенели стекла, полусонные люди давились у выхода и высаживали рамы, волоча за собой случайиые вещи. Подхвачеииый толпой, Хрящ оказался во дворе.

Растерявшийся Сухарев хватал то одиого, то другого жильца и кричал:

— Стойте, стойте, стрелять буду!

Обезумевшая толпа прорвала оцеплеиие, и, потеряв всякую надежду справиться с ией, милициоиеры бросились к горящему бараку.

Хрящ перемахиул через забор.

Когда приехали пожарные, барак уже пылал, как свеча. Сидели иа уцелевших вещичках погорельцы. Ревели бабы, а вокруг гигаитского костра бегала старуха с завариым фарфоровым чайииком и все спрашивала у каждого:

— Крышечку не видели? Цветастеиькая такая крышечка...

— Не видели,— отмахиулся Дубиииi. Брови у иего слизало иачисто — две багровые полосы,— шиiель зияла горелыми дырами.

— Стрелять иельзя было,— сказал подошедший Никишов, весь в саже, полушубок лохмотьями.— Люди кругом, а стеиы дощатые.

— Третий кто? — думая о чем-то своем, сказал Дубиииi.

— Хозяиi. Жил здесь. Хулигаи, говорят.

— Я ие о ием.

— Ах, тот... По-моему, Мышь. Схватить его не успел, не дался он. Сам еле выбрался. Загорелось, как порох. Керосин там в бидоне был.

Дубинин обернулся к Валентину.

— Вот так-то...

— А наган, который вы мне дали, вернуть? — робко спросил он.

— Оставь пока у себя... Никишов, собирай людей. Теперь не найти, пожалуй... Удрали... Обоих упустили!

— Если б в мирное время...— начал Никишов.

— Искать надо, товарищ Никишов! — вдруг вскипел Дубинин.— А не вздыхать!

— Слушаюсь. Разрешите идти?

— Иди. Лицо-то вытри.

Наблюдавший за всей этой суматохой дядя Коля постоял еще немного поодаль и заковылял прочь.

Глава 40

Сегодня утром стало известно, что город оставляют. Немцы прорвали оборону. И последние наши части, отступая с боями, обходят его с севера, там, где еще сохранились переправы. Кроме разрушенных деревянных мостов через овраги и болота, никаких преград между городом и фашистами не существовало. Было принято решение взорвать в 23.00 минный завод, чтоб он не достался врагу.

На последнем заседании горкома Никонорова приказала срочно наладить паромную переправу и произвести эвакуацию детей, рабочих с семьями и по-возможности остальных жителей...

Когда кабинет опустел, к Никоноровой подошел Дубинин.

— Ну, как у вас?..— устало спросила она.

— Никак... Начальство мое и сотрудники на фронт уходят. Я да Никишов — вот и все войско на страже законности.

— Наверное, даже не знаете, что про вас легенды ходят. Совсем недавно соседка мне сказала, что в город на борьбу с жульем и бандитами приехал отряд, как она говорила, «сто человек, все в штатском».

— Если бы... Я вот о чем думаю... Слышал как-то, один человек в очереди сказал: «Какое черное время! Фашисты лезут, а тут еще бандитизм, воровство, спекуляция... Куда смотрит милиция!» Не мог же я ему сказать, что нас мало, что нам помогают, как могут. Мы занимаемся самой черной работой — ведь вся мразь на поверхность всплыла! Но после войны мы будем вспоминать об этом тяжелом времени, как о необыкно-

вением, когда защищали нашу землю от фашистов, а наш тыл — от воров и бандитов! Так хотел я сказать, да сами знаете,— усмехнулся Дубинин,— оратор из меня никудышный.

— Ну, не скромничайте.

— Я хочу к вам с просьбой обратиться,— не сразу сказал Дубинин.

— Это уже будет вторая.

— Вторая?..

— Забыли? Вы же меня просили порекомендовать вас в угрозыск.

— Ах, да. Моя вторая просьба — почти что та же самая. Я вас прошу поговорить в управлении. К вам должны прислушаться. Мне поручено свернуть все дела, вывозить архивы...

— А в чем, собственно, ваша просьба?

— Оставить меня с Никишовым или хотя бы одного меня в городе. Выползут они, гады, при немцах, обязательно. Я хочу закончить дело.

— Знаете-ка, вы отправляйте с Никишовым архивы! Вам бы в госпиталь надо ложиться,— рассердилась Никонорова,— а вы со своим мальчишеством... Извините, Михаил Николаевич, мне некогда. Выполняйте, что вам приказано.

Глава 41

В этот день Валька решился пойти в военкомат.

Военкомат эвакуировался. Кипы бумаг, папки, несгораемые шкафы... Солдаты, чертыхаясь, тащили все это в машины.

Прижимаясь к стене, чтобы не мешать снующим людям, Валька поднялся на второй этаж. «Комиссар не откажет, я же его лично знаю... Не может он отказать, вместе с отцом раков ловили, он помнит. И на тяге еще были, отец смеялся: «Вальдшнепсиная охота». У них ничего, не повезло, а я трех подстрелил, на высыпку попал. Комиссар очень завидовал, но потом признался: «Из тебя выйдет ворошиловский стрелок!» Валька надеялся, что комиссар не откажет. «Здравствуйте, Иван Ефимович, отправьте на передовую, иначе сам убегу». А он: «Зачем убегать! Добровольцы нам нужны, постой, да тебе два года до срока еще не хватает!» — «Зато стреляю, помните? Ворошиловский стрелок!» Скажу, и отец просил».

Валька постучал в дверь. Никто не ответил. Он потянул за ручку, и дверь открылась. В кабинете было пусто, лишь кое-где валялись бумаги да зачем-то горела настольная лампа, хотя был день.

— Товарищ, вам чего? — сказал кто-то за его спиной.

Он обернулся и увидел женщину в гимнастерке, перетянутой ремнями.

И почему-то отметил, что юбка у нее была обыкновенная, штатская, а вместо сапог — мужские ботинки. Он отступил, она прошла в кабинет и выключила свет.

— А комиссар где?

— Вон он — Медведев,— женщина показала на открытое окно.

Валька выбежал во двор. У двух полуторок стояли неровными шеренгами ополченцы — человек пятьдесят. Среди них Митин, Сухарев, усатый старшина, следователь, сержант с разъезда и другие сотрудники милиции. За плечами у всех винтовки со штыками. Ополченцы были одеты в свое и напоминали группу вооруженных рабочих революционных годов.

— Товарищи ополченцы,— сказал Медведев,— вам предстоит задержать врага на подступах к нашему городу. Драться придется жестоко, до последнего.— Он умолк, хотел еще что-то сказать, но не стал и скомандовал: — По машинам!

— Товарищ военком,— тронул его за рукав Валька.

— Ну?

— Возьмите меня.

— Повестка где?

— Я не получал... Я сам, добровольцем.

— Придет и твое время, парень. Не спеши.

Одна полуторка уже выехала со двора. Вторая зачихала было и тут же заглохла.

— В чем дело? — Медведев встал на подножку.

— Не могу,— жалобно сказал водитель.

Валька его сразу узнал, он когда-то вел в их школе кружок автодела.

— Не могу, разогнуться не могу. Аппендицит это, у меня был уже приступ...— Водитель, корчась от боли, повалился на сиденье.

— Дядя Федор,— подскочил к машине Валька,— давайте я за руль сяду. А вы рядом. Я же умею.

Шофер взглянул на него шальными от боли глазами.

— Вы помните? Вы же у нас автодело вели. Я умею! Помните?

— Товарищи, кто еще машину знает? — спросил военком.

Таковых не нашлось.

— Ладно! — сказал Медведев Вальке.— Трогай, командир.

Полуторка бежала резво и только на ухабах взбрыкивала, будто норовистая кобыла.

«Все, теперь все! Куда им без шофера! Хочешь не хочешь, а тут я! Считай, уже в армии! Скажу: паспорт дома забыл, мне через неделю восемнадцать исполнится!.. А домой потом напишу».

— Тише. Ты что, ослеп?! Вторую скорость давай... Черт!..— ругался Федор.

Город кончился. Валька взглянул на шофера: лицо было бледным, щеки впали.

Валька затормозил. Теленок стоял посреди дороги, даже не пошевелив ухом на яростные гудки. Пришлось выскочить и шлепнуть его рукой. Теленок посмотрел добрыми глазами и отошел к обочине.

Луг был изрыт оврагами, поросшими березняком, и дорога виляла между ними. Навстречу выбежал какой-то военный и растопырил руки.

— В чем дело? — перегнулся через борт комиссар.

— Раненые.

Комиссар взглянул на ополченцев, затем на военного и скомандовал:

— Вылезай!

Ополченцы вылезли из машины.

— Задом подай, Валентин,— приказал Митин.

— Я так не умею. А шофер все равно как мертвый. Бредит.

Из оврага несли тяжелораненых. Другие ковыляли сами, обняв за плечи товарищей. Ополченцы бросились помогать. Федора тоже положили в кузов.

— Машину развернуть не может. Шофер! — вдруг взорвался военком.

— Я не шофер, я всего второй раз за рулем.

— Раненых повезешь,— оборвал Медведев.— Выполняй!

В кабину села военврач и нервно сказала:

— К переправе. И побыстрее, мальчик.

— Дубинину привет передай! — крикнул Митин.— Машину потом ему доставишь. Раз Федор болен, ты архивы повезешь!..

«Как все хорошо началось, — подумал Валька.— И вот не повезло».

Маленькая колонна ополченцев вслед за второй машиной уходила к горизонту. Туда, откуда доносилась знобящая дробь пулемета...

Валька целый день сидел за рулем. Он мотался от города к переправе: отвозил к пристани раненых, детишек и взрослых с узлами, какие-то ящики из больницы. Дубинин приказал подать машину к десяти вечера, сам он и Никишов рыскали по городу, надеясь на счастье в последние оставшиеся часы...

Теперь полуторка уже не виляла, а слушалась привыкших рук и плавно проходила самые заковыристые ухабы. Из своих знакомых Валька подбросил к переправе Зину с матерью. Зина на прощанье сунула ему листок с адресом родственников в тылу:

— Пусть Юра им пишет. Через них нас найдет.

— Кого это вас?

— Меня и маму,— простодушно ответила Зина.

Уже почти стемнело, когда Валька подкатил к своему дому.

— Наконец-то! — Мать начала суетиться.

— Не спеши. Успеем.

— А машина-то все-таки откуда? — только сейчас спросила мать.

— Дали,— не без важности произнес он.— Она теперь почти что моя.

Он взял ведро и вышел к полуторке. Залив воду в радиатор, он оставил немного и напился, выплеснул остальное, а ведро бросил в кузов.

— Устал за баранкой...

Только погрузив два тючка и чемодан, мать спохватилась, что нет Шурки.

— Шурик! — закричала она.

Валька побежал было к дому, но тут увидел, что братишка преспокойненько сидит в кабине, словно суматоха его вовсе не касается.

— Оглох? Выходи, тут нельзя.

Шурик, не говоря ни слова, мрачно поднялся с насиженного места.

— Дурак! Думаешь, жалко? — сказал Валька.— Кидает здесь, у меня и то шишка. Смотри! — Он снял шапку.

Шурик потрогал припухший бугор, пренебрежительно скривил губы: и это, мол, называется шишка?

— Ну, гляди не ной потом.

Братишка мгновенно плюхнулся на сиденье.

Валька затормозил у Лелиного дома, и Шурик трахнулся лбом о стекло.

— Ты ногами упрись.

— И не больно! — бодро соврал он.

Леля и ее мать были на улице. Вещей у них вовсе никаких: за спиной у Зои Степановны рюкзак, а дочь со школьным портфелем. Не успел он и дверцу открыть, как они уже сами полезли в кузов. Через заднее стекло увидал, как его мать подала руку Зое Степановне. Леля поставила портфель у оконца, и почти ничего не стало видно.

Валька тронул полуторку с места, на этот раз она почему-то рванула, и Шурик опять стукнулся лбом.

— Выматывай!

Валька остановил машину, выскочил, открыл с другой стороны дверцу, сграбастал брата и рывком подсадил на борт.

— Держитесь.

И заспешил в кабину.

...Прямо под искореженными фермами моста была наспех оборудована пристань. Буксир подводил паром к быкам, и

люди устремлялись иа него по иаскоро сделанному настилу. Никонорова в телогрейке и сапогах стояла у перехода и повторяла:

— Спокойней! Не спешите, всех заберем! Спокойией.

Народ прибывал и прибывал... Валька виес по шаткому трапу чемодаи. Сиял шапку и вытер пот.

— Ну, вы отправляйтесь, а я скоро прибуду.

— Валя, давай с иами, — просила мать.— Такая иеразбериха! Страшио мие за тебя. Отстаиешь!

— Мама, я не могу. Машина стоит, а иа дороге сама видела... Мие еще и Дубиииа с архивами забрать иадо, Мишку, Юрку и Пашку.

— У него же приказ! — громко сказал Шурик.

Валька сбежал по трапу. Забурлила вода, и паром отчалил от берега. Леля стояла иа корме. Полоса воды становилась все шире и шире...

— Валечка, ты поскорей! — доиесся тоикий крик Лели. Паром растворился в темноте.

Глава 42

Гапои сидел на ступеньках и вдумчиво курил. Темиело, иесколько минут иазад можио было различить через дорогу каждый дом в отдельиости, а теперь оии слились в одио бесконечное строение.

Темиота — единственное, чего он боялся, когда кругом иикого. А все потому, что отец, когда наказывал, ставил его иа мииуту-другую в темиый угол за шкафом.

Шкаф был массивный, иаглухо закрывающий угол, и высокий, почти до самого потолка. Свет единствеииой лампочки почти ие проиикал сюда, и в углу царила темнота. Чтобы Мишка не улизиул от положениого возмездия, отец всякий раз, подиатужившись, пододвигал шкаф так, что оставались по краям только тоикие, в караидаш, щели возле стеи, справа и слева. Эти щели светились как солнечиые лучи. И стоять здесь в пугающем одииочестве было иевыиосимо, и чудилось, что за шкафом течет какая-то особеиная, сказочиая жизнь. Там звучали голоса, доиосились музыка из репродуктора и тоиенькое звякаиье чайиых ложек.

Мишка клялся сам себе, что никогда больше ие ослушается родителей, ие будет изводить до хрипоты соседскую собаку, гоиять кур и стрелять бузиииой в прохожих. Но когда его выпускали и приказывали иемедлеиио ужииать и ложиться спать, а потом наступало утро, так ие похожее на тягостиые в предчувствии расплаты вечера, все иачиналось сиачала.

Однажды Мишка предложил отцу посидеть с ним хоть секунду в углу, но отец почему-то отказался. Наверное, он не чувствовал за собой никакой вины и сидеть там ему было не положено,— счастливый человек!..

Когда Гапон оставался по ночам один, без дяди Коли, он закрывался с головой одеялом, чувствуя себя как в спасительной скорлупе. Но главное — ни в коем случае не открывать глаза. И можно представить себе солнечный-пресолнечный день или раннее утро на реке, а то даже и Африку, где все ходят голые и черные, как сапоги, и едят бананы. Бананы он представлял себе в виде огромных орехов, а внутри их — парное молоко.

После гибели матери Гапон научился заказывать себе сны. Надо закрыть глаза, думать о чем-нибудь необычайно приятном и представлять себе все, будто наяву. Незаметно засыпаешь. И все само собой продолжается. Как в кино. Но если уж очень стараться, то редко получается. Поэтому и отец с матерью редко снились — уж очень он старался их увидеть. А чаще всего снился ему Робинзон Крузо на необитаемом острове, только Робинзон Крузо — он, Мишка. Он ведь тоже один. На острове тепло, козы, говорящий попугай, а Пятница похож на дядю Колю.

Но стоит только высунуть ночью ногу из-под одеяла — и сразу кажется: сейчас цапнут за пятку и утащат куда-нибудь. Ведь есть, говорят, такая отрубленная волосатая рука, которая может оказаться под кроватью, подползти и вцепиться в горло. Или тот человек, что ходит с перерезанным горлом и держит в руке бритву!.. После двенадцати ночи он шляется где попало. Сказки, конечно, но ночью почему-то в них верится.

...Гапон встрепенулся — на крыльцо вышел дядя Коля с чемоданчиком.

— Ты уже собрался? — торопливо сказал Мишка.— А то Валентин обещался заехать. Я уже сидор с вещами приготовил.

— Езжай сам.— Дядя Коля был сейчас какой-то другой, вроде навеселе.

— А ты?

— Я тебя найду потом. Не бойся. Опять вместе жить будем, щи хлебать,— засмеялся дядя Коля.

— Где там найдешь...— протянул Гапон.— Я и сам не знаю, куда попаду. Может, вместе поедем?

— Отстань. Надоел ты мне,— рассердился дядя Коля.— Если хочешь, жди меня здесь.

— Ладно,— сразу повеселел Мишка.— А ты без меня не уедешь?

— Сказал же.

И дядя Коля, прихрамывая, пошел по улице.

— А это точно? Чемоданчик-то зачем взял?

— Жди,— недовольно отозвался жилец.

Но Гапон, опасаясь, что дядя Коля вдруг передумает, влетел в дом и, схватив сидор, тихонько двинулся следом, прижимаясь к заборам.

Свернув за угол, квартирант оглянулся, бросил за штакетник клюшку и побежал.

Мишка от изумления чуть не сел на свой рюкзак... Затем, опомнившись, бесшумно пустился за своим жильцом, прячась за телеграфные столбы и обшарпанные тумбы.

Улочка вывела их на окраину города... Мало кто знал, что здесь в ничем не примечательном бревенчатом домике находилась молельная старообрядцев.

Дядя Коля тихо постучал в дверь. Ему открыл бородатый дядька и, пожав руку, заговорил шепотком:

— Я выйду, а снаружи замок навешу. Мало ли что. От пришельцев разных. Черный ход изнутри отпирается.

— Ладно. Как они?

— Чувствую, в смятении. Особенно те, которых я тогда у булочной встретил, после пожара в бараке.

— А-а, Хрящ и Мышь.

В большой комнате у стены стоял кованый сундук. Сдвинув его, дядя Коля открыл люк подпола и опустился вниз по лесенке.

— Привет от Седого,— сказал дядя Коля громко.

В углу чиркнули спичкой, и толстая свеча выхватила из мрака просторный погреб и людей.

— Привет,— сказал Хрящ, присматриваясь к гостю.— Знакомый голос... Ты, что ли, Седой?

— Я Седой, теперь мне от вас прятаться незачем,— властно сказал дядя Коля.— За вами должок, а его надо отработать. Пошумели в городе, панику поднимали — ничего, хорошо. Но этого мало.

— Говори — что. Мы с оружием, с деньгами. Ты много сделал для нас,— ответил Хрящ.— Расстанемся по-хорошему.

— Я хочу, чтоб и вам было хорошо. Сейчас из города все уходят. К утру могут появиться гости. Скажу, я видел их вблизи, и они не страшнее любого гражданина начальника. Или, скажем, меня.

— Ты чего крутишь? — нервно произнес Пахан.

— Через час-другой взорвут минный завод,— неожиданно произнес Седой.— Вот и подумайте, что будет, если мы захватим завод и сохраним. А? Подумайте. Каждый получит документы, деньги и полное доверие. Идти надо сейчас же, чтобы успеть.

Хрящ и Мышь промолчали.

— Я вор! — неожиданно выкрикнул Пахан.— Я вор в за-

кое! Я на какое хочешь дело пойду — а тут на немца стараться? У меня мама в оккупации. Я не могу.

Седой пристально посмотрел на него.

— Сделаешь дело — и увидишь свою старушку, а иначе свидание не состоится.

Наступила тишина.

— Мне все равно! — вдруг сказал Хрящ.— Я десять лет по тюрьмам мыкался и хочу за это иметь. А если ты не хочешь, беги на реку, там тебя катер ждет, бесплатный, с решетками.

— Там нам делать нечего,— буркнул Мышь.— Да и лезть под пули из-за какого-то завода чего? Я думаю, немцы и так нас не тронут.

— Правильно.— Пахан поспешно достал из-за пазухи немецкую листовку.— Вот мой пропуск и моя амнистия!

— С этой бумажкой, может, ко мне придешь, еще потолкуем,— отрезал Седой.

— Если б знал, что советская власть простит, был бы я здесь — как же!

— Ну, вам виднее.— Мишкин жилец неожиданно засмеялся.— Я пойду сам.— Он выдернул пистолет из кармана и попятился к лестнице, не выпуская никого из виду.

— Постой,— сказал Хрящ.— Мы потолкуем.

Бандиты собрались кучкой и начали тихо и зло совещаться.

— Я сказал: или — или! — оборвал накалившиеся страсти Хрящ и обернулся к Седому: — Выкладывай гарантии.

— Какие гарантии? Я сам гарантия. Jedem das seine — каждому свое.

— Немец! — испуганно ахнул Пахан.— А я-то думал...

— А ты думал, я такой же бандит, как ты, и хочу перед немцами выслужиться? — презрительно улыбнулся Седой.

Гапон, притаившийся за кустами, увидел, как вынырнули из дома несколько фигур и заспешили через пустырь в сторону минного завода. Гапон тихонько последовал за ними... Возле разрушенного дома группа остановилась. Мишка юркнул в развалины... И совсем явственно услышал тихий голос своего жильца:

— Вы пока останетесь здесь. А мы с Хрящом разведаем.

Шаги удалились и стихли у ограды минного завода.

Бандиты и старовер присели на кирпичи.

— Не нравится мне все это...— проворчал Пахан.

— Чего ныть-то? — зашептал Мышь.— Куда подашься? И свои шлепнут и немцы могут. А с ним не пропадем.

— Седой не простая пташка у немцев,— спокойным, рассудительным голосом заметил старовер.— А немцы победят, вот увидите. За ними вся верующая Европа! У них у каждого солдата на пряжке выбито: «С нами бог». Спасем завод — и порядок, нам заслуга перед новой властью.

«Дядя Коля — немцы!.. Нет, нет, тут что-то не так... Не может быть!.. А хромым притворялся?.. По городу везде шастал, сапожником прикидывался... И Чумнцию тогда от него влетело, а потом морали при Вальке читал — это ж все для отвода глаз!.. Вот у кого Славка Чумаков на побегушках был, бандитов прятал!.. Тикать! Тикать! Подальше от этих шпионов, предателей! Вот они какие бывают, а я еще грешил на Леху-точильщика!»

От волнения на Гапона напала икота, он поспешно зажал рот обеими руками.

Глава 43

Архивы погрузили быстро. Столько народу: Валентин, сержант Никишов, Дубинин с женой, и Пашка с Юркой помогали.

Теперь надо было заехать за Мишкой, а затем прихватить родных Тихонова и Пашки — заждались, наверно.

— Надя, в кабину,— сказал капитан.— А мы в кузов.

...Гапона дома не оказалось. Они покричали несколько раз, посигналили и решили ехать.

— Не дождался,— сказал Дубинин.

— На переправе потом найдем,—успокаивал Никишов.

Машину вести было трудно, улицы угадывались только по контурам домов с обеих сторон, а фары включать нельзя.

Валентин бросил машину вбок и остановился, чудом увидев в трех шагах выскочившего навстречу мальчишку:

— Стой! Стой! — Он вскочил на подножку.

От неожиданности никто не понял сперва, что это Гапон.

— Дубинин! — неистово обрадовался Мишка.— Там, на минном заводе!.. Они хотят его немцам сдать!.. Чтоб не взрывать!.. Они уже там!..

— Чего ты городишь?

— Кто они? — тряхнул сержант Гапона.

— Люди какие-то и хромой, что у меня жил... Только он не хромой. Его Седым зовут!.. Он у них главный!

— Сколько их? — Дубинин спрыгнул с машины.— И не трясись.

— Я не боюсь. Это от холода... Пятеро их.

— Не пущу! — выскочила из кабины Надя и вцепилась в рукав мужа.

Дубинин вырвал руку и взглянул на Никишова.

— С собой оружие?

Никишов кивнул.

— У меня тоже.— Валентин достал наган.— Вы же сами дали, помните? А вот еще у меня трофейный парабеллум!

Павел тут же выхватил у него пистолет:
— Их же пятеро! Я с вами!
— Я тоже,— заявил Юра Тихонов.
— Плевать, что их пятеро! — вдруг зачастил Гапон. И умоляюще взглянул на Дубинина.— Ты только дай мне там свой наган на секундочку! Я сам своего квартиранта шлепну! Он узнает!
— Валентин, забирай родных Юры с Павлом и уезжайте на пристань! — вскипел капитан.— И ты, Надя, тоже. Отправляйтесь!
— Мы не поедем,— твердо ответил Валентин.— Мы комсомольцы. Может, нас самих скоро на фронт возьмут!
Дубинин посмотрел на всех:
— Пойдем...
Но безоружного Юру он с собою все-таки не взял, отказался наотрез. А жене коротко сказал:
— За архивами посмотри.
— Я ждать буду.— Она села на подножку машины.
— Ну веди, покажешь, где они пролезли на завод,— кивнул капитан Гапону.
...Еще днем на заборе у проходной было метровыми буквами написано: «Не входить, заминировано!!!» Весть о том, что завод могут с минуты на минуту взорвать, молниеносно облетела жителей, и они опасливо обходили его далеко стороной.
Пустынно было возле завода. Дубинин, быстро следуя за Гапоном, напряженно размышлял: «Искать саперов-подрывников бесполезно. Мало времени — Седой успеет разминировать до одиннадцати. Стрелять в воздух — все равно саперы не покинут свой пост, зато Седой со своей шайкой будет предупрежден... Нет, решение правильное. Надо срочно обезвредить врага!..»
Гапон показал на ограду завода. Здесь, на гребне стены, который вырисовывался контуром более темным, чем небо, была прорезана ножницами колючая проволока. За стеной массивно выделялась труба котельной.
Как бывший сапер, капитан считал, что в котельной должен быть динамит. И замаскированный провод, идущий от подрывников ко многим зарядам на заводе, ту котельную наверняка миновать не может. Значит, искать Седого надо именно там, ведь достаточно ему обнаружить провод, отрезать — и все пропало! Да, саперы, вероятно, начинали именно с котельной...
Дубинин приказал Гапону вернуться к машине.

Безуспешно прорыскав с полчаса в обширном подвале под цехом минных стабилизаторов, Седой мысленно ругнул себя и пришел к тому же выводу, что и Дубинин: котельная!

Дверь котельной была заперта. Включив фонарь, Седой внимательно ее осмотрел и, пройдясь лучом по стене, осветил проем для сброски угля.

— Лезь туда,— приказал он староверу и дал фонарь.

Бородач, испуганно перекрестившись, нырнул вниз.

— Ящики,— послышался его дрожащий голос.— Слушай, а они сейчас всех нас не рванут?!

— Поговори у меня! Успеем!

— Откуда знаешь? — недоверчиво спросил Хрящ.

— Если б не знал, стоял бы я здесь?! Ищи провод,— приказал сверху Седой староверу.

— Стоять!.. Бросай оружие!.. Руки вверх! — Голоса прозвучали почти одновременно, со всех сторон: Дубинина, Никишова, Павла и Валентина.

Банда замерла.

В это время в небе что-то зашипело и вспыхнуло. Висящая на парашютике немецкая ракета осветила весь двор фосфорическим ярким светом. Сразу стало видно всех!

Седой пальнул из пистолета и метнулся за угол цеха.

Загремели выстрелы, заметались фигуры...

Старовер бросился наружу из подвала.

— Назад! — крикнул капитан Гапону и Юрке, перелезающим через ограду, нарушили-таки приказ.

Но те опять не послушались. Спрыгнули, спрятались за котельной. Затем высунули головы.

Павел и Мышь, вцепившись друг в друга, катались по земле.

От трансформаторной будки вдруг отделился Дубинин и, навалившись на Мышь, ударил его рукояткой нагана. Павел отскочил в сторону...

Юра Тихонов, схватив железную скобу, кинулся к Пахану.

Снова выстрелы! Юра закрутился юлой, обхватив руками живот. Капитан рванулся к нему, по ноге неожиданно хлестнуло пулей — он упал и пополз, волоча раненую ногу.

Валентин нажал спуск нагана — Пахан дико заорал. Казалось, кричал не он, рот был раскрыт словно сам по себе. Валентин опустил руку, его затошнило. Тут бы его и уложили: к нему скользнул старовер с ножом. Гапон метнул в него камень, и бородач схватился за плечо... Дубинин выстрелил — старовер странно вздрогнул и продолжал стоять, немного откинувшись назад: его удерживала развилка деревца за спиной.

Рядом с Мишкой брызнула колким цементом стена от пули. Гапон испуганно попятился, споткнулся и скатился в котельную, через проем для сброски угля...

Ракета погасла. Седой бежал по темному цеху, отстреливаясь на ходу от Никишова. Под ногами хрустело стекло.

Раскатистое эхо гулко отталкивалось от стен, металось по лестничным клеткам. Седой пропетлял между бетонными колоннами. Проломил стенку из деревянных реек, выросшую на пути, и неожиданно рухнул — словно в пропасть. Его закрутил водяной вихрь, втягивая в огромную цементную трубу. Седой закричал. Никишов подбежал к пролому в перегородке и услышал лишь глухое ворчание воды глубоко внизу. Сержант зажег спичку. Вот оно что: трубы градирни лопнули, вода носилась по кругу, мощно всасываясь в пожирающий ее сток.

Никишов помчался назад, где еще звучала перестрелка...

Вновь взлетела ракета...

Теперь в живых был только один бандит — Хрящ. Последний.

Выстрелы смолкли — Павел и Хрящ попали друг в друга одновременно.

Недвижно лежали в снегу Юрий... Павел... Валентин... Дубинин...

Было почти одиннадцать.

Ровно в одиннадцать саперы, напряженно внимавшие странному короткому бою на заводе и следом наступившей тишине, включили ток. Подходившие к городу цепи немцев залегли при грохоте взрыва и открыли беспорядочную пальбу.

Оставалось немного дней и ночей этого жгучего декабря 1941 года до нашего контрнаступления под Москвой...

Григорий Темкин

ЗВЕЗДНЫЙ ЕГЕРЬ

Фантастическая повесть

Глава 1

С громким хлопком раскрылся тормозной парашют. Космобот, словно лошадь, которой на всем ходу дали поводья, вздернул серебристый каплевидный нос, заскрежетал колесами по посадочной дорожке и остановился.

К космоботу неторопливо подполз огромный трайлер, присосался к люку под днищем ребристым рукавом эскалатора. Началась разгрузка.

Подали трап к носовой части корабля, и там, где только что, казалось, был сплошной металл, открылась дверь пассажирского салона. Люди торопливо ступали на трап, на секунду останавливались, чтобы вздохнуть полной грудью и убедиться, что они наконец-то совершили посадку, и быстро сбегали вниз по ступенькам. Оказавшись на земле, они начинали безудержно улыбаться, притоптывать, словно испытывая прочность бетонного аэродрома, оживленно переговариваться, хотя совсем недавно казалось, что две недели полета исчерпали все возможные темы для разговоров друг с другом.

Молоденькая дежурная в голубом летном комбинезоне терпеливо стояла в тени под крылом космобота и ждала, когда все пассажиры сойдут вниз.

— Зиночка, порядок! — высунувшись из салона, махнула ей рукой стюардесса.

Раздалось легкое шипение, и крыло начало складываться, втягиваясь в свое сигаровидное основание.

— Добро пожаловать на Анторг,— певуче произнесла оказавшаяся на солнце дежурная и улыбнулась.

Восторженные от свежего, живого воздуха, упоительно синего неба над головой, настоящей травы, просунувшей озорные зеленые язычки в щели меж бетонных плит, пассажиры зааплодировали. Девушка смутилась, порозовела, отчего на ее лице еще заметнее выступили веснушки, с которыми не могла справиться никакая косметнка и нз-за которых она вынуждена была прятаться от солнца. Призвав на помощь все свое самообладание, она скороговоркой докончила приготовленную речь:

— Прошу вас пройти за мной в зданне аэропорта, оттуда после необходимых формальностей вы будете доставлены в отель «Турнст», пока едннственную гостиницу нашего пока единственного на Анторге города. В «Туристе» вас ознакомят с дальнейшей программой.

Девушка круто развернулась и, досадуя на себя за нзлишнюю застенчнвость, зашагала в сторону приземистого прямоугольного здания с высокой башней. Согнувшись под тяжестью ручной клади, в которую, как воднтся испокон веков, былн втнснуты самые тяжелые вещи, пассажиры суетливо устремились за ней.

— Гляди, вон те двое.— Генеральный директор ткнул жестким коротким пальцем в экран, изображение вздрогнуло и подернулось серой пляшущей рябью помех. Директор раздраженно хлопнул по крышке телевизора, и видимость восстановилась.— Вот так всегда, всем все делаешь, обо всех думаешь, а к себе вызвать мастера руки не доходят.

Стас с деланным сочувствием хмыкнул. Вступление его насторожило. В колонии все знали про вечно разлаженный телевнзор в кабннете генерального директора н про его манеру начинать неприятный или щекотлнвый разговор с жалоб на «проклятый аппарат».

Сейчас экран директорского моннтора показывал поле аэродрома, по которому нестройной толпой семенили за дежурной вновь прибывшие. На самом дальнем плане нзображения вннелся краешек космобота, доставившего с рейсового корабля на орбнте груз н пассажиров. Корабль по расписанию прнлетал раз в полгода н задержнвался всего на трн дня, так что каждый прилет был для нескольккх сот колонистов крупным событнем. Начальники отделов ждалн прнбытия новых специалистов, исследователи надеялись, что придет давно заказанное оборудованне, директор клуба несся со всех ног за долгожданным ящиком с вндеозаписями. Пока сновал тудаобратно космобот, спуская на планету контейнеры с грузом и поднимая на корабль добытую за шесть месяцев анторгитовую руду, пока колонисты разбирали посылки, зачитывалнсь

письмами от родных и знакомых и срочно готовили к отправке ответные послания, для транзитных пассажиров и туристов, совершающих межзвездный круиз, устраивалась экскурсия по уникальному анторгскому заповеднику.

За организацию экскурсии отвечал Ларго, генеральный директор, он вообще отвечал за все на Анторге, кроме заповедника. Ответственным по заповеднику был Стас. И потому ему, главному экологу планеты, приходилось откладывать все неотложные текущие дела и двое суток водить экскурсантов по окраине леса. Впрочем, на эту прогулку он мог отправить и своего заместителя, микробиолога Джима Горальски, но это все равно не избавляло его от самого неприятного — так называемой «беседы за круглым столом». Правильнее было бы назвать эту беседу пыткой, пыткой вопросами. На большинство вопросов Стас не мог дать ответа, и посетители, мнящие себя великими путешественниками, понимающе переглядывались и сочувственно улыбались: мол, ясно, молодой парень, только из университета, все естественно... Стас внутренне закипал от их показного великодушия и никак не мог объяснить, что об Анторге он не знает почти ничего не потому, что только год назад окончил университет и прилетел сюда, а потому, что он первый эколог, когда-либо высаживавшийся на Анторг, и экологией Анторга никто — никто и никогда — до него не занимался.

Однако только из-за экскурсии Ларго вряд ли бы пригласил его к себе...

— Вот они,— снова, но уже осторожней жестикулируя, директор указал на экран,— здоровенный бородач и тот, лысый, толстый рядом с ним. Видишь их?

Стас угрюмо кивнул. Он начал догадываться, к чему идет дело.

Директор заметил мрачное выражение его лица и решил не идти сразу в лобовую атаку. Он открыл холодильник, достал запотевшую цветастую банку с ананасовым соком, поставил перед Стасом.

— Пей. Хорошо в такую жару...— Словно желая показать, как ему душно, Ларго расстегнул вторую пуговицу на рубашке и гулко похлопал себя по широкой мохнатой груди. Стас особой жары не испытывал — стоял обычный теплый летний день — и потому подозрительно взглянул на директора.

— Да что ты, в самом деле,— рассердился Ларго,— смотришь на меня, как на кого-то... Сам без году неделя на Анторге...— Ларго оборвал себя на полуслове, спохватившись.— Нет, не подумай, претензий у меня к тебе нет. За дело ты взялся горячо, некоторым даже казалось, что слишком горячо... Но я тебя понял и поддержал. Народ тебя уважает, а кое-кто, говорят, и любит...

Директор игриво подмигнул, но Стас не отреагировал на намек и продолжал сидеть с каменным видом.

— Да, так вот. Обязанностей у тебя много: научная работа в лаборатории, изучение экологии, заповедник плюс еще эти тургруппы...

— За туристические группы отвечаете вы, мы только помогаем вам. А главная моя задача — изучение и охрана окружающей среды, и не заповедника, а всей планеты на базе заповедника, пока это возможно.

— Ну, хорошо, хорошо. Не придирайся. Я сам требовал для Анторга статуса заповедника. И был очень доволен, когда узнал, что такое решение принято и к нам направляют эколога. Я прекрасно понимаю, как это не просто — изучать планету, ее природу почти с нуля. Поэтому, где могу, помогаю тебе. Но я хочу, чтоб и ты представлял себе, что значит быть генеральным директором.

Ларго запальчиво сунул руки в карманы брюк и принялся ходить по кабинету из угла в угол.

— У тебя забот — одни заповедник, а у меня почитай вся колония. Растущая колония, молодая, развивающаяся. Через десять лет тут будет жить уже несколько тысяч человек. И это развитие я должен обеспечить всем необходимым: продуктами, материалами, энергией, аппаратурой. На меня наседают все — от моих же заместителей до рабочих-шахтеров и их жен. Нужно, нужно, нужно. Сегодня, вчера нужно. А где взять? Собственные потребности мы пока обеспечиваем на тридцать процентов, и то уже хорошо, до ввода атомного реактора мы о таком и не мечтали. Ну, ладно, прогресс прогрессом, сегодня самообеспечиваемся на треть, завтра — наполовину, а там, глядишь, и совсем заживем прекрасно. А где брать то, что требуется и чего у нас нет сейчас? Ага, с Земли, ты скажешь, и с других метрополий. Но рейс-то к нам ходит раз в полгода и чаще пока ходить не станет — нет еще возможности чаще к нам ходить. И груза нам положено только семьдесят тонн, поскольку корабль ждут как манны небесной не только на Анторге, но и еще на добрых двух десятках планет в нашем секторе. Вот и покрутись тут! — Ларго достал из кармана платок и промокнул вспотевший лоб.

Стас с искренним на этот раз сочувствием хмыкнул.

— Улыбаешься? Тебе все нипочем.— Директор остановился и сел в кресло рядом со Стасом.— Давай поговорим серьезно. Люди, которых я тебе показал, чрезвычайно важные фигуры. Лысый, его зовут Виктор Бурлака, заведует грузоотправкой с Земли в северо-западный сектор Галактики, где, как тебе известно, расположена некая планета Анторг. И от этого Бурлаки зависит, когда мы получим очередной груз: в срок или, если представится возможность — а такие возможности пред-

ставляются,— чуть раиьше. Что для иас, сам поиимаешь, не безразлично. Теперь второй, длниный, с бородой. Это Глен Грауфф, тоже с Земли. Ои главврач Комитета по освоенню иовых плаиет. Все колоиисты, вылетающне с Земли, проходят у иего медкомиссию.— Заметнв недоумеиие Стаса, Ларго встал и снова прииялся ходить перед экраиом монитора.— Ты думаешь, каждый, кто работает на Анторге, обладает богатырским здоровьем? Дудки! Добрую половииу наших колоиистов можио было не пропустить. И половиину тех, кого забраковали, можно было отправить. У иашего главного эиергетика искусствеииое легкое. Не бог весь что, ио комиссия навериякa бы ему отказала. Если б ие доктор Грауфф, который взял ответствеииость иа себя. А убеднл Грауффа я, доказал, что, еслн этого человека, имеино этого, а не какого-ннбудь другого, ие пришлют иа Аиторг, иам сидеть еще иа голодиом эиергетическом пайке три года. Рамки физического здоровья можио слегка растяиуть и в одиу, и в другую стороиу. Доктор Грауфф поиял меия и пошел иам иавстречу. И, я иадеюсь, сиова пойдет, если возникиет необходимость. Мой долг сделать так, чтобы эти двое остались довольиы поездкой иа Анторг. Мы им, в коице коицов, просто многим обязаны...

— Что требуется от меня? — сухо прервал генеральиого директора Стас.

— Охота, Стас. Наши гости — страстиые охотники. Я хочу, чтобы ты сводил их иа охоту.

— Сожалею, ио это невозможио. Пока у иас не будет хотя бы приблизительиого представлеиия о здешиеи экологин, я ие могу дать разрешение иа отстрел животиых.

Ларго вытаращил глаза и прндвинулся к Стасу с таким вндом, словио рассматривал редкий музейный экспоиат.

— Давай-ка вспомиим, когда тебя прислали сюда...

— Уже вспоминали.

— Ах, да. Год иазад. А сколько лет существует колоиия? Правильно, восемиадцать. А когда началась разработка аиторгнта? Снова верио, шесть лет назад. Нам тогда привезли две партни колонистов по сто тридцать человек, и иаселеиие планеты сразу выросло вдвое. Полтыщи иаселеиия, из иих четыре сотнн молодых, здоровых, эиергичных мужиков. Ты ие догадываешься, дорогой главиый эколог, какое у иих было любимое развлечеиие? — Директор еще пристальиее вгляделся в Стаса и театральио отступил на шаг.— Вижу, не догадываешься. Хорошо, я сам скажу. Оин охотнлнсь, мой друг, охотились. Бнли и птицу, н зверя. И сам я тоже грешеи — постреливал нной раз в свободное время. А что прикажешь делать? Выпадет тебе редкнй выходной, и до того хочется отдохиуть от всей этой беготин, лиц, которые постояиио вокруг и утром и вечером... Хватаешь рюкзачок, ружьишко — и в лес.

А там красота, покой, зелень... Отдохнешь в лесу денек-другой, пару уточек подстрелишь — совсем по-другому себя чувствуешь. Да и работается как после!

— А как же Устав внеземных колоний? — механически, без особого энтузиазма спросил Стас. То, о чем говорил сейчас Ларго, было ему давно известно.

— Так и знал, что ты это скажешь.— Директор, словно гордясь своей проницательностью, шутливо воздел к потолку палец, затем схватил со столика банку с соком, которую поставил для Стаса, откупорил ее и в два глотка осушил.— Да, ты прав. Устав запрещает охоту без согласования с экологом. Но эколога-то у нас до тебя не было. А я разве в состоянии уследить за всем, разобраться, что можно и что нельзя в этом чертовом лесу? Кажется, все почти как на Земле, а приглядишься повнимательней — так, да не совсем так. И не смотри на меня, как на злодея, для того я и требовал на Анторг эколога, чтобы в лесу навести порядок. Вот ты теперь его и наводи.

— Вот и навожу.

Ларго устало поморщился, дерзкий тон Стаса был ему неприятен.

— Стас, за эти годы на Анторге были убиты сотни животных, это печальный факт, но я не поверю, что еще несколько подстреленных уток повлияют на экологическое равновесие. Зато людям, живущим здесь, и тебе в их числе, это пустяковое нарушение может принести ощутимую пользу.

— Это все, что вы хотели мне сказать? — спросил Стас.

— Пока все.

— Тогда мне пора. Простите, Ларго, я не могу выполнить вашу просьбу. Всего доброго.

Стас резко поднялся, кивнул в спину отвернувшемуся к окну директору и вышел из кабинета.

— Подумай! — крикнул ему вслед генеральный директор.

Глава 2

От беседы с генеральным директором у Стаса остался какой-то странный и неприятный осадок, чувство незавершенности. Чтобы отвлечься, Стас принялся разбираться у себя в рабочем столе, потом сходил пообедал в столовую, потом вернулся в лабораторию и попробовал читать, но мысли его по-прежнему вились вокруг утреннего разговора с Ларго. Он чувствовал свою правоту и в то же время не мог избавиться от непонятного ощущения неловкости, словно был виноват в чем-то перед директором.

В дверь лаборатории негромко постучали.

— Да-да, войдите,— рассеянно пригласил Стас.

Дверь открылась, и тут же сквозняк подхватил со стола бумаги, которые он только недавно аккуратно рассортировал, и понес к распахнутым окнам.

С нечлеиораздельным рыком Стас бросился к ставням и в самый последиий момеит успел затворить их. Бумаги мягко спланировали иа пол, и тогда Стас увидел, что на пороге лаборатории стоит, едва сдерживая смех, незнакомая черноглазая девушка с короткой темной косой.

— Мне нужен главный эколог Кирсанов,— с трудом обретя серьезность, сказала девушка.

— Я Кирсаиов.

— Тогда здравствуйте. Наташа Сергиенко.— Девушка решительно протянула ему руку.

— Стас. Здравствуйте, Наташа.— Он не без удовольствия пожал мягкую теплую ладонь.— Чем могу быть вам полезен?

— Нет, это я чем могу быть вам полезна?

— То есть как...— оторопело пробормотал Стас.

— А очень просто,— довольная произведенным эффектом, объявила Наташа.— Я биохимик, прилетела сегодня утром, думала, буду работать в химлаборатории при шахте, а в отделе кадров мне говорят: «Идите в лабораторию экологии, там вас давно ждут». Ждали? — Девушка с неожиданной подозрительностью посмотрела на Стаса.

— Да, ждали, конечно,— совсем растерялся Стас,— нам очень нужен биохимик...

— Тогда вводите меня в курс дела,— потребовала Наташа.

...Через час Стас знал о новой сотруднице все, был очарован ею и благодарил судьбу за такой неожиданный и приятный подарок: он действительно подавал заявку на биохимика плюс еще трех специалистов, однако в ближайшие год-два ни одного человека получить не рассчитывал, слишком велик был в колонии голод на людей. И в первую очередь специалистами обеспечивали шахту, поскольку экономическое развитие их городка зависело прежде всего от добычи анторгита.

Показав Наташе лабораторию, Стас предложил девушке посмотреть их сад.

— У вас есть сад? — удивилась она.

— Собственно, это не совсем сад. Просто наша лаборатория стоит на южной окраине города, лес начинается километрах в трех отсюда, зато кустарники, подлесок подходят буквально к нашим стенам. Опасного для человека в здешней природе пока ничего, слава богу, не обнаружено, и мы против такого близкого соседства не возражаем. Так даже удобней вести исследования.

Они вышли через двери с обратной стороны вытянутого, в один этаж сборного домика, служившего помещением для

лаборатории и — часто — жильем для ее сотрудииков. Повсюду тяиулись заросли густо переплетенных кустов, похожнх иа сибирский березовый стлаиик. Кое-где средн зелеии листьев проглядывали некрупиые белые и бледио-розовые соцветия. Через кустариик в стороиу леса вели иесколько вырублеииых, хорошо утоптаииых тропииок.

— А сейчас я вас кое с кем познакомлю. Ксют, пойди сюда, Ксют! — позвал Стас.

В кустах что-то гукнуло, шумио заворочалось, треща веткамн, и на дворик перед эколабораторией выскочила обезьяиа.

— Идн сюда, мой хороший, давай, давай! — Стас выиул из карманa припасеииое яблоко и протянул жнвотиому.

— Ой! — воскликиула Наташа.— Да это же настоящий шимпаизе!

Ловко перебирая короткимн задними и непомерно длинными и мощиыми передними лапамн, существо подскочило к Стасу и уж совсем по-обезьяиьи выхватило у иего угощение.

И только когда животиое открыло рот, чтобы съесть лакомство, стало вндно, что это вовсе ие земиой шимпаизе. В продолговатой пасти ие было ии клыков, нн вообще каких-либо зубов. Вместо иих под мясистыми губами открылись четыре челюстн — две верхних и две иижних; онн иапомииали костяной коиус, продольно распилеиный иа четыре равиые частн. Взяв иа всякий случай Стаса за рукав, Наташа заворожеиио иаблюдала, как челюсти раскрылись, словно раздвиiулись губки тисков; существо суиуло в образовавшуюся щель яблоко и прииялось эиергнчно жевать, двигая челюстямн вперед-назад, причем все четыре челюсти двигалнсь отиосительио одна другой совершеиио асиихроиио. Мелкие кусочки яблока проскакивали, падали иа чашечкой подставлениую инжиюю губу н с вожделеииым чмоканьем втягивались обратно в пасть.

— Вы его ие бойтесь, Наташа. Ксют у иас хороший. Правда, Ксют? — Стас погладил животное, оио довольио хрюкиуло, сомкнуло губы и виовь стало почти иеотличимо от обычиой земной обезьяны.— Если хотите, тоже можете его погладить.

Наташа робко протянула ладоиь, провела по длиииой шерсти. Шерсть оказалась жесткой, свалявшейся. Наташа отдериула руку и украдкой от Стаса обтерла ее о брюки.

— Нет, все же ои какой-то...

— Ну вот, почему мы так устроеиы? — огорчился Стас.— Хотим, чтобы все было «по образу и подобию» — еслн ие собствеииому, то, по крайней мере, зиакомому. Какой тут, к черту, коитакт. Этот противиый, этот скользкий, этот мерзкий... Даже Ксют — вроде совсем по виду обезьяиа... Все ему сиачала: «Ах, какой милый! Ах, какой забавиый!» А как увидят, что жует ои ие поперек, а вдоль,— всё, коиец восторгам.

— Не сердитесь, Стас.— Наташа виновато загляиула ему

в глаза.— Он мне нравится. Только непривычно пока. А кто его так смешно назвал — Ксют?

— Я назвал. Хороший вопрос, Наташа, молодец. Понимаете, этот анторгопитек — фактически первое живое существо на планете, которое наблюдается людьми в естественных условиях. До того времени какими сведениями мы располагали — так, только фотографии, обмеры и совершенно непонятные анализы убитых экземпляров, записи со слов колонистов. Всем этим занимался единственный биолог в колонии Джим Горальски, теперь он мой помощник. Мог ли многого добиться один человек без лаборатории, необходимых приборов? Не дома, на родной планете, а в чужом, удивительном мире? А мир тут и правда удивительный. И Ксют удивительный. Ага, видите, повернулся? Смотрит, понимает, что о нем говорят. Ух ты разбойник!

Стас присел на корточки, ласково потрепал зверя по загривку. Ксют блаженно прикрыл глаза.

— Так вот, выхожу я однажды из лаборатории, было это месяца через два после моего приезда, нам с Джимом уже домик этот дали, технику кое-какую выделили, смотрю: сидит на земле у кустов эдакий комочек пушистый в виде обезьянки, не боится, не прячется. Я его, естественно, подобрал, обмерил, осмотрел — дело ясное, анторгопитек, детеныш видимо. По всем признакам — вроде самочка. Ну, раз так, окрестил ее Ксюшей. А спустя полгода мы обнаружили, что все живые существа на Анторге бесполые.

— То есть как? — поразилась Наташа.

— А вот так. Есть маленькие особи, есть большие; Ксют, например, за год вдвое вырос, а откуда берутся они, не понятно. Не нашли мы ни у одного животного органов размножения. Мы с Джимом чуть с ума не сошли, гадая об их способе воспроизводства.

— Ну, и догадались?

— Пока нет. Но раз на Анторге не существует самцов и самок, несправедливо, чтобы зверь носил кличку женского рода. Поступили, как учит грамматика: отдали предпочтение мужскому роду, и из Ксюши получился Ксют.

Девушка рассмеялась, очаровательно сморщив носик, и уже смелее погладила обезьяну по голове.

— Я рада, Стас, что буду работать у вас, а не на шахте, хоть я и потратила полгода на курс по анторгиту.

— Как, вы приехали по целевому запросу с шахты?

— Ну да, конечно. Но теперь очень довольна, что обстоятельства распорядились по-другому...

До Стаса вдруг дошло, что по-другому распорядились не обстоятельства. Приказать начальнику шахты отдать кому-то специально выписанного с Земли биохимика мог только Ларго. Стас понял, что попался в ловушку: он должен был либо

выполнить просьбу Ларго, либо отослать девушку назад. Если бы он догадался обо всем в первый момент, возможно, он бы и решился отказаться от биохимика. Но не теперь. Стас подумал, насколько генеральный директор хитрее и опытнее его...

— Я хотела бы приступить к работе завтра же, если можно,— сказала Наташа.

— Да, конечно. Приходите завтра к девяти, Джим вам объяснит, что делать, я ему позвоню.

— А вас что, завтра не будет?

— К сожалению. Поведу в лес экскурсантов.

— А почему вы? Или они тоже экологи?

— Нет, Наташа, они не экологи. Скорее, наоборот.

— Как наоборот? — не поняла девушка.

— Очень просто...— Стас расстроенно махнул рукой, не пускаясь в дальнейшие разъяснения.— Извините, у меня дела. А вы идите устраивайтесь, отдыхайте...

— А, Стас! — Генеральный директор изобразил голосом приятное изумление.— Какие новости? Я уж и не рассчитывал, что ты мне позвонишь.

— Мои условия,— Стас разъяренно задышал в трубку,— охота по всем правилам, безоговорочная дисциплина, оружие гладкоствольное, по две утки на человека.

— Конечно, Стас, как скажешь,— поспешил согласиться Ларго.

— Пусть ждут меня к шести утра внизу в гостинице. Все.

Глава 3

Шелестя по сочной луговой траве воздушной подушкой, рафт пересек поляну и мягко опустился у самых деревьев. Распахнулась дверца, оттуда один за другим вылетели три объемистых рюкзака. Следом из кабины выпрыгнул Стас, в высоких шнурованных ботинках, комбинезоне цвета хаки, с узкой плоской кобурой на правом бедре.

За Стасом на поляну колобком выкатился лысый завкосмопортом.

— Виктор, ружья принимай,— раздался из кабины гулкий бас главврача.

Передав Бурлаке потертые кожаные чехлы, он перебросил через подножку длинные ноги и упруго соскочил на землю. Огляделся.

— Да, красиво. А тебе как, Виктор?

— Благодать! — восторжеино хлопнул себя по ляжкам Бурлака.— В точиости как у нас под Рязанью: и трава та же, и лес почти такой. И зверье все, говорят, похоже. Верно, Стас?

— Похоже,— угрюмо кивиул Стас. Он суиул руку в кабииу рафта, нащупал иа панели нужный тумблер, включил.— Радиомаяк. Чтобы ие путаться иа обратном пути. Проверьте, ничего не забыли?

Его спутиики отрицательио покачали головами, удрученные сухим тоном эколога. Стасу стало неловко за свою мрачиость, он решил их приободрить.

— Что ж, раз так...— Ои с силой захлопнул дверцу,— то с началом сафари вас. Отсюда пойдем пешком. До реки неблизко, километров двадцать пять, выдержите?

«Важные фигуры» обрадовались, как школьники, к которым впервые по-дружески обратился строгий учитель.

— Выдержим! Мы иарод бывалый!

— Ну, раз бывалый, то в путь! — Стас подмигнул им, забросил за плечи рюкзак и шагнул в лес.

Лес действительио был поразительно похож иа земиой. Тянули наперегоики к солицу свои зелеиые кроиы молодые и старые деревья; узлами и морщинами колдобилась на стволах потрескаиная шершавая кора; выглядывали из грунта толстые упругие пальцы корневищ. Пахло то ли сырой древесиной, то ли грибами, а под ногами похрустывал лесиой мусор.

Вначале это сходство вызывало у охотников изумление, но постепенно оии привыкли. Вскоре они, растянувшись в цепочку, бодро шагали меж чужеплаиетных деревьев, и это уже казалось чем-то вполие естественным и обыденным.

Идти было иетрудио, лес оказался не слишком густым, почва — достаточио сухой и твердой, и больше половииы пути оии прошли без остаиовок, время от времеии перебрасываясь шутками, короткими замечаниями. Потом стало жарко, и разговоры прекратились. Рюкзаки, до сих пор почти ие ощущавшиеся, заметио потяжелели.

Стас подумал, что пока его экскурсанты держатся хорошо. Похоже, оба были действительио неплохими ходоками, умели и пошутить, и помолчать, когда надо. Ни один из них не спросил, далеко ли еще,— значит, умеют, хоть и иачальники, быть ведомыми. Но явно начинают уставать: лысый украдкой посмотрел на часы. Пожалуй, все же пора передохнуть.

— Привал! — бодро выкрикиул Стас.

Грауфф и Бурлака остановились, однако рюкзаки с себя скинули и уселись иа землю только после того, как это сделал Стас.

Усталость боятся показать, мысленно улыбнулся Стас. Неплохие ребята. Если б не эти обстоятельства, он мог бы с ними, пожалуй, подружиться. Черт, и зачем он только согласился! Ну, не лежит сердце к этой вынужденной охоте, и все тут. Как себя убеждал: мол, ничего страшного, парой уток меньше станет — их до него десятками отстреливали. И, несмотря на все самоуговоры, все же чувствовал себя отвратительно. Причину он знал: он нарушил свой служебный долг — вместо того чтобы охранять, вел убивать.

Стас ощутил на себе чей-то взгляд, обернулся и увидел, что на него изучающе смотрит Грауфф. В серых глазах, разделенных высокой горбатой переносицей, Стасу почудились понимание и ирония. Он решительно встал.

— Все, отдохнули. Если хотим на месте быть засветло, надо идти.

Привал заметно прибавил сил, ноги снова привычно заскользили по чахлой лесной траве, по бурым песчаным бугристостям, по влажным подстилкам из мха и папоротников, отбрасывая назад километр за километром. Однако прошло полчаса, час, и шаг путников замедлился. Усталость надавила на плечи и вгрызлась в набухшие от тяжести рюкзаков шеи, в перенапряженные икры. Даже ружья, которые охотникам никогда не в тягость, как бы налились свинцом, и их приходилось то и дело перекладывать из руки в руку. Однако Стас так больше и не сделал привала. Он шел и одновременно с мстительным удовольствием и сочувствием вслушивался в загнанное дыхание спутников позади себя.

Когда за очередной, наверное, стомиллионной на их пути поляной блеснуло голубое лезвие реки, Стас не то прохрипел, не то прокашлял:

— Пришли...

Не изображая больше неутомимых, Грауфф и Бурлака сбросили рюкзаки и тут же растянулись там, где стояли. Стас улегся под деревом, ноги закинул на свой рюкзак, а голову пристроил на корневище. Все трое лежали и молчали, наслаждаясь ощущением удивительной легкости в теле, сравнимой разве что с ощущением невесомости.

Полностью расслабившись, Стас каждой клеточкой впитывал благодатный кислород, который весело и горячо разносила по телу кровь, до этого стиснутая в сосудах перенапряженными мышцами. Постепенно на него опустились умиротворенность, покой, он погружался в свою расслабленность все глубже и глубже, пока не почувствовал, что подошел вплотную к невидимой двери, за которой — такой желанный и такой нужный сон. Сделав усилие, Стас приказал себе вернуться. Пошевелил рукой. Открыл глаза, сел. Его подопечные по-прежнему лежали с закрытыми глазами и блаженно сопели. Лица у них за-

острнлнсь, осунулись. У Грауффа борода начала расползаться по щекам седоватой щетнной. На лбу у завкосмопортом чернелн потекн — видно, размазал грязными рукамн пот.

«Скотнна ты, Кирсанов,— подумал Стас.— Тебе иехорошо, а на другнх отыгрываешься, зло срываешь. Не такне уж оин, в конце концов, н браконьеры, нх прнгласнлн. А ты взялся проводнть. Зачем теперь людям отдых портншь?»

Стас встал на иогн, н по спнне прокатнлась волна болезненной н в то же время истомно-прнятной усталостн.

Ои рывком распустил узел на рюкзаке, запустил в него руку, нзвлек пакет с палаткой. Растягивать палатку в одинночку было неудобно, ио Стас, поколебавшнсь секунду, решнл дать своим подопечным отдохнуть. Вскоре на иебольшом прнгорке, за которым аиторгский лес обрывался к реке, заколыхал оранжевыми стенамн пятнграииый шатер.

Стас хлопиул палатку по обвислому боку: «Что, стыдно в таком внде да средн этакнх красот? Ну, ннчего, сейчас мы тебя поправнм». Он отыскал под днищем короткнй шланг, с утолщения на конце снял крышку. К обратной стороне крышкн была прикреплена кассета с таблетками. Стас достал одну, положил в шланг, плеснул на таблетку водой нз флягн н завнитил крышку иа место. Палатка вздрогнула н стала быстро раздуваться. Расправнв последине морщнны и складки, весело выгнулнсь двойные гексалоновые стеиы.

Откннув дверь, Стас опустнлся колеиями иа край иадувного пола н с удовольствнем огляделся. В палатке было не слншком просторио, она еще не успела проветрнться, внутрн слегка пахло сыростью и пластмассой, однако Стас чувствовал, что на душе стало легче. Нет, не потому, что теперь можно было укрыться от иепогоды нлн опасностн: прогноз иа блнжайшую неделю далн превосходный, а крупиых хищников в лесу инкто ннкогда не встречал. Стас подумал, что это, скорее, инстииктнвная, от далекнх предков унаследованная тяга к жнлнщу — пусть самому маленькому, самому утлому, ио все же со стенами н крышей иад головой.

— Вам помочь, Стас? — просуиув в палатку лысую голову, осведомился завкосмопортом.— Сейчас я затащу вещн. А Глеи тем времеием приготовит поужинать.

Солнце окуиуло в реку темно-красный бок, в лесу уже наступала иочь, но иа поляне перед палаткой было светло н уютио. На расстелениом лнсте бумаги лежала горка бутербродов, фрукты. Бутерброды были свежимн, фрукты — ароматнымн, а Стас продолжал испытывать скованность, мысль о запретиой охоте подтачнвала настроенне въедлнвым червячком.

— На Фарголе мне однажды довелось охотиться на трекаба,— вспомнил, удобно облокотившись на полупустой рюкзак, Бурлака.— Вы видели трекаба, Стас?

— Только в учебных фильмах.— Перед глазами у Стаса всплыло жуткое существо, похожее на сросшихся по всей длине трех питонов на коротких когтистых лапах и с тигриными клыками в пасти. От отвращения Стаса передернуло.

— Вот-вот. Меня так же передернуло, и первым выстрелом я смазал. И вторым тоже.

— Далеко был? — поинтересовался Грауфф.

— Да не то чтобы очень. Метров с шестидесяти. Из гладкоствольной дальше бесполезно. Вы знаете, Стас, у нас с Гленом принцип: охотиться только с охотничьими ружьями.

— А с другими и нельзя,— буркнул Стас.

— Тю-у! Тоже скажете, нельзя.— Бурлака махнул рукой.— Сплошь и рядом палят из карабинов. Да что там карабинов — станнерами стреляют. Чтоб шкуру не попортить. Так вот, отдуплетился я, перезаряжаю, а трекаб на меня на своих крокодильих ножках как конь хороший несется. Едва успел я еще выстрелить, а он уже в пяти шагах. Конституция у меня, сами видите, не гимнастическая, но на дерево я взлетел, как молодой павиан. Уселся на ветку покрепче, вниз поглядел: там она, тварь эта трехглавая, стоит под деревом и на меня смотрит. А взгляд такой, что обнял я дерево, а в голове только одна мысль, как жилочка, бьется: умеют трекабы по деревьям лазать или нет?..

— А что ж не стреляли? — с любопытством спросил Стас.

— Так выронил я ружье со страху,— весело пояснил завкосмопортом.— И сумку, где рация была, тоже на земле бросил. Оно, пожалуй, и к лучшему, а то мог не успеть на дерево залезть.

Он снова замолчал, выбрал себе бутерброд и с преувеличенным аппетитом вгрызся в него зубами, явно добиваясь от слушателей вопроса.

Грауфф, чтобы подразнить приятеля, молчал, забавляясь его ораторскими хитростями. Но Стас клюнул, ему хотелось узнать, чем кончилось необычное приключение. К великому удовольствию Бурлаки, он спросил:

— Ну а что же потом?

— А потом, молодой человек,— Бурлака выкатил на Стаса глаза,— я двое суток провел на дереве, а трекаб под деревом. А когда я уже созрел, чтобы падать вниз, трекаб испустил дух. Оказалось, последним выстрелом я его все-таки зацепил...

Он убрал вдруг с лица драматическое выражение и расхохотался. Вместе с ним рассмеялись Стас и Глен Грауфф.

— Ну, слава богу,— похлопал Стаса по плечу Грауфф.— А я уж боялся, вы нас возненавидели навеки.

Стас почувствовал, что краснеет.

— Да что вы, право. При чем тут...

— Не надо, не надо, молодой человек. Я все понимаю. У вас свое дело, вы преданы ему. И правильно. Каждый должен любить свою работу, иначе он бесполезен, а часто и вреден. В молодости, когда позволяло здоровье, Виктор был штурманом фотонных кораблей, а я хирургом, и мы не верили, что сможем когда-либо полюбить другую работу. Но изменились обстоятельства, и сегодня любимое дело Виктора — обеспечивать внеземные колонии необходимыми грузами, мое — необходимыми людьми. А ваше любимое дело, Стас,— природа, окружающая среда, ее охрана, экология... Так?

— Так...

— И вот появляются два каких-то типа, перед которыми заискивает начальство, и требуют, чтобы их — без путевки, в нарушение всех правил — вели в заповедный лес убивать животных. Так?

— Так...

— Нет, не так! Во-первых, мы ничего не требовали, ваш Ларго сам пригласил нас на охоту. По-вашему, нам надо было отказаться? Фыркнуть негодующе? Да вы знаете, что такое охота? Охота — это страсть, это болезнь, если хотите, но болезнь полезная, оздоравливающая организм, восстанавливающая его, как воздух свежий, как настой женьшеня. Тот, кто болен охотой, чувствует себя уверенным, жизнеспособным, сильным. Он чувствует себя мужчиной. Я занимаюсь охотой с восемнадцати лет и могу сказать, что лучшие минуты моей жизни — за операционным столом и на охоте. Я побывал на десятках планет и почти всюду, где есть дикие звери, охотился. Иногда по путевке, чаще — нет, просто по договоренности с местным начальством. И никогда не считал себя варваром, убийцей, врагом живого. Я люблю природу не меньше вас и понимаю ее, смею думать, не хуже. Ни в земных лесах, ни в джунглях других планет я не чувствую себя чуждым, посторонним элементом, а это значит, я сливаюсь с природой и становлюсь ее неотъемлемой частью. В масштабе Вселенной. Вот что дает мне охота...

— Но ведь можно и не убивать...

— Э-э, нет! Хотим мы или нет, но природа — это круговорот смертей, который регулирует и качество, и количество. Конечно, человек в состоянии нанести природе непоправимый урон, но хищничества сейчас никто не допустит. А подстрелить зайца или оленя — смешно говорить об этом. Их с таким же успехом мог завтра задрать леопард. Зато, когда я вхожу в лес с ружьем, я сам погружаюсь в этот круговорот и знаю, что ищу свою добычу или, может быть, стану добычей более умелого зверя. Так, и только так, можно достичь полного соединения

с прнродой. Человеку, пришедшему в лес с кинокамерой нлн бнноклем, настоящее удовольствне до охоты недоступно... А у вас-то, Стас, на кого мы ндем охотнться? Всего-навсего на уток. Мне рассказывалн, нх тут тучн. Каждый сезон они гнбнут тысячамн н возрождаются десяткамн тысяч. Неужелн вы как эколог можете предположнть, что гнбель несколькнх водоплавающнх скажется на прнродном равновесни планеты?

— Нет-нет, Глен, ты не совсем прав,— вступнл в разговор Бурлака.— Еслн все так будут рассуждать... Однн убьет десяток уток, другой — десяток, н неизвестно, что останется годика этак через два. Потому н объявнлн тут заповедннк. И вовремя: народу в колоннн, я слышал, уже под тысячу. Но, молодой человек,— он ткнул пухлым пальцем в сторону Стаса,— бывают в жнзнн снтуацнн, когда правнла прнходнтся нарушать. И разрешнть сделать нз хорошего правнла хорошее нсключенне может нам только наша совесть. Впрочем, нногда роль совестн берет на себя начальство. Вам, Стас, не хотелось делать для нас нсключенне, но все же вы послушалн начальннка...

— Эколог не подчннен генеральному днректору,— счел нужным вставнть Стас.

— И тем не менее вы сделалн, как он хотел. Потому что понимаете: Ларго лучше вас может суднть о целесообразностн некоторых моментов. Стас, вам еще много лет работать на Анторге, н, поверьте мне, вам не раз прндется воднть в этот лес гостей с ружьями. Но будет это не часто н потому впншется в экологическне рамкн...

Стас слушал добродушное рокотанне Грауффа, веселый, бойкнй говорок Бурлакн, н то лн от усталостн после долгого перехода, то лн от вкусного, сытного ужнна эта нх незаконная охота вжделась ему не в столь уж непрнглядном свете. Вторя доводам главного врача, он убеждал себя, что н впрямь десяток уток для заповедннка ннчего не значат, а Ларго думает об ннтересах всей колоннн, н маленькое нарушение правнл — вовсе не нарушенне, а своего рода днпломатня... Мысль понравнлась Стасу: конечно, он повел нх на охоту нз днпломатнческнх соображеннй.

Стало прохладно, н онн перешлн в палатку, еще немного поговорнлн об охоте, рыбной ловле, потом забралнсь в тонкне ворсистые спальные мешкн. Бурлака было прннялся рассказывать, как обрабатывать шкуры, чтобы сохраннть естественный цвет, но Грауфф вдруг оглушнтельно, с прнсвнстом всхрапнул.

— Намек понял,— кротко пронзнес завкосмопортом.— Отхожу ко сну.

Вскоре в палатке, разбнтой у рекн на краю анторгского леса, ровно н глубоко дышалн во сне трн человека с планеты Земля,

и если бы кто-то прислушался к их дыхаиию, то сразу поиял бы: спят люди, у которых отменное здоровье и завидное душевиое равновесие.

Глава 4

Было еще совсем темно, когда охотники покинули палатку и двинулись к берегу. Ночь стояла черная и теплая. Слабо шелестели листья, откликаясь на ветерок, едва колышущий воздух. Пахло соиным предрассветным лесом, рекой и еще чем-то таким знакомым, земным, однако вспомнить, что это за запах, Бурлаке никак не удавалось.

Дойдя до воды, каждый надул себе легкую, почти круглой формы лодочку. Шепотом пожелав друг другу удачи, они разъехались. Заранее было условлено, что Бурлака поедет иалево, к кустистому островку, а Грауфф встанет в заросшем тиной заливе справа. Стас охотиться не собирался, он сказал, что будет собирать образцы водорослей неподалеку от лагеря.

Сделав несколько гребков веслами, похожими иа теннисные ракетки, Бурлака обернулся, но темнота уже растворила и его спутников, и берега, и саму реку. Он словно сиова оказался в открытом космосе, в непостижимой всеобъемлющей черноте, где даже мириады звезд кажутся всего лишь горсточкой неосторожно рассыпанной сахарной пудры...

Бурлака прислушался к неожиданно сильно застучавшему сердцу и улыбнулся: ощущение было ему хорошо знакомо. Оно часто приходило, когда поднятый загонщиками зверь, хрустнув веткой, появлялся в двух шагах от него на просеке; и когда спиниииг, до того чуть подрагивавший кончиком в такт колебаниям блесны, сгибался в дугу и тупо замирал, словно схватившись крючком за корягу, а через секуиду оживал, отдавая в руку тяжелыми, отчаяиными рывками засекшейся рыбы; и когда искрящееся мелководье в ярко-зелеиых пятиах водорослей и апельсиновых кустах кораллов вдруг обрывалось, растворяясь в сиией глубине, и ои, чувствуя себя в маске и ластах одииоким и беззащитным, зависал иад прозрачной и в то же время иепроглядной бездной. Нет, это был не страх, а так, легкий страшок, ои ие мешал ии выстрелу, ни хладнокровию, и потому Бурлака никогда ие отгоиял его, а, иапротив, смаковал, как чашечку горького кофе, и испытывал даже легкое сожаление, когда это состояиие холодящего возбуждеиия проходило.

Было так темио, что Бурлака ие мог даже различить кольцо со швартовочной веревкой в полутора метрах от себя иа иосу лодки. Чтобы ие проплыть мимо островка, который он при-

смотрел себе по карте накануне, он начал считать гребки. Если по полметра на гребок, остров должен быть гребков через пятьсот — шестьсот. Пять... Двадцать восемь... Сто тридцать два... Четыреста десять... Заскрежетав днищем по топляку, лодка развернулась, ткнулась бортом в нависшие над водой кусты и остановилась. В кустах сварливо взвизгнула какая-то птица, захлопала крыльями и, отлетев от островка, опустилась на воду где-то неподалеку.

Бурлака шепотом обругал себя идиотом: надо же, не учесть течения и впилиться прямо в остров! Хорошо еще, лодку не порвал. Бурлака осторожно спихнул лодку с топляка и привязал к нему веревку с носа лодки. Кормовой конец он набросил на куст и выбрал слабину, натянув веревку. Лодка обрела устойчивость. Бурлака уселся поудобнее, расстегнул клапан патронташа, зарядил двухстволку и принялся ждать рассвета.

Ночь никак не хотела уходить, отдавать слившиеся в тугую черную бесконечность небо, воду, лес. Но вот в посветлевшем небе, как снежинки на теплой земле, стали таять звезды, осторожно легли на воду первые, едва заметные блики. Расплывчато, словно проявляясь на фотобумаге, из ниоткуда возникли контуры леса. В зарослях надсадно закрякала утка, ей тут же отозвалась другая, побасовитей, потом в разговор включился третий голос, и вдруг весь берег, вся река взорвались тысячеголосым хором, поющим, щелкающим, квакающим...

Ошеломленный этим неожиданным концертом, Бурлака замер, сжав в руках ружье, и до рези напряг глаза, силясь разглядеть на воде хоть одного из невидимых участников. Что-то со свистом пронеслось над лодкой. Он быстро перевел взгляд вверх, но было еще слишком темно. Тени, почти призрачные силуэты появлялись и исчезали, прежде чем он успевал вскинуть ружье. «Рано,— уговаривал он себя,— еще слишком рано. Бесполезно пока стрелять». Вдалеке будто стукнул кто-то обухом по дуплистому стволу. «Ну, вот,— подумал Бурлака,— Глен уже стреляет. Убил, наверное. Всегда ему везет!» Прямо над головой у него зашелестели крылья. Не пытаясь целиться, Бурлака выстрелил навскидку и прислушался, не раздастся ли всплеск падающей птицы. Но только эхо прокатилось по воде, ударилось о лесную стену и вернулось обратно слабым отзвуком. Смазал!

Промах несколько охладил Бурлаку. Он решил больше не стрелять, пока не рассветет как следует.

Светало теперь уже быстро, день неудержно теснил ночь, заставляя ее бледнеть. Птиц по-прежнему летало много, но Бурлака уже мог разглядеть, что в большинстве своем это мелкота, интересная разве что для ученых: длинноклювые птахи разме-

ром с голубя, похожие на куликов. С экологом они договорились, что убьют по две птицы, не более, и тратить свою «квоту» на этих мух он не собирался. Бурлака знал, на кого они с Грауффом приехали охотиться: на знаменитую анторгскую утку. Прославили ее два замечательных качества. Во-первых, она была бесценным охотничьим трофеем благодаря своему оперению. Пестрое, яркое, долго не теряющее своей окраски, оно обладает свойством при инфракрасной подсветке светиться в темноте всеми цветами радуги. Считанные охотники могут похвастаться тем, что в гостиной у них висит чучело анторгской утки. Во-вторых, по рассказам знатоков, мясо анторгской утки — сказочный деликатес, оно сочетает в себе сочность и белизну курицы, нежность и аромат тропических фруктов и ни с чем не сравнимый, пьянящий вкус лесной дичи.

Бурлака вспомнил свою коллекцию, собранную с тщательностью и любовью за три десятка лет. Гости, приходя к нему в дом, часами могли стоять у стеллажей и полок, разглядывая диковинные трофеи с разных планет. Сколько восторгов всегда вызывает голова саблезубого верблюда, или ноги гигантского шпороносца, или костумбрианский ракоскорпион. Причем все без исключения трофеи добыты им самим. Бурлака всегда строго соблюдал принцип вносить в коллекцию только то, что убил на охоте лично он. Принципы вообще были коньком Бурлаки. Он считал, что главное в жизни — иметь принципы и никогда их не нарушать. Только глубоко принципиальный человек способен зайти в туман нейтральной полосы между дозволенным и недозволенным и не заблудиться в нем. А полоса эта будет существовать, пока человеку будет хотеться большего, чем возможно сегодня. Иначе говоря, она будет существовать вечно, потому что потребности человечества, размах его действий всегда будут впереди его возможностей. Пусть человечество обеспечило разумное изобилие на Земле и на еще двух десятках планет, но искательский дух, тяга к новому, неизведанному заставляют людей проникать все в новые миры. И каждый год в Галактике открывают планеты, пригодные к освоению. Но все колонии, удаленные от Земли и других развитых планет на тысячи световых лет, обеспечить всем необходимым просто невозможно, и, пока они сами не станут метрополиями, не овладеют ресурсами планеты, там не будет хватать многих, порой самых необходимых вещей. Это неизбежно. А потому неизбежны и вечны на базах — сухопутных, морских, космических — просители, которые скорее требуют, чем просят, яростно доказывая, что именно их колонии ядерный реактор в сборе нужен в первую очередь. И, как тысячу лет назад, часто только от подписи заведующего зависит, в чей адрес будет отгружен дефицитный ядерный реактор. Да, когда первоочередность очевидна, никаких сомнений не может

и быть. Но нередко какие-либо веские причины отсутствуют, и тогда вопрос решают обыкновенные личные симпатии.

Бурлака, проработавший в космопорте много лет, прекрасно понимал деликатную специфику своей должности и попытки завоевать его симпатии воспринимал как нечто вполне естественное. Он не злоупотреблял своим положением, старался быть объективным, в спорных случаях тщательно изучал все «за» и «против». Когда аргументы претендующих оказывались все же равнозначными, у него оставалось два выхода: либо бросить жребий, либо отдать нужный груз тому, кто ему приятней. Но жребия он не признавал.

Его часто приглашали в колонии и, зная о страсти завкосмопортом, устраивали ему там охоту. Приглашения Бурлака принимал, был веселым компаньоном и приятным гостем, однако, зная мотивы гостеприимства хозяев, тесной дружбы с ними принципиально никогда не заводил. Недолюбливал он и других «ответственных», с которыми ему порой приходилось встречаться на охоте, считал, что они не имеют права на «специальный» прием и поступают беспринципно. Долгое время Бурлака предпочитал отправляться в свои охотничьи вояжи один, пока не познакомился с Гленом Грауффом. Медвежья сила доктора, его фанатичная преданность охоте, спокойная медлительность, странным образом уживающаяся рядом с острым, аналитическим умом хирурга и способностью принимать мгновенные решения в критических ситуациях, произвели на Бурлаку впечатление. Поразмыслив над правом главврача Комитета по освоению принимать «специальные» приглашения, он пришел к выводу, что Грауфф вполне вписывается в систему его принципов. Они подружились и с тех пор почти всегда путешествовали вместе.

Бурлака вспомнил, как несколько лет назад в снежных горах на Сагитаре он оступился в припорошенную трещину, сломал ногу, и уже немолодой Грауфф полдня нес его на себе. «Как хорошо, что Глен сумел выбраться на Анторг»,— растроганно подумал Бурлака.

Мысли его прервал свист крыльев. Было уже светло, и Бурлака отчетливо увидел, как прямо на него, шумно рассекая воздух, углом летят четыре крупные анторгские утки. Он затаил дыхание, палец лег на спусковой крючок: еще немного — и они будут над ним! Однако утки заметили лодку и в последний момент повернули к правому берегу. Не перестраиваясь, все так же — одна позади и несколько левей предыдущей — птицы выполнили разворот быстро и плавно, с синхронностью спортивных космояхт, однако та, что летела последней, в результате маневра оказалась от охотника на расстоянии выстрела. Бурлака вновь ощутил в груди знакомый холодок — на этот раз в предчувствии удачи, не спеша поднял ружье.

Утка словио ударилась с разгоиу о иевиднмую преграду, тряпкой обвисло перебитое крыло. Завалившись иабок, оиа стала падать. Хищно чавкиула река, прииимая сбнтую птицу, и заплескала под здоровым крылом, которым утка судорожно пыталась отгрести к блнжайшему кусту. Бурлака было прицелился, чтобы добить ее, ио тут утка обмякла, уроиила голову в воду, хлопанье крыла перешло в слабое подрагнваиие.

Бурлака удовлетвореиио опустил ружье, отвязал лодку и неторопливо поплыл к добыче. «Хороша,— думал Бурлака, глядя на зелеио-фнолетовый комок на воде.— Больше иашего гуся будет. А крылья, крылья-то какие!» Ему уже виделось переливающееся внеземиой палитрой чучело, радостиые восторги жеиы, уважнтельные поздравлеиия гостей.

Неожидаиио, когда до утки оставалось всего несколько метров, рядом с ией из воды выиыриула чуть прнплюсиутая крысииая мордочка с маленькими мохнатымн ушками. Головка огляделась и сразу же скрылась, иа ее месте проструился лоснящийся иссиня-чериый бок, махнул, будто разметая за собой рябь, окладистый пушистый хвост. Зверек показался и исчез, и только тут до завкосмопортом дошло, что вместе с инм исчезла с поверхиостн убитая утка.

— Стой, куда! Да что же это? — забормотал Бурлака, растеряиио вглядываясь в разбегающиеся по воде круги.— Это же иадо, из-под иоса... Так провести! — Растерянность смеиилась веселостью.— Ну, иегодиик! В жизин ие видел такого иахальства. Поохотнлись...

Вдалеке глухо кашлянул автомат Грауффа. Бурлака прислушался, ио второго выстрела не последовало. Значнт, убил. Второй раз обычно стреляют вдогонку после первого промаха — и сиова мажут. Ои поймал себя на том, что нспытывает легкую досаду: у Глеиа, судя по всему, уже пара уток есть, а у иего ии одиой. Бурлака представил себе, как доволеи будет мальчишка-эколог, если он вернется пустой. А Глен, с его первобытиым юмором, обязательно ляпиет что-ннбудь вроде «стрелять надо уметь»...

Бурлака застыл, различнв в утрением воздухе, уже подкрашеииом рассветом, знакомый посвнст.

Над островком показалась стайка уток. Оии летели с большой скоростью, иа предельной для охотннчьего ружья высоте. Бурлака поймал иа мушку первую, дал упрежденне в два корпуса и спустил курок. Как подстегнутая киутом, стая резко взмыла вверх, а та, в которую стрелял Бурлака, застыла на миг в воздухе, потом вдруг, словно лишнвшись опоры под крыльями, закувыркалась н камием рухиула в воду.

На этот раз Бурлака решил поспешить н погнал лодку к добыче резкими, энергичными гребками. «Что, стрелять иадо

уметь,— приговаривал ои себе под иос, работая веслами.— Какой выстрел, черт побери! Ах, какой выстрел!»

Раздался всплеск. На поверхиости сиова появилась та же чериая меховая спииа и устремилась к его утке. Состязаться утлой иадувиой лодчоике с речиым хищииком было бесполезио.

— Кыш, проклятая! — заорал Бурлака, изо всех сил хлопая по воде веслами.

Спииа быстро приближалась к убитой им утке.

— Ах, ты так! — Бурлака в отчаяиии бросил весла и схватил ружье.— Тогда получай!

Мгиовеиием позже грохота выстрела по воде вокруг плывущего зверька туго хлестиула дробь. Зверек крутиулся волчком, словио пытаясь ухватить себя за длиииый хвост, и перевериулся вверх иежио-желтым брюхом.

Глава 5

Грауфф уже давио отстрелялся, взял двух положеииых ему уток и вериулся к Стасу, оставшемуся иа берегу около лагеря. Оии молча сидели рядом, отложив ружья, и с иаслаждением глядели иа реку, вбирая в себя ее иепрозрачиую, зеркальиую чистоту, так же как и река вобрала в себя деревья и кусты по берегам, розово-голубое иебо и их самих. Отражеиие все время подрагивало, то хмурясь иепрошеио иабежавшему ветерку, то закручиваясь в веселых, из ииоткуда возиикающих водоворотиках, то рябью разбегаясь в разиые стороиы под ударом тяжелого рыбьего хвоста и серебристым дождиком выплесиувших из воды мальков. Время от времеии иа реку серыми плаиерами ложились скользящие теии, и тогда оии подиимали голову и глядели иа стаи длиииошеих птиц. В иекоторых Грауфф узиавал аиторгских уток, ио большей частью оии, хотя и удивительио иапомииали земных птиц, были ему иезиакомы.

— Вы зиаете, что это за птицы, Стас? — поиитересовался ои.

— В основиом водоплавающие. Больше всего здесь уток, ио водятся и фламииго, пеликаиы, цапли, журавли. То есть ие иастоящие, коиечио, а их, если так можио выразиться, аиторгские аиалоги.

— Это иевероятио,— покачал головой Грауфф,— за тысячи световых лет от Земли встретить почти что ее близнеца. Невероятио.

— Что ж такого невероятиого? — возразил Стас.— Оргаиическая жизнь развивается в миллиардах миров, и пути

ее развития бесконечио разиообразны. А согласившись с этнм утверждеиием, иельзя ие призиать, что в бескоиечиости вероятиы и очень схожие модели эволюции. Может быть, даже ндентнчные. Но если Аиторг н брат Землн, то ие родной, а многомиогоюродиый.

— И все же я должеи призиаться, что ни на одной еще планете ие чувствовал себя так уверенио, по-домашиему, как здесь. Порой я даже начинаю забывать, что ие иа Земле...

— Сходство, Глеи, в осиовном виешиее. Возьмите тех же уток, например. Нам известно, что онн водоплавающие, пернатые, держатся стаями. Еще — что онн съедобиы для человека и что из иих выходят роскошные чучела. И все. Мы даже ие знаем, как оии появляются иа свет. Мы уже привыкли видеть в иебе или на реке взрослых особей, ио ннкто иикогда не встречал птеицов. Я уже ие говорю о гиездах. Не исключеио, что они вовсе не иесут яйца, как предполагается. Это я вам затем сказал, Глеи, чтоб вы понялн, что мы почти ничего не знаем об экологии Аиторга. Хотя уже активио в нее включнлнсь. Так почему-то получается всегда. Сначала мы проникаем в среду, ломая при этом какие-то устоявшиеся связн и создавая новые, а уж потом начинаем нзучать ее. К счастью, экологические системы достаточио гибки н выдерживают в большинстве случаев разумное вмешательство. Точиее, вмешательство до определеииых разумиых пределов. Но где эти пределы? Кто определит их для коикретного экоцентра, который, кстати, иикогда ие бывает замкнутым полностью?

— Да, я понимаю вас,— задумчиво произнес Грауфф, провожая взглядом стаю белых длнинноклювых птиц, протяиувшихся вдоль реки.— На родиой планете нам потребовались сотин лет, чтобы перестать пилить под собой сук...

— И еще сотни лет,— подхватил Стас,— чтобы осторожио вериуть к жизии то, что еще можно было спасти, и установить иаконец с природой долгожданные «разумные отношения». Поиадобилась для этого ни много нн мало вся научная и техническая мощь Земли. А чем располагаем мы в малых колоииях? Что есть у иас? Полевая лабораторня, пять-шесть специалистов и право выпнсывать на экологические иужды полтоны оборудоваиия в год.

— Но человечество обживает н исследует сотин плаиет. Вы же поимаете, что сразу всюду создать полноцеииые научиые цеитры невозможно.

— Объективио мие это ясио. Но на практике получается, что, пока колония иа планете не станет достаточно развитой и автономной, экология выиуждена тяиуться позади экономии. Первобытные люди брали от природы все, что могли, чтобы выжнть, приспособнться. Мы тоже сейчас на положении первобытных, мы тоже первые, н, чтобы прнспособиться, нам тоже

надо брать у природы. Однако между нами есть существенная разница: те первобытные были слабее природы, они отщипывали от нее по крохам, пока не осмелели; мы же уже смелые, мы вооружены опытом и знаниями тысяч поколений и можем сделать с анторгской природой все что угодно. Да, я понимаю, чем скорей будет создана на Анторге экономическая база, тем больше средств и сил колония позволит отдать экологическим исследованиям. Но поймите, каково мне сейчас: вырубают дерево, а я не знаю, какие птицы и насекомые питаются его плодами или листьями; выкорчевывается кустарник, а я не знаю, какие животные лишились укрытия; бульдозер срезает слой почвы, а я не знаю, чьи норы заваливает его нож...

— Стас, будьте справедливы.— Грауфф успокаивающе хлопнул Стаса по колену.— Работы ведутся на ничтожной площади. Живую природу не изгоняют, а только просят слегка потесниться.

— Вот она и «потесняется». Раньше, говорят, пятнистые лоси выходили прямо к строительным площадкам, обезьяны корм брали из рук. А теперь? Даже утки, завидев человека, облетают его стороной.

— Ох, и дались вам эти утки! Ну, скажите, вот убили мы четыре утки, я две и Виктор две, если он, конечно, не мазал все утро...

— И не надейтесь, он не мазал! — с торжественным возгласом появился из-за кустов Бурлака. В одной руке он держал за ложе ружье и роскошную анторгскую утку. Другой рукой, поднятой с усилием на уровень розовых, расплывшихся в улыбке щек, Бурлака сжимал задние лапы похожего на выдру речного зверька. Упругий жесткий мех еще поблескивал не просохшими капельками воды и крови, маленькие глазки тускло застыли за полупрозрачной пленкой век, мертво болтался непристойно алый язык, свесившись из приоткрытой оскаленной пасти.— Вот как надо охотиться! — радостно повторил Бурлака и осекся, увидев выражение лица эколога. Улыбка медленно сползла с его губ. Он перевел взгляд на Грауффа, но и у того лицо точно окаменело.

— Что это, Виктор? — глухим голосом спросил доктор.

— Да черт ее знает, тварь какая-то. Она у меня уток таскала... Прямо из-под носа... Вы что, ребята?

Стас поднялся с земли, медленно отряхнул комбинезон и сделал шаг в сторону завкосмопортом. Тот невольно попятился.

— Стас, поверьте, зверь сам лез... Утку сбитую утащил...

— Кто вам позволил? — раздельно, почти по слогам, произнес Стас.

Завкосмопортом уже справился с первым замешательством и попытался перехватить инициативу.

— Да что вы, в самом-то деле,— деланно оскорбился он.— Что ж мне, по-вашему, смотреть, как моих уток жрет какая-то крыса? И потом, она вам может пригодиться; возьмите ее в лабораторию, сами говорили, образцов не хватает...

— Отдайте ружье,— тихо потребовал Стас.

Бурлака изумленно вытаращил глаза.

— Вы в своем уме, юноша? Вы понимаете, что говорите?

— Стас, может быть, не надо так? — попробовал вмешаться Грауфф.— Конечно, Виктор виноват, когда мы вернемся, я с ним поговорю. Обещаю...

Стас резко повернулся лицом к доктору.

— Обещаете! Я наслушался ваших обещаний! «По правилам», «не больше нормы», «только уток»... С меня хватит. Я слышал, вы были штурманом в свое время, Бурлака, надеюсь, вы еще не совсем забыли, что такое дисциплина. Как главный эколог Анторга, приказываю вам отдать оружие.

Нехотя, со скорбно-мученическим видом Бурлака протянул двухстволку.

Стас преломил стволы, убедился, что патронники пустые, и, закинув ружье за плечо, быстро зашагал в сторону лагеря.

У самой палатки его нагнал Грауфф. Вдвоем они быстро выдавили из полостей газ, сложили ткань в аккуратный прямоугольный тючок, упаковали рюкзаки. У Бурлаки рюкзак получился самым объемистым, ему пришлось запихнуть туда и контейнер с убитым зверем. Почти не разговаривая, сели поесть перед дорогой. На душе у всех троих было тягостно. «Нам всем стыдно,— подумал Грауфф,— не то за других, не то за себя». Он еще раз попытался разрядить атмосферу.

— Послушайте, друзья, неужели мы вот так закончим нашу охоту? Из-за одного-единственного зверька...

— Да поймите вы, наконец,— взорвался Стас,— что он, может, и вправду был один-единственный. Я никогда не встречал таких, не слышал о них. Об этом животном я ничего — вы слышите, ни-че-го! — не знаю. Зато я знаю другое. Я знаю, что никто не знает, как часто и каким образом анторгские животные размножаются. Мы восемнадцать лет на этой планете, и никто еще ни разу не видел ни беременной самки, ни самки вообще, поскольку у них нет самок и самцов, а есть одинаковые стерильные взрослые особи. И никто не видел новорожденных детенышей, или птенцов, или яиц, или куколок, а это значит, они размножаются очень редко, и потому не исключено, что целый вид может состоять всего из нескольких особей, а может, только из одной. И что, если именно такую особь вы сегодня, развлекаясь, убили? — Стас перевел дух после своей тирады, обвел взглядом притихших охотников.— Все. Двинулись,— скомандовал он и взялся за лямку рюкзака.

...Некоторое время оии шли молча, держась друг от друга на расстояиии, и только треск ветвей позади говорил Стасу, что его «экскурсанты» не отстали.

Злость в ием уже поостыла, и теперь, отмеряя шаг за шагом по зеленому редколесью, Стас размышлял, как быть дальше с завкосмопортом. Коиечио, писать жалобу в Общество охотииков ои ие станет, ио припугнуть его будет не лишиим. А за компанию с ним и Ларго. Чтобы раз и иавсегда покончить со «спецпрогулками»...

Ход его мыслей прервал возглас Бурлаки, в котором явствеино слышалось смешанное с ужасом изумление.

— Стас, Глен! Что это? Быстрее сюда!

Когда Стас подбежал, Бурлака и Грауфф плечо к плечу стояли иа небольшой травяиистой поляне и, застыв на месте, смотрели иа что-то, скрытое от Стаса их спинами. Стас нетерпеливо протисиулся между ними и замер, пораженный увиденным.

На поляне, поперек высокого корневища, словно переломившись о иего, мордой вверх лежал большой, той же породы, что и Ксют, шимпанзе. Грудь его от диафрагмы до горла была вскрыта, будто ее пропахал какой-то жуткий плуг. Из страшиой раны торчали белесые концы ребер, трава вокруг была забрызгаиа уже запекшейся кровью. Над мертвым животиым озабочеиио гудел рой крупных, как пчелы, мух.

Глава 6

— Кто это сделал? — иеожидаиио громко спросил Стас и тут же понял, что сказал глупость. Ни Грауфф, ни Бурлака не могли совершить это бессмысленное убийство.— Простите,— сказал он,— я сам не зиаю, что говорю. Не могу поверить... Глен, пойдемте поглядим, в чем дело.— Оии подошли к изуродоваииому трупу обезьяны.

Доктор опустился иа колеио, осмотрел раиу.

— Да, строение тела действительио сходно с земным. Те же сосуды, костиая осиова, нервные волокиа, лимфа, кровь... Рана, иесомнено, наиесена достаточио тупым, но все же режущим орудием. Давно я ие видел так стопроцентио вскрытой грудиой клетки. Кости ие поломаиы, а, скорее, прорублеиы. Знаете, это можно было, иавериое, сделать давно не точеиым топором.

— Каким топором? — ошеломлеино пробормотал Стас.— Какой топор? Вы что, считаете, это сделал человек?!

— Не исключаю, Стас, ие исключаю. Вы же сами рассказывали, что иа Аиторге были случаи браконьерства.

— Это было давио...

— Могло случиться и еще раз.

— А если хищник?

— Стас, вы же эколог, вы знаете, на Анторге нет крупных хищников. Не станете же вы думать, что так взрезать грудину мог какой-нибудь мелкий грызун.

— Но зачем? Зачем? — непонимающе повторял Стас.— Какой смысл?

— Верно, с этого и надо начинать,— подал голос завкосмопортом.— Животное не способно на бессмысленное убийство. Хищник убивает, когда голоден. А этой мартышкой никто, похоже, кроме мух, не полакомился. Глен, проверь, мясо не тронуто? Ну вот. Значит, убили ради удовольствия. Видно, какой-то колонист начитался, как предки ходили на медведя с рогатиной, и развалил обезьяну самодельной секирой.

Стас взял себя в руки, достал фотоаппарат, сделал несколько снимков места происшествия. Потом внимательно оглядел почву вокруг трупа.

— Не судите по себе, Бурлака,— сказал он.— На поляне ни одного человеческого следа. Зато много звериных. Ладно. Провожу вас домой, вернусь на вертолете за телом. В лаборатории определим, чья это работа. Идемте.

Бурлака обиженно надул щеки: мол, не хотите слушать, что опытный человек говорит,— как хотите, сами потом будете жалеть.

И снова цепочка из трех человек потянулась через нечастый анторгский лес.

Следующую находку сделал сам Стас. Он шел впереди и на одной из прогалин натолкнулся на полосатую лису, перерубленную почти пополам. Буквально в нескольких метрах от нее под кустом лежал длинный бурый удав с расплющенным черепом.

— Подойдите сюда, Глен,— негромко позвал Стас.— Давно это могло произойти?

— Если допустить, что свертываемость крови у них близка к земной,— задумчиво ответил Грауфф, растирая между пальцев розовый сгусток,— они погибли максимум час назад.

Минутой позже подошедший Бурлака ахнул, увидев еще два растерзанных трупа животных.

— Да это сделал какой-то маньяк! — прошептал он и, присев на корточки, начал быстро и как-то боком двигаться по поляне.— Надо найти следы.

Пухлая, увенчанная сверкающей лысиной фигура завкосмопортом, скачущая вприсядку по лесу, выглядела весьма комично и в другое время позабавила бы Стаса, но сейчас он не обратил на маневры Бурлаки никакого внимания, он был потрясен дикостью и непонятностью ситуации.

Животный мир Анторга был разнообразен, встречались

и крупные животные, некоторые даже размером с зубра, поэтому в первые годы освоения планеты колонисты носили оружие, им предписывалось не удаляться от зоны биозащиты, соблюдать меры предосторожности на рабочих площадках. Однако анторгские звери вели себя на редкость мирно, они не пытались нападать на людей, а напротив, проявляли к ним добродушное любопытство. Последствия этой непуганой пытливости часто оказывались весьма печальными. Не зная, чего ждать от незнакомых инопланетных животных, некоторые наиболее опасливые колонисты при их приближении открывали огонь. А поскольку обычно люди были вооружены станнерами, которые стреляли разрывными парализующими иглами, инциденты эти кончались гибелью животных. Были убиты десятки животных, и в колонии начали раздаваться голоса, требующие отменить приказ о ношении оружия. Но администрация требовала от ученых гарантий, что человеку на Анторге опасаться некого, и заявляла, что, пока животный мир планеты достаточно не изучен, человеческую жизнь необходимо охранять оружием. Шли годы, тема эта была постоянным и уже поднадоевшим предметом обсуждений, а звери продолжали расплачиваться жизнью за свое любопытство. Наконец они поняли, что человек — это опасность, и отступили в глубь леса.

И тут выяснилось, что стрельба по животным была не только мерой самозащиты, но и превратилась в развлечение, своеобразный спорт для многих колонистов. Из убитых зверей, которых не забирала на исследование лаборатория, изготовлялись экзотические трофеи, сувениры, подарки для родных и близких. Когда звери отошли от поселения, некоторые колонисты сами стали потихоньку ходить в лес, не желая отказываться от хоть и запрещенной, но полюбившейся охоты. Администрация пыталась бороться с ними, но делала это вяло, полуформально: за людей волноваться не приходилось, за все это время на охоте не произошло ни одного несчастного случая, а наказывать за браконьерство — как? Не высылать же с Анторга, где каждый человек на вес золота, а замены ждать как минимум год!

Стас, прибыв на Анторг и разобравшись в обстановке, прежде всего потребовал, чтобы выход с оружием за пределы базы обязательно санкционировался директором колонии и главным экологом. Затем он выступил по радио- и телесети с довольно резкой речью, где заявил, что считает браконьерами не только тех немногих, кто посягает на инопланетную фауну, но и то большинство, кто потворствует этому своим безразличием. На Стаса Кирсанова обиделись, при встречах здоровались с ним подчеркнуто сухо и вежливо, как будто спрашивая: «А сами-то вы, уважаемый главный эколог, так ли уж рьяно боретесь, чтобы обвинять других?» Спустя две недели Стас

задержал в лесу двух служащих с шахты. Разрешение на выход со станнерами у них было, но в рюкзаке у одного Кирсанов обнаружил отрубленную голову рогатого муравьеда. Властью главного эколога планеты Стас посадил их под арест. Новости быстро разнеслись по колонии, всюду вполголоса велись споры, что Кирсанов будет делать с браконьерами дальше. Стас составил акт о нарушении Устава внеземных колоний, добился, чтобы Ларго подписал акт вместе с ним, и с первым кораблем выслал их на Землю. Кирсанова зауважали, а злостное браконьерство вроде бы прекратилось. Стас, правда, подозревал, что уток некоторые еще нет-нет да постреливают. Но уток на Анторге водились миллионы, и охоту на них Стас считал меньшим из возможных грехов и преступлений против природы.

«Вот и досчитался»,— зло подумал Стас. В гибели пушистого зверька с реки он виноват ничуть не меньше Бурлаки.

— Нашел! — приглушенно воскликнул завкосмопортом.

Стас и Грауфф посмотрели на него.

Раскрасневшийся от возбуждения и желания выявить неизвестного, куда более злостного и опасного, чем он. Бурлака, нарушителя завкосмопортом стоял на четвереньках у неглубокого овражка и показывал пальцем на следы. Следов было три, они отчетливо просматривались на влажном моховом коврике, выстлавшем дно оврага. Это были крупные, в форме треугольника, отпечатки, оставленные, по всей видимости, каким-то копытным животным. Следы пересекали овражек и уходили на восток.

Грауфф и Стас внимательно осмотрели плотную землю рядом с трупами животных и нашли едва различимые отпечатки тех же копыт.

— Вы знаете, Стас,— произнес доктор,— я говорил про тупой топор. Так вот, это, наверное, можно было сделать и таким вот трехпалым копытом.

— Да, судя по всему, люди тут ни при чем,— разочарованно согласился Бурлака.

— Дайте вашу камеру, Стас, я сфотографирую следы,— предложил Грауфф.

Стас протянул ему фотоаппарат: раздвижной окуляр, похожий на крохотную подзорную трубу с бугорком спусковой кнопки.

— Кстати, Стас, вы не знаете случаем, кто мог оставить эти следы? — осведомился доктор, деловито переснимая один отпечаток за другим.

— Понятия не имею. Скорее всего, копытный, вроде пятнистого лося, но у того копыта парные...— Лицо Стаса выражало растерянность и смущение, ему всегда бывало неловко, когда он не мог ответить на вопрос о заповеднике.— Нет,

невероятно. Никогда еще на Анторге не видели, чтобы звери так бессмысленно уничтожали друг друга. Безумие какое-то...

— Действительно безумие! — поддержал его Бурлака.— Эта трехпалая тварь явно взбесилась. За час убить трех зверей... Мы нашли трех, а сколько не нашли, может быть? Убить — и не съесть. Нет, нормальное животное на это не способно. Это животное-маньяк, убийца. На всех планетах егеря обязаны уничтожать бешеных зверей...

— Я не егерь, я эколог...

— А какая, собственно, разница? Егерь отвечает за лес и животных на своем участке, он должен знать их, следить, чтобы все виды нормально воспроизводились. Разве не то же самое, только в планетарном масштабе и на высоком научном уровне, делает экология? Впрочем, если грязная санитарная работа не для эколога... Что ж, тогда пойдемте домой, а трехпалый пускай еще порезвится, пока...

— Хватит,— резко оборвал его Стас.— Я поступлю так, как считаю нужным.

Стас достал карту, крестиком пометил на ней район, где они находились, затем вытащил из нагрудного кармана комбинезона дырчатую бляху микрофона.

— Алло, база? База, говорит Кирсанов, соедините меня с Джимом Горальски. Нет, он дома. Джим? Это я. Возьми двух ребят и вылетай на вертолете в квадрат Н-17/6, повторяю, Н-17/6. По радиомаякам соберешь и доставишь в лабораторию трупы животных. Что? Нет, убитых. Предположительно взбесившимся копытным. Сам знаю, что никогда. Потому и надо разобраться. Да, пойду. Вот догоню его и разберусь. Погоди секунду...— Стас повернул голову к охотникам: — Вернетесь на базу с вертолетом или?..— Увидев возмущение на их лицах, он усмехнулся и не стал ждать ответа.— Джим, передай Ларго, что я и его друзья вернемся завтра днем, пусть не волнуется. Да, мы тут оставим наши вещи, прихвати их в вертолет, а то с рюкзаками нам за зверьми гоняться несподручно. Все понял? Ну, тогда привет.

Стас спрятал микрофон, аккуратно застегнул клапан кармана. Теперь, когда решение было принято, он снова почувствовал себя уверенным, сильным; можно было оставить, наконец, самокопание, отбросить угрызения совести и начать погоню, причем сделать это по долгу службы, во имя защиты других анторгских животных.

— У вас есть пулевые заряды? — спросил он.

— Есть крупная картечь.— Грауфф достал из рюкзака коробку с патронами.

— Хорошо. Возьмете с собой только эти патроны, немного продуктов и воду. Остальное оставим здесь. Собирайтесь.

Грауфф сунул в карман пачку галет, взял горсть патронов

и, чуть улыбнувшись, показал глазами на Бурлаку, стоящего с непричастным видом. Стас сел на землю, проверил не спеша свой станнер, потом, как бы между прочим, обронил насупившемуся завкосмопортом:

— А вы что, Бурлака, решили ждать вертолет? Нет? Тогда забирайте свое браконьерское оружие, перезаряжайте.— Он кивнул Бурлаке на его ружье.

Бурлака обрадованно схватил двухстволку и потряс ею над головой.

— Ну, держись, трехпалый! — с шутливой яростью закричал он.

— Тихо! — остановил его Стас.— Считается, бешеные животные утрачивают осторожность, но не будем экспериментировать. Чем скорее мы его нагоним, тем быстрее вернемся на базу. Пойдем таким образом. Вы, Глен, держитесь следа. Вы,— Стас обратился к Бурлаке,— будете идти метрах в семидесяти левее и чуть позади. Помните: вы не должны терять Глена из виду. Я пойду справа. Кто увидит что-либо интересное, дает два коротких слабых свистка. Вопросы есть?

— Есть,— сказал Грауфф.— Вы не сказали, что делать, если встретишь трехпалого.

Ничего не ответив, Стас поднялся на ноги, подошел к дереву, подвязал к ветке, как елочную игрушку, шарик радиомаячка. Включил его, потом повернулся к охотникам.

— У анторгских животных, так же как и у земных, сердце расположено ближе к левой лопатке,— медленно и чуть хрипловато произнес он.— Постарайтесь не промахнуться.

Глава 7

Цепко держась взглядом за едва заметную дорожку трехпалых следов, Грауфф неслышно шел, почти бежал по лесу. «Как легко идется без рюкзаков,— подумал он,— легко и приятно. Впрочем, как так «приятно»? — мысленно усмехнулся он.— Разве может быть приятной погоня за взбесившимся зверем? Нет, они должны бежать со скорбными, суровыми лицами, их ведет не спортивный азарт, а гнев праведный». Гнев праведный... Как же жадно человек хватается за мало-мальски удобное оправдание и даже выдумывает его, если надо, лишь бы заглушить в себе чувство стыда. Для них сегодня таким поводом начать бег от собственной совести послужил трехпалый. Да, от совести, потому что сегодня стыдно им всем троим. Кирсанову — что нарушил свой долг, пошел на компромисс, позволил гостям начальника то, что не имел права позволять. В результате убито неизвестное животное, может, и правда

очень редкое, а он как эколог не сумеет даже наказать нарушителя. Виктор... Тоже не знает, куда деться от стыда за свою невыдержанность, за то, что оказался в положении нашкодившего ребенка. И, как ребенок, жаждет отличиться, чтобы заслужить прощение, хотя, конечно, понимает, что ему ничего не грозит... А сам он, Глен Грауфф, когда-то знаменитый хирург, а ныне именитый главврач,— разве ему не стыдно? Конечно, стыдно...

Грауфф вдруг потерял след, остановился. Слева, вторя его движениям, замер Бурлака, его лысина желтой ягодой заблестела в кустах. Хрустнула ветка справа. «Ай-ай-ай, вам еще учиться и учиться, юноша»,— с укоризной подумал Грауфф. След отыскался неподалеку, и доктор снова уверенно и бесшумно зашагал вперед.

...Да, стыдно. Как получилось, что он, в шестом поколении охотник, всю жизнь считавший врагов природы своими личными врагами, вдруг сам фактически стал браконьером?

Грауфф вспомнил, как, когда ему было лет шесть, отец первый раз взял его с собой в лес. Отец рассказывал что-то о деревьях, муравейниках, грибах, но он его не слышал. Все его внимание, все мысли словно приклеились к большому ружью на плече отца. Но в тот день отец не стрелял, не стрелял он ни в следующий раз, ни через неделю, и Глену уже не хотелось, отправляясь с ним в лес, спрашивать, как обычно: «Па-ап, а сегодня мы выстрелим?», потому что он знал, что отец снова ответит: «Посмотрим, малыш, посмотрим». И однажды, когда отца не было дома, он не выдержал, снял со стены, едва не упав от тяжести, ружье. Достал из большой коробки из-под конфет, где у него хранились всякие ценности вроде гаек, цветных стеклышек и желудей, упругий цилиндр снаряженной гильзы. Патрон этот Глен как-то обнаружил у отца под столом, и у него не хватило сил расстаться с находкой. Он знал, что поступает нехорошо, и обещал себе каждый раз, ложась в постель, что утром вернет патрон, однако гасили свет, и Глену виделось, что вот сейчас под окном раздастся шорох и в приоткрытые ставни просунется зубастая, рогатая голова вельтийского ихтиозавра. Но он не станет будить родителей, он схватит в столовой ружье, зарядит его заветным патроном и в самый последний момент уложит злобное чудовище; и тогда родители скажут... Нетерпеливо пыхтя, Глен загнал патрон в ствол, прижал ружье к груди двумя руками и, еле передвигая ноги, поплелся в сад. На большом смородиновом кусту сидел, весело и сыто пощелкивая, пятнистый светло-коричневый дрозд. Воображение мальчика тут же превратило дрозда в ядовитого рукокрылого вампира с Кассиопеи. Глен плюхнулся на землю, долго прицеливался, потом никак не мог дотянуться до спускового крючка. Когда же все-таки грохнул

выстрел и ружье отлетело в одну сторону, а Глен в другую, он не заплакал, хотя было ужасно больно, а вскочил на ноги и, потирая плечо, побежал к поверженному врагу. Маленький кровавый комочек взъерошенных перьев, лежащий под кустом, так не походил на зловредного вампира, был таким жутко неживым — мертвым, взаправду мертвым! — что Глен разрыдался. Вернувшись из города, отец нашел в саду ружье и дрозда. «Ты совершил сегодня убийство, сын»,— тихо сказал он Глену и ушел к себе в комнату. С тех пор ружье больше не висело в гостиной, а отец не брал сына на охоту, пока тому не исполнилось шестнадцать. С тех пор Глен никогда не стрелял в запальчивости или в азарте и охотился только на то, что разрешалось.

Кем разрешалось? Егерем или сверхгостеприимными хозяевами? Ведь есть же правила, созданные, чтобы охранять природу от человека, и раз нельзя никому, то почему можно ему, с какой стати? Для него делают исключение. Делают, сами на то права не имея. И нечего ссылаться на других, он всегда мог отказаться. И мог, и должен был. Хотя, если б он всю жизнь охотился только по путевке, он и половину бы не наохотил того, что успел, половины бы не увидел из того, что повидал... Смог бы он отказаться от всего этого? Нет, теперь уже нет. Может быть, раньше... Стой, не хитри с самим собой, и двадцать лет назад бывали у тебя подобные мысли, но ты загонял их вглубь, отмахивался от них, как от назойливого комара. Но ведь все же охотился всегда так, как надо охотиться, по совести... И доохотился до того, что эколога этого, Кирсанова, совсем молодого человека, только с университетской скамьи, заставил нарушить служебный долг. Ну, ладно, одно дело — когда тебя принимают опытные «ублажатели»: не ты первый, знаешь, не ты последний. Но тут-то видел же, что мальчишку тошнит от их «особого положения». Видел и все же от охоты не отказался, своя забава дороже. А Виктору, Виктору почему слова не сказал, когда тот выдру притащил? Ведь разозлился на него, а смолчал. Даже заступился. Из проклятого чувства солидарности. Мол, раз друзья, поддерживай, что бы ни случилось. Всегда по одну сторону баррикады. А Кирсанов, что ж, выходит, по другую? Вот тебе и нá, доктор, докатился, оказался с экологом по разные стороны...

Грауфф горько пожевал нижнюю губу, крепкие зубы скрипнули по волоскам бороды, густо зачернившей половину лица. Из шестидесяти трех лет своей жизни он не менее тридцати отдал увлечению охотой, и не раз ему приходилось чувствовать укоры совести. Он научился не обращать на них внимания, считая, что не заслужил упреков: в охоте его привлекали прежде всего не погоня за трофеями, не стремление добыть экзотического зверя на удивление друзьям и знакомым, а ро-

мантика, приключения, возможность испытать себя, слиться с природой планеты — неважно, своей или чужой. Грауфф никогда не огорчался, если охота оказывалась нерезультативной. Может быть, именно поэтому он редко возвращался пустым и с готовностью делился добычей с менее удачливыми товарищами. Грауфф знал и понимал лес, обладал хорошо развитой интуицией, чувствовал себя на любой охоте свободно и уверенно и считал, что он с природой в приятельских отношениях и может говорить с ней на «ты», и потому «по-приятельски» позволял себе то, что другим было непозволительно. Только сегодня, впервые за многие годы, он подумал, что никто, ни один человек, не имеет права разговаривать с природой иначе, как на «вы», и ощутил такое незнакомое и потому, наверное, такое неприятное чувство стыда. Грауфф понял, что ему почему-то не хочется больше преследовать трехпалого...

Они прошли по следу еще с полчаса, натолкнулись на неостывший труп рогатого муравьеда с перебитым позвоночником, двинулись дальше, снова растянувшись цепью.

Сухая, чуть присыпанная листьями почва редколесья сменялась влажными моховыми болотцами, тропа, оставленная зверем, то взбиралась на невысокие, покрытые хвойным стлаником сопки, то спускалась в проточенные неутомимыми ручьями овраги. Разглядывая отпечатки в форме трилистника на очередном островке сырого мха, Грауфф вдруг заметил, что травинки, примятые по границе следа, еще не распрямились. Он потрогал дно следа: мох был плотно прижат к грунту. Если бы зверь прошел хотя бы час назад, пружинистый мох успел бы немного приподняться. Грауфф негромко два раза свистнул.

— Что? — возбужденно блестя глазами, спросил прерывистым шепотом подбежавший Бурлака.

Грауфф подождал эколога и указал на след:

— Думаю, зверь был здесь не более пятнадцати минут назад. Скорее, даже менее.

Стас внимательно оглядел отпечаток и согласно кивнул.

— Он устал. Шаг стал короче, края следов — отчетливей, не так смазаны, как при беге,— добавил Грауфф.— Похоже, трехпалый собрался отдохнуть.

— Так чего же мы ждем! Еще бросок — и он наш.— Бурлака был весь охвачен азартом погони, в нем уже не чувствовалось грузности немолодого, полного человека, напротив, он двигался легко, бесшумно, по-кошачьи упруго, словно готовясь к последнему решающему прыжку на загнанную добычу.— Ну, вперед?

— Не будем спешить,— возразил Стас.— Я знаю эти места. Впереди небольшой молодой лес, даже не лес, а рощица. За

рощей — река. Скорее всего, зверь там и никуда оттуда не денется.

— Это почему же? — язвительно осведомился Бурлака.— Не вы ли говорили, уважаемый эколог, что не представляете себе, что это за зверь. Я бы не рискнул судить о повадках животного, которого в глаза не видывал.

— Виктор, прекрати! — резко оборвал его Грауфф.— Сядь и не суетись, ты сегодня уже раз отличился, хватит!

Ошеломленный оппозицией друга, Бурлака сел на землю и развел руками:

— Ну, знаете...

— Ты что, первый раз на охоте? — сердито продолжал доктор.— Уже вон лысый совсем, а все как ребенок. Зверь устал, это бесспорно. А раз так, ему нужно есть и пить. Мясо он, мы видели, не ест, значит, пища для него будет в молодняке. Там же безопасней идти на водопой. И лежку устроить тоже.

— Поэтому,— заключил Стас,— не будем торопиться. Сначала передохнем, подкрепимся...— Он достал из кармана плоский пакет, надорвал упаковку.— Угощайтесь. Пока сухим пайком. Но ужинать точно будем на базе. Через полчаса трехпалый будет наш.

Некоторое время они молча хрустели галетами, потом Грауфф неожиданно спросил:

— Скажите, Стас, а вы уверены, что мы должны убить трехпалого?

Стас отозвался поспешно, даже слишком поспешно, как будто давно уже обдумывал ответ.

— Конечно, Грауфф. Этот зверь — убийца. В дикой природе постоянно совершаются убийства, мы понимаем это разумом, и все же наши симпатии всегда на стороне жертвы, а не хищника. Мы бы предпочли, чтобы животные не убивали друг друга, но мы миримся с этим, потому что таковы правила их существования, их инстинкты. Мы миримся с этим, потому что в них есть хоть и печальный, но смысл. Но мы не можем прощать бессмысленные убийства...

— Да что ты хочешь сказать, Глен? — возмутился Бурлака.— А если этот трехпалый бешеный? А если он по заповеднику эпидемию разносит?

— «Если, если»...— покачал головой Грауфф.— А если нет?

— То есть что значит нет? — даже поперхнулся от негодования Бурлака.— По-твоему, он что, с голоду носится по лесу и всем встречным черепа дробит? А может, неизвестное разумное существо на трехпалых копытах совершает свои эстетические отправления?

— Поймите меня, Грауфф,— сказал Стас.— Я, как эколог, не имею права бесстрастно наблюдать, когда кто-то истребляет все живое на своем пути. Я прислан сюда не наблюдателем,

моя обязанность — охранять окружающую среду, защищать природу Анторга.

— От кого, Стас? От человека? Или же и от тех, о ком вы ни малейшего понятия не имеете?

— От всего, что ей чуждо. Везде во Вселенной бессмысленное разрушение чуждо живой природе.

— Волков на Земле тоже одно время считали разрушителями. И убивали, и разводили, и снова убивали, и снова разводили...

— Не передергивайте, Грауфф. В то время на Земле совершалось много ошибок. Волк убивает, чтобы съесть.

— А для чего убивает трехпалый, вам не понятно, и потому вы объявляете его чуждым элементом и приговариваете к смерти. Кто дал вам право судить непонятное?

— Человек достаточно разумен, чтобы представлять себе, что явно на пользу животному миру, а что ему явно во вред. Тем более на такой планете, как Анторг, где можно проводить определенные аналогии с Землей...

— Но вы же сами утверждали, что аналогии чисто внешние.

— И все же сходство есть. Достаточное, по крайней мере, для того, чтобы вмешаться, когда животным грозит гибель, и спасти их.

— Простите, Стас, но если бы какой-нибудь эколог из другой галактики, но с вашей логикой оказался на Земле эдак миллионов семьдесят лет назад, он, пожалуй, спас бы от вымирания динозавров. И неизвестно, где бы были тогда мы с вами.

— Динозавры вымерли из-за природных катаклизмов,— втянувшись в спор, горячо возразил Стас.— Но тут-то, тут — разве вы не видите? — происходит бессмысленное истребление!

— Да перестаньте говорить о смысле! — взорвался доктор.— Вы сами сказали, что у животных свои правила существования, так поймите их сначала, эти правила, а потом уж рискуйте вмешиваться.

— Если к тому времени останется, во что вмешиваться,— не удержавшись, вставил Бурлака.— Не новая позиция, Глен: смотреть, как творится зло, и не противодействовать.

— Но почему же зло?..— Грауфф сделал паузу, поднял с земли сухую веточку, нацарапал ею что-то около ног. Успокоившись, он уже снова ровным голосом продолжал: — Ну, хорошо. Стас, вам приходилось бывать на Японском море?

— Проездом, недолго.

— Тогда вам не довелось там порыбачить. Там очень интересная рыбалка на спиннинг, ловят так называемую красную рыбу, лососевых: кету, симу, горбушу. Знаете, как их ищут в заливах рыболовы? По дохлым рыбкам на поверхности. Перед

тем как подниматься в верховья рек на икромет, красная рыба стоит в устьях и бухтах, там, где пресная вода смешивается с соленой. Довольно долго стоит. И давит — да, не ест, а только давит — челюстями и выплевывает всю проплывающую мимо мелюзгу. Зачем? Из страха? Но до нереста еще далеко, и икра выметывается не здесь, а в реках; а самим им рыбья мелочь не опасна — ну что можно сделать четырех-пятикилограммовой горбуше? Непонятно, на наш взгляд. Бессмысленно. Но никому в голову не приходит горбушу за это наказывать. Правда, рыболовы подбрасывают ей блесну, и она ее добросовестно хватает, но то спорт, а не казнь...

Воцарилось молчание. Сидя на земле, Стас принялся затягивать шнуровку на ботинках. Грауфф высмотрел на стволе своего автомата микроскопическое пятнышко и начал озабоченно оттирать его рукавом.

— Представляете, Стас, и с этим человеком я уже тридцать лет хожу на охоту,— пытаясь разрядить атмосферу, шутливо пожаловался завкосмопортом.— Иногда трудно поверить, что он потомственный охотник...

— Да, я охотник,— отозвался Грауфф. Голос его опять зазвучал резко.— И врач, если ты помнишь. А потому уважаю и жизнь, и смерть. По той же причине под смертным приговором, который вы вынесли трехпалому, не подписываюсь. Не волнуйся, Виктор,— предупредил он уже готовый сорваться с губ Бурлаки вопрос,— я пойду с вами. И если увижу его первым, убью его...

— Тихо! — Стас предупреждающе поднял руку с раскрытой ладонью и прислушался.

Впереди, метрах в ста от них, чуть слышно хрустнула ветка. Через несколько секунд треск повторился, на этот раз чуть левее и ближе. Очевидно, через кусты пробиралось какое-то некрупное животное. Стас уже собирался сказать охотникам, что это не тот, кого они ищут, как вдруг животное побежало быстрее: похрустывание ветвей слилось в непрерывный треск.

— За ним кто-то гонится,— шепнул Бурлака.

Теперь в треске кустарника, помимо легкой, скользящей поступи небольшого зверька, отчетливо различались и чьи-то тяжелые быстрые шаги, словно конь рысью скакал через лес.

— Трехпалый! — выдохнул Бурлака и бросился наперерез бегущим животным, не дождавшись команды эколога.

И Стас и Грауфф вскочили на ноги, словно подброшенные внезапной волной охотничьего азарта, которая нахлынула и тут же смыла все сомнения.

— Оставайтесь здесь, Глен,— отрывисто бросил Стас,— перекроете ему центр. Я зайду справа...

Стас побежал в сторону невысоких, в половину человеческого роста, кустов, подстеленных желто-оранжевыми папо-

ротиками. Прежде чем нырнуть в растительность, он обернулся и озорно подмигнул Грауффу: «Ну что, доктор, дискуссия окончена?»

Грауфф с удовольствием посмотрел на молодого эколога, подтянутого, широкоплечего, сейчас, со станнером в руке, напоминающего героя космических киноодиссей, задержал взгляд на его слегка вытянутом, худощавом, смуглом лице, которое даже давно отращиваемые светлые усики не делали старше. Стас улыбался, и Грауфф неожиданно для себя тоже широко ухмыльнулся в ответ своей бородатой физиономией и грозным жестом поднял к плечу сжатый кулак.

Глава 8

Бурлака бежал точно наперерез, и звери обязательно вышли бы на него, если б двигались по прямой. Но, немного не доходя до того места, где поджидал их охотник, они свернули и ушли вправо.

Бурлака чертыхнулся, опустил двухстволку и вышел из-за дерева. Треск ломаемых кустов, отрывистое повизгивание смертельно напуганного зверька теперь перемещались от него все дальше и в сторону. Похоже, свалить трехпалого придется не ему...

Бурлака подумал, не вернуться ли ему к товарищам, и вдруг насторожился, прислушался. Шум бегущих животных больше не удалялся от него, а, похоже, даже приблизился. Да, сомнений нет, они снова идут в его сторону! Но в таком случае трехпалый гоняет добычу по кругу. Конечно же! Как он только раньше не сообразил! Все утро они шли по следу, и никто не обратил внимания, что трехпалый движется кругами. Ну да, делает круг, потом, когда круг почти замкнут, начинает бегать в нем, методично уничтожая все живое, затем делает бросок вперед и снова описывает круг... Значит, сейчас трехпалый «обрабатывает» один из таких кругов и, если угадать, где пройдет окружность, можно встать у трехпалого на пути.

Быстро прикинув в уме траекторию дуги, по которой неслись трехпалый и его жертва, Бурлака побежал наперехват и остановился на большой, в форме вытянутого эллипса поляне. Опыт и чутье охотника подсказывали ему, что лучше всего становиться на номер здесь.

Бурлака вдруг поймал себя на мысли «встать на номер». Словно на заячьей охоте! Хотя почему бы нет? То, что происходило сейчас в анторгском лесу за тысячи световых лет от Земли, удивительно напоминало охоту с гончими где-нибудь на Рязанщине, на родной планете. С той только разницей,

пожалуй, что там подстраиваешься под гон, который тоже идет по кругу, и стреляешь по зайцу или лисе, которых с лаем травят собаки. А здесь голос подает не преследователь, а жертва и стрелять он будет не по затравленному зверю, а по тому, кто за ним гонится.

Бурлака оглядел поляну. По всему периметру ее окаймляли довольно густые невысокие кусты вперемежку с хвощеподобными деревьями, безлистые стволы которых возвышались над подлеском бурыми десятиметровыми мачтами. В центре поляны росли пышным плюмажем несколько крупных папоротников. «Где встать? — подумал Бурлака.— В центре или на краю?» Шум приближался справа по дуге, и путь зверей, по всей видимости, пересечет вытянутую поляну поперек.

Что ж, решил Бурлака, если следовать земной аналогии, становиться надо на краю. Он отошел к узкому дальнему краю поляны, встал спиной вплотную к кустам. Обзор отсюда был оптимальный: лес проглядывался метров на сто вперед и метров на двадцать в стороны. Правда, если трехпалый выскочит в самом узком месте, то поляну он перемахнет в считанные секунды. И тут уж все будет зависеть от искусства стрелка. Ну да ладно, главное, чтобы трехпалый появился в пределах видимости...

Бурлака плотнее прижался к кустам, удобно устроил стволы ружья на согнутом локте левой руки, правой без лишнего напряжения придерживая резное ложе из ольхи. Подумал, на всякий случай сдвинул вперед большим пальцем ребристый ползунок предохранителя и принялся ожидать, с волнением вслушиваясь в каждый звук.

Стас, побежавший, чтобы зайти справа, тоже понял, что звери ходят по кругу, и потому не удивился, когда шум начал удаляться от места, где должен был стоять Бурлака. Стараясь рассуждать спокойно, Стас, как учили на занятиях по теории общих и относительных миграций, мысленно рассчитал возможный путь движения животных и занял соответствующую позицию.

День подходил к концу. Солнце тугим яичным желтком нависло над деревьями, заставляя кроны блестеть и переливаться тысячами живых радужных огоньков. Соскальзывая с негустой листвы, солнечные лучи ложились под углом на высокие тонкие стебли хвощей, на стройные, подтянутые столбы сосен, на бочкообразные стволы гигантских равеналий, и те вспыхивали золотыми шершавыми иконостасами коры. От этого подвижного, плавающего блеска неосвещенная сторона деревьев казалась еще чернее — почти такой же черной, как бездонный, всепоглощающий космос, в котором, словно

эмбрионы в материнской утробе, растут, набираются сил бесконечные мирнады планет.

Треск кустов приблнжался. Судя по шуму, звери двигались прямо на него. Стас сунул станнер в кобуру, вытер вспотевшую ладонь о штанину и снова взял станнер в руку. Курс стрельбы из этого легкого, плоского, похожего на длинноствольный игрушечный пнстолетнк оружия входил в программу обучения, и у Стаса по этому предмету всегда было «отлично».

Он не сомневался, что попадет в трехпалого с первого выстрела.

Грауфф не стал далеко отходить от того места, где они только что перекусывали и спорнли. Ему тоже было ясно, что гон идет по кругу. Он решил, что правильней будет остаться здесь, посреди большой прогалины, у тропкн, проложенной трехпалым.

Каковы бы ни былн причины, побуждающие трехпалого убивать, он вряд ли в таком состоянин испугается сидящего на поляне человека. Зато отсюда круговой обзор, и вполне вероятно, что трехпалый еще раз пробежит по собственным следам. «Пожалуй, я выбрал самую удачную позицию»,— подумал Грауфф. И с уднвлением отметил, что это нисколько его не радует.

Охотник слышал, как звери прошли рядом с Бурлакой, потом отвернули в сторону, пошли на эколога, но тот, видимо, опоздал подстроиться, н зверн промчалнсь мимо.

Теперь, если они выдержат ту же траекторню движения, то минуты через две пройдут где-то здесь.

Грауфф легонько хлопнул указательным пальцем по боковой плоскости спускового крючка. Предохранитель — маленькая алая кнопочка — со щелчком ушел влево. И сразу же пришло ощущение того, что оружие на боевом взводе, готово к стрельбе.

Доктор ласково погладнл цевье своего ружья. Это был антикварный пятизарядный охотничий автомат с прекрасной отделкой, гравировкой на предохранительной скобе, перламутровой ннкрустацией на ложе. Автомат обладал хорошей кучностью и прекрасным резкнм боем, охотники завидовали Грауффу, что у него почти никогда не остается подранков. Грауфф получнл автомат в наследство от отца, отцу он достался от деда, а деду его сделалн на заказ по образцу из музея охотничьего оружня. Грауфф горднлся своим автоматом, как, впрочем, и большинство опытных охотников гордятся свонмн ружьямн, будь то двухстволка с горнзонтальным расположением стволов нлн нзящный бокфлинт, выполненные по моделям девятнадцатого — двадцатого веков, дубликат средневековой

пищали в облегченном варианте, похожий на маленькую пушку или даже рычажный арбалет с пластиковым ложем. Впрочем, молодежь иногда роптала, что приходится охотиться с таким допотопным оружием, но Грауфф давно оценил и поддерживал закон, запрещающий развитие и совершенствование средств спортивной охоты и рыбной ловли.

Такой закон был принят много веков назад и едва не опоздал: достижения науки и техники, примененные к охотничьему оружию, сделали охоту настолько комфортабельной, безопасной и добычливой, что нелегкий спорт выносливых, мужественных энтузиастов начал превращаться в жестокое развлечение для любителей пострелять. По новым правилам на охоту разрешалось выходить с оружием образца не позднее середины двадцатого века, запрещалось во время охоты использовать наземные или воздушные транспортные средства, биорадары, гипноманки; нельзя было на охоте пользоваться радио- или видеосвязью, только в случае опасности охотник мог активировать миниатюрный передатчик, который давал только один сигнал — SOS. По этому сигналу немедленно прибывал спасательный рафт, независимо от ситуации охота автоматически считалась законченной, а охотник возвращался на базу. За исключением самых экстремальных обстоятельств, возвращение подобным образом в прах рассыпало охотничью репутацию, поэтому охотники вообще старались забыть, в какую пуговицу или пряжку костюма вмонтирована радиосирена.

Охота благодаря этому закону снова стала суровой — не просто радостью общения с живой природой; впрочем, Глен Грауфф и не представлял себе иначе. Он считал, что ни разу не погрешил против охотничьих правил, разве что благодаря объективному стечению обстоятельств имел возможность иногда охотиться там, где другим охота была заказана.

...На самом дальнем краю прогалины затряслись, шумно всколыхнулись ветки. Из кустов полосатой стрелой вылетела взъерошенная, расцвеченная, как бенгальский тигр, лисица, в один прыжок перескочила полянку и скрылась в лесу. Спустя несколько секунд чуть подальше, за деревьями, возник массивный силуэт, мелькнули высокие ноги, и, прохрустев копытами по сушняку, зверь понесся вслед за лисой в сторону Бурлаки.

Грауфф успел заметить только, что ноги у животного были толстые, толще, чем у коня или лося, а на стройной изящной шее сидела непропорционально маленькая голова с одним или двумя рожками. Трехпалый показался лишь на долю мгновения, и стрелять по нему через деревья и кусты было бесполезно.

Грауфф вытер со лба пот и с облегчением повесил автомат на плечо.

...Бурлака услышал приближающийся треск и вдруг ощутил с абсолютной нитунтивиой увереиностью, что звери сейчас выйдут иа него. Шум иадвигался справа и иесколько сзади. «Не перейти ли на другую сторону?» — подумал Бурлака и решил остаться на месте. С его позицин простреливалась вся поляиа, и по такой крупиой цели, как трехпалый, он ие промажет, откуда бы оиа ии появилась. Тем более, что первым выскочит преследуемый зверек и у Бурлаки будет секунда, чтобы собраться.

Он расставил пошире иогн, иесколько раз качнулся с пятки иа мысок, чтобы получить лучший упор, взял иа изготовку ружье.

Хрустнула ветка, и на поляиу выкатился рыже-красно-черный пушистый комок. В первый момеит Бурлаке показалось, что это тигреиок, потом ои сообразил, что видит полосатую аиторгскую лису. Тяжело дыша, лисица затравлеиио огляделась, припала к земле и исчезла в кустах, вильнув быстрым и ярким, как комета, хвостом.

«Ну вот, сейчас...— подумал Бурлака, н сердце его забнлось зиакомым торопливым стуком.— Сейчас он выйдет...»

С точки зреиия охоты с гончими завкосмопортом рассуждал правильио: на Земле собаки бежали бы за лисой точио по ее следу и обязательио вышли бы под выстрел там, где их и ожидал охотиик. Такая же тактика была бы вериа, если бы Бурлака охотился и иа любого хищиика: пока хищник ие видит свою жертву, ои идет строго по ее следу и компас его иа охоте — обоияние.

Но трехпалый не был земиым зверем. Ои даже ие был хищником. И земиой логнкой иельзя было объясиить иеземные инстинкты, которые побуждали его убивать. Преследуя свою очередиую жертву, трехпалый иатолкиулся иа другой след, пересекающий след лисицы. Ои был проложеи чуть раиьше, чем лисні, но запах от иего шел резкий н свежий. Трехпалый принюхался и уже в воздухе уловил тот же запах, доиосившийся из-за ближайших кустов. Не раздумывая, трехпалый оставил лису и бросился по новому следу. Его вел мудрый древиий иистиикт: ближиий враг — самый опасиый враг.

Бурлака, загипиотизироваииый земнымн аиалогиями и собствеиной самоувереииостью, еще не понимал, отказывался поиять, что ошибся, что трехпалый мчится через заросли ие туда, где ои его ждет, а прямо на иего.

Сквозь густой кустариик Бурлака разглядел трехпалого, когда тот был уже в нескольких шагах. Он не рассчитывал стрелять в этом направлеини, повериуть стволы в ту стороиу мешали ветки, и все же благодаря миоголетией охотничьей сиоровке Бурлака успел прижать приклад к бедру и, не целясь, спустить курок.

В следующее мгновение острограиный треугольиик тяжелого

копыта, словно выпущенный живой катапультой снаряд, обрушился ему на голову.

Огненной, прожигающей насквозь вспышкой взорвались лес, кусты, небо, так похожие на земные, рассыпались на красные искры и погасли...

Глава 9

Обессиленно положив морду на землю, трехпалый на боку лежал под колючим разлапистым кустарником.

На ветку над ним уселась крупная клювастая птица, ветка со скрипом прогнулась, едва не коснувшись его спины, но трехпалый не пошевелился, лишь устало повел большими влажными глазами. Последние сутки стоили ему всех сил, и сейчас, лежа под кустами на берегу реки, трехпалый испытывал удивительное, глубочайшее спокойствие от того, что приготовился к Главному.

Приближение Главного он почувствовал несколько дней назад. Сперва в нем колыхнулась боль — вспыхнула и тут же угасла, словно кто-то вонзил и сразу вытащил из него занозу. Потом боль вернулась, волной хлынула в мозг и снова ушла, уступив место странному, беспокойному возбуждению. Возбуждение росло, вздувалось пузырями, пенилось, заполняя все его существо. Он уже не мог спокойно пастись, обрывая жесткими беззубыми челюстями молодые побеги и сочные колючки, его раздражал каждый шорох, каждый живой запах, каждый птичий крик. В любом животном, с которым он сталкивался на лесных тропах у водопоя, ему чудилась какая-то необъяснимая опасность. Раньше он, трехпалый, никого в лесу не боялся, а теперь при встрече с теми, на кого он никогда не обращал внимания, с кем мог безразлично стоять бок о бок и пить воду,— теперь глаза его наливались кровью, копыто само собой начинало рыть землю, а голова наклонялась, угрожающе выставляя вперед острый витой рог.

У трехпалого появился новый запах, к которому он никак не мог привыкнуть и потому раздражался все больше. Запах этот, видимо, почуяли и другие обитатели леса и старались не попадаться у него на пути, а те животные, что случайно оказывались рядом, немедленно бросались наутек.

Раздражительность все чаще и чаще сменялась приступами необузданной ярости, и тогда трехпалый выворачивал пни, втаптывал в землю кусты, крошил в порошок термитники.

Вчера, когда в одном из таких все дольше длящихся с каждым разом приступов трехпалый исступленно рвал рогом кору с дерева, на поляну с ветвей, обеспокоенная за свое гнездо,

спрыгнула большая черная обезьяна и недовольно захлопала мохнатыми передними лапами по земле. И вдруг словно лопнула, прорвалась тонкая защитная оболочка, с трудом сдерживавшая в мозгу пульсирующий раскаленный ком ярости. Безумный, неукротимый гнев разлился по телу трехпалого, проникая в каждую его клеточку.

Трехпалый сделал то, чего никогда в своей жизни не делал: одним прыжком подскочил к обезьяне и с силой выбросил вперед копыто. Передний из трех ороговевших пальцев копыта, придававших следу форму трилистника, не был закруглен, как гладкие и подвижные в суставах задние пальцы, а по всей длине копыта спереди сходился углом, образуя острую грань. С ее помощью трехпалый легко прорубал дорогу в густых зарослях, отбивал кору с молодых деревьев, чтобы полакомиться сладким соком, выкапывал из твердой почвы коренья. Поэтому трехпалый почти не почувствовал, как копыто прошло через живую, податливую плоть обезьяны.

Терпкий запах крови хлынул в чуткие, нервные ноздри трехпалого, и напоенная этим запахом ярость с новой силой всплеснулась в нем, вымывая из мозга последние шаткие бастионы логики и рассудка, подчиняя могучее тело, быстрые ноги, тонкое чутье одному-единственному слепому, неизвестно откуда возникшему и в то же время непреодолимому инстинкту.

С этого момента трехпалый убивал не останавливаясь, однако в его действиях проглядывала система, слишком сложная для того, чтобы ее можно было приписать простому бешенству. Казалось, трехпалый превратился в автомат, механизм, который захватил чей-то злой, чужой разум и теперь нажимает нужные кнопки, выполняя коварный, заранее продуманный план.

Управляемый этой неведомой силой, трехпалый выбирал себе участок леса и начинал носиться по нему от центра концентрическими кругами, вытесняя из участка всех его обитателей и безжалостно убивая замешкавшихся. Очистив себе таким образом зону, трехпалый останавливался, ждал некоторое время, вслушиваясь в себя, и, не получив желанной команды, бросался бежать дальше, находил новый участок, и все повторялось сначала.

Ярость, безумие, гнев сливались в невыносимую боль, становились с каждым часом все сильнее, пронзительнее, казалось, тело вот-вот лопнет, разорвется на тысячи маленьких яростных клочков...

И все же эта боль, от которой нельзя было убежать, которая делалась все нестерпимее, была одновременно и несказанно сладка, приятна трехпалому, потому что обещала: Главное уже близко.

...Трехпалый делал третий круг, гоняясь за лисицей, которая

никак не желала убраться с его участка, когда неожиданно натолкнулся на новый запах. Память тут же подсказала, что запах этот принадлежит чужим существам, недавно поселившимся на краю леса. Еще он вспомнил, что пришельцы — единственные животные, которых и ему, трехпалому, надо опасаться. Однако голос самосохранения сейчас звучал в нем совсем слабо, и трехпалый его не услышал. Кроме того, жизнь для него теперь, ни собственная, ни чужая, не имела никакого значения. Как любое другое живое существо, пришелец в данный момент был потенциальным злом, которое нельзя оставлять на участке, где может свершиться Главное.

Чужак был крупнее лисы, а значит, опаснее; чужак прятался совсем рядом. Трехпалый перешел на новый след, уничтожил чужака и, не обращая внимания на грохот и удар в плечо, вырвавший кусок шкуры, бросился опять за лисой.

И вдруг почувствовал, что Главное произойдет сейчас.

Ярость, свирепость, желание убивать внезапно исчезли. Трехпалый остановился, тяжело водя боками от многочасовой гонки, трусцой подбежал к раскидистому кусту и, пятясь, чтобы как можно глубже спрятать в зарослях заднюю часть тела, улегся под колючие ветки.

В этот момент пузырь холки, за последние дни заметно выросший и туго натянувший покрытую короткой рыжеватой щетиной кожу, разорвался с глухим щелчком, и трехпалый ощутил величайшее блаженство: свершилось Главное!

Из-под треснувшей кожи десятками, а потом сотнями хлынули во все стороны крохотные червячки на коротких проворных ножках — личинки. Трехпалый видел, как, уже нисколько не боясь его, из-за деревьев вынырнула лисица, которую он не успел убить, потратив время на чужака, и стала с жадностью пожирать личинок. Спрыгнула с ветки и остервенело заработала клювом птица, торопясь набить зоб. Неизвестно откуда появилась толстая, бурая, в зеленых пятнах змея и тоже присоединилась к пиршеству. Трехпалого это больше уже не тревожило, он знал, что часть личинок обязательно спасется, успев спрятаться в кустах, зарыться в землю, либо прогрызть себе ход под кору, или пробраться к реке и там нырнуть в ил. Из тех, кого не сожрут сегодня, половина погибнет позже. Но те личинки, которые успеют приспособиться к окружающим условиям, выживут и станут тапирами, муравьедами, лисами; из многих получатся насекомые; те, что сумеют окуклиться в речном иле, всплывут на поверхность уже яркими, крылатыми птицами...

А одна личинка, а может быть, даже несколько превратятся в прекрасных, сильных, длинноногих трехпалых. И, как он, проживут десятки лет, не ведая страха сами и не вызывая страха у других. И если судьба изберет их, как избрала его,

своим орудием, то в них тоже однажды заговорит великий закон Жизни, и тогда они так же, как и он, заревут от нестерпимой сладкой боли и станут носиться по лесу, наводя ужас на его обитателей и вытаптывая все живое на своих участках. А потом снова свершится Главное, и Жизнь возьмет из них все, что ей надо, и создаст тех, кто будет ее достоин...

Из-за кустов вышли двое чужаков и остановились. Почуяв их запах, трехпалый с трудом повернул голову и увидел, что они смотрят на него. Один из двуногих, с заросшим шерстью лицом, поднял к плечу продолговатый, похожий на палку предмет, и трехпалый понял, что сейчас умрет. Но ему не было страшно, он чувствовал, что жизнь все равно уходит из него, а тем личинкам, что еще не успели выползти из него, тепла и пищи под шкурой хватит, чтобы дозреть.

Спокойный сознанием того, что выполнил Главное, трехпалый опустил голову и не видел, как второй двуногий протянул руку и отвел в сторону блестящий предмет, который держал его спутник, как чужаки переглянулись, посмотрели еще раз на него, потом повернулись и ушли обратно в лес.

Глава 10

«Сейчас он станет требовать у меня объяснений,— подумал Стас.— А что мне сказать? У него погиб друг, а я не дал ему отомстить...»

Но Грауфф ничего не спрашивал, он шел позади Стаса и молчал, время от времени прокашливаясь, словно у него пересохло горло.

Стас испытывал странное, незнакомое чувство опустошенности. Будто вакуум, пустое бесцветное Ничто заполнило его мозг, леденящим инеем обметало изнутри живот и грудь, сделало ватными и непослушными мышцы.

Он знал, что в силах заставить себя сбросить оцепенение, стряхнуть вялость и апатию, но не мог отдать себе такой приказ — сделать первый шаг и перебороть пассивность.

События последних дней крутили его, словно он попал в середину катящегося с горы снежного кома. И, как влажный снег, ошибки налипали одна на другую, ком рос, разбухал, и ломать эту холодную обледеневшую корку становилось все труднее...

Впрочем, надо быть честным перед самим собой, он не слишком противился ходу событий, позволил себя увлечь. И не заметил, как потерял контроль над происходящим.

Стас вдруг услышал, как гулко, ровно, рассылая кровь по здоровому, тренированному организму, стучит его сердце.

«А у Бурлаки больше не стучит»,— подумал Стас. Ему представился подвижный, как круглый шарик ртути, розовощекий завкосмопортом — с его анекдотами, забавными охотничьими историями, любовью к жизненным радостям, дозволенным и запретным. И тут же Стас вспомнил другую картину: словно в алых ягодах, забрызганный кровью куст, а в кусту, не упав, а полуповиснув на упругих ветвях, Бурлака, вернее, его почти обезглавленное тело...

Стас до боли в суставах стиснул кулак. Как, ну как он мог пуститься в эту бессмысленную погоню за трехпалым? Как он, эколог, посмел взять на себя роль судьи и даже палача? Еще не поздно было остановиться, когда Грауфф высказался против того, чтобы убивать трехпалого. Но нет, ему надо было до конца доиграть свою роль, роль благородного покровителя Анторга, роль защитника планеты от взбесившегося зверя. Увидев убитого Бурлаку, Грауфф зарычал и бросился за трехпалым, а Стас, словно оцепенев, стоял и смотрел. Потом спохватился и побежал следом, но что-то в нем уже произошло, словно со смертью Бурлаки в нем сломался какой-то дурацкий упрямый ограничитель, не дававший ему понять самого себя. Когда они подбегали к лежке трехпалого, Стас уже твердо знал, что уничтожить его они не имеют права, но ему потребовалась вся решимость и сила воли, чтобы сказать Грауффу «нет», не дать ему выстрелить.

Стас подумал, что больше выстрелов на Анторге не будет. Может быть, Управление экологии колоний взвесит его вину и оставит на Анторге, может, его решат отозвать, но замену все равно раньше чем через полгода не пришлют, и хотя бы за это время он выстрелов на планете не допустит. Прав был Бурлака, никакой он пока не эколог, он просто егерь. Или даже нет, егеря в метрополиях по сравнению с ним академики. О своих территориях они знают все, за плечами у них опыт исследований и наблюдений, накопленный за десятки лет. А что есть у него? Да, конечно, в его багаже воз, даже целый космический корабль университетских знаний об экологии вообще, об экологии десятка развитых колоний, об экологии подшефного воспроизводственного участка на озере Ньяса — и практически ничего об экологии маленькой, затерянной среди звезд, недавно открытой планеты Анторг. Увы, об этом он ничего не знал.

Стас вдруг вспомнил, как на третьем курсе профессор по внеземной зоопсихологии раз назвал их звездными егерями. Студенты пришли в восторг, в университете тут же был организован музыкальный ансамбль «Звездные егеря», но к концу семестра ансамбль распался, профессорскую метафору забыли, и вскоре студенты опять стали называть друг друга весомым научным словом «эколог».

Нет, до эколога ему расти и расти, решнл Стас, а до тех пор, пока он не почувствует, что стал экологом, он будет делать все, что от него завнсит, чтобы свести до минимума воздействие человека на еще не понятую природу Анторга. Сегодня он получнл урок, который запомннт навсегда: нельзя мерять внеземную жизнь земными мерками. Да, он человек с Земли, но он пришел на чужую планету устанавливать не рабство, а содружество. Ему доверен пограничный пост между человеческим и ниопланетным, между интересамн колонии и интересами аиторгской природы. Можно ли примирить столь далекне интересы? Совместимы лн они? «Совместимы,— подумал Стас,— потому что, как бы далеко ни находились друг от друга прнрода Земли и прнрода Анторга, они всего лишь маленькие части бесконечной экологии Вселенной». И он должен охранять интересы двух разных жизненных форм, защищать их друг от друга в равной мере до тех пор, пока они не переплетутся корнямн так, что нельзя будет сказать: «Здесь кончается земное н начинается анторгское...»

— Грауфф! — не оглядываясь и продолжая ндти, позвал Стас.— Я не мог дать вам убить трехпалого. Не имел права.

— Да,— глухо отозвался доктор. Ему не хотелось говорить.

До поляны, где погиб Бурлака, они дошли молча.

Грауфф вынул тело погнбшего друга нз кустов, положнл на землю. Поискал, чем бы накрыть его, но ннчего не нашел и сел рядом, отвернувшнсь.

— Сейчас я вызову вертолет,— сказал Стас.

Доктор неопределенно пожал плечамн, рассеянно глядя куда-то вдаль. Стас достал рацию, нажал кнопку.

— База? Это Кирсаиов. Соедиинте меня с Ларго. Нет, через двадцать минут нельзя. Срочно. Спасибо.

— Ну, как дела, эколог? — доиесся из динамика жизнерадостный голос геиерального директора.— Успешио погуляли?

«Как «погуляли»? — не понял Стас.— А-а, навериое, не хочет, чтобы диспетчер слышал».

— Ларго,— сказал он.— Бурлака погиб.

Воцарилось молчание. Когда Ларго отозвался, он уже говорнл жесткнм деловым тоном руководителя, отдающего распоряження при чрезвычайных обстоятельствах.

— Ваши координаты?

— Квадрат Н-17/9.

Стас услышал, как директор щелкиул селектором: «Вертолет скорой помощи в квадрат Н-17/9».

— Грауфф цел?

— Да.

— Как это произошло, Стас?

— Мы преследовали зверя. Похож на крупного оленя, с одним рогом. Мы погнались за ним, потому что...

— Кирсанов, все «зачем» и «почему» потом. Я спрашиваю, как погиб Бурлака.

— Зверь разбил ему копытом голову.

— Это было нападение или случайность?

— Нападение.

— Так...— Слышно было, как тяжело дышит Ларго, осмысливая случившееся и пытаясь охватить возможные последствия.— Что-нибудь хочешь сказать сейчас?

— Нет. Остальное потом, Ларго.

— Хорошо. Я буду встречать вас на аэродроме.— Ларго отключил связь.

— Ну вот, через полчаса нас заберут,— зачем-то сообщил Стас доктору, как будто это могло его приободрить.

Грауфф промолчал.

Солнце уже почти полностью скатилось за лес, только последний верхний краешек его еще висел на деревьях горящим красным плафоном, разбрызгивая по вечернему небу густой, как тесто, свет. В его отблесках редкие облака в вышине казались фиолетовыми, и Стас подумал, что на Земле таких облаков не бывает. И впервые не умом, а всем своим существом с поразительной отчетливостью осознал, что Анторг — это не Земля, а совсем другая планета, причем сознание этого вовсе не отдаляло Анторг от него, а, наоборот, делало его ближе. Стас почувствовал вдруг огромное облегчение, словно сбросил с себя тяжкое, давно тяготившее его наваждение. Может, это и был его последний экзамен на эколога — не увязнуть в кажущейся простоте коэффициента схожести и определить для двух планет общий знаменатель?

Стас вновь ощутил в себе уверенность, но это была уже не вчерашняя самоуверенность университетского отличника, а зрелая уверенность мужчины, способного принимать решения и отвечать за них.

Он выпрямился, расправил плечи.

За то, что здесь произошло, Стас готов ответить, и все же будет просить управление оставить его на Анторге. Он теперь в долгу перед этой планетой и долг этот вернет. А начнет вот с чего...

Стас решительно вынул рацию, вызвал лабораторию. Джим Горальски оказался на месте, он вообще редко уходил ночевать в город.

— А, Стас! Как тебе новая сотрудница? — сразу завопил Джим.

Стас понял, что он еще ничего не знает.

— Джим,— оборвал он его.— Сейчас к тебе должны прийти от Ларго...

— Кто, пилот вертолета и с ним еще двое?

— Они уже у тебя?

— Нет, я вижу их из окна, они идут сюда. Что им, интересно, понадобилось?

— Они хотят станнеры. У них будет приказ Ларго, но без моей визы или без твоей, раз ты меня сейчас замещаешь, им станнеры не дадут.

— А что случилось, Стас? — уже обеспокоенно спросил Джим.

— Сегодня дикое животное напало на человека и убило его.

— Но это значит...

— Это ничего не значит! Это несчастный случай, которого могло бы не быть, но виновато не животное, а мы. И нужны нам не станнеры, а разумная осторожность. Я запрещаю визировать приказ, Джим. Если мы сегодня дадим оружие пилоту, завтра Ларго вооружит всю колонию.

— А как же... А если опять что случится?

— Не случится! — рявкнул Стас.— Да, под мою ответственность. А если Ларго будет настаивать, скажи, что на массовые мобилизации главный эколог наложил вето! Все. До встречи. Хотя стой. Когда полетишь за мертвыми животными, возьми с собой новую сотрудницу. И запиши еще одни координаты, там может лежать раненый копытный, окажешь помощь — только осторожно, если он жив и на месте. Вот теперь все. Вопросы есть? Тогда действуй.

Стас отключил связь, подошел к Грауффу.

— Я не знаю, что сказать вам, доктор. Если бы я тогда согласился с вами, он был бы жив...

— Не надо. Я лучше знаю, кто виноват.— Грауфф поднял глаза на Стаса и устало кивнул ему.— А вы молодец, Стас. Спасибо, что не дали застрелить трехпалого. Из вас получится настоящий эколог.

— Егерь, доктор. Звездный егерь,— поправил его Стас.

О. Воронин

НЕТ, НЕ ДРУГИЕ

Приключенческая повесть

Я лежу на спине. Надо мной белизна потолка, глянцевый диск плафона и бегучие зыбкие тени. Слева, в стыке стенных панелей, виден грязно-серый контур: не то стратостат, не то кривобокая морковка, а в общем, след строительной халтуры и краешек окна, сияющего синевой. Справа — тот же потолок и та же дистрофичная побелка стен.

Больше мне ничего не удается увидеть. Шея, плечи, затылок скованы шероховатой жесткостью гипсовых повязок. Нога прихвачена к спинке кровати целой системой каких-то блоков, противовесов, тяг. Стоит чуть напрячься, и в спину где-то между позвоночником и лопаткой ударяет граненый, тупой шпальный костыль.

При чем здесь спина — непонятно. В подвеску я врезался грудью и успел еще, четко помню, вскинуть руку, прикрыться, смягчить удар.

А в общем, я лежу. И наверное, встану еще не скоро. Так заявил главный хирург республики, персонально почтивший меня своим посещением. Терпеть не могу медицину, да и прогноз был не больно весел, но хирург мне понравился.

Толстоносый и крупно-курчавый, с большими губами и куцыми сильными пальцами, он словно сошел со страниц «Хижины дяди Тома». Но зато изъяснялся куда как современно.

Окончив осмотр и что-то сказав главврачу больницы, главный хирург присел на край койки.

— Куришь?

— Не разрешают.

Сочувственно хмыкнув, он вытряхнул из маленькой пачки пару казбечин, клёцнул щегольским газовым «ронсоном», ловко, обе сразу, прикурил, сунул одну мне, жадно затянулся сам.

— Кури... Эдакую стать не табаком пугать. И выю твою воловью не вдруг перешибешь. Склеим в прежнем качестве. Не завтра, конечно. Только как насчет терпежу? Пищать, снотворных просить не будешь?

Пожать плечами я не мог и молча пошевелил бровями.

— Ну и хорошо. Режим тебе, почитай, санаторный. Что нравится, тем и занимайся. Радио слушай, читай, о смысле жизни думай. Это, кстати, никому не во вред. С месячишко отдохнешь. Крепко прихватит, поорать захочется — не стесняйся, палата отдельная.

— Может, в общей будет веселей? — нерешительно произнес я.

Глянув на меня из-под лохматых бровей, главный как-то кривовато усмехнулся.

— Ну нет! Ты теперь знаменитость и достопримечательность. Корреспондент какой-нибудь пожалует или, пуще того, комиссия. А нам потом объяснять, что да зачем и отчего не обеспечили. Опять же здесь и гостей принимать удобнее. Друзей небось навалом? Я так и думал. Пусть ходят друзья. Не табуном, конечно. Девушка?

Я промолчал.

— Вот видишь.— Главный будто даже обрадовался.— Я же говорю, о смысле жизни больше думать надо. У нас в народе знаешь как? — Вскинув короткую руку, он энергично потряс пальцем.— Мужчина тот, кто построил дом, посадил дерево, убил змею, вырастил сына. Улавливаешь? Обобщай. Ну, пока. Пилоты мои землю, наверно, роют.

С тех пор миновала неделя. Боль пришла и ушла, снова вернулась и стала почти терпимой, не беспрерывной, а так, караулящей. Видно, «склеивание» идет должным порядком. Но, выполняя РОЦУ — руководящие, особо ценные указания,— меня по-прежнему держат в отдельной палате. И, честно говоря, я за это очень благодарен.

Впервые в жизни мне не хочется с кем-то новым знакомиться. Что-то выслушивать. О чем-то говорить. Я слишком сильно устал. Хочу отдохнуть. Вот так, в тишине отдельной палаты, понемногу подремывая и почти бездумно. Я даже рад, что ребят пускают ко мне по одному и ненадолго.

Чудаки, они будто чувствуют какую-то вину передо мной. То и дело отводят глаза, разговаривают тихо, противно робкими, не своими голосами. И шутки неуклюжие, вымученные. Я люблю ребят, и видеть их такими мне неприятно. Но объяснять, доказывать, что все, с самого начала и до конца,

все было совершенно правильно, мне не то чтобы лень, просто нет сил.

«Голова моя машет ушами, как крыльями птица...» Есенин? Кажется. Да, в самом деле надо прийти в себя, собраться с мыслями, а для этого отдохнуть.

Я постоянно подремываю и оттого просыпаюсь в самое разное время. Сегодня, например, меня разбудил предрассветный птичий концерт. Лена рассказывала, что пернатые крикуны не только видят, но еще и чувствуют восход, будто в каждую птичку встроен сверхточный, не зависящий от погоды солнечный будильник.

Наверное, это действительно так. Во всяком случае, местные воробьи начинают свою толковищу задолго до того, как солнце, встающее за восточным хребтом, успевает заглянуть к нам в ущелье. Только-только первые лучи зазолотят облака, к ночи кутающие пирамиду на Пике, где похоронен геолог, открывший здешнее месторождение, в городе совсем еще темно, а птичье стрекотание вдруг вспухает, словно под взмахом дирижерской палочки.

Лена, пожалуй, права, биология действительно наука века. И загадок у нее — на каждом шагу. Разве то, что происходит сейчас со мной, так просто? Я на редкость здоров и неплохо тренирован. К тяжелой работе привык, повидал ее немало. И раньше, на сейнерах, когда шла большая рыба и авралили все, кроме кэпа и кока, да и здесь на Руднике, особенно пока «добирал» квалификацию. Над кабиной же провисел какой-нибудь час. Прошла неделя. Но до сих пор всем своим телом ощущаю я пружинную дрожь каната, бешеные рывки кабины и тяжкий, давящий, мнущий, как кормовой бурун, напор ветра.

Ну ладно, усталость физическую еще можно понять. Но откуда этот дурацкий комплекс неконтактности? Я даже не могу заставить себя толком поговорить с ребятами. А ведь это необходимо. Хотя, в чем они сомневаются, отчего мучаются, просто не понимаю.

Еще до того, как Петрович, обернувшись к нам, произнес свое любимое: «Здесь вам не равнина, здесь климат иной», я уже решил, что идти в люльке — мне, а если придется лезть на опору — то Малышку. Он гибок, тонок и поворотлив; я, из всех оказавшихся тогда в дежурке, наверное, самый сильный и уж точно самый тяжелый.

Для какой-то другой работы, может быть, больше подошла бы и иная расстановка, а для этой — такая, и только такая. Ведь могло получиться очень плохо. А так? Так мы сделали то, что были должны.

Я поднимаю руки и подолгу, словно впервые, разглядываю свои кисти, испятнанные розовыми рябинами молодой тонкой кожи. Ранки только-только поджили, ладони отчаянно чешутся,

и я то прижимаю их к мягкой шерстистости одеяла, то поднимаю и подолгу дую, как иа обожженные. Руки, между прочим, как руки...

Петрович — мужик-голова, канатчик божьей милостью. И присловье его взято из хорошей, правильиой песни. «Надеемся только иа крепкость рук, на руки друга и вбитый крюк и молимся, чтобы страховка не подвела». Что ж, я не обманул тех, кто поставил меия на страховку. Руки, вот эти две, сделали свое. Отвели смерть от семнадцати. Напрочь. Когда оиа была совсем рядом.

А ведь это очень здорово — зиать такое о своих руках.

И Малышок молодец. Не догадайся он полезть на опору с кранцами, еще ие известно, как бы прошла кабииа, когда полетели оттяжки. Ведь как получилось, все по первому закону технической подлости: чем проверки чаще, тем отказ ближе. И что Малышка послали в дом отдыха — тоже хорошо. Ои ведь еще не зиает, что такое море.

Да, море...

Пройдет еще не очень много времеии, и я его тоже увижу. Не с берега — с палубы. Его и Лену. Хотя, конечно, уходить с каиатки сейчас, после аварии, не больио-то здорово.

Кое-кто иа проспекте будет очень доволен: «Слабак! Разбился — и с ходу в кусты». Ребята ничего не скажут. Будут молчать, отводить глаза, только ие вииовато, ие сочувственно, как сейчас, а вежливо-равнодушно. И иакануие отъезда обязательио окажутся заняты, чтоб не было проводов.

До недавнего времени я вообще ие думал, что когда-нибудь захочу уехать отсюда, расстаться с ребятами. С ядовитым, как циан, а на самом деле таким задушевиым Стаииславом Бортковским — Петровичем, с красавцем и всеумельцем Гиви, по прозвищу Бражелон, Пешечкой — Серегой Пешко, вечным зубрилой, упрямым, как проржавевший болт, с нашим общим «племянником» — Малышком. Сначала мне просто нужно было остаться именно здесь. И даже потом, когда мамы не стало. Куда ехать? Зачем? Ради чего? На какие-то дальние планы просто ие хватало времени, слишком плотно оно было спрессовано, слишком занято.

И если по совести, интересно мы жили. Две «Явы», всевозможиая радиотехиика, «зауэры», за которые в московских комиссиоиках были плачены немалые деиьги, и мой «Перлет», еще курковый, дедовский, но легкий, прикладистый, штучной работы, вороха рыбацких снастей и спортивной сбруи, кинокамеры и муззаписи, магнитофоны и кииги. А еще — закон коммуиы и твердая уверенность в том, что сделать в этом мире можно все. Все и еще полстолько.

Кстати, как раз этим мы мало отличаемся от других ребят нашей бригады. Такой уж у нас город. И такая работа.

Город живет, как подводная атомка в дальнем походе: общим курсом, одним интересом. Он построен комбинатом и для комбината. Здесь добывают металл. Каждый знает, куда и зачем он идет, у него, наверное, с полтысячи предназначений. Но мы называем его просто металлом. Может быть, потому, что в горкоме комсомола висит портрет космонавта № 1 с автографом: «Друзьям по общей работе». А может, просто так повелось здесь еще с войны.

Сейчас в часе езды от нас наимоднейший горнолыжный курорт, в «сезон» иностранцев — как в Сочи. Но для нас все равно: Город, Рудник, Металл, Комбинат.

Наш «цех» — грузовая канатка — протянулся по склону горы на шесть километров. Он открыт всем ветрам и дождям, туманам и снежным шквалам, перекинут над такими расщелинами, что, обронив молоток, секунд пять не слышишь удара.

Мы — ремонтники высшей квалификации. Такелаж, электричество, сварка, кузня, столярка, слесарка — мы можем все. И когда мы выходим на линию, на это стоит посмотреть.

Мы дежурим сменами, по пять человек, и случается, что подолгу «тормозим», загорая на солнышке («тормозок» на местном жаргоне — это пакет со съестным: завтрак, обед, ужин — зависит от времени суток). Или — это зимой — греемся, сгрудившись у печурки, труба которой (тоже колорит!) выведена не наверх, а под пол и в сторону: ущелье продувается, как аэротруба. В такие минуты мы добры, кротки и даже немного манерны. «Станислав Петрович», «Игнатий Викторович» (это я) и так далее.

А потом из мятого зева селектора вдруг доносится сиплый речитатив. Диспетчеры наши все на подбор, будто в боцманах ходили на Тихом: «На втором пролете, у Майской, «жук». Вагоны «бурятся», а вы там кости греете!..»

И мы лезем на опору, словно марсовые, бежим по страхсетке и срезаем «жука» — клубок лопнувшей, вылезшей из троса и спрессованной роликами вагонеток проволоки, а до земли где двадцать метров, где восемьдесят...

Бывает и еще что-нибудь в таком роде. Выход на линию — это всегда аврал, спурт, марш-бросок, цирковой аттракцион и еще выезд «скорой помощи». Иногда на четыре часа, иногда — на двадцать четыре.

Канатка — это довольно сложно: тросы несущие, тросы тяговые, вагоны и подвески, опоры и приводы, промежуточные станции и разгрузочные бункера, шкивы и тормозные шайбы, короче, чему ломаться, тут хватает.

Дорога перегружена. Это самое узкое место техпроцесса. Стоит остановиться одной линии — и обогатительной фабрике

не хватит сырья, заполнятся резервные емкости погрузочной станции, начнет лихорадить весь Комбинат. Канатка же должна двигаться круглые сутки.

Есть еще и «пассажирка». Тоже канатная. Она возит рабочих из Города к Руднику. Хозяйство попроще: три опоры, две кабины, одно кольцо тросов. Маятник. Кабина вверх, другая вниз. Потом обратно. Поломок здесь не бывает, за всеми узлами уход индивидуальный. Канаты прослушивают ультразвуком, меняют, как винты вертолетов, независимо от возраста через «эн» часов работы, профилактика — строго по графику. И даже при среднем ветре — стоп. «Пассажирка» — барыня, и к ней мы отношения обычно не имеем. Но именно она (первый закон подлотехники, ничего не поделаешь) отправила меня на больничную койку.

А в общем, все это прошлое. Наплевать и забыть. Важнее другое. Сколько времени я еще проваляюсь и что буду говорить ребятам? Ну почему, почему Лену угораздило стать именно ихтиологом? Ведь не только на борту «Богатыря» делают науку. Забавно получилось: год жили в одном городе, на берег ходили по одному пирсу — «академики» швартовались рядом,— а познакомились здесь, в горах, когда Лена приезжала в командировку на биостанцию. После ее отъезда я писал ей долгие и поначалу веселые письма. Потом она приехала на целых двадцать дней, и я тоже взял отпуск, но «Богатырь» уже заканчивал ремонт, и экспедиция ушла на полгода. Лена приезжала сюда трижды, и уже к последнему разу я твердо знал, что без нее не могу.

А сегодня я лежу на спине и думаю о том, что место второго механика, которое сейчас на «Богатыре» свободно, не будет ждать меня слишком долго и об этом надо, как ни трудно, но уже надо, пора сказать ребятам.

* * *

Проходит две недели. Я сижу у окна. Вечер тепел и сух, и лампы включать мне не хочется. Так, в призрачных отсветах длинных фонарей, палата кажется уютно-безмятежной, надежно-спокойной. А как раз этого мне сейчас очень не хватает. Трубка сегодня отдыхает, не умею курить ее, когда злюсь или волнуюсь,— она требует внимания. Трубку хорошо разжечь после доброй охоты или в конце очень трудного дня на линии, если только кончился он совсем как надо и ты сидишь на диване, после душа и ужина, а приемник мурлычет что-то очень тихое и как раз «то».

Я курю сигареты одну за другой, жадно. Крохотная дужка тлеющего огонька не успевает померкнуть между затяжками,

совсем как стоп-сигнал на длинном спуске. И думаю, думаю, думаю...

Самое смешное, что я великолепно понимаю, насколько мои сомнения — дурость, идиотизм, вопли. Хуже того. Тем, что и сегодня Петрович и Пешко ушли, так и не узнав о моем решении, я оскорбляю ребят. И предаю, роняю то большое, что связывает меня с Леной.

За эти дни в больнице я думал не только о ней. И даже, пожалуй, меньше о Лене, больше о ребятах. Я перебрал в памяти все, чем жили мы эти четыре года, взвесил на точнейших весах, перемерил без скидок и хорошее и не очень, зачистил шлифы и снял пробы.

Они же правильные, чертовски правильные парни. Такие, как надо, хотя далеко и не ангелы. Они умеют вкалывать до боли в мускулах и на собраниях снимать толстую стружку с плановиков и снабженцев, зубрить сопромат и поднимать с лежки матерых секачей. Они терпеть не могут казенного пафоса и дешевых сантиментов, они насмешливы и едки, задиристы и грубоваты. Но все это только форма, только внешнее. Главное не в этом — в другом. Когда надо решать что-то по-человечески серьезное, важное и большое, они же всегда поступают как люди.

И все-таки и сегодня у меня не повернулся язык сказать, что я уезжаю.

Ах, Серега, Серега! Пешечка ты окаянная. Редкостного счастья ты экземпляр, все-то тебе в жизни ясно и понятно. Идешь ты по ней и вправду как пешка по доске, все вперед и вперед, если и рыскнешь на курсе, то строго на четыре румба — и выровнялся. Ты придешь к своему, станешь ферзем канатного дела, и когда-нибудь тогдашний Малышок будет сдавать техминимум по твоим учебникам. И это тоже важно и нужно. Но только я здесь при чем? У меня ведь нет этой цели! Я же приехал сюда из-за мамы, я же моряк, черт побери. И теперь, понимаешь, я должен, должен уйти на «Богатыре». И уйду. Без этого мне нет жизни.

Да, если бы Петрович пришел сегодня один, я сказал бы ему все. Самый старший из всех канатчиков, единственный, кто побывал на фронте, он почему-то сразу сошелся именно с нами, а потом стал совестью нашей четверки. С чего это началось? Когда? Пожалуй, с Малышка.

Я собирался тогда лететь в Москву за ружьями. А что? Разве четверо дружных холостяков не могут позволить себе такого? Могут. Набралась неделя за праздничные дежурства, ребята подсобрали копеек и решили сгонять меня в столицу. Конечно, отправились провожать.

Из города мы выехали рейсовым автобусом и время отмерили с хорошим запасцем. Все-таки узловой аэропорт, ци-

вилизация, всяческие соблазны и перспективы. Но, еще не выбравшись из ущелья, поняли: спешили напрасно.

Над равниной — здесь бывает такое — вторые уже сутки висел вязкий, кисельный туман. Машины ползли по дорогам, беспрерывно сигналя, с включенными фарами, осипшие от ругани инспектора рвали из рук права и сгоняли на обочины каждого, кто «прижимал» хоть под тридцать. Погода была еще та.

В новеньком, с иголочки, аэропорту волнами качалось людское море. Рейсы откладывали на час, и еще на два, и «до тринадцати... пятнадцати... восемнадцати», отчаявшиеся отпускники штурмом брали кабинет начальника порта, и расторопные железнодорожники, подогнав прямо ко входу два автофургона, бойко торговали боковыми местами в дополнительных вагонах.

Мы попытались было по-тихому подойти к справочной — не вышло. Построились клином, давнули. В этот момент сзади раздался истошный, с переливами вопль:

— Мили-иция-а! Мили-иция-а!

Рядом с Петровичем, каланчой возвышавшимся над всей публикой, подпрыгивая от азарта, голосил какой-то деятель в сером габардине и каракуле. Поначалу я даже не понял, что произошло. Потом увидел.

От «каракуля» отчаянно, но безнадежно, выдирался крепко схваченный за шиворот и за локоть какой-то шкет. Рука его, та, несвободная, была уличающе глубоко погружена в брючный карман Станислава Петровича.

— Мили-иция-а! Мили-иция-а! — «Каракуль» выводил рулады, как хозяйка ночлежки в пьесе «На дне». И в голосе его визгливом было какое-то пакостное торжество кляузника, такое, что я на миг даже невольно пожалел пацана. Но у меня это вспыхнуло и прошло. А Петрович...

— Мили!..

Неторопливым движением Бортковский протянул руку, снял с голосившего его каракулевую ушанку, изогнулся над ним, будто что-то разглядывая, и сожалеючи покачал головой.

— Так и есть.

— Что так и есть? — послышался чей-то недоумевающий голос.

— Протез он на плечах носит, вот что! — с великолепным возмущением рявкнул Петрович.— Отпусти парня, ты, псих на свободе. Видали Пинкертона? Племянник это мой, понимаешь, племянник. Сын сестры. Бывают такие: сестра, тетя, бабушка. Слыхал? Гостил он у меня, домой собирался, хотел я его самолетом отправить, а уж теперь — дудки. С этим Аэрофлотом сам скоро станешь на людей кидаться. Пойдем, Вася, пойдем, милый...

Так мы познакомились с Малышком — мальчишкой-старичком, который в свои пятнадцать с небольшим хватил такого и столько, что и взрослому можно навсегда позабыть про улыбку. Сирота-приемыш, выросший в доме не то баптистов, не то трясунов — разница всегда была мне не очень понятна,— нещадно «поучаемый» за строптивость и непокорство, он сбежал, спутался со шпаной, начал подворовывать...

Мы забрали его с собой, привезли в Город и прописали — сначала у меня, потом в общежитии,— поставили на канатку учеником и погнали в вечернюю школу. Неожиданно, во всяком случае для меня, все пошло хорошо с самого начала. Видно, Юрка — так звали «племянника» — достаточно щедрой мерой хлебнул натуральной, не из книжек, уголовной романтики и возненавидел ее отчаянно. Но, по совести говоря, мы бы никогда не ввязались во все это, если бы не Петрович...

Я сижу у окна. Сумерки быстро, совсем как засвеченная бумага в ванночке с проявителем, набирают сочную черноту.

Она поднимается снизу от города и разом стирает теневой рисунок рельефа на склонах Пика. По густеющему этому фону дрожкие светлячки матовых фонарей намечают ломаный график, схему канатки в вертикальном разрезе. Впрочем, на них я не гляжу — схема известна наизусть, бессчетно, в туман и пургу, исхожена сверху и донизу.

Я смотрю туда, где на опорах «пассажирки» сегодня, как и в тот день, тревожными частыми вспышками перемигиваются парные огоньки штормовых сигналов. Они зажглись недавно, видно, снова задувает, и я машинально отметил про себя время — двадцать тринадцать. Что ж, третья смена уже разъехалась, последняя только-только заступила, сейчас «пассажирка» может и постоять. Тогда — не могла.

* * *

Мы сидели в дежурке, все пятеро, и время от времени подходили к дверям, чтобы глянуть на небо,— весь день над перевалом бушевала гроза. А когда воздух насыщен электричеством, не очень-то приятно лазить по железным опорам. Но грузовая была в порядке — линии вперебой курлыкали роликами подвесок и не слишком частили,— и мы скучали понемногу.

Бражелон, ковыряясь в очередном своем сверхкарманном приемничке, высвистывал что-то на редкость заунывное, Сергей, по обыкновению, углубился в учебник, Малышок и Петрович ладили дверцу к печурке. Я лежал на жесткой лавочной доске, под самым селектором, закинув руки за голову и предаваясь воспоминаниям.

Печурка затрещала, н Юра, достав замаслениую тетрадку, присоеднннлся к Пешке — вслух начал бубинть косолапые формулнровкн техмииимума: «Несущий канат — это каиат, по которому движутся подвесиые транспортные средства. Тяговый канат — это бескоиечный канат, к которому замкамн крепятся ходовые тележки подвесных транспортных устройств, прнводимых в движенне тяговым канатом. Подвесиые устройства транспорта состоят из ходовой тележки, шарннрно соеднненииой с подвеской, и саморазгружающегося вагоиа, шарнирио соединениого с развнлкой подвески. Ходовая тележка состонт из рамы, к которой иа серьгах крепятся каретки, каждая из которых имеет по два несущих ролика. Ролнкн крепятся...»

Потом, помню, я стал составлять словарь одннаковых по звучаиию и совсем иесходиых по смыслу техническнх терминнов. Таких, кстатн, иемало. Металлургн обкладывают огиеупорным кнрпнчом свод доменной печн, а мы — дубовымн чуркамн желоб шкнва, чтобы улучшнть его сцеплеиие с каиатом. Но н то н другое — футеровка. Траверс для моряка — направленне иа орнентир, для альпнннста — участок маршрута, для канатчика — ролнк, бегущнй по тросу. Это н еще какая-то похожая забавная чепуха крутилась у меня в голове...

Шел уже третий час смеиы, по-прежнему погромыхнвало над перевалом, н все было до тосклнвостн благополучно, когда по-змениому зашипел зуммер полевого телефоиа. «Навериое, кто-то нз Гнвиных поклоиннц,— подумал я (диспетчеры вызывалн нас по селектору) и протянул руку: — Проведу я сейчас разъясннтельиую работу. «Полевка» все-таки не для светского трепа».

Но в трубке послышался характерный гортаниый басок начальиика цеха канатиых дорог Ибрагнма Ашотовнча Хохова:

— Кто это?

— Дежуриый Байкалов у аппарата.— Я уже вскочнл, поннмая, что что-то стряслось: у Хохова былн замы и по эксплуатацни, и по ремоиту. С «самнм» мы общалнсь не часто.

— Немедлеино с ниструментом самым короткнм путем к Рудннку! От шахтоуправлення навстречу ндет грузовнк.

— Сколько выходнть? Что понадо...— одной рукой прндерживая трубку, я придвниул журнал, чтобы зафнксировать вызов, но Хохов ие дал закончнть:

— Все, кто есть. Всё, что есть. И быстро, поннмаешь, быстро.

Мы выскочили из дежуркн, застегиваясь иа ходу, н, срезая полуверстную петлю серпантнна, сразу рванулн на скороходке. Крутая н каменнстая, местамн с хнлымн дощатымн ступеиь-

ками, зато с «перилами» — тросиком, натянутым на железных колышках,— эта тропинка сбивала дыхание, но позволяла выиграть минут десять — двенадцать.

Где-то посредине я приостановился, глянул вверх — обе линии работали нормально. Над предохранительной сетью, чуть покачиваясь, непрерывной чередой бежали вагоны. В чем же дело? Авария на Руднике? Но горноспасателей там хоть отбавляй, да и наш инструмент ни к чему. На «пассажирке»? Ну, чудес-то все-таки не бывает. Однако раздумывать было некогда.

Навьюченные ящиками со всем аварийным набором, бензорезом, домкратами и талями, мы выбрались наконец на дорогу. До следующего места, где можно было срезать петлю, оставалось метров сто, когда навстречу, стреляя из-под колес щебенкой, вылетел куцемордый вездеход.

Что стряслось? С кем? Где? Но водитель знал немногим больше нашего. Стала «пассажирка». Повреждение неподалеку от опоры, у Нижней станции. Нас вызывают на Верхнюю. Но что же конкретно произошло?

Запаса прочности в «пассажирке» — на два землетрясения, система безопасности — высшего класса. Ходовая тележка — с автономным тормозным приводом, в гондоле — проводник, ручная лебедка, люк в полу и «штаны» — подвесная беседка-мешок на одного человека. Даже если случится что-нибудь совсем уж невероятное — станет ГЭС, сгорит генераторная и одновременно лопнут тяговые канаты,— все равно и в этом случае пассажирам ничто не угрожает.

За двадцать минут в скачущем кузове мы чуть не остались без языков, пытаясь хоть до чего-то договориться, к чему-то прийти, но толку все равно не было. А на станции, у шахтоуправления, все оказалось неожиданно спокойно и чинно, только народу чуть больше, чем обычно бывает в это время. Дежурный оператор, встретивший нас на пороге машинного отделения, даже не подавал виду, что что-то случилось, и я на мгновение подумал, не разыграл ли нас какой-то лихой чревовещатель. Но только на одно мгновение.

Заперев за нами дверь, оператор стремительно метнулся к селектору:

— Прибыли, Ибрагим Ашотович.

Хохов, видно, не отходил от аппарата.

— Байкалов, слушай меня. Гондола стала в семи метрах над нижней опорой. Был сильный удар в подвеску. Очень сильный. Тяговый не проворачивается. Когда пытались, проводник доложил, что рвет оплетку несущего. Из окон ничего не видно, вылезать на кабину проводнику я запретил. Когда стукнуло, посыпались стекла, его порезало. Думаю, повреждены ролики. Клинят, вероятно, осколки. Метеорологи дали штормсигнал. Ветер

дойдет до критического минут через сорок. В гондоле семнадцать человек. Что думаете?

Это была классическая манера нашего начальника. Он отдавал приказы, только выслушав тех, кому предстояло их выполнять. В любых случаях.

Петрович, запыхавшийся, чуть побледневший, на обтянутых скулах резко проступили въевшиеся порошинки, легонько отодвинул меня от селектора:

— Как со второй кабиной?

— Было двадцать три человека, сейчас эвакуируются по одному на беседке. Должны успеть.

— А разве в первой что-нибудь с «мешком»?

— Хуже.— Хохов выдержал короткую паузу.— Там женщина. На восьмом месяце. А через нижний люк... Ну, ты сам понимаешь.

— Та-а-ак...— Петрович отвернулся от селектора, глянул на нас, покусывая нижнюю губу. Чуть прищуренные глаза его были холодны и серьезны.— Та-а-ак,— повторил он и крепко потер подбородок.— Худо. Долбануло-то, видать, прыгуном.

— Проходчики, понимаешь, проходчики рекорд сегодня ставили,— торопливо, взахлеб зашептал сбоку оператор.— Профком встречу им организовал, ну, семьи, конечно, приехали, и одна там...— Он показал, какая была одна.— Я не видел, как она в кабину прошла, я...

— Не трясись, курдюк овечий,— оборвал Пешко его растерянный шепот-вопль.— Смотреть противно. Кто тебя винит? — И, враз позабыв об операторе, уже задумчиво добавил: — Надо же! И ветер, и прыгун... Да еще в подвеску.

Действительно, сочетание было фантастическим. Прыгун, камень, по каким-то неведомым причинам стронувшийся с вершины и заскакавший вниз по склону, ударяясь о бараньи лбы валунов, раз за разом набиравший скорость и силу, шел со свистом, иногда стометровыми дугами и был способен сработать как ядро древней мортиры. Но чтоб шальная его траектория оказалась нацеленной точно в подвеску? Теоретически метеорит может угодить в трубу паровоза, но о таких происшествиях газеты пока не писали.

— А гондолу, друзья, придется вести вниз.— Бражело́н поежился и зачем-то начал разминать свои бицепсы.— Там ветер все же послабей будет. Но там и опора...

— Угу.— Петрович кивнул и опять обернулся к селектору.— Ибрагим Ашотович, а пожарную туда никак не подгоним?

— Думали. Машина не пройдет. А лестницу снимать...

— Понял.— Петрович не тратил времени на пустые разговоры.— Переждать ветерок? Покачаются, не умрут.

— А начнет рожать с перепугу? Да и оплетку несущего может порезать.

— Так, ясно. Ну, что ж, пустим люльку. Будем чистить.

— Кто пойдет?

— Разберемся, это недолго. А вы вот что: лебедку бы надо к опоре подкинуть до тросов. Если крепко задувать станет, расчалить надо будет кабину, чтоб не так болтало.

— Кранцы туда надо еще обязательно подбросить, скажи ему про кранцы, Петрович,— быстрым шепотом добавил Малышок.

— И то.— Петрович, не глядя, протянул руку, потрепал его по плечу.— Еще ребята дело подсказывают. Распорядитесь пару-тройку старых скатов заготовить. Вывесим на опору, сойдут за кранцы.

— Кранцы, телефон, лебедка — все будет. Бортковский, а с Нижней станции люльку не стоит спускать? Народ тут есть, собрались.

Петрович покачал головой, словно Хохов мог его увидеть:

— Тележка-то верхним концом на канатке лежит. Отсюда и лезть. Лишний только помешает. У вас все?

— Действуй.

— Люлька на одного, остальные пойдут пешком к опоре, будем минут через двадцать.— И Петрович нажал кнопку, отключающую селектор.— Ну, мужики? «Здесь вам не равнина, здесь климат иной...»

Пока пассажирщики готовили аварийную люльку — круглую, цилиндром, корзинку, склепанную из железных планок,— ребята успели уйти уже далеко. Я знал, что буду на месте куда раньше их, но понимал, что и сам я, если б пришлось оказаться на их месте, так же помчался бы вниз по этой чертовой тропке и волок бы все, что можно отсюда уволочь,— мало ли что понадобится! — и бежал бы так, как только мог.

«Молоток, кувалда, ломик, малый слесарный, домкрат, домкрат обязательно, моток троса на всякий случай, бензорез ни к чему, большие тали, тали поменьше, кажется, все, нет, еще моток капрона с карабином, на цепи монтажного не всюду долезешь». Мысли были четкими, ясными, как на волейболе перед последней подачей, когда встреча уже почти выиграна и ты видишь, что на той половине сломались, и знаешь, на кого подавать, и еще до удара чувствуешь, куда выходить в защиту.

Пассажирщики кончили возиться с приводом, я впрыгнул в люльку, опустил ремень каски, глянул на часы. В машинном мы пробыли восемь минут. «Потеряли восемь минут»,— уточнил я для себя и махнул рукой оператору.

Ветер ударил по люльке сразу, как только она вышла из-под прикрытия станции, ударил плотно и тяжело, враз перебив

дыхание, в искряную пыль растерев сигарету. Люлька качнулась так, что я тут же сунул руку за спину и, нашарив карабин монтажного пояса, пристегнул цепь к стойке. В такую погоду выходить за канат мне еще не доводилось.

Люлька летела быстро, сухо тарахтя траверсами и заметно кренясь под ветром влево. Страховочные кольца тележки были полусомкнуты вокруг несущего каната, и я подумал, что надо будет раздвинуть их до отказа, как только пройду среднюю опору.

Снизу и слева донесся какой-то неясный голос. По тропке, низко клонясь к крутому склону, медленно поднималась группа людей, тех, кого выгрузили из второй кабины. Слов я не разобрал, но, судя по тому, что окликнул меня лишь один проводник, а остальные карабкались молча, я понял, что настроение у них не ахти. В цепочке были одни мужчины, и то, что ни один из них не глянул в мою сторону, мне очень не понравилось.

На этом участке несущие проходили высоко, метрах в пятидесяти, и только по тому, как быстро увеличивалась в размере пустая, оставленная пассажирами кабина, я мог ощутить, что скорость моего спуска весьма и весьма велика. Видимо, лебедка стравливала тяговый трос моей люльки на полных оборотах. Кабина на соседнем канате пролетела мимо, как автобус на встречном разъезде.

Я успел лишь услышать трескучие хлопки распахнутой крышки нижнего люка и увидеть, что парусиновый мешок «штанов» дурацким, сверху вниз спущенным змеем, струнами натянув тросики подвески, трепыхается далеко в стороне. Ветер крепчал.

Потом меня на мгновение подтолкнуло, пол люльки подпрыгнул, мы пролетели опору, ухнули вниз, и тут началось... Люлька шарахнулась в сторону, привязанная за рукоятку кувалда въехала в голень так, что в глазах потемнело, а руки сами собой схватили «ногу» подвески. «Ого! Вот это первый звоночек!» — подумал я и, с трудом распрямившись, пошире развел страховочные кольца.

Это оказалось совсем не лишним. От верхней до средней опоры канат был растянут над открытым склоном, и ветер тут вытворял такое, что люлька начала исполнять шейк. Пока я прошел этот участок, меня приложило еще раза три, и я подумал, что в гондоле сейчас, должно быть, совсем неуютно, а потом у меня вообще вытряхнуло все мысли, и я только держался, одной рукой схватив «ногу», другой вцепившись в поручень и коленями прижимая ящик со слесаркой.

За второй опорой, правда, стало немного попроще, но перед ней пришлось снова разводить и опять сводить кольца, неудобные, как замочек на часовой цепке, и, когда люлька начала

наконец тормозить у пассажирской кабииы, я уже перестал считать на себе битые места.

Здесь, у опоры, прикрытой от прямого ветра гребенчатой складкой склоиа, задувало не так сильио, но это было не лучше, а хуже, потому что ветер срывался, поддавал рывками, и люльку мотало отчаянно, и прииоровиться к ее рывкам было иевозможио, и кабина тоже качалась, как идиотский, в хорошую комнату размером, маятник. Через окиа я увидел, что все сидят иа полу, придерживая друг друга и упираясь в стенки, и про себя похвалил проводника, догадавшегося хоть так сместить пониже цеитр тяжести.

Обмотанный бинтамн и полотенцами, бледный, он подлез к окиу и стал что-то объяснять иа пальцах, но я отмахнулся — мне иужио было прежде самому сориеитироваться. Виизу, у фуидамеита мачты, уже суетились люди, телефон был подключен, и я показал, чтоб меня спустили поближе, вплотную к тележке пассажирской кабины. Кто-то — я не видел кто,— прикрывшись полой ватника, что-то тихо говорил в трубку, лебедчик с верхней станции стравил метра полтора троса. Потом еще метр.

Обойма тележки, почти трехметровая литая железная балка, к которой на шарннре крепилась «нога», выходящая из потолка кабины, с моей стороны всей плоскостью лежала на несущем каиате. Торцы у нее были острые, ио, коиечно, ие до такой степеии, чтобы рвать трехмиллиметровую проволоку тросовой оплетки. В чем же дело? Надо было лезть и посмотреть.

Я покосился вниз. М-да, метров пятнадцать, а то и все двадцать. Закрыл фиксаторы на роликах люльки, чтоб оиа ие елозила по канату, распустил завязки моитажного пояса и иадел его как портупею: под руку и через плечо. Крепление цепи приходилось теперь под самым подбородком, и я зиал, что если придется зависиуть, то, по крайней мере, хребет я себе ие сломаю. Потом пристегнул цепь к несущему тросу и полез наружу.

«Ничего себе акробатика! А еще говорят, альпинизм — «отвесиые стеиы, а иу — не зевай», и все прочее. А еслн вот так, если иет стены?» — подумал я, перекидывая через несущий отрезок капрона. Потом, нзловчившись, поймал затрепыхавшийся свободиый его конец, обмотал оба вокруг кулаков и, извериувшись, спиной винз вытолкиул себя из железной корзиикн.

Так, так. Все понятно. «В горах ие надежны ни камеиь, ни лед». Таки это прыгун. Таки он уродина. Разбил-таки ролик. Каретка тоже погнута н смещеиа. Излом лежит на иесущем. И клинит. И тормозит. И рвет оплетку. Режет, как фрезой. Колотый ролик надо выбивать. Ясио. Все ясно, кроме одного: как доставать будем?

Натуральной мартышкой, цепляясь ногами за свою люльку, словно в стремена, всунув носки сапог в ее решетчатые бока, я висел на руках под самой подвеской. Жесткий и скользкий капроновый шнур остро резал ладони. Но страха уже не было, была холодная, торопящая, заставлявшая действовать злость. Подтянувшись к канату, рывком рук и корпуса я перебросил капроновую петлю. Еще раз. Еще. И, свирепея от боли в ноге, вновь влез в свою корзину. Работать придется на весу. Беседку, скамейку и прочее ладить некогда. А взад-вперед тут шастать — этого и я, пожалуй, не выдержу.

Снизу, перекрывая вой ветра, донесся рокочущий бас мегафона.

— Игнат, что там? — От подножия опоры, задрав рупор мегафона, Петрович запрашивал обстановку.

Жестами я пояснил, что тут. Особенно помочь они не могли, разве что вывесить на опору несколько старых покрышек да завести расчалки к кабине, чтоб поубавить ей прыти в раскачке, но все равно от того, что ребята были уже здесь, мне стало веселее.

Ветер все крепчал, и люлька уже почти не прыгала, а мелко тряслась, отклонившись от вертикали, словно стрелка креномера, и, как завести на кабину трос для расчаливания, мне было непонятно. В крыше ее тоже имелся лючок, и, наверное, я бы мог перебросить проводнику бухточку троса, но заставлять парня вылезать наверх мне очень не хотелось: порезало его изрядно.

Петрович, видно, тоже подумал об этом, потому что мегафон донес до меня:

— На расчалку пустим «штаны». Об этом не хлопочи. Действуй...

И я увидел, что телефонист у опоры опять взялся за трубку, и почти сразу же из кабины донесся приглушенный, но все же слышный звонок аппарата аварийной связи. А Малышок уже лез на опору, обвязавшись веревкой, чтобы затаскивать наверх покрышки, и я помахал ему и крикнул, сложив руки рупором: «Не. дрейфь, Юрок!», хотя знал, что он меня не услышит.

Потом я проверил пояс — руки ведь должны были оставаться свободными,— петлю домкрата повесил через плечо, привязал поверх пояса шнур, продетый в рукоятку кувалдочки к брючному ремню, рассовал за голенища молоток, зубило, шведский ключ, коротенький ломик, опять перестегнул карабин цепи на несущий и снова полез из люльки.

Боковые щеки каретки, в которой крепились ролики, были длиной в полметра, так что поначалу цепи мне все равно не хватало, чтоб подлезть куда надо. Но на «серьгах», шарнирно соединяющих каретки с обоймой тележки, делались специально

для страховки монтажников очень удобные проушины. Подтянувшись на цепи, я просунул правую руку между подвеской и несущим и, повиснув на локте, быстро перецепил карабин, просунул его через эту проушину на второй, целой каретке.

Теперь висеть было почти удобно, хотя со стороны я выглядел, наверное, как Уленшпигель, распятый на дыбе,— ногами цеплялся за поручни люльки и болтался спиной вниз на туго натянутой цепи.

Домкрат вошел на свое место сразу, это был очень удобный домкрат, со струбцинами в нижней части корпуса, позволявшими в любом положении крепить его на канате, и я затянул винты струбцины натуго, повисая на ключе всем своим весом, насколько позволяла мне цепь. Я знал, что снимать его мы будем в другой, более спокойной обстановке. Затянул и начал качать.

Словно подтверждая мои мысли, снизу опять заревел мегафон:

— Не возись с роликами! Наплюй! Освободи, расшплинтуй серьгу и сбрасывай всю каретку. Дойдет и на трех!

Видимо, в бинокль они смогли и сами во всем разобраться. Я помахал рукой, показывая, что все слышал, все понял, и снова ухватился левой за несущий, правой продолжая качать рукоятку домкрата.

Ветер вгонял в уши тугие пробки, выбивал слезы из глаз, и я не слышал скрипа разнимаемого металла, но видел, как постепенно по миллиметру маслянистый сизый канат несущего отдаляется от тронутой ржавчиной плоскости подвески. Теперь, когда шток домкрата принял на себя всю тяжесть кабины, рывки стали более резкими и какими-то сдвоенными, и я мысленно представлял себе, как сначала в сторону идет вся кабина с «ногой», а потом, выбрав лифт шарнира, ведет за собой и балку тележки, и струбцины, намертво схватившие канат, скручивают его вокруг продольной оси и как амортизаторы принимают на себя, гасят рывок кабины; мне было страшно, что струбцины не выдержат.

Потом дергать стало еще меньше, и я сообразил, что беседка уже спущена и ее тросы натянуты, и знал, что об этом распорядился Петрович. «Надеемся только на крепкость рук, на руки друга и вбитый крюк»,— опять завертелись в голове обрывки из песни, и они уже не казались неуместными. «Кто здесь не бывал, кто не рисковал, тот сам себя не испытал...»

— Не отжимай, не поднимай до конца! Сначала расшплинтуй! — снова заорал мегафон.

Сейчас, когда все было связано более жестко, отцепить серьгу было, конечно, проще, и можно было сообразить это самому.

Шплинт, крепивший верхнюю втулку серьги, вылетел сразу, с двух ударов; и я только немного искровенил руку, разгибая его концы. Втулка тоже подалась легко, смазана она была как надо, и мне даже не понадобилось доставать засунутую под ремень кувалду. Постучал молотком с одной стороны, вогнал заподлицо выступивший конец, поддел рукоятку под шплинт, оставшийся на другом, и выдернул ось, словно вагой. Глухо брякнув, серьга повернулась на нижней, входящей в каретку оси, качнулась и стала, повисла на обойме каретки полупудовым чугунным П. Теперь подвеска с моей стороны держалась только на штоках домкрата.

— Хватит! Давай в люльку! Теперь продернем машиной!

Я попробовал пошатать отцепленную каретку; она сидела на канате как влитая. Кувалдой хватил по ней изо всех сил раз, другой, третий — она не дрогнула. Ну что ж, значит, можно опускать домкрат. Потом снова на капрон, отцепить цепь, и можно убираться...

Тупой и тяжелый удар падающей каретки приходится по той же многострадальной голени, носки сапог выскальзывают из-под поручней люльки, та откачивается назад и вверх, и я повисаю над кабиной, как кукла на ниточках.

От боли мутится сознание, к горлу подступает тошнота, слабеют руки. До станции отсюда метров двести с лишним, ветер бесится, треплет меня, как мокрую тряпку, и ясно, что долго я шнур не удержу. Это не конец, нет. Цепь и пояс закреплены надежно, но с ногой что-то совсем нехорошо. Что ж они медлят? Почему не пускают кабину? Отсюда меня никак не снять, разве что на опору. Ага, сообразили.

Подвеска трогается с места. Я вижу, как Гиви и Пешко бросаются к ферме опоры, вижу, как спускавшийся с кранцев Малышок рванулся обратно и вот-вот долезет до верхней площадки, вижу парня, стоящего у расчалок,— он бешено крутит барабан лебедки, выбирая слабину, вижу, как распахивается лючок на крыше кабины и перебинтованный мальчишка-проводник, изворачиваясь, тянет руки к скобам, наклепанными на граненое тело «ноги». В этот миг сильнейший рывок сотрясает подвеску, шнур выскальзывает из рук, и меня, как рыбину, висящую на леске, с размаху бьет обо что-то очень острое, очень твердое...

С тех пор прошло семнадцать дней. Я о многом, очень о многом передумал за это время. И о Лене, и о ребятах, и о себе. Я ни в чем никого не могу упрекнуть, даже себя, а уж их-то тем более. Каждый из нас строил свою жизнь так, как считал правильным, и все мы в отдельности, в общем и частном, справедливы, но почему, почему получилось так, что ребята и Город стали сейчас между мной и Леной?

Я сижу у окна, курю сигареты одну за другой, жадно, смотрю

на огоньки канаток — и своей, грузовой, и «пассажирки». Я знаю, что скоро, очень скоро, совсем скоро я буду страшно далеко отсюда. «Богатырь» готовится к рейсу, и документы мои оформлены. Сказать об этом ребятам мне будет не просто, но выбор уже сделан.

* * *

Мы сидим за столом. Петрович, Гиви, Серега и я. Маша, сестра Бортковского, к моему возвращению из больницы прибрала в моем домике все так, как это умела делать только мама. Мы купили его, когда мама заболела и врачи сказали, что ей обязательно нужен горный воздух. Теперь он просто мой, и я даже не знаю, что с ним делать. Предложить ребятам? Они все живут в Комбинатовском соцгородке. Малышку? Ему через год в армию. «Паршивец, кстати, мог бы и приехать к моему возвращению»,— мельком подумал я, вновь обращаясь к мыслям о доме. Оставить так? Приезжать сюда в отпуск? Саманная хатка без ухода долго не простоит.

А мне будет очень жаль, если она запустеет, начнет кособочиться, утратит тепло живого жилья. Домик маленький и очень уютный: две комнаты, кухня; плита и даже камин. Его я сделал сам, как только стал «домовладельцем».

Камин я сделал не у себя в маленькой комнате — ребята ее называют «хламежкой»,— а в маминой и, хотя в городе старые дома отапливались только углем, умудрялся добывать для него настоящую березу. Иногда мы разжигали его даже летом — на нем было очень удобно жарить шашлык, и мама очень любила смотреть, как я это делаю.

Потом я уже никогда не занимался этим дома, и кольцо с шампурами вот уже скоро год как пылится на стенке. И все-таки в большой комнате очень уютно. Дом стоит на окраине и на пригорке, и через одно его окно виден почти весь Город, а из другого — гигантский, навсегда вонзившийся в небо клык Пика. Из окна в бинокль можно увидеть маленькую серебряную пирамидку, обнесенную ажурной оградой,— памятник человеческому подвигу и большой, настоящей дружбе.

Мы сидим у стола, а Маша хлопочет на кухне, и в открытую дверь доносится неповторимый запах баранины «по-дзагоевски» — есть тут у нас один осетин, взрывник и гурман, собственноручно пополнивший меню местного ресторана своим любимым блюдом. На столе крахмальная скатерть и кленовые листья в керамической вазе — Маша взяла ее, конечно, из дома — и еще какие-то цветы, принесенные сегодня в больницу девчатами из комитета комсомола.

Меня встречали торжественно и провожали врачи и сестры,

говорилн всякие добрые слова, а я от всего этого только злился, чувствуя себя отвратительио. «Оии ведь ие зиают, что ты уезжаешь, но ты-то...»

Все это выбило меия нз колеи иастолько, что, расчувствовавшись, я подарил главврачу трубку, иа которую ои давно уж клал завнстлнвый глаз (еще бы, иатуральный вереск!), отдал желеючи и оттого обозлился на себя еще больше.

Мы сндим у стола, краснвого, ие холостяцкого, таким он будет тогда, когда мы стаием приезжать в город вместе с Леиой; и ее узиают н обязательно полюбят все, ие только Петрович. Но иа душе у меия холодио и иемиого тревожно. Я зиаю, что сейчас войдет Маша и виесет пахучую от чесиока бараииу, Пешко, младшнй среди иас, разольет чай, а потом Петровнч кивнет разрешающе Гиви Бражелоиу, и тот встанет н начнет говорить что-то долгое и краснвое, и я опять буду чувствовать себя преотвратио.

Мы сидим у стола, и вместе с иами здесь, в этой комнате, присутствует еще что-то, не наше, чужое и холодиое, враждебное и неправнльиое, н я начинаю думать, что телепатия впрямь существует, что ребята чувствуют, угадывают то, что я собираюсь нм сейчас сказать, и оттого оии такие молчаливые и будто даже не рады моему возвращеиию.

Почему инкто ие подойдет к магиитофону? Почему вот уже час с тех пор, как мы вышли из больиицы и замсекретаря горкома пожал мие руку н попрощался, отказавшись поехать вместе с нами: «Нет, нет. Сегодия пусть вас окружают только самые близкие. Ведь весь Город зиает, как вы дружите»,— уже час прошел, но никто ие начинает обычиую травлю, не рассказывает о том, как хорошо иам бы работалось и жилось, «если бы, как на Н-ском комбииате...». Неужели оии и вправду что-то чувствуют?

— Ладио, парни,— говорю я, чувствуя, что не могу больше переиосить этой тревожиой, иедоговореииой застолицы.— Ладно. Сегодня я почти новорожденный, а потому имею особые права. Давайте...

— Подожди, Игиат,— останавливает меия Петрович. Лнцо его серьезно н грустио. Не с таким лицом встречают друга, который только что заштопал дырки на своем теле.

«Неужелн.— Мысль обжнгает, как удар лопиувшего троса.— Неужелн же кадровикн пароходства что-то сообщили иа Комбииат? Точно, сообщили. И ребята теперь мучаются оттого, что я молчу, а они не знают, как отиестись к этому иепровереииому слуху».

— Конечно, ты сегодня сиова роднлся,— продолжает Бортковский.— И мы собралнсь здесь... Гиви скажет, навериое.

И Гнвн встает. Гивн Бражелои, бывший десаитник, меч-

татель и щеголь, хранитель горских традиций и непревзойденный спец по любым «железкам», от болтов до транзисторов.

— Я скажу, Петрович,— произносит, как всегда торжественным, но сегодня совсем не праздничным тоном.

Из кухни, осторожно ступая по скрипучему полу, входит Маша и останавливается у дивана. Встают все остальные. И я.

Гиви смотрит не на нас, а куда-то в пространство, а все глядят на него, и он продолжает:

— В нашем народе есть такой обычай. Если в селе умирает кто-нибудь сильный, честный и мудрый, такой, кого в молодости со старшими за один стол сажали, его имя дают младенцу, который первый рождается после этих похорон. Мальчику, девочке — неважно. Потом они растут. У них есть родители. Но считается, что они дети не только своей семьи. А всей деревни. Для них у каждого всегда найдется время, место за столом, добрый совет, хорошее слово. У нас в народе верят, что такой ребенок обязательно настоящим человеком может стать, даже лучше того, в чью честь и память он получил свое имя, и вся деревня будет гордиться своим не просто земляком — общим родственником. Мы с вами живем в большом городе, а не в деревне, и это знают не все. У нас разная кровь, мы приехали сюда из далеких мест, но мы с вами живем как одна семья. Я желаю каждому из вас, чтобы скорее появился сын, и знаю, что мой сын будет носить имя Георгий, Юра, и он будет нашим общим родственником, таким, каким был Малышок. И он будет достоин его.

— Малышок?! — Невероятной силы струна натянулась и лопнула над всем миром, комната качнулась и стала на место, свет померк и вспыхнул с новой яркостью.— Малышок? «Был», ты говоришь?!

— Ты извини, Игнат. Может быть, мы должны были сказать тебе раньше, но главврач запретил. Ты был здорово плох.— Голос Петровича чуть вздрагивает, слова кусками рубленого железа падают в гулкую пустоту тишины, и я берусь за спинку стула, чувствуя, что ноги у меня подгибаются.

— А потом! Когда я не был плох! — почему-то кричу я так, словно этот крик способен что-то изменить.

— Потом ты был получше, но ведь один, без своих. Мы не могли приходить слишком часто, тоже не разрешали врачи, да потом и канатка. Ты не заметил, может, но посторонних к тебе не пускали. Потому и лежал в отдельной палате, чтоб не узнал случайно, пока не окрепнешь.

— А как это все? Почему? — Теперь я говорю почти шепотом.

Гиви и Сергей отходят от стола и становятся рядом. Гиви

берет меня под руку и зачем-то ведет к окиу. Петрович идет следом, н голос его вздрагивает еще сильиее.

— Ои сам вспомиил тогда про скаты и сам полез на мачту. Ты вндел. Вывесил нх точно, где иадо было, а вот слезть не успел. Вернее, успел бы, но тебя сорвало н стало мотать, н пришлось двииуть кабину. Он увидел и кииулся наверх — видно, думал, что сможет помочь, понимал, что поспеет к тебе быстрее, чем Гнви и Сергей. У иего был трос, и он мог его тебе подать, а вот пояса пристегиуть не успел. Ты ведь обтекаемый, а у кабииы большая плоскость, оиа парусила так, что не прошла бы опору, если б оттяжки не выбралн иатуго. А потом оии не выдержали, кабииа пришлась в краицы и даже помялась иесильио, только стекла посыпались, а его сбило. Мачта, ты знаешь, двадцать один, он был иа самом верху, а виизу фуидамеит, бетои. Вот так, Игнаша...

Гиви, по-прежиему придерживая меия под руку, раздвигает заиавеску. Прямо перед иамн, в косых лучах уходящего солица, четко и рельефио рисуется иззубреииая пирамида Пика.

— Мы похороиили его там. Рядом, ты зиаешь. Мы сами сварили ограду и вмуровалн в граиит.— Петрович кладет мие руку иа плечо и умолкает.

— Значит, из-за меия... Зиачит...

— Нет, Игиат. Нет. Ты не прав. Метром выше, метром ниже — разиица иевелнка. Расчалки ведь все равно полетели. Ты же зиаешь, в горах бывает, «в горах ие иадежиы ни камень, ин лед, ии скала». Он сделал все, что мог, и ты сделал все, что мог. И даже больше.

Мы стоим у окиа, четверо, рядом. Я запрокииул голову назад и смотрю иа вершииу Пнка, туда, где уже две могилы, и не внжу ничего, потому что глаза мои полиы слез н они не проливаются.

«Малышок, Юроня, Юрка. Как же иеправильио все в этом мире! Почему ты? Ты ведь так и ие видел моря. И со своей Леиой ты ие бродил по ущельям. И в армию ты уже ие пойдешь. Оттяжки. Сволочные оттяжки! И я. Я ие стал вызывать наверх проводиика. А ведь ты был ие старше его. Я ие перебросил ему бухту троса. У меня не хватило пороху еще раз долезть до люльки. Я! Я, я, я, у меия, миой, из-за меия. Малышок из-за меия. Там, на Пике, из-за меия. Никогда не войдет в эту комиату из-за меия. Не попросит руля на дороге нз-за меия. Да, так бывает в горах. С горами иадо быть иа «вы»... Без «алых роз н траурных леит, и ие похож на моиумент тот камень, что покой тебе подарил...»

Я стою у окиа и ие вижу Пнка, и голову я запрокидываю все дальше, потому что все-такн не хочу, чтобы слезы пролнлись, и обрывки альпииистской песни крутятся в голове, и какие-то иесвязиые картииы одиа за другой проносятся перед

глазами, быстрые, рваные, как несмонтнроваииая кинолента.

Вот мы сидим с Малышком у старой копешки иа краю картофельиого поля. Ночь глуха и черна, в камышах за речкой с шорохом и треском продираются кабаиы, и мой «Перлет» с повязаииой иа коицах стволов белой тряпочкой — нначе ие прицелишься в темноте — в руках у Юры.

Директор совхоза прислал тогда за иами — кабаны рыли картошку ие хуже копателей, и рвали иитку электропастуха, обвешаниую коисервиыми баиками, и гоняли совхозных сторожей. Юрка завалил тогда первого своего секача, здоровеиного, килограммов иа сто, а потом отказывался есть кабанятниу. Это было.

Вот мы идем с Леиой по тропке среди сосеи, золотые от солица стволы кажутся гигантскими восковымн свечами, и в ущелье глубокая тишниа, как в огромном и пустом соборе, ботинки скользят по рыжему ковру прошлогодией хвои, пахиет смолой н почему-то свежнм снегом. Лена ндет впереди меия, сильная, гибкая, как будто совсем не ощущая высоты, ндет и идет, ровно, быстро, легко.

А потом мы стоим иа опушке; впереди из-под ледникового скола, искрясь крохотиыми радугами, белыми космамн качаясь под ветром, сыплют свои струн бессчетиые водопадики, и Лена запрокидывает голову так, что шапка ее волос ложится мие иа грудь, и я чувствую, что могу так стоять до тех пор, пока весь ледник не растает под солицем. И это тоже было.

А вот я, загорелый, подтяиутый, с иебольшнм чемодаичиком, подиимаюсь по трапу «Богатыря», а Леиа смотрит иа меня с палубы и ничем не показывает вида, что...

Стоп!

Я встряхиваю головой, и слезы все-таки проливаются, ио я уже ие думаю об этом. Слезы опять застилают глаза, и песия темн же обрывкамн крутнтся в голове: «И пусть говорят, да, пусть говорят, ио — нет, никто не гибиет зря... Другие придут сменив уют на риск и иепомериый труд,— пройдут тобой ие пройдениый маршрут». Другие? Нет, Малышок. Нет, милый. В песие так можио, в жнзни — иет. Другнх ие должио быть, Малышок, поиимаешь, никогда не должио быть других, если оии люди. Все — каждый и все — сам, только сам. Вот так, Малышок. Вот так, Лена.

— Нет, ребята,— говорю я.— Больше, чем я мог, я еще в жизни ие сделал. Но я сделаю. Обязательно сделаю. Здесь, иа Руднике.

Кир Булычев

АГЕНТ КФ

Фантастический роман

Археолог Фотий ван Куи был счастлив.

Ощущение счастья не зависит от масштабов события. Много лет ожидаемая победа, завершение бесконечного труда, окончание длительного путешествия могут вызвать усталость или даже разочарование. Неожиданная мелочь может переполнить человека счастьем.

Фотий ван Куи шел в гостиницу по улице Трех Свершений. За последние четыре дня этот путь, короткий и прямой, стал ему хорошо знаком и привычен. Десять минут неспешной ходьбы в тени домов, нависающих над пешеходом, как тыквы над муравьем. Генеральный консул Ольсен, маленький, толстый, вежливый эрудит, называл этот город огородом для великанов. «Этот тип жилища,— объяснил он Фотию ван Куну,— сложился здесь исторически. В период клановой вражды. Очень трудно штурмовать яйцо, поставленное на острый конец или поднятое на сваях. Поэтому и окна пробиты на высоте пяти метров, не ниже». Тыквы ярко раскрашивали — раньше в цвета клана, теперь в городах, где понятие клана отмирало, согласно моде.

Высоко над головой тыквы почти соприкасались боками, и потому внизу, на мостовой, было тенисто и прохладно. Когда ван Куи попадал на перекресток, солнечный жар ударял в лицо, и, подобно прочим пешеходам, ван Кун спешил в тень очередного дома. Он попал в город в самый жаркий период и после прохладной мрачности раскопок на Ар-А никак не мог привыкнуть к пыльной духоте. Особенно тяжко было в гости-

нице. Гостнница была построена в соответствии с требоваииями времеин н в расчете на турнстов из ниых миров. Оиа казалась чемодаиом, забытым посреди арбузов. Кондициоиироваиие в ией ие работало, и если в традиционных домах двойиые стеиы сохранялн тепло в холода н прохладу летом, то зеркальиые плоскости гостиницы превращали ее в иакопитель солнечиого тепла. Лучший иомер в гостинице, выделеииый археологу, был одиовремеиио и самым жарким местом в городе.

Возвращаясь в гостиницу, чтобы переодеться и принять душ перед лекцией, Фотий ван Куи с ужасом представлял себе, как он войдет в раскаленные аифилады залитых солнечным светом покоев, и в этот момент увндел магазии.

В магазииы, как и в дома, надо было забираться по крутой лестиице. Разглядывая вывеску, прнходилось запрокндывать голову. И чтобы избавить покупателей от такого иеудобства, торговцы выкладывали образцы товаров на мостовую, у осиоваиия лестиицы. Разумеется, ие самые цеииые.

Фотий ваи Кун уже несколько раз проходил мимо этой лавки. Но раньше он либо спешил, либо был окружеи местиыми учеиыми, так что, видя образцы товаров, он их ие замечал.

А сейчас остановился перед сделаиной из папье-маше куклой в старинном костюме из птнчьих перьев. Кукла высовывалась нз ярко раскрашенной глнняной вазы. Фотнй ваи Кун догадался, что в этой лавке торгуют сувеиирами. А так как археолог ие был лишеи любопытства, он поднялся по узкой лесеике, распахиул иависшую иад ним плетенную из тростиика дверь и ступил в округлое помещеиие.

При виде гостя хозяии лавки в знак почтеиия тут же натяиул на голову серебряиую шапочку и шнроким жестом сеятеля показал на большую таблнцу-разговориик, прибнтую к стеие. Крайиий правый столбец не очеиь грамотио изображал перевод нужиых слов иа космолингву.

Кивиув продавцу, ваи Кун иачал разглядывать товары иа полках. Полный набор для охотника за сувенирами. Куклы, горшочки и вазы, нгрушкн из птнчьих перьев, мраморные и аметистовые шарики для гадания, шерстяиые циновкн и коврики с узорами из бисера, шары, чтобы думать, старииные топорикн с некогда ядовитыми шипами, золотые яйца черепах и шлемы из паицирей тех же черепах, шлепаицы для встречи гостей н саидалии для торжествеиных проводов, сумочки для любовных поэм, хрустальиые с иефритовыми зрачками «глаза ласки», набориые посохи, семейка неизвестно как попавших сюда макетиков Эйфелевой башии, коллективиые курильницы, схожие с дикобразами... Миогое из этого ваи Куи видел на базаре, куда его за день до того водил коисул Ольсеи, и, обладая хорошей памятью, запомнил функции этих предметов.

Ван Кун медленно шел вдоль полок, поимая, что раз ои загляиул сюда, то должеи что-то купнть, чтобы не оскорбить продавца (это ему тоже объяснил Ольсен). Иначе продавцу прндется делать подарок несостоявшемуся покупателю. Ои нскал глазамн что-ннбудь ие очень крупиое, совершеино иеобычное н желательно полезное. Ваи Куи был рацноиальным человеком.

И тут иа инжней полке он увидел нгрушечных солдатнков. И в этот момент Фотня ван Куна охватнло ощущеине счастья.

Улетая много лет назад с Землн, он оставнл там большую, одиу из лучшнх на Земле, коллекцию нгрушечных солдатнков. С тех пор ему не удавалось побывать дома, потому что жнть прнходилось в Галактнческом Центре, оттуда н летать в экспеднцни. Земля слишком далека от Центра, н если ты нзбрал своим ремеслом космнческую археологию, то на Землю ты, вернее всего, попадешь лишь к пеисин. Но страсть к собнраиию солдатнков у ваи Куиа ие проходнла. К сожаленю, нскусство нзготовлення игрушечиых солдатиков слабо развито в Галактнке, и даже на весьма цивнлнзованных планетах о них н ие подозревают. Ваи Куи научнлся отлнвать нх нз олова и раскрашнвать. Ои проводнл иемало времени в музеях н на военных парадах, фотографируя и рисуя. Если на раскопках попадалось погребение вонна, вызывалн ван Куна. За двадцать лет его иовая коллекцня достнгла трннадцатн тысяч еднннц, и если воссоедннить ее с той, что осталась на Земле, то, безусловно, Фотнй ваи Кун стал бы обладателем самой представнтельной в Галактнке коллекцнн солдатнков.

И вот, прнлетев на несколько дией на Пэ-У с раскопок на Ар-А — планете в той же снстеме, будучн бесконечио занят, Фотнй ван Куи заходнт в лавку сувеннров н вндит на полке отлнчио исполиеиных солдатнков.

Скрывая душевный трепет, Фотнй ван Кун подошел к таблнце-разговорнику и провел пальцем от слов «Сколько стонт?» к соответствующей фразе иа местиом языке.

Продавец ответнл длинной тирадой, нз которой Фотий ван Куи ие понял ин едииого слова. Тогда ван Кун нагнулся, взял с полкн солдатнка и показал его продавцу. Продавец крайне удивнлся, словио никто из прнезжнх ннкогда ие покупал солдатнков в его лавке, и, взяв с полки блестящнй, переливчатый «шар, чтобы думать», протянул его ваи Куиу, полагая, что лучше покупателя зиает, что тому нужно.

Ван Кун отыскал в таблице слово «нет».

Продавец с сожаленнем положнл шар на место, подошел к таблнце и показал на цнфру в левом столбце. Кун проследил глазами ее эквнвалент в правом столбце и понял, что солдатик стонт дорого. Восемь элей. Столько же, сколько коврик нз птичьих перьев или обед в приличном ресторане. Он очень уди-

вился, но потом рассудил, что ценность вещи определяется сложностью ее изготовления. А солдатик был очень тщательно сделан. Он был отлит из какого-то тяжелого сплава, а размером чуть превышал указательный палец. Его латы были изготовлены из кусочков медной фольги, плащ сшит из материи, а на маленьком личике и обнаженных руках тонкой кистью была наведена боевая татуировка. Ван Кун мысленно прикинул, сколько у него с собой денег. В конце концов, они ему не нужны. Завтра должен прилететь «Шквал» из Галактического Центра с оборудованием и припасами для экспедиции. По крайней мере, мрачный представитель Космофлота Андрей Брюс твердо заверил, что корабль идет без опоздания. «Шквал» захватит с собой ван Куна и затем спустит его на катере на Ар-А. Неизвестно, побывает ли ван Кун вновь на Пэ-У. Вернее всего, никогда. А солдатики одеты в цвета кланов — это уже история, это уже забывается. Лишь в горных княжествах сохранились такие плащи. Да и традиционное оружие: духовые трубки, топоры с отравленными остриями, раздвоенные кинжалы,— все это постепенно переходит в музеи. Или теряется, потому что мы всегда куда лучше бережем отдаленное прошлое, чем реалии вчерашнего дня.

Всего солдатиков на полке было штук шестьдесят. Все разные. Даже солдатики одного клана различались оружием и доспехами. Если взять все деньги, что хранятся в гостинице, то хватит.

Как настоящий коллекционер, привыкший не испытывать судьбу, ван Кун достал кошелек и выяснил, что с собой у него есть тридцать три эля. То есть можно было купить четырех солдатиков.

Ван Кун отобрал четырех солдатиков в наиболее характерной одежде, осторожно отнес их на прилавок и положил рядом тридцать два эля.

Тут он заметил, что продавец явно волнуется и чем-то очень напуган.

— В чем дело? — спросил ван Кун. Времени у него уже было в обрез. Через полчаса его ждут в Школе Знаний.

Продавец ответил непонятной тирадой, отделил одного из солдатиков, затем взял восемь элей и остальные деньги отодвинул ван Куну.

— Ну уж нет,— сказал ван Кун, который был упорным человеком.— Это честные деньги, мне ничего лишнего не надо. Сейчас вернусь, возьму остальных.— И он показал жестом, что намерен забрать всех солдатиков.

Неизвестно, понял ли его продавец, но в конце концов он забрал деньги, достал коробочку, устланную птичьим пухом, положил туда солдатиков, закрыл сверху бумагой. Он спешил и старался не смотреть на покупателя.

Ван Кун отыскал в таблице слово «спасибо», произнес его

н, осторожно иеся коробочку, пошел к выходу. От тростииковой двери обернулся и увидел, что продавец уже сиял серебряиую шапочку и вытирает ею лоб.

— Скоро вериусь,— сообщил ему ваи Кун.

* * *

Фотнй ван Кун был счастлив.

Счастье коллекциоиера — совершенио особый вид радости, доступиый далеко ие всем. Чувство это в чнстом виде бескорыстио, так как настоящий коллекциоиер с одииаковой нитенсивиостью будет радоваться приобретению грошовому нли бесцениому,— важиа ие стоимость, а факт обладаиия. Не так миого иашлось бы в Галактнке людей, способиых разделить радость ван Куна. Но такие люди существовали, хоть н разделеиные световыми годами путн. Ваи Кун, не замечая пыли, висящей иад городом, раскалеииых пятеи света, встречиых прохожих, глядевших иа иего, как иа экзотическое существо, спешил к гостинице. Если бы разумиый человек сказал ему, что солдатики, стоящие в магазнне, иикуда не убегут и их можио отличио купить вечером, а то и завтра, ван Кун бы даже не улыбиулся и, иесмотря на то что ои был нормальиым, лишеииым излишней миительиостн человеком, ускорил бы шагн, заподозрив вас в желаиии перекупить солдатиков.

Строя в воображеиии трагические картииы, в которых безлнкнй и безымянный конкурент уже входнт в лавку, чтобы скупить солдатиков, ваи Куи промчался по холлу гостниицы, пробежал два пролета лестиицы иаверх (лифт пока ие работал), вспомиил, что не взял у портье ключ, вериулся обратио, снова возиесся по лестнице иа четвертый этаж, задыхаясь, обливаясь потом, повериул ключ, вбежал в номер, осторожио положил иа кровать коробку с солдатиками, иачал быстро раздеваться, чтобы принять душ. Притом ои продвигался к письмеииому столу, чтобы достать оттуда деньги.

Он выдвинул верхиий ящик. И удивился. Кто-то основательио покопался в ящике пнсьмениого стола.

Будучн аккуратистом, Фотий ваи Куи принадлежавшие ему вещи всегда раскладывал так, чтобы разделяющие их лиинн были строго вертикальны. Говорят, что однажды на межзвездной археологической базе Афииы-8 он упал в обморок, потому что иа стеие, вие пределов его досягаемости, криво висела репродукция с какой-то картииы.

Треиироваииому глазу Фотия ваи Куиа достаточио было мгиовеиия, чтобы поиять: в его бумагах рылись и некто, складывая их обратио, ие смог соблюстн прямых лииий между папками и листками. Более того, преступник выкрал бумажиик

с деньгами н документами археолога. И что было для Фотня самое непрнятное, разворошил н рассыпал заветную коробку с лекарствами.

В ниой снтуацнн Фотнй ван Кун виимательно бы нзучил, ие нсчезло ли что-либо еще, вызвал бы адмнинстратора гостииицы, позвоинл бы в генеральиое консульство. Но в тот момеит Фотия ван Куиа огорчила лишь пропажа деиег и, следствеиио, провал операции «Солдатики». Фотий ваи Куи подумал, ие оставил ли он бумажник в куртке, которую иадевал вечером, когда было прохладио. Он раскрыл стенной шкаф. Куртка валялась на дне шкафа. Бумажннка в ней не оказалось.

Ирреальная иадежда найти деиьги заставила археолога потерять еще несколько мииут, ползая под кроватью, обыскивая ваииую и прнхожую. Везде ои иаталкивался на следы неумелого, неаккуратного, спешного, но дотошиого обыска.

В коице коицов Фотий ваи Кун выиуждеи был отказаться от иадежды найти бумажник. Ои проклял эту плаиету, проклял свою страсть к солдатикам и понял, что до начала его заключнтельиого выступления в Школе Знаний осталось всего семь миилут.

Фотий ван Куи был пунктуальным человеком и не выноснл опоздаиий. За шесть мииут ему иадо было переодеться (о душе уже н речи ие шло), добежать до Школы Знаний н желательио заскочить в магазии сувениров н объяснить продавцу, что завтра же он раздобудет деиег и купит остальиых солдатиков.

Переодевался Фотий ван Кун так быстро, что ие осталось времеин толком подумать. Правда, ваи Куи предположнл, что стал жертвой грабителей, которых, как он слышал, здесь иемало. Государство лишь сравнительно иедавио выбралось из темной эпохи враждующих кланов, а первые заводы, школы, первое цеитрализованиое правительство возникли чуть более века иазад. Так что планета Пэ-У влетела в космнческую эру, еще не успев пережить до конца свое социальиое детство. В окружающих столицу горах, на островах в океаие, в нных иебольших государствах все еще царнлн обычаи варварства, и стнхня первобытных отношений порой, как прнбойная волна на нзлете, хлестала по новому миру городов. Галактический Цеитр отиес Пэ-У к мирам ограиичеиного контакта, и отношения с планетой должиы были строиться крайне осторожио, без вмешательства в процесс ее естественного развития.

Правда, в нстории Галактического Цеитра уже не раз возникали сложиые коллизии с этим ограннчеиным контактом. Но панацеи на все случаи жизни отыскать нельзя.

Как иетрудио предположить, в сложном иемирном оргаиизме Пэ-У возиикли силы, желавшие добиться преимуществ, опираясь на Галактнческнй Центр, на его громадные возмож-

иости, иа достижеиия его иауки и техиологии. Этим силам хотелось куда большего участия Галактики в делах плаиеты. Уже одежды первых космоиавтов, прибывших иа Пэ-У, уже интерьеры их кораблей, приборы и машииы, которыми они пользовались, давали достаточно пищи для рассуждеиий и, скажем, зависти. От этого возиикала и обида. Когда-то у оставшихся в камеииом веке папуасов Новой Гвииеи был страиный обряд. Оии, памятуя о том, сколько цеииых и иитересиых вещей им удавалось отыскать иа упавших во время войиы самолетах, уже после иее строили самолеты из дерева и бамбука, иадеясь таким образом подмаиить иастоящий самолет.

Фотию ваи Куиу была известиа история, происшедшая лет за тридцать до этого совсем иа другой плаиете. Там местиые жители захватили врасплох галактический корабль, перебили его комаиду и растащили содержимое. Сам же корабль был водружеи иа постамеит в качестве космического божества.

Но чем активиее иа плаиете типа Пэ-У стаиовились стороиииики коитактов и заимствований, тем эиергичиее действовали изоляциоиисты. Оии утверждали, что присутствие людей из Галактического Цеитра таит реальиую и иеотвратимую угрозу образу жизии, освящеииому столетиями. И полагали, что если удастся изгиать виешиюю угрозу, то жизиь вериется к закоиам золотого века. Забывая при том, что до прилета корабля золотого века ие было и что, даже если иа плаиете ие остаиется ии одиого человека из Галактического Цеитра, иепоправимое уже свершилось: жизнь иа планете иикогда ие будет такой, как прежде. А те, кто стремится к коитакту, раио или поздио возьмут верх.

В то время когда Фотий ваи Куи прилетел иа Пэ-У, там царило определеииое равиовесие, поддерживаемое ие без влияиия Галактического Цеитра. На плаиете иаходилось геиеральиое коисульство Цеитра, было представительство космофлота и даже космодром. Студенты из Пэ-У учились вие плаиеты, группа медиков из Центра изучала эпидемические заболеваиия и обучала коллег бороться с иими... В общем, «ограиичеииый контакт». В иадежде иа туристов и экспертов была сооружеиа громадиая кубическая гостииица. Ее едииствеииым жильцом, ие считая редких местиых туристов, для которых иочевка в гостииице была экзотическим приключеиием, и оказался археолог Фотий ван Кун. Гостииица была подобиа бамбуковой копии иастоящего самолета — вода в ией текла еле-еле, лифты ие работали, из щелей дул горячий ветер, и геиеральиый коисул, милейший Ольсеи, предупреждал приезжих, чтобы оии там ии в коем случае ие селились. Обычио его все слушались и остаиавливались либо в уютиой старой

гостиинце, лнбо в коисульстве. Но Фотий ван Куи был гостем Школы Знаиий и личиостью иастолько видиой, что пришлось отдать его на престижиое растерзаиие.

Фотий ван Куи отличио зиал, что в городе обитают не только мнриые обывателн, но н воры, разбойииикн и убийцы, что по иочам у озериых причалов н в темиых кварталах, переиаселеиных бежеицами с гор, сражаются банды н стражиикн туда ие заглядывают. Так что, расстроившись нз-за кражи, он ие очеиь удивился и, как разумный человек, размышлял, у кого одолжить денег на солдатиков — у коисула нлн у Брюса?

За две мннуты он успел стащить с себя потную, пропылившуюся холщовую куртку, широкие, юбочкой, белые шорты — мода прошлого десятилетия, удобная иа раскопках н в жаркнх местах,— легкне золотые сандални, куплеииые на базаре в Паталнпутре. Еще мииута ушла иа то, чтобы достать из шкафа сброшеииый грабителем, чуть помятый, ио вполие приличный фрак с пышиыми плечами, серые лосииы, матовые чериые туфли с чуть загиутыми носками, серебряную сорочку с пышиым жабо (официальная мода консервативиа). Разумеется, Фотию ваи Куну ие пришло в голову тащить с собой иа раскопки, а оттуда в Пэ-У вечериий иаряд — коисул Ольсен выдал ему этот иабор вчера. У коисула в специальной кладовой стояла длиииая, костюмов иа пятьдесят, стойка, отчего кладовая была похожа иа старомодиый магазин. Добрейшнй Ольсен был блюстителем этикета ие из капрнза: в клаиовом обществе Пэ-У вопросы этикета заиимали очень важное место. И профессор из Цeитра, чнтающий официальиую лекцию в Школе Знаиий, обязаи соответствеиио одеваться.

Фотий ван Кун успел взглянуть в крнвое, плохо отшлифоваииое зеркало и показался себе, иесмотря иа сдержаииость тоиов своего одеяиия, похожнм на экзотическую птицу. Ои уже готов был бежать, ио вспомиил, что обещал коисулу прикрепить к лацкаиу знак Археослужбы — золотые буквы КАС иа фоне серебряиого Парфеиоиа. Это заняло еще тридцать секуид. Поиски папкн с плаиами раскопок, оказавшейся под столом,— еще двадцать секуид. Папка была тоиьше, чем утром, ио Фотий ван Кун этого не заметил.

Бег вииз по лестиице — тридцать три секунды. Поскользнулся иа пахиущем керосииом паркете, балаисировал на граии падеиия — четыре секуиды. Влетел в дверь ресторана и размышлял, где же дверь на улицу,— двенадцать секунд. Выскочил на улицу, задохнулся от ослепнтельной жары.

Ораижевое солице уже садилось и било прямо в лнцо, золотя н пронзая столбики пылн.

Фотий ван Куи поиял, что забыл иакинуть короткий плащ, нмевший какое-то символнческое значеине в лабириитах эти-

кета, чуть было не кинулся обратно в гостиницу, но удержался. Хотел было остановить парного рикшу — муж крутил педали, жена бежала сзади, держа опахало,— но вспомнил, что у него нет денег. Рикша остановился, глядя выжидательно на удивительное существо в черном одеянии, означающем в некоторых кланах смертную месть. Видно, вспомнив об этом, рикша нажал на педали, жена засеменила сзади. Впоследствии рикша внес свою долю путаницы в это дело, показав, что Фотий ван Кун был вооружен и совершал руками характерные для мстящего жесты ярости. В памяти рикши образ человека в черном дополнился недостающими, но обязательными деталями кровавого ритуала. Его жена могла бы точнее рассказать о Фотии ван Куне, но ее, разумеется, никто не спрашивал, так как показания простолюдинки юридической силы не имеют.

Разлучившись с рикшей, Фотий ван Кун побежал по улице, стараясь скорее достичь спасительной тени гигантских арбузов. Ему было очень жарко, и он задыхался в несколько разреженном по земным меркам воздухе Пэ-У. Шесть минут уже истекли, и он опаздывал.

Еще на секунду Фотий ван Кун задержался у магазина сувениров. Он разрывался между необходимостью спешить и желанием подняться по лестнице и уговорить продавца, чтобы тот не продавал солдатиков до завтра.

Продавец видел Фотия ван Куна сквозь щели в тростниковой двери, но не пригласил внутрь, потому что был напуган его предыдущими действиями. Теперь же, увидев его в черном костюме, он быстро отступил назад и спрятался за прилавок. Поэтому он не увидел того, что мог бы увидеть, останься у двери.

В этот момент Фотий ван Кун находился в глубокой тени под нависшим боком дома-тыквы. Улица была пуста. Предзакатный час — самый жаркий и пыльный в городе, и прохожих на улице не было.

Фотий ван Кун ни о чем не догадался, потому что его ударили дубинкой сзади. Желтой костяной дубинкой, какими обычно вооружены горцы. Удар был сильным, и Фотий ван Кун ничего не успел понять.

* * *

От агентства до космодрома было чуть больше часа езды. Более или менее пристойный космодром был сооружен лет двенадцать назад, но вот дорогу к нему, что должны были взять на себя городские власти, так и не сделали.

По сторонам, уменьшаясь к окраинам и редея, тянулись

полосатые дома-дыни с маленькими треугольничками окошек — будто кто-то проверял, спелые ли дыни. Из окон торчали длинные шесты с развешанным на них бельем. Старый космофлотовский фургончик с надписью «КФ» на боку подпрыгивал на кочках, рыжая пыль застилала окна. Торговцы, сидевшие вдоль дороги, были рыжими, и их товар тоже был рыжим.

Чистюля ПетриА задвинула окошко, стало еще жарче, но пыль все равно проникала внутрь и скрипела на зубах.

— Вы обещали вызвать мастера, чтобы починить кондиционер в фургоне,— сказал Андрей Брюс своему заместителю ВосеньЮ.— Стыдно перед пассажирами.

— Пускай пришлют новый фургон,— ответил тот. Он сдул пыль с толстого портфеля, с которым никогда не расставался.— Наши мастера ничего не понимают в земных кондиционерах. И вообще в кондиционерах.

— Это неправда,— сказал Брюс, глядя в упор на ВосеньЮ, что было по тамошним меркам не очень прилично. Но ВосеньЮ всегда буравил Брюса фиолетовыми пятнышками своих зрачков.— В консульстве на той неделе починили кондиционер.

— А ты не спрашивал,— вмешалась ПетриА, чтобы переменить тему разговора,— что в консульстве говорят о пропавшем археологе?

— Увидим консула на космодроме, спросим,— сказал Андрей.— Пока вроде бы ничего нового.

— Все в городе знают,— сказал ВосеньЮ,— что археолог мстил клану Западных вершин.

— Чепуха,— сказал Андрей убежденно.— Археолог здесь четыре дня. Он не знает никаких кланов. Он все время проводил в Школе Знаний. Зачем ему кланы?

— Он продал им свои карты. Но ему не заплатили,— сказал ВосеньЮ.— Он потерял честь.

ВосеньЮ дунул себе на плечо, на золотое крылышко. Он сам придумал себе космофлотовскую форму. Даже в этом мире ярких и разнообразных одежд он умудрялся выделяться. Может, потому, что его клан был слаб, почти все мужчины погибли в сварах с Речным кланом и клан отказался от мести, чтобы выжить — подобно собаке, которая, проиграв схватку, ложится на спину, подставляя сопернику живот. И тот уходит. Если бы не было такого обычая, в яростной борьбе кланов, в сложнейшей системе кодексов чести жители планеты давно бы перебили друг друга.

Карты археолога пропали. Это было известно. ВараЮ, начальник городской стражи, сказал об этом консулу в тот же вечер. В номере археолога Фотия ван Куна кто-то все пере-

ворошил, перевернул, вряд ли это успел бы сделать сам жилец, который, по сведениям портье, был в номере несколько минут. И там не было папки с бумагами, которая исчезла вместе с археологом.

В номере были найдены четыре фигурки, четыре фигурки мести, правда, не разрезанные, но самые настоящие фигурки мести. Клановая вражда никогда не начинается неожиданно. Если ты намерен выйти на путь войны, то по законам чести ты обязан приобрести специальную фигурку мести — одетого в тряпочки солдатика, которые продаются в специальных лавках, затем отрезать ему голову и в таком виде выслать или отнести представителю клана, на который ты намерен идти войной.

Самое удивительное в этой удивительной находке было то, что археолог зачем-то приобрел четыре фигуры мести, из трех различных кланов. В том числе одного солдатика из могучего клана Причалов, известного дурной репутацией и настолько сильного и бесстыжего, что даже западные горцы не смели его задеть. Так вот получается, что земной археолог вышел на путь войны сразу против трех кланов. Уму непостижимо. В этом было какое-то недоразумение, ошибка. Но зачем же еще можно покупать эти маленькие фигурки в военной одежде? Может, просто из любопытства? К сожалению, эта гипотеза опровергалась всеми остальными свидетельствами.

У археолога было полчаса свободного времени. Он спешил. Ему надо было захватить планы раскопок и переодеться. Ему некогда было гулять по сувенирным лавочкам. Да и не было еще в городе сувенирных лавочек, не доросли местные жители до этого. Сувениры — дело будущего, для сувениров нужны туристы...

ПетриА не выносила, когда у Андрея плохое настроение. Здесь у женщин сильно развита интуиция, даже уже не интуиция, а нечто среднее между интуицией и телепатией. ПетриА положила кончики пальцев на руку Андрея. Как было принято в некоторых передовых семьях планеты, ПетриА в возрасте пятнадцати лет была вместе с тридцатью другими детьми из высокопоставленных кланов отправлена на рейсовом корабле в Галактический Центр, в школу для инопланетян, где проявила себя обыкновенной, не очень талантливой, но в меру умной ученицей. Она вернулась домой через три года, овладев несколькими языками, проглядев миллион фильмов, научившись худо-бедно вести конторское хозяйство — от диктофона до кабинетного компьютера — и оставив в Галактическом Центре безутешного поклонника.

В тот момент, когда Андрей Брюс наконец сообразил, что эта смуглая бесплотная девушка его любит, перед ним встала проблема: имеет ли он моральное право на взаимность? Не следует

думать, что взаимиости ие было. И случись это пять лет иазад, ие лишеиный самомиеиия бравый капитаи Брюс ие стал бы скрывать своих чувств. Иное дело — когда ты жалкая теиь самого себя. Обломок, из милости оставленный в Космофлоте, ио не в летном составе, а получивший отдалеииую синекуру — спокойный пост иа полудикой плаиете. Впрочем, ои сам этого хотел. Чем меиьше ои будет видеть старых зиакомых, чем меиьше ему будут иапомииать о часах крушения жизии, чем меиьше будут сочувствовать или сиисходительно посмеиваться за спииой, тем легче дотянуть до коица. Можио было, конечно, вернуться иа Землю — маленькую планету в сторoие от космических путей, родииу его деда (сам Аидрей, как и многие галактические земляие, родился иа Земле-3, в цеитре Галактики, откуда Земля не видиа даже в сильиейший из радиотелескопов). Вериуться, как возвращаются в старости миогие земляие, вдруг ощутившие свою связь с родиной предков, как зверь, идущий умирать в родиой лес. Но ои был еще молод — сорок лет не возраст для отдыха. Склонности к литературиому труду или писанию картии ои ие испытывал. И был все равио смертельно и до коица дней отравлеи космосом. Место иа этой плаиете было связаио с иесбыточиой иадеждой — может, когда-нибудь ои виовь поднимется к звездам, пускай юигой, третьим штурмаиом — кем угодио...

А пока ои ие выходит иа улицу после захода солнца. Чтобы ие видеть звезд.

Если твоя жизиь фактически завершена и иадежды — совсем без иадежд ие бывает даже висельииков — столь туманны, зыбки и иеверны, что иельзя в них верить, ты ие имеешь права приковывать к своей сломаииой колесиице других людей.

Образ сломаиной колесиицы был литературен, навязчив и баиалеи.

ПетриА сама ему все сказала. Разумио и рассудительио, как и положеио девушке из хорошего городского клаиа.

Оии провожали группу экспертов-строителей, которые проектировали плотину в горах, откуда в дождливый сезон иа столицу обрушивались грязевые потоки. Эксперты с Фрациолы были длиниыми, худыми, темиолицыми, молчаливыми людьми. К тому же одииаково одеты — в сииие тоги, в чериые шляпы с клювом вытяиутого вперед поля. Различить их было иельзя, говорить о чем-либо, кроме бетоиа, почти иевозможио. Развлекать, когда оии ие выражают эмоций, очень трудио. К тому же из-за неполадок в посадочном устройстве корабль задержался с отлетом и весь вечер пришлось провести иа космодроме, вежливо беседуя о бетоие.

Устали в тот вечер оии ужасио. И ПетриА, и Андрей. ВосеньЮ, разумеется, ушел сразу после обеда, сославшись иа хроиический насморк.

По дороге с космодрома заехали в контору, чтобы оставнть документы. Потом Аидрей собирался подкинуть девушку до дому.

Шел теплый мелкий дождь. Андрей подогнал фургончик к самой дверн. Контора была пристроена снизу к дому-тыкве — он казался грибом-дождевнком на стеклянной ноге. Стена дома иависала сверху, так что у дверей было сухо. Витрина светнлась еле-еле — ее выключали на ночь: очеиь дорого стоит электричество.

Андрей выскочил из фургончика, протяиул руку ПетриА. На деревьях, устраиваясь иа ночь, громко кричали птнцы. ПетриА не выпустила руки Андрея. Она стояла рядом, крепко сжимая его ладоиь.

— Ты устала? — спросил Андрей.

— Я тебя люблю,— сказала ПетриА.— Я весь день хотела тебе это сказать.

— Не говори так,— сказал Андрей. Он хотел сказать «не говори глупостей», но сдержался, потому что обидел бы ее.

— Я ничего не могу поделать. Я старалась ие любить тебя.

Они вошли в контору. ПетриА зажгла свет. Андрей прошел за стойку и открыл дверь к себе в кабинет. Он запер сейф, вышел и остаиовнлся на пороге кабинета. ПетриА сидела иа иизком диванчнке, поджав ноги в синих башмаках с длинными загнутыми — по моде — иоскамн. Она крутнла вокруг указательного пальца голубую прядь волос. Лишь это выдавало ее волнение. По обычаю, эмоции здесь отданы на откуп мужчинам. Женщине неприлично выдавать себя. А ПетриА была девушкой из очень знатной семьн.

— Я останусь у тебя этой ночью.

— А дома? — Андрей поиял, что подчиияется девушке. Словно она зиает гораздо больше его и ее уверенность, что все должно случиться нменио так, дает ей право решать.

— Дома знают, что я осталась на космодроме. Тебе иеприятно думать, что я все предусмотрела зараиее? Но я ведь чувствовала твое волнеиие. Много дней.

Лестница за кабннетом Андрея вела наверх, в комнаты Андрея. В этой тыкве больше ннкто не жил. Андрей занимал лишь один этаж. Самый верхний этаж был пуст, там гнезднлись сварливые птицы и по утрам громко топотали над головой, шумно выясняя отношения. Птицы и разбудили нх, когда начало светать.

— Ты сердишься? — спросила ПетриА.— Твои мыслн тревожны.

Луч восходящего солнца вонзился горнзонтальио в комнату, высветнл на дальией округлой стене треугольник окиа, задел стол н заиграл золотыми блестками голубого парика ПетрнА.

Под париком волосы ее оказались короткими и шелковыми.

Почти черными. Проследив за взглядом Андрея, она вскочила с постели и, подбежав к столу, схватила парик и надела его.

— Еще ии один мужчина не видел меня без парика,— сказала оиа.

— Без парика ты лучше.

— Когда я буду приходить к тебе, я всегда буду снимать парик. Но жеиа так делает только наедине с мужем.

— Ты будешь моей женой.

ПетриА сидела на краю постели, закутавшись в халат Андрея, голубой парик казался светящимся нимбом.

— Никогда клан не позволит этого. Они убьют и меня и тебя.

Аидрей не сказал, что это чепуха. За время, проведенное здесь, он привык принимать незыблемость здешних табу.

— Я увезу тебя.

— Может быть. Но я думаю, что добрый Ольсен не разрешит. Ои ведь боится испортить мир. А наш клан оскорбить нельзя. Он третий клан столицы.

— Я знаю. И все же я тебя увезу.

— Наверное, если я тебе не надоем.

ПетриА вдруг улыбнулась, на мгновение коснулась его щеки ресиицами и убежала мыться. Она была так легка и бесплотна, что ее всегда хотелось опекать.

Месяца через два Андрей снова завел разговор с ней. Может, он пойдет к ее отцу?

— Если он догадается, тебе никогда меня не увезти,— сказала ПетриА твердо.— Меня спрячут в нашу крепость, в горах. Там тебе меня не отыскать, даже если на подмогу тебе прилетят все корабли Галактики. Все твои друзья.

— У меня не осталось друзей,— сказал Андрей.

— А тот капитан, который прилетал сюда на «Осаке»? Он был у тебя. Вы долго говорили. Я спросила его, хороший ли ты человек. Он сказал, что ты очень хороший человек. Он твой друг?

— Нет, просто мы с ним когда-то летали. Сослуживцы. Космофлот велик.

— Я знаю. У нас есть все справочники.

— Мие не легко, милая.

— Я хочу быть твоей женой. И хочу, чтобы у нас были дети. Только я умею ждать.

Этот разговор был совсем недавно. И после него Андрей решил просить о переводе на другую планету или в Центр. Он понимал, что его заявление кого-то удивит. Но если будет место, его удовлетворят. Однако послать это заявление означало еще раз признать свое поражение, еще раз не выполнить своего долга. А Андрея Брюса растили и воспитывали как человека долга.

* * *

Оставив ПетриА в единственном небольшом зале космопорта и отправив ВосемьЮ на склад узнать, освободили ли место для грузов, Андрей Брюс поднялся на вышку, к диспетчерам.

В стеклянном колпаке диспетчерской было жарко. В открытое окно проникала рыжая пыль.

Оба диспетчера поднялись, здороваясь. Андрей поклонился им. Они были знакомы. Старший диспетчер год назад вернулся с Кроны, где стажировался. Младший, загорелый, в глиняной каске Восточных Гор, похожей на шляпку мухомора, взял со стола листок бумаги.

— Корабль второго класса, серии Гр-1, «Шквар», находится на планетарной орбите. Связь устойчивая. Посадка в пределах сорока минут.

«Шквал»,— мысленно поправил диспетчера Андрей. В здешнем языке нет буквы «л» и шипящие звучат твердо. Вслух поправлять было нетактично. Тем более горца.

— Кто капитан? — спросил он.

— Якубаускас,— сказал старший диспетчер, включая экран.— Он ждет связи.

Длинные пальцы диспетчера пронеслись над пультом, на овальном экране возникло рубленое лицо Витаса.

— Андрей,— сказал Витас,— я рад тебя видеть.

— Здравствуй,— сказал Андрей.— Как полет?

— Лучшая игрушка за последнее столетие. Мне сказали, что ты здесь, и я ждал встречи.

— Через час увидимся.

Андрей Брюс спустился вниз. В зале ПетриА не было. Зал показался пустым, хотя в нем сновали люди — прилет корабля всегда событие, привлекающее любопытных.

Некоторые узнавали агента Космофлота. Он раскланивался с ними.

Хорошо, что прилетел именно Якубаускас. Он все знает, он не будет задавать вопросов и бередить раны.

— Скажите мне,— обратился к Андрею репортер одной из двух возникших по примеру цивилизованного мира газет,— вам приходилось летать на гравитолете?

— Нет,— ответил Андрей, не останавливаясь. Он шел к выходу на поле.— Гравитолеты появились только в последние годы.

— Это первый гравитолет в нашем секторе?

— Это первый гравитолет, который опустится на Пэ-У,— сказал Андрей.

В тени здания гудела толпа. Такого Андрей здесь еще не видел. Те, кому не хватило места в тени, расположились на солнце, маялись от жары, но не уходили. Впрочем, их можно

было поиять. Еще никогда иа Пэ-У ие опускался космический корабль. Здесь видели лишь посадочные катера и капсулы, виушительиые сами по себе, ио значительно уступающие кораблям. Сами лайиеры оставались на орбите. Они ие приспособлеиы входить в атмосферу. Гравитолеты же могут опускаться где угодио.

Когда Аидрей еще летал сам, ои мечтал о гравитолетах. Тогда проводились испытаиия, и вскоре был заложеи первый в серии корабль. Это было чуть больше десяти лет иазад. Тогда они летали вместе с Якубаускасом. Ои был вторым помощником иа «Титане». А Брюс — старшим помощиком.

Рыжая пыль ленивыми волиами ползла иад полем. Зрители терпеливо ждали. Тускло поблескивали пыльиые шлемы, покачивались модные шляпы-зоиты. Произительио верещали продавцы шипучки, кудахтали торговцы фруктами, глаза ел дым жаровеи. Господии Пруг, иаследиик витора Брендийского, самый экзотичный тип в городе, стоял иа высокой подставке, похожей иа шахматную ладью. Когда-то лицо его было обыкновениым. Потом широко расплылось, и глаза, иос, рот затерялись на поле щек. Его молодцы в голубых с сииим горохом накидках оттесняли зевак, чтобы они случайио ие задели столь важиую персоиу.

Наследник увидел Андрея, когда тот был в дверях, и зазвеиел браслетами, высоко воздев толстые лапищи.

— ДрейЮ, сегодия у меня ужии! Ты приглашен вместе с капитаиом!

Наследиик престола хотел, чтобы весь город об этом узиал.

Аидрей изобразил иа лице светлую радость. «Чертов боров! — подумал он.— Сегодня наш с ПетриА вечер. А ты его отимаешь. Но придется идти, чтобы Ольсеи ие расстраивался. Мы дипломаты. Мы терпим. Где же ПетриА?»

Коисула Ольсена Андрей отыскал за углом здаиия, куда загляиул в поисках ПетриА. Он оживлеиио беседовал с чином в черной накидке. Лицо чи
иа было зиакомо, ио должиости Брюс разобрать ие смог — ои так и ие иаучился разбираться в зиачеиии кружков, вышитых на груди. Как-то ПетриА потратила целый вечер, терпеливо и вежливо обучая Аидрея тому, что зиает каждый мальчишка. Но тщетно.

Вдали, у грузовых ворот, стояла пустая платформа. На нее лезли стражиики в высоких медиых шлемах, рядом суетились грузчики в желтых робах их гильдии. Там же стояла и ПетриА. Каким-то образом оиа почувствовала взгляд Аидрея и подияла тонкую обнажениую руку. «Счастливая,— подумал Аидрей,— ей никогда ие бывает жарко. И кожа у нее всегда прохладиая».

— Все в порядке? — деловито спросил коисул.— Ты говорил с кораблем?

— Там капитаиом Якубаускас,— сказал Брюс.— Мы с иим когда-то леталн вместе.

— Навериое, прндет приказ о моей смене,— сказал Ольсен, щурясь. Глаза его были воспалены, у иего была аллергня на пыль.— Мы с Еленой Казнмировиой очеиь иадеемся.

— Будет жалко, если вы улетнте,— сказал Аидрей.— Я к вам привык.

— Я тоже, я тоже, но ведь двеиадцать лет! У меня трн тоииы заметок! Я должеи пнсать. А я заиимаюсь разговорами. Вместо меия прилетит настоящнй энергичиый молодой специалист. Вам с ним будет интересио.

— Во-первых, мне и с вами нитересио,— сказал Аидрей.— И сомневаюсь, что в Галактике можио отыскать специалиста лучше вас. Во-вторых, я сам собираюсь улетать.

— Ни в коем случае! Вы так мало здесь пробылн!

— Если вы все улетите, это будет зиачительная потеря для Пэ-У,— вежлнво произнес чни в черной накидке.

— Что слышно об археологе? — спросил Аидрей, глядя краем глаза, как платформа медленно поползла к месту посадки.

— ВараЮ лучше меия скажет,— ответил консул.

И тут же Аидрей вспомиил, кто этот чии: иачальник городской стражи, чей орлнный профиль ои только вчера вндел в газете.

— Если это простое ограбленне,— сказал ВараЮ скучным голосом, чуть покачнвая большой узкой головой, как птица, примеряющаяся клюнуть,— то мы его скоро иайдем.— ВараЮ провел ладоиью у лица, отпугивая злых духов, и добавил: — Его труп, вернее всего, всплывет в озере.

Большое мелкое озеро иачииалось иа западиых окраниах города. Кварталы рыбаков сползали в иего с берега, и свайиые дома уходилн далеко в воду. Между кварталами были причалы. Озеро было грязиым, заросло тростником и лишь в километре от берега стаиовнлось глубокнм, н там в сильный ветер гулялн волны.

— Но откуда взяться грабнтелям в центре города, днем? Разве это обычио?

— Это иеобычно,— согласился ВараЮ.— Но так проще для следствия.— Ои помолчал немиого, поглядел на небо, потом сказал: — Я послал агента в клан Западиых Ве. И иа озеро, к причалам.

— Почему в клан? — спросил Андрей.

— Не исключено, что ои шел мстнть этому клану.

— Вы в это верите?

— Я не верю, я проверяю,— сказал ВараЮ.— Для меня это иеприятиое дело. Я не хочу, чтобы люди из Галактнкн прнлетали сюда вмешнваться в иашн дела.

— Он здесь четыре дня, никогда не был здесь раньше. Все время он проводил в Школе Знаний.— Ольсен повторял аргументы Андрея. Ему было жарко. Он вынул платок и вытер лицо. Платок стал рыжим. Ольсен осторожно сложил платок, чтобы рыжие пятна оказались внутри, и спрятал в карман.

— Но он с Ар-А,— сказал стражник.

— При чем это? — спросил Андрей.

— Они нашли сокровища гигантов. А это опасно.

* * *

Третью планету (Пэ-У — вторая) археологи назвали Атлантидой.

Человеческая фантазия ограничена и питается неширокимспектром легенд и общих мест. Сведения о планете исходили в основном из легенд, собранных Ольсеном, который и был инициатором раскопок. Планета была пуста и потому загадочна. И если на Земле в свое время существовали атланты, погибшие при невыясненных обстоятельствах, то на Ар-А жили гиганты, погибшие в таинственной войне.

Ар-А обращается сравнительно недалеко от Пэ-У, она восходит на небе не звездой, а голубым кружком, и, если у тебя острое зрение, можно угадать сквозь прорывы в облаках очертания континентов. Разумеется, в поисках ответов на вопросы бытия предки жителей Пэ-У обращали взоры к небу и к постоянному украшению его — планете-сестре, а их воображение населяло ее сказочными существами, гигантами и волшебниками.

Все на Пэ-У верили, что обитатели Ар-А с незапамятных времен прилетали на Пэ-У в железных кораблях. Именно они, светлоликие, научили людей строить дома и считать дни, они дали людям одежду и законы. Непокорных они поражали молниями.

Затем гиганты перессорились между собой, чему виной интриги богини солнца ОрО, не терпевшей конкуренции со стороны смертных. А так как гиганты были разделены на кланы, то началась страшная война, в которой гиганты перебили друг друга, к удовлетворению злобной богини.

В различных легендах, тщательно собранных неутомимым Ольсеном, описывались корабли гигантов, их облик. Даже язык гигантов был воспроизведен в древних заклинаниях.

Может, Ольсен ограничился бы записями и создал в конце концов свод легенд, но однажды он узнал, что в долине, за капищем Одноглазой Девицы, есть священное место, именуемое Небесный Камень. И в Школе Знаний Ольсену рассказали, что этот камень — вовсе не камень, а найденный лет

двадцать назад охотниками глубоко ушедший в землю корабль гнгантов.

Три месяца Ольсен осаждал Школу Зиаиий с просьбой послать с ним человека к долиие, еще два месяца пережидал клановую войну, которая кипела в тех местах, затем сломнл сопротивлеиие Елеиы Казнмировны и добрался до долины.

Когда же он увидел там разбитый планетарный корабль, то поверил в реальность цивилизацин иа Ар-А и добился посылки туда археологической экспедицни.

Археологн прилетели иа Ар-А полгода иазад. Некоторое время оии ие могли обиаружить иичего, так как умерениые широты н тропики плаиеты были покрыты густымн лесами.

Затем оии отыскали руиины города. Пошлн иаходки — одиа важиее другой.

По просьбе Ольсена на Пэ-У прилетел археолог Фотий ваи Куи, чтобы доложить о иаходках в Школе Знаиий. Три дия он беседовал с коллегами. Но последииий, большой, подробиый доклад — сеисация в масштабе плаиеты — не состоялся. Археолог исчез.

* * *

— Разумеется,— сказал ВараЮ,— не нсключено, что мы имеем дело с фаиатиками.

— Какого рода? — спросил Ольсен, умело обмахиваясь круглым опахалом из черепашьего паицнря.

— Когда иельзя объясиить, я ищу иеобъясиимые версии,— сказал стражник.— Может, среди жрецов... Может, его кто-то счел осквернителем Ар-А. И это предупреждеиие. Но вериее всего, вииоваты грабители.

— Неужелн иикаких следов? — спросил Аидрей.

— Рнкша утверждает, что видел его бегущим по улице в одежде для смертиой мести...

— В чериом фраке? — вежливо спросил Ольсеи.— Одежда для публичиых выступлеиий средн почтеииых учеиых.

— Почтенный учеиый ие выступает без лнловой накидки,— сказал ВараЮ.

— А еслн спешил, ие успел иадеть? Или просто забыл, ие придал зиачеиия?

— Не прндал зиачеиия иакидке? — ВараЮ был удивлен. Даже для самого трезвого, объективиого человека здесь отсутствне накидки кажется иемыслимым. Фрак без иакидки? Этого быть не может! Представьте себе, он приехал бы сюда и ему сказалн бы, что его соотечествениик выбежал иа улицу, забыв надеть штаиы!

— Мы будем его искать,— сказал ВараЮ. Голос прозвучал неуверенно.— А он сам не мог быть маньяком?

— Почему? — Ольсен старался скрыть изумление.

— Продавец в ритуальной лавке утверждает, что ваш археолог изъявил желание купить фигурки всех кланов. Продавец решил, что он маньяк, желающий объявить месть всем кланам гор.

— Значит,— сказал Андрей,— ван Кун решил, что это не фигурки для мести. Что это сувениры.

— Немыслимо,— сказал ВараЮ.

Но, видно, эта версия, при всей своей немыслимости, его чем-то обрадовала.

— И есть такой обычай? — спросил он.— Покупать просто так?

— Есть,— уверенно сказал Ольсен.— На память. На память о вашей чудесной планете.

* * *

В небе, пробив яркой звездочкой пыльную мглу, возник «Шквал». Андрей догадался об этом, услышав, как изменился гул толпы.

Все смотрели вверх. У некоторых в руках появились подзорные трубки. Могучие лапы наследника Брендийского поднесли к глазам перламутровый театральный бинокль. Как он мог попасть на планету, в каком антикварном магазине он мог заваляться — необъяснимо.

Звездочка превратилась в сверкающий диск. Падая, он постепенно рос и замедлял движение.

Конечно, Андрей мог бы подняться в диспетчерскую. Но диспетчеры сейчас заняты, и им не стоит мешать. И капитан Якубаускас тоже занят. Посадка — дело престижное. Визитная карточка капитана. Тем более если на планету опускается первый гравитолет. Дело агента КФ — подписывать протоколы и накладные, встречать, провожать, развлекать и улыбаться. К полетам он имеет лишь косвенное отношение.

Диск «Шквала» мягко опустился на поле, но в этой мягкости была такая мощь, что земля вздрогнула. Платформа со стражниками и механиками покатила к кораблю. Андрей следил за голубым париком ПетриА. Из-за угла здания выскочила вторая платформа, маленькая, оранжевая. Посреди нее в оранжевой же тоге и желтой короне стоял карантинный врач. Должность здесь новая, почетная, и на нее устроили шалопая из семьи министра иностранных дел.

Андрей с Ольсеном прошли вперед, к легкому ограждению, вдоль которого стояли раскаленные под солнцем гвардейцы. До

корабля было меньше кнлометра. Но настоящие размеры «Шквала» сталн понятны, только когда первая платформа приблизилась к его боку и оказалась ннчтожно маленькой рядом со «Шквалом».

Навстречу муравьишкам, соскочившнм с платформы, торжественно развернулся серебряный пандус, люк, возникший над ним, показался Андрею похожим на храмовые врата. Какого черта! Он мог бы командовать этой махиной, громадной, тяжелой и невесомой.

Толпа зрителей постепенно преодолела робость перед масштабом зрелища. Голоса зазвучали вновь.

Дальнейшее не представляло большого ннтереса. Рейс был экспериментальным. Ни знаменитой вндеозвезды, ни важного гостя на борту не было.

Правда, никто не расходился. За столь долгое ожидание следовало себя вознаградить. Обсуднть, оглядеть, главное — показать себя. К тому же даже рутина встречи, обычной н отработанной для каждой планеты и в то же время схожей, где бы ни приземлялись кораблн Космофлота, была частью зрелища. И в этом зрелище Андрею Брюсу отводилась не последняя роль.

Оправив песочного цвета мундир — белый в этой пыли был бессмысленным,— Андрей оглянулся. ВараЮ остался стоять у стены, Ольсен шагнул к нему. Андрей увидел брата ПетриА. Этот бездельник трудился в газете. Вернее, трудился, когда к тому возникало настроение. Сейчас настроение возникло, потому что его видели двести зевак. Кам ПетрнУ нзящно откинул голову, прищурился, набрасывая на белой доске, прикрепленной к груди, очертания гравитолета. Он числнлся иллюстратором.

Андрей шагнул вперед. Завтра в обеих газетах будут помещены отчеты о событии: «Корабль, как всегда, встречал агент Космофлота ДрейЮ, известный нашим читателям по странной привычке бегать по утрам вокруг своего дома. Он был одет в сшитый у мастера Крире-2 изящный форменный костюм песочного цвета с золотыми пуговицами...»

Низкая платформа, которой управлял напыщенный как индюк ВосеньЮ, ловко подкатнла к Андрею. Тот пропустил вперед Ольсена. Платформа торжественно выехала на раскаленное поле и поплыла к кораблю. Андрею было видно, как пилоты вышли из люка и остановились наверху пандуса. Андрею показалось, что сквозь густой от жары н пылн воздух до него доносятся слова кого-то из них:

— Ну и жарища...

* * *

Обратно с космодрома возвращались в новой машине консула.

Машина была удобной, чистой, на воздушной подушке, герметизация великолепная — на сиденьях совсем не было пыли.

Ольсен разложил на коленях мешок с почтой и просматривал ее. Андрей решил, что он ищет ответ на свое прошение об отставке.

Витас Якубаускас почти не изменился. У него всегда были светлые, почти белые волосы, и если он немного поседел, этого не заметишь.

Говорили о «Шквале». О его ходовых качествах. О перелете. До воспоминаний дело не дошло, да и не могло пока дойти. Витас был деликатен.

С появлением кораблей класса «Шквал» в жизни гражданской авиации наступал новый этап. Гравитационные роторы куда проще плазменных двигателей. Они не требуют защиты, совершенно безопасны. Если плазменный лайнер обречен родиться, жить и умереть в открытом космосе, то гравитолеты могут опускаться на любом поле. В худшем случае корабль примнет траву.

Предел скорости «Шквала» устанавливался не мощностью двигателя, а конструктивными возможностями самого корабля. Витас сказал, что сейчас строят кремниевую модель. И если человечеству будет суждено добиться мгновенного перемещения, то достичь этого можно лишь на гравитолете.

Наконец Ольсен сложил в мешок письма и кассеты, разочарованно и шумно вздохнул и спросил:

— Вы у нас первый раз, Витас?

— Да.

— Завтра поедем к водопадам,— сказал консул. Он всегда возил гостей к водопадам.

— У нас всего два дня стоянки,— сказал Витас.— Боюсь, что я завтра буду занят.

Он показал на дыни домов, что пролетали за окнами.

— А из чего их строят?

— Раньше они были глинобитными на деревянном каркасе или каменными. Теперь — бетон,— ответил Ольсен.— Я так и знал, что письма не будет. Но со следующим кораблем прилетает комиссия. Я их не отпущу, пока они не подпишут мою отставку.

— Здесь трудно? — спросил Витас.

Витас умел задавать вопросы таким тоном, будто крайне заинтересован в ответе. Его серые глаза преисполнялись интересом к любому слову собеседника. Андрей раньше подоз-

ревал Витаса в лицемерии. Но когда прнвык, поиял, что Витасу и в самом деле очеиь интересны чужие дела. Ои, как и Брюс, был одииок, замкнут и сдержаи, но, в отличие от Аидрея, иикогда ие позволял себе взорваться, иатворить глупостей и даже повысить голос. Лишь в редчайших случаях его пальцы, лежащие сплетеииымн на колеиях, сжимались до хруста.

Ольсеи, троиутый интересом Витаса, пустился в длииный рассказ о сложиостях коисульской жизни иа Пэ-У. Андрей рассеяиио слушал, глядя в окио. Страиио, зачем было археологу покупать эти фигурки мести? Может, ои раньше бывал здесь? Надо спросить у Ольсена. Вдруг он ие догадался заглянуть в списки приезжих за прошлые годы? ПетриА сказала, что вечером оиа свободиа. Но тут, как назло, этот обед у иаследиика Брендийского. И отказаться иельзя. И он не успел сказать ей об этом. Коиечно, оиа будет ждать. Она иикогда ие упрекает. И ждет. А что делать с Внтасом? Бесчеловечио отправлять его в гостииицу.

А Ольсеи с забавиым убеждением, что его собеседник обязаи разбираться в тоикостях здешиих интрнг, в которых не всегда разбирался н сам ВараЮ, хотя любил их создавать, пытался доказать Якубаускасу, что в будущем году к власти в Китеие обязательио придет Крунь КропУ и потому брат премьера потеряет портфель Миинстра Развлечениñ и будет выиужден пойти на союз с Его Могуществом.

Якубаускас слушал, словио всю жизнь мечтал узнать о козиях Круиь КропУ.

Машииа проезжала мнмо базара, было людио, прохожие замнрали, глядя иа иепривычиую форму повозки. Группа рыбаков с Озериых Протоков, видио впервые попавших в город, гримасничала, глядя иа машиину, изображая ритуальиые маски презреиия. Презреиие происходило от страха. И хоть в столице мало кто верил, что пришельцы — чудовища, но чем дальше от нее, тем пышнее расцветали слухи о людях со звезд.

В мнре, где еще иет средств быстрой связи, обыдеииость пришельцев воспринимается с иедоверием. В конце концов, думал Аидрей, слушая, как Ольсеи повествует о том, как иаложиица КропУ умудрилась отравить на зваиом обеде своих пасыиков, когда-то на Земле также полагали, что Неведомое иаселено чудовищами, которых воображеиие складывало нз кусочков существовавших иа Земле зверей. То увелнчивало до страшиых размеров паука, то приделывало змеииую морду к туловищу медведя. Когда моистрам не осталось места иа Земле, так как ее обследовали иастолько, что пришлось отказаться даже от морского змея и сиежиого человека, то воображение нашло себе иовую пищу — иные миры. И как трудно было отказаться от чудес, даже когда первые экспедиции достигли звезд! Места обитаиия чудищ лишь отодвигались

от Земли все дальше, ио не исчезали совсем. Всегда находилнсь новые легенды — и не только земные: галактнческое человечество так же склоиио к чудесам, как их земиые братья. Как раз тот факт, что Галактика оказалась заселенной одним и тем же видом — хомо сапиеис,— н обусловнл схожесть образа мышлеиия. Во миогом расы Галактики различались между собой, ио в одиом сходились — в буйиой фантазии.

И точио так же, как необычный след облака будил в воображеиии жителя Швейцарии илн Казахстаиа образ летающего блюдца, так н в воображении горца с Озерных Протоков зеркальиая, загадочной формы машиия галактического коисула иаселялась тут же коварнымн чудовнщами.

Андрей поглядел иа своих спутников. Ольсен в зеленом костюме, с кружком Озериой Школы на груди и вытяиувший длииные иоги капитаи Якубаускас в повседневиом муидире граждаиской авиации — очень обыкновеииые люди, очень обыкиовеиио рассуждали о совершеиио иеобыкиовеииых вещах. А за тоикой стеикой машииы мир продолжал упрямо жить по свонм иеведомым закоиам. А мы н есть, думал Андрей, та тоикая ииточка, что связывает Галактику с этой плаиетой, с этими горцами и торговцамн, детн н виуки которых полетят к далеким звездам и будут строить гравитациоииые стаицин. И этот переход случится куда быстрее, чем иа Земле,— нам ведь пришлось самим расти до космнческой эры. И неизвестио порой, что лучше. Ведь хотим мы того нлн иет, ио само существование ииточки между планетой и Цеитром иеотвратнмо н даже жестоко разрушает ткаиь этой жизни, какими бы мы ни были порядочиыми, разумиымн н гуманнымн. Конфликт существует виутри людей. И еслн ВараЮ смог преодолеть его в себе, осознать неизбежиость перемеи н даже прнветствовать их, то тот же ВосеиьЮ, хоть и побывал в Цеитре, даже иаучился летать иа плаиетариых машинах, а психика его определяется ие столько зиаииями и поиимаинем могущества будущего, сколько травмой, вызванной тем, что клан его мал, слаб и подвластен Брендийскому клану,— это унижение важиее, чем все корабли, прилетающне с неба. ВосеньЮ придет домой, снимет попугайиый мундир, совершнт вечернее омовение, и, если его очередь, омоет ногн дряхлой старухе — главе клаиа, н провалнтся до следующего утра в паутину закоиов и правил, которыми определяется его малеиькое существование, правда чуть более высокое, чем ему прниадлежит от рождения, так как ои работает у пришельцев.

— Вы где будете ночевать? — услышал Андрей голос Ольсена.— В иашем доме для прнезжнх?

— Витас останется у меия,— сказал Андрей.— Тем более что иам с ним сегодия идти иа прием.

— Куда? — удивнлся Внтас.

— На ужин к наследнику Брендийскому.

— Кстати, он не является сыном Брендийской Вдовы,— сказал Ольсен.— Любопытно отметить метод усыновления...

— Нильс,— сказал Андрей.— У нас всего три часа до ужина. А Витас устал. Если завтра вы повезете экипаж к водопадам, то Витасу будет куда интереснее тебя слушать после того, как он встретится с наследником.

— Правильно, мальчики,— сдался Ольсен.— Отдыхайте. А я помогу ПетриА разместить экипаж.

— Если она задержится,— сказал Андрей,— предупредите ее, пожалуйста, что я сегодня на ужине.

— Разумеется,— сказал Ольсен, открывая дверь машины.— Чудесная девушка. И очень интеллигентная.

Андрей и Витас вышли из машины. Ольсен сказал вслед:

— Тебе пора подумать о семье, Андрюша. Одному жить вредно. Елена Казимировна того же мнения.

— Спасибо,— сказал Андрей.

* * *

Умывшись и переодевшись, Витас улегся на диван, покрытый желтой шкурой гремы, надел видеоочки и принялся смотреть любительские фильмы, которые Андрей делал во время поездок по стране.

Андрей позвонил вниз, в агентство. Никого не было. Он позвонил на космодром. Там сказали, что ПетриА увезла в консульство экипаж корабля, а ВосеньЮ заканчивает разгрузку.

Витас снял очки, закрыл глаза.

— Знаешь, что приятно? — сказал он.

— Что?

— Что окно открыто, а в него ветер залетает.

— Тут жарко,— сказал Андрей.— Вот на водопадах воздух настоящий, хрустальный. Может, я сам с вами съезжу. Уговорю ПетриА и съезжу.

— Кто она? — спросил Витас.

— Моя помощница.

— Ольсен хочет тебя на ней женить?

— Ему бы работать свахой,— сказал Андрей с некоторым раздражением.— Он отлично знает, что я не могу на ней жениться.

Витас не стал спрашивать почему. Он никогда не задавал лишних вопросов. А Андрею не хотелось объяснять. Витас может подумать, что Андрей благополучно прижился на этой планете и доволен тихой, болотной жизнью. А впрочем, если ему хочется так думать, пускай думает.

— На Землю не собираешься? — спросил Витас, поняв, что Андрей не хочет говорить о ПетриА.

— Пока нет. Ты голоден?

— Жарко,— сказал Витас.— Потом.

Андрей приготовил фруктовую смесь со льдом. Витасу смесь понравилась.

— А что там нашли на Ар-А? — спросил он.

— До Центра уже донеслось?

— Галактика невелика,— сказал Витас.— И событий не так много. А мы, пилоты, разносчики новостей.

— И сплетен,— сказал Андрей.

— Правда, что там жила раса гигантов?

— Хочется сенсации?

— Хочется.

— Планета мертва. Галактический патруль отнес ее к ненаселенным.

— Пустыня?

— Нет, там все есть, но нестабильная атмосфера, сильные климатические возмущения. Небогатая флора и фауна.

— Резерв колонизации?

— Резерв колонизации с перспективами заселения в пределах системы.

— А сейчас?

— Сейчас они откопали много интересного. И если бы не пропал Фотий ван Кун, у нас были бы шансы вчера вечером услышать это интересное из уст очевидца.

— Очевидца?

— Сюда прилетел один из археологов. Вчера вечером он должен был читать доклад о раскопках в Школе Знаний. Сенсация номер один. Вся знать обулась в сапоги и нацепила перья. Представь себе, что на Землю двадцатого века прилетает археолог с Марса с сообщением, что там открыты следы атлантов.

— И почему лекция не состоялась?

— Потому что археолог Фотий ван Кун вышел на тропу мести.

— Андрюша, понятнее!

— Я сам ни черта не понимаю. Никто не понимает. В любом случае археолог пропал без следа. В центре города, в двух шагах от Школы Знаний. И местные шерлокхолмсы убеждены, что он вместо Школы Знаний отправился воевать с каким-то местным кланом.

— А в самом деле?

— Его могли похитить для выкупа, могли убить, чтобы поживиться содержимым его карманов. Может быть, это какая-то акция изоляционистов. О них много говорят, но никто толком ничего не знает.

— Ты говоришь, что могли ограбить. Или убить. Куда же делось тело?

— Не знаю. Надеюсь, что он жив. И завтра в консульство придет невинный молодой человек и оставит послание на палочке.

— Какое послание?

— По ритуалу, если совершено похищение, то похитители подкидывают родственникам красную палочку с зарубками — цифрами выкупа. Ты не представляешь, как здесь хорошо развита система безобразий.

— Ты раздражен?

— Мне хочется отсюда уехать. Здесь ничего нельзя! Даже жениться на любимой девушке я не могу.

— Может, тебе вернуться в Центр?

— Где каждый второй будет смотреть на меня и думать: «Ага, это тот самый Брюс!»

* * *

В шесть, как раз стемнело, Андрей с Витасом поехали на ужин к Пругу Второму, наследнику Брендийскому. Это был официальный прием, и не посетить его означало нарушить сложную систему этикета. Витас не скрывал, что ему интересно побывать на ужине, Андрей был раздосадован, что ПетриА все еще не вернулась с космопорта.

Пруг прибыл в город в прошлом году и поселился в пустовавшей дыне — клановом доме.

Все подъезды к дому были заняты экипажами знати, и пришлось поставить космофлотовский фургончик за углом, в переулке.

Дом Пруга был окружен зеленой изгородью по грудь вышиной, в ней, напротив входа, был широкий проем, по сторонам которого стояли каменные колонны с гербами владения Брендийского на вершинах: человек, пронзенный копьем. Существовала старинная легенда о том, как много лет назад брендийский герой, проткнутый копьем насквозь, умудрился перебить сотню врагов и отстоять клановую твердыню.

От колонн к лестнице тянулись в два ряда пятиножники с факелами. В смолу факелов был добавлен сок горных растений, и оттого они пылали зловещим фиолетовым пламенем. Горцы в коротких кольчугах и высоких шлемах, с копьями и автоматами в руках охраняли вход. У наследника Брендийского было немало врагов.

Они шли вдоль изгороди. Было почти темно. До освещенных колонн оставалось шагов пятьдесят, когда Андрей почуял что-то неладное. Жизнь в столице, где улицы ночью небезопас-

ны, где с темнотой воцаряются законы мести, а наемные убийцы организованы в гильдию, не менее легальную и почтенную, чем гильдии ювелиров и астрологов, научила его осторожности. Конечно, как агент Космофлота, Андрей не имел клана и не подчинялся законам мести, но в темноте возможны недоразумения.

То ли черная тень шевельнулась за изгородью, то ли в воздухе вдруг воцарилась неестественная тишина, центром которой были Витас и Андрей, но Андрею вдруг стало холодно.

Неожиданно для самого себя он сделал быстрый шаг вперед, поставил ступню на пути Витаса, толкнул его и упал с ним рядом на булыжную мостовую.

Хотя Витас был моложе и тренированней, он от неожиданности не успел среагировать на нападение.

— Что за черт! — Витас рванулся, отбросил Брюса.— Ты спятил?

— Извини,— произнес Андрей, тяжело поднимаясь. Он ушиб локоть.

Витас не услышал — а Андрей услышал, потому что прислушивался,— как за изгородью прошелестели быстрые шаги — мягкие кошачьи шаги человека, обутого в толстые вязаные сапоги. Витас не слышал, но Андрей услышал, как взвизгнула комаром в воздухе тонкая отравленная стрелка. И звякнула почти беззвучно о стекло стоявшей сзади машины.

Андрей помог Витасу подняться.

— Андрей, ты можешь объяснить...

— Погоди,— сказал Брюс.

Он вытащил из кармана фонарик и посветил в сторону машины. Светить за изгородь не было смысла — там пусто.

Стрелка лежала на камнях возле машины. Наконечник был разбит о стекло. По стеклу тянулась струйка яда, желтого и густого, как мед. Стрелка была тоненькой и безвредной на вид. Андрей поднял ее. Витас молча наблюдал за ним. Он был сообразительным человеком. Как только он понял, что странные действия Брюса имели смысл, он замолчал. Он ждал объяснений.

Андрей посветил на стрелку. Каждая стрелка имеет на древке клеймо. Такие стрелки — ими стреляют из духовых трубок — популярное оружие для сведения счетов в тайных войнах и при смертной мести. Но по законам чести нельзя стирать с древка клановый знак. Даже гильдия наемных убийц имеет свое клеймо.

Но на этой стрелке клеймо было соскоблено. Значит, покушение не имело отношения к кровной мести и не было делом чести.

— Пошли,— сказал Андрей.

Они дошли до колонны. Там стояли охранники Пруга. И стражник, который, конечно, ничего не заметил.

При свете факелов Андрей увидел, что его белый мундир испачкан. Мундир Витаса тоже пострадал.

— Ничего,— сказал Андрей.— Здесь это предусмотрено.

Он поднял руку, и к ним подбежал один из слуг. Он вытащил из ящика, висевшего через плечо, влажные щетки. Они впитывали рыжую пыль. Неподалеку, с помощью другого слуги, приводили себя в порядок две знатные дамы.

— Я не знаю, кто стрелял,— сказал тихо Андрей Витасу.— И не знаю даже, в кого из нас. И тем более не понимаю почему.

— У тебя отменная реакция. Я ничего не услышал.

Они вошли в вестибюль, к которому вела неширокая крутая лестница. Вестибюль был круглым залом, занимавшим второй этаж тыквы. Из него наверх вели две винтовые лестницы. Там, на верхнем этаже, было приготовлено угощение.

Посреди вестибюля, на троне с резной спинкой восседал Пруг Второй, наследник Брендийский, знатный изгнанник. Его рыхлое, грузное тело выплескивалось из пределов трона, обвисало по сторонам. Голову наследника украшал трехрогий колпак, символизирующий три самых высоких горы во владении Брендийском, тело было прикрыто несколькими разноцветными короткими плащами, и оттого он был похож на очень крупного младенца, одетого сразу в несколько распашонок. Каждый из плащей означал власть над тем или иным кланом. Сходство подчеркивалось тем, что толстые ноги наследника были обнажены и заканчивались золотыми башмаками.

За спиной Пруга стояли два телохранителя с ритуальными двойными копьями.

Гости подходили к хозяину дома и осведомлялись о здоровье.

Андрей с Витасом встали в очередь.

Впереди стоял Министр Знаний с обеими супругами. Но пока гости не поздоровались с хозяином, этикет не позволял им узнавать друг друга.

Андрей оглянулся в поисках Ольсена. Тот разговаривал с ВараЮ. Елена Казимировна на прием не пришла. Она не выносила необходимости подчиняться этикету.

Красочная толпа, медленно текшая по кругу, центром которого был трон — стоять на месте неприлично,— заслонила их от Андрея. Андрей провел ладонью по карману. Стрелка там.

— Я не ожидал такого счастья,— воскликнул с преувеличенной (так положено) радостью Пруг.— Покровители небесных кораблей почтили нашу жалкую хижину!

— Покровители небесных кораблей осчастливили нас! — громко повторил герольд, стоявший сбоку.

Андрею показалось, что толстяк чем-то встревожен. Его

черные мышиные глазки суетились, убегали от взгляда, жирные пальцы дергались, перстни отбрасывали лучи.

— Как ваше драгоценное здоровье? — спросил Андрей.

— Я покорно приближаюсь к концу своего жалкого пути,— ответил Пруг, как того требовал этикет.

— Надеюсь, что смерть не придет за вами в ближайшее столетие,— ответил, как положено, Андрей.

— Моя единственная надежда — увидеть вас на моих похоронах,— сказал горец.

— Я не допускаю такой мысли,— сказал Андрей.— Умереть раньше — моя мечта.

Андрей встретил взгляд наследника Брендийского. Непрозрачные глазки вонзились в его лицо.

«Случайности здесь быть не могло,— думал Андрей.— Спутать нас с кем-то немыслимо. Никто, кроме нас, не наденет мундира Космофлота. И нас ждали. У самого дома. И именно в нужный момент».

Конечно, оставалась и другая версия. Кто-то из родственников ПетриА догадался, увидел, вычислил. И старается оградить честь семьи. Но даже беспутный брат никогда бы не упал до того, чтобы стереть клеймо на древке стрелы. «А может быть, ты, Андрей,— сказал себе агент КФ,— нажил врага, не догадавшись об этом?»

Витас тем временем также ответил на все вопросы. Из уважения к редкому гостю Пруг говорил на космолингве. Наследнику Брендийскому никто не посмел бы отказать в редком уме и редкой для этого мира образованности. Хотя, насколько было известно Андрею, толстяк никогда не покидал Пэ-У.

Дождавшись, когда Витас освободится, Андрей медленно повел его вокруг зала так, чтобы догнать Ольсена и ВараЮ. ВараЮ единственный здесь позволил себе прийти в дневной тоге. Если бы так сделал кто-то иной, это считалось бы смертельным оскорблением дому. Но ВараЮ показывал этим, что остается на службе. И если хозяин дома обиделся, то формального повода обидеться он ему не дал. Знатные дамы перешептывались, щеголи морщились, но власть этого тихого, худощавого, очень спокойного человека была настолько весома, хоть и не очевидна, что вокруг него всегда образовывалось пустое пространство. Андрей знал, что ВараЮ незнатен и лишь силой незаметной настойчивости превратил столичную стражу в реальную, лишь ему подвластную силу.

Раскланявшись с полицейским и Ольсеном, пилоты пошли рядом. Они были центром внимания всего зала.

— Есть новые сведения,— сказал ВараЮ.— Наш осведомитель говорил с бродягой, который видел, как вчера вечером у Дальних Причалов остановилась машина. Из нее вытащили

завериутое в ткань тело. Тело сбросили с пирса в воду. Там глубоко и иа дие миого коряг. Сейчас там мои водолазы.

— Почему вы думаете, что это связаио с археологом? — спросил Ольсеи.

— Клаиовой войиы сейчас иет. Грабители ие будут везти к озеру тело в машине. И ие будут пользоваться стрелами.

— Чем?

— Отравленнымн стрелами. Это ие оружие грабителей. А у стрелы, что нашли иа пирсе, страиная особенность...

— У иее стерто клеймо,— сказал иеожидаиио Аидрей.

ВараЮ остановнлся. На иего иатолкиулся кузен премьера. В толпе пронзошла заминка. Пруг Брендийскнй резко обериулся.

— Простнте,— сказал ВараЮ кузеиу премьера.— Я задумался.

Оии шли молча. Может, минуту. Главиый стражннк молчал. Потом тихо и насторожеиио спросил:

— Почему ты сказал о стрелке?

— Потому что такая стрелка, со стертым клеймом, лежит у меня в кармане. В нас стреляли. Здесь, рядом с домом иаследиика.

Андрей осторожио, скрывая движение от любопытиых глаз, вытащил из кармана стрелку и вложил в протянутую ладоиь стражника. Стрелка тут же исчезла. Даже Ольсен этого не заметил.

— Почему оии ие попалн? — спросил ВараЮ задумчиво.

Он был прав. Воииы стреляли такими стреламн нз духовых трубок без промаха. Этому учатся с детства.

— Я почувствовал,— сказал Андрей.— И упал.

ВараЮ кивиул. Он верил в интуицию.

* * *

Пруг подиялся с трона. Мягко, ио звучио шлепиул в ладоши.

— Мои слуги н жены,— произнес он,— приготовили ие достойиое гостей угощеиие. Мне вредио миого есть, и я умоляю сжалиться иадо миой и разделить со мной ужии.

В зале сразу стало шумио. Многие пришли сюда, чтобы полакомиться. Дом наследиика Бреидийского славнлся своими экзотическими блюдамн.

Гости расступились, пропуская иаследника. Он резко повернулся, и в разрезах миогочисленных распашоиок сверкиула кольчуга. Случай иевероятиый — хозяии дома в кольчуге! Андрей взгляиул на ВараЮ. Тот смотрел иа иаследиика. Ои тоже уловил блеск.

Появлеиие столь зиатиого эмиграита добавило хлопот стражникам. Эмигранты с гор несли в город ярость клаиовых схваток, от которых за последние десятилетия в городе уже иачали отвыкать.

Но и отделаться от Пруга было невозможио. Ои прннадлежал к одиому из самых знатиых семейств плаиеты, ои происходил от расы гигантов, что прнлеталн в иезапамятные времеиа с Ар-А. Ои приходился племяиииком верховиому жрецу богини ОрО. Его следовало терпеть и ждать, пока он ие падет жертвой очередиого заговора илн не вериет себе трон и благополучио отбудет бесчииствовать в гориые долины.

Гости подиимались по лестиицам, которые, кружа вдоль стеи, вели на верхиий этаж, где был сервироваи иизкий кольцеобразный стол. Гостей встречали многочислеииые слуги н вели их к местам. Андрей видел, как Пруг быстрыми движениями дирижера подгонял слуг.

Андрея посадили в стороие от остальиых земляи. Зачем-то Пругу так было иужио. Витас тоже оказался в окружеиии чужих людей.

Виутри, в круге стола, расположнлнсь музыканты и танцоры. Танцоры переодевались, расчесывалнсь, музыканты ели и иастранвали иисярумеиты.

Одиа из танцовщнц подошла к столу и взяла из вазы голубоватое шершиискoе яблоко. Она улыбиулась Аидрею. Это была очеиь нзвестиая таицовщица, ои видел ее на десятке приемов. Хрустя яблоком, таицовщнца спросила у Аидрея, кто этот красивый офицер. Оиа нмела в виду Витаса. Аидрей сказал ей, что красивый офицер через два дия улетает. Таицовщица сказала, что двух дией бывает достаточио для любви.

Пруг сидел иапротив Аидрея. Его стул был выше других, и потому он казался гигаитом. В ожидаиии, пока рассядутся гости, ои чистил серебряиым киижальчиком ногтн. Ои чуть иаклоиил голову, чтобы таицовщица ие мешала ему иаблюдать за агеитом Космофлота. Ои легко улыбался Аидрею, покачивая головой, как китайский болванчик.

«Интересно,— думал Аидрей,— кому же все-таки выгодио меня убить?» Ему ие было страшио. В следующий раз нужно быть осторожиее. Может, изоляциоиисты решили перейти к действиям? Но что это измеиит? Агеитом Космофлота больше илн меиьше — иа жизни Галактики это ие отразится. Нельзя спрятаться от собствеииого будущего. Стрелка со стертым клеймом, отвергая версию о кровиой мести, оставляла одиу версию — политику. Политика обходится без клаиов. Политика на этом уровне аморальиа. Срезать клеймо — аморально. Следовательно, стрелка — орудие политической борьбы. Жаль, что рядом нет ВараЮ, ои бы оценил этот силлогизм.

Слуги внесли блюда с густой похлебкой из дичи. Всем известно, что лучшая в городе похлебка из дичи подается в доме наследника Брендийского.

На столе появились горящие курильницы с хмельными благовониями. Некоторые гости принялись прикладываться к ним, и голоса зазвучали громче.

Похлебка была, как всегда, чудесной, но от благовоний Андрея мутило. Им овладевало ощущение неустойчивости. А Андрей не выносил неустойчивости.

Танцовщица начала медленно крутиться под рокот бубнов. Она двигалась все быстрее.

ВараЮ сидел с каменным лицом. Видно, ждал, когда можно будет уйти. Его люди сейчас ныряют в озеро. Вода под светом керосиновых фонарей кажется черной и маслянистой.

Танцовщица закончила танец и остановилась, раскинув руки. Кисти рук чуть дрожали, колокольчиками звенели браслеты. Все тише и тише. И все тише рокотали барабаны.

Пруг глядел на Ольсена и ВараЮ, которые поднялись со своих мест. Это было нарушением этикета. Никто не имел права вставать со своих мест раньше хозяина, но Пруг промолчал, потому что, признавая, что они на службе и потому не подчиняются этикету, он спасал свою честь. Вряд ли можно объявить смертником начальника городской стражи.

Тем более что Ольсен догадался обойти стол и, приблизившись к хозяину, в самых изысканных выражениях попросить прощения за уход, сославшись на приступ желудочной боли. Это был допустимый ход, и Пруг, широко улыбнувшись, пожелал консулу скорейшего выздоровления, не преминув, как и положено, пригласить его на собственные похороны. Затем он взял со стола кусок пирога и протянул консулу. Если у гостя несчастье и он вынужден покинуть пир, хозяин должен дать ему символической пищи в дорогу.

Андрей вдруг понял, что единственная причина, могущая заставить Ольсена уйти,— это археолог. Значит, его нашли. Или нашли его тело. И конечно, в тот момент ни Андрей, ни Ольсен не знали, что когда под светом переносных фонарей консул нагнется над телом человека, одетого во фрак и земные башмаки, он поймет, что этот человек — не археолог Фотий ван Кун, а неизвестный ему житель Пэ-У. Но до того мгновения пройдет немало времени, потому что в пути неожиданно сломается автомобиль ВараЮ, затем улица, ведущая к причалам, окажется перегороженной большой повозкой, груженной мешками с зерном... Когда Ольсен вернется — глубокой ночью,— уже будет поздно...

Слуги разносили блюда со сладкими овощами, а Андрей думал о том, что археолога убили такой же стрелкой, что предназначалась и для него.

Андрей почувствовал взгляд. Как будто кто-то стучался ему в спину. Он оглянулся.

Сзади стоял один нз воинов Пруга, могучнй, желтоволосый, смуглый мужчина с узкнмн веселыми глазами. Поверх кольчуги была накинута туника цветов Брендийского союза, за широким поясом трн ножа. Он молча смотрел в затылок Андрею.

— Как твое имя, отважный воин? — спроснл Андрей. Лицо его было знакомо.

— ДрокУ, мой господин,— ответил тот.— Прнкажете что-либо, благородный господнн со звезд?

— Я тебя раньше видел.

— Я всегда стою по правую руку знаменитого владетеля Пруга,— ответил воин, не отводя взгляда.

Андрей заставил себя жевать сладкие овощи. Перед глазами снова крутились жонглеры с раскрашенными полосатымн лицами. Танцовщица сидела в центре круга, посасывая благовония из курильницы.

Витас не ел, он смотрел на танцоров. Он был напряжен.

Наследник Брендийский поднялся со своего места и сказал гостям, чтобы они ели, пили и наслаждались жизнью.

Пруг направнлся на третий этаж дома. Такой маневр был допустим и предусмотрен. Хозянн давал возможность гостям посудачить, не опасаясь его обидеть. Наступилн Минуты Злых Языков.

Слуга дотронулся до плеча Андрея.

— Вас к телефону, звездный господин,— сказал он.

Андрей сразу поднялся из-за стола. Кто мог сюда позвоннть? ПетриА вряд лн станет нарушать вечер. Еслн, конечно, не случилось чего-то особенного. Вернее всего, это Ольсен.

Слуга шел впереди. Они спустились по лестнице в холл, оттуда по другой, более узкой лестнице в основанне тыквы, в подвал.

Там было полутемно. Богато украшенная ннкрустацнями трубка лежала на столнке рядом с аппаратом, похожнм на швейную машинку. Андрей взял трубку. В трубке стрекотал кузнечик — линия разъедннена.

— Не дождалнсь? — спроснл слуга.

— Откуда звонили? — спроснл Андрей.

— Не знаю, властитель неба,— сказал тот.

Андрей не знал, что делать — то ли ждать, пока позвонят снова, то лн подняться наверх. В мозгу, набирая силу, затнкал сигнал тревогн: «Осторожно, Андрей, опасность...» Он быстро оглянулся.

В подвале было немало людей, но сразу не разглядишь — одни спали на полу, другие сидели вдоль округлой стены. В каждом патрнархальном доме ошивается немало челяди, родственников, приживальщиков. Андрей был в центре вни-

мания. Это хорошо, что он не один. Хотя свидетелей, конечно, не будет...

Андрей быстро вынул из кармана золотой шарик. Слуга, судя по всему, не был горцем. Вернее всего, его позвали из ресторана. Так делают, когда много гостей, а твои собственные подданные полагают ниже своего достоинства прислуживать за столом.

— Кто звонил? — спросил Андрей тихо, чтобы голос его не долетал до стен.

Слуга провел рукой над ладонью Андрея, и монета пропала.

— Женщина,— сказал он одними губами.— Молодая женщина. Она очень волновалась.— Тут же слуга отвернулся и отошел.

Андрей снял трубку и начал крутить ручку вызова. Мягкая, пышная, тяжелая ладонь легла на рычаг.

— В момент веселья,— сказал наследник Брендийский,— нельзя отвлекаться. Не забывайте об обычаях дома.

Пруг улыбался, но глаза были мутными — он накурился. Распашонки его распахнулись, и кольчуга поблескивала в полутьме.

— Ты останешься с нами до конца,— сказал Пруг.— Танцовщицы ждут тебя на верхнем этаже, повелитель неба.

— Гость дома может не бояться угроз,— сказал Андрей.

Пруг оттеснил его от телефона.

— Андрей, ты здесь? — На лестнице стоял Витас Якубаускас. Космофлот никогда не оставит друга в опасности.

— Мы уходим,— сказал Андрей.— Нам пора уходить, дома у нас больные.

— Мы не выпустим вас, гости,— сказал Пруг.— Праздник еще не кончился.

Андрей понял, что теперь можно обойтись без этикета. Неожиданно для Пруга он бросился к лестнице. Он был убежден, что Пруг сделает все, чтобы они не вышли из дома. Почему-то Пругу нужно, чтобы Андрей остался здесь. И он был почти убежден, что звонила ПетриА.

Андрей успел подняться до половины лестницы, прежде чем наследник Брендийский крикнул:

— Остановите его!

Люди, жавшиеся к стенам, вскочили. Кто-то побежал к лестнице. Путаясь в распашонках, Пруг начал вытаскивать метательный нож.

— С дороги! — рычал он.

Но они с Витасом уже были в нижнем, ярко освещенном, полном гостей зале...

* * *

Они пробежали между колонн — дальше была темнота, нырнули в нее, как в воду, и Андрей потянул Витаса в сторону, подальше от изгороди.

Через две минуты, повернув за угол, они добежали до фургончика. Погони не было. В тихом ночном воздухе далеко разносились оживленные голоса хмельных гостей наследника Брендийского.

Фургончик стоял чуть покосившись. Андрей зажег фонарик. Правое переднее колесо было сорвано с оси. Железный лом — орудие бесчинства — валялся на мостовой. Кто-то очень хотел, чтобы Андрей не уезжал.

Сразу выключив фонарик, который мог привлечь нежеланных ночных бабочек, Андрей отступил в темноту.

Он вел Витаса в обход, глухими переулочками. Засада, вероятнее, будет ждать на кратчайшем пути. Андрею сослужила хорошую службу любовь к одиноким прогулкам. За последние месяцы он исходил центр города и узкие закоулки плато — зажиточного спокойного района.

Минут через десять они остановились, чтобы передохнуть, на углу освещенной улицы Благополучного Правления. Как раз напротив тепло светилась витрина небольшой курильни. Там должен быть телефон.

В курильне было пусто, лишь на дальних диванчиках дремали последние клиенты. Андрей подошел к стойке. Витас остался у входа. Андрей положил монетку на деревянную блестящую доску между глиняных незажженных курильниц. Он попросил у хозяина разрешения позвонить.

Хозяин курильни долго вертел монетку, будто сомневался в ее подлинности, потом спросил, откуда пришли гости и хорошо ли себя чувствуют. Андрей понял, что своей поспешной прямотой он нарушил этикет и хозяин пытается вернуть отношения в правильное русло.

— Простите,— сказал Андрей,— но моя дочь больна, и потому я позволил себе нетактичность.

— Разумеется, я сочувствую,— с облегчением сказал хозяин, снимая кожаный фартук и ведя Андрея за стойку, где стоял телефон.

Андрей позвонил в агентство. Телефон звенел долго. Никто не подходил. Может, ложная тревога? Может, ПетриА звонила из его дома? Андрей бросил трубку.

— Спасибо.

Он побежал к выходу.

Завтра хозяин курильни будет рассказывать знакомым, какие все-таки варвары эти пришельцы со звезд!

* * *

В агентстве горел свет, и отсвет падал на нависающие круглые бока дома, оттого дом казался грибом на светящейся ножке. В витрине на тонких нитях висела модель лайнера на фоне звезд.

Андрей рванул дверь. Она была открыта. В зале для посетителей было пусто.

— ПетриА — окликнул он почему-то тихо, будто боялся спугнуть девушку.— Ушла,— сказал Андрей, успокаивая самого себя. Он уже знал, что надо сделать два шага дальше, за высокую стойку, где стоял ее стол и телефон.

Витас понял, что страх остановил Андрея и не дает ему сделать этих последних шагов. Он первым подошел к стойке, открыл в ней деревянную дверку и шагнул внутрь. Андрей, недвижный, видел, как Витас наклонился, что-то увидев на полу.

Андрей знал, что он трус. И понимал, что, наверное, любой человек в Космофлоте знает, что он трус. За что он и был исключен из списков летного состава Космофлота.

Голова Витаса исчезла за высокой стойкой. Андрей слышал, как Витас отодвинул стул.

— Иди сюда,— сказал он.

Андрей покорно зашел за стойку. ПетриА лежала на полу, возле стола, свернувшись калачиком, как ребенок, который почему-то решил заснуть в таком неудобном месте. Витас осторожно приподнял ее голову. Голубой парик соскользнул с черных волос, будто не хотел служить неживой хозяйке.

Андрей стоял, опустив руки, смотрел на темное пятно на ее груди и мысленно умолял Витаса сказать, что ПетриА жива, что она потеряла сознание.

— Она умерла,— сказал Витас.

— Нет,— сказал Андрей, который знал, что она умерла, с того момента, как они вошли в агентство.— Она звонила, она просила приехать. Сколько времени прошло, а мы все не ехали.

Витас бережно, словно боялся разбудить, положил голову ПетриА на пол. Мягкие волосы покорно рассыпались по плиткам пола. Витас поднялся, шагнул к столу, к пишущей машинке.

Движение его удивило Андрея. Он тупо смотрел, как Витас пытается вытащить из машинки нижнюю половину листа, грубо и неровно оборванного сверху.

«Шквал» — было напечатано у оборванного края.

— Погляди, что здесь. Она печатала, когда они пришли,— сказал Витас.

— Они?

— Кому надо сообщнть? Кому здесь сообщают?

— В стражу нельзя,— сказал Андрей.— О смерти нмеют право сообщать только близкие родственники. Иначе бесчестье.

— Ты лучше знаешь.

— Я позвоню ее брату. Он художннк.

Витас ничего не ответил. Он присел на корточки за столом, там, где лежал упавший стул. Витас медленно двигался вдоль стены, разглядывая пол.

Андрей повернул ручку телефона. Он вызвал дом ПетрнА. Подошел ее отец. Андрей извинился за поздний звонок и сказал старику, что ему надо поговорить с его сыном. Он побоялся сказать старику, что случилось. Старик удивнлся и спросил, почему задержалась ПетриА.

— Извините,— сказал Андрей, и это было невежлнво,— я очень спешу.

Старик пошел звать сына. Андрей ждал, пока подойдет брат, и смотрел на ПетриА. У нее были очень мягкне волосы. Они всегда были теплыми и пахли горной травой. Она их мыла настойкой из горных трав.

Голос Кам ПетриУ был сонным. И раздраженным. Из всей спесивой знатной семьи, косо смотревшей на то, что богатая наследница занимается неподходящнм для такой девушкн делом, он был лояльней другнх к Андрею. Он сам собирался улететь в Галактический Центр.

— Здравствуй,— сказал Андрей.— С ПетрнА несчастье. Я не сказал твоему отцу. Ты можешь сразу приехать в агентство?

— Сейчас.— К счастью, брат не задал ни одного вопроса.

Почему-то, положнв трубку, Андрей стал на коленн рядом с ПетриА, поднял ее холодную кисть. Он старался уловить пульс.

— А что там? — услышал Андрей голос Витаса.

Тот стоял перед закрытой дверью.

— Мой кабинет,— сказал Андрей.— Там заперто.

Витас толкнул дверь. Дверь открылась.

— Замок взломан,— сказал Витас.

Внутрн тоже горел свет. Андрей, не поднимаясь, увндел, что шкаф, стоявший напротив двери, раскрыт. И пуст. Но не сразу сообразнл, что же там должно быть. Потом сообразил и удивился — в шкафу висел его повседневный мундир песочного цвета.

— Что было в шкафу? — спросил Витас.

— Ничего интересного,— ответил Андрей.— Повседневный мундир.

— Кому-то это было интересно,— сказал Витас.— И взломан стол. Что было в столе?

— Ннчего интересиого,— повторил Аидрей. Все это ие имело иикакого отиошеиия к иему. И к ПетриА.

Входиая дверь распахиулась от удара. Вбежал брат ПетриА. Ои налетел иа стойку грудью, как иа барьер, который собнрался преодолеть, ио в последиий момент не решился. Перегиувшись, ои увидел ПетриА.

— Кто это сделал? Ты? Кто?

— Не знаю.— Андрей осторожио отпустил руку девушки и подиялся. Ему было неловко перед Кам ПетриУ.

— Почему оиа лежит здесь? Почему?

Он обежал стойку. Витас попытался остановить его.

— Нельзя трогать,— сказал ои.— Приедет полиция, оии узиают, кто это сделал.

— Нас здесь ие было,— сказал Аидрей.

— Плевал я иа вашу полицию!

Кам ПетриУ подхватил девушку иа руки и поиес ее в кабннет. Там положнл иа диваи. И сразу успокоился.

«Мертвый ие должеи лежать иа земле,— вспомиил Андрей.— Злые духи войдут в иего».

— У иас нет кровннков,— сказал брат.— Никто ие хотел ее крови. Я знаю. Это твои кровиики.

— У меия иет кровников,— сказал Аидрей.— Ты знаешь. Я здесь чужой, у меня даже иет клаиа.

Короткая тога Кам ПетриУ была подпоясана плетеиым ремием, иа нем висел двойиой иож. Разговаривая, брат держал ладонь иа рукоятке ножа. Он был неплохим, но беспутным, леиивым парием, рнсовал в газете, делал вид, что страшио прогрессивен и завтра улетит в Галактический Цеитр, где все оцеият его талаиты. Безвредный пареиь. Но сейчас ои ие думал о Галактическом Центре. Наверное, и ие помиил о его существоваиии. Он ие столько был потрясеи смертью сестры, сколько обстоятельствами ее. Сестра могла погибнуть — в этом мире погибиуть иетрудио. Но всегда иаходится объясиеиие смерти.

— Почему оиа иапечатала «Шквал»? — спросил Витас.

— Не знаю.

— Ты можешь позвоиить в днспетчерскую?

Аидрей снял трубку телефоиа. Там ие отвечали.

— ДрейЮ,— сказал Кам ПетриУ.— Мою сестру убили. Ножом в спниу. Как слнзняки, которые жалят иочью. Ее кровь — моя кровь.

Слезы текли по щекам. На Пэ-У мужчииы ие стесияются эмоций, сдержаниость — долг жеищины.

— Ее кровь — моя кровь,— повторил Кам ПетриУ, поднимая руку ладоиью вперед. Это были слова смертиой мести.

Аидрей прошел в кабинет, отстраиив молодого человека Тот

покорно подчинился. Андрей остановился у дивана. ПетриА лежала, чуть склонив голову набок, ее рука свисала вниз, касаясь длинными пальцами пола.

Так стоять было нельзя. Надо было что-то делать. Она написала о «Шквале». Надо ехать на космодром.

Андрей снова был совсем один. Как человек, который проваливается в черную бездну космоса, чтобы никогда не встретить в своем падении ничего, кроме пустоты. Он услышал собственный голос. И удивился, услышав, какой он хриплый.

— Твоя кровь,— сказал он,— моя кровь.

Это было очень древнее заклятие. Он брал месть на себя. Как самый близкий человек. Как человек, имеющий право на монополию мести.

Очень цивилизованный и мирный человек, представитель гражданской космической авиации на планете Пэ-У объявлял о мести. Это было немыслимо. Если бы кто-нибудь сказал об этом Андрею день назад, он бы засмеялся.

— Кам ПетриУ, ты вызовешь стражников и все расскажешь. Мы едем на космодром. Нашему кораблю может угрожать опасность. Мы возьмем твою машину.

Он сказал это голосом человека, который имеет право распоряжаться.

— Я все сделаю,— сказал Кам ПетриУ.

Витас не понял этого разговора. Они говорили на языке Пэ-У. И уж тем более он не знал о законах мести.

Андрей склонился и поцеловал ПетриА в висок. Кожа еще сохраняла остатки теплоты.

* * *

Маленькая машина Кам ПетриУ ехала медленно. Паровой двигатель вздыхал, ухал, в нем что-то потрескивало, и Витас, не знавший, насколько такие монстры надежны, беспокоился, доберутся ли они до места. Они, как ни странно, долго разговаривали об этих машинах, может, потому, что Андрею было легче говорить о паровых котлах, чем о том, что случилось.

Надо было позвонить Ольсену — старик знал ПетриА, и они были дружны с девушкой,— но Ольсен уехал куда-то с ВараЮ.

Интуитивно Андрей ощущал какую-то связь между покушением у Пруга и смертью ПетриА, но, разумеется, никаких оснований для выводов не было. Просто совпадение по времени.

— С такой скоростью мы доберемся до космодрома к утру,— сказал Витас.

Темиые редкие дыни выплывали из темиоты, освещеииые фоиарем машииы, прятались в столбе дыма, поднимавшегося из ее трубы, и уплывали иазад солидио и беззвучио.

...Машиииа ухиула в очередную выбоииу, и ее окутало пылью. Когда она выбралась из желтого, подсвечеииого фарой облака, впереди возникли огии космодрома. Тусклые дежурные фоиари. И люлька диспетчерской на башне.

Ворота иа поле были распахиуты, охранника рядом ие видио.

Аидрей развернул машииу и затормозил у башии.

Вокруг было очеиь тихо. Далеко-далеко за полем выли лисы. Стайка летучих крыс пролетела иизко иад головами, и по коже прошел холодок от крысииого ультразвукового пения.

Витас иичего не спрашивал. Ои молча следовал за Аидреем.

Оии вбежали по лестиице. Диспетчерская была ярко освещеиа. Дежурный диспетчер завалился иабок в кресле, голова склонялась к пульту. Ои был иедвижен. Аидрей приподиял веко диспетчера, пощупал пульс.

— Ои жив.

Диспетчер тихо застоиал. Витас прошел к экраиу и включил его. Корабль возник на экраие. Ои был темеи и тих.

Витас дал увеличение. Люк был открыт, паидус спущеи.

— Где вызов? — спросил Витас отрывисто.

Аидрей уже вызывал корабль. Корабль не отвечал.

— На мостике никого,— сказал ои. Экран связи был пустым.

— Этого ие может быть,— сказал Витас.

Аидрей обериулся. В открытых воротах космодрома вспыхиул белый круг прожектора. На поле выползла большая военная машииа. Из коротких труб белыми столбами рвался пар. Стальиой округлый лоб блестел под фоиарем. Машииа пошла полем к кораблю.

— Что за черт!

Аидрей бросился к выходу. Витас за ним. Они залезли в машииу Кам ПетриУ. Паровой котел был горячим, и машина почти сразу взяла с места и покатила к кораблю.

Оии видели, как тормозит боевая машина. Наверху пандуса в открытом люке возникла фигура.

— Кто это? — крикнул Андрей, перекрывая рев парового двигателя.

Человек, освещенный прожектором боевой машины, был одет в светлый костюм и высокую фуражку.

— Это ты! — закричал в ответ Витас.

Человек редко видит самого себя издали, да и ие ожидал Аидрей увидеть агента КФ встречающим боевую машину. Но Витас был прав. Человек, стоявший у люка, был одет в песочиый мундир Аидрея, который исчез из кабииета.

Люкн боевой машины раскрылнсь, н оттуда выскочнлн вонны в черных короткнх туннках поверх кольчуг. С копьямн, некоторые с автоматами. Затем вылез грузный человек, тоже закованный в латы.

Андрей узнал Пруга, наследннка Брендийского. Пруг обернулся, услышал клокотанне двнгателя. Он крнкнул что-то воинам н быстро побежал наверх к люку. Человек в мунднре Андрея Брюса поспешнл за ним.

Вонны кииулнсь обратно, прячась за броней боевой машины. Короткая пушка начала разворачнваться в сторону паровнчка. Оставалось еще пятьдесят метров открытого простраиства. Аидрей понял, что в мииуту нх разнесут в клочья. Он вндел на маиеврах эффект от выстрела взрывчатой картечью. Именно нз такой пушки.

Андрей резко развернул паровнчок н броснл его в сторону, чтобы вырваться из круга света от прожектора боевой машины. Поворачнвая, он успел увндеть, как нз ближайшего к «Шквалу» люка боевой машнны два вонна выволакнвают еще одного человека, обнажеиного и бессильного.

Выстрелнла пушка боевой машнны. Картечь, взрываясь синнмн огоньками, фейерверком праздинчных шутнх высветнла небо.

Теперь надо было скрыться за кораблем. В этом было единственное спасеиие. Башия боевой машины разворачивалась, н Аидрей всей кожей чувствовал, как широкое дуло поймало их машину н ведет ее. Ои резко затормозил. Неуклюжнй паровичок сразу послушался, словио сообразил,что ему грознт. Внтас ударнлся головой в лобовое стекло.

— Простн,— сказал Андрей.

Струя сверкающнх взрывов пролетела перед самым носом паровнчка. Полминуты иа заряжанне пушкн.

На поле стало светло как днем. Свет прошел сзадн. И также пропал, перейдя в грохот. Андрей, оглянувшнсь, понял, что это взорвалась днспетчерская.

Отравленные стрелы бнлн по боковым стеклам, оставляя на них желтые потеки. Прожектор боевой машины рыскал по полю. Во всю снлу врубнлся могучий прожектор «Шквала». Поле стало светлым н маленьким — спасительная стена корабля, нависающая над полем, была рядом. Но они ие успели достичь ее. Их накрыло следующим выстрелом.

Ударяясь о машнну, картечь вспыхнвала ослепнтельно н радостно, Андрею показалось, что он ослеп. Звенело разбитое стекло. Ожгло руку. Андрей вцеплялся в рычагн управлення, стараясь удержать машнну, но ее завертело н понесло...

Потом неожнданно наступнла тншнна. Андрей почувствовал, что тело ему не подчнняется. И прошла секунда, прежде

чем искры в глазах угасли и он понял, что на него навалилось тело Витаса.

Машина стояла.

— Витас,— крикиул Андрей.— Ты что?

Витас молчал. Дышать было трудио. Кабиia наполиялась дымом. Вспыхнула фанерная обшивка паровичка.

Андрей смог открыть дверь. Он понимал, что все иеправильно и нереально. Этого не может быть. Ои — агеит КФ, ои заиимается полетами, размещением гостей, ои сидит в тихом месте на тихой работе. У него иет врагов. Он сейчас вернется и расскажет ПетриА об этом диком сне. Оиа сидит иа диваичике в его доме и ждет.

И еще он понимал, что Витас оказался со стороиы выстрела. Аидрей вывалился из машины, волоча Витаса. Рука была обожжена, и он на мгновение потерял сознание от боли, ио не отпустил Витаса и вытащил его за собой, вцепившись в иего, как бульдог. Опять был приступ боли, когда рука ударилась о бетон и сверху, мешком, свалился Витас.

Дым был ужасен, ничего не видно, кроме огоньков. Пламя разгоралось, чтобы сожрать паровичок. Аидрей полз, или, вернее, ему казалось, что он ползет, чтобы скорее спрятаться в спасительиую тень под кораблем, как будто там его иикто ие иайдет...

* * *

В себя Андрей пришел на корабле. В каюте. Это было странное пробуждение. Ощущение безмятежиого детского счастья. Когда нет никаких забот, кроме желания еще понежиться в постели, потому что все на свете замечательио. Просыпаясь, но еще не вернувшись к реальиости, Аидрей понимал, что возвратился на свой корабль. Сейчас тихий зуммер вызовет его на вахту...

Аидрей сделал движение, чтобы откинуть одеяло, но даже самое начало этого движения вериуло все иа свои места и отогиало сладкие иллюзии. Рука, запеленутая и тяжелая, не подчинилась ему, и звонок тревоги в мозгу начал безжалостно будить клетку за клеткой. Пробудившись окончательио, Аидрей замер от масштабов тревоги, а затем — горя.

Не было ни детства, ии вахты. Была смерть ПетриА. Ночной космодром. Звезды картечи. Ослепительиый взрыв паровичка.

И Аидрей не пытался больше подияться. Ои замер. Ои тщательно и почти спокойно прокручивал в голове леиту событий вчерашних — или, может быть, уже давиих? Сколько он провел времени в беспамятстве? Где он? На корабле.

Корабль был в полете. Ни одии звук, ии одно движеиие

не выдавало этого, но Андрей — на то человеку и дается космический опыт — отлично знал, что корабль в полете; микроскопические вибрации и неуловимые шумы, неразличимые и непонятные для непосвященного, сразу рассказали ему обо всем.

Это был гравитационный корабль, на котором ему не приходилось еще бывать. Явно гравитационный, потому что не хватало глубокого и почти беззвучного шипения плазменных двигателей.

Значит, он на «Шквале». Далее есть две возможности. «Шквал» удалось отстоять, и Андрея, тяжело раненного, взяли на корабль, чтобы доставить в Центр. Или Пруг захватил корабль, и тогда Андрей — пленник. Но кто-то забинтовал ему руку. Значит, на корабле врач.

Следующий шаг надо сделать обдуманно. Сначала выяснить, как сильно его покалечило. Рука повреждена, обожжена. А что еще?

Андрей подвигал ногами. Ноги были послушны.

Теперь правая рука. Правая рука откинула одеяло и поднялась в воздух. Андрей поглядел на нее, как на живое существо, ему не принадлежащее. Он легко сел на кровати. Голова закружилась. Ноги сделали привычное движение — так они делали уже много лет,— чтобы надеть шлепанцы. Пятки скользнули по полу. Андрей сосчитал до двадцати, голова перестала кружиться. Он поднялся. Рука в упругой эластичной повязке легла вдоль бока. Было больно. Интересно, чем же кончилась эта история с нападением?.. А Витас? Именно беспокойство за Витаса заставило Андрея скинуть оцепенение.

Андрей дотронулся до кнопки двери. Дверь должна была отойти в сторону. Она не шелохнулась. Сначала ему даже не пришло в голову, что дверь может быть закрыта. За годы жизни на кораблях Андрей еще не сталкивался с такой ситуацией — двери не должны запираться. За исключением одного случая: если нарушена герметичность.

Он шагнул обратно к койке, нажал на столике вызов интеркома. Слава богу, хоть вызов работает. Экран как бы нехотя ожил, пошел зелеными полосами. Вспыхнул белым. Андрей вызвал отсек управления.

На экране был ВосеньЮ. Не просто ВосеньЮ. Его не узнаешь с первого взгляда.

Костюм ВосеньЮ был ему велик. Разумеется, велик, потому что Андрей выше его и шире в плечах. Значит, это ВосеньЮ надо было, чтобы его приняли за Андрея. Зачем? Чтобы захватить корабль.

И за мгновение, прежде чем он увидел знакомую ухмылку ВосеньЮ, Андрей уже все понял.

«Значит,— подумал холодно Андрей, утопая в ненависти,— значит, это ты, мой скромный помощник, убил ПетриА. Она помешала тебе, и ты ее убил».

— Ее кровь — моя кровь,— сказал Андрей, глядя на ВосеньЮ.

— Что? — ВосеньЮ ожидал всего что угодно. Только не этих слов, сказанных на языке города. Но он был сообразителен. И сообразил.— Это неправда,— сказал он.— Я ее не убивал. Клянусь богиней ОрО. Я никого не убивал.

— Где Витас Якубаускас? — спросил Андрей. Он был совершенно спокоен.

— Болеет.

— Кто у вас главный?

— Нас ведет Пруг Брендийский.

— Вызови его.

— Я не знаю, захочет ли он с тобой говорить.

На экране возник Пруг Брендийский. Он, видно, не знал, как переключается связь, и потому попросту оттолкнул ВосеньЮ.

Наследник Брендийский был в боевом наряде и высоком шлеме. Полосы боевой краски на надутых щеках, подсиненные, заплетенные в косички усы. И настороженные черные глаза.

— Ты хотел говорить со мной? — сказал он.— Говори.

— Что произошло?

— Ты сам пришел к нам,— сказал Пруг.— Мы тебя не звали.

Он смеялся. Добрые лучики веером разбежались от уголков глаз, крепкие желтые зубы открылись за лиловыми губами.

— Я требую...— Голос звучал неубедительно. И Андрей оборвал фразу.

— Понял? — спросил Пруг.— Не надо требовать. Надо благодарить. Теперь ты нам совсем не нужен. Даю тебе слово. А мы тебя не бросили. Мы тебя подобрали, пожалели.

— Зачем все это нужно?

— Приведите его ко мне,— приказал Пруг.

* * *

Ситуация была неординарной, тревожной и грозила дальнейшими бедами. Очевидно, корабль оказался в руках людей, которым не положено командовать космическими кораблями. Корабль движется в неизвестном направлении с неизвестной целью. Однако цель эта должна быть достаточно серьезной для тех, кто захватил «Шквал». Нападение — не наскок под влиянием момента, а запланированная акция. Наследник Брен-

днйскнй решнлся сам подняться в космос. Не Галактическнй же Центр оии иамереиы завоевать.

Андрей ждал. Дверь отъехала в сторону.

ВосеньЮ стоял иапряженно, будто готов был в любой момеит отпрыгиуть вбок. Но сделать это было бы нелегко, так как два горца в кольчугах, с иожамн в руках, стояли вплотиую за иим.

Аидрей почувствовал, что ВосеиьЮ очень бонтся его, даже раиеиого, но и боится выглядеть смешиым. И потому кажется смешиым. Чужой костюм сидел криво. Привыкнув за эти годы к ВосеиьЮ, Аидрей к иему не приглядывался. А теперь вдруг увидел: худой человек нnже среднего роста, не старый еще, узколобый, с тщательио проведенным пробором, прямой нос кажется продолжеиием пробора, а остальиое иесущественно.

Не отпуская взглядом зрачков ВосеиьЮ, Андрей сделал шаг к иему. ВосеньЮ отпрянул. Натолкнулся спиной на воннов. Те ие шевельиулись. Воины были похожи, один постарше. Наверное, братья — одииаковая клаиовая татуировка на щеках.

Андрей спросил:

— Куда идтн?

— Направо,— сказал ВосеиьЮ с облегчеиием и пошел по коридору первым, склоиив голову набок и выверну́в назад, чтобы ие выпускать Андрея из поля зрения.

«Я тебя убью,— повторял Аидрей, глядя ему в спииу.— Я тебя убью, подоиок».

Пруг Бреидийский ждал в кают-компаиии. Он заннмал половиину дивана.

— Рука,— спросил Пруг,— не болит?

— Я хочу видеть капитана Якубаускаса,— сказал Андрей.

— Я думал,— сказал Пруг н снял парик. Голова под париком была совсем лысой,— ты будешь спрашнвать о более важиых вещах...— Пруг не скрывал, что у иего отличное иастроение.

Рука ныла, как будто в иее воткиули гвоздь и медленно поворачивали. Даже подташнивало от болн. Еще ие хватало упасть перед ннм в обморок.

Аидрей опустился в кресло напротив Пруга. Тот прнподнял кустистую бровь. Охраиник, вошедший за Андреем, кинулся было к Андрею, ио Пруг подиял руку:

— Пускай сидит. Он слаб. Люди иеба хороши, пока вокруг их много приборов и штучек. Когда они голые, в ннх нет снлы.

— Где Витас? — сказал Андрей упрямо. Не будет же он спорить сейчас с горным князьком, в лапы которому попал новейший звездолет Галактикн.

— Я отвечу,— сказал Пруг.— Твой Витас жнв. И не нужен мне, как не иужеи ты. Но жив. Где доктор?

— Сейчас,— сказал ВосеиьЮ.

Стараясь не проходить рядом с Андреем, ВосеньЮ добрался до экрана у рояля. В кают-компании был рояль. На корабле Андрея не было рояля. За роялем молча стоял ДрокУ. Желтоволосый воин, которого Андрей видел в доме Пруга.

— Медотсек слушает,— раздался голос.

Голос возник чуть раньше, чем изображение доктора. Интересно, сколько человек оставалось на «Шквале»?

— Скажи ему о капитане,— произнес Пруг на космолингве.

Доктор смотрел на Андрея.

— Как ваша рука? — спросил он.— Я хотел бы, чтобы вы зашли ко мне. Вам надо сменить кокон и сделать обезболивание.

— Я тебе задал другой вопрос,— сказал Пруг.— На мои вопросы надо отвечать сразу.

Доктор пожал плечами. Он был уже немолод, худ, сутуловат. И растерян, хотя и пытался это скрыть.

— Не надо пугать меня,— сказал доктор.— Я не играю в разбойников. Капитан Якубаускас в тяжелом состоянии. Я поместил его в ожоговую камеру. Он спит. Прямой опасности для жизни нет, но требуется покой и длительное лечение...

Андрей смежил веки. Тошнило от боли.

— Почему ты не задаешь вопросов? — спросил наследник Брендийский.— Я рад тебе ответить. Ты мой гость в этом большом доме.

— Зачем вы это сделали? — спросил Андрей.— Вы же понимаете, что вас обязательно поймают.

— Я могу ответить,— сказал наследник Брендийский.— В этом теперь нет тайны. Мы летим на Ар-А.

— Зачем? — Андрей был удивлен, но не поражен этим известием. Это объяснение, по крайней мере, имело хоть какой-то смысл.

— Мы летим на родину моих предков,— сказал Пруг.— На родину гигантов.

— Посетить любимые могилы? — вдруг не удержался Андрей.

Ирония здесь улавливалась лишь теми, кто знал местные обычаи. Посещение любимых могил некогда было торжественным обрядом — долгим путешествием к легендарному кладбищу на Плато Любимых. Там, по слухам, лежали останки героев, павших в Битве на Краю Пустыни. Со временем это долгое путешествие, которое кончалось грандиозными пирами и смертоубийством, было запрещено, но, разумеется, не пресечено.

— Ты не зря прожил у нас столько времени, ДрейЮ,— сказал Пруг беззлобно.— Но ты неправ. Я не из тех, кто прогуливает жизнь в пирах и забавах. И я хочу, чтобы ты это понял и запомнил. Я очень просто устроен. Мне нужна власть

и слава. Как и каждому благородному воину. Я был предательски лишен власти, которая причитается мне по праву. Я был изгнан и выиужден жить среди слизияков вонючего города. Многие думали: почему же столь славный и великий вождь живет столь пусто? Как человек, отказавшийся от борьбы. Но у меня давио была мысль веруться к себе победителем. И не только победителем. Великим победителем, о котором давно мечтал мой народ и все народы.

Пруг Брендийский перестал улыбаться. Даже мягкие губы подобрались.

— Ты чужой, ничего не понимаешь. А если понимаешь, то думаешь просто. Все люди думают так, как их учили. Только великие люди умеют думать так, как хотят. А я думаю выше, чем вы, обыкновениые люди. Я думаю о том, как поднять честь. Я лечу на Ар-А! Побуждения мои благородны, цель высока, и я не хочу никому зла. Поэтому ты жив и твой капитан жив. И те, кто был на корабле, тоже живы. Мне не нужна кровь и месть. Мне нужиа лишь справедливость.

— А ПетриА? — спросил Аидрей.— Почему она погибла?

— ПетриА из клана Кам Петри? Где погибла она? Мне никто не сказал.

— Спроси у своего сообщника,— сказал Андрей

— ВосеньЮ, что знаешь ты, скрытое от меня? — спросил Пруг.

— Кто-то убил ПетриА,— сказал ВосеньЮ.— Когда я был в агентстве, чтобы взять полетные документы и его одежду, я увидел ее мертвой. Вернее всего, это совершил ДрейЮ У них была связь, и он боялся, что о ней узиают.

— Если ты прав, ВосеньЮ,— сказал Пруг,— то мы будем выиуждены жестоко иаказать ДрейЮ. Ибо иикто не смеет поднимать руку на девушек наших славных клаиов. Кто же взял на себя месть?

— Ее кровь — моя кровь,— сказал Андрей.

— Ты не можешь это сделать, ты чужой. И ты болен Отведите его к доктору. Я не люблю мучить людей, а наш гость ДрейЮ ранен и обожжен Прежде чем он выйдет на тропу мести, ему надо окрепнуть.— Пруг рассмеялся.

* * *

Воин толкнул Аидрея в спину. Тот с трудом удержался на ногах. Дверь сзади затворилась. Охранники остались в коридоре.

Медицинский отсек был ярко освещен, Обычный медицинский отсек. Амбулатория и белая дверь в госпиталь.

Доктор поднялся навстречу.

— Здравствуйте,— сказал он.— Меня зовут Мишель Геза. С вами я немного знаком. По крайней мере, вы со вчерашней ночи мой пациент.

— Витас спит?

— Спит. Ложитесь. Сначала займемся вами. К сожалению, поврежден мой компьютер...— Доктор смущенно улыбнулся.— Когда они ворвались, у меня с ними получился... буквально конфликт.

Он показал в угол. Там лежала сметенная груда осколков стекла, мелких деталей, словно кто-то дотошно выпотрошил «живую куклу». Несколько лет назад была мода на «живых кукол» — они были фантастически умелы: ходили, бегали, пели, капризничали, просыпались ночью, плакали и просились на горшок... И дети разламывали этих кукол, обязательно разламывали. И оставалась кучка мелких деталей — куклы были буквально напичканы этими деталями.

— Простите за беспорядок,— сказал доктор.— Мне некогда было убрать. Рука болит?

Он быстро обработал раны. Боль возникла, заставила сжать зубы, но тут же отпустила.

— Расскажите,— сказал Андрей,— что у вас произошло.

— Я думал, вы больше меня знаете,— сказал доктор.

— Считайте, что мы оба мало знаем.

— Я не поехал в город,— сказал доктор.— Полежите немного, сейчас пройдет. Я немного простудился и думал, что выйду на второй день, потом. На корабле нас осталось двое. Я и второй пилот Висконти. Мы занимались своими делами. Потом поужинали... Висконти был на мостике. Потом он включился и сказал, что приехал агент Космофлота, что-то случилось. Мы ничего не подозревали. И когда Висконти пошел к люку, я встревожился и тоже пошел. Может, несчастный случай, я понадоблюсь. Было темно. Я увидел служебную платформу, а на ней стояли вы.

— Как вы меня узнали?

— Форма. Форма представителя Космофлота.

— Это был мой помощник ВосеньЮ.

— Там был еще один, водитель. Вы подняли руку. Висконти открыл люк. Они перешли поближе. А мы не знали вас в лицо. И впустили в корабль. Но поймите, мы же на цивилизованной планете...

— Вас никто не винит.

— Дальше все было неожиданно. Мы не успели сообразить. Они оба вошли и приказали нам лечь. Висконти спохватился первым. Он вахтенный, он был вооружен. Он пытался достать пистолет...

— И что?

— Они закололи его. Понимаете, все произошло очень

быстро. Я буквально опешил. Висконти вдруг упал. А меня свалил первый. Остальные, наверное, скрывались у корабля. Или лежали на платформе. Я услышал шаги, голоса. Они ворвались на корабль. Меня буквально перетащили в кают-компанию. Там их было несколько человек. Мне сказали, что корабль переходит во владение какого-то Берендея. Человек в вашей одежде хорошо говорил на космолингве.

— Да,— сказал Андрей.— У него диплом штурмана. Но он предпочел работать у меня в агентстве.

— Он сказал, что я должен выполнять приказания. Иначе меня убьют, как Висконти. И я понял, что он не шутит.

Доктор подошел к столу, стал перебирать на нем какие-то бумажки. Руки его чуть дрожали.

— Простите,— сказал он,— я до сих пор не могу пережить...

— Я бы тоже испугался,— постарался успокоить его Андрей.

— Вы не понимаете, я не могу пережить унижения. Это унизительно. Отвратительно. Буквально у меня на глазах убивают человека. Я смотрю на эти лица — совершенно спокойные лица... Я не могу сказать, что не рассуждал. Я рассудил — на корабль напали грабители. Если мы сейчас бросимся на этих людей, они нас убьют. Может, им даже удобнее нас убить. Я надеялся, что буквально через минуту поднимется тревога. И все кончится. Даже когда этот ВосеньЮ сказал, что «Шквал» должен готовиться к отлету. Я чуть не улыбнулся. Я вспомнил давние времена самолетов. Может, помните, если вы учили историю, когда-то водились террористы, которые захватывали самолеты. В воздухе.

— Помню. Читал.

— И я старался говорить с ними мягко, ну как с сумасшедшими. Я стал его уговаривать одуматься. А он смеялся, а потом меня ударил. Буквально ударил по лицу. Вы можете поверить?

— Могу.

— Остальное вам известно. А я буквально в тупике. Ведь мы летим. Но куда мы летим? И совершенно нечего есть. Как вы думаете, они нас накормят?

— Не знаю,— сказал Андрей.— Они утверждают, что летят на Ар-А.

— Простите, я не знаю, что это такое.

— Другая планета в той же системе.

— Это еще зачем? Она населена?

— Нет. Там только археологическая экспедиция.

Беседуя с доктором, Андрей представлял себе примерно, каким образом было осуществлено нападение на корабль. События, которые казались еще недавно не связанными между собой, случайными и даже загадочными, обретали простые

объяснения. Кому и почему надо было покушаться на Андрея и Витаса? Кому они мешали? Мешали они Пругу, мешали потому, что, оставаясь на свободе, они были опасны, они могли сорвать захват корабля. Их надо было убрать со сцены. Просто и понятно. Даже понятно, почему Пруг не был настойчив в попытках убить их. Он действовал по старинной поговорке: «Лучше живой враг, чем мститель за мертвого». Вот они с Витасом и живы. Пруг опасался, что убийство капитана и агента Космофлота заставит Галактический Центр вступить на путь смертной мести. Если можно этого избежать, тем лучше. Пока покушения на Андрея и Витаса производились на темной улице убийцей со стертым клеймом на стреле, Пруг мог откреститься от участия в этом. На корабле конечно все иначе...

Но путешествие к предкам, желание приобщиться к величию гигантов... Уж очень несовременная причина для такого вполне трезвого политика, как Пруг.

Ответ на этот вопрос материализовался в образе долговязой, растерзанной, полуголой фигуры, влетевшей в неожиданно раскрывшуюся дверь.

— Фотий ван Кун, археолог,— произнесла фигура, почти церемонно кланяясь.— У меня страшно болит зуб.

— Археолог? Это вы пропали позавчера?

— Никуда я не пропадал. Меня похитили. Где у вас обезболивающее?

— Спокойно,— сказал доктор.— Садитесь сюда и давайте поглядим, что у вас произошло.

— Только попрошу без этих «спокойно» и «садитесь». Я этого достаточно наслушался в вашем бандитском логове,— заявил Фотий ван Кун.— Я не намерен разговаривать ни с кем из вашей банды, и можете катиться ко всем чертям. Мне ясны ваши замыслы и махинации, и вы еще даже не представляете, что я с вами сделаю.

Во время этого бешеного по скорости и напряжению монолога Андрей успел разглядеть археолога. Очевидно, в нормальном состоянии он был обыкновенным человеком, его не различишь в толпе. Но сейчас его редкие волосы стояли дыбом, лицо было перемазано, от одежды оставались лишь странные и неполные детали нижнего белья. Как часто бывает у рыжих, у него было мучнисто-белое лицо, усыпанное веснушками. Зеленые глаза лихорадочно блестели.

— Я убежден, что вы заблуждаетесь,— сказал доктор.— Мы не имеем буквально никакого отношения к тем людям, которых вы именуете бандитами.

— Нет никаких оснований вам доверять,— ответил археолог.— Меня тут уже обманывали.

— Тогда сядьте и откройте рот.

— Ничего подобного. Вы не знаете о моих болезнях, а я знаю. Я простужен. Понимаете, я зверски простужен, и простуда у меня всегда выражается в зубной боли. Если бы вас держали часами на сквозняке, вы бы не рассуждали так спокойно.

— Доктор,— сказал Андрей,— я полагаю, что нам следует подчиниться. Дайте ему обезболивающее, а осмотрите его в следующий раз.

— Наконец-то разумный человек! Я вспомнил! Вы агент Космофлота! Я вас видел у консула. Значит, вы, вернее всего, не бандит.

Фотий ван Кун залез в аптечку, вытащил оттуда тюбик с обезболивающим, выдавил себе на щеку, растер, затем стал вытаскивать другие лекарства и пытался рассовать их по несуществующим карманам. Лекарства сыпались на пол.

— Это грабеж,— заметил доктор.

— Нет, это не грабеж. При моем состоянии здоровья я вообще никогда не выхожу из дома без аптечки. И совершенно неизвестно, когда в следующий раз я смогу ее пополнить. Дайте мне коробку!

Доктор растерянно поглядел на Андрея. Тот пожал плечами.

Доктор достал из стола пластиковый пакет. Фотий ван Кун сердито ссыпал туда конфискованные лекарства. И видно, это его примирило с доктором и Андреем.

— Вас тоже похитили? — спросил он.

— Да.

— А вы-то им зачем?

— Мы еще не знаем.

— Чепуха,— заявил Фотий ван Кун.— Вы отлично знаете. Им нужен корабль. Чтобы добраться до сокровищ Ар-А. Ясно как день.

— Сокровища Ар-А? — спросил Андрей.— Это что-то новое. И наверное, это может нам самим многое объяснить. Что вы имеете в виду?

— Я бы мог вам дать тезисы моего сообщения...— Фотий ван Кун потер лоб.— Но они утащили все мои записи и схемы. Все утащили.

— Тогда мы имеем право узнать об этом из ваших уст,— сказал Андрей.— Раз мы лишены возможности прослушать вашу лекцию.

— Работа еще не завершена, есть только самые предварительные результаты. Там масса интересного для археолога. Но для бандита — куда меньше. Да, там есть пушки и всякие пулеметы. Но они же ржавые!

Дверь открылась, и ВосеньЮ, не рискуя войти внутрь, сказал:

— Уважаемый ван Кун. Вы просили ужин. Ужин готов.

— Не нужен мне ваш ужин. У меня и без вашего ужина начинается гастрит.— И с этими словами археолог направился к двери.

Дверь закрылась.

— Еще один кусочек мозаики,— сказал Андрей.— Можно я зайду к Витасу?

— Заходите,— сказал доктор.— Странный тип этот ван Кун.

— Его похитили за день до нас. Все думали, что его убили. Они инсценировали ограбление и даже убедили стражу, что грабители утопили его в озере.

Доктор открыл дверь в госпиталь. Там в ванне с физиологическим раствором лежал Витас.

Андрей подумал, как меняется человек, когда он находится в неестественном состоянии. Ты смотришь на него и понимаешь, что это должен быть Витас Якубаускас. А видишь куклу, муляж, потому что мышцы лица расслаблены, чего не бывает даже в глубоком сне, от этого лицо становится неживым.

— Что же,— сказал Андрей,— надо отдать им должное. Они провели свою операцию безукоризненно.

— Что же делать? — спросил доктор. Они стояли рядом с Витасом, словно приглашая его участвовать в разговоре.

* * *

Наследник Брендийский, в ближайшем будущем также господин планеты Ар-А, потомок гигантов, пригласил к обеду агента КФ Андрея Брюса.

Кают-компанию переоборудовали. Предусмотрительный наследник притащил с собой любимые вещи. Например, кресло. Может, не то, что стояло в его доме, но достаточно солидное, чтобы вместить тушу наследника.

Стол был накрыт скатертью цветов клана. Никакой уважающий себя властитель не будет есть на какой-нибудь тряпке.

Два воина в парадных туниках и шлемах стояли по обе стороны кресла, сверкая обнаженными клинками. В косицы усов были вплетены цветные ленточки.

— Мне тут нравится,— сказал Пруг.— Садись и поешь со мной. Не считай себя моим кровником. Это заблуждение. Смерть уважаемой ПетриА была следствием ошибки. Мы ее не убивали. Даю слово горца. Так что отведай моего скромного угощения.— Вдруг Пруг Брендийский засмеялся: — Второй день подряд у меня в гостях! Этой чести позавидовал бы любой министр. Да садись же! Мы с тобой вожди двух кланов. Ваш клан побежден, но в честном бою.

Воины внесли блюда с настоящей горской пищей. Значит, и об этом Пруг позаботился.

— Доктор голоден,— сказал Андрей.

— Я уже распорядился. Ему понесли пищу.

Андрей не мог отделаться от ощущения, что напротив него за столом сидит очень хитрый и хищный кот. Теперь многое зависело от того, что удастся узнать о намерениях и возможностях врага.

«Странно,— подумал Андрей.— За всю мою не очень удачную жизнь мне не приходилось еще сталкиваться с человеком, которого я мысленно называю врагом. А этому я враг».

— Я не считаю тебя врагом,— сказал Пруг, перегибаясь вперед и накладывая с подноса мешанку в миску Андрея.— Мне ничего от тебя не надо. Я своего уже добился. Дикий горец захватил корабль. Почему? Потому что вы избалованные люди. Вас защищает не ваше истинное могущество, а страх других перед вашим могуществом. Это и есть ваша слабость. Могущество рождает самоуверенность. И вот результат: мы летим, куда я хочу. И вы мне помогаете и будете помогать.

— Что вы этим хотите сказать?

— Да очень просто. Горец, дикий человек, слабый перед природой и господами, никогда бы не сел за один стол с убийцей. Он бы умер от голода. Он бы бросился на нож. А ты такой могущественный, что не считаешь для себя унизительным сидеть со мной. Ты думаешь, что перехитришь меня. А ведь человеку трудно перехитрить гиену, хоть он и умнее и сильнее. Гиена первобытное существо. Я первобытное существо. Даже твой неверный помощник ВосеньЮ — первобытное существо. Вы его научили летать в космосе, считать на компьютере, показали ему, как вы живете, вызвали в нем постоянную зависть и озлобление против вас. Внутри он остался таким же диким, как и до встречи с вами. Ты когда-нибудь был у него дома? Ты знаешь, с каким упрямством и почтением он выполняет все ритуалы первобытной жизни? Я это сразу проверил, как только замыслил великое дело. Я знал, что должен использовать вашу слабость — ваше могущество. Я стал следить за ВосеньЮ, и, узнав, что он внутри остался первобытным, я начал прикармливать его, а прикармливая, я его запугивал.

Пруг Брендийский извлек толстыми пальцами кусок мяса со дна миски и подержал в воздухе, будто намереваясь положить его в тарелку Андрея. Однако, видно, решил, что честь слишком велика, и вместо этого отправил кусок себе в рот. Андрей подумал, что неправильность лица Пруга именно во рте. Рот слишком мал и тонкогуб, будто снят с другого, маленького личика.

— Признай, что в моих словах есть истина.

— Есть,— согласился Андрей.— Мы были доверчивы. В

результате убита ПетриА, убит пилот Висконти, тяжело ранен капитан корабля. И боюсь, что это не последние жертвы.

— Желания убивать у меня нет,— сказал Пруг Брендийскнй.— Не превращай меня в убийцу. Кстати, ты забыл сказать о себе, ты тоже ранен, и о неизвестном человеке, которого пришлось убить вместо археолога. Я понимаю, что тебе смерть неприятна. Ты чураешься ее оскаленной морды. Но если бы ты начал проповедовать миролюбие среди моих людей, тебя бы не поняли. Ты не знаешь войн, а мы живем войной. Мы с вами на войне, и я награждаю тех моих воинов, которые убили врага. Этим они спасли меня и славу клана.

Принесли пирог с ягодами, кислый, свежий, остро пахнущий лесом и смолой. Пруг отломил кусок и положил Андрею.

— Мы никогда не были вашими врагами,— сказал Андрей.— Даже по вашим законам нельзя нападать, не объявив об этом заранее и не бросив вызова. Это считается подлостью.

— Не учи меня, что подло, а что хорошо. Ты здесь чужой. Мир подл. Другого я не знаю. Старые законы заржавели. Как только я решу действовать как положено благородному вождю, правительство вышлет меня из города или подстроит мою нечаянную смерть. Можно ли сочетать правила благородной чести и городскую стражу с радиопередатчиками? Я стараюсь сохранить благородство в главном. Я должен возвратить себе престол в горах. Это благо для моих подданных. Ради этого блага я позволю себе презреть некоторые устаревшие правила благородства. А как только вы оказались на моем пути к великой и благородной цели, вы стали моими врагами, хотите вы того или нет.

Вошел ДрокУ. Он нес серебряный таз для омовения рук. Простому воину такая честь недозволена.

Пруг Брендийский вымыл пальцы в тазу. Потом ДрокУ поставил таз перед Андреем.

— Я не согласен с вами,— сказал Андрей Пругу.

— Меньше всего мне нужно твое согласие. Я пригласил тебя не для того, чтобы оправдываться.

— Зачем же тогда?

— Чтобы объяснить то, чего ты не понимаешь. Ты не должен сопротивляться. И не замышляй каких-нибудь фокусов. Потому что эти фокусы приведут к твоей смерти.

ДрокУ поставил на пол таз и хлопнул в ладоши. Слуги убрали со стола и принесли курильницы.

— Я бы мог схитрить,— сказал Андрей, поднимаясь.— Я мог бы притвориться покорным и в тишине планировать, как освободиться от вас. Но мои собственные понятия чести не позволяют мне этого сделать. Вы были правы, говоря, что нам дорога любая жизнь. Убийство и честь несовместимы. Я буду бороться с тобой, Пруг, пока ты не будешь обезврежен.

— Для этого тебе придется меня убить, а убивать ты не хочешь. Так что ты бессилен, господин неба. И твой галактический клан бессилен. Когда мне нужно убить, я убиваю, а ты рассуждаешь. Иди рассуждай, я тебя не боюсь. Ты даже не сможешь отомстить за свою женщину. Я в презрении плюю на тебя. Уходи.

По кают-компании раскатился громкий, утрированный смех Пруга.

— Я провожу его? — спросил ДрокУ.

— Нет, мне надо с тобой поговорить, пускай его отведет КрайЮ.

Пожилой одноглазый горец с седыми косами усов, свисающими на грудь, вывел Андрея в коридор.

* * *

Андрей понял, что его ведут в каюту. Это его совсем не устраивало. В каюте он был бы изолирован.

Он сморщился, схватился за руку. Прислонился к стене, изображая крайнюю степень страдания. КрайЮ подтолкнул его в спину и, Андрей издал громкий стон.

— Больно,— сказал он.— Надо к доктору.

— Слизняк,— заметил презрительно горец.

Это было оскорблением. Андрей стоял у стены, полузакрыв глаза. КрайЮ сплюнул, потом подошел к нише, в которой таился экран интеркома, и нажал на кнопку. Поглядел на Андрея не без гордости — Андрей понял его. «Любопытно,— подумал Андрей,— как воины Пруга освоились на корабле. Может, если бы они были тоньше организованы, корабль скорее мог подавить их, изумить, испугать. Воины Пруга восприняли корабль как захваченную крепость. Концепции космоса, вакуума, бездонного пространства были для них абстракциями. И если при нажатии кнопки на экране появлялось лицо вождя — значит, так надо».

Пруг Брендийский сидел за столом, разложив перед собой какие-то бумаги. Рядом стоял ДрокУ. Когда раздался сигнал вызова, он почему-то накрыл эти бумаги лапами.

— Что тебе? — спросил он.

— Господин неба говорит, что ему больно. Он хочет к доктору.

— Пускай идет,— сказал Пруг.— Только смотри за ним. И как только доктор даст ему лекарство, пускай он идет к себе в каюту. Запомни: они должны быть поодиночке.

«Что ж, в отличие от нас, его не обвинишь в легкомыслии»,— подумал Андрей.

* * *

Андрей не знал, как отделаться от КраЙЮ, но тот сам не пошел в кабинет. Медпункт был непрнятным местом. Любой доктор — колдун. Чужой доктор — опасный колдун.

— Времени у меня немного,— сказал Андрей.— Я разговарнвал с Пругом, н он показался мне серьезным протнвником.

— Я это понял раньше вас,— проворчал доктор.

Перед ннм стояла мнска с недоеденной похлебкой.

— Уговарнвать его н учнть гуманнзму бесцельно.

Но в этот момент экран загудел н включился.

На экране был Пруг Бреннднйский. Он вновь улыбался. Внсячие усы шевелнлись, как змеи.

— ДрейЮ? — сказал он.— Я хотел проверить, не провел лн ты меня. Ты осторожен н потому опасен.

— Вы для этого меня вызывали?

— Я хотел сказать тебе другое: опасайся ВосеньЮ. Он маленькнй человек, и ты его напугал. И твоя жнзнь ему совсем не нужна. Поннмаешь, совсем не нужна. А такне маленькне людн очень опасны. Ты меня понял?

— Понял.

— Тогда лечись. Тебе может пригоднться твоя рука.

И, не переставая смеяться, Пруг Бреннднйскнй отключился. А его смех, грудной и глубокнй, еще некоторое время звучал в медпункте.

— Это буквально чудовнще,— сказал доктор.

— Детище своего временн, своей эпохи. К сожалению, неглуп. Употреби он свои таланты на нное, цены бы ему не было.

— Нелогично,— сказал доктор.— Еслн он, как вы говорите, детнще своей эпохн, то он не мог употребнть таланты на другое.

* * *

Если «Шквал» ндет к Ар-А, то само путешествне займет не много времени. Судя по возможностям корабля, еще два дня. Затем торможение. Два дня — это немного. Желательно за этн дни захватнть корабль, что малореально. Археологи уже знают, что случилось,— у них есть связь с Пэ-У. Значнт, археологн примут меры.

Андрей строил в воображенин картины того, как известия о малой войне распространяются по Галактнке. Но в самом деле эти картины былн далеки от реальности.

Археологн на Ар-А, ожндая прнлета «Шквала» и возвращення Фотия ван Куна, с утра попыталнсь связаться с кос-

модромом Пэ-У, но космодром не отвечал, потому что была взорвана диспетчерская. Они решили, что на планете что-то случилось со связью, и продолжали безуспешно вызывать ее.

Когда утром не вышел на связь «Шквал», то в Галактическом Центре дежурный сообщил об этом в Космофлот, присовокупив свое нелестное мнение о новых гравипередатчиках. Но так как было известно, что «Шквал» благополучно приземлился на Пэ-У, то дежурный по управлению не особенно встревожился и, уходя обедать, попросил вызвать планету. Во время обеда ему сообщили, что планета также не отвечает, и потому он, так и не доев компота, поднялся в центральную обсерваторию, чтобы узнать, какого рода помехи могли возникнуть на линии. Ему сообщили, что из-за взрыва Новой ненадежна связь во всем секторе.

Поняв, что во всем виновата Новая, дежурный все же вызвал два корабля, которые находились в том секторе. Связь с «Титаном» и «Вациусом» — кораблями в том секторе — была нормальной.

* * *

Андрею в каюту позвонил доктор. Доктора тоже томило безделье.

— Это безделье кролика,— сказал доктор, печально уткнув длинный нос в экран.— Сейчас откроется дверь и ваш Гаргантюа скажет: «Пожалуйте, будем вас кушать».

— Ничего странного,— ответил Андрей, которому не хотелось шутить,— ритуальное людоедство зафиксировано у некоторых горных племен. Я думаю, вам интересно будет поговорить об этом с нашим консулом Ольсеном. Большой специалист по части обычаев.

— Лучше я останусь необразованным.

— Как Витас?

— По-прежнему. Дайте мне какое-нибудь задание.

— Почему я?

— Не могу объяснить. Законы, по которым стая выбирает вожака, порой необъяснимы. У вас запах лидера.

— Мне нужно выбраться из каюты.

Андрей понял, что застоялся. В нем всегда тикал какой-то бес движения. Он не мог заснуть, не пробежав перед сном несколько километров. Поэтому он начал делать приседания. Когда он опустился на корточки двадцать второй раз, дверь отворилась и вошедший доктор с удивлением воззрился на Андрея сверху.

Андрей вскочил.

— Как вы вышли?

— Они забыли запереть дверь.

— Возвращайтесь к себе.
— А вы?
— Я загляну в отсек связи.

Андрей быстро пошел по коридору. У закругления коридора он замер, прислушиваясь. Потом обернулся. Доктор все еще смотрел вслед. Андрей энергично махнул рукой — уходите!

* * *

Андрей никогда не был раньше на «Шквале», но законы расположения помещений на корабле консервативны. Дорогу к сектору связи Андрей мог бы найти с закрытыми глазами. Он не очень опасался кого-нибудь встретить, полагая, что горцы предпочитают не ходить по кораблю без нужды,— все-таки он хоть и завоеванная, но чужая крепость, в которой живут враждебные духи.

Дверь в отсек связи была открыта. Андрей закрыл дверь за собой, включил свет. Потом включил настройку. Над пультом загорелись два зеленых огонька. Теперь надо найти волну и позывные Центра. Когда-то Андрей знал их наизусть, но прошло несколько лет... К тому же они, вернее всего, изменились. Он включил экран-справочник. Время шло...

Дверь сзади поехала в сторону. Беззвучно, осторожно. Андрей понял, что она открывается лишь по внезапному движению воздуха.

Он обернулся. ВосеньЮ держал в руке бластер.

— Тебя опасно оставлять в живых,— сказал он Андрею.

«Опасайся ВосеньЮ. Он маленький человек».

Глаза ВосеньЮ казались черными бездонными дырками, как дыры в белой маске, за которой нет лица.

«Такие маленькие люди очень опасны».

Андрей бросился на пол, стараясь дотянуться до ног ВосеньЮ. Луч ударил в пульт, расплавив экран. Андрей успел подумать: «Вот сейчас перед моим взором должны пронестись картины детства... а где они?»

ВосеньЮ уже от двери снова поднял бластер, рука его тряслась.

«Дурак,— трезво и спокойно подумал Андрей,— он не поставил на подзарядку. Выпустил весь заряд... Теперь у меня есть три секунды». И он вскочил и шагнул к ВосеньЮ так, чтобы за эти три секунды дойти и убить. Он очень хотел убить этого человека.

И ВосеньЮ понял его и отпрянул в коридор, забыв, что через три секунды бластер будет подзаряжен и готов убивать вновь.

Но и Андрей не успел дойти до ВосеньЮ, потому что

за спииой того уже громоздился слоиовьей тушей Пруг Брендийский. Далее ДрокУ... а за иими доктор.

И доктор кричал:

— Убийца!

Аидрей увидел, как подиимается — быстро и резко — ладонь Пруга и опускается иа затылок ВосеиьЮ, и пожалел, что ие успел к ВосеиьЮ первым.

ВосеиьЮ охиул и тихо сел на пол.

Бластер отлетел в сторону, и доктор хотел подиять его, но Пруг заметил это движеиие и отбросил бластер иогой к стене. ДрокУ иагиулся и подхватил оружие.

— Я же предупреждал,— сказал Пруг.— Он очеиь опасеи.

* * *

— Я согласен, что трусливый человек опасен не только для врагов, ио и для друзей,— сказал Пруг Аидрею. Оии снова сидели в кают-компаиии.

— Во всем виииоваты вы,— сказал Аидрей.— Ои пешка.

— Нет, я не могу быть виноват. Я выше этого.— Пруг сказал это с глубоким убеждеиием в своей правоте.— И я предупреждал, чтобы ты был осторожеи. ВосеиьЮ иадо убрать. Тем более, что ои принадлежит к такому иичтожиому клану, что его можио вообще считать человеком без клаиа. Но я ие могу этого позволить. Это грустио, ио приходится отступать в мелочах, чтобы победить в главиом.

— Опять притворяетесь, киязь.

— В твоих глазах я делаю иеправильиые вещи, я плох. В моих глазах я велик и справедлив. И если моя справедливость кажется тебе жестокой, это потому, что у тебя иет своей справедливости.

— На пути к своей справедливости ты уже миогих убил, Пруг.

— Может, придется убивать и еще. Может, придется убить тебя. Но славить потом в песиях будут меия, потому что я полетел к гигаитам и взял их оружие. Песию поют о великих завоевателях. В песиях иет места тем, кто стоял иа пути великих завоевателей. Я вериусь иа Пэ-У победителем. Это мой долг.

— Поймите же, все это выдумка. Нет иикаких предков, иет иикаких арсеиалов. Это легеида, которая очеиь дорого обходится.

— Легенда? Ты мне не веришь? Тогда, может, ты поверишь другому?

— Кого вы имеете в виду?

— Позови гробокопателя,— сказал Пруг воииу.

Пока воин отлучался, Пруг молча вытащнл из стегаиой кобуры бластер и положил иа ляжку, словно нграл в шпноиов н разбойинков. Аидрею казалось, что кают-компаиия, привыкшая к голосам пилотов и механиков, еще два дня назад уютная и чистая, иасторожилась, замкнулась и ее стеиы, ее вещи смотрят с опаской н недоверием на чужаков — кресло, скатерть, курильиицу, лохань, прнтащеииые с Пэ-У. Да н что может быть иелепее и иеправильнее, чем толстый человек в латах под рыжей, в сииих цветах туннкой, который обвнс в кресле, лишь пальцы иасторожеиио шевелятся, постукивая по рукоятн бластера.

Археолог Фотий ван Кун уднвил Аидрея. Он уже привык за первую встречу с иим к его агрессивиости, громкому буиту н настороженности мальчнка, которого обижают одиоклассники. Ван Куи вошел медлеиио, прихрамывая, остаиовился в дверях. Охраииик подтолкнул его в спииу.

— Простите,— сказал археолог.

«Оин с иим поработалн так, как и ие снилось иителлигентному человеку,— подумал Андрей.— А археолог к этому не привык».

— Прншел, вот и спасибо,— сказал добродушно Пруг Брендийский.— Ты садись, ие стесняйся.

Ои говорил на космолингве с акцеитом, мягким, даже приятиым. Но по-кииижиому. Видио, прошел гнпиопедическне сеаисы.

Кровоподтек на скуле, сиияк под глазом, вроде бы оцарапаио ухо. Рука иа боку... Вериее всего, археолога били по почкам.

Фотий ваи Куи сел бочком, осторожио, саднться ему было больио, ио отказаться он ие посмел.

— Как себя чувствуешь, не болнт?

— Все хорошо, спасибо.

— Такая иезадача! — сказал Пруг, ие переставая сочувствеино улыбаться.— Наш друг не поладнл с одиим нз моих горцев. Оба оказались такнми невоздержаииыми... От горцев всего можио ожидать. Но чтобы такой возвышенный, учеиый человек так себя вел! Стыдно, почтеииый ваи Куи.

— Перестаиьте... пожалуйста,— сказал ваи Куи.

— Вот тут повелитель неба агеит ДрейЮ, мой большой друг, ннтересуется, иа что мы можем рассчитывать иа Ар-А. Объясин ему, что вы нашлн, не спеши, никто тебя ие торопит

— Мне надо к доктору,— сказал Фотнй ваи Кун.— Расскажнте своему другу самн.

Аидрей не видел, где у Пруга спрятаи хлыст. Он знал о таких хлыстах — бичах справедливости,— но видеть не прнходнлось. Хлыст был тоикнй, нз хвоста морской рыбы, с колючим шариком на конце.

Хлыст вылетел откуда-то из-за кресла, взвизгиул в воздухе.

Археолог сжался. Хлыст, описав круг, снова исчез. Пруг остановил жестом рванувшегося было вперед Андрея.

— Не надо,— сказал он.— Я только напоминаю. Господин ван Кун не достоин вашей заботы. Он очень боится.

Фотий ван Кун глядел в пол.

Дикая ситуация. Мы забываем о том, что прошлое имеет когти и хлысты, что прошлое безжалостно и ни в грош не ставит человеческую жизнь. Да и нас можно понять: когда и как столкнешься с таким Пругом? Он представил себе негодование, растерянность и боль археолога, когда Пруг и его молодцы решили поговорить с ним на своем языке. Хоть он проштудировал массу исторических сочинений и все знает о Чингисхане, Гитлере или Иди-Амине, все это осталось за пределами его практического опыта,— ну как человек может предположить, что столкнется с бронтозавром, если бронтозавры вымерли, и это научный факт? Или человек остается один на один с бешеной собакой. А как разговаривать с бешеной собакой, его не учили. Он только знает, что, если где-то появилась бешеная собака, на это есть специалисты, которых учили, как отлавливать бешеных собак и изолировать их, чтобы не покусали окружающих. Более того, он уверен, что те специалисты проявят гуманность к бешеной собаке и постараются ее вылечить. Бедняга. Его, наверно, с детства никто не бил, да и в детстве он не лез в драку.

— Возьмите себя в руки, ван Кун,— сказал Андрей.— Все это скоро кончится. Мы их посадим в клетку.

Пруг понял. Пругу это не понравилось. Пруг перестал улыбаться. Пруг решил принять меры.

Андрей был почти готов к этому. Психология Пруга, если с ним немного пообщаться, не представляла глубокой тайны. Андрей прыгнул с кресла в тот момент, когда хлыст взвизгнул, разрезая воздух. Разумеется, он опустился на больную руку, и боль была страшная.

Он со злостью к себе подумал: «Вот ты, голубчик, и потерял форму. Раньше ты бы успел отпрыгнуть».

Но, к счастью, злость и боль не замутили сознания. Здоровой рукой он успел схватить за конец хлыста и вырвать его. Он тут же отпустил хлыст, потому что колючий шарик распорол ладонь — этого еще не хватало! — но и Пруг потерял равновесие, тяжело вывалился из кресла вперед.

Воин выхватил нож. Андрей замер.

К счастью, Пруг быстро соображал. Он отмахнулся от воина, сам подтянулся сильными ручищами, втащил себя в кресло и сказал:

— Молодец.

Но смотрел при этом на археолога. Археолог глядел в пол.

«Ему сейчас кажется, что все это дурной сон,— подумал Андрей.— Ничего, было бы желание проснуться».

— Если вы еще раз поднимете хлыст на равного, то вам придется убить меня,— сказал Андрей.— Честь не терпит скотства.

— Ну ладно, ладно,— сказал Пруг,— я пошутил, и обиды нет.

— Кнутом не шутят.

Андрей говорил на языке Пруга. Он знал, что Пруг перешел грань дозволенного в отношениях между свободными людьми. Перешел ее не случайно. Успех с археологом, которого удалось сломить, дал надежду, что он добьется того же с Андреем. Археолог был чужаком. Андрей же, которого Пруг принимал в своем доме, был благородным. Иначе терял лицо Пруг — кого же он приглашал и кормил? Раба, которого можно хлестать?

— Я погорячился,— сказал Пруг.

Андрей больной рукой достал платок, прижал его к ладони. Он не хотел показать, что ему больно.

— У вас идет кровь,— вдруг брезгливо сказал археолог, как будто все это его совершенно не касалось.

— Ничего,— засмеялся Пруг. Он предпочел забыть о маленьком поражении.— Ты лучше повтори то, что рассказал. О планете Ар-А. О ее арсенале. Ты рассказывай своему ДрейЮ, я уже все знаю. Только не лги.

— Я излагал суть открытий в сообщении в Школе Знаний,— тихо сказал археолог.— Вы можете ознакомиться. Бумаги у вас.

— Вот,— обрадовался Пруг.— В Школе Знаний был ДрокУ. Мы давно ждали его приезда. Очень ждали.

Андрею хотелось как-то расшевелить археолога. Он специально вызвал гнев Пруга, чтобы показать ван Куну, что тот не одинок. Но демонстрация прошла впустую.

— А что это за история с фигурками мести? — спросил Андрей.

— Что? Какой мести?

— Вы перед самым похищением купили в магазине четыре фигурки воинов. Помните?

— Солдатиков? — спросил ван Кун, неожиданно оживая.— Да, я купил. А остальных не успел.

— Точно,— сказал Пруг.— Я его спрашивал, но не понял ответа. Я думал, в этом какой-то смысл. А он мне говорил чепуху.

— Это были солдатики,— сказал археолог.— Неужели вы не можете понять простой вещи? Я собираю солдатиков. Всех стран и народов. У меня коллекция! Понимаете, коллекция!

— Как все бывает просто! — улыбнулся Андрей.— Коллекция. Конечно же, марки, открытки, солдатики...

— Ты понимаешь? — спросил Пруг.

— Некоторые люди собирают много одинаковых вещей — им интересно.

— Ладно,— отмахнулся Пруг.— Ты говори об арсеналах.

— Там была война,— сказал археолог.— Им удалось фактически кончить жизнь самоубийством. Джинн из бутылки.

— Понятнее говори,— проворчал Пруг.

— И без этого понятно,— сказал ван Кун. Он глядел на Андрея, и глаза его были загнанными, усталыми.— Они многого достигли. Даже вышли в космос. По крайней мере, они могли достигать планеты Пэ-У. Технологическая цивилизация. Но они воевали. Убивали друг друга. Отчаянно воевали. И долго. Пока мы можем только предполагать. У них было бактериологическое оружие. Оно нарушало генетический код. Они не смогли найти противодействия. Очевидно, оружие разрабатывалось в условиях войны и казалось панацеей — одним ударом, как атомной бомбой. А остановить они уже не смогли.

— Ясно,— сказал Андрей.— И не осталось никого?

— Хуже. Когда они поняли, что гибнут,— они в подземельях прятались, они искали противоядие, войны уже прекратились, но они еще старались спастись... Некоторые остались живы, но на ином уровне... У меня с собой были материалы, но они все украли.

— Ты говори,— ответил Пруг.— Ты скажи об арсеналах.

— Неточное слово. Условность. Это больше, чем арсеналы. Они прятали все. Они уже были последними, но сидели в норах и боялись. Может, если бы они объединились, они могли бы выжить.

— Не рассуждай,— сказал Пруг.— Говори, что нашли.

— Дикари не учатся на исторических ошибках. Я намерен был все подробно рассказать в вашей Школе Знаний. Я думал, что это предупреждение. А это соблазн. Соблазн начать все сначала. Им мало одной планеты!

— Мы все поняли, мой дорогой. Жаль, что ты упрямился. Пришлось тебя наказать. Если люди дружат и помогают друг другу, то нет нужды в наказаниях.

— Меня нельзя было бить,— вяло сказал археолог.

— Ты стоял на пути благородного дела освобождения моей страны от власти корыстолюбивых и гнусных тварей. Ты стоял на пути освободительных сил, ты стоял на пути моего величия. И ты был наказан. Как и каждый, кто посмеет мне помешать!

— Ему надо к врачу,— сказал Андрей.

— Что? — Пруг не сразу переключился на обыденность.— К доктору? Ну, веди его к доктору. Пускай доктор его лечит. И пускай тебя лечит тоже. Что, болит рука? — Пруг засмеялся.— Я в детстве тоже схватился за хлыст. Меня хотели наказать. Я был гордый, я схватился за хлыст. Скажи доктору,

что от шарика получаются занозы, они нарывают. Не смотри так на меня, ДрейЮ, я не дам тебе меня убить. Я убью тебя сам. Не сейчас, а когда мне это будет нужно.

Андрей поднялся и сказал археологу:

— Пошли в медпункт, ван Кун.

«Умение убивать...— думал он.— Мне не приходилось убивать человека... Но зачем ему об этом знать? Наверное, если очень рассердить кролика, он тоже убьет человека».

* * *

— Вы не представляете,— повторял археолог, пока доктор готовил успокаивающие средства,— что это за существа. Им доставляет наслаждение бить. Я сначала этого не понял и довольно резко им отвечал. Скажите, неужели каждого человека можно избить так, что он потеряет человеческий облик?

— А на Ар-А остались люди? — спросил Андрей, чтобы переменить тему разговора.

— Люди? Я же сказал, что их оружие изменяло генетическую структуру. Убивало не только взрослых, но и тех, кто еще не родился, а иногда хуже, чем убивало. Знаете, они отняли у меня лекарства, которые вы мне дали. Были люди — стали амляки.

— Разденьтесь,— сказал доктор Геза.— Но сначала выпейте вот это.

— Сейчас, сейчас.— Археолог начал быстро раздеваться, словно боялся ослушаться.

Доктор поглядел на Андрея.

Фотий ван Кун залпом выпил лекарство, поперхнулся. Поморщился, хотел что-то сказать, но не сказал.

Обнаженный Фотий ван Кун оказался очень худ и весь изрисован синяками и ссадинами.

— Ну и обработали они вас! — сказал доктор.

Археолог лежал на смотровой койке. Веки его смежились, он дремал. Видно, доктор накачал его транквилизаторами.

С Андреем доктор Геза возился долго. Оказалось, и в самом деле ладонь набита маленькими занозами. Каждую пришлось вытаскивать отдельно. Андрей был рад, что археолог заснул: тот не слышал, как Андрей стонет.

* * *

К этому времени в Центре знали, что планета Пэ-У не отвечает и что «Шквал» молчит. В том, что случилась беда, уже никто не сомневался.

В этом секторе было два корабля — «Титан» и «Вациус». Оба на плазменных двигателях, обоим следовало резко изменить курс и идти к системе по крайней мере несколько дней.

После короткого совещания в Управлении Космофлота «Вациус» получил приказ идти к Пэ-У. В тот же вечер с орбиты у Сириуса стартовал к Пэ-У патрульный крейсер «Гром» класса «Инвинсибл». Он шел на гравитонных двигателях, но расстояние было очень велико. Он придет позже, чем «Вациус».

Такова была ситуация, когда Андрей пошел спать.

* * *

Капитан «Вациуса», милостивый Йнвуке, почти двухметровый, сутулый уроженец Крионы, обвел маленькими, в густых белых ресницах глазами собравшихся в салоне пассажиров и членов экипажа.

— У меня к вам серьезное сообщение, и потому прошу всех молчать и слушать внимательно.

В салоне собралось человек шестьдесят. В основном это были соотечественники капитана, с Крионы была и вся команда. Рейс к нескольким звездным системам должен был занять около полугода. В этом секторе звезды собраны куда компактнее, чем там, на окраине витка Галактики, где расположена Солнечная система, так что космические путешествия обычны и будничны.

Капитан оправил парадную форму Космофлота, не очень удобную для него, так как крионцы предпочитают свободные, мягкие одежды.

— Гравитолет «Шквал» не выходит на связь,— сказал капитан.— Он в рейсе на планете Пэ-У.

— Милостивый капитан,— поклонился, приподнимаясь, второй штурман.— А что говорит станция планеты Пэ-У?

— С планетой Пэ-У тоже нет связи,— сказал капитан, чуть кланяясь второму штурману.

— Осмелюсь не понять вашу милость,— сказал второй штурман. Он говорил то, что хотели бы сказать и другие члены экипажа, но не имели права, так как только второй штурман, он же сын капитана корабля, имел право спросить.— Как может прекратиться связь и с кораблем и с планетой, если на них установлены совершенно автономные, галактического типа станции связи?

— Я не могу ответить на ваш вопрос,— сказал капитан.— Это вся информация, которой я располагаю.

— Однако такого не случалось.

Капитан Йнвуке мысленно отметил, что второй штурман

заслужил наказания за открытое сомиение в словах своего капитаиа, но не сказал об этом вслух, чтобы ие компрометировать его.

— Если один корабль Космофлота попал в беду, а мы ие можем предположить, что две станции случайио перестали работать, то все корабли Космофлота, которые находятся в секторе, идут к нему на помощь. Мы иаходимся ближе всех к плаиете Пэ-У.

По салоиу прошло движение.

— Каково отклоиение от иашей цели? — спросил один из пассажиров. Ои был земляииином и ие зиал, что ему ие положено задавать вопросов.

Но капитаи, понимая, что обстоятельства сложились исключительиые, ответил ему:

— Сегодия же мы меияем курс и идем к цели на максимальиой скорости, которая иепереиосима для иекоторых пассажиров. Поэтому мы предлагаем всем пассажирам перейти иа планетариый посадочиый катер. Там будет тесио и ие очеиь удобно. Катер пойдет следом. Как только мы закончим нашу миссию, мы вериемся иа прежиий курс и возьмем плаиетариый катер иа борт. Общая задержка рейса составит примерио двеиадцать галактических суток. В случае, если обстоятельства измеиятся, больше.

Некоторые из пассажиров иачали протестовать, так как у иих были срочиые дела, но с ними капитаи даже ие стал спорить.

— Что же вы предполагаете? — иастойчиво спросил второй штурмаи.

— Я ничего не предполагаю,— ответил капитаи.— Но Пэ-У относится к разряду развивающихся плаиет, еще ие готовых к галактическому содружеству. Социальиые условия там нестабильиы.

Так как Криона была крайие цивилизоваииой плаиетой, гордой своим соучастием в осиовании Галактической лиги, капитан иикогда не мог изгиать из своего голоса иекоторой снисходительиости к иным цивилизациям.

— Корабль и стаиция могли погибнуть? — спросил второй штурман.

Капитан вздохиул. Ои почти ненавидел второго штурмаиа, который вел себя как последиий пассажир.

— Но почему мы? — спросил пассажир с Земли.— Ведь есть специальиые патрульиые крейсеры. Это дело их, а ие граждаиской авиации.

— Космофлот никогда не оставлял в беде своих товарищей,— сказал капитаи, глядя на второго штурмана.— Мы будем там на три дня раньше патрульного крейсера.

— Но ведь мы ие вооружеиы!

— Поэтому я н прнказываю всем пассажнрам покинуть корабль. А также могут покииуть корабль все те члеиы экипажа, которые считают, что дальнейшее пребываине иа корабле может представить для ннх опасиость.

Первым улыбиулся второй штурман. Улыбиулись и остальиые члеиы экипажа, которые прииадлежали к гордой и древией расе плаиеты Крнои.

* * *

Консул Ольсеи н иачальинк стражн ВараЮ приехали на космодром.

Само здаиие почти ие пострадало. Взрыв, разрушивший диспетчерскую, лишь выбил стекла и сорвал крышу. В теии здаиия, еле различимые за тучей рыжей пыли и сами рыжие, сиделн рядком три мрачиых иижеиера нз команды «Шквала».

Ольсеи поздоровался. Оин подиялись. Они уже близко позиакомились с коисулом за вчерашннй деиь.

— Что-иибудь слышно? — спросил первый иижеиер Салиаидри. Ои провел ладонью по плотиой курчавой шевелюре, и в рыжей шапке образовалась чериая просека.

— Нет,— ответил Ольсен печальио.

— Странно.

Салиаидри был упрям н отказывался мириться с плохими новостями. Он последним из всего экипажа поверил в то, что двеиадцать пилотов и иижеиеров иовейшего гравитолета «Шквал» остались без работы иа далекой чужой плаиете и даже ие зиают, что же случилось с их кораблем и капитаиом.

С ВараЮ, иачальииком стражи, пилоты были зиакомы. Вчера он пытался выясиить, ие было ли иа борту маиьяка из числа экнпажа, который мог бы угнать корабль. Может, ои сам ие верил в такую версию, ио держался за иее иесколько часов. Уже было известио, что исчез Пруг Бреидийский, что убита ПетриА, что Андрей Брюс с капитаном позапрошлой иочью поехали иа космодром. Даже был иайдеи паровичок, иа котором оии приехали, изрешечеииый картечью и подожжениый. Были обнаружеиы и следы гусениц боевой машииы. Все это указывало иа то, что похищенне корабля — дело Пруга, иаследиика Бреидийского. Но иачальинк стражи продолжал надеяться, что исчезиовение корабля связано лншь с земиыми галактическими делами. Сама граидиозность преступлення, иевероятность его, главное, неиужность ие умещалнсь в созиаиин.

В тот первый, сумасшедший деиь, когда иа рассвете город достигла весть о взрыве на космодроме, когда миогие видели,

как темной, окруженной голубым сиянием тенью взмыл космический корабль, ВараЮ старался отрицать очевидное.

Он был трезвым человеком, отлично знавшим, что никому на планете не нужен космический корабль. А если какие-нибудь бандиты и позарились бы на содержимое корабля, они никогда бы не решились поднять его в небо. Да и самые бесшабашные бандиты не осмелились бы приблизиться к кораблю, потому что он был Великой тайной.

На космодроме Ольсен обратился к инженерам со «Шквала», которые старались разобраться в остатках диспетчерской.

— Есть надежда?

В глубине души он надеялся, что Салиандри скажет: через день связь будет. В глазах филолога Ольсена инженеры с гравитолета обладали фантастической способностью подчинять себе машины.

— Надежды мало,— ответил Салиандри.

Разрозненные части рации и других приборов, извлеченные из-под развалин диспетчерской, лежали в тени рядом с инженерами. Частей было много. Но это ничего не доказывало.

— Ничего,— успокоил себя Ольсен.— В Центре уже знают. Вот-вот прилетит патрульный крейсер.

Он поглядел на белесое, иссушенное небо, будто крейсер мог возникнуть там в любой момент.

— Лететь далеко,— сказал помощник капитана, имени которого Ольсен не помнил. Он держал на ладони желтый золотистый кристалл с отбитым верхом. Кристалл был жизненно важной деталью рации.

Ольсен этого не знал.

Он вытер рыжим платком рыжий лоб.

Вернулся ВараЮ. За ним брел потный стражник.

— Поехали в больницу,— сказал ВараЮ.— Надо поговорить с диспетчером. Если вы не устали.

Ольсен безумно устал, но, конечно, не отказался от поездки. Тем более что его машина была самой быстрой в городе.

В больнице они были через полчаса.

Они быстро поднялись по лестнице в круглый зал нижнего вестибюля. Там царила суматоха. Стражник и санитар держали за руки мрачного человека в зеленой врачебной тоге. Оказалось, что этот человек десять минут назад проник в палату диспетчера, который пришел в себя, и пронзил его стрелкой без клейма.

У Пруга Брендийского остались в городе верные слуги.

А пока ВараЮ с Ольсеном были в палате, где врачи без особой надежды, скорей, в страхе перед ВараЮ старались оживить диспетчера, убийца успел, хоть его и держали крепко, принять яд.

* * *

Пустота планеты Ар-А была условной. На ней существовали животные и даже потомки людей — амляки. Именно потомки, потому что лучшего слова не придумаешь.

Это были бессловесные твари, жившие небольшими стаями, почти беззащитные перед крупными хищниками и в то же время сохранявшие какие-то остатки интеллекта, что позволяло им выжить в этом чужом и жестоком мире.

Амляки — а название возникло из-за звукоподражания: существа все время бормотали: «Ам-ляк-ам-ляк-ам-ляк» — не ощущали никакой связи с развалинами городов, но в то же время инстинкты тянули их к кладовым. Больше того, по скоплениям стай амляков можно было отыскивать кладовые.

Видно, гибель человечества на Ар-А, хоть и была относительно быстрой и необратимой, случилась не мгновенно. Последние разумные жители планеты — вернее, наименее пораженного среднего континента — не только успели спрятать в пещерах наиболее ценные, с их точки зрения, вещи и оружие (никто из них так до конца и не осознал, что они последние свидетели самоубийства целой планеты), но и вели до последнего момента записи, фиксировали события. И ждали. Ждали, когда все это кончится, и, как ни странно, представляли себе окончание смертей и бедствий как победу над врагом. Обе стороны. Возможно, жертвы, принесенные всеми в той бессмысленной войне, были столь велики и непостижимы, что тщетность их оскорбляла сознание более, чем страх всеобщей смерти.

Всеобщая смерть слишком абстрактна. Она даже более абстрактна, чем собственная смерть. Могут погибнуть многие, но не я, могут погибнуть многие, но не все. Так уж устроен человек, в какой бы части Галактики он ни жил.

Средства генетической войны предусматривали полное уничтожение врага. Именно врага. И как всегда бывает на войне, когда средства нападения обгоняют средства защиты, с противоядиями просчитались. Чтобы сделать их эффективными, потребовалось бы еще несколько лет работы. Но ученые и стратеги так спешили уничтожать, что и сами погибли раньше, чем нашли спасение. По-настоящему работы над поисками противоядия начали, когда уже было поздно. И какими бы отчаянными ни были эти попытки, их ждала неудача, хотя бы потому, что средств на постановку эксперимента не было, да и людей уже не хватало. И с каждым днем ручьи усилий по борьбе с джинном, вырвавшимся из бутылки, становились все слабее. И тогда начали лететь головы тех, кто не мог найти противоядия, ибо генералы подозревали тающую армию ученых

в нежелании работать и даже в том, что они уже знают о противоядии, но скрывают его.

В документах, найденных археологами, были отражены эти последние вспышки активности, последние погромы, лишь ускорившие всеобщую гибель.

Те, кто выжил, лишились рассудка и превратились в человекообразных тварей — и сами уж забыли, что когда-то были гигантами.

Это был великолепный пример торжества изобретения, приведшего к гибели изобретателей и системы, породившей изобретателей. Очевидно, в том была определенная высшая справедливость, ибо изобретение было сделано с целью убивать людей. Убивать «чужих». Но как бывает на войне, не хватило времени, чтобы как следует подумать. И убили всех.

* * *

Начальник археологической экспедиции Тимофей Браун был, разумеется, обеспокоен отсутствием связи, но серьезных оснований для тревоги не было, потому что «Шквал», как им сообщили раньше, должен был прибыть еще только через два дня. Поэтому в тот день работали как обычно. С утра начали обследовать подземелье в мертвом городе, которое, судя по всему, обещало интересные находки. Во время последней войны там находился штаб фронта и арсенал.

К обеду археологи вернулись к себе в купол. Эльза, жена Тимофея, принялась готовить обед, а механик Львин решил наконец починить археоробота Гермеса, который в своей восьмой экспедиции что-то начал барахлить. Сам Тимофей принялся разбирать бумаги, привезенные из подземелья.

Именно в это время в трех километрах от купола и опустился «Шквал». Опустился беззвучно, мягко, словно подкрался. Браун ощутил, как вздрогнула земля, и решил, что это толчок землетрясения. Он не удивился, потому что эта область была сейсмичной.

— Ты слышал, Тима? — спросила Эльза из камбуза.— У меня чуть чашка не упала.

— Здесь нам ничто не грозит,— отозвался Тимофей.

* * *

Пруг не хотел терять времени даром. Как только «Шквал» опустился на поляну, где всегда опускались посадочные катера, и локаторы определили, что их никто не встречает, он приказал выкатить вездеход, взять на него Фотия ван Куна и десять

воинов. Вездеход должен был первым делом захватить жилище археологов, а затем, не теряя времени, направиться к арсеналам. Командовать экспедицией он решил сам.

И все прошло бы, как хотел того Пруг, если бы не неожиданный поступок Фотия ван Куна.

Его вывели к открытому люку.

Воины стояли у входа, тихо переговариваясь. Тишина, владевшая миром, приказывала им быть осторожными, как охотники в незнакомом лесу. Пустошь, покрытая редкой травой, уходила к низкому серому лесу, за которым поднимались тоже серые, голубоватые холмы. Странная тишина, безветрие, низкие облака, сгущавшиеся в преддверии дождя,— все это наполняло пейзаж тревогой.

Фотий ван Кун стоял в стороне, в полутьме, на расстоянии вытянутой руки от крайнего воина. Он тоже смотрел наружу, но видел совсем иное. Он видел знакомую уже поляну, за которой будет пригорок, поросший корявыми колючими деревьями, затем, если обогнуть пригорок узкой дорожкой, будет другая поляна, у скал. Там купол и служебные помещения экспедиции, где домовитая Эльза Браун и неразговорчивый Тимофей ждут его, где Львин сейчас напевает неразборчивую для европейского уха бирманскую песню и что-нибудь, как всегда, мастерит и не подозревает, что корабль, которого ждут с таким нетерпением,— оборотень, таящий внутри себя смертоносные микробы вражды. И эти существа, которые вполголоса разговаривают рядом, через минуту могут обернуться жестокими чудовищами...

Один из воинов вдруг сказал что-то громче. Остальные после паузы засмеялись.

Фотий ван Кун глядел на их босые ноги. Смех показался ему зловещим.

Он неправильно понял причину смеха. ДрокУ, старший воин, из благородных, желтоволосый исполин с тщательно завитыми и смазанными жиром усами, сказал, что хорошо бы, если бы гиганты вымерли, но их женщины остались. Над этой шуткой и засмеялись воины.

Разумеется, если писать о представителе великой и мудрой галактической цивилизации, то приятней полагать, что такого человека не могут сломить побои и пытки. Что истинная интеллигентность воспитывает внутреннее презрение к боли и мучениям. Разумеется, этот идеал вряд ли достижим. Фотий ван Кун был напуган, унижение и боль жили в его теле. Но в то же время в нем росла ненависть к тем, кого он предпочитал называть существами, так как был приучен с детства к определенным правилам, признакам, отличающим людей от иных неразумных существ. Ненависть была бесплодной, она питалась озлобленными мечтами выпоротого мальчика. Планы мести были грандиозны и

невыполнимы. Фотий ван Кун старался верить, что наступит момент, когда он властно заговорит с мучителями, раскидает нх, беспомощных и испуганных, в разные стороны...

Он понимал, что три археолога — последние свободные люди на планете. В ван Куне росло нетерпение, обязательность действия. Неизвестно, как остановить пиратов, но н бездеятельность была невыносима.

Начался мелкий, занудный дожднк. Каплн взбивали пыль на пандусе и затягивали туманной сеткой недалекий лес и холмы.

Вездеход стоял совсем близко от пандуса, в нескольких метрах.

Фотий ван Кун смотрел на вездеход и удивлялся: как же они не сообразнли, что вездеход нужно охранять? Ведь кто-нибудь может добежать до него, влезть внутрь н умчаться в лагерь. И тут же он спохватился: а кто сможет это сделать? Пилоты заперты по каютам.. И тогда он понял, что когда рассуждает о «ком-то», то имеет в виду себя самого. Это он может добежать до вездехода, прыгнуть в открытый боковой люк и помчаться к лагерю...

Он мысленно добежал до вездехода, пригибаясь н виляя по полю, чтобы в него не могли попасть из духовых трубок, прыгнул внутрь и даже мысленно закрыл люк. Он вздохнул с облегчением н только тогда понял, что в самом деле он никуда не бежал, а по-прежнему стоит за спинами воинов.

За спиной археолога, в глубине коридора, послышались голоса — к выходу спешили горцы, чтобы отправиться в лагерь экспедиции. И этот шум как бы ударил Фотия ван Куна в спину.

Он отчаянно оттолкнул ДрокУ, чуть не свалил с ног другого воина и кинулся вниз, по пандусу.

Он забыл, что надо вилять и пригибаться, потому что оказалось, что до вездехода куда дальше, чем казалось. И все силы ван Куна ушли на то, чтобы добежать.

От неожиданности воины не сразу начали стрелять. И не сразу погнались за археологом.

Ван Кун уже карабкался в открытый люк, когда одна из стрел настигла его, но, к счастью, лишь пронзила рукав. Фотию показалось, что кто-то держит его, и он закричал, вырываясь, и рванулся так отчаянно, что разорвал крепкую ткань, и упал внутрь машины, расцарапав щеку.

Через несколько секунд Фотий ван Кун настолько пришел в себя, что закрыл н задранл люк. Тут же по люку ударнл боевой топор ДрокУ.

Пригнувшись, ван Кун рванул машнну вперед, вездеход подпрыгнул. Он не был приучен к такому обращению. Но вездеход был прочной машиной. Он выпрямнлся н шустро

пополз, отбрасывая гусеницами траву и прибитую начавшимся дождем пыль.

ДрокУ пробежал несколько шагов за вездеходом, потрясая кулаком, затем уже бесцельно пустил стрелу вслед и остановился.

Вездеход мчался к деревьям. Еще через две минуты он скрылся в чаще.

* * *

ВосеньЮ включил интерком и сказал Пругу Брендийскому, что археолог убежал. Он говорил быстро, повторив несколько раз, что это случилось до того, как он подошел к выходу.

— Я тебя убью,— сказал Пруг.— Как его догнать?

— Я выведу второй вездеход с корабля.

— Я сам поеду.

Пругом Брендийским владело холодное бешенство, которое не мешало ему трезво думать. То, что случилось, могло провалить все как раз в тот момент, когда он был близок к цели. Обратного пути нет. Он поставил на карту все, и проигрыш означал смерть и бесчестье. Бешенство поддерживалось еще и сознанием, что его помощники ненадежны. ВосеньЮ, хоть и привязан к нему общей судьбой, принадлежит к другому клану. ДрокУ, старший над воинами, хоть и надежнее, чем ВосеньЮ, потому что он горец, тоже опасен. Где он был эти годы? В городе. Что делал? Кому служил?

Стена транспортного отсека медленно сдвинулась с места и отъехала в сторону.

— Садись, повелитель,— сказал ВосеньЮ хрипло.

«Как он меня ненавидит! — подумал Пруг.— Лучше не поворачиваться к нему спиной».

— Прости меня, ВосеньЮ,— сказал Пруг, хотя и не должен был так говорить с низким человеком.— Сейчас решается все. Если мы не успеем, мы с тобой погибли. Если мы возьмем их, то мы с тобой господа всей Пэ-У.

— Слушаюсь, господин,— сказал ВосеньЮ, открывая люк вездехода.

* * *

Тимофей, выглянув в окно, увидел, как к станции несется вездеход. Вездеход был незнакомый, взяться ему было неоткуда.

— Львин, Эльза,— сказал Тимофей.— У нас гости.

Он отложил пленку и быстро направился к двери.

— Как же мы ие увидели корабля? — всполошилась Эльза.— А у меня обед ие готов. Фотий, иаверное, голодиый.

Оии выбежали иаружу, как раз когда откииулся боковой люк и из вездехода вывалился Фотий ваи Куи. Он был без куртки, в рваиой фуфайке, босиком. Лицо в крови.

Поняв, что Фотий один, Тимофей подбежал к иему. За ним Львии. Эльза, которая тоже успела к дверям, увидела, как оии подхватили Фотия ван Куиа, и услышала быстрое и иевнятное бормотаиие:

— Скорее, оии за мной... скорей же, я говорю! Чего же вы, да отпустите меия...

Тимофей и Львин повели Фотия к стаиции. Эльза подбежала к вездеходу и загляиула внутрь — ей показалось, что там кто-то остался. Там иикого ие было.

Когда оиа догиала мужчии, те уже втащили потерявшего силы Фотия виутрь. Ои был почти иевмеияем.

— Что с тобой? — ахнула Эльза.

— Скорее,— пробормотал ваи Куи, потянулся к столу, схватил пышку с блюда и иачал жадно жевать.— Оии совсем ие кормили...— сказал ои.— Чего же вы сидите? Оии сейчас здесь будут!

— Его надо перевязать.

Фотий вскочил, он говорил из последиих сил:

— Через две миiуты оии будут здесь! Забрать карты и схемы — больше иичего! И оружие. И иа вездеходе в лес, потом будем промывать раны. Корабль захвачеи баидитами. Все в плену...

И тут ои, поияв, что его слова дошли до остальиых, мягкой куклой осел иа руках у археологов.

— Что ои говорил? Что ои говорил? — спросила Эльза.— Он бредил?

— Эльза, иемедлеиио собирай схемы раскопок, все леиты с даиными, и в вездеход,— сказал Тимофей.— Львии, на тебе аптечка и припасы...

Львииа уже не было рядом.

А Эльза все ие отходила. Как и другие участники этой истории, оиа ие могла поверить, что происходит иечто вие ее опыта, вне ее поимаиия.

— Что случилось? — спросила оиа.— Ои болеи? На иего иапали?

— Разберемся потом. Если тебя не будет через две минуты на борту вездехода, уходим без тебя.

Но Эльза и тут не ушла. Потому что она зиала своего мужа ровно двеиадцать лет, оиа зиала его и в добрые моменты, и в беде. Но никогда ие слышала этого голоса.

— Тимофей, я умоляю!

Но Тимофей словно перестал ее замечать. Ои потащил Фотия ван Куна наружу, к машине.

— Нельзя так! — крнкнула Эльза.— Ои нстекает кровью. Его иадо перевязать.

Эльзе нн разу в жизни не прнходнлось попадать в снтуации, значення которых понять было нельзя. Она была гордой женщиной. Она не умела кланяться. Ни Львнн, ни Тимофей ие сталкнвалнсь с пиратством в космосе. Но Тнмофей Браун провел полгода на планете, где песчаиые урагаиы иалеталн иеожнданно н страшио, н вндел, как его близкий друг, не поверивший, что надо бежать, прятаться, опоздал и погнб. Львнн был альпинистом, тнхим, упорным, отчаяиным, который ради победы иаучился отступать н не видел в этом ущерба своей гордостн. То есть у ннх был жнзиеиный опыт, опыт встреч с иастоящей опасностью. И они повернли Фотню, хотя никогда не слышалн о Пруге, наследннке Бреиднйском, н его правах иа престол.

Тнмофей втащнл Фотня в открытый люк н положнл на пол кабнны. Ои тащнл его однн, спешил и потому задел ногой о приступок, Фотнй вскрнкнул, не прнходя в созиаине.

Тут же Тимофей метнулся обратио к люку и еле успел отпрыгнуть — Львнн швырнул в люк коитейиер с меднкаментамн.

— Где Эльза? — крнкнул Тнмофей.

Львнн бросился к двери, подхватнл там второй контейнер, с аварнйным запасом продовольствня.

— Она ндет,— ответнл ои.

К счастью, Эльза не заставила себя ждать. Она выбежала с охапкой лент н блокнотов — документацией экспедиции. Листки н ленты падалн на землю, Тнмофей побежал навстречу ей, чтобы помочь.

Львни тащил к люку контейнер с продуктами.

И в этот момент сквозь громкнй стук собствеиных сердец онн услышалн шум двнгателя — к стаицнн шел другой вездеход.

Они замерлн на секунду, затем, помогая друг другу, полезлн в люк, захлопнулн его, н тут же Тимофей включил двнгатель.

Вездеход трясло. Эльза села на пол и положнла голову Фотня на колени. Львин раскрыл аптечку н обработал рану на щеке.

Браун повернул машнну направо, въехал в иеглубокую быструю речку н пошел вверх по течеиню, хотя поимал, что это вряд лн собьет преследователей со следа.

«Черт возьмн,— думал он, стараясь обходить крупиые камин, чтобы машнна меньше дергалась.— Кто оин? Взбунтовался экипаж? Невероятно. Космнческне пираты? Достояине прн-

ключеической литературы... Может, что-то случилось на Пэ-У?» Он где-то читал, что там есть изоляциоиисты.

И тут он понял, куда ведет машину. Он вел ее туда с самого начала, ио подсознательно: к новому раскопу в мертвом городе.

Старые раскопы, с так называемыми кладовымн, были блнже, н до иих он бы добрался уже минут через десять, чтобы скрыться в хорошо знакомых лабиринтах. Но мгновенно вспомнил слова Фотня, что надо взять с собой все схемы н материалы раскопок. У ван Куиа были с собой данные по ранним раскопкам. Еслн они попалн в рукн тех, кто за иими сейчас гонится, значнт, оии знают плаи лабнрнитов не хуже самого Брауиа.

Метров через двести Браун свернул в нзвестиое ему русло заросшего канала. Машниа сразу погрузилась до половины в воду. Дно канала когда-то было выложеио плитамн, иа которые наплыл толстый слой нла. Гусеиицы пробуксовывали, ннжияя половнна нллюминаторов стала зеленой...

Они катнлн по бывшей улице. Кое-где в зеленн виднелись фуидамеиты, а то н стены небольшнх строеннй. Затем была большая воронка с оплывшимн краямн, на дне ее зеленела вода. На краю воды сидели три амляка, сндели суркамн, ннчего ие делали. Однн нз ннх подиял голову иа шум машииы и проводил ее равиодушиым взглядом.

Въезд в подземелье — бывшее убежнще нлн подземиый завод — был как раз за скелетом какого-то громоздкого строеиия, схожего со скелетом ископаемого диинозавра. Они еще ие зиали, насколько глубоко оио тянется. Но Брауи рассудил, что это лучшее укрытне: масса металла вокруг скроет вездеход иадежиее, чем любая крепость.

* * *

Пруг потерял след археологов в мертвом городе. Груды развалин, переплетенне ржавых металлическнх конструкций, полузасыпанные воронки... В этом лабиринте не мог помочь ни одии локатор.

И все же из упрямства, нз иадежды иа чудо, на везеиие Пруг заставлял ВосеньЮ крутнть по бескоиечным улнцам. Воины сидели молча, они оробели. Такого города они иикогда ие вндели. Им уже казалось, что отсюда никогда не выбраться.

Накоиец, когда вездеход в третий раз оказался на площади с громадиой затопленной вороикой посредние, Пруг приказал остаиовиться.

Ои вылез нз вездехода н долго стоял, прииюхнваясь.

На большом холме, образовавшемся от разрушенного дома, успокоеииые тншнной, появились амлякн. Пруг зиал об амляках от Фотия ван Куна, он знал, что оии не опасны, что оии —

жалкие выродки, потомки гигаитов. Поэтому, чтобы успокоиться, Пруг выпустил по ним заряд автомата. С вершины холма доиесся писк — так плачет маленький ребеиок.

Пруг ухмыльиулся.

— Все равно мы победим,— сказал он.— Богиня ОрО не оставит иас.

— Богиия не оставит,— нестройно поддержали его воины.

ВосеиьЮ молчал. Больше всего на свете он хотел бы вернуться иа неделю иазад. Хотя бы на неделю, в тихий дом Космофлота. И никогда бы не встречать Пруга Брендийского.

— КрайЮ, пойди сюда,— сказал Пруг.

Старый могучий воин, лучший следопыт гор, выбрался из вездехода.

— Ты остаиешься здесь,— сказал Пруг.— Ты будешь моими глазами и ушами. Возьми оружие и рацию. Ты понял? Как только услышишь подозрительиый шум, как только увидишь их, сразу сообщи мне.

— Я понял, вождь,— сказал старый воии.

— Ты не боишься?

— КрайЮ ие боится.

Воину было страшно. Но худшим, чем смерть, позором было призиаться перед своим вождем в страхе.

— Господин! — Из вездехода высуиулся младший брат КрайЮ.— Можио я останусь тоже?

— Нет,— сказал Пруг.— Ты будешь нужен.

Вездеход медлеиио уполз.

КрайЮ осторожио взобрался иа развалины. Он ждал. Он слушал.

На обратиом пути Пруг приказал остаиовиться на старых раскопках. Ои зиал о них по фотографиям и планам, отиятым у Фотия ван Куиа. Когда-то бомба попала здесь в подземиые склады, и перекрытия рухиули. Археологи вскрыли подземелья. Там было много иитересного имеино для археологов, ио то, что иитересовало Пруга, оказалось в весьма плачевном виде. В разбитых ящиках, сплавившись в слитки металла, лежали пули, ржавые изогнутые стволы пушек торчали из земли, бесформеиные куски металла когда-то были боевыми машинами.

Гиев Пруга сменился усталостью. Когда Фотий ван Кун говорил ему, что оружие из арсеиалов Ар-А бесполезио, Пруг отиосил эти слова за счет хитрости археолога. Теперь ои убедился, что археолог прав.

— Но это иичего не значит,— сказал он, трогая носком золотого башмака изогнутый ржавый ствол.

— Простите, господии? — ие поиял его ВосеньЮ.

— Здесь плохое оружие. В другом месте хорошее оружие.

Пруг показал в сторону Мертвого Города.

— Мы возвращаемся? — спросил ВосеньЮ.

— Воины! — воскликнул Пруг, который любил, чтобы все знали, что он блюдет древние обычаи.— Завтра мы найдем большие богатства. А сегодня вы можете взять все, что вам нравится в этом доме.

И широким жестом он направил воспрянувших духом воинов к куполу археологов.

* * *

— Что им здесь нужно? — спросил Львин, стоя у входа в подземелье и глядя, как мелкий дождик стучит по неровным плитам мостовой.— Чего прискакали?

— Они верят в арсеналы Ар-А,— сказал Фотий ван Кун.

Эльза принесла им по куску пирога.

— Я правильно сделала, что взяла пирог,— сказала она.— По крайней мере, поедите, как люди. Ты говоришь, они дикие?

— Относительно,— сказал Фотий ван Кун.— Ведут себя как варвары. А знаете, я там, на Пэ-У, нашел солдатиков. Боюсь, что они их потеряют.

— А, солдатиков! — понимающе откликнулся Львин.

— Ну что же мы стоим! — вдруг взорвался Фотий.— Я же повторяю: они варвары! Они на все способны!

Несмотря на то что он побывал в руках у горцев, за часы, проведенные на воле, он как бы забыл о собственном ужасе и унижении. Сейчас он горел желанием немедленно отомстить Пругу.

— А что ты предлагаешь? — спросил Тимофей Браун.

Он аккуратно доел кусок пирога, собрал крошки на ладонь и высыпал их в рот.

— Я? — Ван Кун уже знал, что надо делать.— Мы сейчас едем к кораблю. Как только стемнеет. Берем его штурмом. Снимаем охрану и освобождаем наших. Это так очевидно!

— Корабль стоит на открытом месте,— сказал Браун.— Вход только один. Разбойники вооружены.

— А что? Стоять и ждать? Да? Стоять и ждать? А они там избивают их! А тебе все равно? — разбушевался ван Кун.

— Спокойней, Фотий,— сказала Эльза.— Ты же знаешь, какой Тимофей разумный. Он обязательно что-нибудь придумает.

Но Браун ничего не мог придумать. Кроме того, что отсиживаться глупо. Но наверное, сначала надо вернуться на базу, поглядеть, уехал ли с нее Пруг с воинами, и если да,

то запастись там всем необходимым. Они бежали так быстро, что многое забыли.

— Так поехали,— сказал Фотий.— Выводи вездеход — и поехали.

— Пожалуй, Эльзе лучше остаться здесь,— сказал Тимофей.— И одному из нас.

— Я бы поехала с вами,— сказала Эльза.

— Нет, дорогая.— Браун был тверд, и Эльза кивнула.

Она привыкла ему подчиняться, потому что была той счастливой женщиной, которая уже двенадцать лет убеждена, что ее муж — самый разумный и серьезный человек в галактике Если это и было не так, то Эльзу с ее позиции не смог бы сбить никто.

— Кто останется с Эльзой? — Он посмотрел на Львина.

Маленький бирманец отрицательно покачал головой.

— Я не хотел бы оставаться,— сказал он. Львин знал, что Браун умен и рассудителен. Но, в отличие от Эльзы, он мог ставить под сомнение окончательность его решений.

Браун хотел было сказать, что он сильнее Львина, что он лучше его обращается с оружием и водит машину. Но эти аргументы были условны и неубедительны. Просто Браун не представлял себе, как он останется здесь и будет в бездействии ждать. Ему было и страшно оставлять Эльзу. Но куда опаснее брать ее с собой. Они уже знали, что живут с Пругом и его спутниками по разным законам. Настолько разным, что даже нет точек взаимопонимания. В мире без войн, в мире установленных разумом законов Пруг был вызовом не только галактическому обществу вообще, но и комплексу морали каждого из тех, кто с ним сталкивался. Одно дело — Галактический центр. Ему приходилось иметь дело с существами и ситуациями куда более драматическими и опасными, чем Пруг, а он — мелкое явление даже в масштабах этой планеты. Требовалось сочетание экстраординарных обстоятельств, чтобы из воробьиного яйца вылупился коршун.

Но уж раз коршун вылупился, обращаться с ним можно было лишь как с хищником. И всем участникам этой драмы пришлось внутренне перестроиться. Хотели они того или нет. Если можно сравнивать, а любое сравнение приблизительно, археологи были, скорее всего, жителями города, в котором прорвало дамбу и приходится вставать ночью, идти к реке и таскать мешки с песком, потому что стихию нельзя уговорить или умолить.

И именно серьезность того, что происходило, заставила Тимофея Брауна оставить Эльзу в подземелье, что было нарушением всех инструкций. Но Браун знал, что волки в подземелья не заходят и по-настоящему опасные хищники находятся на корабле.

В то же время Брауи понимал, что ие имеет достаточиой власти над археологами, чтобы оставить здесь кого-либо из иих.

— Я прошу тебя,— Браун старался говорить сухо и будничио, словно отправлялся на раскоп,— далеко от укрытия ие отходить.

— Может, все же разрешишь...— Эльза криво улыбнулась. Ей не страшио было оставаться, об этом оиа в тот момеит не думала, она очень боялась за Тимофея.— Я приготовлю ужии к вашему возвращеиию,— сказала оиа.

И все согласились, что это очеиь правильное решение.

* * *

Они довольио долго, спрятав вездеход за деревьями, иаблюдали за стаицией, чтобы выясиить, не оставлеиа ли на ней охраиа. В конце концов ожидание стало иевыносимым и Львии перебежками добрался до купола. Остальиые следили за иим, готовые бежать ему на помощь.

Львин подбежал, пригибаясь, к окиу станции и заглянул в него. Затем поднялся во весь рост и уже смело пошел к двери. Дверь была приоткрыта. Он исчез виутри, через минуту вышел виовь иа порог и крикиул:

— Идите. Только не пугайтесь.

Когда Фотий и Брауи подошли к стаиции, Львии сказал:

— Какое счастье, что Эльзы иет. Она бы умерла от горя.

Эльза была чистюлей, и Тимофей согласился с Львиным. На стаиции все было перевериуто и разбито, словно там веселилось стадо слоиов. Создавалось впечатлеиие, будто иалетчики нарочно гадили там, запугивая ее обитателей. Особеино досталось кухне. Жалкие остатки праздиичиого обеда, который так изобретательно и тщательио готовила Эльза, были разбрызганы по комнате, а затем кастрюлями кто-то играл в футбол...

— Я их больше сюда не допущу,— сказал Львии.— Даже если оии захотят работать у нас уборщиками.

— Что ж,— сказал Браун.— Теперь к кораблю. Уже темиеет, и лучше иам добраться поближе, пока не стало совсем темно. Огней зажигать нельзя, а иа нашей колымаге в темиоте лучше не путешествовать.

Они вернулись к вездеходу и поехали к посадочиой площадке, ио не прямым путем, а по длинной, похожей иа ятагаи ложбине, которая должиа была вывести к кораблю с флаига, где их меньше ждали.

Наступил теплый вечер. Из тех сказочиых, мирных вечеров, что бывают иа Ар-А в конце лета. Небо, темно-сииее над головой, алело к закатиому солицу, а облака, которые слоями

плыли в той стороне, были зелеными, с очень светлыми, оранжевыми краями. Пэ-У уже поднялась в небо, как большая луна, она была желтой, и видно было, как по лицу ее океанов завиваются вихри циклонов. Редкие птицы — генетическая война сильно разредила и их мир — кружились над осторожно ползущим вездеходом, потому что, разбуженные его гусеницами, взлетали перепуганные жуки и бабочки.

* * *

Старый КрайЮ, лучший охотник Брендийского клана, который попадал из духовой трубки в глаз птице, летящей под облаками, и мог выследить горного медведя по следу, оставленному три дня назад, услышал, как по улице ползет вездеход. Он не видел, откуда вездеход выбрался, и не смог найти по следам подземелье, потому что вездеход не оставлял следов на каменных оползнях и мостовых. Но КрайЮ смог перебраться к подземелью ближе, чем те развалины, в которых его оставили. Оттуда он и сообщил на корабль, что археологи что-то замышляют.

— Я доложу князю,— сказал ВосеньЮ.

— Хорошо,— сказал Пруг, узнав об этом.— Мы пойдем кушать. Когда они будут близко, сообщи.

* * *

Вездеход археологов запеленговали в километре от корабля.

Возвращаясь после неудачной охоты на археологов, Пруг был удивлен, что смог подъехать к самому пандусу «Шквала» и никто его не заметил. Поэтому он приказал ДрокУ включить на темное время прожектора и пеленгаторы и посадить на пульте управления ВосеньЮ — на всю ночь. А рядом воина позлее, чтобы не дал ВосеньЮ заснуть.

Сам наследник Брендийский в это время как раз откушал в обществе ДрокУ, и настроение его куда как улучшилось. Его сладко тянуло в сон, и он дал бы волю этому благородному желанию, если бы не остались еще дела.

Отодвинув плошки и курильницу, Пруг склонился над картой археологических раскопок, чтобы определить дела на завтра. В этот момент и вызвал его ВосеньЮ.

— Вождь,— сказал он.— Мы видим машину, которая медленно едет к кораблю.

— Далеко? — спросил Пруг.

— Они сейчас примерно в тысяче шагов. Едут не прямо, а лесом, стараются не выходить на открытое место.

— С какой стороны едут?

— С той же, куда ездили вы, господин.

— Все правильно.— Пруг улыбнулся, и улыбка утонула в толстых щеках.— Они думают просто. Их действия обычны. Хорошо, что мы дали убежать этому сумасшедшему. Он сказал им, что мы дикие люди, совсем дикие, почти как звери. Что мы не знаем, как управлять кораблем. Мы не знаем, как смотреть из корабля наружу. Они приедут и возьмут нас спящими. Какие молодцы! А ну, выключить лампы! Пускай будет темно! Открыть дверь, убрать часовых...

Пруг даже захлопал в ладоши от возбуждения.

ДрокУ согласно кивнул.

— Вы правы, вождь,— сказал он.— Но есть одна опасность.

— Говори.

— А вдруг они взяли оружие гигантов?

— Я и это предусмотрел,— сказал Пруг.— Поэтому я и приказал потушить лампы. Когда враг видит, что крепость готова к бою, он готовится к штурму и настраивает катапульты. Когда же враг видит, что крепость спит и защитники ее глупы, он смело входит внутрь. В темном коридоре оружие гигантов не поможет.

* * *

Издали Тимофей увидел зарево над кораблем.

— Плохо,— сказал он.— Они нас ждут.

— Пускай,— ответил Фотий ван Куи.— Мы подождем, пока они лягут спать. Лес подходит к самому кораблю. Мы подползем к люку и ворвемся внутрь.

Львин молчал.

— Нас только трое,— сказал Тимофей Браун.

— Мы освободим пленных,— упрямо сказал Фотий ван Куи.

Вездеход подполз к опушке. Тимофей снизил скорость до минимума.

И в этот момент свет погас.

Корабль, угадываемый ранее лишь по цепочке огней, вдруг стал виден — верхний абрис чечевицы чернел над деревьями.

Тимофей резко затормозил.

— Видишь,— сказал Фотий ван Куи, не скрывая сарказма.— Дикари легли спать.

— Оставайтесь здесь,— сказал Тимофей, быстро открывая люк и выскакивая наружу.

Пригибаясь, он пробежал к краю кустарника и остановился, вглядываясь в темноту. Он успел вовремя.

Глаза уже привыкли к темноте, и Тимофей различил, как двинулся в сторону, открываясь, главный люк, как, словно

приглашая в гости, выкатился, разворачиваясь, серебристый паидус. Какая-то фигура тенью мелькиула в отверстии люка и исчезла.

Корабль молчал. Ои ждал гостей.

Тимофей Браун вериулся к вездеходу, захлопнул люк. Фотий ваи Кун выжидающе смотрел иа иего.

— Нас ждут,— сказал Брауи.— Капкан готов. Можно заходить.

— Откуда они могут зиать? — возмутился ван Кун.

— У иих есть локаторы,— ответил Львии.— Это логичио.

— Вы их ие видели! — иервно засмеялся Фотий ваи Куи.— Это же гориллы. Они даже не представляют себе, как его включить. Оии же босые!

— Прожектора горели,— тихо сказал Львии.— Прожектора потухли.

— Оии открыли люк и спустили паидус,— добавил Тимофей.

— Я думаю, что нам пора возвращаться,— сказал Львии.

— Ни за что! — воскликнул Фотий.— Я остаюсь. Я одии пройду виутрь! Дайте мие пистолет.

Тимофей сидел, положив руки иа рычаги управлеиия.

— Идет война,— сказал он, будто не слыша криков Фотия.— В войие иужио оружие.

— У иас нет оружия,— сказал Львин.

— У нас есть оружие,— ответил Тимофей.— В подземелье. Просто нам ие приходило в голову, что оио когда-ибудь вновь может убивать.

— По крайией мере, оио не должно попасть им в лапы,— сказал Львии.

— И мы так все оставим? — спросил Фотий, уже сдаваясь.

— Мы ничего так ие оставим,— сказал Браун.— Но сейчас мы возвращаемся в город.

* * *

Пруг иаблюдал, как зелеиая точка вездехода на экране локатора, постояв несколько мииут иеподалеку от корабля, медлеиио поползла вдаль.

— Догадались,— сказал он разочароваиио.— Не надо было сразу выключать лампы. Вызови КрайЮ.

ДрокУ включил связь.

— Ты ие спишь, КрайЮ? — спросил он.

— Я ие сплю,— ответил далекий голос.

— Эти люди иа машине возвращаются в город. Ты услышишь их. Они едут медлеино. Ты должеи поиять, куда оии спрячутся. Ты поиял?

— Я понял.
— А теперь спать,— сказал Пруг Брендийский.— Всем спать, кроме тебя, ВосеньЮ. И закрыть вход в корабль. Если кто-то из них остался рядом, я не хотел бы, чтобы он залез внутрь. Завтра большой день.

* * *

Корабль Космофлота «Вациус», изменив курс, шел к планете Пэ-У.
Связи с планетой все еще не было, но капитан «Вациуса» знал, что через день или два они войдут в сферу действия планетарной связи. А такая станция была в консульстве Галактического центра. И если консульство цело, то они получат необходимую информацию.

* * *

Эльза смотрела, как вездеход переваливает через пригорок и скрывается среди скелетов зданий. Даже когда он совсем исчез и стало очень тихо, она продолжала стоять у входа в подземелье и смотреть в ту сторону.
Ей еще никогда не приходилось оставаться здесь одной. Совсем одной. Нет, бывало, конечно, что она оставалась одна на станции, если дежурила по кухне или накапливалось много камеральной работы. Но это было иначе. Она была дома. Она могла закрыть за собой дверь и, если нужно, связаться с Тимофеем. А тут еще так глупо получилось... Все были одеты по-домашнему, никто не надел рацию: браслеты тяжелые, граммов по двести,— кто их будет носить дома? А когда бежали со станции, попросту забыли о них. Некогда было думать...
Когда вездеход отъехал далеко, мир разрушенного города, испуганный вторжением людей, стал постепенно оживать, будто не хотел замечать, что Эльза осталась здесь.
По мостовой, изрытой дождями и ветрами, среди травы, пробивающейся между плит, пробежали вереницей серые зверьки — целая семейка, мал мала меньше. Летучие крысы тяжело поднимались из-за огрызков стены, наступало их время — сумерки, они беззвучно кружили над Эльзой, словно разминаясь после дневного сна. На обваленной каменной башне возник силуэт волка, и Эльза вздрогнула, отступила в тень входа в туннель.
Но этот короткий страх, хоть и быстро миновал, родил в Эльзе настороженность, осознание того, что ее некому за-

щищать и что она должна стать такой же осторожной и тихой в движениях, как остальные обитатели города.

Самое разумное было заняться делом — готовить ужин к возвращению археологов и забыть, что те поехали к врагам. Именно к врагам, а это означало, что есть люди, которые могли избивать милейшего и нервного Фотия ван Куна, которым нужны какие-то арсеналы или сокровища... Можно провести всю жизнь в раскопках, вскрыть множество погребений или раскопать несколько умерших городов, но так и не осознать, что эти предметы могут иметь какую-то иную, кроме научной, ценность. Даже видя их в музее, под стеклом, мягко освещенные, на бархате, вспоминаешь лишь хмельное чувство удачи, которое пронзает, если вдруг из серой спекшейся земли, из черных прогнивших стволов, из каменного крошева блеснет точкой обещание чуда, камень или обломок металла, появится горлышко амфоры или стеклянного сосуда...

Археология, выйдя в космос, неизбежно изменилась. Если на Земле ее объектом был древний мир, ну, в крайнем случае, средневековье, то космоархеологам пришлось столкнуться с иными площадками. Раскапывали не только древности на обитаемых планетах, хоть это и оставалось основной работой, но и следы цивилизаций, достигших достаточно больших высот технологического развития, столицы государств, погибших в войнах, когда в братских могилах находили пулеметы. Еще удивительней было раскопать жалкие и величественные останки музея, в который когда-то другие археологи, столетия назад, свозили, тщательно реставрировали и выставляли под стеклом на бархате при мягком освещении сокровища их древнего мира.

Эльза поежилась и отмахнулась от летучей крысы, которая пролетела так близко, что от ветерка шевельнулись волосы на голове. В городе могли таиться неизвестные твари — археологи почти никогда не выходили в темноте и мало знали ночную планету. Эльза решила вернуться в подземелье, зажечь фонарь: там все же стены, спокойнее. Она вошла в широкий туннель, повернула направо, миновала открытые двери. Здесь, у стены, сложили добро, взятое со станции.

И тут она услышала далекий человеческий плач.

* * *

— Нас не было два часа,— сказал Тимофей Браун, когда вездеход выбрался на дорогу и покатил к станции.— Как там Эльза?

— Странно,— подумал вслух Львин.— В масштабах Галактики, в масштабах нашего времени это такой маленький

эпизодик, что о нем даже в новостях сообщать неинтересно. Какой-то князек с какой-то отдаленной планеты захватил корабль, чтобы поживиться сокровищами, которыми якобы владеет какая-то маленькая археологическая экспедиция. Через три дня прилетел патрульный крейсер и этого князька связали... Вот и все.

— Ты не прав,— сказал Браун.— Они уже убили несколько человек и готовы убивать еще. А если им удастся в самом деле заполучить современное оружие и они убьют много людей? И это будет уже не мелкий случай и не отдельный эпизод. Мы сейчас единственная плотина между маленькими преступниками и большим преступлением.

— Но он же должен понимать, что в этом нет смысла! — возразил Львин.— Это дело дней. Никто ему не позволит...

— А что, если к тому времени, когда ему не позволят, мы уже будем мертвыми? И другие люди погибнут. Со стороны все это мелкий эпизод. А для нас это и есть жизнь. Так что нам придется и дальше принимать решения, к которым мы не готовы.

Львин прибавил скорости, вездеход покатил по улице. Скоро подземелье. Дорога была ярко освещена Пэ-У, сверкавшей в небе. Выбоины казались черными пропастями, сверху экзотическими занавесями свисали метровые тонкие листья.

Вездеход мягко перевалил через груду камней и оказался в широком туннеле, ведущем в подземелье. Браун помигал прожектором, выключил двигатель, откинул люк. Было очень тихо.

— Эльза,— позвал он.

Только отдаленное эхо откликнулось на голос.

Браун выскочил из вездехода и пошел вперед. Львин сказал:

— Мы посмотрим снаружи.

— Только осторожнее,— сказал Браун.— Там волки.

Через несколько шагов он миновал сложенные у стены вещи. Видно было, что Эльза распаковала их, собиралась готовить ужин. Но что-то ее отвлекло.

Браун, стараясь ступать тихо, пошел дальше, в глубь туннеля.

* * *

В то время как ночь в мертвом городе на Ар-А начала клониться к рассвету, «Вациус», первый из кораблей гражданского флота спешивший к Пэ-У, приблизился настолько, что его сигналы уловила несильная планетарная станция связи в консульстве Галактического центра.

Консул Ольсен только что заснул. Он спал у себя в кабинете не раздеваясь, чтобы быть готовым к любым неожиданностям.

В то время спали и космонавты, которые до двух часов старались привести в порядок станцию на космодроме, спал и господин ВараЮ, начальник стражи. Не спали лишь в доме ПетриА. До того момента, пока тело погибшей насильственным путем не будет предано очищающему огню, в доме должны бодрствовать, чтобы злые духи, привлеченные несчастьем, не захватили душу девушки. Семья сидела в той же комнате, и под руководством сонного жреца все бормотали заклинания.

Сигнал прошел слабо, но явственно и включил зуммер в кабинете консула. Тот вскочил с дивана, не сразу сообразив, что происходит. Затем бросился в соседнюю комнату, где работала рация.

Через минуту прибежала и жена консула, суетливая и говорливая Елена Казимировна, которая исполняла обязанности связиста, когда уходили домой местные сотрудники консульства. Нильс суетился у аппарата, никак не мог настроить его на передачу.

— Нильс,— сказала Елена Казимировна, отстраняя мужа,— это не мужское дело.

— А какое мужское? — искренне удивился Ольсен, с радостью уступая место жене.

— Политика,— ответила Елена Казимировна.— Высокие материи. В этом можно натворить куда больше, чем в связи или домашнем хозяйстве.

— Пожалуй, ты права, кисочка,— согласился консул.— Но правда чудесно, что это теперь кончится?

— Чудесно, если на связи Космофлот или патрульный крейсер. Хуже, если это сообщники твоих бандитов.

— Ну откуда же им быть...— Консул потер виски. Он готов был поверить во что угодно.

— «Вацнус»,— раздался голос в приемнике.— Говорит корабль Космофлота «Вацнус».

Дальше шел код корабля, ее позывные.

Елена Казимировна уверенно включила информаторий. Зеленые огоньки подтвердили источник связи.

— Вот теперь, мой дорогой, ты можешь поговорить о политике,— сказала Елена Казимировна.— К вам на помощь летит Космофлот. Гражданская авиация всегда оказывается оперативнее, чем дипломатия.

* * *

Чем глубже заходнла Эльза в подземелье, тем очевиднее был упадок, который свидетельствовал о последних месяцах нли днях жизни арсенала. Таясь все глубже, солдаты н офицеры старались закрыться от заразы, от разбуженного демона так же наивно н безрезультатно, как в четырнадцатом веке в годы «черной смерти» французы отгонялн чуму молитвами н шествиямн. Все грязнее были коридоры — свидетельство того, как падала дисциплина и опускались руки. А вот и последняя, наспех сделанная баррнкада, за ней они окончательно замкнулись от мира — они уже никому и не былн нужны. Оружие, которое они так тщательно хранилн, тоже ннкому не требовалось. Хотя нет... Вот следы боя: разбитая дверь, пулевые выбоины в стенах,— кто-то пытался пробиться внутрь, может быть, последннй отчаянный командир нуждался в снарядах и бомбах и послал за ними вездеход — разбнтая боевая машнна проннкла глубоко за баррнкады и была подожжена уже здесь, неподалеку от сердца арсенала.

Эльза отыскала коридор, ведущий в сторону от жнлых ловушек, от подземных казематов смерти. Оиа заглядывала в гулкие залы, где на стеллажах лежали рядами снаряды н бомбы, мимо комнат, набитых ящикамн с патронами и другнми, длинными ящиками, с винтовкамн н пулеметами. Россыпями, как зерно в элеваторе, громоздилнсь патроны, предназначение других средств убийства было загадочно.

Эльза ощущала усталое озлобленне протнв невероятности масштабов этого хранилища смерти. Очевидно, иа планете накопилось достаточно оружия, чтобы уничтожить всех раза три. Но учеиые продолжали изобретать новые средства убийства, а заводы — их производить, а бритые подростки — испытывать и изучать в действии. А мудрые политики — подсчитывать баланс снл, убеждеииые, что только увеличение и усложненне орудий смерти сможет сохранить их власть над прочими человечками, о которых куда проще говорнть, оперируя взводами, полками и военными округамн.

И тут Эльза услышала шорох. Он донесся спереди. Эльза почувствовала, что за ней следят. Ее чувства были иастолько напряжеиы, что она уловила и страх, и настороженность и поняла, что встреча не случайна. Что здесь есть глаза — нет, не глаза летучей крысы или какой-нибудь другой подземной нечисти,— в страхе было сознание. Разум.

Эльза замерла. Тот, кто следил за ней, тоже замер. Нужно было какое-то двнжение, шум, возглас, чтобы неподвижность взорвалась двнженнем. И Эльза резко повериула фоиарь в сторону того, кто следил за ией. Луч ослепил амляка. Отразнлся в глубоких бессмысленных глазах.

Слабые руки дернулись к глазам, чтобы закрыть их. Амляк пятился робко и беззвучно, прежде чем сообразил, что может убежать... Его шаги гулко и мягко застучали по коридору.

Эльза шла осторожно, сдерживая дыхание.

Они близко. Они смотрят на нее и ждут, что она сделает.

Эльза повернула луч фонаря, и он осветил глубокую нишу в стене. Даже не видя амляков, их присутствие можно было угадать по запаху — пряному, мускусному запаху.

Они жались в этой нише, они не могли отступить дальше. Их было несколько особей — наверное, большая семья. Впереди тот самец, который первым увидел Эльзу. Он старался закрыть их собой и скалился по-звериному, но оскал не получался — у амляка был слишком человеческий рот, маленькие и ровные зубы.

За его спиной были остальные. Десять, пятнадцать — не разберешь, так перепутались их ноги и руки. Зрелище было странным и, скорее, неприятным. И Эльза даже поняла почему. Они вели себя как животные и были в сущности животными. А внешне — люди. Без шерсти, голые голубоватые тела, длинные спутанные волосы, человеческие лица. Но глаза мертвые — бессмысленные, телячьи глаза.

Женщины прижимали к себе детей, дети постарше выглядывали в ужасе из сплетения рук и ног.

— Господи! — сказала неожиданно для себя Эльза вслух.— Ну до чего же вы себя довели!

В ответ было шуршание, шевеление, детский писк. Мужчина постарался зарычать — получился хрип. Потом кляканье: а-мляк-а-мляк, а-мляк...

Младенец заплакал.

Только тогда Эльза сообразила, что некоторые из амляков в крови. А у ребенка, который плачет, грудь и рука в крови. Эльза не знала, что ребенка ранил Пруг. Она решила, что на амляков напали волки.

— И вы тоже воюете? — спросила Эльза с удивлением.— Что же это такое...

Она чуть отвела луч фонаря кверху, чтобы он не слепил амляков, потом сделала еще шаг вперед, подняла руку, как бы останавливая встречное движение самца, и присела на корточки. Развела руками.

— Вот видите,— сказала она тихо и ласково,— вот видите, ничего у меня нет. Я только хочу вам помочь... Не вам, глупые, а вот этому ребеночку, ведь он у вас умрет, если я не помогу, понимаете, он умрет, и все тут...

Шевеление затихло. Амляки внимательно слушали ее.

Продолжая говорить, Эльза достала пакет первой помощи,

вытащила из него пластырь, распылитель коллодия, дезинфектант.

— Главное, чтобы вы мне не мешали,— сказала она.

Она была в десяти шагах от них, и теперь надо было сделать так, чтобы они не испугались, когда она приблизится.

Она еще некоторое время говорила, стараясь вложить в тон убежденность в своем праве подойти к ним и помочь. И, не прекращая говорить, она медленно поднялась и пошла.

Это был самый критический момент. Эльза понимала, что ей надо быть наготове, если они бросятся на нее, но в то же время она не могла думать об этом, потому что амляки, скорее всего, интуитивны и ее опасение сразу передастся им. Надо было думать только о том, как она им поможет.

Мужчина сделал неловкое и осторожное движение в сторону, пропуская Эльзу. Она наклонилась над младенцем. И тут увидела, что мать тоже ранена. Младенец и мать смотрели на нее одинаковыми умоляющими глазами слабых зверенышей.

Может, к лучшему, что мать ранена тоже. Она сначала сможет доказать ей, что может принести пользу. Эльза подняла анестезирующий распылитель, и легкое облачко эмульсии дотронулось холодком до рассеченной щеки женщины. Та отпрянула, заверещали дети. Мужчина угрожающе двинулся к Эльзе. Но тут же эмульсия дала эффект.

Женщина замерла, чуть подняла свободную руку, дотронулась до щеки. В ней шел тугой, медленный, но понятный мыслительный процесс. Все же они не совсем превратились в зверей.

Женщина вдруг протянула плачущего младенца к Эльзе.

...Эльза занималась уже третьим пациентом, когда она услышала в коридоре шаги. Их услышали и амляки. Испугались, зашипели, снова сбиваясь в кучу.

Эльза по шагам узнала Тимофея и даже поняла, насколько он устал и взволнован.

— Тим,— позвала она негромко, зная, что звуки в пещере разносятся далеко.— Не спеши. Ты всех перепугаешь. Подходи медленно, а потом остановись шагах в десяти от меня. Понял?

— Понял,— сказал Браун.

* * *

Нильс Ольсен, узнав, что корабль «Вациус» приближается к системе, решился разбудить ВараЮ, понимая, каким облегчением будет для него эта весть.

Телефон долго наигрывал мелодию вызова, Ольсен хотел было положить трубку на место, когда наконец подошел кто-то сонный и злой и сказал, что господин начальник стражи пребывает во сне.

— Я очень прошу, в виде исключения, разбудить господина начальника стражи. Сообщите ему, что его осмелился беспокоить консул Галактического центра.

— Я очень сожалею,— последовал ответ,— но господин начальник стражи не велел его будить, даже если будет землетрясение,— ответил сонный голос.

— Тогда передайте ему, как только он проснется, что консул Галактического центра сообщает, что корабль «Вацнус» находится на подходе к системе и что я поддерживаю с ним связь.

Без ответа говоривший положил трубку.

Консул вернулся в комнату связи, где Елена Казимировна вела беседу с радистом корабля, чтобы не упустить частоту. Разумеется, это лучше сделали бы приборы, но попробуйте сообщить эту истину настоящему радисту — он сочтет себя глубоко уязвленным. Люди, работа которых насыщена автоматикой, любят подчеркивать ненадежность этой автоматики, хотя сами без этой автоматики работать ни за что не согласятся.

— Ну и что вы решили, консул? — на связи был капитан «Вацнуса».

— Я пытался связаться с начальником стражи,— ответил Ольсен,— однако он спит. Его нельзя будить. Я и так нарушил этикет.

— Этикет! — Пренебрежение к этикету и крайняя деловитость — известное всей Галактике свойство и гордыня крионов.— Поднимайте кого нужно. Дело идет о людях.

— Разумеется, я с вами согласен,— сказал консул.— И все же есть местные правила...

— Куда ушел «Шквал»?

— Вернее всего, к планете нашей же системы Ар-А. Это название должно быть в атласе. Однако это только предположение.

— Нет возможности уточнить?

— Завтра начальник стражи будет допрашивать подозреваемых.

— Значит, связь завтра? Время?

— Полдень по местному времени вас устроит?

— Меня устроит любое время, потому что я спешу на помощь кораблю, попавшему в беду. Даже если я буду спать, можете взять на себя смелость и разбудить меня.

— Вашу иронию оценили,— мрачно сказала Елена Казимировна, хотя в присутствии консула радист не должен вме-

шиваться в разговор. Но Елена Казимнровна берегла репутацию доверчивого н порой наивного Ольсена и не терпела, если кто-лнбо собнрался его обидеть.

Выйдя из пункта связн, Нильс сказал жене:

— Кисочка, я съезжу к космонавтам. Они наверняка очень волнуются.

— Ты можешь им позвонить. Сейчас глубокая ночь.

— Но ведь они с радостью проснутся,— сказал Ольсен.

Он был возбужден и одержнм жаждой деятельности.

— Не советую,— сказала Елена Казимировна.

— Но тут же совсем рядом,— сказал консул.— Буквально два шага.

— Тогда надень куртку, сейчас дует с гор. Жена премьера говорила мне, что от этого ветра бывают жуткие эпидемии простуды.

— Это сказкн, кнсочка,— сказал Ольсен, но куртку надел, чтобы не волновать Елену Казимировну.

Он вышел на улнцу. Космонавтов он разместнл в обыкновенном доме, который консульство откупило спецнально для подобных случаев, чтобы не терзать приезжих престижной, но неудобной жизнью в новой гостинице.

Дом стоял в том же квартале, метрах в двухстах от консульства.

Улица была совершенно пуста. Далеко прогрохотала телега. Донесся звон бубенчиков — сторож отпугивал воров от большого магазина на соседней улице.

Ольсен шел, глядя под ногн, чтобы не угодить в лужу или помои, которые порой еще выливали из окон прямо на улицу, хоть за это и полагался большой штраф.

Вот и дом для приезжих. Над входом звездочка — символ Галактического центра.

Ольсен запрокинул голову — в одном из треугольных окон горит свет.

Он толкнул дверь. Стражник, нанятый консулом, мнрно спал, сидя на полу н прислонившнсь к стене.

Он поднялся по витой лестнице этажом выше. Из круглого холла шли двери — в комнатки, где спали космонавты.

Ольсен остановнлся в некоторой растерянностн. Потом негромко спросил:

— Кто-нибудь не спнт, простнте?

Почти сразу открылись две дверн — будто обитатели комнат ждали его визита.

— Что? — спросил молодой космонавт, одетый, будто н не ложился.— Есть новости?

— Корабль «Вациус» вышел на связь,— сообщил Ольсен в великом облегчении, потому что правильно сделал, что пришел: его ждали.

— «Вациус»? Там команда с Крионы,— сказал Салиандри, вышедший из третьей двери.

— А когда «Вациус» будет здесь? Нам лучше перейти на него.

— Я ничего еще не знаю,— сказал Ольсен.— Честное слово.

— Так чего мы стоим! — сказал первый инженер.— Заходите к нам.

Ольсен вошел в комнату. Оказалось, что там сидят еще пять человек. Несмотря на усталость и на то, что они весь день возились на космодроме, стараясь привести в порядок станцию, спать экипажу, потерявшему корабль, не хотелось.

— А уже известно, где «Шквал»? — спросил второй помощник.

— Завтра узнаем,— сказал Ольсен.— Завтра ВараЮ начнет с утра допрос задержанных. Он толковый человек, и его полностью поддерживает правительство.

В этот момент раздался глухой удар, так что дом пошатнулся и стаканы на столе зазвенели.

Такое Ольсен здесь уже пережил — когда было землетрясение. Но он знал, что местные дома отлично приспособлены для таких случаев. В долине, на севере, ему пришлось побывать в городе после сильного землетрясения. Некоторые дома-тыквы валялись на боку, но ни один дом не разрушился.

Салиандри подошел к окну.

— Это совсем рядом,— сказал он. Он высунулся наружу, стараясь увидеть место, откуда донесся грохот. Потом он обернулся и сказал: — По-моему, там огонь. Пожар. Совсем недалеко. Поглядите.

Ольсен подбежал к окну.

Горел его дом.

Дом выглядел странно, словно яйцо, из которого вылупился птенец, проклевав верхнюю часть скорлупы. И из широкого отверстия валил дым и вырывались языки пламени.

* * *

Елена Казимировна, к счастью, почти не пострадала. Когда Ольсен ушел, ее охватило беспокойство: как он там, один на ночной улице? При его-то рассеянности. Ей представилось, что Нильс заблудился и на него напали грабители... И Елена Казимировна, накинув плащ, кинулась из дома, выбежала на улицу и направилась к дому для приезжих. «Я только спрошу у вахтера внизу, приходил ли он,— уговаривала она себя,— и тут же вернусь». То, что она сама ночью вышла на улицу, ее не тревожило. За много лет совместной жизни она привыкла

к тому, что с ней ннчего не случается,— все иеприятности н неожнданиостн пронсходят с Нильсом.

Она была в пятидесяти шагах от дома, когда раздался взрыв.

Ударом воздушиой волны Елеиу Казимировну броснло на мостовую, и, так как паденне было неожиданным н болезиеиным, Елена Казнмнровиа не поияла, что произошло,— ей показалось, что на нее напалн баиднты, как на того иесчастиого археолога, и ударилн по голове. И, упав, оиа закрыла голову руками, спасаясь от следующего удара.

Ничего ие пронзошло. Грохот утих, и затем оиа услышала, как сзади, нарастая в силе, слышится треск, будто кто-то быстро ломает малеиькне палочки — тысячи палочек.

Елеиа Казимировна села н обериулась.

Горел ее дом.

Верхияя часть дома куда-то нсчезла, н нз яйца вырывались клубы дыма, в которых чертеиятами проскакивалн язычки пламеии.

— Боже мой! — сказала оиа вслух.— Какое счастье, что Ннльс ушел к пнлотам.

Оиа подиялась, потерла ушибленное колено. Окна в соседиих домах открывались, высовывалнсь сонные головы. Дом горел быстро, он был стар, деревяниые конструкцни тыквы просохлн. Куски штукатурки отваливались и падали иа мостовую, и казалось, что гигантское яйцо на глазах умеиьшается.

Елена Казнмнровна не пошла к дому, а поспешила дальше, к пилотам,— что ей было делать одной у пожарища?

И через иесколько шагов оиа встретила мужа и пилотов, которые бежали иавстречу.

— Лена! — закричал издали Ольсен.— Ты успела! Спасибо...

Ои плакал н обиимал ее, а пилоты побежали дальше, оии хотели тушить пожар, но это было немыслимо, и даже пожарные, колесница которых приехала довольио быстро, иичего поделать не могли.

Пожарники ждали, пока дом догорнт, чтобы залнть груду тлеющих бревен и штукатурки.

Вскоре приехали и различиые городские чииы. Событие было иастолько необычиым, что пришлось нарушнть этикет. Его Могущество командующий войсками показался в сопровождении группы офицеров. Комаидующий был встревожеи и даже зол. В последние дни ои потерял лицо, потому что похищеиие корабля было совершено с помощью его боевой машины и ои до сих пор ие мог разыскать экипаж машнны, который исчез, как в воду каиул. Он приказал арестовать все иачальство парка боевых машии, но это, разумеется, ие помогло, хотя под

пытками, а пытки пока что обычный метод допроса иа Пэ-У, оии готовы были созиаться в чем угодно.

ВараЮ, иесмотря на ранний час и срочность, с которой он приехал, был одет в полиую форму — видио, ои поимал, что на пожаре окажутся высокие чины. Следом за иим явились охранники, человек пятьдесят, и ВараЮ приказал им оцепить квартал и иикого ие допускать к сгоревшему дому. Его эксперты иачали тут же растаскивать еще тлеющие бревиа, потому что ВараЮ был убеждеи, что взрыв и пожар — ие случайиость, а сделаио это теми сообщиками Пруга Бреидийского, которые ие хотели, чтобы работала рация и поддерживалась связь с «Вациусом». Он принес свои извинения за то, что ие откликиулся иа первый звонок Ольсеиа, и сказал, что накажет своего секретаря. Но это иичего не меияло, и Ольсен сказал ему об этом.

От дома иичего ие осталось, и Ольсеиу было очеиь жалко этиографических коллекций, которые ои собирал здесь миого лет, а также своих рукописей. Этого ои уже иикогда ие восстановит. И в гибели того, что ои делал, было глубокое оскорблеиие разуму, потому что те, кто устроил взрыв, меиее всего думали о таких абстрактных мелочах, как разум, мысли или рукописи коисула Ольсеиа.

Елена Казимировна вела себя как королева, и по ее лицу можио было предположить, что речь идет о сущей безделице — потеряиной булавке. Ей пришлось дважды отвечать иа вопросы — сиачала ее долго расспрашивал ВараЮ, которого иитересовало, ие проиикал ли кто-нибудь в дом,— ведь заряд иадо было проиести, устаиовить и спрятать. Потом те же вопросы задавал пышно одетый генерал из свиты Его Могущества. Отиошеиия между Его Могуществом и иачальииком стражи оставляли желать лучшего — и это было поиятио: второй серьезиый иицидеит за три дня, даже третий, если приплюсовать исчезиовение археолога. И преступиики чувствуют себя в городе совершеино спокойно, словио пользуются покровительством в очень высоких сферах. Соответственно Его Могущество предполагал, что у горцев есть свои люди в охране, что сиимало с иего ответствеииость за события, а ВараЮ виниил армию.

В общем, пришли к выводу, что бомба была положеиа или под дио дома или иа иижием этаже, куда мог проникиуть любой,— коисул и Елена Казимировиа иочью оставались одии, и иикто ие охранял дом. А уходя из дома, коисул мог и не запереть двери — он был рассеян. Между его уходом и уходом Елены Казимировиы прошло минут пятиадцать — достаточиый срок для поджигаиия.

— Меия беспокоит другое,— сказал ВараЮ, иаклоиив к консулу свой острый иос и глядя ему иа грудь, по закоиам

этикета.— Уж очень точно они выбрали время. Как раз после того, как вы связались с кораблем. Кому вы говорили об этом, кроме моего секретаря?

— Никому.

— Секретаря я задержал, и сейчас его допрашивают. Но вы ведь сказали пилотам?

— Нет, исключено,— ответил Ольсен.— Между моментом, когда я сказал им, и началом пожара прошло минут пять, не больше.

— Остается телефонная станция,— сказал ВараЮ задумчиво.— Я вынужден буду вас покинуть...

Он повернулся и, не попрощавшись с Его Могуществом, поспешил к своей машине.

Начинался рассвет. Поднятые ретивыми охранниками черные хлопья сажи лениво крутились в воздухе. Полуодетые и напуганные соседи, что стояли, тихо переговариваясь, за линией ограждения, начали расходиться по домам. Пожарные колесницы, разукрашенные желтыми драконами, разводили котлы, чтобы покинуть пожарище. Его Могущество еще раз выразил Ольсену и его супруге сочувствие в горе, постигшем их, и сообщил, что сегодня же премьер узнает о событии и обязательно компенсирует расходы господина консула. Консул вежливо поблагодарил за внимание,— его расходы уже никто не компенсирует.

* * *

Старый воин КрайЮ, оставшийся по приказанию Пруга, провел неудобную, холодную и мрачную ночь. Он устроился на втором этаже здания, от которого остался угол, десятиметровым зубом возвышавшийся над площадкой. Оттуда черным пятном был виден вход в подземелье.

До него было далеко, тысяча шагов, но ближе надежного укрытия не нашлось.

Ему было холодно, к тому же внизу несколько раз проходила стая волков.

Это были крупные, сильные звери. КрайЮ не хотел, чтобы они его заметили.

Когда утром он увидал, что археологи выбрались из подземелья, он сразу сообщил об этом на корабль. ДрокУ ответил, что воины уже выехали.

* * *

Ночь археологи провели в компании амляков.

С рассветом новые знакомые покинули туннель.

— Человечество не одиноко,— сказал Львин, глядя, как амляки, осторожно озираясь, вылезают из туннеля и бредут к развалинам.— Мы обрастаем родственниками.

Фотий ван Кун взглянул в небо в надежде увидеть звездочку корабля, но ничего не увидел. Он поглядел на младенца с забинтованной и заклеенной пластырем ручкой и даже протянул к нему руку, помахал пальцами, сказал «гу-гу!», полагая, что все младенцы любят, когда Фотий ван Кун делает им «гу-гу». Младенец заверещал, его мать возмущенно забормотала.

Они вышли на открытое место, здесь амляки начали настойчиво объяснять Брауну, которого считали за вождя племени, что им пора идти по каким-то своим делам.

— Осторожно с ним,— сказала Эльза матери младенца.— Хорошо бы ты завтра принесла его ко мне.

Эльза стала показывать знаками, что младенца надо приносить на перевязки. Мать ничего, конечно, не поняла и потащила обоих своих детей к купе деревьев, разросшихся на холме посреди города. Остальные, не оглядываясь, побежали за ней.

— Мы должны взять на себя заботу о них,— сказал Фотий.— Это наш долг.

— Фотий, давай отложим благотворительность на лучшие времена,— сказал Тимофей серьезно.— Неси ящики с патронами.

Они грузили в вездеход оружие, найденное и опробованное ночью в подземелье. Оружие на редкость хорошо сохранилось, потому что те, кто скрывались в подземелье, имели обыкновение очень бережно обращаться с ним.

Это не означает, что археологи намеревались убивать воинов Пруга. У них был другой план: успеть к «Шквалу», прежде чем бандиты отправятся на поиски арсенала, и устроить такой шум, чтобы те не смогли выйти из корабля.

Надолго ли они планировали эту осаду, они не могли бы сказать и сами, но рассчитывали задержать врагов до тех пор, пока не появится помощь.

В любом случае это должно быть делом часов, в крайнем случае дней.

Они погрузились в вездеход как раз тогда, когда вездеход ВосеньЮ уже отправился к подземелью. И если бы они задержались еще хотя бы на десять минут, то наверняка бы события приняли совсем иной оборот.

Если бы кто-нибудь мог поглядеть на город с птичьего

полета, он увидел бы, как один из вездеходов медленно пробирается прочь от подземелья, в то время как другой приближается к нему.

* * *

Пока на Ар-А длилось это утро, в столице Пэ-У оно уже превратилось в день.

Бесконечно усталый Ольсен поехал с пилотами в Школу Знаний. В Школе Знаний, на отделении электроники, им обещали передать приборы, которые можно использовать для восстановления связи.

— Ну, ладно,— говорил Ольсен, споря с самим собой,— допустим, они знали, что у меня в консульстве есть станция. И Пруг, предусмотрительный донельзя, приказал подложить заряд... Возможно?

— Возможно,— ответил Салиандри,— но почему тогда они не взорвали вас с самого начала? Откуда им знать, в какой момент ваша станция выйдет на связь с космосом? Нет, ваш ВараЮ прав: искать надо на телефонной станции. Времени у них было мало, но достаточно. Город небольшой.

Школа Знаний была тыквой вдвое больше прочих. От нее тянулись низкие бетонные корпуса лабораторий.

Профессора Школы Знаний, в синих тогах, с зубчатым знаком Высокого Знания, уже ждали их под боком тыквы. Профессорам при этой церемонии делать было нечего, но сам факт обращения Космофлота к Школе Знаний за помощью был символическим актом. Школа Знаний была одним из наиболее твердых союзников Галактического центра. Не будучи кланом, она ощущала себя кланом нового типа — кланом без родственных связей, и для Школы Знаний исчезновение археолога, который был ее гостем, было глубоким оскорблением.

— Что это? — спросил один из пилотов.— У нас нет времени для торжественных собраний.

— Нет,— сказал Ольсен, который лучше всех понимал, что происходит.— Но если мы будем терпеливы, то получим все, что нам надо.

Повелитель Школы Знаний, седые завитые усы которого, к вящему изумлению пилотов, лишь чуть не доставали до пола, старый друг Ольсена, встретил его с распростертыми объятиями. Он рыдал и не скрывал слез. Он был настоящим мужчиной — лишь женщины скрывают слезы. Ольсен тут же прослезился. Как он потом объяснил пилотам, сделал он это лишь для соблюдения этикета, но в самом деле это было большим облегчением, что можно поплакать на плече человека, который понимает глубину твоего горя и разделяет это горе.

Затем всей процесснеи, очень напомннавшей похороны, только без покойника, онн проследовалн в лабораторнн.

Пнлоты немало удивилнсь, увндя богатства, что храннлись без действия, в расчете на будущне открытня н будущнх местных Ньютонов. Даже Ольсен не знал, что удалось накопнть ученым мужам на складах. И пока Ольсен в окруженнн стенающнх профессоров рассказывал о масштабах бедствня для него лнчно н местной филологнн н этнографнн, пнлоты, как мальчншки в магазнне игрушек, отчаянно н со все возрастающнм оптнмизмом ворошнлн гостепрннмно открытые склады.

Когда часа через трн перегруженная машнна Ольсена, сопровождаемая школьной колымагой, плелась к космодрому, торжествующнй Писаренко, второй помощник, сообщил консулу:

— Почнннм ли? Да мы нз этого добра сооруднм трн рацни!

* * *

Капитан «Вацнуса» Йнвуке высох еще более за последние часы.

Связь с Пэ-У прервалась, н все попыткн вызвать планету нн к чему не прнводили.

Он собрал на мостнке своих помощннков н штурманов корабля.

— У консула Галактнческого центра, с которым я успел поговорнть, есть подозрение, что корабль «Шквал» уведен похитнтелями к планете Ар-А в той же снстеме. Окончательной уверенностн у него нет. После этого сообщення связь прервалась по нензвестной прнчнне.

Помощннки капнтана н штурманы снделн неподвнжно, вытянувшнсь на ннзких стульях. Несмотря на то что крноны любят повторять, что онн презнрают условностн н чужды этнкету, в обыденной жнзнн нмн руководят строжайшне правнла поведення, которых онн попросту не замечают н даже отрнцают нх существование. Поэтому нн однн нз штурманов (за нсключением второго) н помощннков ннкогда не откроет рта, пока капнтан корабля не разрешнт ему это сделать.

Онн снделн неподвнжно, как статун, в своих однваковых серых мундирах со знакамн Космофлота, вышнтымн нх женамн, онн снделн под портретамн велнкнх капнтанов планеты, однаково худых, серьезных н даже мрачных.

— У нас есть два путн: нзменнть курс н следовать к планете Ар-А лнбо продолжать двнженне к планете Пэ-У. Я полагаю, что нам следует в этих обстоятельствах продолжать

движение к планете Пэ-У, стараясь вновь добиться с ней связи. Увод корабля к планете Ар-А является на настоящий момент лишь допущением, причем неподтвержденным. Выход же из строя второй рации за столь короткое время говорит о злом умысле на самой планете Пэ-У. Следовательно, там существует угроза жизни наших товарищей. Так что я предлагаю пока держать курс к планете Пэ-У. Надеюсь, я высказался кратко и просто, а если у кого-нибудь есть возражения — и я надеюсь на возражения и споры,— то попрошу их высказать со всей резкостью, свойственной нам. Решение тем более серьезно, что, возможно, нам, гражданскому кораблю, придется... воевать.

Капитан замолчал и молчал ровно три минуты. Все остальные также молчали три минуты, потому что, разумеется, никому не пришло в голову возражать капитану. Все они были истинными демократами и презирали этикет и условности, и потому они были согласны со своим капитаном. В ином случае им пришлось бы немедленно его разжаловать.

Через три минуты собравшиеся одновременно поднялись, поклонились капитану, портретам великих капитанов и покинули капитанский мостик.

* * *

Андрей проснулся, вскочил, умылся, напился воды из маленького крана, что был в каюте. Есть хотелось страшно.

Он бы сейчас с наслаждением поднял страшный скандал на весь корабль, но он отлично понимал, что никто этого скандала не услышит.

И вообще, помимо прочего, эта история ему порядком надоела.

Она могла бы показаться детской игрой, если бы от этого не умирали. А ведь Пругу все это кажется совершенно справедливой игрой — он не ощущает себя преступником или убийцей. Когда мы говорим о детстве цивилизаций, то оно видно не только в экономических и социальных законах, но и в психологии каждого отдельного человека. Каждый человек каменного века остается ребенком, сколько бы лет ему ни было. И реакции у него детские. Это же надо — посвятить жизнь желанию стать царем! А потом? Помереть на престоле? Разве это удобнее, чем в кресле без короны?

«А ведь так,— сказал он себе,— нетрудно оправдать любого первобытного злодея. Нет,— сказал он себе,— объяснить. Оправдывать или нет — не наша задача. Наше дело — объяснить, а объяснив, ликвидировать опасность». Хотя, пожалуй, за исключением одного прискорбного случая, который стоил Андрею из-

гания из летного состава, ему еще не приходилось попадать в ситуации, в которых он был бы столь бессилен.

И вот именно в этот печальный момент рассуждений голодного Андрея замок щелкнул и вошел ДрокУ. Как к себе в каюту. Спокойно и уверенно.

— Мне нужно с вами поговорить,— сказал он на космолингве.

— Откуда вы знаете галактический язык? — спросил Андрей.

— Я выучил,— сказал ДрокУ.

— Вы бывали в Галактическом центре?

— На стажировке, на курсах административного управления,— сказал ДрокУ,— но, честно говоря, очень давно не приходилось говорить. Четыре года я провел в горах и последний год рядом с Пругом в столице. Практически одичал.

— Вы странный человек. Кто вы?

— Вы должны мне поверить. Мне ведь тоже пришлось скрываться, пока я не убедился, что с вами можно иметь дело. Мое положение куда более опасно, чем ваше. Если узнают, что я здесь говорю с вами, Пруг убьет меня немедленно. Это я вам гарантирую.

— Так кто же вы?

— Я заместитель уважаемого ВараЮ, начальника городской столичной стражи. Мое имя вам ничего не скажет, так что можете продолжать звать меня ДрокУ.

— Что вы делали у Пруга?

— Вот видите, как соблазнительно допрашивать,— улыбнулся ДрокУ. В его движениях, в облике, присутствовала некая лень, но происходило это от избытка силы, от умения быстро собраться и превратиться в моток мышц.— Не прошло и трех минут, как вы стали следователем. Отвечаю на ваш вопрос: Пруг давно смущал нас. Он наиболее яркая и энергичная фигура в горах. Мы решили внедрить нашего человека, чтобы он всегда был рядом с Пругом. Мне и пришлось стать таким человеком.

— И вы хотите сказать, что не заметили, как он планирует захват корабля?

— Мы не всесильны. Он оказался хитрее. На этот раз. Но его торжество недолго. Вы его знаете лучше меня.

Мне трудно поверить,— сказал Андрей.

ДрокУ поднялся.

— Я не могу быть вам всегда полезен. Мне тоже хочется жить. Но, пожалуй, завтра мы что-нибудь придумаем. Главное, чтобы они не успели забраться в арсенал. Как вы думаете, скоро придет корабль нам на помощь?

Спросите что-нибудь полегче,— сказал Андрей.

Спокойной ночи. Думаю, что Пругу я скоро понадоблюсь.

— Минутку,— сказал Андрей.— Если вы в самом деле тот, за кого себя выдаете, почему вы не обезвредите Пруга?

— Я не могу его убить, мне это запрещено.

— Я не говорю об убийстве. Очевидно, есть другие пути. Что вы теперь намерены делать?

— Пользоваться вашими советами, ДрейЮ. И не спешить. Я полагаю, что главное сейчас — не допустить, чтобы он убил кого-нибудь из археологов. А что касается арсенала — пускай забирает что хочет. Он не успеет ннчем воспользоваться.

ДрокУ улыбнулся. Зубы у него были подпилены, как положено горцу.

— А что нового?

— Нового много. Ваших археологов выследили. Онн дали себя провести, как цыплята. Пруг оставил в городе охотника, и археологи привели его к арсеналу. Сейчас ВосеньЮ умчался туда зарабатывать себе славу и жизнь.

— И жизнь?

— Разумеется. Он нужен Пругу только до Пэ-У, а потом... Потом его нечаянно утопят. Он чужой. И может проговориться, чтобы спасти шкуру.

«Мне его не жалко,— подумал Андрей.— Я должен быть гуманистом, мне положено всех любить — в этом великая мудрость Галактики, ценность и святость человеческой жизни. Но мне хочется, чтобы ВосеньЮ умер».

— Вам его не жалко,— утвердительно сказал ДрокУ.— Вы думаете, что он убил вашу женщину.

— А разве это не так?

— Я не был при этом. Может, это сделал кто-либо еще из людей Пруга. Я пошел, коллега, Пруг проснулся. Он плох. Он накурился. Нервы шалят. Я запру дверь, потому что кто-нибудь мог видеть, как я сюда заходил.

ДрокУ легко поднялся.

— Погодите,— сказал Андрей.— Я не знаю, какой вид смерти легче, но я должен сказать, что все ваши пленники находятся в грустном состоянии. Сужу по себе.

— А что случилось?

— Нас за вчерашний день ннкто не догадался покормить. И сегодня вроде бы не собирается тоже.

— С ума сойти! — воскликнул ДрокУ.· Он был нскренне уднвлен. Он тоже забыл о том, что людям надо время от времени есть.— Пошли,— сказал он.— Идите впередн. Я пойду за вами...

Они вышлн в коридор, и ДрокУ быстро повел Андрея к камбузу.

В камбузе было пусто.

— Берите, что вам нужно,— сказал ДрокУ,— и немедленно

к себе в кабину. Если вас поймают, отвечать придется мне. А я не могу больше задерживаться.

И он быстро ушел.

Андрей подождал, пока шаги нежданного союзника утихнут. Потом осторожно положил всю свою добычу на место. От голода он не умрет.

Теперь ему нужно было незаметно попасть в библиотеку. Он надеялся, что это помещение корабля не представляет жгучего интереса для представителей клана Брендийского.

Вход в библиотеку из коридора, но там есть вторая дверь, соединяющая ее с кают-компанией. Дверью той ни разу не пользовались, и она, как заметил Андрей, была заставлена диваном, который отодвинули, чтобы освободить место для кресла Пруга.

Путешествие до библиотеки прошло благополучно.

Андрей на цыпочках пересек комнату и прижал ухо к двери.

Появление союзника показалось ему слишком неожиданным, и ему очень хотелось узнать, о чем ДрокУ будет говорить с Пругом. Хотелось доверять ДрокУ — всегда хочется быть доверчивым, если у тебя не хватает союзников. Но доверчивость могла дорого обойтись.

Андрей успел в библиотеку вовремя.

ДрокУ разговаривал с наследником Брендийским.

И разговор был неожиданным.

* * *

Выгружая аппаратуру из машин и перетаскивая ее к диспетчерской, пилоты галдели, как мальчишки, и Ольсен подумал, что они в самом деле страшно молоды, вдвое моложе его. Им бы в футбол сейчас погонять в перерыве между рейсами. Они были уверены, что запустят станцию в ближайшие часы, и эта задача заслонила от них все прочие проблемы, от которых сам Ольсен отвернуться не мог.

На колымаге из Школы Знаний приехали и местные техники, так что Ольсену приходилось непрерывно разговаривать: пилотам требовалась помощь техников и он все время переводил.

Пилоты использовали поврежденный корпус разбитой рации и некоторые сохранившиеся детали и начали монтаж новой установки.

Они утверждали, что рация будет работать не хуже, чем погибшая рация консула.

На космодроме время от времени появлялись гости.

Сначала приехал Премудрейший глава Школы Знаний. Он

хотел убедиться, что работа идет нормально и его техникн приносят пользу, к тому же ему хотелось еще раз выразить свое сочувствие Ольсеиу. Не успел он уехать, как появнлась полевая кухня, самая иастоящая полевая армейская кухия, похожая на старииный катафалк, только разукрашеиный цветами. Рнтуал прннятня пищи в местиой армии был весьма сложным, и прнсутствне походиой кухии в внде катафалка в цветочках было обязательиой частью ритуала. Повара, прнехавшие на катафалке, были весьма огорчены, что пнлоты поглотили все нзысканные офнцерскне блюда, не соблюдая ритуалов. Ольсен старался за всех, ио, коиечио, он не мог спасти положення, н в памяти армейских поваров пнлоты Космофлота осталнсь людьмн крайие иевоспитаиными.

Затем пожаловал и сам Его Могущество. Ои приехал в броннрованиой машиие, коротко поклонился и обошел полуразрушенную башию диспетчерской. Затем так же иеожнданно уехал, оставив пятерых солдат, вооружеиных вннтовкамн.

Солдаты встали по периметру площадки, где шел моитаж, и замерли.

Ольсен поглядывал на иих с иекоторой опаской, н его опасения лнщь усугубил ВараЮ, который приехал последним.

— Зачем это? — спроснл он Ольсеиа.— Мие это ие нравится. Сказать почему?

Он был похож иа большую клювастую птицу, которая увидела лису, крадущуюся к гнезду, и очень удручеиа инзкнм поведеннем лисы.

— Почему? — спроснл Ольсен.

— Потому что у Пруга была боевая машнна. А все боевые машииы прннадлежат армнн. Я бы хотел поймать и допросить того, кто дал Пругу боевую машину.

— Что нового? Узнали что-нибудь иа телефонном узле?

— Я их арестовал. Всю иочиую смеиу,— просто ответил ВараЮ.— Мон людн сейчас с иими разговарнвают. Я думаю, что скоро все будет известно.

— А как другне подозреваемые? Мы можем точио сказать, куда улетел корабль?

— Вериее всего, это Ар-А,— сказал задумчиво ВараЮ.— Вернее всего. Хотя я ие исключаю и другие варнанты.

— Онн есть?

ВараЮ пожал плечамн.

— Есть какая-нибудь иадежда починнть стаицию? — спросил ВараЮ, глядя иа пилотов. Их фнгуры мелькали в развалннах второго этажа диспетчерской.

— Онн обещают это сделать скоро,— сказал Ольсеи.— Нам дали очень важиые детали в Школе Знаний.

— У них онн былн?

— Они собирались строить собственный центр галактической связи. Но не афишировали своих намерений.

— А я ничего не знал,— сказал ВараЮ и развел руками.— Значит, я плохо работаю. Меня пора гнать.

— Вы должны радоваться,— сказал Ольсен.— Вы же всегда были сторонником нового.

— Но за новым надо следить. Больше, чем за старым.

— Сейчас у нас неприятности из-за старого.

— Завтра будут из-за нового,— сказал ВараЮ убежденно.— Новое у нас появляется слишком быстро. Вы поглядите на них.— ВараЮ показал на неподвижно стоявших солдат.— У них новое оружие. Наши Могущества очень спешат использовать оружие, которое изобретено не здесь. А что они будут делать с этим оружием завтра? А может, они уже сейчас его используют не так, как надо. Почему боевая машина была у корабля? Кому нужнее всего арсеналы? Его Могуществу. Каждая организация — это живое тело, которое хочет занять как можно больше места.

— Разве у армии есть соперники?

— Хотя бы я,— сказал ВараЮ.— Я беспокоюсь о безопасности государства. И если опасность исходит от армии, я буду спорить с армией.

— Значит, вам тоже нужно новое оружие?

— Мне хватит того, что есть,— ответил ВараЮ.— Давайте посмотрим, как дела у ваших пилотов.

Они поднялись к пилотам. Те встретили их весело.

— Смотрите,— сказал Салиандри,— должно же когда-то повезти.

Станция приобретала деловой вид. Она казалась запутанной и даже неопрятной. Удивительно, как пилоты могли распутаться в этом лабиринте.

— И будет работать? — спросил ВараЮ недоверчиво.

— Приезжайте через два часа,— ответил Салиандри уверенно.

* * *

Каждый мальчик из благородной семьи в возрасте пятнадцати лет проходит церемонию инициации. Он не может считаться истинно благородным мужчиной, если не знает наизусть священных текстов — тех текстов, которые в незапамятные времена принесли с собой титаны с Ар-А и оставили предкам людей с Пэ-У. Если на Земле воспоминания о пришельцах так и остались в области мифологии и ничем не доказаны, а вернее всего, они лишь проявление мечты о существовании во Вселенной братьев по разуму или даже Высшей

силы, то для жителя Пэ-У люди с Ар-А — это часть истории. И зиаиие их языка, перешедшее со временем в сферу магических ритуалов,— не пустой звук. Именно в этих текстах, над которыми теперь корпят умные головы в Школе Знаний и которым посвятил большую, к сожалеиию, погибшую при пожаре в консульстве статью Нильс Ольсен, сохранились в зашифроваиином виде многие знания, которые затем легли в основу здешией цивилизации.

ВосеиьЮ знал язык гигантов.

И его не удивило, что надписи в подземелье ему понятны. Его скорее удивило, что далеко не все он может прочесть.

ВосеньЮ спешил, он шел на иесколько шагов впереди, и луч его фонаря метался по стенам, замирая на белых и желтых надписях, разыскивая двери и повороты, заглядывая в комиаты и быстро шаря по ним. Воинам, шедшим следом, казалось, что слуга небесного господина отплясывает колдовской танец, призывая духов, живущих под землей,— им хотелось бы уйти оттуда, но это было бы большим ослушанием, так как они должиы были забрать в темнице великое оружие и великую власть.

«Особая секретность» — было написано над дверью, замыкавшей коридор. Но дверь была приоткрыта. Прямо за ней, как будто хотел выйти, но не дотянулся до выхода, лежал скелет человека в остатках одежды. Скелет рассыпался от дуновения воздуха, когда ВосеиьЮ рваиул иа себя дверь.

Воины отпрянули — в неверном и путаном свете фонарей им показалось, что скелет пытался убежать от них.

В этом святая святых арсенала хранились бомбы.

* * *

Андрей слушал разговор ДрокУ с Пругом Брендийским. Разговор не соответствовал табелю о рангах.

Пруг сидел, нахохлившись, в своем троне, как сонная жаба. Казалось, что ему плевать на все, что происходит вокруг.

ДрокУ мерно ходил по кают-компании, совершая сложные, но повторяющиеся движения — вокруг шахматного столика, к роялю, вокруг рояля, вдоль кресел, сзади трона, вокруг трона... И не останавливаясь говорил:

— Ты забываешь, что не сделал бы ничего, если бы не иаша помощь. Ты бы остался жалким претендентом. И наверное, тебя давно бы уже нашли убийцы. Ты существуешь только потому, что ты нам иужеи. И это тебе выгодно. В первую очередь тебе. Не забывай об этом.

— Без меня вы бы тоже ничего не сделали.

— Это еще неизвестно. В худшем случае мы бы нашли другого. Жадного до власти и славы вождя.

— Другого такого нет.

— Думай, как знаешь.

— А что нужно вам? Та же власть и та же слава.

— Нет. Нам нужна другая власть и другая слава. Настоящая, без барабанов. Барабаны, троны и шумиху мы оставляем тебе. Пользуйся. Пускай дикие певцы исполняют в честь тебя бравые песни. Хватит разговоров. Я буду говорить с господином ВараЮ. Я скажу ему, что арсенал найден. Времени в обрез. Ты должен быть всегда трезвым, всегда сильным и готовым к бою. Не думай, что все так просто.

«ВараЮ,— повторил про себя Андрей,— влиятельный человек, начальник государственной охраны. Как интересно бывает в истории — всегда находится фигура для первого плана. И она шумит и машет оружием. А за ее спиной стоят те, кто не любит вылезать наружу...»

ДрокУ вышел из кают-компании. Пруг Брендийский последовал было за ним, но остановился и задумался, постукивая сильными пальцами по крышке рояля.

* * *

— Но как же это могло быть? Я еще понимаю, что в авантюры влезает горный князь. Дикий человек. Но этот ВараЮ — он же ответственное лицо, у него все есть,— удивлялся доктор, к которому Андрей пришел из библиотеки.

— В табели о рангах он далеко не первая фигура,— сказал Андрей.— И по происхождению семей сто в нашем городе куда знатнее его. Он выскочка, он добился поста с помощью своих способностей. Еще лет пятьдесят назад он и не мог бы мечтать о такой власти. И он понял, что его власть — далеко не предел. И неплохо придумал — сделать все руками горного князя. Гордого, но беспомощного.

— Но на что он рассчитывает?

— Точно сказать нельзя. Но можно предположить. Появляется корабль. Наш корабль. Вооруженный достаточно, чтобы уничтожить столицу. Я уже давно понял, что в планы Пруга входит не только его горное княжество, которое и на карте не отыщешь. И для второго действия драмы обязательно нужен человек в столице. В ином случае, даже запугав правительство, Пруг все равно теряет все преимущества своего положения, как только опускается. Его уже будут ждать. Не будет же он таскать с собой бомбу. В лучшем случае он подорвется на ней.

А вот если с ним есть человек или организация, способная захватнть власть, пользуясь суматохой и паннкой... а не исключено, что ВараЮ до конца будет выказывать себя убежденным противником анархин н попытается взять власть не как союзник Пруга, а как единственная снла, способная ему протнвостоять. Может, я н неправ. К тому же мы не знаем, насколько Пруг послушен ВараЮ.

* * *

ДрокУ вошел в узел связн. Он был не новичком в узле связи и знал, что делать. Он запер за собой дверь, подошел к креслам связистов, кинул в соседнее топорик, с которым не расставался, как н положено горцу, включнл аппаратуру, проверил ее. Задал программу. Пока станция настраивалась, он включил прнемник. И почти сразу пошел вызов с «Вациуса». Вызов был автоматическнм — сухо звучал код «Шквала». ДрокУ не стал выключать вызов, когда откликнулась Пэ-У.

— Начнинаю сеанс,— четко произнес ДрокУ.— Это ты, ВараЮ?

— Ты опоздал на три мннуты,— сказал ВараЮ.— Что случнлось?

— Хорошие новости,— сказал ДрокУ.— Нашли.

— Когда сможете стартовать?

— Как только они будут здесь.

— Поторопитесь.

— У вас что-то изменилось?

— Они восстанавливают станцию связи. На подходе корабль Космофлота «Вацнус». Пока они не знают, где вы. Но армия уже знает. Если восстаиовят связь, вас перехватят. Сколько займет путь обратно?

— Двенадцать часов.

— Армия прнслала солдат охранять космодром.

— Они подозревают?

— Онн всегда меня подозревают. Они выследили моего человека, который организовал угон боевой машины. И он, конечно, сознается.

— Его нельзя убить?

— Онн его охраняют. Но я попытаюсь.

— Мы стартуем, как только они будут на борту. Ты должен сделать так, чтобы Космофлот не успел нас перехватить. Иначе все зря.

— Знаю лучше тебя,— сказал ВараЮ.

— Он вооружен?

— Это гражданская авнацня. Они не вооружены. Может, лншь пистолеты у команды.

— В крайнем случае будем сражаться,— сказал ДрокУ.— Может, тебе тоже пора действовать?

— Если ты уверен, что вы вылетите сразу, я рискну. Ты знаешь, как это опасно. Все зависит от тебя, ДрокУ.

— И от Пруга.

— Поэтому я послал тебя. Остальные в порядке?

— Я им сказал, что я твой агент и их друг.

— Поверили?

— Почему не поверить тем, кто цепляется за любую возможность выжить? Они боятся умереть.

— Многие умерли?

— Некоторые умерли.

— Я жду тебя, ДрокУ.

— Я буду спешить.

* * *

Капитан корабля «Вациус» был в радиорубке. Пришла пора принимать решение — идти дальше к Пэ-У или менять курс. Капитан был фаталистом и верил, что ему должно повезти. Он был убежден, что в космосе никто по доброй воле не останется без связи. И если было решено похитить космический корабль, то люди, которые пошли на такой шаг, должны были предусмотреть связь. И рано или поздно воспользоваться ею. Время шло. «Вациус» продолжал идти к Пэ-У, с каждой секундой удаляясь от Ар-А.

Но капитан Йнвуке упрямо ждал. И когда заработала станция «Шквала», разговор ДрокУ был запеленгован.

— Первая станция на планете Пэ-У,— сказал связист капитану.

— Где находится «Шквал»? — спросил капитан.

После минутного размышления компьютер дал координаты Ар-А. Капитан вызвал подвахтенных штурманов и сообщил по интеркому, что «Вациус» меняет курс. Капитан был фаталистом и даже несколько гордился этим. Но он был доволен, что его не подвела логика.

К сожалению, компьютер на «Вациусе» не имел лингвистической приставки и содержание разговора осталось в тайне. И капитан жалел об этом, ибо полагал, что связь означала то, что противник принял решение.

* * *

Экипаж «Шквала», пообедав иа скорую руку, вериулся к моитажу стаиции.

В городе пошла вторая половииа дия, было жарко и пыльно. Солдаты, которые охраняли поле, казались рыжими столбиками.

Ольсеи сидел у полевого телефоиа. Два раза звонили от Его Могущества, потом звонил Мудрейший из Школы Зиаиий. Три раза звонил ВараЮ. Всех интересовало одно: когда будет связь?

События на космодроме уже стали достоянием самых отдалеииых городов плаиеты и вызвали различную реакцию. Были те, кто опасался мести Галактического центра и того, что люди из Центра уйдут. Были такие, кто гордился подвигом Пруга Брендийского. Хоть официального сообщения и не было, царила убежденность, что Пруг отправился имеиио иа Ар-А, к великим гигантам. Куда еще мог полететь столь знатный вождь?

Ольсеи каждому звоиившему терпеливо объяснял, что работы завершаются, потом подиимался иа второй этаж. Разбитые окиа были затянуты листами пластика, там было душно, но открыть листы было иельзя, потому что тут же ветер намел бы тучи пыли.

Пилоты устали — оии ие спали ночью и работали отчаянно. Но они поиимали, что Ольсену хуже, чем другим, и оии успокаивали его и говорили, что осталось совсем иемного.

* * *

Офицер, который еще три дня иазад комаидовал отрядом боевых машии и исчез сразу после захвата «Шквала», был задержан в долине за озером иочью. Ои молчал все утро. Днем с ним стал говорить сам Его Могущество. Он обещал ему жизнь. И жизнь его клаиу. В противиом случае погибиет весь клаи. И Его Могущество не шутил.

Офицер попросил воды. Ои устал и хотел спать. Ои сказал, что все сообщит. Он сделал это из страха за жизнь клаиа.

Его Могущество покинул помещение, велев своим помощиикам продолжать. Ему было достаточно одиого имени, которое сказал офицер: ВараЮ.

Теперь требовалось доказательство. Офицера иадо, как только ои расскажет о заговоре, отвезти во дворец правительства.

Солдат принес воды и поставил стакан на стол. Офицер жадио отхлебиул из стакаиа и почти мгиовеиио умер.

Генерал еще не успел покинуть помещение казармы, где проходил допрос.

Тут же был схвачен солдат, который принес воду. Он сказал, что воду ему дал дежурный в коридоре.

Дежурный был мертв. Зная, чем все это кончится, он высыпал остатки яда в другой стакан и выпил сам.

* * *

Ольсен еще сидел у телефона на низком стуле. Не желая того, он задремал. И ему начал сниться приятный сон — мозг хотел утешить себя хотя бы во сне. Ему приснилось, что пожарные разгребают пепелище и там находят его рукописи, целые и даже не смятые.

— Ольсен! — позвал его, откинув угол пластиковой шторы, помощник Салиандри.— Можете подниматься к нам. Через несколько минут мы будем испытывать нашего монстра.

— Бегу,— вскочил Ольсен.

И в этот момент снова позвонил телефон.

— Это ВараЮ. Что нового?

— Я должен вас обрадовать,— сказал консул.— Связь есть. В это трудно поверить, я сам боялся поверить, но они обещают, что через несколько минут связь будет налажена.

— Поздравляю,— сказал ВараЮ.— Я, к сожалению, не смогу к вам приехать, очень занят, тут обнаружились новые данные... Но надеюсь, что вы справитесь без меня?

— Разумеется. Счастливо. Мы все сделаем.

ВараЮ говорил не из города. Его машина с телефоном стояла в сухом лесу в двух километрах от космодрома. Деревья стучали длинными сухими иголками под ветром, казалось, что множество маленьких барабанчиков возвещают начало боя.

ВараЮ позволил себе еще минуту расслабиться. Он думал.

Расчет времени должен быть совершенно точен. Чем позже он начнет отчаянную акцию, тем меньше останется времени до возвращения «Шквала». А ему обязательно надо было продержаться до возвращения «Шквала».

ВараЮ очень хотел жить. И очень хотел победить. Он был игроком. Игроком с холодной головой и хорошими нервами. Он побеждал во всех играх и во всех спорах еще со школы. Его никогда не любили — тоже со школы, так как никто не любит людей, которые побеждают в любом споре и уклоняются от драки на кулаках, предпочитая, чтобы кто-нибудь дрался за него. Его не любили и в службе охраны, которая как раз переживала решительную перестройку в тот год, когда молодой, незнатный ВараЮ пришел туда рядовым охранником.

Служба охраны, которая должна была противостоять отрядам кланов, ненадежным и буйным, и заменить собой городскую стражу, которую содержали городские торговцы, перестраивалась солидно. И нуждалась в специалистах. ВараЮ был очень способным молодым человеком и имел склонность к систематическому мышлению. И поэтому неудивительно, что когда в Галактический центр на стажировку посылали стажеров из различных ведомств, то от службы охраны помимо четырех знатных офицеров попал и один незнатный — ВараЮ.

Когда он вернулся через три года, изменившийся, серьезный, даже солидный, его назначили заместителем к одному из его коллег по звездной поездке. Тот был родственником самого премьера. Начальник не любил ВараЮ, но вынужден был признать его способности. Постепенно в отделе охраны, которым фактически руководил ВараЮ, привыкли обращаться по всем вопросам к заместителю. Начальник же купил большой дом и задавал вечера. А когда он вскоре перешел на более почетную службу, то как-то получилось, что в борьбе за место начальника другие кандидаты так перегрызлись, что ничего не оставалось, как назначить незнатного ВараЮ.

К сорока годам он стал начальником столичной охраны. И это было пределом его возможностей, даже учитывая деловые качества и досье. Предков можно было бы купить, но все равно люди, от которых зависела его судьба, отлично знали о его происхождении. И кроме того, его не любили. Хотя ВараЮ никогда и не стремился к тому, чтобы его любили.

Путь к власти открыла идея, которую подсказал ДрокУ — единственный по-настоящему близкий человек к ВараЮ. Их связывало чувство взаимного уважения. И взаимного страха. Они познакомились в Галактическом центре, молодыми честолюбивыми провинциалами.

Именно ДрокУ обратил внимание ВараЮ на то, что на Ар-А прилетела археологическая экспедиция.

Казалось бы, ничего не было более далекого от дел и вожделений двух офицеров охраны. Археологическая экспедиция на соседней планете! Но ведь для всех жителей их планеты Ар-А была не просто космическим телом, луной в небе. Ее жизнь определила зарю жизни на Пэ-У, а смерть ее цивилизации была столь недавней, а костры пожаров и взрывов на ее лице были ярки и очевидны. Мощь и мудрость гигантов были реальностью.

Но нужно было иметь трезвую и в то же время авантюрную голову ДрокУ, чтобы связать эти события к своей выгоде.

Два фактора — существование амбициозного, готового на все князя и археологические работы на Ар-А — соединились в уме ДрокУ еще до прилета Фотия ван Куна, так как первые

известия об успехах археологов достигли Пэ-У за несколько недель до этого.

Именно ДрокУ принадлежала инициатива двух следующих шагов. Первый — чтобы внедрить в голову Пруга Брендийского идею о том, что следовало бы отправиться на Ар-А и завладеть сокровищами, которые иначе попадут в Галактический центр. Второй шаг заключался в том, что ДрокУ стал искать знакомства с неудовлетворенным жизнью ВосеньЮ.

Прилет Фотия ван Куна ускорил события. С ним были карты раскопок, он сам был источником точной информации.

Сам по себе он еще ничего не решал. Нужен был корабль. Кораблем оказался «Шквал».

Дальнейшее было просто. Ван Куна выследили и похитили люди Пруга. Затем включился в игру ВараЮ. Ему надо было обезвредить Андрея Брюса и капитана корабля, убедить всех, что археолога утопили в озере грабители.

Стрелял в Андрея агент ВараЮ. Только у агентов ВараЮ были стрелки со стертым клеймом. Тайная полиция нового времени не нуждается в старинных правилах чести...

За минуту, проведенную во внешнем бездействии, ВараЮ мысленно пробежал по всей цепочке событий. И попытался заглянуть в будущее.

Если «Шквал» стартует сейчас с Ар-А, завтра утром он будет здесь. «Вациус» достигнет космодрома завтра в полдень. Он опоздает. Но если он пойдет к Ар-А, то окажется там уже к утру — так судьба расположила планеты на орбитах в тот день. Удачно расположила для того, кто выигрывает. Плохо для проигравшего.

И все же рискнем.

— Рискнем,— сказал ВараЮ и нажал на кнопку на пульте его машины.

— Готовы? — спросил он.

— Готовы,— ответили ему.

— Вперед,— сказал ВараЮ и велел водителю вести машину наверх, на Холм Бесподобного Чуда, откуда был виден космодром.

* * *

— Он сейчас придет сюда,— сказал доктор.

— Я тоже так думаю,— согласился Андрей.— Он волнуется, он ждет возвращения вездехода. Он не знает, чем все кончится. Если провал, ему лучше, чтобы мы ни о чем не подозревали. Если трудно, лучше знать, что мы замышляем. Или даже...

— Что?

Андрей улыбнулся.

— Или даже помочь нам, толкнуть нас на отважные действия. Как друг и союзник.

— Не понял.

— Чего мы от него ждем?

— Подлости.

— Вы неправы, мой любезный доктор. Мы ждем от него помощи. Мы не подозреваем, кто он на самом деле и какова его роль в этой истории. Значит, мы сейчас с вами мечемся в неизвестности и нетерпении. Терзаемся, к чему бы приложить руки, как бы вернуть Космофлоту похищенный корабль, как бы остаться живыми.

— Но сейчас его постигнет горькое разочарование,— сказал доктор, предвкушая разоблачение.— Если позволите, я сам ему все выскажу.

— Не позволю,— мягко возразил Андрей.

— Вы не скажете ему?

— Знание — самое ценное добро во Вселенной. Знание тайное — одна из основных ценностей войны, мой дорогой доктор. Чем меньше он знает, чем больше мы с вами знаем, тем выгоднее наша позиция.

— Я не согласен с вами,— сказал доктор возмущенно.— И я полагаю, что ниже нашего достоинства играть в прятки с этими существами. С убийцами. Наше человеческое достоинство мы можем поддержать, лишь будучи совершенно искренними. В ином случае мы опускаемся на их уровень. И перестаем быть самими собой.

— Я, простите, на службе,— ответил Андрей.— Мне нужно сохранить имущество Космофлота и жизнь людей. Если мне для этого придется пойти на временный союз с чертом, я, к сожалению, пойду на него. Ведь я, в отличие от вас, не герой.

Доктору в словах Андрея почудилась насмешка. Никто не любит, чтобы над ним посмеивались.

— Я не люблю цинизма,— сказал доктор.

— Я не могу вам приказать,— сказал Андрей.— Но я обращаюсь к вашему разуму. Может быть, мой позорный в ваших глазах союз с ДрокУ поможет нам обрести некоторую свободу передвижений по кораблю. Мне это очень важно. Мне бы очень не хотелось сидеть взаперти в каюте, как принципиальный индюк, обреченный быть украшением на чужом обеде.— И, увидев, что доктор покраснел от обиды, Андрей быстро добавил: — Не обижайтесь. Я не имел вас в виду. Я хочу добавить одну вещь. Для вашего сведения. Я намеревался жениться на девушке по имени ПетриА. Она уроженка Пэ-У. В день нашего вынужденного отлета ее убили. Вот эти люди.

— Кто? — спросил доктор.

— А я взял на себя смертную месть. От имени ее семьи. Есть такой дикий и первобытный обычай...

— Кто ее убил? Пруг?

— Нет, Пруг был у себя... И это сейчас неважно.

ДрокУ вошел, мальчишески улыбаясь.

— Друзья,— сказал он, осторожно прикрывая дверь за собой и начиная играть роль тайного друга.— Обстановка тревожная, но не безнадежная.

* * *

Бродяги лежали по краям поля, лежали уже давно, подползали все новые, и, когда они поднялись и побежали, казалось, что из желтой стены пыли поднимаются сонмы оборванных, грязных, дико ревущих фигур.

В этой толпе большинство было и в самом деле бродягами, могильщиками, ворами, нищими, которых купили даровой выпивкой, несколькими монетами. Но организовали толпу, вели ее и несли взрывчатку агенты охраны. Но одеты все были по-настоящему — в рубища, обшитые ракушками у бродяг, косточками у помойщиков, камешками у могильщиков, осколками стекол у воров и обломками лезвий кинжалов у грабителей. Поэтому колышущаяся толпа дробно поблескивала в закатном солнце.

Солдаты, утомленные бесконечным стоянием на солнце, обалдевшие от зноя, растерялись и опоздали открыть огонь. Один из них упал, застреленный из толпы, остальные побежали к зданию диспетчерской.

С холма ВараЮ было плохо видно, что происходит. Дул ветер, поднятая ветром и сотнями босых ног пыль кружилась над полем.

Ольсену все было видно куда лучше. Он после ночного пожара был почти убежден, что кто-то постарается обязательно уничтожить и эту станцию. Более того, он был уверен, что этот человек — один из тех, кто звонил и сочувственно интересовался, как идет ремонт связи.

Ветер оторвал пластиковый занавес, и сверху были видны быстро приближающиеся фигурки. Солдаты, отстреливаясь, уже подбегали к диспетчерской.

— Врубай аппаратуру! — крикнул Салиандри связисту, который еще что-то подпаивал в системе.

— Две минуты! — крикнул тот.— Жан, помоги.

Штурман бросился к нему.

Выглянув, Ольсен увидел, как двое из солдат встали на колени перед входом в диспетчерскую и прицелились в толпу. Может, кто-то и упал от их выстрелов, глухо прозвучавших над

полем и утонувших в воплях бродяг, но это не замедлнло общего бега толпы.

Однн нз пнлотов прноткрыл пластнк с другой стороны.

— Они уже близко! — крикнул он.

— Наверх! — закричал сверху Ольсен солдатам.— Идите сюда!

Солдаты услышали. Они поняли, что Ольсен прав. Они поднялись н побежали к лестнице. Один из нних упал. Потом он приподнялся и пополз к входу. Ольсен метнулся было вниз, чтобы помочь ему, но его удержал Салиандри:

— Не успеете.

Салиандри был прав: толпа уже настнгла и поглотила солдата. Остальные солдаты бежалн вверх по лестнице.

Салиандри крикнул Жану, который все еще не включил рацию:

— Передашь связь консулу. Я буду на лестнице.

За Салиандрн побежалн еще трое пнлотов. Четвертый остался с Жаном, помогая начать связь.

Рев толпы приблизился и стал так громок, что трудно было говорнть.

Ольсен еще раз выглянул в окно н не успел увернуться: у самого уха просвистела пуля. Стрелял кто-то нз заднних рядов. Камень, брошенный ражим вором в серой рубахе, увешанной остриями кинжалов, попал Ольсену в внсок, н тот, от боли схватнвшнсь руками за голову, начал оседать на пол. Но никто не заметил этого.

В общем грохоте н суматохе каждый старался заниматься своим делом, если можно было счнтать делом то, что Салнандри подхватил ружье у упавшего на лестнице солдата и стрелял вместе с оставшимися в живых солдатами, целясь по ногам. Солдаты не раздумывали, куда целиться,— они были напуганы, но поннмали, что, если они сдадутся, их тут же растерзают.

Гул возрастал. Нападающие поддерживали пыл, распаляя себя проклятиями в адрес трусливых крыс, но двнжение застопорилось, тем более что солдаты прншлн в себя и их выстрелы стали куда точнее. Да и на узкой лестнице превосходство в числе пропало.

С холма ВараЮ вндел, как кольцо людей стягнвалось к диспетчерской. Вот оно слилось с башней н начало втягиваться внутрь. Он успоконлся. Все шло по плану. Главное, не только разрушить связь, но и убеднть всех, что нападение дело городских преступных кланов. Пускай подозревают, что именно он стоял за этнм нападеннем, но государство достаточно сложная и противоречнвая машина, и, чтобы раскрутить ее, нужны более веские обвинения, чем подозрения в связях с преступнньками.

ВараЮ ждал взрыва. Он не спешил. Если не удастся со взрывом, бродягн должны разнести в щепки аппаратуру. Земных пилотов он не приказывал убивать. Но н не приказывал щадить их. Ему было все равно.

— Есть связь! — закричал Жан, отрываясь от передатчика. Ему хотелось, чтобы Ольсен скорее связался с «Вациусом», потому что он опоздал к первому бою и боялся пропустить второй.

И тут Жан увидел, что толстенький пожилой консул, у которого ночью сгорел дом, лежит на полу скорчившись, прижав к голове руки, а сквозь пальцы льется кровь.

— Держи связь! — крикнул Жан своему помощнику н бросился к консулу.

Он постарался оторвать его пальцы от головы, но тот сопротивлялся.

— Вы живы? Да отвечайте же, вы живы?

— Скажи ему...— Ольсену казалось, что он кричит, а он говорил чуть слышно.— Скажи ему: планета Ар-А. «Шквал» на Ар-А. Он поймет...

Жан понял, чего хочет консул. Он метнулся обратно к рации.

— Работает! — крикнул ему напарник.

Жан схватил микрофон.

— «Вациус», вы меня слышите? Дайте подтверждение связи!

Он услышал шум схватки у самой двери, головы отступавших пнлотов показались на лестнице. Ему некогда было ждать подтверждения связн. Он закричал в микрофон, как будто от силы голоса зависело, поймут лн его:

— «Шквал» на планете Ар-А. «Шквал» на планете Ар-А!

И он повторял эту фразу до тех пор, пока его не сразил выстрел из духовой трубки.

* * *

Капитан «Вациуса» получил от радиста короткую радиограмму, пришедшую с Пэ-У. Он прочел ее н спросил:

— Связь оборвалась на этой фразе?

— Больше онн ничего не передали.

— Спасибо. Мы ндем правильно. Вызовите ко мне инженеров, я хочу увеличить скорость.

Скорость нельзя было увеличить, корабль шел на пределе. Дальнейший разгон не предусматрнвался строгими инструкциями Космофлота.

Через час скорость была увеличена еще на тысячу километров в секунду.

* * *

— У меня мало времени,— сказал ДрокУ.— Вернулся вездеход с оружием. Но я могу помочь в одном, хоть это может стоить мне головы,— я могу помочь всем вам бежать с корабля.

— Зачем? — спросил Андрей, улыбаясь не менее дружелюбно, чем ДрокУ, к великому возмущению доктора, который, чтобы не выдать себя, ушел во внутренний отсек проверить приборы анабиотической ванны, в которой лежал Витас Якубаускас.

— По очень простой причине. Я убежден, что Пруг вас всех убьет. До того как корабль поднимется вверх.

— Почему вы так решили?

— Я его лучше знаю.— ДрокУ стал серьезен.— На его совести немало смертей, и если мы его не остановим, то трагедия может принять громадные размеры.

— Как мы его остановим? Уйдя с корабля?

— Ни мне, ни вам это не под силу. Мы ничего не сделаем против двух десятков преданных ему охотников. У нас нет шансов. Пруга ждут на Пэ-У. Туда сейчас подходит корабль «Вациус». Охрана и армия мобилизованы. Он будет обезврежен на подлете к планете.

— Откуда у вас такая информация?

— Я слышал переговоры кораблей с Пэ-У.

Это было неправдой, и ДрокУ настороженно взглянул на Андрея, проверяя, пройдет ли ложь. Андрей сделал вид, что пропустил эти слова мимо ушей. Вряд ли Пруг захочет терять ценных заложников. А ДрокУ не хочет оставлять на корабле свидетелей, но и не смеет их убить. Уведя с корабля пленников, ДрокУ подстраховывается на случай провала. Он только спасал. Он никого не убивал.

— Глупости,— сказал доктор из-за перегородки.— Брюс может уходить. Я член экипажа. У меня на руках больной.— Он показал на внутреннюю дверь.

— Когда вас убьют,— сказал ДрокУ,— больному будет все равно. Его тоже вряд ли оставят в живых.

— Я все сказал,— отрезал доктор и быстро ушел в госпиталь.

ДрокУ развел руками.

— Я сделал все, что мог,— сказал он с искренней печалью в голосе.— Вы тоже остаетесь?

— У каждого свое понимание долга,— ответил Андрей.— Я пойду к себе в каюту.

Они вышли вместе.

ДрокУ был так занят своими мыслями, что даже не обернулся, чтобы проверить, куда идет Андрей.

У двери своей каюты Андрей задержался. Он подождал, пока ДрокУ отойдет подальше, и потом пошел следом. Он поддался непростительному, но непреодолимому любопытству. Ему хотелось поглядеть на добычу Пруга.

* * *

ВараЮ первым увидел пылевую тучу — к космодрому шли боевые машины.

Он лишь кинул взгляд в ту сторону. Большая часть его наемного войска уже скрылась в диспетчерской башне, и, значит, бой там кончается. Боевым машинам не успеть. В любом случае бродяги с удовольствием выполнят главную задачу — разнесут вдребезги эту проклятую станцию.

Больше ему здесь нечего делать. И чем дальше он окажется от космодрома, когда им овладеют солдаты, тем спокойнее. Тем более что формально в данный момент ВараЮ играет в мяч в доме высокопоставленного торговца, человека выше подозрений. Двойник ВараЮ, замещавший его на время отсутствия, был подобран достаточно точно, чтобы обмануть случайного наблюдателя.

ВараЮ приказал водителю ехать к городу.

Но машина еще не успела тронуться, как ВараЮ, оглянувшись, замер. Этого он не ожидал. Три вертолета подлетали на бреющем полете к диспетчерской. Это были армейские машины. Во-первых, ВараЮ не ожидал, что их перегонят с армейской базы в трехстах километрах от столицы. И если Его Могущество приказал поднять машины еще утром, значит, он догадывался или даже знал о нападении на диспетчерскую.

Машина уже съехала с холма, отделившего ее от космодрома, и ВараЮ не видел, как десантники спрыгивали на крышу диспетчерской и перекрывали выходы из нее.

ВараЮ велел гнать к своему убежищу. Алиби с мячом в этой ситуации могло оказаться наивным.

* * *

Десантники успели ворваться в диспетчерскую как раз в тот момент, когда толпа бродяг одолевала последних защитников и бросилась с буйным возбуждением громить станцию. Это, возможно, и спасло пилотов и солдат, по крайней мере отсрочило их гибель настолько, что десантники смогли достичь диспетчерской и отвлечь бродяг и агентов ВараЮ.

Ольсен, сжавшнйся в углу н пытавшнйся стереть с глаз кровь, лившуюся нз разрезанного лба, воспрннял это как продолженне кошмара. Десантннкн былн одеты в ярко-оранжевые камзолы, снние короткне юбки и высокне белые сапогн. Поверх камзолов былн натянуты золотые кнрасы, а остроконечные каскн имелн небольшие забрала, закрывающне лншь лоб и глаза. И когда онн чертями, рыцарями, шутами полезлн одновременно со всех сторон, Ольсен, забыв о том, что к грудн его буквально прнставлен иож грабителя, закричал:

«Слава клану РасеньЮ, прнходящему на помощь
Тем, кто терпнт прнтесненне!»

Это было точной цнтатой нз старннного сказання «РасеньЮ и демоны жадиостн».

Понятне плена еще не прнвилось на планете Пэ-У. Об этом отлично знали и бродяги, которые зиачнтельно превосходнлн чнслом десантников, и отчаянно дралнсь, хотя и понимали обреченность. Более сообразительными былн агенты ВараЮ, которые в суматохе постарались скрыться, но в большинстве скрыться не смогли, потому что, выбегая нз диспетчерской, онн попадалн под огонь боевых машнн.

Станцня была вновь разрушена. Жан был убит. Двое пилотов ранены, прнчем Салнандри тяжело.

Рана Ольсеиа оказалась легкой. И Елена Казимнровна сама, не доверяя местным врачам, ее промыла н обработала.

* * *

Андрей остановился в воротах грузового отсека, где разгружалн большой вездеход. Он почтн не танлся — было не до него. Наступнл миг свершення. Оружне гнгантов, с помощью которого можно достнчь славы н власти, было не только найдено, но и захвачено.

Пруг пришел туда как раз перед Андреем. Он подошел к самой машнне, к распахнутому грузовому люку. Вонны вытащнлн оттуда первую бомбу — черного металла короткнй кургузый цнлнндр на инзкой тележке. Воины вытаскнвали сокровнща осторожно, прнчем Андрей внутренне улыбнулся, обратив вннмание на то, как произошло естественное деленне на прнчастных и случайных. Те, кто остался на корабле н не участвовал в походе к арсеналу, как бы отступилн на второй план. Им даже не дали помочь в выгрузке, словно новое таинственное Знанне принадлежало лишь участникам похода. Даже ВосеньЮ, который ннкогда прежде не отличался смелостью в прнсутствнн Пруга, на этот раз громче обычного

распоряжался, подгонял воинов и был похож на торговца, который прибыл из дальних краев.

Андрей и сам, не отрываясь, глядел, как на пол перед вездеходом выкладываются трофеи. Там было две бомбы. Три пулемета, либо схожие с пулеметами предметы. Большая труба, возможно миномет. Несколько ящиков с патронами. Пистолеты, ружья. Две кассеты со снарядами, но не известно, каким образом эти снаряды пускать в действие. И еще множество вещей явно военного, но непонятного назначения.

Победители стояли широким полукругом, обозревая сокровище, которое даст им власть над планетой. Горцы показались вдруг похожими на стаю обезьян, ограбивших библиотеку.

Андрей незаметно ушел. И пока готовились к отлету, сломал замок своей каюты. Он надеялся, что в суматохе отлета никто не вспомнит о нем. Но не хотел рисковать.

* * *

Всего в полукилометре от подземелья вездеход археологов ухнул в провал заброшенного коллектора — неглубоко, никто, кроме Фотия, даже не ушибся, но машину заклинило, и они потеряли больше часа, выбираясь наружу. Поэтому, когда археологи подъезжали к кораблю, он вдруг начал медленно расти, как гриб, поднимающийся из земли. Движение его ускорилось. Он взлетал.

— Что же теперь делать? — спросил Фотий ван Кун.— Мы же хотели их задержать.

— Сначала,— сказал рассудительный Львин,— надо будет привести в порядок нашу станцию. А это нелегко сделать.

— А потом,— добавил Тимофей,— мы будем работать как обычно и ждать вестей.

Они стояли, глядя в небо. Корабль был красив, он был воплощением человеческого умения и таланта. Но летел он для того, чтобы убивать.

Где-то далеко завыли волки. Они вышли на вечернюю охоту.

* * *

Капитан «Вациуса» предпринял следующие действия: приказал развернуть лазарет и направил к доктору корабля двух помощников; приказал на камбузе приготовить диетический обед на двенадцать человек — во столько он оценивал число членов экипажа «Шквала»; велел — он был предусмотрителен — очистить две больших каюты и соорудить на них внешние запоры, чтобы использовать их для изоляции бандитов, за-

хвативших корабль; собрал своих помощников, чтобы выяснить, что делать на случай, если бандиты будут сопротивляться.

Гражданские летчики Вселенной народ бродячий, и их работа не только связана с постоянными и длительными отлучками от дома, но и с постоянной опасностью, которая не очевидна для пассажиров или случайных людей. Но, поднимаясь в космос, каждый пилот знает, что его корабль не более чем маковое зернышко в океане.

Вот эта оторванность от остального человечества — оторванность чисто физическая — рождает ощущение тесного братства между пилотами. Вряд ли найдется в Галактике категория людей, столь внимательно следящая за прочими членами содружества. Не так уж много лайнеров в Космофлоте, но все же их более ста. Многие космонавты знакомы между собой, у них излюбленные точки рандеву, свой фольклор и даже свои сплетни. И очень трудно проникнуть в этот мир пришельцу со стороны — сначала он должен пройти не один рейс звездными трассами.

Зато если кто-то из гражданских пилотов Галактики попадает в беду, то на помощь ему сразу же придут все его собратья,— все, кто в состоянии это сделать. Далеко не всегда это возможно — катастрофы в космосе чаще всего мгновенны и никого не оставляют в живых. Но бывают и исключения.

Ведь когда четыре года назад такая беда случилась с кораблем капитана Андрея Брюса, он остался жив только потому, что корабль «Восток» под командой Витаса Якубаускаса, приняв сигнал бедствия, смог прийти туда ровно за два часа до того срока, который был рассчитан компьютером, и за двадцать минут до того момента, когда было бы уже поздно.

Неудивительно, что в минуты, когда «Вациус» подходил к точке рандеву со «Шквалом», радиоотсек буквально гремел вопросами, советами и предложениями помощи. Тем более что на «Шквале» оказались сразу два известных всем капитана — Брюс и Якубаускас.

* * *

ДрокУ сидел в кресле пилота. ВосеньЮ — в соседнем кресле. Они молчали. Потом ВосеньЮ спросил:

— Можно я задам вам вопрос?

— Да.

— Если мы прилетим и все будет в порядке, как мы кинем бомбу?

— Откроем люк и кинем,— ответил ДрокУ быстро.

— А если она не взорвется?
— Важно, чтобы все знали, что у нас бомба.
— А если не взорвется?
— Значит, кинем вторую,— сказал ДрокУ.
Они снова замолчали.

* * *

Боль возникла вдруг — боль от образа: ПетриА лежит на диване и ее волосы касаются пола. Он так явственно увидел это, что зажмурился от боли и от стыда перед ПетриА — как он мог забыть о ней!..

На корабле ее убийца. И не так важно, кто из них убил. Просто для них это убийство — маленький эпизод, о котором они завтра не вспомнят, если не будут бояться мести. И погибли другие люди, которые ни в чем не провинились перед ними, но невольно им помешали.

Власть — это убивание людей ради того, чтобы получить безнаказанную возможность убивать дальше. Власть ради власти. Потому что никто из них не съест больше трех обедов и не наденет на себя больше трех одежд. Пруг лишь игрушка в руках спокойного, улыбчивого ДрокУ...

Неожиданно зазвучал зуммер. Включился экран интеркома. На нем было лицо ДрокУ.

— Если вам интересно,— сказал он,— то в пределах видимости появился корабль Космофлота. Каталог Сомова информирует, что корабль именуется «Вацнус».
— Значит, все кончено?
— Сидите и ждите... Я сообщу.

* * *

Пруг пришел на мостик через три минуты. Выглядел он плохо — видно, не оправился от перегрузок. А может, после вчерашних эскапад. Он долго смотрел на экран. Потом спросил:
— А что за корабль? Патрульный крейсер?
— Нет,— сказал ДрокУ.— Это корабль Космофлота, называется «Вацнус», гражданский лайнер. Скорость его ниже нашей.
— Мы можем уйти?
— Да, если сейчас изменим курс, то придем к Пэ-У раньше его. Компьютер уже рассчитывает новый курс.

Зажужжал компьютер, сообщая данные о новом курсе.
— На нем нет вооружения,— сказал Пруг.— Он лезет нам в руки.

— Да,— согласился ДрокУ.

— Глупцы,— усмехнулся Пруг.— Они не зиают, с кем имеют дело.

— Сиижаем скорость,— сказал ДрокУ.— И передаем сигнал бедствия. Хорошо, что мы готовы к такой возможности.

— В коридорах мы сильиее. И учти, Пруг Брендийский еще иикогда ни от кого ие бегал... ВосеиьЮ, ты остаиешься здесь подавать сигиал и следи очень виимательио, как оии будут с иами сближаться. Как только оии спустят с борта свой малеиький корабль, сообщишь мие. Я буду готовить встречу. ДрокУ пойдет со миой. Как только все будет готово, я вериусь сюда.

Пруг был великолепен. Ои широко двигал руками, и золотая тесьма иа плаще сверкала под лампами мостика. Щеки покрасиели. Он помолодел. Ои был викиигом,ковариым, но отважиым. И ои шел в бой.

Пруг подтолкнул ДрокУ вперед, и тот первым вышел в коридор.

— Да,— сказал Пруг вспомиив.— А где ДрейЮ?

— В каюте,— сказал ДрокУ.— Я проверял.

— Пошли воииа, чтобы его привели ко мие, когда корабль будет совсем близко. Если иа «Вациусе» будут сомиеваться, заставим ДрейЮ позвать их на помощь.

* * *

Аидрей остаиовился у иебольшой двери в скафаидровую.

Некоторое время ои стоял иеподвижио, разглядывая скафандры и пытаясь себя уговорить, что это только скафандры, самые обыкиовеииые скафаидры, и иичего более, что это ие палачи — ие то страшиое, до чего ои иикогда в жизии ие сможет дотроиуться.

А там, сиаружи, уже сиижает скорость «Вациус», и его капитан уже приказал спустить планетарный катер. И пилоты — среди иих может быть кто-иибудь из его знакомых — уже готовятся к переходу на «Шквал». Они, вериее всего, осторожны, ио ии одии из них ие сталкивался с первобытиыми охотииками из Брендийского клаиа и ие встречал наследника Брендийского весом в сто двадцать килограммов с нутром дикого кабаиа.

Аидрей выбрал скафандр по росту и автоматически проверил, все ли в нем на месте. Ои пытался убедить себя, что иадевает скафандр на всякий случай, на минутку, а потом снимет снова.

Скафаидр привычио раскрылся, пуская в себя Андрея.

Вот гусеннца в коконе. Теперь можно сделать шаг.

Андрей не мог себя заставить сделать этот шаг, потому что знал, что за первым шагом он обязательно сделает следующий. Никуда тут не деться.

Ему показалось, что до него донесся стук,— может, кто-то заметил, как он входил в скафандровую? Времени на размышления и переживання не осталось. В конце концов, сотни космонавтов выходили наружу...

Андрей опустнл забрало шлема, проверил, как поступает воздух. Затем быстро поднялся по трапу, прнкрепленному к стене. Откинул служебный люк. И оказался в узком пространстве между оболочками корабля. Сюда нельзя по инструкции выходить без скафандра, так как, хоть контролирующне приборы сразу же подняли бы трезвон, здесь может быть утечка воздуха.

Пока Андрей, согнувшись, шел между оболочками, он все еще мог себя утешать, что и не собирается выйти наружу. До тех пор, пока не дошел до внешнего люка.

Люк скрывался за небольшим переходнннком. Им можно пользоваться лишь в экстренных случаях — для внешних ремонтов.

Андрей втиснулся в переходник. Переходник был знаком. Он ему сннлся уже четыре года. Андрей закрыл за собой внутренний люк и замер. И понял, что ни за что на свете не сможет открыть внешний люк...

* * *

Четыре года н четыре месяца назад Андрей Брюс, один нз самых молодых и известных капитанов Космофлота, на «Орионе» крейсировал возле планетки со странным прозвнщем Кастрюля. Кто-то так называл ее, вот и прнжнлось. Кастрюля была скопнщем вулканов — плюющих, льющих, фыркающнх... На орбитальной станции работали вулканологи н спускались оттуда для наблюдений и промеров.

Орбита была рассчнтана верно, ннчего не могло случиться, но случилось. Выброс газов с планеты достиг станцнн, потому что втрое превзошел допустимые величины, повреднл ее двигатели. Несколько человек, что были на планете, погнбли — в общем, случилась беда.

«Орион» изменил курс, чтобы снять со станции вулканологов. Эвакуация прошла трудно, но закончилась благополучно. Правда, повредило внешнне антенны.

В полете пришлось ремонтировать внешнюю обшнвку н антенны. Капитану можно этим не заниматься, н ннкто от него не ждет такой работы, но народу на борту было немного,

все были заняты вулканологами, среди которых было немало раненых и обожженных. Так что нет ничего удивительного, что ремонтом занимался и капитан.

Он работал вместе с механиком Браком. Они были снаружи примерно час, а потом механик Брак начал подавать сигналы бедствия. Сигналы проходили плохо, их не сразу приняли. Брак сообщил, что страховочный трос капитана лопнул по неизвестной причине и того выбросило в бездну.

Если бы Брак был внимательней, ничего бы страшного не произошло — человек превратился бы в спутник корабля и далеко бы не отлетел. Ну напугался бы, а потом бы его вернули домой.

На этот раз получилось так, что, когда трос лопнул, Андрея отбросило от корабля и он получил собственную скорость. Брак же потерял его из виду, даже не помнил направления движения капитана.

Корабль погасил скорость и начал маневрировать, стараясь найти капитана. Но размеры человеческого тела настолько ничтожно малы, что уже за несколько тысяч километров человек не регистрируется даже самыми чуткими приборами.

А Андрей падал в бездну. Он падал в бездну шестьдесят три часа. Он несколько раз умер, он пролетел невероятное количество километров и миров.

Шесть кораблей Космофлота и патрульный крейсер — к счастью, это случилось на оживленной трассе — искали его все эти шестьдесят три часа. И нашел его Витас Якубаускас.

Это была и счастливая случайность и результат умения работать с компьютерами.

Когда Андрея подняли на борт, он был без сознания, он пришел в себя лишь на базе, через много дней, и долго не верил, что он жив. Потому что он слишком медленно и наверняка умирал.

После выздоровления медики поняли, что травма настолько глубока, что Андрей уже никогда не сможет выйти в открытый космос. Даже на Земле он избегал выходить ночью, когда светили звезды.

Психически неполноценный человек не имеет права командовать кораблем и отвечать за жизнь других людей. Андрею предложили наземную работу. Он предпочел уехать из Галактического центра, ему не хотелось встречать бывших коллег, потому что он осуждал себя за этот синдром, полагая его чем-то постыдным.

Именно поэтому, уже надев скафандр, потому что не мог его не надеть, он замер в переходнике, всем своим существом понимая, что не сможет заставить себя выйти наружу.

Он сосчитал до пятидесяти, потом еще до пятидесяти.

Потом он подумал: «Если я сейчас выйду туда, где только

звезды и пустота, я умру от страха. От позорного липкого страха, который не ведом ни одному человеку в Галактике, потому что никто, как я, не умирал в ней. Но если я не выйду, то из-за меня погибнут другие люди. И это хуже, чем смерть. Поэтому у меня нет выхода».

И он открыл люк онемевшей рукой, как будто нажимал на курок пистолета, поднесенного к виску. Потом крепко схватился за скобы на корпусе корабля и по пояс выбрался наружу. Он смотрел не вверх, а только вперед, на покатую китовую спину корабля.

Ему предстоял длинный путь. Надо было добраться по скобам до внешней антенны, которая контролировала подходы к кораблю и пространство вокруг люка, а затем и до люка, причем на втором участке скоб не было.

Андрей — автоматизм, глубоко укоренившийся в мозгу, не отказал — прикрепил к краю люка страховочный конец (его должно хватить) и пополз по скобам, не отпуская руки, пока не схватился за следующую скобу. Близко, у самых глаз, плыл металл корпуса. От боли в поврежденной руке к горлу подступала тошнота.

Его никто не видел, потому что Пруг, который готовил засаду, еще не вернулся на мостик, ДрокУ был с ним, а ВосеньЮ не включал внешний обзор. Он смотрел только на главный экран, на котором медленно вырастал «Вациус». Он увидел, прежде чем вернулся Пруг, как в боку корабля открылся люк и из него медленно выполз планетарный катер. До корабля было более тридцати километров, но на экране казалось, что это происходит совсем рядом.

Поэтому Андрей незамеченным добрался до антенны — небольшой выпуклости в корпусе корабля, прикрытой сверху прозрачной керамической крышкой. Он свинтил крышку и молотком, который был приторочен к ремонтному скафандру, одним сильным ударом разбил принимающее устройство.

Как раз в это мгновение вошедший обратно на мостик ДрокУ обругал зачарованно глядевшего на катер ВосеньЮ и включил антенну ближнего вида.

На секунду на ее экране сверкнули звезды, и тут же экран погас.

— Этого еще не хватало! — сказал ДрокУ.

Он нажимал на клавиши, стараясь понять, что случилось, потом запросил компьютер, и компьютер сообщил, что антенна разбита.

А в эти секунды Андрей уже полз к входному люку. Здесь скоб не было, и Андрей понимал, что в любой момент его может отнести от корабля, особенно если они решат совершить маневр. На полпути к люку он замер, потому что сердце колотилось

со скоростью двести ударов в минуту, и Андрей понял, что он — первый трус во Вселенной.

В наказание он заставил себя поднять голову.

И, к собственному удивлению, увидел плывущий неподалеку царственно могучий и сверкающий точками прожекторов, которые включили, чтобы осветить «Шквал», корабль Космофлота «Вациус».

В лучах прожекторов к входному люку медленно спускался планетарный катер.

Планетарный катер был уже буквально в нескольких десятках метров от «Шквала», и Андрей поспешил к нему, чтобы успеть предупредить пилотов о том, что им грозит.

Резкое движение оторвало его от обшивки и понесло вверх.

И все началось снова... Вся смерть... все шестьдесят три часа.

В этот момент его заметили с катера, и капитан «Вациуса», еще не зная, что означает появление человека на обшивке «Шквала», приказал двум пилотам встретить этого человека.

Что-то дернуло Андрея. И он пришел в себя. И даже понял, что это страховочный трос.

Открытый люк планетарного катера был совсем близко, и оттуда вылетали люди в скафандрах высокой защиты с реактивными двигателями. Двое из них полетели к Андрею.

Один из них, штурман «Вациуса», сразу узнал Андрея. И сначала даже не удивился, потому что забыл в этой суматохе, почему Андрея списали с корабля.

Андрей тоже узнал его. Он включил микрофон и сказал:

— Подождите входить. Там засада.

Он говорил совершенно спокойным голосом, как будто всегда встречал гостей на обшивке корабля.

Капитан «Вациуса», следивший из катера, тоже узнал Андрея.

— Андрей Брюс? Ты почему здесь?

— Они подготовили засаду,— сказал Андрей.

Он непроизвольно держался рукой за рукав скафандра штурмана с «Вациуса». Он снова начал бояться. Нельзя было глядеть на звезды, надо смотреть вниз, на твердую и надежную поверхность корабля.

— Какая засада?

— Они не видят нас, я сбил внешнюю антенну близкого обзора, но они ждут. За переходником, чтобы перебить поодиночке, как будете входить. У них топоры и бластеры.

— А как остальные? Где остальные? — спросил капитан.— Раненых нет?

— Здесь еще доктор Геза и Витас Якубаускас. Он ранен. Тяжело.

— А остальные?

— Некоторые остались на Пэ-У. Висконти погиб.
— Его убили?
Андрей не узнал голоса. Спрашивал кто-то из тех, кто был в планетарном катере. Все слушали этот разговор.
— И хотят убить вас. Вы не понимаете, что это за существа. Это другой мир.
— Тогда не будем терять времени даром. Я начинаю высадку,— сказал капитан «Вациуса».
— Вы меня не поняли?
— Андрей,— сказал капитан.— Мой десант в кремниевых скафандрах высокой защиты. Мы тоже думали. Никто не снимет скафандров. Понял? Ты пробовал выстрелить в него из бластера? Или ударить топором?
— А у вас есть оружие? — спросил Андрей.
— С оружием все в порядке,— сказал капитан.— У нас на борту была группа охотников. Туристы. Мы конфисковали анестезирующие пистолеты. Валят дракона. Переходи к нам на борт, Андрей,— сказал капитан.— Будем проситься в гости.
Андрей перешел на планетарный катер.
Штурман с «Вациуса», его старый знакомый, крепко взял его под руку. Второй космонавт отстегнул страховочный трос. Они резко подхватили Андрея, и он в мгновение оказался в открытом люке планетарного катера. Только потом, восстановив в памяти события того часа, он понял, что все помнили о его болезни. И штурман, и капитан, который вышел к люку, чтобы подхватить его.
Когда люк был закрыт, Андрей поздоровался с десантом с «Вациуса» — они сидели в креслах одинаковые, словно статуи, в тяжелых скафандрах. Одинаковые шлемы повернулись к нему.
Капитан указал на пустое кресло рядом со своим. Через пять минут катер двинулся вновь и, коснувшись корабля, дал сигнал прибытия.
Откроют ли? Или испугались?
Люк отошел в сторону, и магнитные захваты втянули планетарный катер внутрь «Шквала». Шлюзовая была пуста.
— Приготовиться,— сказал капитан, следя за приборами. В шлюзовую поступал воздух. Давление уравновесилось.
Рядом стоял катер со «Шквала».
— Где же они? — спросил капитан.
— Я думаю, они ждут в коридоре за выходом. Так им кажется удобнее — они хотят вас встретить в узком месте.
Люк катера раскрылся, и капитан первым выскочил в шлюз.
— Принимайте гостей,— сказал он.
Тишина.
Один за другим пилоты с «Вациуса» выпрыгивали на упругий пол. Капитан первым пошел к двери, ведущей внутрь

корабля. Дверь открылась навстречу ему. Он вошел, держа в руке анестезатор.

И в этот момент по скафандру ударили сразу пять или шесть отравленных стрел. Они ломались и оставляли на скафандре темные пятна яда. Сверкнул луч бластера.

Капитан продолжал идти вперед. Теперь он видел воинов.

Выпустив стрелы и разрядив бластеры, они схватились за боевые топоры и с криками бросились на капитана. Пруг бежал в толпе воинов, размахивая своим самым большим на планете топором по имени Костедробитель.

Десантники успели дать залп из анестезаторов, первые воины упали, но остальные успели навалиться, ударяя топорами по шлемам и пластику скафандров.

Схватка была неравной — повредить скафандр топор не мог. Суматоха, скопище тел, рычание, крики, грохот заполнили узкий коридор. Пилоты обладали бо́льшими спортивными навыками, чем воины, привыкшие рассчитывать лишь на свое оружие, а анестезаторы действовали безотказно. Число воинов все уменьшалось, а люди в скафандрах медленно теснили их редеющую толпу к кают-компании.

Пруг отчаянно махал топором, ему удалось — то ли силой удара, то ли массой своего тела — свалить с ног двух или трех космонавтов. В его тушу уже вонзились три анестезирующих иглы, а он продолжал сражаться, и ему казалось, что десантники поддаются его напору. И рухнул он неожиданно. Во весь рост.

Оставшиеся воины еще продолжали сопротивляться, но в коридоре стало настолько свободнее, что Андрей смог пробиться сквозь схватку и броситься по коридору.

Один из воинов, раскрашенный, как и прочие, боевыми узорами, бежал перед ним. Видно, падение Пруга отняло у него желание сражаться. Спина воина была знакома. Андрей не гнался за ним — он спешил к медпункту. Убегавший воин обернулся, и Андрей узнал ВосеньЮ. Тот тоже узнал Андрея. Сзади утихал шум боя. ВосеньЮ вдруг потерял силы. Он прислонился к стене и смотрел, как Андрей идет к нему. Он вжимался в стену, занеся топорик, как заносит камень слабый мальчик, когда к нему идет известный во всей школе силач.

Андрей подошел к нему почти вплотную. ВосеньЮ ударил его по груди топором. Топор скользнул по пластику скафандра.

— Я хотел спросить тебя, ВосеньЮ,— сказал Андрей.— Почему ты убил ПетриА?

ВосеньЮ начал сползать по стене, как будто хотел влиться в нее, исчезнуть.

— Я клянусь небом,— заговорил он,— я клянусь жизнью матери, я клянусь самыми страшными муками в черном цар-

стве — я не убивал ПетриА. Я чуть не убил его, когда увидел, что он сделал.

— Кто это был?

ВосеньЮ сполз на пол и скорчился у ног Андрея.

— Это был ДрокУ,— сказал ВосеньЮ,— это был он. Мы пришли за одеждой, и мы должны были взять с собой справочники. А она пришла и увидела нас. И услышала, как мы говорим. Я сказал ДрокУ: «Пришла ПетриА, поздоровайся, она у нас работает». Я боялся, что он ее убьет... А он засмеялся и сказал...

Кинжал просвистел в воздухе и вонзился в шею ВосеньЮ. Тот захрипел, сползая на пол.

За спиной Андрея стоял ДрокУ. Он подошел совсем близко и улыбнулся обычной своей мальчишеской добродушной улыбкой.

— Вот мы и победили,— сказал он.— И ВосеньЮ тоже получил по заслугам.

— Зачем ты убил его, ДрокУ? — спросил Андрей.— Чего ты боишься?

— Мой звездный друг,— сказал ДрокУ,— ты можешь сколько угодно говорить о мести. Но так уж вы устроены, что ваши естественные чувства — ненависть, любовь, месть,— все это подавлено вашим воспитанием. Ты бы до конца жизни мучился ненавистью к ВосеньЮ, но убить вот так, своими руками,— убить живого человека ты не можешь. Смелого мужского поступка — мести — ты не совершишь. Поэтому кто-то должен был тебе помочь.

— Я должен тебя задержать,— сказал Андрей.

— Ты меня? После всего, что я сделал?

— Ты сделал больше, чем говоришь. Ты в самом деле был движущей силой за спиной Пруга. Я знаю об этом и знал раньше. О тебе и твоем покровителе ВараЮ.

ДрокУ совсем не удивился.

— Логично,— сказал он.— Ты должен был догадаться. Или проговорился ВосеньЮ. Или ты подслушал...

Говоря так, ДрокУ медленно продвигался вдоль стены, чтобы миновать Андрея.

— Убей меня,— сказал ДрокУ, также глядя в глаза Андрею.— Ты думаешь сейчас, что ВосеньЮ, этот слизняк, ни в чем не виноват...— Движение вдоль стены продолжалось. Осталось уже немного — и можно бежать...

Интересно, куда он хочет бежать? Этот коридор сворачивает к складам. Оттуда можно попасть и к ангару, и к хранилищу, где они сложили эти бессмысленные тысячелетние бомбы. Можно спрятаться на складе, среди боеприпасов, и, запершись там, шантажировать остальных, покупая себе жизнь. Можно попытаться вывести планетарный катер и полететь на нем,

в надежде добраться до укромного места на Пэ-У... Черт знает, что у него в голове.

— Даже еслн я убнл,— говорнл ДрокУ,— даже еслн я... Кто ты такой, чтобы брать на себя правосудне? Ты сейчас отпустншь меня н побежншь за своими... Ты переложншь на ннх решение моей проблемы. А знаешь лн ты, звездный прншелец, что наша нгра еще не кончена? «Шквал» летнт к Пэ-У. ВараЮ ждет нас. Он, а не ты будет правнть планетой.

ДрокУ рванулся по корндору. Он был куда легче Андрея, он был без скафандра, и, может быть, он успел бы убежать. Но Андрей был готов к этому рывку. Он прыгнул вслед за ДрокУ, схватнл на лету его за ногн и повалнл на землю. Инерцня двнжения н стремление ДрокУ вперед потянулн его вдоль корндора, н онн проехали на жнвотах еще метра два. ДрокУ отчаянно сопротивлялся, что было бесполезно, так как повредить скафандр он не мог.

Заломнв ДрокУ руку за спнну н заставнв его подняться н стоять согнувшнсь, Андрей, делая внд, что не слышнт проклятнй, которымн осыпал его ДрокУ, сказал ему:

— Пошел. Пошел вперед.

— Куда? — ДрокУ попытался повернуть голову, н Андрей дал ему подзатыльннк тяжелой перчаткой.

— Ну! — сказал он.

Его голос нзменил тембр в мнкрофоне шлема н прозвучал глухо. ДрокУ пошел впереднн.

— Послушай,— сказал он,— что ты хочешь делать?

Андрей не отвечал. Онн прошлн еще немного по коридору. Из-за поворота вышел капнтан «Вацнуса». За ним доктор.

— Андрей, я так рад, что вы жнвы! — сказал доктор.

— Он не имеет права так со мной обращаться! Я знаю законы Галактикн. Жнзнь н свобода каждого человека непрнкосновенны,— сказал ДрокУ.

— Не слушайте его,— сказал доктор капнтану.

— Я представнтель развивающейся цнвнлнзацнн н требую права на невмешательство. Я нахожусь под охраной закона о невмешательстве.

— Я его не слушаю,— сообщнл капнтан Андрею.— Но любопытно, что ты намерен с ннм сделать?

— Открою люк,— сказал Андрей,— н выкнну его в пространство.

— Наверное, ты прав,— сказал капнтан.— Ты лучше меня знаешь, что это такое. В скафандре нлн без скафандра?

— Без скафандра,— сказал Андрей.

— Потом прнходн в кают-компанню,— сказал капнтан.— Пошли, доктор, осмотрнте раненых.

— Стойте! — крнчал ДрокУ, извнваясь в железной руке Андрея.— Я умоляю вас именем гуманностн! Это ВараЮ прн-

казал мне убить ПетриА. Чтобы подозрение пало на Пруга. Но я отказался!

Голос его стих и оборвался. Капитан и доктор, не оборачиваясь, скрылись за поворотом коридора.

— Сначала,— сказал Андрей,— ты пройдешь со мной в рубку связи. И поговоришь с ВараЮ.

— Конечно,— быстро ответил ДрокУ,— немедленно, я не спорю. Я скажу все, что надо сказать.

— Ты скажешь ему правду.

В рубке связи Андрей отпустил руку ДрокУ, и тот начал растирать ее другой рукой. Андрей стоял за его спиной. Он вытащил у него из колчана на плече отравленные стрелы. Клейма на них были стерты.

— Вызывай станцию ВараЮ,— сказал он.— И учти, что у меня в руках твоя собственная стрела. Та самая, которой ты убил ВосеньЮ и хотел убить меня. Я в любой момент могу оцарапать тебе шею.

— Я согласен на все, понимаешь, на все,— сказал ДрокУ.— Я и не пытаюсь...

Он набрал позывные убежища. Голос ВараЮ послышался сразу.

— Что у вас? — спросил он.— Я отчаялся. Вы скоро? Вы захватили второй корабль?

— За моей спиной,— сказал ДрокУ,— стоит ДрейЮ, звездный агент. Он приказал мне выйти на связь с тобой, господин.

Наступила длинная пауза. Очень длинная.

— Я понял,— наконец сказал ВараЮ.— Я никогда не верил тебе, ДрокУ. Я знал, что при первой опасности ты перебежишь к сильному.

— Мы сражались,— сказал ДрокУ.— Но они были в скафандрах. ДрейЮ предупредил их.

— Идиоты,— сказал ВараЮ устало.— Не могли уследить за одним человеком.

— Он вышел в космос.

— Вранье,— сказал ВараЮ.— Ты, как всегда, врешь, ДрокУ Я проверял в информатории Галактического центра. ДрейЮ лишен права командовать кораблями, потому что у него болезнь — он не может выйти в космос.

— Он вышел,— сказал ДрокУ.

— Я не буду тратить на тебя слов. Что с Пругом?

ДрокУ обернулся к Андрею.

— Пруг у нас в руках,— сказал Андрей.— Мы привезем его на Пэ-У. Наверное, он расскажет много интересного.

— Расскажет,— ответил ВараЮ.— Ты хочешь у меня чтонибудь спросить, звездный агент?

— Кто убил ПетриА? — спросил Андрей.

— ДрокУ,— ответил ВараЮ.

— По твоему приказанию! — закричал ДрокУ.— Я не хотел!

— Я даже не знал об этом,— ответил ВараЮ.— Он сказал мне об этом потом. Разве это важно?

Андрей не ответил.

— Я кончаю связь,— сказал ВараЮ.— Мое убежище окружено. Я думал, что продержусь до рассвета, но теперь мне не надо этого делать. Мы встретимся с тобой, ДрейЮ, на полях изобилия.

Поля изобилия озиачали потустороиний мир.

Щелкнула связь. ВараЮ прервал ее.

— Он прав,— сказал ДрокУ.— Дай мне дар сделать это своими руками, как ВараЮ.

Андрей понял, что смертельно устал.

Он вывел ДрокУ из рубки связи, открыл дверь в пустую каюту радиста.

ДрокУ покорно вошел туда.

Андрей киоул иа столик отравленную стрелу. Без клейма.

Он поступил совершенно иеверно. Наверное, у него иенормально с психикой. Человек галактического века иикогда не отнимет жизнь у другого человека, как бы плох он ни был.

Андрей запер дверь и пошел вниз, к кают-компании. Там на диване лежала громадная туша Пруга. Он безмятежно спал, сраженный иглой анестезирующего пистолета. Доктор расстегнул ему куртку.

Доктор вдруг вспомнил, где, при каких обстоятельствах он видел в последний раз Андрея.

— А где этот, ДрокУ? Надеюсь, вы не выполнили своей угрозы?

— Почти выполиил,— сказал Андрей.

* * *

На космодроме на Пэ-У их встречал экипаж «Шквала», Ольсен, Его Могущество и много высоких чинов.

Ольсеи первым делом сказал, что ВараЮ покончил с собой в убежище.

Армейские боевые машины подъехали близко к «Шквалу».

Пруг Брендийский первым спустился к машине, и солдаты помогли ему забраться внутрь. Он очеиь ослаб. Как будто из него выпустили воздух.

Затем в медицинскую повозку перенесли Витаса Якубаускаса. Елена Казимировна и доктор Геза поехали с ним в госпиталь, где их ждали врачи. Там было оборудование, привезенное из Галактического центра.

Вместе с воинами вывели и ДрокУ.

Когда после спуска открыли каюту радиста, ои спал. Стрелка была изломаиа на мелкие кусочки.

Аидрей поехал вместе с Ольсеном в дом для приезжих. Ему ие хотелось ехать в собствеиный дом. Там бы все иапомииало о ПетриА.

Ночью ему захотелось испытать себя. Впервые за миого лет ои вышел одии и посмотрел на звездиое небо. Небо было глубоким, зовущим, ио ие пугающим. Аидрей уже зиал, что ои верится в космос.

А утром Нильс Ольсеи сказал ему, что ДрокУ убит в тюрьме. Убийцу задержали. Ои оказался из клана Кам ПетриА — двоюродиым братом ПетриА. Аидрею иикогда ие приходилось его видеть.

Игорь Подколзин

ТАЙНА ОСТРОВА ВАРУДСИМА

Приключенческая повесть

Глава I. ОГОНЬ В ОКЕАНЕ

В июне 1973 года спасатель «Геркулес» возвращался в порт припнскн Петропавловск-Камчатскнй из Владивостока, куда зашел по незавнсящим от него обстоятельствам: стягивая с мели тяжелогруженый лесовоз, богатырь-букснр, видно, надорвался — потекли трубки котла. Вот и задержались во Владнвостоке, а теперь, наверстывая упущенное, спешили в родной порт.

Миновалн Сангарскнй пролнв. До базы оставалось около двух суток хода.

Вечерело. Капитан «Геркулеса» после ужина вышел из кают-компанни и по звенящему под ногами трапу с крепкими дубовымн поручнями поднялся на просторный ходовой мостик.

На палубе никого — все, кроме вахты, отправились в столовую смотреть кинофильм.

Пароход почти бесшумно скользнл по заштилевшему, будто задремавшему под лучамн заходящего солнца океану. Над приземнстой трубой судна поднималнсь и дрожали струйки горячего воздуха. Пахло нагретым деревом и масляной краской.

Из-под форштевня, вспарывающего волну мертвой зыби, хлопая по воде кончикамн крыльев, попарно разлетались в разные стороны ленивые тупики и белобокие кайры.

С секстантом в руках из рубкн вышел штурман.

— Погодка — прямо загляденье, товарищ капитан, душа радуется.

— Высоты брали? — капитан кивнул на секстант.

— Да, тренировался. У нас на Балтийском море простора такого нет. Как сказано в лоции, внутренний бассейн. Определялись чаще всего по береговым отметкам, астрономию считали чуть ли не анахронизмом. Ну и радиолокация избаловала. А тут раздолье.— Штурман взглянул на часы.— Скоро к острову Варудсиме подойдем.

— К Мрачному? У нас его так называют.

— Это в переводе с японского?

— Нет. Варудсима по-японски означает «плохой остров». А Мрачным его окрестили местные мореходы. Слава у этого острова худая. Катастроф вокруг него, пожалуй, не меньше, чем в таких роковых местах, как Бискайский залив, мели Гудвина, мыс Гаттераса или остров Тасмания.

— Скажите пожалуйста! А я-то думал...— В голосе молодого моряка звучало уважение.

— Еще древние айны, коренные жители этих мест, обходили Варудсиму стороной. Говорили, что там обитают злые духи. А уже в наши дни многие рассказывали, будто видели на нем огни, вернее, какое-то таинственное свечение, что ли. Хотя на острове испокон веков никто не жил.

— Может, это огни святого Эльма?

— Кто его знает. Вулкан там высотой в два с половиной километра — все возможно. Не исключено — предрассудки. Но вот ночной вой я сам слышал.

— Какой вой? Вы серьезно?

— Самый настоящий. Проходил неподалеку и слыхал леденящее душу завывание. Откровенно скажу — жутко стало. Потом решил, что это ветер дует сквозь расщелины в скалах. Так оно, наверное, и есть.

— Конечно.— Штурман кивнул.

— Однако некоторые думают иначе. Чего греха таить, суеверьями морячки порой грешат. Но это уже из области мистики. Передаются из уст в уста разные поверья, причем предпочтение отдается тем, что пострашнее. Понимаете, в одной из легенд об этом «заколдованном» месте говорится: на Варудсиму в старину свозили мертвецов для погребения. Хоронили, разумеется, как бог на душу положит, без всякой там помпезности — на поминовение родственники не придут: далековато и не доберешься просто так. А сейчас, когда могилы повсеместно на большинстве кладбищ ухоженные, даже можно сказать, пышные, души покойников на Мрачном возроптали, протестуют.

— Здорово! — засмеялся штурман.— Навыдумывают же!

— Тем более, изустная молва, как снежный ком, обрастает различными нюансами. Услышал, передал, но и от себя добавил. Однако я сам наблюдал: если проходишь близко от Варудсимы, начинает отклоняться стрелка магнитного компаса. Репитер гирокомпаса показывает одно, а магнитный — другое. Никакие

аномалии на карте не отмечены. Прекрасно известно: залежей железной и прочих руд на острове нет. В Японии вообще плоховато с полезными ископаемыми и каждый кусочек металла на учете.

— Никто этим серьезно, по-научному, не занимался?

— Где уж. Остров-то можно сказать, бесхозный. Официально принадлежит Японии, а там делают вид — думается, чтобы не тратиться на установку маяка или навигационных огней,— что вроде бы остров и не их. Кому он нужен? Ни земли, по сути дела, ни воды пресной. Пристать можно лишь в одном месте, да и то в полный, как сейчас, штиль. Если разобраться, весь Варудсима — вулкан. Берега скалистые, глубоко и почти всегда прибой.

— Страсти-мордасти.— Штурман с любопытством посмотрел вперед, где маленьким треугольником выделялся островок.

Вокруг заметно потемнело. Прямо по носу из-за растрепанной туч выглянул край луны, словно вырезанный из латуни.

Штурман поднес бинокль к глазам. Варудсима приближался, словно вырастая из воды.

— Да, видик у него жутковатый. Особенно ночью. И знаете, товарищ капитан, то ли мне померещилось, не пойму, то ли правда будто огонек на берегу мелькнул.

— Где? На Мрачном? — Капитан засмеялся.— Вот уж воистину — не рассказывайте детям на сон грядущий страшных сказок!

— Посмотрите! Вроде бы опять вспыхнуло или блеснуло что-то. К востоку от подножия, внизу, на косе.

— Кто же это там объявился? — недоуменно протянул капитан и тоже поднял бинокль.— Верно. Что-то светится,— сказал он серьезно.— Давайте-ка подойдем поближе.

— А можно ближе? Территориальные воды Японии.

— Если на необитаемом острове горит огонь, это сигнал бедствия, и любое судно обязано оказать помощь пострадавшим. Подворачивайте.

Штурман наклонился к переговорной трубке и скомандовал рулевому новый курс. Спасатель плавно, подминая под крутую скулу волны, покатился влево и пошел прямо на оконечность темного мыса, тянувшегося вдоль основания вулкана.

— Смотрите! — Капитан кивнул на магнитный компас.

Штурман обернулся и удивленно вскинул брови: картушка резво виляла из стороны в сторону.

— Убедились?

— Дела-а-а! — изумился штурман и стал пристально вглядываться в даль. Минуту спустя он взволнованно воскликнул: — Товарищ капитан, хорошо вижу на суше огромный костер!

— Вот оказия! Вызовите-ка старпома. Пусть прикажет подготовить катер — выясним, что произошло.

«Геркулес» отдал якорь в пяти кабельтовых от острова. Теперь даже невооруженным глазом было отчетливо видно: на песчаном откосе, извиваясь языками пламени, горит большой костер. Со спасателя спустили катер, и он, тарахтя мотором и оставляя за собой фосфоресцирующий след, быстро пошел к берегу. Катер уже начал растворяться в темноте, когда на судне вспыхнул прожектор. Длинный белый луч уперся в кромку прибоя.

Через час, гулко отдаваясь в хрупкой тишине, послышался дробный стук двигателя: катер возвращался. Он ошвартовался у кормы, и там началась какая-то возня, будто на борт поднимали тяжелый груз, слышались отдельные возгласы, слова команды, поскрипывание блоков талей.

— Что там у вас, старпом? — нетерпеливо крикнул с мостика в мегафон капитан.

— Сейчас поднимусь, доложу,— ответил с юта неторопливый, чуть хрипловатый голос, и вскоре старпом, вытирая платком мокрое от пота и брызг лицо, уже стоял рядом с капитаном.— Понимаете, какое дело, подошли мы честь по чести. Накат метра три, но высадились благополучно. На косе — прилив не достает — разложен огонь, и около него человек. Неподвижно лежит. Молодой.

— Спит, что ли? — капитан вскинул брови.

— В том-то и дело, что нет. Без сознания. Я даже дыхания не обнаружил сначала. Пульс пощупал — еле-еле пробивается.

— Раненый?

— Нет. Повреждений на теле никаких, одет аккуратно. Лежит на одеяле, животом вниз, руки вытянуты вперед и согнуты. Голова на них опущена.

— Вот те на! Одеяло подстелил и сознание потерял? Может быть, от голода?

— Не похоже,— с сомнением покачал головой старпом.— Вид вполне упитанный. Мы его сейчас к доктору отправили.— Старпом помолчал, подумал, заговорил снова: — Подозрительно как-то все... Кругом ни вещей, ни там снастей каких или шлюпки. Ничего абсолютно. Костер из плавника, крупного, зажгли полчаса-час назад — еще не весь прогорел. Одеяло это самое да в кармане у парня иностранная книжонка. Лежит головой к огню, со стороны ветра, шагах в четырех. Смотрели внимательно вместе с боцманом. Обошли в радиусе метров двести. И покричали для порядка, три ракеты засветили — никого!

— Хорошо. Врач разберется, приведет человека в чувство, тогда все выясним. Поднимайте якорь, и так много времени потеряли.

«Геркулес» солидно и неторопливо развернулся и лег на курс. На мостике, горячо обсуждая необычное происшествие, собрался почти весь командный состав спасателя.

— Смотрите! Смотрите! — вдруг закричал старпом и указал рукой за корму.— Что же это творится-то!

Все повернулись к острову.

Над чуть подсвеченным луной силуэтом вулкана Варудсимы — и что особенно невероятно, среди мертвой тишины — вскинулось в небо на неправдоподобно огромную высоту багровое, узкое, будто струя расплавленного металла, пламя. У его основания, как на замедленной киносъемке, набухал, словно накаляясь изнутри, огненный круглый вал, затем он начал по крутому склону сползать к подножию. Ночь сразу сгустилась и стала иссиня-черной.

Наконец до судна докатился раскатистый грохот, похожий на усиленный в тысячи раз шум промчавшегося мимо с бешеной скоростью товарного поезда. Плотная масса теплого воздуха упруго и пружинисто прошла над «Геркулесом». В ту же минуту спасатель подкинуло, будто снизу чем-то тяжелым ударило по днищу, затем плавно подхватило, понесло вверх и стремительно опустило вниз. Люди, цепляясь за что попало, повалились на палубу. Судно, переваливаясь с боку на бок, чуть не черпая бортами воду, закачалось на расходящихся от острова высоких и длинных волнах. Между тем первый гром взрыва перешел в непрекращающийся гул, который изредка перекрывался гудением и завыванием вырывающегося из недр земли пламени. Все озарилось розовым светом, переходящим в лимонные, оранжевые и пунцовые тона. На фоне темного конуса взлетали в небо, рассыпались веером раскаленные добела, похожие на хвостатые кометы, камни и куски скал. Все, кто стоял на мостике, оцепенели от таинственной и зловещей картины. Столб огня все вырастал, и, хотя судно отошло далеко от острова и ему ничего не угрожало, казалось, что сейчас эта огненная громада рухнет и расплющит, расплавит, загонит в бездонную глубину спасатель, ставший совсем крохотным во всей этой кутерьме стихии.

Ветер принес едкий запах серы и сгоревшего угля. От него запершило в горле и заслезились глаза. На головы сначала редко, затем сильнее и гуще посыпались хлопья пепла. Впрочем, скорее, это был песчаный ливень, где каждая крупинка напоминала раздробленный каменноугольный шлак, которым засыпают на стадионах гаревые дорожки. Мохнатые черные облака скрыли луну, ее тонкий диск стал красным и еле просвечивал, как сквозь закопченное стекло, через которое наблюдают затмение. Отражение пламени, вылетающего из лона земли, бликами, извиваясь, бежало по гладким длинным и маслянистым волнам, пересекало судно и терялось в теневой

стороне океана. Вулкан бушевал пуще и пуще. Было впечатление, что остров раскачивается в каком-то ритуальном танце. Бурлящие потоки лавы, как горные ручьи, белыми змейками ползли вниз, соединялись, образуя огненную реку, и изливались в воду, которая строптиво клокотала и пенилась, медленно отступая перед огнем. Новые волны снова накатывались на остров, и тогда поднимались вверх белые клубы пара и слышалось сиплое, надсадное и возмущенное шипение.

«Геркулес» набирал скорость, стремясь как можно быстрее отойти от злополучного места.

Капитан вызвал радиста и приказал срочно передать сообщение на базу и в Петропавловский институт вулканологии об извержении вулкана на острове Варудсима.

Глава II. НЕИЗВЕСТНЫЙ

Утром, когда следователь Комитета государственной безопасности Томилин вошел в свой кабинет, светло-желтый солнечный квадрат с четкими тенями от оконного переплета располагался на политической карте СССР, висящей на стене. Затем квадрат незаметно спустился на диван, обтянутый блестящей клеенкой, вплотную приблизился к двухтумбовому письменному столу, расплескался по белой бумаге и, осветив руки писавшего, уперся ему в грудь. Томилин поднял голову. Стекла очков вспыхнули, и он тотчас же зажмурился от бивших в глаза из-под верхнего края рамы длинных и узких лучей.

Окно выходило на набережную, обсаженную хилыми, рахитичными деревцами. Из него хорошо просматривался порт, ажурные фермы кранов, бетонные причалы рыбокомбината, мачты сейнеров. За всем этим круто поднимался вверх заросший пушистыми лиственницами, березами и кряжистым сосняком отрог сопки Никольской.

Томилин поднял руку и слегка, сверху вниз, провел ладонью по лицу. Он был молод, всего месяц назад отпраздновал свое двадцатипятилетие, но выглядел еще моложе. Среднего роста, худощавый, в ладно сидевшей на его почти юношеской фигуре хорошо подогнанной форме. Продолговатое, покрытое легким загаром лицо, короткий, чуть вздернутый тонкий нос, светлые волосы. Из-под очков в модной оправе с закругленными углами смотрели серые, в мелких коричневых крапинках глаза. Когда он щурился или улыбался, у глаз веером собирались еле заметные, как паутина, морщинки.

Сейчас следователя заботило странное происшествие. В госпитале их города, вторые сутки не приходя в сознание,

словно погруженный в летаргнческий сон, лежит иеизвестный, доставлеиный на спасателе «Геркулес». Таинственная история.

Томилин взял папку с документами и начал иеторопливо их рассматривать. «Чем же мы располагаем?» — мыслеиио задал он себе вопрос и попытался в который раз проанализировать факты.

Итак, 18 июня, иочью, точнее, в 21 час 17 мииут по местному времеии иа острове Варудсима в Тихом океане, вблизи границы, при весьма загадочных обстоятельствах обнаружеи молодой парень. Остров япоиский, иеобитаемый. Наш спасатель подошел к нему, прнвлечеиный горящим костром, что означает сигнал SOS.

На миг Томилину вспомнилась его племянница-акселератка с ее неизменным «Ну н что?». Действительно, ну и что? Сняли, оказали помощь н вернули «по принадлежности». Еще и благодарность получили бы за спасение. Но не все так просто. Имеется существенная закавыка: человек этот не японец. Впрочем, по порядку.

Нн одио иаше судно, это установлено с абсолютиой точиостью, с предыдущего года не подходило к острову. Как выясиилось, в последнее время не сообщалось, чтобы из близлежащих крупных иаселенных пунктов на островах и побережье кто-либо пропал без вести. Незнакомец иайден у костра, сложеииого из больших обрубков плавника, кусков дерева, досок, бревеи, которые в изобилии выбрасывает море. Обрубков? Одиако, как доложил старпом с «Геркулеса», ни топора, ни пилы ие обиаружеио, следы же затесов очевидные. Правда, приходится верить иа слово — компетеитные товарищи место происшествия ие осматривали, а сейчас там, говорят, все засыпано пеплом.

Человек лежал недалеко от огня на одеяле. А-а, вот н заключение эксперта. Томилин прочел: «Одеяло белое, шерстяное, иовое, справа в уголочке японский иероглиф, обозначающий «императорская армия». Незиакомец одет в военную форму рядового японской армии, летиюю, цвета хаки, пятидесятый размер. Ботинкн воеиного образца, светло-коричневые, нз свиной, добротио выделаииой кожи, сорок второй размер. Головного убора нет. Чериые трусы, белая майка с короткимн рукавами, иоскн. Все вышеперечнслеииое японского фабричного производства фирмы «Мацуснма», выпуска прнблизительно сороковых годов. Ботиики ие зашнурованы. Пуговицы на манжетах рукавов куртки и обшлагах брюк ие застегиуты, что дает основаине предположить, что человека одевал кто-то посторонний, а может, одевался сам, но второпях. В карманах полотияный иосовой платок, тоже япоиского производства, и брошюра какого-то аиглнйского псевдопрорнцателя». Ника-

кнх вещей, снаряжеиия, инструментов. Даже спичек. Как же он развел огонь?

Теперь о самом незиакомце. Старший лейтенант пододвннул к себе стопку аккуратио скрепленных металлическим зажнмом листов — заключеиие судебио-медициисокого эксперта.

«Мужчиаа, около двадцати лет, рост 172—175 саитнметров, сложение пропорцноиальиое, мускулатура хорошо развнта, на ладонях мозоли, которые свойственны людям, заиимающнмся гребным спортом. Упитаниость средияя, вес 70—75 килограммов. Тело чистое, без признаков загара. Волосы густые, темные, с ореховым отливом, стрижка короткая, фасои иеопределенный — наподобне нашей «польки». Лицо европейского тнпа, овальное, нос тонкий, прямой, глаза серые, бровн прямые, узкие, темные. Уши слегка оттопыреные. Зубы ровиые, без единого изъяна. На правом предплечье татуировка черной тушью в три иглы: парусиик — трехмачтовый барк — и в ленте под ним иадпнсь иа русском языке: «Попутного ветра». Ннкаких следов иаснлия или повреждеиий кожного покрова нет. Зато, как установил рентгеновский сиимок, нмеются переломы годичиой давности: трещиины восьмого и девятого ребер справа и малой берцовой кости левой иоги.

В крови обнаружены остаткн препарата хорарпон — американского транквнлнзатора, употреблявшегося еще в тридцатые — сороковые годы для лечеиия сном психических расстройств или заболеваиий. В современной медицнне не применяется. В зависимости от дозы прииятого лекарства н от свойств организма больиого ои может проспать от суток до трех».

«Вот и все,— думал Томилин.— Что ж, можно сделать обобщающий портрет: родился в 1952 нли 1953 году, явно европеец. Одет в форму японской армии выпуска 1940—1942 годов. Ребра поломал приблизнтельно год иазад. Создается впечатлеиие, что кто-то специально напялил иа него все иовое, но давиего производства, и иеизвестно каким образом, а главное, зачем подброснл к костру на пустынном острове. Куда же подевались те, кто все это совершнл?»

Томнлин вынул из серого конверта небольшую фотографию н стал ее виимательно разглядывать.

«Кого ои мне напоминает? Кого? — думал следователь.— И ведь вндел я это лицо сравиительно иедавио.— Он приблизил фото к глазам. Ну коиечио! Поразительиое сходство с артистом Вячеславом Тихоновым... Прямо двойиик, только лет иа двадцать моложе».

Томнлни засунул фотографию в коиверт, снял очки, кусочком желтой замши старательно, круговымн движеииямн, протер стекла и снова иадел очкн.

«Следует, пусть приблизительно,— продолжал размышлять

ои,— иаметить рабочие гипотезы, выработать версии. Прежде всего хотя бы в общих чертах попытаться устаиовить, кто этот человек, как, когда и для чего попал иа остров. Определить опять же, кому это было выгодио... Получается, вроде бы никому ие выгодио, в том числе и самому субъекту. Словио какие-то шутиики, резвясь, предвкушая, как будет иедоумевать следователь, иатыкаясь иа взаимоисключающие факты, подстроили для собствеииого развлечеиия весь этот иикчемиый спектакль.

Попасть иа остров можио двояко: морем или по воздуху. Так. Теперь, кто ои? Европеец? Несомиеиио. А иациоиальиость? Судя по татуировке иа плече — русский. Но почему обряжеи в япоиский муидир? Может, как в кииофильме «Золушка», для «аитиресу»? Впору самому этот самый, как его, хорарпои глотать. Не ясио и с какой целью забросили. Форма япоиская, киижонка аиглийская, лекарство америкаиское, а иаколка русская».

Томилии потер ладоиями виски, сложил бумаги в папку и взглянул иа часы.

«Четыриадцать тридцать. Через десять мииут иужио докладывать руководству. Обозиачить версии, сделать предложеиия. А где оии? Стоять и разводить руками? Это иесерьезио. Вот если бы иеизвестиый пришел в себя, дал объясиеиия... Сыграли, мол, с друзьями шутку или заключили пари,— тогда все поиятио, действуй, как положеио. Но человек молчит, а медики иеопределеиио обещают: скоро должеи очухаться. Ладио. Попрошу подождать, пока иезиакомец ие придет в созиаиие, а пока буду подбирать и суммировать факты. Не бог весть какой выход, но иичего ие поделаешь».

Старший лейтеиаит завязал баитиком тесемки папки, встал, одериул китель и иаправился к руководству.

От иачальства Томилии вериулся сравиительио скоро и в приподнятом иастроеиии: его виимательио выслушали и иеожидаиио предложили связаться со зиамеиитым вулкаиологом профессором Охтииым. Ои иедавио прилетел из Москвы и ждет разрешеиия япоиского правительства посетить Варудсиму, где встретится с иностраииыми коллегами.

Поиачалу это предложеиие слегка обескуражило следователя. Заметив это, полковиик спросил:

— Что вам известио о месте происшествия? — И сам ответил: — Ничего. Или почти иичего. А иногда этот фактор — решающий. Вот профессор и восполиит пробел в вашей информации. Даст, может быть, какие-то иовые сведеиия для размышлеиия или иных версий. Не помешает... Старший лейтенаит позвоиил в гостиницу, где остаиовился учеиый. Профессор оказался иа месте, и оии быстро договорились о встрече.

Гостиница называлась «Восток». Томилин поднялся на второй этаж и по неширокому коридору, застеленному потертой малиновой дорожкой, прошел к двери с табличкой «17». После стука и ответа «войдите», он открыл дверь и шагнул в помещение, которое почему-то всеми командированными называется предбанником.

Через арку-дверь была видна часть комнаты. Пахло сигаретами и одеколоном «Шипр». В проеме стоял еще сравнительно молодой человек. Он протянул следователю руку и сказал:

— Здравствуйте. Это вы говорили со мной по телефону? Я Охтин.

— Здравствуйте.— Старший лейтенант пожал руку и представился: — Томилин, следователь КГБ.

— Давайте уточним, чем вас заинтересовала моя персона. Садитесь.

Старший лейтенант сел в кресло и, не вдаваясь в подробности, изложил события последних дней.

— Да-а-а. Любопытно. Занимательно и таинственно. Только я не возьму в толк, какая роль отведена мне?

— Я бы попросил, чтобы вы рассказали о Варудсиме и землетрясениях. Конечно, в доступной моему пониманию форме.

— Извольте.— Охтин сел напротив.— Значит, Варудсима. О его истории мы знаем очень немного. Первая активность вулкана относится к концу семнадцатого века. Последняя, вернее, предпоследняя — к 1933 году. После этого вулкан задремал и по прогнозам японцев — они, между прочим, в этом доки — должен был спать почти до двухтысячного года. То, что произошло сейчас, полная неожиданность.

— Значит, ученые не предвидели извержения?

— Да. Весьма аргументированно полагали, что оно начнется лет через тридцать, не раньше.

— А на чем строится прогноз? Как специалисты определяют: вот в таком-то районе тогда-то то-то должно случиться?

— Вопрос сложный и комплексный. Постараюсь попроще. Для прогнозирования можно использовать изменения скоростей распространения упругих колебаний, электрических сопротивлений и магнитных свойств земной коры. Некоторым землетрясениям предшествовало нарушение ритма электропроводности горных пород. Если в районе имеются гейзеры, то накануне землетрясения они фонтанируют чаще, после события — реже. Кроме того, перед толчками в земной коре изменяется содержание газа радона — из-за сжатия породы он вытесняется с больших глубин. Ну и, наконец, местные признаки, так сказать, народные приметы: перед землетрясением змеи выползают из нор,

рыбы поднимаются к поверхности, кошки покидают дома, собаки начинают выть. Я даже читал, что в Индонезии, на Яве, произрастает редкий цветок — примула «Империалис», так вот она расцветает накануне извержения вулкана. За достоверность не ручаюсь. Тем более пользы от этих примет мало, так как все происходит, когда катастрофа уже началась.— Он задумался и неожиданно спросил: — Помните о проекте противоселевой плотины на Медео в Алма-Ате?

— Еще бы! Уникальное сооружение!

— Главный аргумент противников был: не спровоцирует ли столь мощный взрыв землетрясение, которое будет пострашнее любого селя.

— Получается: люди могут не только предсказывать, но и вызывать землетрясения?

— Конечно.

— А как?

— Проще простого. Правда, надо разграничить понятия «можно» и «нужно». Хрестоматийный идеалист Манилов в «Мертвых душах» мечтал построить каменный мост через пруд в своем поместье. Сделать это можно, но не нужно.

— Ну а все-таки? — Томилин подался вперед. Интуитивно он почувствовал: появилась какая-то еще слабая, но имеющая право на существование версия.— Отбросим «можно» и «нужно». Как это сделать?

Профессор хмыкнул. Переспросил:

— Вы имеете в виду извержение?

— Да.

— Хорошо. Представьте себе модель Земли — скажем, очищенное от скорлупы яйцо. Тоненькая пленочка под скорлупой — кора, белок — мантия, желток — ядро. На больших глубинах огромные давления и температура. Она такова, что при обычных условиях расплавились бы горные породы. Но они не расплавлены — ведь там колоссальное давление. А если его резко сбросить — любым способом,— что произойдет?

— Породы расплавятся и создадут очаг.

— Правильно. Под действием пара и газа расплав из этого очага ринется вверх, найдет трещину или прорвет поверхность и выплеснется наружу — произойдет извержение.

— Значит, нужно, фигурально говоря, проткнуть кору и дать выход лаве?

— Разумеется.

— А как все же спровоцировать внезапное землетрясение?

— Пробурите в районе вулкана скважину, как — не знаю. На худой конец, взорвите в кратере атомную бомбу.

— А извержение на Варудсиме могло быть вызвано искусственно?

— На Мрачном? — Профессор засмеялся: — Нет, мой друг,

ие могло. Остров иеобитаем, а подготовительные работы, еслн бы кому-то в голову пришла столь бредовая мысль, чрезвычайио сложны.

— Значит, спровоцироваиное землетрясеиие тут нсключается?

— Абсолютио. Да и зачем?

Ниточка, за которую собнрался потянуть следователь, оборвалась. «А жаль,— подумал ои,— так все логично выстраивалось. Но ничего не попишешь». Место происшествия теперь он знает. Правда, кажется, это ие прибавило ничего иового к тому, что нмеется.

Томнлин взглянул на часы.

— Извнинте. Задержал вас. Спасибо за консультацию.

— Не за что.— Профессор проводил его до дверн и, прощаясь, сказал: — Вероятно, я завтра утром полечу иа Варудсиму. Обещали получнть разрешение н дать вертолет. Думаю, долго не задержусь. Вернусь прямо сюда, даже номер сдавать не стаиу. Приходнте, побеседуем.

— Спасибо. Постараюсь. Может быть, иа месте вы обнаружнте что-либо необычное?

— Вряд ли. Но тем не меиее буду рад вас вндеть.— Ои пожал Томилииу руку.

— Хорошо. Приду. До свидаиия.

— До свндаиия...

Глава III. НА ОСТРОВЕ

Комната была небольшая, прямоугольиая. Стены сплошь затянуты блестящимн, светло-желтымн, косо плетенными циновкамн, скорее всего, нз камыша нлн рисовой соломы. Высоко в стеие, у которой ои лежал, нешнрокое, в резной полированной раме окно. В полумраке на гладком потолке, расчерченном деревянными планками на квадраты, выделялся матово-белый двойной плафои освещення. Прямо перед глазамн дверь, окрашеиная под слоиовую кость. Справа в углу плоский, вероятио платяиой, шкаф и ближе к нему тумбочка, покрытая тнснеиой бумажиой салфеткой, на ней металлнческий кувшин и две фаянсовые чашкн. Посредине маленькнй столик с горящей настольной лампой, на абажур наброшеи свободно свисающнй кусок ткани в ярких разводах, иапомниающих расцветку павлиньего хвоста. Рядом, иа иизеньком, точио детском, стульчике, поставнв локти иа стол, подперев ладоиями щеки, сидела вполоборота женщина и чнтала.

Бахусов лежал на шнроком ложе, иапоминающем толстый матрац нли низкий корабельиый рундук, но без ящиков. Глаза

застилало какой-то пеленой. В затылке пульсировала тупая боль. Он еще не совсем отчетливо осознал, видит ли все это во сне или проснулся. В легком, как бы невесомом теле никакой боли, только слабость и тихий звон в ушах. Прояснение наступало медленно. Постепенно исчезла резь в глазах, все стало обретать реальность.

Алексей скосил глаза, отчего немного закололо в висках, и стал рассматривать склонившуюся над книгой хрупкую женщину. Свет от лампы освещал ее почти всю. Кто она? Как очутилась здесь? Да и как он сам попал в эту чисто прибранную, аккуратно обставленную, точно гостиничный номер, комнату, золотящуюся циновками?

На вид женщине лет сорок. Черные блестящие волосы собраны в высокую пышную прическу и скреплены шпильками с шариками на концах. На овальном лице резко выделяются тонкие, полукругом, черные брови, глаза раскосые, слегка приподнятые к вискам, затенены длинными ресницами. Красиво очерченный, маленький, как у ребенка, рот, изящно изогнутая шея. Никакой косметики. Она, несомненно, или кореянка, или японка. Длинное лиловое кимоно в крупных оранжевых, напоминающих маки цветах. Из-под его края выглядывает нога в белом чулке с одним пальцем. Тут же на полу, покрытом циновкой из расщепленного пополам бамбука, стоят деревянные босоножки-колодки с ремешком. «Как же они называются? — Бахусов напряг память.— Дзори? Нет, не дзори. Гэта — вот как».

Женщина не спеша перевернула страницу, оторвалась от книги и, подняв голову, встретилась взглядом с Алексеем. Ему показалось, что она, увидев его открытые, разглядывающие ее глаза, слегка вздрогнула — очевидно, от неожиданности: привыкла видеть его все время в забытьи.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она приятным тихим голосом, с небольшим акцентом, старательно выговаривая слова, смягчая окончания и чуть-чуть картавя.

— Спасибо, хорошо,— сипловато ответил Бахусов и тут же закашлялся.— Где я?

В горле першило, губы пересохли, язык двигался с трудом.

Женщина не ответила, выпрямилась, сунула ноги в гэта, отодвинула в сторону дверь, как в купе поезда, и вышла. В замке с мелодичным звоном щелкнул ключ.

«Тоже неплохо. Запирать-то зачем? — недоуменно подумал Алексей.— Куда это меня занесло?»

Минут через десять ключ в замке повернулся и на пороге показался среднего роста мужчина в незнакомой моряку, но определенно военной форме зеленоватого цвета. Френч с накладными карманами, хорошо отутюженные брюки, коричневые ботинки. На плечах неширокие поперечные погоны, на поясе

кобура с пистолетом. Редкие прямые волосы с легкой сединой на висках зачесаны назад, на прорезанном морщинами лбу большие залысины, лицо слегка скуластое, под коротким носом усики. Глаза узкие, серые, внимательные, чуть-чуть усталые. Это был, несомненно, японец. Человек не спеша приблизился к Бахусову и присел на край кровати. Женщина последовала за ним и остановилась рядом. В руках она держала что-то накрытое салфеткой.

— Как вы себя чувствуете? — Японец задал тот же вопрос, что и женщина.

Алексею показалось, что и голос у него как у женщины, разве что чуть-чуть грубее, и каждый слог он произносил так же старательно, как она.

— Хорошо чувствую.— Моряк попытался приподняться на локтях.— Где я? Как сюда попал? — Говорить ему было все-таки трудновато.

— Лежите.— Мужчина мягко уложил его на подушку, прикоснувшись растопыренной ладонью к груди.— Сейчас вы поедите и отдохнете, а утром поговорим. Так, я думаю, будет правильнее.— Заметив, что моряк хочет возразить и приподняться снова, он настойчиво повторил: — Лежите.

Затем японец обратился к женщине на своем языке. Из всей фразы Бахусов уловил только «Сумико-сан». Так, вероятно, ее зовут. «По-русски значит «чистая»,— вспомнил он. Это имя где-то встречалось ему раньше.

Словно отвечая на его мысли, японец указал рукой на женщину:

— Моя жена, Сумико-сан. Она позаботится о вас.

Мужчина встал, отрывисто сказал еще что-то жене и вышел из комнаты. Женщина опустила свою ношу на пол, переложила на тумбочку с маленького столика книги, пузырьки и коробочки с лекарствами.

— Сядьте, пожалуйста,— тихо попросила она.— Вы можете сесть?

— Конечно.— Моряк приподнялся, сел и вытянул ноги.

Японка заботливо положила ему под спину подушку, поставила на его колени поднос и сняла крахмальную салфетку. Под ней оказалась круглая глубокая фарфоровая чашка с бульоном, тарелка с жареной рыбой и на плоском блюдце несколько плавающих в растопленном масле круглых лепешек, похожих на русские колобки. Запахло чем-то острым и очень вкусным. Защекотало в носу.

— Ешьте.— Она поправила подушку и одеяло.— Я скоро вернусь. Приятного аппетита.

Алексей при виде обильной пищи почувствовал нестерпимый голод и, как только за Сумико закрылась дверь, с жадностью набросился на еду. Съел он все, но, казалось, остался таким

же голодным, как и до еды. Поставив поднос на стол, он прикрыл глаза и откинулся на подушку.

Бахусов не заметил, как снова появилась женщина,— так легки и неслышны были ее шаги. Он приподнял веки, лишь когда она, убирая посуду, звякнула чем-то металлическим. Широкие рукава кимоно слегка завернулись, и он мог видеть до локтя тонкие, смуглые и нежные руки. Она держала небольшой стеклянный шприц, наполненный желтоватой жидкостью.

— Дайте руку, пожалуйста. Не беспокойтесь, это совершенно не больно.

Моряк протянул правую руку. Она немного помассировала ее, перетянула у бицепса резиновым жгутом, ввела иглу и ваткой, смоченной в чем-то очень холодном, растерла руку.

— Теперь спать. Отдыхайте,— сказала она и стала убирать посуду.

Бахусов хотел что-то спросить, но язык отяжелел, мышцы лица будто окаменели, по телу, ставшему необыкновенно легким, почти воздушным, словно побежали, растекаясь по сосудам, вибрирующие горячие пузырьки. Глаза сами собой закрылись, и Алексей погрузился в мягкую, блаженную теплоту...

Проснулся он от беспокойного ощущения, что кто-то пристально смотрит ему в лицо. Стараясь дышать ровно, делая вид, что спит, Бахусов слегка приподнял веки. В комнате полумрак, горела лишь настольная лампа. Он увидел склонившееся над ним бледное, белое, как бумага, лицо Сумико. Она стояла у его изголовья и держала на согнутых в локтях руках какую-то одежду. Заметив, что он проснулся, японка улыбнулась:

— Вставайте. Сейчас пойдете в баню. А это,— она положила на край тумбочки сверток,— хаори и хакимо, ваш домашний костюм — вместо пижамы. Если чувствуете слабость, обопритесь на мое плечо.

— Я сам, сам.— Алексей в смущении выше подтянул одеяло, вспомнив, что, кроме трусов, на нем ничего нет.

— Не стесняйтесь, пожалуйста. Сейчас я не женщина, а ваш лекарь.— Она легонько потянула одеяло за край.

Бахусов сел на постель и опустил ноги на пол.

— Одеваться не стоит — только дзори на ноги. Идти недалеко, и здесь тепло. Пойдемте.

Он встал. Ноги подогнулись, задрожали колени, закружилась голова, в глазах запрыгали мелкие красные искорки. Заметив его состояние, Сумико осторожно снова усадила его на кровать.

— Посидите немного, пусть восстановится кровообращение, это скоро пройдет.

Несколько минут он сидел, приходя в себя.

— Ну, давайте еще попробуем?

Ои опять подиялся и, положив руку иа ее хрупкое плечо, сделал первый шаг.

— Вот так, молодец. Не торопитесь, потихоиечку.

Оии медлеиио вышли из комиаты, пройдя в коиец темиоватого коридора, свериули иалево и остановились перед раздвижиой дверью.

— Проходите.— Сумико пропустила его вперед.

Ваииая комиата сверкала чистотой. Слева у стеиы, облицоваииой кафельиой плиткой, стояла деревяииая широкая скамья, иад ией вешалка для одежды. Справа большая, тоже деревяииая, овальиой формы лохаиь, стяиутая широкими обручами. Над бурого цвета водой белым плотиым облаком висел пар.

— Садитесь в ваииу. Да ие стесияйтесь, пожалуйста,— засмеялась Сумико.

Алексей сиял дзори и суиул иогу в воду. От ступии вверх прошла густая и горячая волиа.

Ои встал обеими иогами иа дио и присел. Тело сразу покрылось мурашками, приятио защекотало спиину, потяиуло ко сиу.

— Вот мыло и мочалка.— Япоика дала Алексею длииный пузырек с изумрудиой жидкостью и губку из актиини.— Я вериусь через полчаса, пропарьтесь как следует, ио ие слишком. Старайтесь держать левый бок иад водой: в иее добавлеи хвойиый экстракт.

Бахусов сидел в пахиущей сосиовой корой лохаии и чувствовал, как к иему снова возвращаются силы. Ои вытяиулся во всю длииу и, прислоиившись затылком к широкой доске, блажеиио зажмурил глаза. «Страииая жеищииа,— думал ои.— Ухаживает, как за больиым малышом, чуть ли ие с ложечки кормит. Да, страииая, ио, вероятио, очеиь добрая, иначе чего ей со миой ияичиться, а оиа, кажется, делает это искреиие».

Помывшись, ои подиялся и повериул краи укреплеииой иад лоханью лейки душа. От тугого ледяиого дождя перехватило дыхание, и моряк с веселым вскриком опять плюхиулся в ваииу. По лицу, освежая его, застучали хлесткие струи. Было очеиь приятио сидеть в пышущей жаром лохаии и, запрокииув голову, ловить ртом холодиые крупиые капли.

Алексей сиова встал, приплясывая и подставляя под струйки то плечи, то живот, повертелся под душем и, выключив воду, выскочил иа деревяиную решетку пола. Он досуха вытерся полотеицем, иадел хаори и хакиму — короткое, дымчатого цвета кимоио и шаровары — и огляделся, ища зеркало. Его ие было, ие было и расчески. Алексей пригладил волосы пятерией и открыл дверь. За ией стояла все с той же добро-

желательной кроткой улыбкой Сумико. В руках она держала чериый лакированный кувшин с длинным узким горлом.

— О-о,— сказала оиа,— вид у вас совсем здоровый. Пойдемте. После бани иадо обязательио хорошеиько выспаться, а потом я вас подстригу.

Они прошли к Бахусову в комнату. Сумико уложила его в кровать, присела рядом и иалила в высокий стакан из кувшина густого, мутиого и светло-желтого, как апельсиновый сок, напитка.

— Выпейте,— сказала она.— Это иастой из целебных трав. Пейте как можно больше.

Бахусов с наслаждеиием осушил подряд два стакаиа прохладного, пахнущего свежнм сеном н иемиого отдающего валерьяикой питья. Сразу же ему иеудержимо захотелось спать.

— А теперь закройте глаза и постарайтесь уснуть.— Сумико встала.— Спокойиой иочн.

И сиова в замке дважды повернулся ключ.

Сколько Алексей проспал, он не знал. Но, вероятно, долго, потому что, когда приподнял векн, через окио лился неестественио розовый солиечный свет. Он чувствовал себя вполие нормальио, хотя после сна в теле и ощущалась некоторая вялость. Держась за стеиу, Бахусов встал на постели и, приподнявшись на цыпочках, хотел загляиуть в окно. Но что это? Окиа ие было. За толстым матовым стеклом с иарисоваииыми на его внутренней стороне кучевыми облаками н сниевой иеба горела яркая лампа. Ои ощупал стеиы н обнаружил за тоикими цииовкамн прочную твердь камия. Моряк спрыгиул с матраца и обследовал все помещение. Сомиенний не оставалось: кругом камеиь, н, очевидио, судя по тому, что при стуке звука слышно не было, довольио толстый, как в пещере, штольне нли каземате.

Треиькиул ключ, и на пороге появилась япоика с подиосом, иакрытым белой салфеткой. «Как будто оиа все время стоит за дверью н ждет, когда я просиусь»,— подумал Бахусов.

— Здравствуйте. Вы уже встали? Как самочувствне? — Она улыбнулась. От улыбки ее красивое лицо сразу помолодело.— Давайте завтракать.

Она расставила на столике приборы. Делала она все удивительио сноровнсто и ловко, нисколько не смущаясь, что моряк был в одиих трусах и трикотажной майке с каким-то чериым, как паук, иероглифом иа груди.

— Садитесь. Но перед едой прнмите это, пожалуйста.— Она протянула ему на ладоии две белые таблетки.

— Опять усыпнть хотите? — иабычился моряк.— Зачем все это? Где я? У кого?

— Не волнуйтесь. Узнаете со времеием. Ешьте, вам иадо иабираться сил. Могу сказать пока лишь одио: вы серьезио

болели, сейчас кризис миновал. Два месяца былн на искусствеииом питаиии.

— Два месяца? Что же со мной произошло?

— Воспалеиие легких, очень тяжелое. Кроме того, сломаиы ребра и иога. Теперь вы выздоровели. Органнзм у вас молодой и снльный. Быстрее поправляйтесь, а потом Токуда-саи все вам объясиит. Не сомиевайтесь, зла вам не причинят. Ешьте.

Оиа вышла за дверь н тут же вернулась, поставив в изголовье иебольшой ночной горшок с крышкой.

У Алексея от смущения запылали щеки, и он иедовольно пробурчал:

— Это-то зачем? Я же вполие могу сам пользоваться гальюном... извииите, я хотел сказать — туалетом.

— Пока не можете. Не капризиичайте, слушайтесь старших.— Оиа лукаво взгляиула иа иего и погрозила пальцем.

Спал ои крепко, без сиовидений, и, вероятио, долго: когда открыл глаза, снова почувствовал волчий аппетит. Слабости как ие бывало, лншь чуть-чуть, совсем иемиого, шумело в ушах и слегка покалывало в суставах.

«Так, оиа сказала, у меня были сломаиы ребра и нога. Здорово!» — подумал ои и ощупал торс. Да, кажется, справа еле заметно ощущается боль. Он вытяиул ногн и несколько раз сжал и разжал пальцы. Какая из иих? Ннчего необычного — обе действовали нормально. Затем ои иесколько раз глубоко вдохиул. В груди, в конце вдоха, покалывало, и появлялся кашель, но ие иадсадный, царапающий, а самый обыкиовенный, как после легкой простуды.

Алексей сбросил толстое ватное одеяло, опустил иоги с койки-руидука, встал и прошелся по комнате. Слегка кружилась голова, ио это бывало н раньше, когда приходилось резко подииматься по авралу н бежать на свое место по расписаиию.

«Куда же все-таки меня заиесло? И еслн верить япоике, я здесь шестьдесят суток. Ничего не поиимаю».

Ои несколько раз присел и сделал десяток различных гимиастических упражиеиий. «И зачем запирают? Это что, больница для буйиых умалишеииых, изолятор? А может быть, я в плеиу? Но у кого? У япоицев? Смех!»

В замке повериулся ключ. Вошла Сумико со свертком под мышкой, перетянутым шпагатом, в руках — ботинкн.

— Здравствуйте. Вот. Примерьте, пожалуйста, размер определяли иа глаз, но, думаю, подойдет. А здесь,— оиа протяиула иебольшую коробочку,— бритва, механическая. Умеете ею пользоваться?

— Здравствуйте.— Алексей чувствовал себя при ней иеловко.— Умею.

— Одевайтесь. Сейчас я принесу воду — умойтесь. Приду через десять минут. Пока.

Алексей развязал пакет. Серо-зеленые брюки с двумя блестящими металлическими пуговицами внизу у щиколоток. Короткая курточка-рубашка с открытым воротом и небольшими поперечными, как нашивки у наших военных моряков, погончиками. Желтые кожаные ботинки и белые носки. «Чудеса!» — подумал он и начал натягивать брюки.

Когда Сумико возвратилась, он уже был одет и побрит. Она, немного склонив голову набок, осмотрела его.

Он стоял, слегка откинувшись, высокий по сравнению с ней и стройный, исхудавший. Отросшие волосы спадали на лоб длинными темными космами и закрывали слегка оттопыренные уши. Серые глаза светились из-под длинных темных ресниц. Прямые, вразлет брови почти сходились у переносицы. Поднявшись на цыпочки, она погладила его рукой по щеке, отодвинула прядь у уха и сказала:

— Ушастик. Совсем юноша.— Трудно было понять, сожалеет она, что он так молод, или рада этому, но в голосе слышалась глубоко-глубоко затаенная грусть. Будто его вид вызвал у нее не очень веселые воспоминания.— Берите воду и освежите лицо. Можете считать, что выздоровели окончательно, и мои заботы теперь не понадобятся.

При слове «ушастик» Алексей вздрогнул. По его лицу скользнула тень, словно он вспомнил что-то далекое-далекое и болезненно-нежное.

Бахусов смочил уголок полотенца в теплой, пахнущей одеколоном воде, протер лицо и шею, положил полотенце на край стола и вопросительно уставился на женщину.

— Сейчас придет Токуда-сан и пригласит вас обедать.— Она собрала посуду на поднос и направилась к двери. На пороге она обернулась, неопределенно покачала головой и улыбнулась.

Почти тотчас в дверях появился Токуда-сан, подтянутый, аккуратный, в той же форме с кобурой на поясе.

— Добрый день, молодой человек.— Голос его звучал властно, но мягко.— О самочувствии не спрашиваю, знаю: все нормально. Следуйте за мной, мы пообедаем вместе.— Он повернулся и вышел, не оглядываясь.

Бахусов направился следом. Шли они медленно, и Бахусов внимательно все осмотрел.

Сразу за дверью тянулся длинный коридор, шириной метра в два с половиной и высотой в три. На потолке горели плафоны дневного света. Все стены затянуты точно такими же циновками, как и в комнате Алексея. Под ногами скользил гладкий бамбуковый настил. В левой стене три совершенно одинаковые закрытые двери. Одна в конце коридора. Токуда довел Бахусова до нее и свернул направо. Здесь в небольшой холл выходило

еще три двери. Японец подошел к крайней и открыл ее. Онн очутилнсь в просторной круглой комнате. В стене перед Алексеем было два псевдоокна. У протнвоположной стены стоял невысокнй дnван, обтянутый корнчневой кожей, несколько кресел, письменный стол, на котором возвышалась черная терракотовая статуэтка круглолнцего н брнтоголового бога судьбы Хотэя, далее шкаф с корешкамн кннг за стеклами. В центре — большой прямоугольный стол, накрытый для обеда на трн персоны, вокруг шесть полумягких стульев. Бахусов обратнл вннманне: к приборам положены не только палочки-хаси, которымн пользуются японцы, но н обычные ложки, ножн н вилки. Японец жестом пригласил Алексея. У дверн, у маленького, заставленного кастрюльками н судками столика, стояла Сумнко.

— Саднтесь, прошу вас.— Он подождал, пока моряк уселся, сел сам н кивнул женщнне.

Она захлопотала вокруг столика, налнвая суп, расставляя тарелкн с закускамн, судки с соусамн.

— У нас сухой закон, кофе тоже кончился,— начал Токуда,— мы пьем только воду, чай, консервированное молоко н сокн, которые мастерскн готовит моя жена. Так что извините.— Он улыбнулся н развел рукамн.— И никто нз нас не курнт. Простнте еще раз, если эти ограничення огорчат вас нлн обременят.

— Я не пью н не курю.

— Вот н отлично. Тогда спокойно, по-домашнему, посиднм н побеседуем. Сначала вы расскажете, кто вы н откуда, потом я объясню, где вы н что мы за люди. Согласны?

— Давайте так, если вам удобнее.— Алексей прндвинулся блнже к столу.

— Кушайте, пожалуйста. После поговорнте.— Сумнко поставнла перед ним тарелку н прнсела рядом.— Если еда вам не понравнтся, скажите — в следующий раз я приготовлю другне блюда.

Все прииялнсь за обед, н несколько минут был слышен только стук ложек о тарелкн. Большннство кушаннй было Алексею совершенно незнакомо, но все выглядело аппетнтно н прнготовлено очень вкусно. Наконец, когда с обедом покончили, Сумнко принесла н поставила перед каждым маленькую чашечку с темным ароматным чаем. Токуда сделал небольшой глоток, отодвинул чашку на край стола н вопросительно посмотрел на моряка.

Алексей немного подумал и сказал упрямо и с вызовом:

— Только учтнте,— он постучал указательным пальцем по столешннце,— никакнх сведеннй, касающнхся чего-либо, кроме моей жнзнн, вы не получите.

Японец сначала, словно не понимая, сдвннул брови, затем

запрокинул голову так, что обозначился острый кадык иа смуглой жилистой шее, н громко рассмеялся. Заулыбалась н его жена.

— Нас это не ннтересует, можете быть абсолютио уверены. Нн на военную, нн на государствеиную тайну мы ие претеидуем.

— Тогда другое дело.— Алексей почувствовал себя свободнее. Он почему-то, сам не поиимая прнчины, верил этой доброжелательной паре.— Но сперва ответьте, пожалуйста, зачем меия на ключ запнрали? Я что, плеиник? Вы ведь военный? — Он кивиул иа портупею.— Судя по форме и знакам разлнчия, офицер япоиской армин.

— Об этом я расскажу позже. Ведь мы договорились: сначала вы поведаете о своей жизни. Тем более, судя по вашему юному возрасту, повесть будет короткой. Нам же придется, я думаю, рассказывать долго, если, конечио, вам это не будет в тягость. Так я слушаю вас.

Бахусов вытер салфеткой рот и слегка откииулся на спинку стула.

Глава IV. ДОМ НА НАГОРНОЙ

— Лешка! Лешка, окаяиный! Господи, иу чисто сатаиа какая! Куда запропастнлся-то, чертов сын? — ругалась бабка, шаркая под кроватью шваброй.— Вылазь, говорю, ирод. И за какне только грехи мие такое наказанье! Ох, прндет Кистнтин, все разъясню ему, как есть. Вылазь, слышишь, аспид?! Ох, господи боже мой!

Бабка, кряхтя, опустнлась на колеии, иагиулась и, откииув край покрывала, заглянула под кровать — там иикого не было.

— Сбег, шельмец! Сбег, паралич тебя расшиби! Ох, горе ты мое, безотцовщиша!

Старушка грешила против истнны: отец у Лешки был, у него не было матерн.

Алексей смутно помнил — ему тогда еще и четырех лет не нсполинлось,— как отец, старший судовой механик, часто ходившнй на многопалубиом большом белом и красивом теплоходе в «заграику», вернувшнсь то ли нз Америки, то ли нз Францнн, сндел на кухне за столом, покрытым вылннявшей клееикой, в малеиьком деревяином домнке иа Нагориой улице Владнвостока. Держа на коленях что-то лепетавшего сынишку, он иевндящими глазамн смотрел на лежащий перед ним голубоватый, в разводах водяных зиаков, лист бумаги в черной рамке. У двери в сени, прислоннвшнсь острым плечом к притолоке, подперев щеку костлявой рукой, стояла и нараспев слезлнво причнтала бабка.

Официальный бланк назывался свидетельством о смертн.

Когда отец иаходнлся в плавании, мать Алексея, жеищина веселая, молодая и вполие здоровая на вид, внезапио, развешнвая во дворе на веревке выстираииое белье, почувствовала себя плохо, да так, что еле-еле, ползком добралась до кровати. На крнк, поднятый бабкой, сбежались соседи. Вызвали «скорую помощь». Мать отправили в больинцу, и к вечеру оиа умерла от острой сердечиой недостаточности: сказалось тяжелое голодиое детство н горькне, полиые иедосыпаиия и работы военные времеиа.

Домой мать не прнвезли. Мальчишка ие мог уразуметь, с чего это вдруг вечером собрались соседи и знакомые, пили вино, жеищииы плакали, ласкалн его, целовали, угощали конфетамн и пряииками и называли иепоиятиым словом «сиротиика».

Отец приехал спустя две иедели.

— А где мама? — задавал вертящийся на его коленях малыш извечный вопрос детей, раио теряющих родителей.— Когда мама придет? К ма-а-ме хочу.— Ои хиыкал и каиючил, уже не обращая виимаиия иа игрушки — гостннчики, как он их называл,— которые привез отец.

— Уехала мама. Неиадолго. Приедет скоро, прнедет,— машинально повторял отец, гладя сыиишку по кудрявой голове...

Это поглаживанне растравляло ребенка, напоминало ему о матери, когда она, причесывая его после умываиия, вся светясь от счастья, ласково повторяла:

— Ах ты мой ушастик! Да какие же у иас розовеиькне да прозрачные ушки! Так бы и съела. Ам!

В приземистый, аккуратиый, под тесовой крышей домнк на Нагориой, утопающий в зарослях разлапистой акации и снрени, прншла беда...

И когда Лешка, поверив, что мать скоро прнедет, сладко прнчмокивая губамн, уснул в своей кроватке, отец и бабка, удрученные горем, сталн думать, как жить дальше.

Все приходилось круто менять. Бабке стукнуло семьдесят. Она хотя и выглядела крепкой, ио иакормить, одеть, обуть непоседлнвого мальчугаиа и уследить за иим физически не могла.

Морская карьера отца коичилась. Он списался с судиа и устроился в порт, в ремоитные мастерские. Отец так больше и ие жеиился.

Утром, после завтрака, он уходил иа работу, а Лешка с ватагой таких же босоногих и исцарапаиных сорванцов бежал в Гнилой угол или на Чуркин мыс дергать в залнве большеголовых, рогатых н пучеглазых бычков или, захватнв иемудреиой еды — краюху хлеба и луковицу,— отправлялся в сопки, отрогн которых иачииались прямо в городе. К приходу отца он прибегал домой. Наскоро ополоснувшись, почистив щеткой

штаиы н рубашонку, умнлостнв бабку корзиикой грнбов или неполным ведром воды нз колонки, мальчншка садился у окна и с иетерпеинем ждал· вот-вот заскрнпнт н хлопнет калнтка, радостно, с повнзгнванием, затявкает дворняга Шарик, прошуршат подошвы отцовских ботинок по дорожке нз битого кирпича. Отец войдет в кухню, большой и снльный, в снием форменном морском — правда, уже без нашнвок на рукавах — кнтеле с золотымн, в якорях, всегда начнщенными до блеска пуговнцамн, снимет фуражку с «крабом» н нахлобучнт ее на темную головенку сына. Потом, подхватнв его под мышки, с радостным хохотом трнжды подброснт к самому потолку, повторяя иевесть откуда н как пришедшую к инм прнсказку· «Космонавты! Космонавты! Ко-о-осмонавты!», хотя в те времена о космосе еще только мечталн.

Лешка, задыхаясь от удовольствия н захлебываясь смехом, будет взлетать, как он говорнл, высоко-высоко. Волосенкн разлетятся в стороны, глаза загорятся восторгом н немножко страхом. Отец, покружнв его н переброснв с рукн на руку, поставнт иа пол н, оглядев со всех сторон, спроснт:

— Так как у нас дела на полубаке? Порядок нлн что?

Лешка серьезно ответит: «Или что» — и, торопясь н проглатывая слова, заглядывая отцу в глаза, сообщнт о последних событиях, нзредка косясь на хлопотавшую у плнты бабку — не выдала бы, чего доброго. Потом онн сядут ужннать, а отец под домовнтое гудеине пузатого, в медалях и позеленевшнх разводах медного самоварчнка станет рассказывать бесконечиые истории о моряках, дальннх походах н чужнх таннствеиных странах, о том, какне там люди, днковииные зверн, разноцветиые птицы, умеющне даже говорнть.

Разрумяинвшись от хлопот, бабка станет недоверчнво качать головой, ахать н уднвляться, помниать то бога, то дьявола. Потом оин с отцом выйдут посндеть на скамеечке в иебольшом саднке (дом и сад — пять яблонь, вншеннннк н несколько кустов черной смороднны н малины — купнл еще дед, бабкнн муж, бывшнй лоцман). Илн отправятся гулять по улнцам города, убегающего огонькамн на склоиы сопок.

В школе Лешка, надо отдать ему должное, учнлся почти иа однн пятеркн. Правда, было и такое: в диевннке появилась запись, что классная руководнтельинца прнглашает роднтелей в школу,— уж очень непоседлнвым был мальчугаи. Сыи инкогда ничего от отца ие скрывал — с самого иачала повелось у них говорнть друг другу правду, какой бы иепрнятной она ни была.

Когда Алексей уже вступнл в комсомол н заканчнвал девятый класс, умер отец. Возвратнлся как-то вечером с работы бледный, расслабленио и устало опустнлся на жалобио заскрнпевшую табуретку, расстегнул крючкн у ворота кнтеля, скорее выдохнул, чем сказал:

— Плохо мне что-то, Леша, принеси водички, сынок.

Бабки дома не было — ушла к соседке. Когда он прибежал из кухни с железным ковшиком воды — к этому времени уже провели и газ, и водопровод — и, открыв кран, долго ждал, чтобы струя стала ледяной и звонкой, отец сидел свесив голову на грудь, вытянув ноги н опустив почти до пола застывшие руки.

Мальчишка оцепенел от ужаса. Затем бросился к отцу, тряс его за плечи, повторял, стуча зубами:

— Папа, папочка, ну, что с тобой, папа?!

А когда понял, что произошло непоправимое, дико, в исступлении, закричал и свалился на пол.

Леша остался с бабкой, которая, казалось, словно навсегда засохла в каком-то однозначном состоянии, как вяленая рыба, и, несмотря на летящие годы, не менялась, лишь стала молчаливой и одевалась в черное.

Так и жили. Алексей поступил в мореходку и переехал в училище. По субботам и воскресеньям он приходил к бабке, и они, приодевшись, шли на дальнее кладбище, где была могила родителей.

Бабка скончалась, как рассказывали, тихо и незаметно, когда Алексей, после третьего курса, проходил в море практику. Соседи обмыли и похоронили старушку. В домике на Нагорной прочно поселилась тишина, молодой курсант теперь редко сюда наведывался.

Наконец настала последняя, преддипломная практика, через полгода Бахусов должен был распрощаться с училищем и пойти в море, как отец. Да, многим он был обязан ему. Правда, осознать и оценить это полностью смог лишь позже, и, когда он вспоминал об отце, в душе появлялась острая, щемящая боль и грызло чувство неосознанной вины за те огорчения, которые, как ему казалось, он причинял отцу при жизни...

* * *

Сумико снова принесла им по чашечке свежего, горячего чая. Токуда ни разу не перебил рассказ моряка, слушал внимательно, изредка в знак согласия покачивал головой или на какое-то время задумывался. Его жена сидела в стороне, положив локти на столик, подперев ладонями щеки, и затуманенными глазами смотрела на Бахусова, время от времени смахивая набегавшие слезы. Первым молчание нарушил Токуда.

— Ваш отец был достойным человеком. Он понимал и прекрасно отдавал себе отчет, что с людьми на всю жизнь остается их детство и именно тогда в юную душу н нужно сеять семена добра, заботиться о молодых прорастающих побегах, оберегать их, дать возможность укрепиться корням.— Токуда

опустил голову, на лбу глубже обозначились морщины.— Он привил вам любовь к морю, сам был моряком, а люди этой профессии в большинстве честны и благородны.

Несколько минут они молчали, каждый переживал повествование по-своему, будто пропускал через запрятанный глубоко, в самом сокровенном уголке сознания, фильтр.

— Я прервал вас, извините.— Токуда улыбнулся одними глазами.— Продолжайте, пожалуйста. Как же вас прибило к нам сюда, к этому далекому и пустынному берегу?

Глава V. ЦУНАМИ

Бухта, куда зашел «Алмаз», вытянутым сердечком врезалась в остров, расположенный на юге Курил. В ее острую оконечность впадала маленькая, но быстрая и глубокая речушка, клокочущая мутной, в грязноватой пене, водой. Устье ее образовало небольшое плато, зажатое с обеих сторон сопками. По плоским и каменистым берегам раскинулся рыбацкий поселок — несколько деревянных, то рубленых, то щитовых, с засыпкой, домиков, окруженных сарайчиками, навесами для сушки рыбы, плетнями огородиков. Равнины не хватало, кое-где постройки взбегали вверх, ютились на террасах по склонам.

Сейнер наведался сюда пополнить запас пресной воды, которую с берега доставлял пузатый, крепко сколоченный из деревянных брусьев кунгас. В его середине соорудили брезентовую, просмоленную по швам емкость, похожую на плавательный бассейн. С борта сейнера в нее опускали толстый гофрированный, обвитый проволокой рукав мотопомпы и перекачивали воду в танки.

«Алмаз» был особым судном, он не промышлял рыбу, а разведывал рыбьи косяки и сообщал о них на базу для наведения сейнеров, производящих лов.

Сейчас он стоял на якоре, носом к раскинувшемуся в полутора кабельтовых берегу. Прямо за кормой, в одной миле, возвышался зеленый от разнотравья, пологий, без скал и холмов, небольшой островок. Вдалеке, за торчащими из воды пирамидами камней, виднелся выход в Тихий океан, а немного правее в пасмурной, не разогнанной ветром дымке колыхалось Охотское море. Было как раз то время, когда уже закончился отлив, но еще не начинался прилив, и волны, словно в нерешительности, куда податься, бестолково набегали друг на друга, толкались в проливе, прежде чем, набрав силу, устремиться мощным потоком назад в океан. День обещал быть теплым. Небо, похожее на голубое прозрачное стекло с застывшими там и сям меловыми мазками облаков, прочерчивали

стаи длинношеих бакланов. У подмытого речкой обрывистого глинистого берега шныряли красноклювые топорки, а дальше, над пенистыми барами, то и дело присаживаясь на воду, чтобы выхватить мелкую рыбешку, суетливо махая длинными изогнутыми крыльями, гомонили черноголовые чайки-хохотуньи.

На вымытой добела палубе, у кормового среза, проходящие на сейнере практику курсанты мореходки Бахусов и Артюхин, собираясь «подергать» камбалу, раскладывали донки. Рядом с ними, беспрерывно подавая советы, хлопотал молодой боцман Паучков. Пожалуй, редко кому так подходила фамилия, как ему. Невысокого росточка, кряжистый, с большой круглой головой, на которой выделялись выпуклые, тоже круглые глаза и рот от уха до уха, постоянно растянутый в довольной улыбке, он действительно очень походил на эдакого домовитого паучка. Но главное сходство заключалось, пожалуй, в коротких, кривоватых, кренделем, ногах и длинных, оттопыренных и согнутых в локтях руках. Он имел постоянную привычку переминаться со ступни на ступню, раскачиваться и, словно от чего-то отмахиваясь, мельтешить руками. Создавалось впечатление, что и рук и ног у боцмана больше, чем следовало по норме. Была у Паучкова и другая особенность — поучать.

— Ты, Ляксей, это самое, корюшку сначала насади,— назидательно наставлял он Бахусова, вытянув пистолетиком указательный палец и помахивая им.— А как первую камбалу заарканишь, разрежь, аккурат на кубики.— Ребром ладони боцман показывал, как это надо делать.— На ее саму и лови. Понял?

— Понял, понял.— Алексей размахнулся и, едва не зацепив боцмана крючком за ноздрю картофелеподобного носа, бросил в воду донку. Тонкая леска, с тихим жужжанием разматываясь с катушки, скрылась в глубине.

— И как почувствуешь, опять же, это самое, пальцами рывок,— скрюченным, измазанным смолой пальцем боцман изобразил, как следует чувствовать рывок,— так сразу не пускай, а тяни, не мешкай. Она, камбала-то, хватает намертво. Понял?

— Понял, понял, не суетись, Паучок. Чего сам-то не ловишь?

— Мне с вами чичкаться недосуг.— Он важно надул круглые щеки и выпятил живот.— Дела.

Артюхин тоже забросил снасти, зябко передернул плечами и, охватив их руками, облокотился на леер.

— На, надень, мне жарко.— Бахусов снял короткую нейлоновую куртку с белыми полосами на рукавах и передал другу.

— Ну, рыбальте, пойду помпу готовить, кунгас, должно, скоро пришлепает.— Боцман глубоко засунул руки в карманы штанов и, косолапя, засеменил на бак.

— Ты не замечаешь, вроде бы течение усилилось, а? — Бахусов показал на леску.— Ишь как ее потащило под самый киль. Смотри, что это?

Действительно, происходило что-то необычное. Вода резко уходила от берега, и казалось, что судно приближается к оголившемуся песчаному пляжу. Течение стало сильнее. Вытравленная якорная цепь вытянулась втугую, задрожала, с лязгом рывками заходила в клюзе. Со стороны острова послышался протяжный гул. Вода с тихим журчанием отступала дальше и дальше, а остров словно вырастал из нее, наплывая на судно. Все больше и больше обнажалось дно. Виден был влепленный в синеватый ил якорь с повисшей на цепи зеленой бахромой водорослей. Там и сям на оголившемся осклизлом грунте, в небольших лужицах, трепыхались рыбы, поблескивая, как жестянки, и бочком, быстро перебирая лапами, шныряли мелкие крабы.

— Боцман! — громко позвал Бахусов.— Боцман! Паучок!

На шкафуте, как мельница, размахивая руками, широко разевая рот, появился Паучков. Гул между тем перешел в грохот, и трудно было разобрать, что кричит боцман, указывая куда-то в пролив.

— Цунамь прет! Цунамь! Мотор заводи! — донеслось до ребят.— Бе-да-а!

Бахусов обернулся и обомлел. Со стороны океана шла, завиваясь пенным гребнем, огромная волна.

На палубу выскочили все, кто находился на сейнере. Люди заметались, забегали. Боцман и два матроса возились у брашпиля, пытаясь травить якорь. Кругом грохотало, будто тысячи груженных пустыми железными бочками самосвалов мчались по булыжной мостовой.

Волна приближалась.

«Алмаз» неожиданно ушел кормой вниз, нос его стремительно взлетел вверх, со звоном лопнула цепь, и он, развернувшись, подняв у форштевня два белых буруна, скользнул по гладкому склону прямо в стеклянно-зеленоватую стену. На миг стало темно, и тотчас все завертелось в бешеной круговерти. Алексей увидел: Артюхина швырнуло к планширу и, как боксера через канаты ринга, перебросило через леер в воду. В тот же миг Бахусова подхватило, обдало каскадом воды и он, ослепший и оглушенный, захлебываясь, полетел за борт.

Когда Алексей вынырнул, кипящий гребень уже пронесся, а сзади, за ним, шли большие, невероятно высокие волны, удивительно похожие на гигантские складки серой слоновьей кожи. Судно бросало, как щепку, метрах в двадцати позади моряка.

Бахусов завертел головой, закашлялся, зафыркал, кулаками протер глаза и огляделся.

Впереди, среди зеленоватых всплесков, мелькнула желтая куртка. Мощными взмахами, широко загребая воду, Алексей поплыл на помощь товарищу. Через несколько секунд он был рядом и, схватив Артюхина одной рукой за воротник, другой приподнял его лицо над водой. На правом виске зияла страшная, с рваными краями, рана, из уха темно-вишневой струей толчками текла кровь. Алексей просунул левую руку под мышки Артюхина, лег на бок и, работая правой, поплыл к берегу.

Волны подхватили их и понесли вперед. Он уже несколько раз задевал за что-то ногами, но встать не решался — поток был слишком силен и мог в один миг опрокинуть. Наконец скорость потока заметно ослабла и Бахусов почувствовал ногами землю. Он приподнял тело друга и по грудь в воде двинулся к небольшому незалитому отрогу, на котором прилепился маленький, сколоченный из неструганых досок сарайчик. Выйдя на сушу, он положил Артюхина на поленницу сложенных у стенки наколотых дров, расстегнул куртку и прижался ухом к его груди. Сердце не билось. Засучив рукав, он пытался нащупать пульс — его не было. Мертв. Бахусов, еще не веря в случившееся, в испуге отшатнулся, ноги его подкосились. Он оцепенел. В голове суматошно застучали мысли: «Надо же что-то делать! Бежать. Звать на помощь». Он закричал и сразу убедился: в этом ералашном шуме все равно никто не услышит. Он опустился на землю и, закрыв глаза, прижал ладони к ушам. Шум пропал.

А в бухте творилась какая-то сатанинская кутерьма. Волна, словно огромным языком, слизнула несколько построек в самой низине и теперь, повернув в океан, точно на невидимых канатах, волокла их за собой. Поток изменил направление и сейчас, бурля, стекал в пролив.

Когда Бахусов отнял от ушей руки, мимо него, покачиваясь, проплывал сорванный с фундамента домик, окрашенный в темно-красный цвет, с небольшими оконцами, обведенными белым. Жалобный протяжный крик, доносящийся изнутри, заставил его вздрогнуть. Он вскочил. Сомнений не было: в доме плакал ребенок. Маленький, скорее всего, грудной. Ни секунды не раздумывая, моряк, хватаясь за торчащие колья, съехал по жирному, глинистому, в переплетениях травы обрыву и прыгнул в воду. Отодвинув плечом сорванную с одной петли, перекосившуюся, с оторванной ручкой дверь, он, держась за стену, стал пробираться через небольшие сени к темному проему комнаты, откуда доносился плач. Дом покачивало, несло быстрее и быстрее, пол уходил из-под ног, вода, завиваясь воронкой в узком пространстве, то отбрасывала Бахусова назад, то прижимала к стене или загоняла в угол. В лицо тыкались коробки, пустые бутылки, щеки царапала ощерившаяся ивовыми прутьями корзинка. Он уже совсем выбился

из сил, когда, наконец, ухватился за верхиий косяк и, раздвигая грудью плавающий хлам, протисиулся в комнату. Сквозь темиоту — окиа иаходились под водой, она только на метр ие доходила до потолка — иичего иельзя было разобрать. Крика ребенка он не слышал, но чувствовал, что тот рядом. Ему казалось, что ои даже слышит его дыхаиие, слабое, прерывистое. За идущей к потолку широкой кирпичной трубой что-то закопошилось и пискнуло. Отталкиваясь от пола, ои двинулся туда. Когда глаза иемного привыкли к темиоте, моряк разглядел в небольшом углублении печной лежанки огромного рыжего кота, прижатого к кирпичам обломком бревна. Животное не кричало, а, выпучив глаза, жалобио подвывало и озиралось по сторонам, судорожно перебирая когтистыми лапами. «Пес тебя задери!» — выругался Бахусов и отшвыриул обломок. Кот изогиулся дугой и прыгиул на выступ трубы. Моряк повернул к выходу. Держась рукой за верхнюю притолоку двери, нагнув голову, он поднырнул в сени. В этот момент строение подияло, бросило в сторону и накренило набок. Мелькнул свет в дверном проеме, внутри с грохотом обвалилась печь. Поток воды накрыл моряка. Бахусов выиыриул и больио, так что зазвенело в голове, ударился затылком о потолок. Кругом темеиь, будто он свалился в закрытый сверху колодец. Загребая одной рукой, Алексей другой зашарил по потолку в иадежде отыскать лаз иа чердак или хоть что-нибудь, за что можио было бы ухватиться. Наконец ои нащупал пальцами край наличиика, пододвинулся ближе и теперь иаходился точно под чердачым люком. Отдышавшись, он попытался головой приподнять крышку. Оиа поддалась, ои просуиул ладоиь под закраину и всем телом двинулся вверх. Крышка откииулась. Посветлело. Ухватившись за края лаза, Алексей подтянулся и, выпрямив руки, очутился на чердаке. Уперев колеио в брус, окаймлявший люк, Бахусов подобрал иогу, грудью вперед повалился иа настил и уткнулся лицом в толстый слой пахучих сосновых опилок.

Немиого отдохиув, Алексей поднял голову и огляделся. Чердак напоминал длинный двухскатный шалаш. Одна торцевая стеика заделаиа иаглухо, в другой прорезано иебольшое, переплетеиное крест-накрест рамой окно. Каркас крыши сколочен из крепких занозистых тесии, кое-где перетяиутых веицами иеошкуренных стропил. В углу валялись два деревянных ящика и рассохшийся бочонок со сбитыми ржавыми обручами, у конька, почти во всю длину, висели иа веревке золотистые пучки мелкого лука-севка и тощие снопики высушенных трав. В стороне, у дымохода, на куче сухих веников, подрагивая малииовым, свисавшим набок гребешком, дергая клювом, растопырив обвисшие крылья, стоял белый петух. В кровле и под ней, в полу чердака, в середине, зиял четырехугольный проем от провалившейся внутрь печной трубы.

Бахусов встал.

Петух заквохтал и, иеторопливо перебирая желтыми чешуйчатыми лапами, сошел с кучки веников и степеиио направился в угол. Моряк нагнулся и загляиул в оконце. Как ни странио, стекло ие разбилось, и сквозь иего он увидел уходящую вдаль серую равиииу. Океаи был пустыиеи и спокоеи, только иебольшие язычки воли изредка еле-еле лизали стекло. Алексей отошел от окна н высунулся в пролом. Сиаружн крышу покрывал шифер. В двух метрах виизу все та же похожая на слоиовью кожу вода, ио теперь гладкая, без морщии и валов. Далеко, приблизительно в миле-двух, видиелись ярко освещеииые солицем утесы острова, у которого дием стоял сейиер... «Выиесло через пролив в океаи,— подумал Бахусов.— Начался прилив, а скорость его здесь четыре-пять узлов. И вот с этойто скоростью домнк сейчас и дрейфует по воле воли». Ои огляделся, ио нигде, куда хватало глаз, ие было иикаких судов.

Бахусов прошел в угол и сел иа заскрнпевший под иим ящик. Только теперь ои почувствовал, что страшио замерз и его бьет, как в лихорадке, мелкая дрожь. Ои охватил колеии руками и положил иа них голову. Как же все чудовищио иелепо произошо! И Генка... Бедный Генка! Несмотря иа различие характеров — местные острословы звали их Шустрик и Мямлик,— оии очень любнли друг друга. В школе сидели за одной партой, в мореходке спали рядом. И иа́ тебе! Невозможно повернть. В течение какого-то часа не стало человека, замечательного толкового пария, хорошего товарища! Бахусов вспомнил, как иа первом курсе оии в зиак вечной дружбы сделали одииаковые татунровки, за что их потом крепко «продрали» на комсомольском собраиии. А ведь еще сегодия утром договарнвались по окоичаиии путииы поехать в отпуск к Генке домой под Уссурийск, где его отец работал в леспромхозе. Порыбачить, побродить с ружьишком по распадкам и падям дремучей тайги, по тем местам, где когда-то водил Арсеиьева вериый следопыт Дерсу Узала.

Бахусов вскииул голову, под сердцем тоскливо иыло, сами собой навериулись слезы. Он смахиул их ладонью, ио чем больше вспоминал отдельные эпизоды, тем горше и горше стаиовнлось иа душе. Ои уже ие вытирал катившихся по щекам слез, сндел и плакал горько, иавзрыд, как ие плакал, пожалуй, с самого детства, с той мииуты, когда умер отец...

Успокоившись, Алексей разделся, крепко выжал одежду и разложил ее на ящиках сушиться. Мииут пятнадцать он делал различные упражнения и, когда устал, а тело покрылось потом, до покрасиеиия растерся влажиой тельияшкой. Затем оторвал от гирлянды две луковицы, очистил от шуршащей золотнстой шелухн н стал сочно грызть. Чтобы не замерзиуть, он все время

ходнл. Порой начинал бег на месте по мягким и теплым опилкам, высоко подбрасывая ноги. Иногда выглядывал в пролом и осматривал горизонт в надежде увидеть какое-либо судно. Он прекрасно понимал: все находящиеся поблизости корабли пойдут к месту трагедии, на помощь, но этот район лежал в стороне от путей, по которым обычно ходили суда, и от оживленных участков лова. Накануне они с Артюхиным просматривали карту-рекомендацию, и он хорошо запомнил: центр наиболее активного промысла значительно западнее, у самого побережья.

На востоке, над горизонтом, как призрак-мираж, возник темный конус.

«Это Варудсима,— подумал Алексей.— Вот ведь куда несет». Он сел и неподвижным взглядом уставился вдаль.

Остров приближался. Уже явственно различались крутые, как дюны, песчаные откосы и горбатый черный мыс. Бахусов заметил: течение несет его прямо на Варудсиму, но он отдавал себе отчет — прилив, подойдя к острову, разделится на две струи, и он продрейфует севернее или южнее. Первое было предпочтительнее — его могут заметить суда. Второе означало, что домик понесет на восток, в океан, в его пустынную безлюдную часть. И с каждым часом нз-за наступавшей темноты шансы на спасенне будут падать. Кроме того, полный штиль и ясная погода — редкость и не могут продлиться долго, а первый же, даже слабый шторм разнесет в пух и прах его ненадежное убежище. Сейчас оно, правда, хорошо держалось на плаву: рухнувшая печь рассыпалась кирпичами по полу, создав таким образом нечто подобное «ваньке-встаньке» — переместив вниз центр тяжести.

На всякий случай Алексей оторвал от ящика доску и привязал к ней найденную на чердаке дырявую, прожженную в нескольких местах наволочку — если покажется судно, можно вылезти на крышу и подать сигнал. Спичек у него не было, и зажечь что-либо он не мог. Дом высовывался из воды метра на три, но если встать на конек во весь рост, то в такую видимость его заметят свободно с расстояния мили в три.

Постепенно с юга, медленно затягивая горизонт, начинали наваливаться низкие дымчатые облака. Хоть ветерок был слабым, но там, откуда он шел, вероятно, дуло значительно сильнее. У Бахусова от долгого стояния стали затекать ноги, и ему приходилось порой буквально пускаться в пляс, чтобы разогнать кровь.

Он взглянул на часы. Водонепроницаемые и антиударные — подарок отца ко дню рождения,— бойко отстукивая секунды, показывали четверть седьмого. А цунами налетело после обеда, вернее всего, в начале второго. Алексей прнтащил к провалу ящик, поставнл его на попа, сверху положил кипу

веииков и устроил себе кресло. Затем иатяиул на себя еще холодиую одежду н, не надевая ботииок, уселся на свой иаблюдательиый пуикт.

Остров приблизился еще больше. Теперь приходнлось иемиого задирать голову, чтобы разглядеть мрачиую вершииу вулкаиа. Изрезаииые ручьями крутые склоиы у подиожия заросли курчавым зелеиым ковром кустарннка. До берега оставалось мнли две. Бахусов с тревогой видел, что его пока медлеиио, ио уже начииает сиосить к западу, чего ои так опасался Он поудобиее уселся иа веиикн, высунул локти в проем и, положив иа них подбородок, стал вннмательио иаблюдать за дрейфом.

От съедеииого лука горело во рту, щипало губы и очеиь хотелось пить. Но иа пыльиом чердаке ие было иичего, что могло бы утолить жажду. Его снова иачало противио зиобить, появилась виутреиняя мерзкая, иервиая дрожь, проходящая по рукам до самых кончиков пальцев. Несколько раз он ловнл себя иа том, что ему, как ии страино, совершеиио не страшно, ои даже не испытывал одиночества, скорее всего, потому, что еще ие вполие представлял себе степеиь поджидавшей его опасиостн Может быть, это была самоувереииость, свойствеииая юиости, или, иаоборот, иепоколебимая, глубокая убеждениость, что его никогда не оставят в беде, бросят на поиски и спасеиие все силы и средства.

Из задумчивостн его вывел резкий крик н хлопанье крыльев петуха Птица вышла на середииу чердака и, широко открыв клюв и вытяиув шею, несколько раз огласила воздух своим кукарекаиьем

«Вечереет»,— подумал Алексей и, собрав иа ладоиь остатки лука, бросил петуху

Солице стало закрываться кудлатой, похожей на верблюда, темиой тучей От нее сннзу, по вулкану, поползла огромиая теиь, размывающая резкне н контрастые виачале очертаиня. Ветерок засвежел «Жаль, поздновато,— подумал Алексей.— Если бы пораиьше, то обязательно выиесло бы иа песчаную косу». Ветер иемиого помогал и сейчас, но сомиения не было — домик пройдет левее До берега оставалось метров пятьсот. Остров Мрачиый громадной глыбой иависал иад иим, н, даже до предела задирая голову, Алексей еле-еле различал вершииу

У обрывистого берега разбегались и сталкивались белые гребешки воли. Хотя ветер еще ие создал сильиый иакат, ио длииные и пологие валы мертвой зыби, подходя к мелководью, стаиовились короче и выше. От чериых обломков скал слышался рокот Волиы, ударяя в камни, вздымали высокие султаиы брызг, и создавалось впечатлеиие, что там резвнтся стадо китов, то и дело выпуская к иебу широкие фоитаиы воды. Да, его

сносило в океан. Остров начал уплывать левее. «Что же делать? — лихорадочно думал Алексей.— Если проскочу мимо — конец. Через три-четыре часа стемнеет, а ветер все больше набирает силу».

Он спрыгнул с ящика и забегал по чердаку, стукаясь головой о крышу и царапая кожу о выступавшие концы гвоздей. Соорудить плот не из чего. В бочке остатки затвердевшей известки, а дощечки ящиков и веники ничего не дадут. Выломать стропила ему не по плечу — дом строили добротно,— да и нечем, нет ни лома, ни топора. Он вернулся к окну и убедился: домик с минуты на минуту начнет удаляться от острова.

На мгновение он задумался. «А чего, собственно, стремиться на эту сушу? На Мрачный никто не заходит, там даже воды нет, как сказано в лоции. Кроме того, остров японский, не лучше ли остаться здесь? — Однако Алексей быстро отбросил эту мысль.— Там все-таки земля, а тут неминуемая смерть». Он отшвырнул ногой ящик, высунулся по пояс в пролом и вылез наружу. Серый шифер, чуть поблескивая, был сух и прохладен — эта часть ската находилась в теневой стороне. Бахусов, балансируя на покачивающейся крыше, встал и огляделся. Все чисто. Ни точки, ни дымка, ровная пустынная гладь. Берега Курил не видны, да и вся южная часть уже сплошь затянута тучами, будто опущенным сверху тяжелым занавесом.

Алексей повернулся к острову и, взмахнув руками, прыгнул в воду. Когда вынырнул, в проломе показался петух, поднял свою маленькую головку и снова длинно и голосисто пропел.

«Эх, петька, жаль, что ты не утка и не гусь,— подумал Алексей.— Плыви, брат, один».

Бахусов до того перемерз, что сначала не ощутил холода, хотя знал, что температура воды летом не поднимается выше двенадцати градусов. Она показалась теплой и ласковой. Это прндало бодрости. Однако он поразился, что береговая черта словно отодвинулась назад и теперь маячила где-то далеко-далеко. Алексей понял: сказалась так называемая «высота глаза наблюдателя». Плавно разводя руками, брассом, самым экономным, как их учили, стилем, он поплыл туда, где выплескивались фонтанчики бурунов.

Чем дальше плыл моряк, тем студенее становилась вода, теперь она казалась колючей и густой. Было впечатление, что он совсем не продвигается вперед, а, стоя на месте, перемешивает руками волны. Иногда, чтобы отдохнуть, Алексей ложился на спину и, замерев, стараясь дышать ровно, лежал, раскинув руки и ноги, как огромная буква «Х». Тело начинало деревенеть, он переворачивался и плыл дальше. Бахусов очень

устал. Глаза слезились, их резало. Замерзала голова, руки работали автоматически. Но берег был уже близко. Совсем рядом моряк увидел первую белую гряду прибоя, сделал несколько взмахов, и его сначала слегка, потом быстрее и быстрее потащило вперед.

Помня наставления, как входить в прибой и выходить из него, он повернулся ногами к берегу, лег на волну спиной и растопырил крестом руки. На песчаной предскальной террасе зачернели округлые, как застывшие тюлени, камни, вокруг них с пеной и брызгами клокотали трехметровые волны. «Если туда угодить,— мелькнула мысль,— всё, костей не соберешь, охнуть не успеешь, как жерновами перемелет». Его понесло быстрее. Казалось, что навстречу надвигается вся громада скалистых утесов. Бурлящие соленые всплески закрутили его. Перед глазами замелькали скалы, одиноко стоящие деревья, обломки гранита. Конус вулкана стал падать вправо и словно воткнулся вершиной в море. Алексея перевернуло через голову, швырнуло на берег и плашмя ударило о песок. Он смутно, теряя сознание, ощутил, что волна цепко потянула назад. Вода горькими струями ворвалась в нос и рот, его снова подкинуло на остром пенистом гребне и с огромной силой бросило далеко-далеко в какую-то вязкую, как нефть, и огненно-жаркую черноту...

Глава VI. БАЗА «SBS»

Токуда, после того как Бахусов замолчал, долго сидел, прикрыв глаза, теребя пальцами мягкую бахрому салфетки. Потом, выпрямившись в кресле, глубоко вздохнул:

— Что ж, теперь моя очередь поведать вам, как обещал, где вы и что, собственно, тут происходит.— Он искоса взглянул на Сумико.— Слушайте. Времени у нас много, поэтому давайте не торопясь.— Он повернулся к жене.— Принеси нам еще чаю, если тебя не затруднит, этот уже остыл, будь любезна.— Затем снова обратился к Бахусову: — Вы находитесь на острове Варудсима.

— Где-где? — Бахусов привстал и, словно желая убедиться, что не ослышался, посмотрел на Сумико.

— На острове Варудсима, у вас его называют Мрачный,— спокойно повторил японец,— совсем недалеко от принадлежащей СССР Курильской гряды.

— Но ведь остров необитаем? — оторопело возразил Алексей.— Почему же вы здесь?

— Я поставил вас в известность о вашем месте пребывания. Но...— Заметив, что его хотят перебить, Токуда поднял ладонь.— Не торопитесь, сейчас вам все станет ясно. Да, вы

имение на этом острове. В сорок третьем году наше правительство решило создать тут секретную базу. Провели изыскания, обнаружили в чреве вулкана много пещер и пустот и провели строительство с наименьшими затратами. Кстати, пробурив скважины, нашли прекрасную воду. Естественная же неприступность и дурная слава острова были нам на руку.

Строили только в глубине земли, соблюдая секретность. Мы, японцы, вообще народ замкнутый и никогда не стремились к общительности, даже если это нам было выгодно,— вспомните попытки к сближению и походы Путятина и Головнина. Последний сделал особенно много, чтобы установить дружеские отношения между Японией и Россией, он был как бы первым послом-дипломатом. Ему же и принадлежали слова, под которыми я со спокойным сердцем и совестью могу поставить свою подпись. Он писал: «Нет такой державы, которая могла бы оспаривать наше право первого открытия островов Курильских, Алеутских и всего берега Амурского». Но острова перешли к нам, и мы начали строить здесь базу. Нам удалось сохранить тайну. Используя тепло земных недр, мы получили практически неисчерпаемый источник энергии — тепловой и соответственно электрической. Предполагалось, что в этой цитадели будут жить и работать сто человек.

— Но ведь рядом вулкан, каждую минуту может начаться извержение,— перебил Бахусов.— Это смертельно опасно.

— Вероятность не больше, чем в Токио попасть под автомобиль,— улыбнулся Токуда.— Спокойствие вулкана предсказали лучшие вулканологи Японии; в ближайшие сто лет он будет молчать. Этот срок, вероятно, вполне устраивал тех, кто был вдохновителем строительства. Сюда завезли оборудование, продовольствие, в общем, все необходимое. Работы завершили к апрелю 1945 года. В мае Красная Армия, разгромив Гитлера, закончила войну. Мне не ясны причины, но до августа готовая база в строй не вступила. Вы только не подумайте, что здесь намеревались установить дальнобойные пушки, капониры для самолетов, или гроты для подводных лодок, или еще что. Цель была другая, я сам узнал о ней весьма недавно, когда было уже слишком поздно что-либо предпринять или сделать какие-то выводы. Короче, в начале августа меня, в то время скромного интендантского капитана, неожиданно вызвал лично сам командующий северной группой войск генерал Цуцуми Фусаки и, всячески подчеркивая мое происхождение, сообщил: наш отряд — нас было три человека, находящихся на Варудсиме,— по своей категории приравнивается к камикадзе. Вы знаете, что это?

— Смертники. Летчики, пикирующие на корабли противника с грузом бомб,— ответил Бахусов.— Или люди-торпеды, но те, по-моему, назывались как-то иначе.

— Приблизительио так. Приравиивание к этой когорте означало: заботу о семьях в случае иашей гибели берет иа себя государство. Все делалось добровольио, с иашего согласия. Наша задача состояла в следующем: мы должиы продолжать находиться иа острове — эвакуировать оборудоваиие и запасы не было возможиости,— ждать определеииого сигиала и, получив его, уиичтожить базу, разумеется, вместе с ее малеиьким гариизоиом. В коице августа 1945 года, когда ваши войска иачали штурм Курил, иа Мрачиый иикто не высаживался, как на необитаемый, да и стоящий несколько в сторoие. Тогда-то мы получили по радио комаиду: базу уиичтожить. Подразумевалось — вместе с нами. Мы ответили: «Приказ приияли и остров взрываем». Но, как видите, приказ ие выполиили и иичего здесь ие уиичтожили. Там, в Япоиии, прекрасио зиали: система самоликвидации никаких следов ие оставит. Короче, нас списали в архив. У иих ие могло возиикиуть мысли, что камикадзе ие выполият комаиду. С тех пор мы живем тут, отрезаииые от всего мира. От соблазиа я дал указаиие испортить передатчики. Однако приемниками мы пользуемся и, я бы сказал, иифopмиpoваиы, что творится иа этом свете.

— И вас ни разу ие обиаружили? Ведь миiуло столько лет!

— Представьте себе. Хотя было иесколько таких момеитов — мы как бы висели иа волоске,— ио иам везло. Вначале мы искусствеиио, так сказать, подогревали худую славу Варудсимы. Рассчитывая на суеверия, устраивали иа вершиие подсветку, включали сиреиы. Но быстро прекратили — вдруг кому-иибудь пришло бы в голову полюбопытствовать и высадиться на остров? Я увереи, почти невозможио обиаружить закопавшуюся глубоко под землей горсточку людей, соблюдающих все меры предосторожиости. Если их, разумеется, специальио ие искать. Нас же никто ие ищет — мы павшие самоотвержеиио герои, до иас иет никому дела.— Он помолчал и продолжил: — Мы иашли вас иа берегу без созиаиия и оказали помощь.

— Извиiите, но почему вы не оставили меня умирать там?

— Мы ие убийцы. Но, как это ии огорчительио, выиуждеиы были прииять иекоторые меры предосторожиости: носить оружие и в случае вашей попытки к побегу или выдачи места пребываиия, как ни прискорбио, применить его.

— И что вы теперь иамереиы со мной делать? Обратить в свою веру?

— Вы зря ершитесь.— Токуда положил ладоиь иа руку Алексея.— Обсуждать этот вопрос пока ие стаием. Как у вас говорят, поживем — увидим. И самое главиое, не следует делать опрометчивых шагов. Поверьте мие, я ие хочу причииять

вам зла. Думаю, мы еще вернемся к этой теме. Сначала окрепните, присмотритесь, а потом будем решать.

В комнату вошла Сумико с подносом, на котором стоял белый пузатый чайник и изящная вазочка с мелко наколотым сахаром. Токуда помешал ложечкой чай и продолжил:

— Как вы заметили, я все время упоминал «мы» о нашей группе.— Он отхлебнул глоток.— Здесь нет никакой тайны. Гарнизон состоит всего из четырех человек. Я, капитан Токуда, бывший историк из порта Отомари на Сахалине. Моя жена, Сумико-сан, медицинская сестра и моя землячка. Поэтому мы и говорим более или менее сносно по-русски; до войны на юге острова жило много русских — и эмигрантов, и коренных,— приходилось часто общаться. Инженер-механик Экимото-сан, мой одногодок, уроженец города Токио. Наконец, Ясуда-сан, он помоложе, ему еще нет и пятидесяти, родился в Осаке. Завтра я вас познакомлю.

— Но как же вы здесь жили? Чем, наконец, питались? Прошло много времени.

— Я упоминал: на базу завезли продовольствие, обмундирование, в том числе постельное белье и массу другого для ста человек в расчете на год. Даже без местных источников пищи, а их не так мало, мы безбедно просуществуем еще лет тридцать. Никто из нас ни разу не страдал от цинги или зубной боли — этим мы обязаны чудодейственному растению айну-негн, у вас оно называется черемшой, или охотским луком. Не было случаев и бери-бери — коварной болезни-авитаминоза, скрючивающей суставы. У нас есть оранжереи на термальных водах, мы выращиваем ароматные грибы ситакэ, шампиньоны, сою, помидоры, огурцы, лук, чеснок. Но главная кладовая — море. Оно снабжает всем необходимым. Как видите, без дела не сидим. Каждый занимается тем, что ему по душе, к чему имеет большую склонность и способности. Наш духовный багаж — около двухсот фильмов, немного книг, радио. Очень жаль, что отсутствуют телевизоры. Я, правда, смутно представляю их себе, но по радиопередачам сложилось мнение — изобретение сто́ящее. Уж вы-то, вероятно, его оценили по достоинству.— Токуда доброжелательно посмотрел на Бахусова и сочувственно спросил: — Устали?

— Да нет,— неуверенно ответил Алексей.

— Устали. Ступайте отдохните, у нас еще будет время побеседовать. До завтра.

Бахусов встал и направился к себе в комнату.

* * *

На следующий день на обед к коменданту пришли все обитатели острова. Во главе стола сидел Токуда. Место по правую руку занимал крупный, даже не полный, а, скорее, громоздкий японец в круглых очках в старомодной металлической оправе. Его голова была наголо обрита. На щекастом, одутловатом лице прорезались почти заплывшие жиром щелки. В глубине их виднелись маленькие, но умные и проницательные светло-зеленые глаза. Мощные покатые плечи словно сразу переходили в руки, локти которых прочно покоились на столе. Ладони он держал у рта, и создавалось впечатление, что японец, вытянув мясистые губы, дует на руки, отогревая их от холода. Одет он был в точно такую же форму, как и Токуда, если не считать повязанного вокруг борцовской шеи цветастого шелкового платка.

По левую руку от коменданта разместился худощавый, тщедушный человек. Его черные, как лакированная проволока, волосы торчали коротким и жестким ежиком. Выпуклые скулы нависали над впалыми желтыми щеками, большой рот полуоткрыт, и видны крупные, тоже желтоватые, ровные зубы. Цвет темных глаз разглядеть было трудно, так как казалось, что они все время шариками перекатываются в узких глазницах. Сидел он деревянно выпрямив спину, чинно положив руки на колени, нервно постукивая по ним длинными тонкими пальцами.

Когда Бахусов вместе с Сумико вошел в комнату, Токуда поздоровался, жестом пригласил его сесть напротив толстого японца и, не вставая, медленно произнес:

— Я хочу представить своих товарищей и коллег.— Он повернулся к полному: — Экимото-сан, механик.— Затем указал на худого: — Ясуда-сан, радист.

Оба представленных приподнялись, низко, почтительно поклонились и сели. Токуда перешел на японский и, переводя взгляд на Алексея, что-то объяснял Экимото и Ясуде. Те, поворачиваясь то к коменданту, то к моряку, время от времени кивали.

— Я прошу меня извинить, но эти господа не понимают по-русски. Основное о вас они уже знают, сейчас я просто представил вас. Если захотите их о чем-либо спросить, я и Сумико-сан к вашим услугам.

Обед прошел почти в молчании. Изредка японцы перебрасывались между собой фразами. Однако Бахусов заметил, что оба исподволь рассматривают его с пристальным вниманием.

Окончив есть, Экимото и Ясуда встали и, поклонившись, покинули комнату.

Токуда пригласил Бахусова пересесть на диван. Сумико поставила перед ними чай, а сама стала убирать со стола.

— Мие бы хотелось рассказать вам поподробиее о людях, с которыми вы только что позиакомились, а я прожил уже столько лет, — иачал Токуда — Оба оии интересиы, хотя совершеиио различны не только по виешиости, ио и по характеру образоваиию, привычкам

Мито Экимото в армию попал с острова Кюсю, из города Кумамото, он родился в Эдо — так иазывалась иаша столица раиьше. Окоичил политехиический факультет Токийского уииверситета — он иижеиер Образоваиие получил благодаря брату, человеку состоятельиому Тот оплачивал лишь учебу, думать же о крыше иад головой и хлебе иасущном студеит обязан был сам, так что ему приходилось не только штудировать коиспекты, ио и работать, где и кем придется. В армию призваи в сорок четвертом году, к тому времеии имел уже две пары близиецов — двух мальчиков и двух девочек. Мы, япоицы, очеиь любим детей, отиосимся к ним с большой иежностью, европейцы даже сетуют, что мы их балуем без всякой меры. Не берусь судить об этом, ио с древних времен у нас укорениился обычай отдавать своих малышей иа воспитаиие в богатые, ио бездетные семьи родствеииков или друзей. Вам трудно поиять, вы из другого мира, но в тех семьях, куда попадают детишки, к приемышам относятся как к родным. Их окружают и заботой, и лаской, воспитывают и дают образоваиие Таким образом, у ребеика при живых родителях появляются еще мать и отец Я хочу подчеркиуть — детей не сплавляют с рук, а отдают иа воспитаиие. Иногда эти дети с общего согласия родителей и родиых, и приемных — даже принимают фамилию своих опекуиов. Экимото-саи ие мог прокормить столь миогочислеииую семью, тем более что с работой было туго, да и заработок иачинающего иижеиера невелик. И ои стал перед дилеммой или опуститься до полной нищеты, или отдать детей старшему брату, человеку бездетному Я повторяю, в этом у иас никто ие видит ничего предосудительиого. Но у Экимото-сан дурной характер — он очень горд. А гордиться в иашей страие можио, лишь имея солидный куш в банке. Ои хотел быть едииственным отцом своих детей — это и стало главиой причииой того, что он согласился быть зачисленным в сухопутные камикадзе и остаться на Варудсиме. Теперь семья получает от государства пенсию — оии могут жить безбедио, во всяком случае, ие голодают. Он, можио сказать, ушел из жизни, чтобы дать своим детям возможиость жить и учиться. У иас за все надо платить, иногда эта цена очень высока, но приходится выбирать из двух зол меньшее, иного выхода нет Мы систематически слушаем радио и зиаем, что сейчас в Японии опять кризис, миого безработиых. Мне кажется, Экимото-саи поступил благородио и правильно. После поражения в войие, при огромном количестве появившихся в результате демобилизации дешевых ра

бочих рук ему с семьей пришлось бы туго. Он очутился бы на грани не просто нищеты, а смерти. Ради благополучия детей он пожертвовал собой. Экимото-сан необщителен и молчалив, но прекрасный человек, замечательный художник, влюбленный в технику, и, как это ни покажется странным, именно ему мы обязаны тем, что едим свежие овощи и грибы.

Они несколько минут молчали, думая каждый о своем. Потом комендант отхлебнул из чашечки и продолжил:

— Иного склада радист Накамура Ясуда. Он родился на Хонсю, в Осаке. Как ни прискорбно и ни чудовищно говорить об этом в двадцатом веке, который многие окрестили атомным и космическим, но Накамура с появления на свет был обречен. Он принадлежал к париям. Да, к самым настоящим изгоям, такие когда-то были в Индии, что-то вроде касты неприкасаемых. У нас их называют буракумин и подвергают ничуть не меньшей дискриминации, чем негров или индейцев в США. Но там в ее основе лежит расовый признак, у нас же профессиональный. По внешнему облику эти люди ничем не отличаются от других, они такие же японцы, как и сам император, и тем не менее их третируют.

Если вы прошествуете по широкой фешенебельной улице Осаки, которая ведет к университету, то за магазином Муйзи попадете в узкий переулок — это Сака: гетто буракумин. Зловоние и грязь, оборванные и изможденные дети, болезни и безысходная нищета. Почти полная неграмотность — удел отверженных. Возникло это в глубокой древности, и трудно установить точную дату, ссылаются на разные источники — и получается большой разнобой. Одни говорят, это произошло в шестнадцатом — семнадцатом веках, другие утверждают, что значительно раньше. Самураи, которые составляли от силы две пятых населения, потребовали четко разграничить систему каст. Сами они, разумеется, обосновались на вершине, потом шли крестьяне, ремесленники, купцы и наконец буракумин. Раньше их называли «эта» — «отбросы» или «хинин» — «нелюдь». Сенсены — правители Японии,— как я уже упоминал, исходили из профессионального признака и объявляли «нечистыми» всех, кто занимался «нечистой» работой: резал и свежевал животных, выделывал кожи, скорняжничал, служил мусорщиком, рыл могилы, обмывал покойников. Если учесть, что профессия передавалась по наследству, то станет ясным: попав в парии, выбраться из их рядов невозможно.

В период «Токугава», с 1603 по 1868 год, эти люди уже официально считались неполноценными и обитали в трущобах, по-японски — «бураку». Их обязывали носить особой расцветки одежду со специальным кожаным значком. Так длилось до 1868 года, когда император Мейдзи сначала отменил касту самураев, а в 1871 году — и старые сословные деления. Но равен-

ство осталось только на бумаге, в жнзни же ннчего ие нзменилось. Бывшие «нелюдн» былн занесены в «семейные» спнскн н сталн «новымн подданнымн». Каждый нмеет право в муннцнпалнтете провернть эти спнскн, а прн бракосочетании нх проверяют н офицнальные органы. Стонт знать место рождения или адрес, чтобы выявнть, что вы буракумин со всемн вытекающнмн последствнямн.

Протестовалн лн сами эта? В двенадцатом году правлення Тайсе, то есть в 1922-м, в поселках Кавой и Мнякэ произошел настоящнй бой между шестьюстами эта, вооруженных палкамн, мечами, бамбуковымн пнками, и тремястамн членамн шовинистнческнх органнзацнй. К нпм прнсоединилась н «военная косточка» — более тысячн военных в отставке. Конечно же, иесчастные были жестоко наказаны за свое «непослушание», и жизнь нх стала еще беспросветнее.

Токуда подиялся со стула, подошел к шкафу, раздвннул стекла и достал тонкую пожелтевшую брошюрку.

— Вот что эта пнсалн о себе в прокламациях, я прочту вам: «Мы сдираем шкуры с убнтых животных, а с нас, жнвых, сдирают кожу. Мы вынммаем сердце нз мертвых жнвотных, а из иашей грудн вырывают теплое, жнвое сердце. А ведь мы тоже людн, в иаших жнлах течет красная человеческая кровь...» — Капнтаи захлопнул кингу н поставил за стекло.— Насколько мне нзвестно нз раднопередач, сейчас этн обездоленные осиовалн в Осаке свою организацню — «Союз борьбы за освобождение». Эта не смирнлись со своей участью, онн борются. Мие кажется, в коице концов нх усилня ие пропадут даром — справедлнвость должна восторжествовать. Всем сердцем я на их сторонe н желаю успехов в нх праведном деле.

Капнтан помолчал, словно собираясь с мыслями, н иеожидаино, горько усмехнувшнсь, добавил:

— Представьте себе, молодой человек, некоторые совремеиные исследователи-статнстнкн, как наши, так и америкаискне, прнводят разлнчные данные, якобы подтверждающие неполноценность эта, негров н прочнх цветных. Осиовной-де процент преступннков н другнх соцнально опасных элементов составляют именно онн, этн отверженные люди. Какая гнусиая подлость! Какая вопнющая н беззастенчнвая ложь! Все тут поставлено с ног на голову, нзвращено н фальсифицировано. Кто довел их до этого? Кто толкнул на столь ужасный путь, отрезав все дорогн к нной жизнн? Кто вниоват в их трагедин? Я глубоко убежден: оии обычные нормальные людн, но днскрнмннацня, нздевательства н глумлення, лншение работы, всяческне ограиичеиня и прнтесиеиня оставляют еднняственую стезю: чтобы не умереть с голоду, онн ндут на преступления. Я уверен: если бы им создалн терпимые условня существования,

многие бы прославили человечество добрыми и выдающимися деяниями. Вся болтовня об их неполноценности или, как выражался Гитлер, «недочеловечности» — людоедский бред.

Вот в такой семье и появился Ясуда. Постоянные унижения и обиды озлобили ребенка, а впоследствии и юношу. Увязав фурусики — узелок с немудреными пожитками,— он сбежал из дому и сделался, подобно тысячам, маленьким жестоким волчонком. До армии бродяжничал, скитался по городам и весям. Затем недолго шалопайничал в порту, сменил несколько самых низкоквалифицированных профессий и в конце концов, совершенно не задумываясь о последствиях и не заглядывая в будущее, пришел к выводу: надо заниматься тем, что требует мало сил и энергии и хорошо оплачивается. Но Ясуда был слаб и телом, и духом, а там, в том окружении, куда он попал, царил только один закон — крепкий кулак, жестокость и отчаянная, безысходная дерзость.

Постепенно он скатился на самое дно, стал промышлять сводничеством, торговлей наркотиками и мелким воровством. За какую-то темную историю ему грозила тюрьма — единственным спасением было добровольное вступление в армию.

— Его могли взять в армию, когда ему грозил суд? — удивленно поднял брови Алексей.

— Конечно. Это помогло многим избежать заслуженной кары, хотя были и такие, которые предпочитали тюрьму армии. В спецчастях он освоил профессию радиста, и его перевели на Парамушир; точно не знаю, но там он, кажется, натворил еще что-то, на этот раз более серьезное, и опять ему ничего не оставалось, как снова проявить свои глубоко патриотические чувства,— Токуда усмехнулся,— и согласиться с предложением командования добровольно изъявить желание стать самоубийцей — принести свою жизнь на алтарь императора и отправиться на этот остров.

Тут, как мне кажется... Может быть, я и ошибусь но он наконец почувствовал к себе человеческое отношение. Не парадокс ли? Не найти сочувствия у живых и обрести подобное среди людей, по сути дела давших согласие сделаться трупами. Во всяком случае, пока ничего плохого о его поведении сказать не могу.

Мне думается, просто сейчас его ничто не интересует. При кажущейся активности он может целыми днями валяться на койке в каком-то оцепенении, а ночами ловить рыбу и челимов — это его единственное увлечение.

— А кому пошли деньги за его жизнь? — перебил Алексей.

— Скорее всего, сестре. Она живет в Кобэ.

— Скажите, а вы...— Он немного поколебался, не зная, как более уместно назвать Сумико.— Вы с вашей женой?.. Почему согласились пойти в самоубийцы?

— Длнная нсторня. Впрочем, торопнться некуда, чего-чего, а временн у нас достаточно. Я неохотно рассказываю об этом, да н некому, но, если вам нитересно, слушайте. Тем более, мне показалось, что вы задалн этот вопрос не нз праздного любопытства...— Токуда помолчал.— Я вырос на Сахалние, в глубоко релнгнозной, потомственной самурайской семье. Выезжал только учнться в Иокогаму, где окончнл уннверситет, стал нсторнком, н вернулся домой, собнраясь целнком посвятнть себя науке. Мой отец был богат н неглуп, но беззаветно предан традицням своего старннного рода. Когда я возвратился, для меня уже подыскалн невесту нз такой же патриархальной, самурайской семьн. Излншне говорнть, что ее я не только не любил, но н видел-то всего раза трн. А у меня, еще с юношескнх дней, была пылкая н романтнческая любовь — дочь нашей служанкн Сумнко Мнцу. В семье, к которой я прннадлежал, невесту выбнрают роднтелн. Деньги ндут к деньгам. Знатность к знатностн. И в этом нспокон веков инкто не вндит ннчего дурного. Со временем супругн прнвыкают друг к другу, надо отдать должное — в подавляющем большинстве японкн заботлнвые матерн н покорные, верные жены. Но расстаться с Сумико было выше монх снл. Тем более что я пользовался ие менее пылкой взанмностью. Мы с ней прекрасно отдавалн себе отчет: спорнть с родными бесполезно, онн никогда не нарушат траднцню, а у меня не хватнт духу, чтобы обесчестнть навекн семью невесты. Ведь, отказавшнсь от брака с Сумнко, я наноснл ей оскорбленне. «Очнститься» она могла, только лншнв себя жнзнн. Вопрос был решен. Я женился на Сумнко, а спустя трн месяца добровольно вступнл в армню, что, разумеется, вызвало восторг во всем нашем клане, н отправнлся на Парамушнр. Внднте, у нас армня — прямо-таки панацея от всех несчастнй. Само собой разумеется, следом за мной — к тому временн окончнв школу меднцннских сестер — отбыла Сумнко-сан. Скажу больше: мы договорнлнсь с ней, нбо через месяц после свадьбы она стала моей фактической женой. Опьяненные своей любовью, ннкакнх планов на будущее мы не стронли, жнлн по прннцнпу: сейчас хорошо, а там посмотрнм. Когда меня вызвал генерал н предложнл остаться на острове как камнкадзе, я, нисколько не колеблясь, согласнлся. Больше того — обрадовался. Правда, я не повязал голову флагом Страны восходящего солнца, не крнчал, как положено по ритуалу: «Тенно хейко банзай» — «Да здравствует император»,— но был доволен. Узнав об этом, Сумнко решила тайно остаться со мной — офнциально ей это запрещалось как женщнне — н была счастлива.

Из всех четверых только она и я зналн: взрывать базу мы не станем, а, оставаясь для родственннков погнбшнмн героями, обретем любовь в полной изоляцин от мнра. Так мы оказалнсь

тут. Прошло более четверти века, ио я да, мие кажется, и оиа ии иа секунду не пожалели о сделанном. На Варудсиме похороиеи иаш ребеиок, мой сыи,— ои умер в сорок восьмом году, едва иачав говорить, от иеизвестиой скоротечиой болезии. Здесь же умрем и мы, вместе. У нас, япоицев, есть такой обычай, скорее, ритуал... Правда, ои ие касается семей потомствеиных самураев. Если молодые люди ие могут соедииить свои судьбы, оии отправляются на прогулку в долииу Любви на Хоисю, к вулкану Михара, и там, проведя вместе иочь, взявшись за руки, бросаются в кратер. До Хоисю далеко, но вот вулкаи тут есть — правда, бросаться туда мы ие собираемся: мы счастливы.

— И вам иикогда ие хотелось очутиться сиова среди людей, своих близких, друзей, в родиых местах? — иедоверчиво спросил Бахусов.

— Никогда. Самый близкий для меия человек всегда рядом, а самое родиое место — то, где Сумико.

— Ну а родииа? Неужели у вас ие возиикало желаиие сиова вериуться туда, где вы родились?

— Никогда. У иас иет родины. Оиа развращеиа и растоптаиа злом и жадностью, отравлеиа радиацией американских бомб, сведеиа с ума вероломной истерикой политиканов. Она, словио одержимая амоком, несется сквозь Авике и Раурава — агоиию и стеиаиие (два последиих из восьми кругов огиеииого буддийского ада). Нам нет до иее дела, как и ей до иас. Мы счастливы на этом диком клочке суши, среди первоздаииой природы и моря. У иас иет иикаких забот, нам ие дергают иервы и иичем ие грозят. Здесь мы свободиы и иезависимы и телом и духом. Тут иаше иовое отечество, и мы будем ему предаиы до коица.

Токуда отодвииул чашку, подиялся и, заложив руки за спиду, прошелся по комнате. Чувствовалось: воспоминания о прошлом и сам рассказ взволиовали его. Затем он остаиовился посередиие комнаты и в раздумье, точио говоря сам с собой, тихо произнес:

— Родииа? Патриотизм? Какие хорошие слова, если оии сказаиы хорошими людьми! Но у иас их выкрикивают зачастую и те, кто вообще ие имеет права иазываться человеком, даже в самом обыкиовеиином, биологическом понятии этого слова. Что же такое родииа? Почему миогим ие сиделось иа том месте, где оии родились, где все им дорого и близко? Что заставило иас, япоицев, с огнем и мечом захватывать Маньчжурию, Китай, Филиппииы? Тускиеет человеческая память, время иеудержимо сглаживает углы, заглушает вопли и стоны замучеииых, слоями праха покрываются развалины уничтожеииых городов. И вот уже смотришь — перед имеием отпетых захватчиков появляется эпитет «великий». Великий полководец, стратег, объедииитель...

И забыты горе и кровь. Римляне начинают гордиться Цезарем, греки — Македонским, французы — Наполеоном. Так в чем же святость понятия «родина»? В том, что одни увеличивали владения своей отчизны, лишая родины других? И за это они становятся великими? Нет. Слово «великий» можно ставить лишь перед именем того человека или даже целого народа, кто принес людям не смерть и злобу, а доброту и радость. И сделал это бескорыстно, по зову сердца, души, справедливости.

Глава VII. СЕКРЕТ ТОКУДЫ

Круглые часы, светящийся циферблат которых был разбит на двадцать четыре деления, показывали шесть. Времени оставалось совсем мало. Бахусов сбросил одеяло, вскочил, наскоро сделал зарядку. Затем, ополоснувшись до пояса холодной водой над алюминиевым тазом, оделся и присел на татами в ожидании коменданта.

Токуда явился ровно в полседьмого, минута в минуту, как и договорились накануне. В руках он держал парусиновую сумку с двумя сплетенными из кожи ручками. Поздоровавшись, он, прищурившись, окинул Алексея взглядом с ног до головы. Удовлетворенно хмыкнул, легонько похлопал по плечу и пригласил следовать за собой. По коридору они подошли к двери с номером «3». Капитан вынул из нагрудного кармана металлическое кольцо с ключом и отпер дверь. За ней открылась узкая сводчатая, похожая на наклонную штольню галерея. Бахусов заметил, что у капитана всего один ключ, и удивился: неужели все замки одинаковы? Словно отвечая на его мысли, комендант улыбнулся и сказал:

— Ключ «мастер» — одна из бытовых новинок нашего механика, открывает все замки аналогичного типа, хотя по набору нет и двух одинаковых.— И, немного помолчав, добавил: — Такие ключи только у меня и Якимото-сан. Есть помещения, куда имеем доступ лишь мы.

Они спустились по широким выщербленным базальтовым ступенькам, свернули направо, миновали круглый холл, опять спустились и остановились у небольшой, но массивной двери. Тем же «мастером» капитан отпер ее и распахнул настежь. Пахнуло солоноватым морским холодком, от которого сразу слегка закружилась голова. Пахло специфическим, присущим островам, запахом сырой рыбы и водорослей. Начинало светать. Прямо перед выходом, метрах в пяти-шести, полого уходил вниз песчаный откос. На него набегали мелкие и льдистые волны, как на реке или небольшом озере. Да и сама бухта, закрытая со всех сторон крутыми и острыми утесами, напоминала скорее

высокогориое озеро, чем залнв. По иизкому серому небу стремительно проносились, гоинмые свистящим ветром, клочья закопчеииых облаков. В самой же бухточке было тихо и спокойио. Токуда приблизился к воде, присев иа корточки, зачерпиул ее ладоиью. Пошевелил пальцами.

— Как лед. А ие замерзает, хотя уже декабрь. Бухту питают теплые ключи нагретой вулкаиом воды, здесь оиа даже почти пресиая. Попробуйте.

Алексей тоже зачерпнул ладонью воду и подиес ее к губам.

— Да, еле-еле солоноватая. Как у иас иа целине в колодцах. А вы ие боитесь, что иас заметят? С какого-ибудь корабля или, иакоиец, с самолета?

— Исключено. Мы вообще редко выбираемся наружу, и только в тех местах, которые совершеиио ие просматриваются с океаиа. Делаем это чаще всего иочью и в иелетную, как сейчас, погоду. Это дает возможиость не попадать в поле зрения авиации и судов. Бывали, конечно, случаи, продиктованные обстоятельствами. Например, когда вас, как Робиизоиа Крузо, подарил иам прибой.

— Ну а если все-таки кто-либо высадится иа остров? Мало ли зачем, тогда что? Будете сражаться?

— До этого, я иадеюсь, ие дойдет. Нас все равно ие обиаружат. Посмотрите...— Комендант указал рукой туда, откуда они вышли.

Бахусов обериулся и опешил. На том месте, где должиа была иаходиться дверь, ои увидел только замшелую скалу с выбоинами и стеблями сухой, припорошеииой сиежком травы да уходящий вверх и пропадающий в серой мгле склои вулкаиа, испещреииый бороздками.

— Видите? Сделаио иа совесть. Выходы иа поверхиость — их ие так уж миого, всего четыре на каждую сторону света,— замаскированы, их иельзя заметить, даже стоя рядом. Если хотите, можете убедиться.

Бахусов подбежал к скале и осторожио провел по шершавому камию растопырениымн пальцами. Да, исполнеио действительио иа совесть. Как он ии всматривался, не смог обиаружить иичего, что говорило бы о двери или вообще каком-либо искусствениом сооружеиии.

— Смотрите.— Токуда слегка отвел в стороиу бурый и морщииистый, перекручеиный кореиь дерева.— Это ие кореиь, а фигурио отлитая из отожжеииой стали ручка.— Жестом фокусннка ои потянул ее иа себя, и часть камня плавио и бесшумно отошла в сторону.— Готово! — Он захлопиул дверь, н она опять воедино слилась со скалой.— Пойдемте, скоро начиется клев.

Мокрый песчаный откос, по которому оии шлн, поскрнпывал под иогами: он был усеяи выброшенными на берег

скелетамн морских звезд и ежей. Подойдя почти вплотную к вертикальному обрыву, они повернули направо и, перескакивая с камня на камень, добрались до плоской глыбы. У ее чуть приподнятого, обращенного к центру бухты края, покрытого осклизлыми зелеными нитями водорослей, они остановились.

— Располагайтесь.— Комендант поставил на каменную плиту сумку и открыл ее.— Здесь снасти и наживка — Сумико-сан приготовила с вечера. Забрасывайте недалеко, глубина тут около четырех метров, дно ровное, зацепы бывают нечасто.

Бахусов прннялся снаряжать удочку.

— Леска-то у вас шелковая,— сказал он, укрепляя на жале крючка квадратный кусочек.— А теперь в миру капрон илн жилка — синтетика. Кстати, самой дефицитной н пользующейся наибольшим спросом у любителей счнтается ваша, японская. Химия прочно входит в быт, уднвляешься сейчас, как мы раньше жили без ее благ.

Токуда повернулся и прнстально посмотрел на Алексея.

— Хорошо, если в быт,— тихо произнес он.— Ведь химия может обернуться не добром, а злом — вспомните ядовитые газы, которые употреблялись в войнах. На то, чтобы убить человека, бросилн не только химию, но н кое-что пострашнее.

— Вы имеете в виду атомную и термоядерную бомбы? — спросил Алексей.— Оружне массового уничтоження? А может быть, н последнюю новннку, так называемую нейтронную, «чистую» бомбу?

— И их тоже. Правда, меня удивляет, как это прилагательным «чнстый» можно назвать то, что предназначено для грязных целей...

Меньше чем за полчаса сетка из толстых, крепких ниток до отказа заполнилась черноспинными рыбами.

— Хватит. Не входите в охотничий азарт.— Токуда стал наматывать леску на катушку.— Нам больше не съесть, к обеду и ужину вполне достаточно; рыба вкусна, когда она свежая, не позже часа после вылова.

Бахусов выбрал леску и тоже начал сворачивать снасть. Совсем рассвело. Бухта словно стала шнре, а утесы — нх зазубренные вершины — выше.

— Хорошо-то как на воздухе! — задумчнво произнес он.— Вот где действительно девственная природа.

— Да, хорошо. Пока сюда не добрался человек-варвар, который, как ненасытный, жадный волк, уничтожает все живое даже когда того, что имеет, хватает с избытком. А то, что не сможет взять, изломает и нспакостит, лишь бы не досталось другим.

— Посидим немного просто так? — попроснл Алексей.— Полюбуемся, отдохнем.

— Давайте посидим, если не замерзли.— Токуда расстелил кусок мятого брезента и пригласил моряка присесть.

Они немного помолчали, глядя, как у ног темная вода лениво лижет блестящие, отполированные волнами бока каменной глыбы.

— А что вы имели в виду, когда по поводу бомб сказали: «их тоже»? — спросил Алексей.

Комендант медленно повернулся, исподлобья взглянул ему прямо в глаза Потом снова уставился на воду.

— Я, наверное, старею,— тихо произнес он.— Уж вам-то, вероятно, вообще кажусь выжившим из ума старцем, ибо молодость эгоистична и опрометчива в своих выводах.

— Что вы! — запротестовал Алексей.— Сейчас там,— он махнул рукой в сторону фиолетовых зубчатых утесов,— старость начинается с семидесяти. Так что вы, по теперешним понятиям, человек средних лет, зрелого, но далеко не старческого возраста.

— Вы не забывайте: мы слушаем радио, и может быть, больше, чем люди на материке,— у них хватает других забот Мы в курсе событий и научных, и технических, и социальных, хотя они и не задевают нас Не задевают физически,— поправился он.— Но морально не могут не касаться. На земле многое переменилось, но многое осталось прежним. В той же Японии человеку за сорок трудно найти работу, если он не политик или финансовый воротила — тем возраст не помеха. Но я предполагал другое, когда заговорил о том, что старею. С годами большинство из нас становятся сентиментальными. Вот и мне жалко людей. Я отнюдь никогда не слыл альтруистом или каким-то восторженным филантропом, но это так. Люди, как муравьи, копошатся в поисках хлеба, мечтая не о каких-то там райских кущах, а хотя бы о простом маленьком, с мизинчик, счастье: жить, трудиться, рожать детей и — самое главное — не чувствовать страха ни за себя, ни за близких. Гнетущего, испепеляющего душу страха, что тебя выгонят с работы, лишат жилья и еды, как бессловесное стадо скота, погонят куда-то убивать невесть за что таких же, как ты, гомосапиенсов, что растопчут, смешают с навозом твое, пусть крошечное, но все же человеческое достоинство. Это очень печально и поневоле настраивает на какой-то сентиментальный лад.

— Ну, знаете, еще древние говорили: «Каждый сам кузнец своего счастья». Если все люди не захотят, то с ними трудно будет поступать, как со скотиной,— горячо возразил Бахусов.— А они все больше и больше этого не желают. Борются.

— Бросьте вы,— устало махнул рукой Токуда.— Не надо, ради всего святого, этих громких, насквозь лживых и фарисейских фраз. Получается: тот же японский или американский

народ хотел, чтобы на Хиросиму и Нагасаки сбросили эти адские бомбы? Да они и понятия не имели о том, что готовится,— все свершила небольшая горстка воротил, в своих корыстных интересах. Уж так устроен человек — как баракуда: проглотит и переварит все, что ему ни подкинь.

— Ну, это вы зря.— Алексей вскочил.— Вы, очевидно, помните: во время войны в Корее общественность же не допустила применения бактериологического оружия как средства массового уничтожения. Протестовал весь мир, все люди доброй воли, и они многого добились.

— Бактериологического? — Токуда быстро поднялся, внезапно побледнев, губы нервно подергивались.— А знаете, что за базу проектировали здесь? Нет? Тогда слушайте.— Он глубоко вздохнул и тяжело опустился на брезент, словно его не держали ноги.

Бахусов удивленно уставился на коменданта и тоже присел.

— С детства я больше верил хорошему, чем плохому. Этому я обязан только себе — ни отец, ни мать не занимались моим воспитанием, считая: пресловутый самурайский традиционный дух и буддизм сделают все сами. Свято выполнялся и рескрипт Мэйдзи 1890 года, провозглашавший основой образования верность императору, благочестие и умеренность. Однажды, когда я уже был студентом, мне попалась газета с указом Хирохито о награждении генерал-лейтенанта медицинской службы Исии Сиро за выдающиеся заслуги перед страной орденом «Благословенного сокровища I степени» — это очень высокая награда. Я поинтересовался у знакомого врача, что совершил этот военный медик: открыл новый препарат или способ исцеления тяжелого недуга? И вот тогда я услышал о так называемой бомбе «И» — фарфоровом сосуде, начиненном болезнетворными бактериями. Узнал я также, что главная лаборатория находится в Токио, в квартале Вакамацу, а испытание этого «фарфорового чуда» проходило в Маньчжурии. В отряде 731, на китайцах и корейцах, которых — какой цинизм! — называли бревнами. Все это звучало слишком зловеще и чудовищно. Откровенно, я скептически отнесся к рассказу моего приятеля и вскоре совсем о нем забыл. Но вот я попал на Варудсиму.— Он сглотнул слюну, словно ему было трудно говорить, и продолжил: — Я долго ничего не подозревал и ни о чем не имел ни малейшего понятия, да и не особенно интересовался.— Токуда помолчал, положил руки на колени, повернул лицо к Бахусову и тихо, почти шепотом произнес: — Что такое «SBS»... Меня не посвящали в высочайшие планы. На остров в строжайшей тайне завезли приборы, оборудование. Перестроили огромные пустоты и пещеры в вулкане. Мало ли какие мысли обуревали тех, кто стоял на недосягаемой высоте, над всеми нами. Иногда я, правда, недоумевал: зачем нужна

база на этом стоящем особняком клочке суши, сюда и подходов-то хороших нет, он не обжит, условия самые суровые, издревле идет о нем дурная слава. Но отгонял эти мысли: начальству виднее. Сравнительно недавно в одном из сейфов я нашел пакет, в котором находилась пояснительная записка к проекту. Я не обратил бы внимания, но насторожил гриф: «Кио ку мицу» — «Совершенно секретно, по прочтении уничтожить». Сначала, ознакомившись с документами, я не поверил своим глазам, но потом стало ясно, зачем выбрали именно этот остров-отшельник. В его недрах создали военную базу для установки ракет. Не удивляйтесь, японские ученые и инженеры тоже трудились над подобным оружием, и ничуть не хуже, чем другие, но делали это более тайно, нежели европейцы и американцы. Самым потрясающим было другое. Эти ракеты готовились понести не тротил, не атомную бомбу, а микробов. Да, да, миллиарды, сотни миллиардов бактерий чумы, холеры, энцефалита, сибирской язвы.

Бахусов со страхом, точно у капитана на теле сидели микробы, словно тот был покрыт полчищами клещей и блох, попятился от него.

— Да, мой друг,— повторил комендант,— сотни миллиардов микробов. Чтобы уничтожить людей. И не только, да и не столько тех, кто с оружием в руках будет этому сопротивляться и защищать то, что вы называли Родиной, но мирных жителей, женщин, детей, стариков. Несколько ночей я не сомкнул глаз, а когда забывался, мне виделись кошмары: мертвая планета, пустые, заваленные трупами людей, животных и птиц города. Я до сих пор удивляюсь, как не сошел с ума,— так бы и случилось, не будь рядом Сумико. Вот тогда-то и укрепилось бесповоротное решение не возвращаться в этот подлый мир зависти и гнусности.— Он вытер ладонью вспотевший лоб и продолжал: — Войны велись издревле. С тех пор, когда богиня Аматерацу основала династию Солнца, как повествуют наши летописи. Разные войны, с разными целями. Был Гитлер с лагерями смерти, были и наши доблестные самураи с их пресловутым кимотори.

— Простите, Токуда-сан, а что такое кимотори? — перебил его Бахусов.

— Древний ритуал, когда у живого пленного врага вскрывали живот, вынимали печень и ели, дабы стать храбрым и выносливым. Нашлись такие, кто возродил этот обычай в прошлой войне. Дойти до такого каннибальства могли только маньяки, люди с больной психикой. Никогда еще человечество не было так развращено и жестоко, как сейчас. И никакой болтовней, никакими общественными протестами вы ничего не сделаете. Тогда я и решил: пусть обходятся без меня, я не хочу быть соучастником злодейского преступления... Од-

нако,— он взглянул на часы,— засиделись мы, пойдемте сдавать улов Сумико-сан. Ночью, если вы не против, я приглашу вас половить креветок, здесь они очень крупные и жирные, занятие это увлекательное, да и хочется иногда побыть с природой. Можем прихватить жену. Не возражаете?

— С удовольствием.

Они собрали снасти и направились к входу в подземелье.

Весь день Бахусов чувствовал себя не в своей тарелке, все валилось из рук, не хотелось ничего делать, даже читать. Токуда заперся в кабинете, и моряк пошел помогать Сумико чистить рыбу и готовить обед. К середине дня он, хотя почти ничего не делал, устал так, словно таскал тяжелые и громоздкие вещи.

После обеда Алексей, возвратившись в свою комнату, завалился спать. Сон его был тревожен, мучали кошмары: снились несметные скопища отвратительных, похожих на фаланг и тарантулов, насекомых. Они надвигались со всех сторон на него, лежащего голым, со связанными руками и ногами. Он слышал, как трутся друг о друга их членистые волосатые лапки, как шелестят усики. Иногда они меняли облик, превращались в лесных клещей, грызли его тело и сосали кровь. Бахусов дергался, кричал от ужаса, но крик комком застревал в горле...

Когда Алексей проснулся, сердце его стучало, как отбойный молоток, тело покрывал липкий холодный пот, кожа зудела, как обожженная крапивой. Он вылез из-под влажного одеяла и, свесив ноги с кровати, сел. Немного отдышавшись, взглянул на часы, стрелки показывали начало десятого — скоро придут комендант и Сумико.

Бахусов начал поспешно одеваться. Когда он уже натягивал принесенные ранее резиновые сапоги, в дверь постучали.

— Пожалуйста,— крикнул он и со смехом добавил: — Не заперто! Вероятно, забыли — бдительность начинает притупляться.

Вошел капитан. В руках та же сумка, два небольших сачка, на палках длиной метра в полтора — два тонких и гибких камышовых удилища.

— Вы готовы? — спросил Токуда, остановившись в дверях.

— Да, да, готов. А где же ваша супруга? Она ведь тоже хотела пойти?

— Ей немного нездоровится. Но кажется, ничего страшного — легкое недомогание. Пусть полежит, будем надеяться, к утру пройдет. Пойдемте?

Они тем же путем, что и на ловлю корюшки, миновав повороты и спуски, вышли к знакомой бухте. Бахусову показалось, что стало значительно теплее, чем утром.

Быстро темнело. Снег на склонах и вершинах скал как бы

плавал белесыми пятиами в воздухе, виизу и вверху все сливалось в сплошиую черноту, словно небо начииалось сразу иад головой,— до того темеи и густ был плотиый шатер туч. Токуда увереино шел впереди, чувствовалось — этой дорогой он ходнл не раз. Через несколько мннут онн уже взбнрались иа каменную плиту. Полное безветрне. Кругом тнхо-тихо, только сзади, очевидио с иависшей над обрывом глыбы, раздавался редкнй и звоиикий, отдающийся эхом звук падающнх капель.

— Ночью, когда не видио луиы, креветкн собираются иесметнымн стаями. Сумико-саи подкармлнвает их, здесь у иас своеобразный садок. Когда иужно, мы наведываемся сюда и, как в магазине, берем на выбор.

Токуда положил сачки, привязал к удилнщам куском тоикой проволокн пропитаиную керосином паклю, поджег ее и укрепил шест так, чтобы потрескивающая, коптившая пакля висела саитнметрах в пятидесяти иад водой. Темиота иемиого отступила, блики огия засветились иа влажиой плите, вода стала прозрачной, в глубиие обозиачилнсь длнниые, извнвающиеся, как плоские змеи, бурые леиты ламинарнй. Комендант взял сачок н стал пристально вглядываться в воду. Из густых переплетений водорослей, двигаясь толчкамн, появилось иесколько крупных рачков.

Комендаит ловко выхватил крупную креветку и осторожно опустнл ее в ведро.

— Завтра мы полакомимся славным делнкатесом. Люблю рачков, сваренных без всяких специй, в одиой морской воде. Все есть в ней, как в волшебиой животворной влаге. Недаром сейчас ученые обратились к океаиу... Коиечно, если и его ие запакостят иефтью, мусором н отходами от производства атомных бомб.

— Вот н иадо ие бежать от людей. Человек ие может оставаться иейтральным, жизнь обязательно его коснется, и прямо или косвеиио он стаиет содействовать нлн добру или злу, от этого инкуда ие денешься. Диалектнка. Вам не удастся спрятаться от жизни.

— Отчего же? — медлеино произнес Токуда.— Мы же ушли, построили, если хотите, микрокоммунизм. У иас осуществлены все ваши осиовые прииципы: нет государства, эксплуатацни, деиег, частиой собствеииостн; каждому по потребиости, от каждого по способиости. А? — Токуда, оживившись, захохотал.— Не об этом ли мечталн Маркс, Эигельс, Леиии и Кампанелла?

— Нет, ие об этом.— Алексей отрнцательио замотал головой.— Совсем ие об этом. Тюрьму вы построили, а ие коммуиизм.

— Почему же? — спокойио возразил комендант.— Мы ии-

кого не трогаем, никому не причиняем зла. Пусть нас оставят в покое.

— Но вы забыли, как очутились здесь. Во имя чего? — еще более распаляясь, закричал Алексей.— Один — чтобы спасти от голодной смерти семью. Другой — дабы уйти от ответственности за сомнительные деяния. Третий — ради жизни рядом с любимым и дорогим человеком. Ну, хорошо, для вас четверых это был выход. Пусть нелепый, случайный, но выход. А остальные? Где им найти столько заброшенных островов? Да и самое главное — зачем искать? Чтобы добровольно приговорить себя к вечному заточению? Человек, как мыслящее существо, не имеет права быть нейтральным, ибо рано или поздно, косвенно или прямо, добровольно или невольно очутится в том или другом лагере...

Они начали складывать снасти и надолго замолчали. Убрав все в сумку, оба, так же молча, направились к двери, ведущей в вулкан.

У самого входа Токуда остановился и, доброжелательно глядя в глаза Бахусову, тихо произнес:

— Мне нравится ваша убежденность. Тем более что вас никто не слышит и слова не могут повлиять на карьеру или кому-нибудь доказать вашу лояльность. Больше того, вы прекрасно знаете, что я пусть не совсем обычный, не кадровый, но все же офицер капиталистической, чуждой вам армии, другого мира. Обнажая передо мной свои убеждения, вы можете навредить себе, действуете, так сказать, как вам невыгодно, причем,— он немного помолчал,— смертельно опасно. Это-то мне и импонирует в вас, молодом еще человеке, с таким темпераментом отстаивающем то, что он считает правильным.

Он повернулся, открыл дверь, и они стали подниматься по лестнице. Прощаясь, Токуда тепло улыбнулся Бахусову и, похлопав его по боку, сказал:

— Спокойной ночи. Не знаю, как вы, а я прекрасно провел время. О ваших словах стоит серьезно поразмышлять. До свидания.

— Спокойной ночи.— Алексей улыбнулся.— Мне было тоже очень приятно. Передайте сердечный привет Сумико-сан, пусть скорее поправляется.

— Спасибо, передам.— Капитан помахал рукой: — Отдохните несколько дней, а потом я познакомлю вас с машинами Экимото-сан, с, так сказать, сердцем острова.

Они расстались, и каждый направился к себе.

Едва за ними закрылись двери, в коридор, воровато оглядываясь, выглянул Ясуда. Он наблюдал за комендантом и моряком в щель чуть-чуть приоткрытой двери своей комнаты, и хотя не разобрал ни слова, но доброжелательность беседы

понял по интонации, выражениям лиц и жестам. Его очень насторожили и улыбка коменданта — а Ясуда прекрасно знал, что тот вообще улыбается крайне редко,— и дружеское похлопывание молодого русского по боку.

Ясуда долго стоял, переминаясь с ноги на ногу, обдумывая виденное. Затем осторожно, стараясь не шуметь, задвинул дверь и запер ее на два оборота ключа, оставив его в замке, прислушался, приложив ухо к двери, и, убедившись, что никого нет, на цыпочках прошел к татами. Потоптавшись на месте, словно раздумывая, стоит ли что-то делать или нет, он выключил верхний свет и оставил только слабый ночник. Потом поднял матрац, сдвинул его в сторону и, завернув рулоном циновку, достал из небольшого углубления маленький черный чемоданчик...

Глава VIII. В ЧРЕВЕ ВУЛКАНА

Центр управления энергетическим и машинным хозяйством находился глубже жилых помещений метров на пятьдесят — шестьдесят. До нижней площадки они добрались, держась за деревянные поручни, крепленные к стенам металлическими консолями. Пролеты, похожие на разрезанные вдоль огромные трубы, зигзагами уходили в каменную глубину. Вероятно, строители не особенно заботились об эстетике помещений — на гранитных стенах остались после обработки грубые борозды. Наконец Токуда остановился перед небольшой нишей со сферическим потолком. Слева и справа к ней было прирублено несколько узких тамбуров-входов. Маленькие лампочки на потолке еле-еле освещали дорогу. Метров через пять взору предстала массивная дверь, облицованная листовым железом.

— Вот мы и пришли.— Комендант нажал сбоку незаметную круглую кнопку.

Минуту спустя дверь медленно поползла в сторону. В проеме появилась подсвеченная сзади и от этого казавшаяся еще более тучной фигура Экимото. На его лице не было никакого выражения, словно те, кого он увидел, только что вышли и вернулись, что-то забыв. Инженер посторонился, пропуская посетителей внутрь. Когда они вошли, дверь почти бесшумно заскользила вдоль стены и прочно закрыла выход.

Помещение — оно напоминало по форме эллипсоид — разгораживала пополам фусума, раздвижная ширма из тонкого алюминия. Сверху она была оклеена белой рисовой бумагой с рисунками, нанесенными цветной тушью, из японского быта. Здесь было душно, пахло металлом, лаком и линолеумом.

На стене против двери располагались до самого потолка покрытые эмалью стенды управления, усеянные рубильниками, выключателями, тумблерами, кнопками и сигнальными лампочками. На щитах поблескивали стеклянными цифеблатами различные приборы. По потолку тянулись толстые, словно пожарные шланги, кабели, оплетенные разноцветной изоляцией. Справа гудели какие-то установки, похожие на стоящие вертикально сундуки,— скорее всего, трансформаторы. Сквозь кругленькие дырочки в их обшивках светились лампы.

— Здесь расположен главный пункт управления системой жизнедеятельности острова, мозг всего сооружения,— начал объяснять комендант.— Как ни странно, строительство не потребовало ни больших трудов, ни материальных затрат, ни, тем более, каких-то уникальных инженерных решений. Внутри вулкана, как я уже говорил вам, нашли массу огромных пустот и естественных пещер, образовавшихся в результате сдвига и сброса пород во время землетрясений. К ним-то и привязали весь проект. Большинство подземных залов слегка обработали, так сказать, косметически, нанесли гидроизоляцию. Не пришлось прорубать ни одной новой штольнн — разве только уже существующне туннели соединили переходами.— Токуда немного помолчал и добавил: — Почти не пришлось. Я рассказывал вам — вся энергетика основана на принципе тепла недр и термальных вод. Образно всю схему можно изобразить так: в зоны доставили и смонтировали особые бурильные установки, состоящие из малогабаритных секций; затем в вулкане просверлнлн вертикальные скважнны-колодцы диаметром около сорока сантиметров, в которые до критической глубины опустили двадцать двойных, длинных, согнутых наподобие буквы V стальных труб сечением в десять сантиметров, покрытых антикоррозийным составом. Свободное пространство в скважинах сверху на всю глубину наглухо залили приготовленным по особому рецепту раствором. Левые и правые части буквы V соединили горизонтальными патрубками и на отводах от них установили коллекторы. В один под большим давлением закачивали воду. Проходя вниз, она нагревалась, превращалась в пар, затем в перегретый пар, который поднимался вверх и поступал к другому коллектору, откуда и шел по необходимости. Стоит отметить — для отопления мы этой энергией не пользуемся, природное тепло земли само нас обогревает. В основном энергия эта предназначена для получения электричества, которое мы и употребляем в самых различных целях: для освещения, вентиляции, приводов, зарядки аккумуляторов, охлаждения н так далее, то есть, разумеется, только для своих бытовых нужд.

Перед постройкой базы провели очень тщательные геологические, сейсмические и вулканологнческие исследовання. По

их данным кое-где казематы укрепили сталью и бетоном, иногда до пятиметровой толщины. Пульт управления вынесен вверх. Сам машинный зал находится немного ниже. При строительстве использовались особо прочные и термостойкие материалы. Механизмы оборудования имеют большой комплект запасных частей. Основная деятельность инженера — контролировать систему, проводить профилактические осмотры и небольшие ремонты, регулировать периферийную смазку и заменять вышедшие из строя детали. В схеме широко применен принцип аварийного дублирования и сигнализации. К слову скажу: система за время, что мы здесь, действовала безотказно, у нас не было ни одной аварии. Сказалось, конечно, и то, что наши потребности в энергии весьма малы. При работе базы по своему основному назначению они бы возросли, вероятно, в десятки, а то и сотни раз. Но испытывать систему в этом режиме, к счастью, не пришлось.

Вот в принципе и вся механическая часть. Я думаю, вам будет интересно ознакомиться с ней подробнее, поэтому я и прикрепляю вас помогать инженеру Экимото-сан. Он не говорит по-русски, но, думается, с помощью чертежей вы найдете общий язык. Согласны? Если нет, вас никто не принуждает — пожалуйста, подыщите себе что-либо более привлекательное.— Токуда вопросительно посмотрел на моряка.

— Да. Согласен,— кивнул Бахусов.— Я люблю технику и не привык сидеть сложа руки, тем более, мне это действительно интересно.— И, немного помедлив, добавил: — У нас на Камчатке ведется большая работа по использованию природных источников энергии на благо человека.

— Очень рад, что мы достигли взаимного понимания,— улыбнулся Токуда.— Хочу заодно заметить, чтобы вы не проявляли излишнего любопытства: две закрытые двери, расположенные на промежуточной площадке, ведут одна к складам продовольствия и прочего имущества, другая — к складам оборудования, которое предполагалось установить на базе; там же размещались инкубаторные лаборатории, кабинеты сотрудников, жилые помещения для них. Входы туда мы замуровали за ненадобностью, тем более что они так и остались недостроенными. Сырье, о котором я говорил, доставлено не было. Следовательно, с этой стороны опасности не существует. Если ко мне нет вопросов, я вас покину, оставайтесь с Экимото-сан. Привыкайте, теперь это ваше рабочее место.— И, улыбнувшись, добавил: — Вероятно, жаль, но зарплаты вам не полагается — у нас просто нет денег, да если бы и были, тратить их все равно негде.

— Спасибо. Если что не пойму, спрошу, а деньги, как толкует пословица, большое зло, так что перебьюсь.

— Тогда до свидания, встретимся за ужином.— Токуда

кивнул и направился к выходу. За ним захлопнулась дверь, и Бахусов остался наедине с Экимото.

Пока комендант в общих чертах объяснял Алексею устройство базы, инженер с полным безразличием глухонемого что-то осматривал, подняв крышку пульта, подвинчивал гайки, протирал контакты, регулировал реле. Когда капитан ушел, он неторопливо опустил крышку, защелкнул стопорные планки, вынул из стоящего в углу тубуса толстый рулон немного засаленных и потрепанных чертежей и положил их на стол. Ни слова не говоря, он развернул листы, тщательно разгладил их ладонями и очень наглядно и выразительно, как настоящий мим, с помощью рук, лица и изредка отдельных восклицаний стал показывать, как работает вся система.

Его одутловатое и застывшее, как маска, лицо преобразилось, глаза заблестели, он оживился, на бледных щеках появился румянец. Было ясно: рассказывать о сооружении ему приятно, а кроме того, к собеседнику, который интересуется его сложным хозяйством, он испытывал симпатию.

Если что-либо было неясно, Бахусов останавливал его, и тогда механик, внимательно посмотрев на моряка, будто хотел прочесть вопрос в глубине его глаз, снова начинал своеобразное объяснение. Порой он забывал, что Алексей не понимает по-японски, и начинал говорить, но, спохватываясь, смущался, отчего выражение лица его делалось виноватым, и опять переходил на жесты.

С грехом пополам объяснив действия оператора за пультом, Экимото провел Бахусова за ширму. Эта часть комнаты была больше. Вдоль одной стены стояли станки: токарный, фрезерный, сверлильный, шлифовальный, слесарный верстак — полное оборудование механической мастерской. Вдоль другой размещались выдвижные шкафчики с аккуратно разложенными инструментами и материалами. На каждом наклеена белая табличка с иероглифами и цифрами, вероятно, обозначающими, что и в каком количестве здесь хранится.

Все содержалось в идеальном порядке. В торец комнаты врезалась желтым фанерным прямоугольником небольшая дверь. Механик открыл ее. В углу стояла обычная железная, как у европейцев, кровать, застеленная таким же, как у всех, белым одеялом, рядом с ней — тумбочка с настольной лампой, прикрытой абажуром из фольги. За стеклами шкафов виднелись книги и журналы. Перпендикулярно стенам в несколько рядов размещались короткие полки, на которых стояли маленькие глиняные горшочки с какими-то — в четыре-пять листочков — растениями или рассадой и много разного размера картонных коробок с прямоугольными этикетками. Экимото открыл одну из них и показал Бахусову. Там лежали похожие на бобы, палевые, в коричневую крапинку зерна. Алексей догадался:

здесь механик хранит семена цветов и овощей, которые сажает в оранжерее острова. Тут же был столик-верстачок, на нем крошечные напильники, тисочки, сверла, иглы, пинцеты, лупы и небольшой медицинский микроскоп. Экимото отодвинул затянутую розовой занавеской стеклянную дверцу плоского шкафа, и Бахусов замер в восхищении. На смонтированных почти до самого потолка стеллажах стояли сделанные с изумительным мастерством различные модели судов, механизмов, автомобилей, макеты домов, храмов, построек.

До вечера пробыл Алексей в удивительной мастерской Экимото. Он так увлекся сложиым, интересным и необычным для него оборудованием, оригинальными и одновременно простыми техническими решениями, что не заметил, как пролетело время. Ему показалось, будто они с Экимото объясняются на странном, но понятном, словно ноты для музыкантов, языке, и он чувствовал самую теплую симпатию к этому трудолюбивому и, безусловно, талантливому человеку.

Когда Бахусов и Экимото поднялись наверх и вышли из холла в коридор, они увидели Сумико, стоящую у дверей столовой с большой плоской миской в руках.

У ее ног, тыкаясь носом в ладонь, сидела рыжая лисичка, прижав острые ушки к голове, вытянув по полу пушистый хвост. Она подняла треугольную мордочку и с умилением смотрела на женщину. К беловатым бокам животного прижимались два маленьких юрких лисенка.

— Откуда это? — невольно засмеялся Алексей.— Ваш личный живой уголок?

Сумико потрепала лису по шее.

— Года четыре назад я подобрала Туки, так ее зовут, у северного выхода, она лежала со сломанной лапкой. Скорее всего, в погоне за сусликами сорвалась с обрыва. Принесла к себе, наложила шину, выходила, кормила, а когда она поправилась и перестала хромать, отпустила на волю — на острове много лис. И вот, представьте, год спустя оиа явилась ко мне с семейством и повадилась часто захаживать в гости. Подойдет к восточной двери — я выпустила ее именно там — и начиниает царапаться, повизгивать и лаять, словно домашняя собачка. Впускаешь ее вместе с детенышами, накормишь, иногда они даже остаются ночевать, когда на воле непогода. И очень забавно наблюдать: пока их нет, папа-лис ждет в зарослях рябинника около входа — сам войти не решается.

— А я-то думал, что вы лишь меня одного выходили,— засмеялся Алексей,— а оказывается, вы и для них ангел-исцелитель. И я, и они перед вами в неоплатном долгу.

— Полноте, о каком долге может быть речь! — Сумико погладила лисичку по голове.— Я очень привыкла к ним и скучаю, когда оии долго не заходят. Им бывает трудно зимой. Летом на

острове раздолье — миого пищи, а зимой плохо, особеиио когда задуют эти жестокие севериые ветры.— Сумнко закашлялась, лицо ее помрачиело.— Я их тоже с трудом переиошу,— печально сказала она.— Когда оии иеделями воют, мие иездоровится и становнтся так тревожно и безысходио-тоскливо, что я не иахожу себе места. Мой сыиишка умер зимой, когда свистели эти лютые, свирепые ветры.— Глаза ее отрешеино посмотрели иа Алексея.— Ему бы сейчас было, вероятно, столько же лет, сколько вам, ио он заболел и умер. Я думала, что сойду с ума. Детям нельзя жить здесь, они малеиькие и слабые, а поэтому умирают.

Лисица, будто догадавшись, что ее благодетельиица чем-то расстроена, завиляла хвостом и стала лнзать ей руку. Бахусов почувствовал, как в ием закипает возмущенне этой добровольной рабской покориостью судьбе. Ему хотелось завыть дико, истошно, так, чтобы эхо разиесло голос по всем граиитным казематам. «А вам можио здесь жить? — хотел крикиуть он.— Что вам мешает сбросить это иезуитское смиреиие, лицемерное мнимое благополучие, этот склепский покой?» Он еле-еле сдержал себя.

Чтобы успокоиться, Алексей прнсел на корточки и почесал пальцем лнсу за ухом. Рыжая сузнла глаза, слегка подияла одну сторону верхией губы, показывая белые и острые, как иглы, зубы. Ои зиал, что так «улыбаются» собаки, когда им приятно.

Лисята иавострили ушкн, затявкалн, засуетились и иасторожеино потянулись к иему чериыми н блестящими иоснками, готовые в случае опасиости тотчас спрятаться под теплое и мягкое брюхо матери.

— Идите умывайтесь,— сказала Сумико.— Через десять мииут ужии. Сегодия я иакормлю вас экзотическим блюдом — осьмииогом. Никогда ие пробовали?

— Прнзиаюсь, ие приходилось.— Бахусов встал, ласково посмотрел на иее и побрел к своей комиате. На душе у иего было тягостно.

Он долго мылся холодиой водой. Пытаясь успокоиться, плескал на разгоряченое лицо полные прнгоршнн. Окуиул голову в таз, немного подержал там, уперев ладони в край табурета, затем насухо вытерся, быстро переоделся и направился в столовую.

За ужином Токуда, отрезая иожом небольшие плотиые кусочки осьмииога, по вкусу иапоминающие жареииые иа подсолиечиом масле белые грнбы, сказал:

— Спрут, пожалуй, одии из самых умных, не считая дельфииов, обитателей моря. Очень своеобразное существо, обладающее уникальнымн свойствамн. Я уже не говорю, что ои, как хамелеои, меняет цвет в зависнмости от своего эмоциональиого

состояния. В злобе — пятнистый и переливающийся розовый, в горе — голубой, в радости — почти белый. Он может так растянуть и расплющить свое тело, что проникает сквозь малейшую щель, оставленную в западне, клетке или расщелине скалы. Ко всему прочему он еще и ужасно хитер, даже трудно поверить. Обнаружив раковину моллюска, захлопнувшуюся при его приближении, спрут тихо подплывает к ней и, захватив в щупальце камень, замерев и распластавшись на дне, терпеливо ждет, когда тот, решив, что опасность миновала, разведет створки. Тогда спрут быстро опускает камень, как распорку, и не торопясь, с наслаждением поедает сочное мясо легкомысленного хозяина ракушки.

— Одним словом, зря рот не разевай,— пошутил Бахусов.— Иначе это чревато для тебя большими неприятностями.

— Остроумно,— усмехнулся Токуда.— Похожая поговорка в ходу и у нас, содержание ее, как мне кажется, мудрое. Это закон природы, если хотите, естественный отбор, о котором говорил Дарвин. Постоянное напряжение вырабатывает в особи бдительность, собранность, приспособляемость. Слабые гибнут — сильные выживают. Так и в обществе, и от этого никуда не уйдешь.

— Вероятно, это далеко не совершенное общество, где всегда надо быть начеку, растрачивать львиную долю творческих и физических сил не на созидание, а на сохранение своей безопасности,— запальчиво начал Бахусов.

— Ничего не поделаешь,— перебил его Токуда.— На земле правит один закон — страх. Страх за свое благополучие, здоровье, относительную свободу.

— Плох тот закон, который держится только на страхе. Тем более, раз в вашем мире закон — страх, значит, победить его может антипод — смелость.

— А у вас не случается, что вдруг появляется эдакий плотоядный среди вегетарианцев? — прищурился Токуда.

— К сожалению, случается. Но если у нас это исключение из общего правила, то у вас наоборот. Добавлю заодно: у вас миллионы ищут работы, а у нас сотни не хотят работать. Тоже парадокс? У нас это наши недоработки, если хотите, издержки производства, брак в общей воспитательной деятельности, из года в год идущий на убыль. У капиталистов — это система, постоянно растущая. Вот поэтому-то у вас и появилась как бы новая профессия — преступность.

— Занятно. Но ведь у нас есть законы против преступников, мы с преступниками боремся. Как же объяснить это?

— Боретесь? Пока они мелкие воришки и таскают кошельки с жалкими грошами, за которые обыватель перегрызет горло. А когда становятся крупными — не все, разумеется, а единицы из тысячи — и начинают грабить миллионы, происходит ме-

таморфоза: они обретают не только неприкосновенность, но и почет. И эту их деятельность охраняют ваши законы.

— Трудно с вами спорить. Ну ладно, допустим, построили вы коммунизм: от каждого по способности — каждому по потребности. Где вы возьмете столько продукции, если каждый захочет иметь десятки домов, машин, костюмов, жен, наконец? Растолкуйте мне, пожалуйста.

— Вопрос вы задали несколько вульгарно, но если подробнее рассмотреть ту цитату о способностях и потребностях, которую вы приводите, так ведь там сказано: каждому по разумной потребности высококультурного и образованного человека. Иначе говоря, в коммунистическом обществе сознание людей достигнет такого уровня, что у них просто не может возникнуть низменных, мещанских и потребительских желаний.

— Ну, этого вам долго придется ждать,— скептически протянул капитан.— Сменится не одно и не два поколения.

— Многие футурологи утверждали, что искусственный спутник Земли создадут лишь в середине двадцать первого века и уж во всяком случае никак не в СССР.

— Интересно вы рассуждаете,— засмеялся Токуда,— мне даже порой кажется, что я, пожилой человек, не только говорю с вами на равных, но не нахожу слов, чтобы возразить или опровергнуть ваши доводы.

— Так ведь трудно не согласиться, если вы человек объективный. А насчет возраста — ответ простой. У нас есть хорошая пословица: «Лучше послушать молодого, объехавшего весь свет, чем старика, просидевшего всю жизнь на печи». Но ради бога, не подумайте, что я провожу какую-то аналогию.

— А вы дипломат! — Токуда снова улыбнулся и подмигнул Сумико.— Мало того, что сравнили меня с дедом на печке, но еще и усугубили сравнение, извинившись за отсутствие аналогии.

— Ну а как вам понравились механизмы Экимото-сан? — прервала мужа Сумико.— Ведь правда, он очень талантливый инженер и замечательный человек?

— Мне откровенно жалко его — он человек действительно незаурядный. У нас Экимото-сан занял был подобающее место и своим трудом и способностями смог бы с лихвой прокормить семью.

— Он бы занял место на нарах одного из ваших лагерей для военнопленных,— перебил Токуда.— А свои способности применял бы при очистке открытых уборных.

— Военнопленных у нас давно нет, они отпущены домой — и немцы, и японцы. Амнистированы даже те из частей СС, кто отбывал тюремное заключение за свои злодеяния.

— Вы хотите сказать, что нх тоже освободили? — с сомненнем спроснл Токуда.— По отбытнн срока отправнли домой подобру-поздорову, как говорят, восвояси?

— Имеиио это я и хочу сказать. Зачем оии иам?

— Но ведь не исключено, что, приехав иа роднну, онн продолжат свою деятельность против вашей страны, протнв коммуиистов н им подобных вообще?

— Это дело их совестн. Нам онн совершенно ие опасны, мы и судилн нх ие потому, что боялись, а в назндание другнм.

Глава IX. СУМИКО — ЗНАЧИТ ЧИСТАЯ

Весна наступила дружиая. Сиег на вершнне вулкана подтаял н сочнлся звенящнми ручейками. На ольхе, рябинах н ннзкорослых березках набухали, лопалнсь и распускались, нсточая горьковатый аромат, почки. На прогретых солнцем склонах показалнсь нзумрудиые росткн травы, проклюнулнсь голубоватые подснежннкн. Свирепые северо-восточные ветры, словио надорвавшнсь в лютой злобе, потеряли снлу и уступили место легкнм, теплым и влажиым юго-западным. Разрывы в тучах посветлели, в них все чаще и чаще стало задержнваться желтоватое солнце. Запахло подсыхающей землей, цветами и сосулькамн. Над острыми скаламн и головоломнымн кручамн с каждым днем громче и громче горлаиили птицы. На этот пустынный остров слеталось их велнкое миожество. Стаи глупышей, похожнх на городскнх снзарей, беломанншковых кайр, смоляных гагарок и разиомастиых чаек заполнилн обрывы, своей формой похожие иа оргáны. Над водой со свнстом н шелестом проноснлись косяки черных, длниношеих бакланов. В лужах и озерцах талой воды заплескались уткн н чнрки. Днем воздух гудел иа разиые голоса кряканьем, скрипом, клекотом, цоканьем, писком и гоготом.

На кустиках и стрелках прошлогодней травы клочьямн повисла линялая шерсть.

Средн бугорков замелькалн домовнтые суслики. У прнбрежиых валунов засуетилнсь желто-белые ласки.

Вечером после ужина Бахусов остался посидеть у Токуды. Тягучей смолой тяиулось время. Капитаи большей частью молчал, подперев щеку, сндел, замкнувшись в себе. Алексей подумал, что Токуда чем-то озабочен н ему хочется побыть одному, и собрался было уходить. Внезапио Токуда тяжело подиялся с кресла, иаправился к двери комиаты, где лежала больная Сумнко, приоткрыл ее — оттуда сразу потянуло запахом лекарств — и, убеднвшись, что она спнт, плотио задвннул фусума и подошел к моряку. Несколько мннут ои стоял перед

ним, заложив руки за спину, затем повериулся, сел и, словно смахнув ладонью с лица оцепененне, произнес:

— Сумико-сан стало хуже.— Он глубоко вздохнул и затуманенными глазами посмотрел на моряка.— У нее всегда было неладно с легкими, вероятно, каверны, зачатки туберкулеза, н вот теперь болезнь обострилась. Ее лихорадит, началось кровохарканье, она все время глотает лед и с каждым днем слабеет, почти совсем перестала есть.— Он прижал пальцы к вискам и затряс головой.— Я бессилен и не знаю, как помочь. Сульфиднн уже не действует. Оиа тает на глазах, как свеча. Мерзнет. Ей не хватает тепла.

— Ее нужно поместить в специальную больницу. Здесь она умрет,— жестко сказал Бахусов.— Можно лишь удивляться, как эта хрупкая и слабая женщина смогла так долго держаться и не захиреть в этом каменном могильном склепе без солнца.

— В больницу? — горько усмехнулся комендант.— Ни в одной лечебнице за ней не будут ухаживать так, как это делаю я, в этом, как вы выразились, каменном склепе. Но ей хуже н хуже.

— Вы не врач, поймите это.— Бахусов встал.— У вас нет современных препаратов, медикаментов. Нужно солнце, свежий воздух, кумыс и антибиотики. У нас давно покончили с туберкулезом и смерть от него — большая редкость. Ей необходимо в санаторий, к целебному морю и благодатному воздуху юга.

Токуда покачал головой, расслабленно развел руками, вывернув их ладонями вверх, и безнадежно произнес:

— Нет у меня ни санатория, ии животворного моря, ни даже молока или обыкновенных куриных яиц — яйца морских птиц она не ест. Я больше ничего не могу ей дать, хотя, не задумываясь, отдал бы жизнь за ее здоровье.

— Можете. Можете дать, но никак не решитесь.— Алексей прошелся по комнате и остановился, скрестив руки на груди, против капитана.— Я говорил вам н повторяю: бросьте это пресловутое затворничество. Сообщите о себе.

— Возвращение на родину, в Японию,— это позор, равносильный самоубийству, проклятие, презрение на всю жизнь.

— Наши суда сейчас выходят на промысел и все чаще и чаще появляются в этом районе. Они снимут нас, и ваша жеиа будет спасена, ею тут же займутся врачи.

— Ею, как и всеми нами, тут же займется ваша кампетай — коитрразведка. Не забывайте: мы военнослужащие и подданные Японии.

— Вы не военнослужащие, а какие-то «потешные войска» вроде петровских. Война давно кончилась — ну как мне вас убедить? Ваши военнопленные разъехались по домам. Никакая контрразведка вам не грозит — вы не сделали в нас ни одного

выстрела Как мне еще втолковать вам это? Что нужно, чтобы вы повернлн?

— Ннчего.— Токуда взглянул на него нз-под насуплеиных бровей.— Не счнтайте меня несмышлеиым, наивным ребеиком. Законы войны суровы, и уж во всяком случае, ннкто не станет тратнть нн снл, нн денег на какую-то бедную больиую японку, да н ннкто не обязан это делать.

— У вас не стаиут, а у нас станут,— горячо начал Бахусов.— Могу поклясться всем, чем угодно, еслн хотите,— памятью своего отца... Я ннкогда не давал такой клятвы, а сейчас дам Ваша медлнтельность убьет ее. А потом угрызеиия совестн убьют вас.— Он немного помедлнл.— Меня бы, например, убнлн. Да н вас тоже — вы человек честиый. Пока не поздно н болезнь не зашла далеко, решайтесь.

— Все не так просто, как вы думаете.— Токуда наморщнл лоб и глубоко вздохнул.— Мы слншком долго были оторваны от всего мнра, н возвращенне в него не прннесет инчего хорошего, а ее, выбнв из привычной колен, сведет в могнлу. Рухнет последняя надежда.

— Какая надежда? Вы же рассуднтельный н разумиый человек. Не стройте нллюзнй. На что вы надеетесь? На чудо?

— В чудеса я не верю, но ей всегда весной н летом становилось лучше, она ожнвала.

— А потом неотвратимо наступит осень н знма, и ей виовь станет плохо. Вы просто жестокнй упрямец, еслн в состояннн спокойно наблюдать, как медленио угасает блнзкнй вам человек.

— Я бы ннкому не простнл такнх слов.— Глаза коменданта сузнлнсь н сталн злыми.— Но вам делаю скндку на молодость н искренее, как мне кажется, желание помочь Сумико-саи. Хотя и не уверен окончательно, нет ли у вас стремления самому поскорее попасть домой под вндом бескорыстной помощн моей жене

— У меня? — оторопел Бахусов.— У меня? Да я все равно убегу, об этом вы знаете. Не сегодня, так через месяц, год, но убегу, как, несмотря нн на какне заслоны н оковы, бегали наши плеиные из фашистскнх застенков н лагерей. Не сомневайтесь. Но в даином случае речь не обо мне, а о больной жеищиие, которой я обязан жнзнью. В данной снтуацнн вы эгоист, н грош цена, простите меия, Токуда-сан, вашей так называемой счастливой тнхой н безоблачной любвн.

Капнтан вскочнл, глаза сделалнсь колючнми н засверкалн, рукн, упнрающнеся в стол, дрожалн, по впалым щекам пошлн красные пятна.

— Замолчнте! Я не намерен выслушнвать вашн нравоучення и оскорбления, мальчншка! Марш сейчас же к себе! — срывающнмся голосом закрнчал он.

— Что ж, я уйду.— Бахусов повернулся и направился к двери. Уже взявшись за ручку, он остановился.— Очень рад, что сумел задеть вас за живое. Я вас знаю: вы еще извинитесь за свою несправедливую грубость, но от слов своих не отказываюсь, в теперешнем положении вы просто трус.

— Убирайтесь вон! — Голос коменданта зазвенел.— Оставьте меня одного! — Он опустился в кресло и закрыл лицо руками.— Уходите.

— Подумайте. Время еще есть, но его не так много, как кажется, и с каждым часом становится меньше.— Алексей вышел и бесшумно прикрыл за собой дверь.

* * *

Дни тянулись за днями, нудно и однообразно проходили недели. С болезнью Сумико по лабиринтам казематов словно расплылась и заполнила их до отказа, до каждой малюсенькой щелочки, какая-то серая и унылая апатия.

Однажды, когда Алексей отдыхал у себя после ужина — сидел, поджав ноги, на татами и листал словарь, занимаясь японским языком,— в дверь тихо постучали.

— Войдите.— Он привстал и спустил ноги на пол.

Вошел Токуда. Комендант сильно сдал. Под запавшими глазами набрякли мешки, резче обозначились скулы, между бровей залегли глубокие вертикальные складки.

— Я пришел извиниться за свою бестактность,— сказал он, усаживаясь на стул.— Я погорячился. Хотя меня и можно понять, но выходить из себя и терять над собой контроль не следует никогда. Сумико-сан лучше. Сегодня у нее нормальная температура, и она впервые с аппетитом поела.— Капитан мягко улыбнулся.— И даже попросила дичи. Она любит топорков, зажаренных на вертеле над углями. Если вы на меня не сердитесь, давайте отправимся перед закатом солнца на ловлю птиц. Уверяю вас, это захватывающее занятие.— Токуда положил ладони на колени и выжидательно смотрел на моряка.

— Я очень рад, что Сумико-сан чувствует себя хорошо, и охотно пойду с вами ловить не только топорков, но, если бы она пожелала, даже касаток. Извините и меня, я тоже погорячился и в запале наговорил лишнего. Простите, пожалуйста.— Он смущенно улыбнулся и встал.— Вы назвали меня мальчишкой в споре? А знаете, почему в Отечественную войну день пребывания на передовой считался у нас за три? Думается, не только потому, что было тяжело и смертельно опасно, но еще и потому, что люди быстрее взрослели. Так, если хотите, и здесь. Я имел полную возможность рассуждать, мыслить

н решать все самостоятельно, мие ннкто не мог помочь из моих старших друзей и едниомышленников, и прнходнлось, как говорят, думать за троих.— Он помолчал и добавил: — Мне бы хотелось видеть Сумико-сан, если это, конечио, не повредит ей.

— Хорошо. Не будем больше ссориться.— Токуда поднялся.— Через два часа заходите ко мне. Мы навестнм Сумико, она тоже очень соскучилась по вас.— Он направился к дверн.— Вы напоминаете ей о сыие. Но это ие тяжкие, а хорошие воспоминання. Итак, я жду вас, до свндания.— Он вышел.

* * *

Сумико лежала на двух положениых однн на другой татами, укрытая до груди стеганым атласиым малинового цвета одеялом, поверх которого вытянулись вдоль тела обнаженные по локоть, тонкие, как у девочки-подростка, почти прозрачные руки. В комнате было жарко, от котацу — жаровни с электроподогревом — струилось тепло. В углу у псевдоокна самисэн, чем-то отдаленно напоминающнй среднеазиатскую трехструнную домру.

На низеньком столике в беспорядке, словно только что прервалн игру, былн расставлены го — японскне шашкн. Еле уловнмый аромат духов перебнвался запахом лекарств и какнм-то еще терпким и горьковатым запахом — так обычно пахнет осенью в степи, когда жгут подсохший курай. На тумбочке у изголовья Бахусов увидел фигурку бога Хатэя, которая раньше стояла в кабииете Токуды.

— Не прннес он мне в мешке жнзнь,— заметив, куда смотрнт Алексей, тнхо произнесла женщина.

Она снльно похудела, бескровные губы запеклись, щеки запали, под затуманенными глазами лежали глубокие голубовато-зеленые тени. Распущенные волосы густыми волнами разметалнсь по подушке, длнннными поблескивающими прядями в них проступила седина.

Движеннем глаз оиа прнгласила его сесть. Бахусов опустнлся на дзабутон — подушку для сндения.

— Токуда-сан сообщил, что вам лучше,— сказал ои,— н позволнл вас навестить. Как вы себя чувствуете?

— Да, мне полегчало. Но не стоит себя обмаиывать — это не надолго. Сегодня я видела во сне моего маленького сына — он умер двухлетиим, только-только начав говорнть. Он протягивал ручоикн, плакал и звал меня, и, как ни странно, почему-то ие по-японски, а по-русски. По нашим поверьям, мие осталось жить всего три дня.— Она замолчала и опустила веки.

— Не надо, Сумико-сан. Вы знаете, я атеист и не верю в бога, а тем более в разные предчувствия и суеверия. Вы обязательно поправитесь.

Алексей покраснел и запнулся, чувствуя, что говорит совершенно не то и слова утешения звучат фальшиво. В горле у него запершило, страстно захотелось уткнуться лицом в плечо этой ставшей для него близкой и дорогой женщины. Он осторожно взял ее руку в свои ладони. Рука была легкая, как былинка, вялая, влажная и горячая.

— Когда он родился, меня переполняла радость,— не обращая внимания на его замешательство, продолжала Сумико.— Я твердо решила: когда он вырастет, станет взрослым и сильным, то обязательно покинет остров, уйдет в большую и светлую жизнь и найдет там свое счастье. Я лелеяла надежду воспитать его благородным и храбрым, но не смогла, не успела это сделать. Он умер, когда там,— она открыла глаза и посмотрела куда-то вверх,— вовсю завывали эти противные, леденящие душу ветры, бушевала война в Корее и опять одни люди убивали других. Я знаю, что такое война, и почти наяву видела и ощущала, как горят города, в огне мечутся обезумевшие от горя матери в поисках своих детей. И я подумала: может быть, и лучше, что он таким безгрешным и чистым ушел из жизни.

— Нельзя так.— Алексей легонько погладил ее руку.— В одной персидской поговорке говорится: «Если мыши едят зерно, лучше не подвешивать его в корзине к потолку, а уничтожить мышей». И если все матери, чтобы избавить детей от страданий в жизни, перестанут их рожать или начнут сожалеть об их появлении на свет, человечество просто исчезнет. А сначала огрубеет, потому что дети приносят радость и счастье, делают людей добрее, а жизнь — полнее и целеустремленнее.

— Вероятно, вы правы, но люди слабы, обстоятельства всегда сильнее их.— Сумико немного запрокинула голову. На лбу блестели капельки пота.

Бахусов хотел ободрить ее, вселить надежду, но не находил слов и видел: Сумико устала и то, что ей, как сказал Токуда, лучше, не предвещает ничего хорошего.

Она лежала, прикрыв глаза. Длинные ресницы сливались с голубизной подглазий, и от этого казалось, что на ее неестественно белом лице, как на черепе, обозначались большие черные впадины.

— Поправляйтесь, Сумико-сан.— Алексей поднялся.— Я пойду. Вам сейчас нужно набираться сил. Мы хотим угостить вас сегодня жареными топорками с рисом и соевым соусом. Отдыхайте.— Он наклонился и поцеловал ее в щеку.

— Спасибо, Алексей, приходите еще, мне очень тоскли-

во.— Она открыла глаза и ласково, сквозь выступившие слезы, посмотрела на моряка.— Как только поправлюсь, мы спустнмся с вами вииз, там в начале лета берега покрывает бархатная зеленая травка, много цветов, над которымн порхают бабочки и жужжат пчелы, там сннее небо отражается н плещется в хрустальиых ключах родниковой воды, н все это пронизано золотымн лучамн солнца н пряиым ароматом молодых лнсточков...

* * *

Вечер был пасмурный н какой-то слякотный. Варудсиму больше чем иаполовиину затяиул светло-серый, ровный и влажиый полог облаков. Ои распластался иад островом, словио круглая гигантская сфера с промятой виутрь вершииой. У берега, немного отступя — иа сто — двестн метров,— плотный туман спускался к самой воде, отчего создавалось впечатленне, что там, за этнм мутным покрывалом, иичего нет, кончается мир и начниается неизвестиая, загадочиая н инкому не нужиая бесконечность. Океан притнх н выглядел спокойным и безиадежно скучиым. Над скалами у кромки прибоя с бестолковымн крнками носнлись птицы, ио даже их разиомастные, суетливые голоса не ожнвляли пейзаж, а еще больше навевалн тоску.

Токуда и Бахусов присели за высокий пепельио-седой зубчатый гребеиь, по другую сторону которого отвесио спускалась к морю камеииая слоистая стеиа. В ией топоркн долбили свон гиезда, а иа утесах н террасах примостились бакланы, похожие иа пнигвинов. Комендаит и моряк ждали, когда над гребием вылетят топоркн, выставив вперед красиые массннвные клювы, распустнв по ветру белые хохолки-брови. Рядом лежали два большнх, круглых, из редкой сеткн сачка иа длинных бамбуковых шестах. Едва появлялась птица и, часто, как стрекоза, трепеща крыльями, зависала в воздухе, словно искала путь, куда же ей лететь дальше, сачок резко подиималн вверх по лиинн ее полета, и она оказывалась в сетке. Сачок опускали, доставали добычу и, убедившись, что это самец — самок выпускалн,— сажалн в плетеиную нз прутьев корзниу с крышкой. Сильиые аспидно-чериые топоркн беспокойио ворочались, хватали прутья клювами, скребли дио когтнстыми лапками. Птицы еще не сбились в пары и только готовилнсь к строительству гиезд.

Когда корзнна значительио потяжелела, охоту прекратили и прнсели отдохнуть.

— Вы не ознакомились с содержаиием той книги, что я вам дал? — спросил Токуда.— Этого английского футуролога?

— К сожалеиню, еще иет, так и ношу в кармаие.

— Жаль. Из нее вы узнаете, что ждет человечество в следующем веке.

— Меня сейчас больше заботит наш век и здоровье Сумико-саи. Поймите.

— Может быть, я это скоро пойму.— Капитаи поднял корзинку.— Пойдемте. Потом поговорим, а сегодня порадуем жену ее любимым блюдом. Ей иадо восстанавливать силы. Лишь бы она поправилась, а там решим, как жить дальше. Лишь бы оиа поправилась...

* * *

Сумико умерла иа следующий деиь рано-рано утром. Лил хлесткий дождь. Небо трескалось от розовых молний. Ее похоронили с восточной стороны подножия вулкана, рядом с большим глянцевито-черным камнем, под которым была могила ее малеиького сыиа.

Бахусова не удивило, что иикто из японцев не проронил ии слезинки,— он зиал: иа япоиских кладбищах ие плачут, отдавая дань усопшему скорбным молчаиием, как бы он ни был дорог и как бы ни разъедала душу и ни рвала на части сердце боль утраты.

Вечером Токуда совещался с Экимото и Ясудой, запершись у себя в кабинете. Когда они разошлись, Алексей ие знал.

Ночью, едва обитатели острова уснули, Ясуда отодвинул татами и достал из камеииого тайника черный чемоданчик...

Глава X. В РЕЗИДЕНЦИИ ХОУДА

Из широкого окна, наполовиии затянутого пластиковыми решетчатыми жалюзи, со стеклом, вымытым до такой прозрачности, что, казалось, его нет вообще, открывался дивиый и величественный вид на бескрайний простор океаиа. Дом стоял иа высоком скалистом и тяжелом, как огромный утюг, утесе. У подиожия утеса постоянно бурлил белой пеиой прибой.

Долетающий наверх рокот напоминал звук перекатывающихся иа гальке стальных корабельиых цепей.

В доме иа холме располагался филиал отдела Цeнтрального разведывательного управлеиия США. Сотрудники его жили здесь, тут же размещались их служебиые и подсобиые помещения.

Начальннку филиала Хоуду только что доставнлн расшнфроваиное донесение одного нз агентов, который сообщал:

«На Варудснме появился русскнй моряк, лет двадцатн, встречен комендантом благожелательио».

И подпнсь: «Баклан».

Много лет этот объект был законсервирован и переведен в резерв в ожндании своего определенного часа. И вот, казалось, когда этот час стал приблнжаться н пора было заняться иедостроеиной японской базой вплотную и сделать так, чтобы она не простанвала без дела, возннклн неожнданые осложиения — иа ней вдруг объявнлся — по мненню Хоуда, совершенно ни к чему — человек, н ие кто-ннбудь, а советскнй моряк, которого, кроме всего прочего, нзвольте вндеть, еще н принимают с распростертымн объятнямн. Надо спешнть, но действовать осмотрнтельно. Досадно, что накануне как раз разработали план действий, но теперь его прндется изменить. Начальство требовало в течеине месяца представить иа рассмотреине и утверждеиие окончательные предложеиия Хоуда.

Предстояло забросить на остров для первоначального обследовання пять человек: инженера, химнка, медика, коменданта, желательио русского: рядом граница СССР, знающнй русскнй необходим,— и сержанта, переводчнка с японского.

Хоуд как раз заннмался подбором канднлатуры будущего коменданта.

Из пачкн карточек с круглымн дырочкамн — листов-контролек агеитов ЦРУ — он отложил больше половииы: не годились.

На столе осталась маленькая стопка прямоугольииков из плотной гляицевитой бумаги и рядом папки с лнчиыми делами. Хоуд ие спеша взял верхнюю.

«Улезло Николай Иваиовнч,— прочел он.— Рост шесть футов, глаза серые, волосы светло-каштановые, редкие». Пробежав мельком прочие мелочи, Хоуд более виимательио остановнлся иа краткой биографии.

«Родился в деревне, в Орловской области, в 1924 году.
Прнзван в армию в иачале войны.
Перебежал к гитлеровцам, стал полицаем.
В 1945 году под Шверииом захвачен советскнми солдатами.
Бежал.
Раиил конвоира и очутнлся у американцев.
Отправлен в Штаты, где обучали в специальной школе».

Характеристика — как иабор безличных предложений: «Туповат. Завистлив. Себялюбнв. Карьерист. Жадеи. Демагог. Лицемерен. Жесток. Труслнв».

«Вот это букет! — Хоуд даже присвнстнул.— Закончеиный

подонок. Ну, да чем хуже — тем лучше. Этот не распустит слюни н не побежит с повинной; за нзмену роднне, прошлые зверства, да еще ранение бойца,— на этот счет у русских строго, расстрел обеспечен. А впрочем, черт в его душу влезет Предал один раз, предаст н другой... А где же взять других? Идейных противников Советской власти давно нет и в помине, вот н перебиваемся разной поганью».

Хоуд вспомнил, что в конце войны он, еще молоденький лейтенант, офицер связн, недавно окончившнй колледж, находнлся нменно там, где этот проходнмец переплывал реку Теперь, несмотря на прошедшие годы, он почтн не изменился и твердо вернл: удача тебе сопутствует лишь тогда, когда не рассуждаешь, а хорошо исполняешь свое дело, за которое платят деньгн. Его ведомство занималось кругом определенных вопросов. Эти вопросы, в масштабе своего сектора, должен решать он, Хоуд, решать добросовестно и так, как с него требуют. Разведка существует с незапамятных времен, и ничего аморального в этом нет. Его, Хоуда, во всяком случае, это не интересует, пусть об этом болнт голова у тех, кто сидит на матернке, шлет ему инструкции и получает раза в четыре больше. Ему же хватает своих забот н нечего засорять башку разной чушью, пусть ею занимаются политики. А убеждения у майора как были, так и остались твердые. Была бы его воля, безо всякнх там реверансов и экивоков выгнал бы из Штатов всех негров, а на большевиков, ничтоже сумняшеся, сбросил бы целую гроздь водородных бомб, а еще лучше — нейтронных, чтобы все люди подохли, а имущество осталось. Своих же собственных коммунистов вообще передушил бы без суда и следствня.

Хоуд еще раз бегло просмотрел досье перебежчика Он с большим уважением относился к разведчикам, людям деловым, умным, хнтрым и, несомненно, талантливым. Но то были агенты-профессионалы — это их ремесло, их бнзнес, добывание средств к жнзни. Хоуд оправдывал их нногда самодовлеющий авантюризм, восхнщался и теми методами, которыми он утверждался.

«В достнжении целн хорошн все средства» — это был любимый лозунг Хоуда. Чистоплюйство — удел дипломатов. Он почему-то всегда представлял себе людей этой профессии лощеными чистоплюями н болтунами.

Хоуд отложил карточку русского. Да, он уважал и ценил настоящих разведчиков. Но к какой категории отнести этого? Хоуд испытывал чувство брезгливости, когда приходилось работать с подобными субъектами. И не потому, что сам был безгрешен,— уж ему-то есть что вспомннть. Просто Хоуд ннкак не мог определить их место в столь ответственном деле, как разведка. Кто они? Профессионалы? Но какне? Профессиона-

лы-разведчики? Нет, пожалуй, профессионалы-подонки. Да, именно подлость, а всякая измена, несомненно, подлость — это признавал даже он, Хоуд,— стала их ремеслом. Это какая-то особая категория людей, может быть даже психологический или физиологический феномен, ведь патология в ннх налицо. Еслн есть профессиональные провокаторы, убийцы, отравнтели — надо же кому-то выполнять и грязную работу! — то почему не быть профессиональным негодяям? Хоуду не раз приходилось убеждаться: люди, предавшие родину, становились извращенными садистами, сосредоточением самых ннзменных пороков. Им доставляло удовольствие не только истязать свои жертвы, но и делать пакости сослуживцам. Вот и этот тип, кроме всего прочего, постоянно строчит доносы на своих коллег. И самое характерное: не получает за это ни цента. Если бы платнли, Хоуд мог бы оправдать и клевету. Но нет, пишет по призванию, безвозмездно, как писатель-графоман. Вот онн, его опусы, аккуратно, страничка к страннчке, подшиты к делу. И странно, чем человек достойнее, тем он более им ненавистен. Что это, зависть? Может быть. Но скорее всего — полная деградация личности, именно профессиональная подлость, ставшая ремеслом, натурой, характером, жизненным принципом.

Майор в раздражении — хотя и сам бы не мог объяснить себе его причину — захлопнул папку и несколько минут сидел неподвижно, вытянув вперед руки и уставившись на картонную обложку.

«И с такой мразью мне, Хоуду, выпускнику Гарварда, приходится работать,— подумал он.— Ладно, найдем занятие и этому. Любит возиться в дерьме — предоставим такую возможность, тем более конец один: отпадет надобность — пристрелим ко всем чертям. А пока пустим в дело, для которого он вроде бы подходит по всем статьям. Попробуем». Хоуд снял трубку и набрал номер.

— Вызовите ко мне 9831-го в одиннадцать.— Он положил трубку на рычаг и стал собирать разбросанные по столу бумаги и папки.

Ровно в одиннадцать в дверь майора вкрадчнво, словно поскреблись, постучали.

— Войдите,— бросил он и немигающими глазами уставился на дверь.

На пороге показался высокий человек лет пятидесяти, весь словно припорошенный пылью. Какой-то спереди плоский, а от затылка сутулый. Одно плечо выше другого, и от этого кажется, что руки разной длины. На лбу небольшие залысины, тонкие губы слегка кривятся, треугольный подбородок чуть-чуть выдается вперед и вверх к кончику носа. Светло-коричневый поношенный костюм. Давно не глаженные брюки пузырятся на

коленях... Хоуду показалось, что запахло чем-то залежалым, затхлым.

— Прошу разрешения. Прибыл по вашему прнказу,— произиес вошедший.

— Саднтесь,— ие ответнв на приветствне, резко сказал Хоуд.

Улезло, чуть шаркая подошвамн стоптаиных, потерявших форму ботннок, прошел к столу, прнсел в кресло. Немиого подавшись вперед, прнщуреинымн, подслеповатыми глазами, словно пытаясь что-то рассмотреть на лице собеседннка, угодливо уставился иа Хоуда, губы вытяиулись в лииию и почтн нсчезли.

— Вам предстонт отправнться на остров Варудсиму. Там иаходнтся бывшая особо секретная база япоицев. Среди четырех человек,— он на секунду запнулся,— средн пятн — иаш агент. Всех, кроме него, уничтожнть — разумеется, после того, как получнте от них полиую нсчерпывающую иформацию. Действовать осторожно, головой отвечаете. Вы должны обеспечнть нормальиую работу иашнм сотрудиикам. Вот список экипнровкн.— Ои двумя пальцами протянул Улезло лнст бумагн, который тот быстро схватил н подиес к глазам, словио стал июхать. От Хоуда ие ускользиуло, что ногти на покрытых заусеицамн пальцах обкусаиы.— Там же плаи действий н таблица связи. Все подробио указано. На сборы и оргаиизацню две недели. Проверю группу лнчио. Будут вопросы?

— Вопросов не будет, сэр,— растягнвая слова, иачал Улезло,— ио...

— Ваши «ио» меия ие иитересуют. Оставьте их при себе. Если вопросов нет, можете ндтн и, не теряя времени, начать подготовку.

— Прошу меия извиннть, но я бы все-такн хотел сказать...

— Идите! — Хоуд едва сдерживал себя, до того противеи был ему этот человек.— И помните: ровио через две недели я проверю готовиость группы к операцнн. Ступайте.

Улезло иехотя встал, губы его недовольно скривились, еще снльнее шаркая ногами, ои направнлся к дверн.

— Не забудьте. За выполненне задания и его полиую скрытность отвечаете головой,— вдогонку крикнул Хоуд н нажал кнопку кондиционера, чтобы проветрить кабниет.

* * *

Комната Ясуды ничем не отлнчалась от той, в которой жил Бахусов, разве что здесь ие было не только нн одиой книгн, но и вообще даже листочка бумаги. Накамура лежал одетый

на толстом татами, небрежно застеленном одеялом, и, не мигая, смотрел в затянутый циновкой потолок. Воздух был спертый и застоялый, пропитанный запахом грязного белья и пота. Свет притушен, в углах плавали сгустки тени. Радист провел ладонью по глазам, поднялся с постели, ногами в шерстяных грязноватых, порванных на пятках носках нащупал на полу тростниковые, со смятыми задниками туфли. Словно отряхиваясь, завертел головой и, волоча ноги, побрел к двери. Осторожно, стараясь не шуметь, открыл ее, выглянул в коридор, прислушался, затем плотно прикрыл, повернул дважды ключ и направился в дальний угол. Там Ясуда приподнял циновку, вынул плоскую деревянную коробку, извлек из нее стеклянный пузырек, высыпал на дрожащую ладонь несколько голубых таблеток, положил одну в рот, остальные спрятал назад и тщательно закрыл циновкой. Немного постояв, он вернулся к кровати, не раздеваясь, лег на одеяло, закрыл глаза и затих, ожидая, когда подействует наркотик...

* * *

Случилось это незадолго до того, как он попал на Варудсиму. Казалось, минула целая вечность. В маленьком и неопрятном кабачке, пропахшем насквозь кислым вареным рисом, жареной рыбой и плохим, отдающим денатуратом сакэ, к Ясуде подсел скромно, но чисто и аккуратно одетый человек. По виду метис — среднее между японцем и европейцем. Разговорились. Незнакомец вынул из бокового кармана пиджака небольшую плоскую и изогнутую флягу с виски и угостил Ясуду. Скоро выяснилось: собеседник знает о нем очень много такого, о чем знать посторонним не следовало. Ему известны не только его прегрешения с наркотиками и жрицами любви, но и потомственная принадлежность к буракумин. И многое другое. Без обиняков, в весьма категорической форме, упомянув, что это делается для его же пользы, незнакомец предложил встретиться на следующий день для серьезного разговора. Не допускающим возражений тоном он назвал адрес, время и, посоветовав не опаздывать, удалился.

Всю ночь Ясуда не мог заснуть, и не оттого, что одолевали блохи. Он ворочался с боку на бок на жестком скрипящем топчане в маленькой вонючей каморке на задворках кабачка, пытаясь понять, что от него понадобилось этому странному господину и какой предстоит завтра разговор. Он даже подумал, не сбежать ли, переехав в другой город, но со страхом вспомнил недвусмысленные намеки, что его разыщут, где бы он ни был, если он проболтается или решит скрыться, и отбросил эту мысль.

Поздно вечером он явнлся в назначеиный час по указанному адресу. Улочка была темиой н пустыииой. На иее ие выходили фасады домов, и она производила впечатление узкого и длинного проезда между заборов, ндущих по обеим ее сторонам. От калиткн в высокой решетчатой изгороди петляла густо усыпаиная крупным гравием дорожка. Она вела к деревянному, с острой черепичной крышей дому, стоящему в глубнне дворика, мощенного каменнымн плитами. Вокруг крошечного пруда зелеиели сакуры и яблонн. Когда Ясуда приблизился к шнрокой застеклениой вераиде, на ее пороге показался вчерашний незиакомец, иастороженным взглядом окинул его с головы до ног и, ие ответив на поклон, провел в комнату. Там за ннзеньким столиком сидел пожнлой, седоватый япоиец в больших роговых очках, одетый в модный, с иголочки, костюм.

Ясуду пригласилн сесть н долго бесцеремоино разглядывали. Затем, ие вдаваясь в подробности и без лнших слов, сказали: с момеита появления здесь он становится агеитом амерниканской разведки. И тут же предупредили: в случае отказа не станут шаитажировать за наркотики, сводничество и мелкие кражи — просто убьют, и дальше этого дома ои иикуда не уйдет. Если же Ясуда согласен, то на его имя будет здесь илн в Штатах, как пожелает, откладываться огромная для него сумма — пятьдесят долларов ежемесячно, а заодно он иавсегда исчезнет из «семейиых списков» муннципалнтета. На размышлення дали пять минут. Он согласнлся. Да, собствеио, другого выхода и ие было. Когда все оформили на бумаге и Ясуда, оставив отпечатки пальцев н расписавшнсь, стал агентом под псевдонимом Баклаи, ему порекомендовалн немедлеино, на следующий же деиь, добровольно вступнть в армию и добиться всеми правдами н неправдамн направления в школу радистов, обещая со своей стороны поддержку.

Дальиейшее пронсходило как в тумаие. Будто по мановению волшебиой палочкн, перед иим открылись двери тех учреждений, куда ему приказывали наведаться иовые хозяева. Через иеделю Ясуду зачнслнлн в подготовнтельиый класс воениой радиошколы.

В армии он чувствовал за собой постоянное наблюдение, словио все время иаходнлся в сфере чьего-то пристального виимания. По окончанин школы его иеожиданно отправнли иа Севериые Курилы, на остров Парамушир, хотя буквально за два дня до распределения собирались послать на юг. Перед коицом войны ои, опять внезапно, был включеи в группу камикадзе, остающихся иа Варудсиме. За сутки до этого с иим встретился незнакомый человек, как ему показалось, китаец, н передал приказ отправнться на остров.

Обосновавшнсь на новом месте, Ясуда должен очеиь осторожно, не чаще двух раз в год, выходить в эфир и сообщать,

что происходит на острове, что за объект там сооружают японцы. Задаиия и инструкцнн он получал по радио открытым текстом под видом рассказов о животных, для этого в передаче была специально введена рубрика под названием «Мы и природа».

На острове жизнь текла медленно. Ясуда думал даже, что о ием забыли. В эфир ои вообще не вышел, и никто его не тревожил.

То, что ои узнал совершенно случайно, спустя миого времени, когда, убирая комнату, обнаружил на столе Токуды иебольшую записку, сначала ужаснуло, н он несколько дией ходил как оглушеииый, притупляя животный страх иаркотикамн, которыми в изобилин снабднл его тот же китаец, предупредив, чтобы расходовал экоиомно. Потом, немиого оправившись, Ясуда поиял: иеожиданное открытие делает его персону куда более цениой в глазах шефов, чем раиьше. В этом ои убедился тотчас, как передал в эфир, для чего японцы хотели использовать базу иа острове, иеобитаемом и стоящем особияком, какое завезли оборудование и осиащение лабораторий.

На сообщение Ясуды пришел иемедлеиный ответ: тщательно следить за всем происходящим, записывая на бумагу, которую прятать в надежном тайнике. Советовалн вести себя по отношению к другим обитателям не только лояльно, но н подобострастно, намекая, что за ослушание и, не дай бог, за срыв операции кара будет беспощадной. Под коиец говорилось: его гонорар увеличнвается с пятидесятн долларов до семидесяти.

С тех пор Ясуда преобразнлся н ие иаходил себе места, но уже ие от страха, а от предвкушення богатства. Ои лез вои из кожи, угождал комендаиту и его жене, стараясь предупредить каждое их желаиие. Одиако постепенио пыл и усердие иачали ослабевать, тем более что н работы было ие так уж миого.

Оставаясь один, Ясуда жадио, со страстью старого, выжившего нз ума скупца подсчитывал, сколько иа его счету за океаиом иакопилось деиег, каковы иаросли процеиты. Получалась весьма солидная сумма, а с той, которую обещали едииовремеиио в иаграду после окончаиия операции, он смог бы, вериувшись в Японию, открыть собственное дело. Он грезил иаяву, как купнт себе в пригороде столицы виллу иаподобие той, где его завербовали,— с малеиьким парком и прудом, в котором будут плавать зеркальные карпы и золотые рыбки. Приобретет роскошный лимузин, жеиится на молодой и красивой танцовщице — на такой, какую видел одиажды сквозь стекло фешеиебельного ресторана. У него появятся слуги и телохраиители. И это будет ои, когда-то стоявший иа самой низкой ступеиьке общества! Для этого благословеииого часа,

который, иесомнеиио, скоро пробьет, стоило сидеть тут, в кротовой иоре, столько лет. Ои еще ие стар, по радио слышал — люди живут до семидесяти — девяиоста лет, у иего все впереди. Настаиет деиь, когда мечты обретут осязаемую реальиость, и уж тогда ои возьмет свое с лихвой, наверстает все, чего лишал себя в этой выиуждеииой ссылке. Не забудет, разумеется, и свою сестренку, пусть оиа отдохиет.

Ясуда ие мог допустить и мимолетиой мысли, что заокеанские хозяева и ие думали класть на его счет деиьги. Имеиио в дaииую мииуту, когда ои предавался мечтам о сказочиом будущем и строил плаиы безмятежной и сытой жизии, далеко в просториом здании на холме, иапомииающем утюг, давались самые коикретиые ииструкции, как от него избавиться, когда иадобиость в его помощи отпадет.

Ясуда ие знал этого и был по-своему счастлив.

* * *

Вериувшись после совещаиия у комендаита, Ясуда достал из тайника черный чемодаи, в котором находился радиопередатчик, и, настроив его иа нужную волиу, дрожа от возбуждеиия, отстучал срочиую радиотелеграмму: «Ускорьте операцию, Токуда решил сдаться русским...»

Глава XI. ДЕСАНТ

Субмарина всплыла в пять часов утра почти под самым берегом. Ее длииный темиый корпус, похожий иа спиму гигаитского иарвала, возиик из воли иеожидаиио и почти бесшумно. Сиачала на морской палубе появились, поеживаясь от предрассветиого холода, боцмаи и иесколько матросов. Оии выиесли иаверх два больших складиых поитоиа. Быстро собрали, спустили иа воду и перетащили в иих какие-то тюки, ящики и пакеты. Затем из люка вылезли пятеро людей в защитных с коричневыми камуфляжиыми разводами комбиеезоиах и кожаиых куртках. Оии расселись по местам, разобрали короткие, с широкими пластиковыми лопастями весла, ие спеша отвалили от борта и скрылись в темиоте. Спустя мииут двадцать с берега трижды мелькиул слабый желтоватый огоиек.

Палуба лодки опустела, за ее кормой забурлила и вспеиилась вода. Субмариоа дала ход, развериулась и исчезла, будто растворилась в зелеиовато-синей глубиие.

В бухте, куда причалили поитоиы, высаживающихся встретил, озираясь по стороиам и подобострастно клаияясь, Ясуда.

Несмотря на клеенчатую накидку на теплой байковой подкладке, наброшенную на худые плечи, его била мелкая дрожь.

Понтоны приподняли за носовую часть и наполовину вытащили на крупнозернистый серый песок. Сгрузили поклажу, отнесли подальше от воды и сложили в кустарнике у скалистого обрыва. Закончив работу, все пятеро собрались в кружок вокруг радиста.

— Переведи ему,— Улезло ткнул пальцем в грудь японца.— Где сейчас здешние жители, чем занимаются? Пусть поточнее укажет, как к ним пройти.

Долговязый и длинноволосый молодой сержант снял берет, вытер им лицо и, повернувшись к радисту, быстро заговорил по-японски. Ясуда закивал, заморгал короткими ресничками и начал торопливо, размахивая руками, отвечать, бросая настороженные и любопытные взгляды на окружающих. Потом, суматошно пошарив за пазухой, достал скомканный листок бумаги и сунул сержанту в руки.

— Он говорит,— обратился долговязый к Улезло,— комендант ничего не подозревает. Все спят по своим комнатам. Здесь нарисован план помещений. От дверей есть ключ, он изготовил его сам, сняв слепок с «мастера» капитана.

— Тогда приготовьте оружие. У него есть что-нибудь? — Улезло кивнул на Ясуду.

Сержант спросил. Ясуда отрицательно замотал головой и попятился. В глазах появился испуг.

— Хорошо. Пускай идет вперед и показывает дорогу, надо торопиться, скоро совсем рассветет. Да скажи этой макаке, чтоб не трясся.

Сержант перевел. Ясуда опять угодливо закивал, но трястись не перестал, а лишь поплотнее запахнул накидку.

Его бил озноб. Спазмами сжало живот, пересохло во рту. До этого момента он не представлял себе реально, что может произойти, больше думал о том, как распорядится свалившимся на него богатством, как облагодетельствует бедняжку сестру и ее малышей. Ясуда думал, что он участвует в какой-то таинственной, запутанной и увлекательной игре, и совершенно не предполагал трагической развязки. Теперь, увидев оружие, решительные и жестокие лица десантников, злобные гримасы этого сутулого, он вдруг понял: все очень серьезно и смертельно опасно. Эти люди не остановятся ни перед чем, и здесь они совсем не для того, чтобы вызволять его из добровольной каторги. Нет, они пришли убивать. Убивать тех, кто не только не сделал ему, Ясуде, ничего дурного, но, наоборот, призрел отверженного эта, человека низшего сорта, относился к нему как к равному, ни словом, ни действием не напоминая, что он пария. Столько лет он делил с ними и радости, и горести, искренне переживал смерть малютки, а затем и Сумико, на

которую всегда взирал с благоговением и благодарностью. А сейчас он поведет этих неприветливых и совершенно чужих ему пришельцев на какое-то, несомненно, гнусное, а может быть, и кровавое дело...

Сознание вдруг открывшейся истины привело его в ужас. Лишь теперь Ясуда понял, что натворил, и пожалел о содеянном. Однако пути назад уже не было.

Отряд подошел к скале. Японец, повозившись с замком, открыл дверь. Один за другим люди скрылись в темном проеме, и плита снова прочно встала на прежнее место, слившись со стеной.

Десантники, будто тени или бесплотные призраки, неслышно ступая толстыми резиновыми подошвами, поднялись по каменной лестнице, проскользнули вдоль жилого коридора и остановились у двери комнаты Токуды. Ясуда вынул ключ и дрожащей рукой вставил в скважину.

— Обожди.— Улезло достал из кармана никелированные наручники и открыл их.— Теперь отворяй. Да смотри, тихо.

Радист, затаив дыхание, повернул ключ, медленно открыл дверь и отступил на шаг в сторону, прижавшись спиной к стене. Он весь покрылся липким пóтом.

В комнате горела только слабая лампочка под зеленым абажуром. Вероятно, Токуда читал перед сном да так и заснул с открытой книгой на груди.

Улезло огляделся вокруг, сунул пистолет за пояс, рот его приоткрылся, меж зубов показался кончик языка. Как охотничья собака, делающая стойку на дичь, он на цыпочках, сгибая ноги в коленях, приблизился к кровати. Тень от его фигуры на стене напоминала огромную косматую обезьяну. Остальные с оружием наготове сгрудились около него. Улезло осторожно, большими пальцами приподнял за запястья руки коменданта и резким движением защелкнул блестящие браслеты. Токуда дернулся, открыл глаза, обвел мутным взглядом стоящих вокруг и, словно не веря, что это наяву, снова опустил веки. Затем встряхнулся и сел. На руках звякнула стальная цепочка.

— Скажи ему, чтобы не рыпался. Пускай встает и одевается, как может. Комнату эту займете вы, мистер Дик, согласно инструкции. Оставайтесь с ним. Когда оденется, пусть смирно сидит на койке и молчит. Глаз с него не спускайте, эти желторожие макаки — народ ушлый.— Улезло криво усмехнулся.— Свет зажгите полный. Мы пойдем обезвреживать остальных. Веди к механику,— кивнул он Ясуде.

Десантники вышли и стали спускаться вниз.

Экимото забрали так же бесшумно. Его приволокли в комнату коменданта, не дав окончательно прийти в себя, и усадили на татами рядом с Токудой.

Охранять их остались инженер, медик и химик. Радист, Улезло и сержант направились к комнате Бахусова.

Открыв глаза, Алексей увидел в ярком свете верхней лампы незнакомого мужчину с пистолетом в руках. Черный зрачок дула целился моряку в грудь. Он хотел заслонить ладонью глаза, но запястья плотно охватывали стальные обручи на никелированной цепочке.

— Наше вам, соотечественник,— ехидно прищурился Улезло.— Как спалось-дрыхлось?

— Вы наш, советский! — радостно воскликнул Алексей, но тут же, шевельнув кистями, понял неуместность восторга.— Кто вы?

Услышав родную речь, Улезло вздрогнул. Будто тонкая и острая иголочка вонзилась в сердце. По-русски говорили и там, где он сейчас жил, но те люди были такими же отщепенцами, и слова звучали словно на другом языке. А тут показалось, что повеяло далекой Орловщиной, запахом липового цвета, парного молока, подсыхающего сена и прохладой зеленых омутов деревенской речушки. На миг душу захлестнуло горькой тоской, сразу сменившейся жгучей завистью к этому парнишке в наручниках. А ведь ему и жить-то осталось от силы несколько часов. «Этот-то и умрет русским,— мелькнуло в сознании,— а я...» Яростная злоба перехватила дыхание, будто этот юнец и был причиной его несчастий. Улезло оскалился, заскрипев зубами.

— Кто вы? — строго повторил Бахусов.

— Еще узнаешь, ублюдок.— Улезло грязно выругался, взял со стула одежду и бросил в лицо моряку.— Одевайся, сволочь паршивая. Да живее. Подсоби ему,— повернулся он к сержанту и сунул пистолет в карман.— Сработано чин чинарем. Господин шеф будет доволен. Тащите.

Токуда, Экимото и Бахусов сидели на татами, руки на коленях. Напротив них на стульях разместились прибывшие.

— Господин комендант,— растягивая слова, начал Улезло и бросил сержанту: — Переводи. Мы захватили ваш остров. Вы в плену, как военнослужащие вражеской армии, не сложившие оружие после капитуляции. Кроме этого щенка,— он согнутым пальцем ткнул в Бахусова.— С ним разговор особый и короткий. Как поступим с вами, зависит от вас самих. Если проявите понятливость, а другого ничего не остается, не сделаем ничего дурного. Мне нужны ключи от сейфа и документация на базу, абсолютно вся, до последнего плана. До единого чертежа и листочка.

Токуда плотно сжал губы, немного помолчал, вздохнул и что-то ответил переводчику. Тот, выслушав, кивнул, направился к тумбочке, достал из верхнего ящика связку ключей и отпер стоящий в углу сейф, до отказа набитый папками.

— Больше иет хранилищ? — Улезло поджал губы.

Переводчик снова обратнлся к Токуде.

— Нет.

— Значит, все тут? — снова спросил Улезло.— Ои ие темиит?

— Говорит, все,— ответил сержаит.— Документы только здесь.

— Тогда запри н передай ключи господину инжеиеру Днку.

Сержант закрыл сейф и положнл ключи перед иевысоким, худощавым человеком с рыжеватой бородкой.

— Этих двух отведете к механику, вниз.— Улезло указал на Экимото и Бахусова.— Заприте их там хорошенько, а с комендантом мы немного побеседуем. К нему есть еще одни деликатный вопрос.

Сержаит привел Бахусова и Экимото в пост управлеиия и, захлопнув за ними дверь, ушел.

«Что же произошло? — думал Алексей.— Откуда эти люди и чего онн хотят? Почему с иими Ясуда? Этот плоский говорнт по-русски совершенио без акцеита».

Моряк сидел на вертящемся кресле, погрузившнсь в размышления, когда услышал в той стороне, где иаходилась мастерская и куда прошел механик, страииое царапаиье, гудение и скрежет.

Он подиялся и заглянул за ширму. Экнмото стоял у стаика с наждачным кругом и, подставнв под вращающийся диск цепочку наручников, перепиливал ее. Делал он это неторопливо, так, как обычно обтачивал детали. Вероятио, металл сильио нагрелся, снопом летелн ораижевые хвостатые искры, механик иногда морщился от боли, время от времеии опускал обе руки в ведро с водой, а затем сиова подводил их к наждаку. Накоиец цепочка была перепилеиа. Ои подиял руки вверх, потряс ими, смахивая опнлкн, и, повернувшись к моряку, подмигнул. Жестами он пригласил Алексея последовать его примеру. Через несколько минут цепочку на наручииках Бахусова тоже перепилили. Теперь их руки былн свободиы. Алексей пальцем поковырял в скважиие замка наручииков, словио объясияя, что такому мастеру, как Экимото, открыть его — пара пустяков. Японец с сомнением покачал головой и, сложив руки вместе, дал поиять, что так, если войдут налетчнки, ничего ие будет заметно, если же они сиимут наручникн, то сразу себя выдадут. Бахусов сел рядом с Экимото, сжал правую руку в кулак и сделал несколько движеиий указательиым пальцем, будто нажимая на спусковой крючок. Ои хотел спроснть, есть ли здесь у механика оружие. Тот замотал головой и указал глазами иа потолок.

Часа через четыре в коридоре послышалась возня. Дверь шнроко отворнлась. Токуду бросили иа пол, и дверь снова захлопнулась. Вид коменданта был страшен: лицо разбито

в кровь, правая скула рассечена, один глаз совсем заплыл, на тыльной стороне ладоней круглые следы от прижиганий сигаретами, китель порван в клочья, из угла приоткрытого рта струилась на подбородок почти черная струйка.

Экимото и Бахусов бросились к нему, подняли, отнесли за перегородку и бережно уложили на кровать. Моряк, смочив в воде конец полотенца, начал осторожно протирать коменданту ссадины и кровоподтеки. Токуда долго лежал, прикрыв глаза, хрипло дыша, затем приподнялся и что-то сказал механику. Тот вышел, и Бахусов услыхал, как он задвинул тяжелый засов на входной двери. Затем Экимото вернулся, присел рядом с капитаном, и они начали о чем-то совещаться между собой. Когда они замолчали, Алексей присел около Токуды на корточки и спросил:

— За что они истязали вас? Что им нужно? Кто они?

— Люди Центрального разведывательного управления США. Тот, что сутулится, скорее всего, русский — вероятно, из эмигрантов или из тех, кто сотрудничал с немцами во время войны. Им необходима схема системы самоликвидации. Ясуда предатель. Они, оказывается, прекрасно осведомлены об острове еще с 1945 года и ждали какого-то момента, чтобы захватить базу и расконсервировать оборудование лаборатории. Во всяком случае, так я понял из их разговоров: они не таились, ибо уверены, что я не понимаю по-английски. Вы были правы, Алексей,— капитан назвал его по имени впервые,— наша изоляция оказалась блефом. Очевидно, на этой земле никуда не спрячешься от политики и тебя никогда не оставят в покое.— Он откинулся на подушку и замолчал. Потом приподнял голову и с гордостью и торжеством в голосе продолжал: — Но где пульт включения самоликвидации, они не знают. Это известно только мне и механику, а мы скорее проглотим собственный язык, чем скажем.

Тем временем Экимото загнутым железным крючком отомкнул наручники и они сбросили их.

Токуда начал что-то быстро говорить механику, время от времени показывая на моряка. Инженер внимательно слушал, иногда согласно кивал, порой протестующе поднимал руки и махал ими почти у лица коменданта. Наконец, после бесконечных препирательств, они вроде бы пришли к согласию и замолчали. Затем Экимото, кряхтя, поднялся, шаркая подошвами, прошел в мастерскую и, повозившись там, вернулся с квадратной канистрой, небольшим топором и фонарем. Повертев и то и другое в руках, он направился в угол комнаты, отодрал от стены циновку, за которой оказалась овальная низкая ниша с дверью. Открыв ее, механик обернулся и выжидательно посмотрел на Бахусова. Токуда сел на татами и, положив ладонь на руку моряка, тихо произнес:

— Вы пойдете через эту дверь в туннель — он тянется почти километр — к северному берегу. Там разведете большой костер. Сейчас разгар путины и в море полным-полно советских судов. Когда вас заметят и вышлют шлюпку, передайте им, чтобы тотчас уходили. Понимаете, пусть ничего не предпринимают, а тотчас уходят: оставаться небезопасно.— И, взглянув на голого по пояс механика, сказал: — Набросьте на плечи одеяло, Экимото-сан, простудитесь.

— А почему вы не хотите идти с нами? — Бахусов положил руки на его плечи.— Пойдемте вместе. Если не можете, мы донесем вас.

— Нет. Я останусь.— Токуда глубоко вздохнул, взгляд его затуманился.— Тут могилы моих любимых — жены и ребенка. Здесь же будут похоронены вместе со мной и мои иллюзии. Идите. Надо спешить. Наверху вечер. Скоро они могут прийти и выломать или подорвать дверь.

— Слушайте, ведь это глупо, право же, мы не можем вас бросить одного. Ну послушайте меня.— Бахусов почти с мольбой смотрел на коменданта.

— Торопитесь, прошу вас. Мое решение бесповоротно. Все.— Токуда снял руки Алексея со своих плеч.— Идите и... будьте счастливы.

— Хорошо, мы идем и постараемся быстрее вернуться с помощью. Ждите нас здесь.— Бахусов обнял капитана и прижался лицом к его щеке.— Ждите нас.

— Вы чудак, Алексей, и в благородном порыве забываете, что Варудсима принадлежит Японии и никто, даже ваши пограничники, не пойдут на конфликт — это нарушение международного права.

— Тем более вам надо идти с нами!

— Я сказал — нет. Отправляйтесь, мое решение бесповоротно.

Экимото и Бахусов, нагнувшись, прошли в дверь и, освещая себе путь фонариком, двинулись по длинному узкому и темному коридору.

Когда они вышли из подземелья, уже темнело. В высоком небе перемигивались загорающиеся голубоватые звезды. В лунном свете, отбрасывая гигантскую зловещую тень, возвышался конус наполовину покрытого снегом вулкана. В море, вдали, рассыпались огоньки промышлявших рыбу сейнеров.

Бахусов и Экимото насобирали плавника, нарубили его и сложили на песчаном плоском холме в огромную кучу. Механик плеснул из канистры бензином, чиркнул спичкой и поднес к плавнику. К небу взметнулось пламя. Экимото встал, отошел на шаг и начал рыться в карманах брюк. Он вынул небольшой бумажный пакетик и что-то достал из него.

Костер разгорался сильнее и жарче. Потрескивали заняв-

шиеся обрубки, языки багряного пламени отрывались и улетали в небо.

Механик повернулся к Бахусову и, дотронувшись до его груди, протянул на раскрытой ладони два маленьких зеленых круглых, как конфеты-драже, шарика, показав, что их нужно принять.

Алексей машинально, не задумываясь, бросил таблетки-шарики в рот, проглотил их и только хотел спросить, для чего он это, собственно, сделал, как почувствовал, что ноги подгибаются, словно кости в них растворились, перед глазами все поплыло, а сам он стремительно взвился в бездонную, усыпанную яркими вспышками темноту.

Экимото бережно поддержал отяжелевшее тело теряющего сознание моряка, оттащил его от костра, положил на одеяло, подбросил в огонь несколько кусков бревен, вылил остатки горючего и, захватив топор и канистру, несмотря на свою тучность, вприпрыжку припустился к входу в туннель.

К северу от острова, в море, показались ходовые огни идущего к берегу судна...

Глава XII. ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Когда Томилин на следующий день после вечера в компании с профессором явился в отдел, светло-желтый прямоугольник — тень оконного переплета — обосновался где-то в Скандинавии, у мыса Нордкап.

Старший лейтенант сел за стол, достал и разложил бумаги и углубился в работу. В первую очередь предстояло ознакомиться с ответами на посланные ранее запросы. Решив по ярко выраженному маринистскому характеру татуировки, что неизвестный имеет какое-то отношение к флоту, Томилин запросил отделы кадров пароходств, рыбников и некоторых других ведомств срочно сообщить обо всех случаях гибели или пропажи без вести в последние три года моряков, рыбаков, работников гидроэкспедиций и прочих людей, сопричастных прямо или косвенно морю. Большинство ответов, а они поступали из всех пунктов запроса, пестрели лаконичными, однообразными фразами, обрубающими все концы для поиска: не произошло, не было, нет. Некоторые ответы, где указывалось, что данное событие имело место и были дата и район погребения, он отложил в папку. Из пропавших его интересовали прежде всего те, кому сейчас могло быть около двадцати лет. Сужива круг, он вычеркнул двух женщин, укорив себя, что в спешке не указал в запросе пол.

Оставалось всего четыре человека. На всех были присланы

не только справки, ио и фотографии, малеиькие, со следами скрепок в левом верхнем углу.

Первой шла карточка совсем молодого, большеглазого, куриосого и светловолосого паренька в форме курсаита мореходного училища. В сопроводительиой записке сообщалось: Артюхин Геииадий Васильевич, родился в городе Уссурийске. Бесследио исчез из рыбацкого поселка Океаиский иа острове Птичьем во время стихийиого бедствия — неожидаииого удара цуиами». Далее следовало написаииое круглым аккуратиым и разборчивым почерком разъясиеиие, что оргаиизоваииые поиски успеха не имели и прекращеиы. Через абзац указывалось место происшествия и цель пребываиия Артюхииа иа острове. «Страиио,— иедоумеиио подумал Томилии,— а это зачем?» И стал читать дальше: «Проходил преддипломную штурмаискую практику иа сейиере «Алмаз». Значит, не местный житель. Старший лейтенант еще раз виимательио посмотрел на сиимок. Возраст подходит, остальиое — иичего общего, ни малейшего сходства. Жалко мальчишку. Парень, вероятно, хороший — глаза мечтательиые и добрые. Томилии вздохнул и хотел уже отложить фото, как вдруг ииже, в графе «Особые приметы», прочел: «На правом плече татуировка и иадпись «Попутиого ветра». «Постой, постой...— Ои сиова пробежал глазами сообщеиие.— У иеизвестного, по-моему, тоже нечто подобное»,— вспомнил ои. В пакете с доиесеиием об Артюхине лежала еще какая-то сложенная вчетверо бумажка. Старший лейтеиант развериул ее и даже вскочил от виезапио иахлыиувшего радостиого возбуждения. Какой же молодец кадровик! Как его фамилия? Сииицыиа Т.

— Умница, товарищ Сииицыиа Т., прелесть, спасибо! — громко сам себе сказал ои.— Могла бы ие написать, ио ие полеиилась — и правильио сделала!

Томилии сиял трубку и иабрал иомер госпиталя. Было заиято. Ои опустил трубку иа рычаг, и почти тотчас раздался дребезжащий, нетерпеливый звоиок.

— Двадцать три — сорок пять, Томилии. Да, да, я. Как? Когда? Иду иемедлеиио,— ои положил трубку и иесколько секунд, словио оглушеииый, сидел молча: сотрудиик, дежуривший в госпитале, сообщил, что полчаса назад медсестра, выходившая готовить ииструменты для ииъекций, возвратившись, обиаружила палату пустой.

В светлом и ослепительио белом кабииетике дежуриого врача молоденькая белобрысая медициискаая сестра, нервио перекладывая из руки в руку коробочку из-под лекарства, сбивчиво рассказывала Томилииу:

— Все иормальио было, честиое комсомольское. Ои спал хорошо, я иикуда не отлучалась. Ночиик включила и читала подшивку журиальную, у подруги взяла, «Вокруг света». Оиа

еще, Дуся, забегала, сказала, дескать, уж больно схож с Тихоновым, что Штирлица по телевизору играл. Он на спине лежал. Дышал ровио, тихо-тихо, не храпел. Да. В полдевятого отлучилась я,— оиа сильнее зашмыгала носом и слегка покрасиела,— по своим делам, но враз вернулась. Ои на месте был. Потом, перед самым обходом врача, около девяти — надо укол было сделать,— побежала в автоклавиую шприц взять с иголками.— Оиа всхлипиула и, выиув из кармаиа тщательио, до блеска, отглажеииого халатика маленький скомканиый платочек, вытерла глаза.— Возвращаюсь, а его иет. Я в коридор, туалет, туда-сюда — нигде нет. Тогда я вот к иим,— оиа кивиула в сторону сотрудиика, стоявшего у стекляиного шкафчика с медициискими инструментами.— Мы вместе обратио в палату. А его и след простыл.— Оиа высморкалась и замолчала.

— Ладно, не волиуйтесь.— Томилин подиял голову и ободряюще улыбиулся девушке.— Идите заиимайтесь своими делами.— Старший лейтеиаит отложил карандаш в сторону.

— И вышла-то мииут на пять, даже не знаю, куда ои мог пропасть.— Девушка, беспомощио опустив худеиькие плечи, побрела к двери, затем, обериувшись, добавила: — Мы и у дежуриой виизу спрашивали, и у вахтерши. Никто ничего ие знает, исчез, как человек-невидимка какой.

— Хорошо, успокойтесь.— Томилин повериулся к своему сотрудику.

Девушка вышла.

— Что вы скажете, страж бдительиый? — Ои укоризненио покачал головой.

— Виноват, товарищ старший лейтеиаит, устал очеиь, засиул в дежурке иапротив. Вчера доктор сказал: ие очнется до вечера. Вот и поиадеялся. Полиостью моя вина, девчонка ии при чем. Готов нести наказаиие, самое строгое. Проступок совершил серьезный.

— Да, серьезный,— задумчиво проговорил Томилии.— Отправляйтесь в отдел и доложите обо всем подробно. Хотя подождите.

Он сиял трубку телефоиа, иабрал номер руководства и рассказал о случившемся. Повесив трубку, немного подумал и спросил:

— В чем был одет?

— Белые больничиые трусы, и все. Правда, вот здесь висела сиияя флаиелевая пижама, а под кроватью чувяки-шлепаицы. Ничего этого иет.— Словно для того, чтобы убедить следователя, сержаит провел рукой по гладкой спинке кровати.

— Добро. Пойдемте.— Томилии вышел в коридор.

Малеиький плутоватый старичок с забинтоваииым горлом потяиул старшего лейтеианта за полу халата.

— Ай шапнона упустнлн нли что? Так мы, это самое, могем подсобить, поймать. А еще собаку бы надоть. Она завсегда против шапионов самый что ни на есть злейший враг.

Томилин улыбнулся, ничего не ответил и, дойдя до середины коридора, спустился вниз. Первый этаж был точно таким же, как н второй. Осмотрев его, они по широкой каменной лестнице вышли во двор и направились к проходной.

Старший лейтенант взглянул на часы. Прошло минут тридцать после звонка из госпиталя.

— Ничего. Далеко не уйдет.— Он повернулся к сержанту: — Идемте в отдел. У меня такое впечатление, что мы его там встретим...

Едва Томилин открыл скрипучую входную дверь управления, как навстречу ему поспешил дежурный.

— Вас ждут,— начал он,— какой-то весьма странный товарищ, только-только пришел. Рассказывает что-то сбивчиво об острове Варудснме. Мы решилн: это к вам,— н сразу позвонили в госпиталь, там ответилн, что вы ушли. И вот...

— Где он? — перебил Томилин.

— Около вашего кабинета сидит, ждет.

Старший лейтенант, провожаемый недоуменными взглядами офицера, опрометью, перескакивая через ступеньки, бросился по лестнице на второй этаж.

На узеньком деревянном диванчике, откинувшись на спинку, сидел человек. Услышав шаги, он поднял голову, и Томилин сразу его узнал. Никаких сомнений быть не могло — это был исчезнувшнй из госпиталя незнакомец. Увидев офицера, он поспешно вскочнл н уже собрался было что-то сказать — лицо взволнованно, волосы взлохмачены, глаза горят,— но Томилин его опередил:

— Пройдемте ко мне.— Он открыл дверь и посторонился, пропуская человека вперед.— Садитесь, пожалуйста.— Томнлин, обойдя стол, сел на свое место.— Слушаю вас.

— На острове Варудсиме бандиты. Там база, бывшая база японцев. Ее захватили. Нужно срочно что-то сделать! Они могут убить Токуду,— задыхаясь выпалил незнакомец.

— Успокойтесь, Алексей Константинович, меры уже приняты. Расскажите все по порядку.

— Откуда вы знаете мое имя? — Парень вытаращил глаза.

— Об этом потом. Сейчас расскажите о событиях последних дней.

Волнуясь, Бахусов поведал все, что с ним произошло.

— Та-ак,— протянул Томилин.— Дело в том, Алексей Константиновнч, что базы больше нет. На острове все уничтожено сильным землетрясением и извержением вулкана. Оно началось спустя десять минут после того, как вас оттуда сняли.

— Меня одного? А где же механик? — Бахусов вскочил.— Вместе со мной был инженер Экимото.

— Вы сидите, сидите. Когда подошли моряки с «Геркулеса», вы были один. Крепко, как в летаргическом сне, спали. Кругом никаких следов. Вы сказали, что место расположения рубильника системы самоликвидации знали только Токуда и механик?

— Да. Так мне сообщил комендант, перед тем как мы с Экимото побежали в туннель.

— Скорее всего, рубильник находился там, где сидел Токуда. Убедившись в вашей безопасности, он включил его и взорвал базу.

— А куда же делся Экимото? Он ведь был со мной рядом.

— Может быть, вернулся к своему старому товарищу, считая, что должен разделить его судьбу.

— Но как же с землетрясением?

— Этого я пока не знаю. Вероятно, взрыв или нарушение какого-то равновесия в чреве вулкана послужило причиной...

* * *

Охтин только что вернулся с Варудсимы и после душа лежал на диване, курил, пытаясь привести в стройную систему то, что там увидел.

В дверь постучали.

— Входите! — Он повернулся на бок и потянулся к пепельнице.

Вошел Томилин.

— О-о! Вот это да! — радостно воскликнул Охтин и вскочил.— Страж государства собственной персоной, милости прошу. Именно вы-то мне и нужны. Да вы садитесь!

Томилин пожал протянутую руку и сел к столу.

— Понимаете, пытаюсь разрешить одну загадку.— Охтин тоже сел.— Помните, когда мы здесь с вами беседовали, вы спросили, можно ли искусственно вызвать извержение?

— Помню,— подтвердил Томилин.

— Тогда я категорически это отрицал, а вот после обследования вулкана мечусь в сомнениях. Все факты и прогнозы сопоставил. На животе буквально оползал чуть ли не каждую фумароллу. Ничего не выходит. Извержения не должно было быть минимум еще лет тридцать. Такого же мнения придерживаются и японцы. А если бы оно и случилось, то совершенно в другом месте, через центральный, основной кратер. Если бы не абсолютная уверенность, что на острове никого нет, так бы и сказал: некто каким-то неведомым мне способом убыстрил события, дал мощный первоначальный импульс, помог лаве пробить путь к поверхности через паразитный кратер. Голова

идет кругом. Разрываюсь в противоречиях и все время натыкаюсь на пресловутый ответ: «Этого ие может быть, потому что ие может быть иикогда».

— А если может? — Томилин широко улыбиулся и рассказал то, что знал.

— Вот это да-а-а,— протяиул, всплеснув руками, Охтин.— Но как же вы-то узнали, что этот моряк и есть Бахусов?

— В доиесеиии об Артюхиие — его готовили люди добросовестные — лежала справка, что тогда же там погиб курсант Бахусов, и давались приметы, которые точио совпадали с приметами незиакомца. А иасторожила меия иеобычиая татуировка — иадпись «Попутиого ветра». Впоследствии я выяснил: Бахусов иакрыл друга своей курткой, в кармаие которой лежала его мореходиая киижка. Поиимаете, Артюхииа похороиили под фамилией Бахусова, а Артюхииа числили пропавшим без вести. К счастью кадровик положила оба документа и фотографии в одии конверт, связав эти события. Вот и все.

— Здорово, Михаил Аполлииарьевич, молодец!

Охтии и Томилии подошли к окиу и иекоторое время стояли молча, иаблюдая, как в рыбацкий «ковш» входил загружениый по самую ватерлинию краболов.

Игорь Росоховатский

УТРАЧЕННОЕ ЗВЕНО

Фантастический рассказ

I

Сквозь приспущенные веки я увидел такую неестественную и страшную картину, что поспешил признать ее нереальной, рожденной больным воображением. Говорю себе: «Немудрено, старина, в твоем положении и не такое почудится. Припомни-ка в срочном порядке тесты для успокоения, ведь фиасол давно кончился».

Пытаюсь приподняться, чтобы высвободить затекшую руку. Но сил не хватает даже на это. Двигательные механизмы скафандра вышли из строя. Система регенерации основательно повреждена. Хорошо, что остался цел запасной ранец. А что продолжает работать в моем организме?

Левую ногу сводит от резкой боли — значит, эта нога еще жива, а вот правая онемела и, возможно, превратилась в ненужный придаток, подобно отмершей ветке или сухому корню. Пальцами рук могу шевелить, но согнуть руки в локтях не удается. Однако больше всего меня пугает онемение, подымающееся от правой ноги. Оно уже охватило обручем поясницу и начинает каменить позвоночник. Все, что могло прийти мне на помощь, осталось на корабле. Вот он — высится бесполезной громадой в нескольких шагах.

Как мне удалось выбраться из него?

Помню только обрывки происшедшего. Пульт начал надвигаться на меня, угрожающе сверкая зелеными и красными глазами индикаторов. Красных становилось все больше, пока они не слились в сплошную полосу. Одновременно нарастал гул в ушах, вибрируя, поднимаясь от низкого утробного гудения до тончайшего визга. Затем прозвучали оглушительные щелчки.

Больше ничего не слышал. Готов утверждать, что после этого потерял сознание, и оно вернулось ко мне только сейчас. Но в таком случае как же я отстегнул ремни и вылез из амортизационного кресла? Как выбрался в коридор и прошел мимо четырех кают и склада к шлюзовой камере?..

Мысли путаются. Никак не могу выяснить, произошла ли катастрофа на самом деле, или мне только показалось. Голова кружится. Тошнит. Понимаю — сотрясение мозга, его «шуточки». Но вспомнить надо. Напрягаю память. Начинает бешено пульсировать жилка на виске. Кажется, еще одно усилие — и голова лопнет.

Передо мной — громада корабля, такая же беспомощная, как я. Нет, пожалуй, еще беспомощней. Выходит, мне не кажется — авария была!

Медленно всплывает в памяти синюшно-белое лицо Роланда, его изогнутое туловище, стянутое ремнями кресла. Голова почти касается пола. С нее падают вязкие красные капли...

Помню чей-то стон, хрипение. Это Борис. Борис, с которым вместе кончали училище в Харькове. Я потянулся к нему, но неодолимая сила отбросила меня в сторону, швырнула на пластиковую перегородку, вдавила в нее. Лопалась пластмасса, металл закручивало спиралями, как бумажные ленты. Хрустели кости, и я понимал, что это мои собственные. Как сказал бы Борис, других у меня не будет. Но и тогда — помню отчетливо — я успел подумать и порадоваться, что в кресле второго бортинженера нет на этот раз Глеба. Впервые с тех пор, как он начал летать на «Омеге», он не был со мной в одном экипаже. Это мое самое большое везение.

Мне становится стыдно за эгоизм этой мысли. Как будто кто-то может подслушать ее. Кто же? Борис? Он был верным другом. Другого такого у меня не будет...

Почему я думаю о нем в прошедшем времени?

И опять вместе со сладко-тошнотворным туманом, окутывающим мозг, возвращается бессмысленная надежда на то, что происшедшее, непоправимое мне только почудилось. Я чувствую, как губы складываются в дурацкую усмешку. И только громада корабля высится непререкаемой реальностью. Если, конечно, глаза не лгут...

Мне становится по-настоящему страшно за свой рассудок. Ведь дошло до того, что я перестал доверять собственному зрению. А светофильтры скафандра? И они лгут?

Сжимаю кулаки, собираю волю в кулак, говорю себе: «Авария произошла на самом деле. Ты, Подольский Матвей, бортинженер, космонавт первого класса, находишься рядом с кораблем, в котором остался весь его экипаж. Кроме тебя. Все остальные мертвы».

Теперь я вспоминаю, что на корабле остались аккумуляторы,

лекарства, установки для производства пищи — все, что крайне необходимо для жизни человеку. Меня знобит от предчувствия скорой гибели, и, ужасаясь, я одновременно радуюсь своему ужасу, потому что он свидетельствует: могу предвидеть, рассуждаю правильно — значит, в своем уме. Скоро иссякнет запас воздушной смеси и энергии для подогрева скафандра, истощится запасной ранец — и я останусь с космосом один на один. Он раздавит меня и не заметит этого.

Подобную беспомощность и отчаяние я пережил в детстве, когда перевернулась лодка. Я, только что игравший в неустрашимого Колумба, барахтался в ледяной воде, как котенок, бил по ней изо всех сил руками и ногами, пытался оттолкнуть ее от себя, вопил, когда мог, с остервенением выплевывая воду, звал на помощь. Там было кого звать — были родители, товарищи, просто знакомые и незнакомые люди. Да и враждебная — на некоторое время — среда была хорошо знакомой. Я знал, что воду можно выплюнуть, что с волной надо бороться, что течение удается преодолеть. Как я мечтал поскорей стать взрослым, научиться плавать и ничего не бояться!

А теперь, когда я набрался опыта, закалился, то встретился со средой, перед которой стал беспомощнее младенца.

Большие колючие звезды смотрят мимо меня. Им нет до меня никакого дела. Мне кажется, что лучи одной из них вытягиваются,— невольно пытаюсь вжать голову в плечи, будто звездный выброс может мгновенно достичь меня.

Чернота неба все больше бледнеет, размывается, с одного края подсвечивается сине-багровым спиртовым пламенем — там готовится взойти местное светило. Приборы корабля доносили нам, что его корпускулярное излучение в семь раз жестче излучения Солнца в спокойный год. Здесь нет атмосферы, и я знаю, что оно уже вторгается в меня даже сквозь трехслойную оболочку скафандра, начиненную поглотителями. Часа через три-четыре оно достигнет убойной силы...

Схорониться в корабле я не могу — после аварии и повреждения атомных стержней в двигателях радиация там во много раз превышает допустимую.

Мое лицо влажнеет, будто на него упали дождинки. Душно. Кажется, что сейчас пойдет дождь. Но тут же я опомнился: какой дождь здесь может идти, что пробьется сквозь пластмассу шлема? Это пот...

Подтягиваю к себе левую ногу и пытаюсь оттолкнуться от выступа в почве. Если бы удалось перебраться вон к той скале, я мог бы укрыться в ее тени от жгучих лучей, которые уже начинают плясать по камням длинными багрово-синими языками. Скала меняет цвет сразу, без переходов. Только что была черной. Стала синей. Другая скала тоже изменила цвет. Мне кажется, что изменилась и форма скал, их расположение.

Они словно повернулись друг к другу, чтобы проститься или заново познакомиться на рассвете. Черное небо приобретает цвет расплавленного олова. Прямые лучи режут его на части, кромсают, как лучи прожекторов.

Необычная картина. Приходится все время убеждать себя, что это реальность. Такая же, как и то, что я, единственный из экипажа «Омеги», остался жив. Один. Предоставленный самому себе.

Когда-то давно после проигранного состязания Борис утешал меня: «Ничего, за все неудачи судьба в будущем сразу отплатит одним большим выигрышем». И вот, пожалуйста... Нелепый случай наградил меня «везеньем». Мне удалось пока уцелеть. Я не погиб сразу, вместе со всеми, сумел каким-то чудом выбраться из корабля. При ударе не пострадали защитные кольца и не произошло взрыва. Судьба словно берегла меня... Для чего? Не придется ли вскоре завидовать мертвым?

Вообще-то меня никогда не считали везучим. Ничего в жизни не давалось даром. Рос я некрасивым, коренастым парнем с большой головой на короткой шее. Круглое лицо с растянутым ртом и крупным, расплюснутым на конце носом, оттопыренные уши. Никаких выдающихся способностей, разве что память цепкая. За всегдашнюю боязнь насмешек, настороженность и короткую стрижку друзья прозвали ежиком. Девушки в школе не обращали на меня никакого внимания. Я должен был вечно самоутверждаться, вечно доказывать что-то себе и окружающим. Только по этой причине учился я неплохо, иногда побеждал на математических олимпиадах. Правда, до первого или второго места не дотягивал, но в десятку сильнейших входил. Стал мастером спорта по шахматам и планерному спорту.

Потом — факультет электромеханики политехнического института. Работа на космодроме. Училище космонавтов в Харькове. Дружба с Борисом Корниловым. Первые полеты на окраины Солнечной системы, известность.

Девушки смотрели на меня уже с долей восхищения, и я этим умело пользовался. Женился на красивой девушке, Ольге, статной, длинноногой, с искрящимися весельем глазами. Через год она родила мне сына, Глебушку. Это были счастливые, безмятежные дни. Временно я опять перешел работать на космодром. Борис звал в рейс, но я крепился, сколько мог. Через четыре года не выдержал. Улетел на полтора года. Прилетел — и не узнал сына, так он подрос за это время. Он мог часами расспрашивать меня о кораблях, о космосе. Мне было хорошо с ним, и я даже побаивался, что больше не захочется улететь. Тогда я еще не знал, как трудно постоянно удерживать уважение жены и сына, как мне понадобятся

полеты, встречи с опасностями, испытания мужества и воли, слава...

...Малейшее движеиие отдается пронзительной болью в теле. Никогда еще так ясно я не осознавал единства жизни и боли. Передвигаюсь сантиметр за сантиметром и уже успел так устать, что страх быть изжаренным в собственном скафандре притупился. Тень медленно передвигается впереди меня — необычная тень, багрово-черная, посеребренная по краю. Я наблюдаю как бы со стороны за человеком в скафандре. Он пытается ползти, воет от боли. А в это время по его телу медленно ползет онемеиие. Там, где оно захватывает новый участок, боль исчезает. Можно остановнться, лечь пластом — и боль прекратится навсегда. Но человек движется, движется вопреки всему, и боится он не столько боли, сколько «спасительного» онемения.

Тень уже почти достигла холмика. До скалы совсем близко. Но и светило поднимается все быстрее. Тень укорачивается. Она уже только слегка обгоняет меня. Дышать становнтся намного труднее.

Вдали справа слышится шорох, н я опять невольно бросаю взгляд в том направлении, куда старался не смотреть. В мерцающем облаке, окутавшем гору, проступает нскаженное лицо, похожее на человеческое. Наверное, какнм-то образом там возникло мое отражение. Значит, это у меня сейчас такой перекошенный рот, безумные глаза. Но ведь то лицо видится мне не в овале скафандра. Потому и кажется таким страшным н неестественным, что я не могу объяснить его возникновения...

Спешу переключить созиание на другое. Вспоминаю, как однажды гулял с сыном — уже семнклассником — по заснеженному парку. Снег лежал горами... Снег... Я прокручиваю в воображении эти картииы, пока мне не становится чуточку прохладнее и легче. Вот что способно сделать воображение. Но оно может и другое... Например, создать вон то лицо...

Стоп! Я гулял с сыном по заснеженному парку, и он рассказывал мне, что вступил в кружок юных космонавтов, написал вступительиую работу и ее оценили наивысшим баллом. А теперь он, оказывается, готовнт к олнмпиаде чертеж звездного корабля новой конструкцин. («Совершенно серьезно, папа! Я показывал его Олегу Ивановнчу, н он сказал: «Классно! Из тебя, Подольский, выйдет конструктор!»)

Я кивал головой в ответ на его слова, а сам вспоминал, не тот ли это Олег Иванович, который однажды прнходил на космодром и приглашал меня выступить во Дворце пнонеров. В этом совпадеиии не было, конечно, ничего предосудительного, и моя слава могла быть ни при чем. Но я подозревал, как легко и приятно переоцеиить собственного сына, и оправдывал свою подозрительность.

На второй день я пришел к Олегу Ивановичу, и он подтвердил, что мой сын делает, по его мнению, весьма перспективную работу. Он так и выразился — «весьма перспективную» — и удивленно смотрел, как я озабоченно суплю брови. А я изо всех сил сдерживался, чтобы не расплыться в гордой и счастливой улыбке.

Супил брови я еще не раз — зачастую совершенно искренне,— когда Глебушку наперебой приглашали девушки на дни рождения и вечера танцев. Он внешне пошел в Ольгу — высокий, с краснвой круглой головой, четко очерченными, слегка полноватыми губами, с классическими носом и подбородком. Только уши подкачали — это были мои уши, торчком. Но он научился умело скрывать их густыми длинными волосами.

В девятом классе он получил первый болезненный щелчок — на школьной математической олимпиаде занял всего лишь седьмое место. Больше всего я огорчился, когда он начал искать для себя «оправдательные мотивы» и винить в предвзятости одного из членов жюри. Выходит, я что-то проглядел в своем сыне. И немудрено. Полеты, полеты... А сын тем временем рос. Я не сумел вовремя нейтрализовать похвалы и комплименты в его адрес. Но прекращать длительные отлучки не собирался. Не мог. Я уже накрепко привык, что Глеб гордится мной, собирает газетные и журнальные вырезки обо мне, показывает их своим друзьям...

Шорох слышится снова, затем звучит протяжное гудение. Мерцающее облако меняет очертания и цвет. Иссиня-черное, оно успело перемолоть отрог горы и создает из него подобие арки. Может быть, это не марево? Но в таком случае что же? Инопланетный корабль в защитной оболочке? А почему в нем проступает лицо человека?

Голова кружится, разламывается от боли. Такое состояние уже было у меня. Еще в юности я попал в аварию на планере. «Легкое сотрясение мозга»,— диагностировали потом врачи. А мне никак не удавалось вспомнить, на самом ли деле было падение, набежавшее под углом в сорок пять градусов поле, хруст дюраля, удар лицом о панель приборов. Осталась боль в губе, и я осторожно касался языком соленой вспухшей губы, пробуя ее «на реальность». Но как только я отнимал язык, мне казалось, что ничего не было, а падение просто почудилось.

Теперь же вместо разбитой губы — громада «Омеги» как непреложный факт случившегося. Почему же опять появились сомнения? Их пробудило возникновение марева, слишком уж неправдоподобно и призрачно мелькнувшее в нем лицо, слишком похоже на бред. А если причина этого — сумасшедшая надежда на помощь и действие на мозг лучей? Воображение способно и не на такое...

Надо как-то проверить реальность того, что я называю маревом, хотя бы независимость его существования от меня. Попробую исследовать его. Во-первых, надо испытать версию об инопланетном корабле, чтобы избавиться от соблазна несбыточной надежды. Но как это сделать?

Пытаюсь сосредоточиться на мысли — призыве о помощи. Включаю биоимпульсный усилитель, вкладываю в призыв всю силу воли, эмоций. Затем сигналю прожектором, применяя все известные мне межпланетные коды.

Марево никак не реагирует на мои попытки контакта, но и не исчезает.

Светило поднимается над горизонтом — багрово-синее, разбухшее, похожее на чудовищного спрута. Скалы начинают светиться. Температура повышается до пятидесяти градусов по Цельсию.

Задыхаюсь... Кожа на губах превращается в лохмотья. Язык деревенеет... Переключаю регулятор до конца. Все. Запаса кислорода хватит еще минут на двадцать. А потом? Не думать! Вспоминать о другом!

...После того как Борис вытащил меня из вездехода и мы вернулись на Землю, я долго объяснял шестилетнему сыну, почему у меня обгорели волосы и брови. А он снова и снова спрашивал:

— Ты больше не полетишь туда? Больше не полетишь?

— Да, да! — соврала за меня Ольга и прижала сына к себе. Золотистые искорки в ее глазах засверкали сильнее...

Мои воспоминания обрываются. Мне кажется, что очертания марева вдруг изменились, что оно каким-то образом слышит мои воспоминания и реагирует на них. Вот до чего может дойти больное воображение. Ну какое дело мареву до моих воспоминаний?

Приходится снова делать усилие, чтобы поймать оборванную нить мысли... Да, глаза Ольги с золотистыми искорками, от которых разбегаются первые легкие морщинки, когда она смеется. Ее глаза всегда улыбаются. Даже тогда, когда Глеб сказал:

— Предки, я люблю вас. Но надо же когда-нибудь предоставить чаду свободу делать собственные ошибки.— Он улыбнулся, но тут же плотно сжал губы.

Я уже тогда заметил у него эту привычку — все время плотно сжимать губы, поджимать, даже прикусывать нижнюю. Но ненадолго. Пухлые губы подростка опять наивно и доверчиво приоткрывались...

— Я решил окончательно. Буду поступать на астронавигаторский,— сказал Глеб.

— Мы ведь уже говорили об этом...

— Но ты меня ие убеднл. Когда-то сам Борнс Михайлович сказал, что я умею думать быстрее, чем...

— Нельзя переоценивать себя, сынок,— как можно мягче пронзнес я.— Каждому хочется это делать, особеиио в молодости, каждый цепляется за все, что подтверждает его самомнение. Поэтому возрастает опасиость переоцеикн. Молодой человек пылко мечтает, ему трудно отделить мечту от реальиости. И, мечтая, ои иередко завышает — или заиижает — свою значимость в обществе, свон способиостн и возможиости. Надо все время помнить, что истиина только цеиа, которую тебе иазначают другне. Ибо оиа определяется тем, что ты можешь дать людям. А это и есть то, чего ты сто́ишь иа самом деле...

Всегда, когда я волиовался н старался говорить проще н понятнее, моя речь менялась к худшему. Я иикак не мог вылезти нз зарослей словосплетеиий, одио из которых должио было объяснить второе, и в коице коицов растеряино умолкал в иадежде, что слушающий окажется поиятливым.

Глеб понял меня, ио согласнться не хотел. Ои потер подбородок, на котором иачиили прорастать жндкие, закручеииые жгутиками волосеики:

— Мие не нравится электромеханика, папа. У нас в семье уже есть одии электромехаиик. И потом я...

У иего чуть было ие вырвалось «способеи на большее». Професcня ииженера-космоиавта Глеба ие устранвала. Ему ие давали покоя лавры Бориса. Он хотел иачииать с того же, что и командир «Омеги» Борис Кориилов, а ие оставаться иа вторых ролях, как я. И иадо же было Борису сказать как-то, проиграв подряд две партин в шахматы Глебу: «Ты умеешь думать быстрее, чем я». Пожалуй, своему сыиу он ие сказал бы такого. Воздержался бы...

— У тебя нелады с геометрней,— иапомнил я.

Глеб вскочил со стула, глаза сузились, голос стал хриплым:

— Вечио ты вспоминаешь о деталях! Подумаешь — геометрня!

Ольга троиула меия за рукав, иапоминая, что мы условились ие доводить беседы с сыном до точки кипеиия.

Я умолк, и тогда сыи сел иа стул боком, подогиув под себя правую ногу, чтобы быть повыше и принять ту задиристую позу, которой я так ие любил. Его лицо цвета иезрелой чериики — он иедавио ездил с товарищами в горы — побледнело от волнеиия. Ои сглотнул слюиу и сказал:

— Да, ты не убедил меия, н я сделаю по-своему.

Глеб все же добился своего — поступил иа астроиавигаторский. Через год, иакопив «хвосты», перешел на электромехаиический. Учился он все хуже н хуже.

Скоро Глеб перестал переживать нз-за каждой тройки. Ои уже ие боролся за первые места, зато иаучился иаходить

виновных в свонх неудачах. Потом он прнвел в дом высокую худощавую девушку с капризиым ртом н длнниымн ногами. У нее было худое остроиосое лицо и почему-то с ямочками иа щеках.

— Познакомьтесь. Это Ирина.

Ои произиес ее имя так, что мы сразу пояяли: Ирнна — ие просто зиакомая.

Ольга радушно улыбнулась, но в следующнй момент выражение ее лица измеиилось: улыбка осталась, радушие исчезло. Я проследнл за взглядом жеиы, направленным на сапожки Ириыы. Оин были оторочеиы диковииным светло-коричиевым мехом. Ольга напряглась, подалась вперед:

— Элегаитно. Давио не видела иичего подобного.

Я достаточио изучил Ольгу, чтобы сразу же уловнть в ее голосе иедобрую настороженность. Девушка тоже ощутнла ее. Отвечая, оиа смотрела ие на Ольгу, а иа меня:

— Да! Это не синтетнка! Настоящий, натуральиый мех! Куиица. Ну и что?!

В ее словах явственно сквозил вызов.

Пробормотав наспех придумаиное извииеиие, я поспешио вышел из комиаты. Только самые заклятые модницы в наше время отваживаются надеть естествеиный мех. И для чего? Ведь синтетика и красивее, и прочнее. Кто же стаиет губить жнвотное ради моды? Такнх варваров осталось немиого.

Мне было ясно, что сын не уживется с ией.

Оии расстались меиее чем через год. На Ирину расставаиие не произвело иикакого впечатления, словно она разводилась ие впервые. Глеб проводил ее до такси. В тот деиь ои выглядел почти веселым. А затем помрачиел, плохо спал ночамн, осунулся.

Кое-как ои закончил электромеханическнй, некоторое время слоиялся без дела, и я упросил Бориса взять его к нам стажером. Сначала Глеб обрадовался и форме астролетчика, и тому, что будет летать с прославлеиным Корниловым. Потом его стала тяготить моя опека.

— Отец, нстниы тоже устаревают,— говорил он мие.— То, что было хорошо для твоего времеии, ие годится для моего. А потому ие лезь в мою жизнь со своими мерками.

Я молчал. Ответь ему что-нибудь сейчас — н он перейдет в другой экипаж.

Помию, в каком негодоваиии Глеб прибежал ко мие, когда получил выговор «с занесеннем» от иачальника управлеиия. Ои потрясал скомкаииой бумажкой, потом швырнул ее на стол, кое-как разгладил и крикиул:

— Читай это... это!..

Ои ие иаходил подходящих слов, чтобы выразнть свое возмущеиие.

— Я же предупреждал тебя. Ты постоянно нарушаешь правила техники безопасности...

— Значит, ты знал, что готовится приказ?! Знал и...— Ему в рот попала волосинка. Он старался ее выплюнуть, но слишком волновался. Его движения были беспорядочными.

— Поговорим позже, когда ты успокоишься.

— Нет, сейчас! Сию минуту! — Он все еще не мог справиться с волосинкой, и от этого злился все больше.

— Ну что ж, изволь. Правила безопасности одинаковы для всех нас. Их создавали, чтобы выполнять.

— Казенные фразы!

— И тем не менее они точны, сын.

— А ты... Ты поддерживаешь эту... подлость? Чуть что — и приказ. А ведь ты говорил мне и другие так называемые прописные истины. Например: из каждого правила бывают исключения.

«Не только говорил, но и делал их. Для тебя,— думал я.— Да, сынок, это называется отцовской слабостью. А если по совести, то отцовской слепотой. Надо было предвидеть последствия, можно было их предвидеть. А я позволил тебе больше, чем позволят посторонние. Я прощал тебе то, что другие не простят...»

— Скажу тебе откровенно, отец. Дело не в правилах. Ты просто боишься поднять голос за правду. Как же, восстать против приказа начальства! Предать собственного сына легче и безопаснее...

Его лицо исказилось. Он хотел изобразить презрительную гримасу, но губы беспомощно дрожали, и на нижней губе дрожала приклеившаяся волосинка. Щеки дергались и кумачево пылали. Все-таки он оставался еще мальчишкой. Внезапно он схватил листок, где был отпечатан приказ о выговоре, свернул его в трубку, сделал свистульку, пищик. И когда я сказал: «Ты поймешь позже, сынок», он быстро поднес пищик к губам и в ответ мне издевательски свистнул.

Я заложил руки за поясницу: левая удерживала правую. Я молчал. Не потому, что помнил о своей вине. Но если продолжать спор, он уйдет из экипажа. Уйдет, чтобы не работать рядом со мной. «Рано,— думал я, сжимая руку,— рано».

В его глазах — глазах Ольги — сверкали укор, вызов, злость, почти ненависть. Как он был похож на нее в ту минуту, как похож!

...И снова мне кажется, что марево меняет очертания. Это потому, что светило поднялось уже в растопленное оловянное небо. Оттуда бьют языки синего пламени. Печет сквозь скафандр, сквозь череп. Кажется, что мозг плавится, что вместо него какая-то мутная, липкая, застойная болтушка. И вот уже шлем скафандра, и шапочка, и волосы будто и не существуют. Все это

чужое, постороннее. Шлем скафандра как бы надет прямо на шею. А под ним кишат и барахтаются раздавленные мысли, раздавленные воспоминания, пробуют выбраться наружу. Тонко и пронзительно где-то свистит, завывает; если бы здесь был ветер, я бы подумал: «ветер», если бы был песок, подумал бы: «песок». Но здесь нет ничего этого, привычного, кроме тверди из базальтов и гранитов, кроме адской жары и... марева. Вот оно оставляет скалу и устремляется ко мне. Обтекает груды камней, оставляя на них какие-то светящиеся точки...

Оно все ближе и ближе. И вдруг исчезает корабль, скалы, языки пламени, льющнеся с неба. Нет, не исчезают, а отдаляются. Я вижу их сквозь зеленоватую дымку. Проходит саднящая боль в голове, в ноге. По телу разливается нстома. Я чувствую обе ноги...

И, еще ничего не понимая, я уже каким-то шестым чувством знаю: спасший меня — рядом. Не могу увидеть его, притронуться к нему, но могу обратиться к нему с надеждой, что он поймет. И я говорю:

— Спасибо за спасенне. Кто ты?

Конечно, я не надеюсь сразу услышать ответ, я даже не питаю надежд, что он понял меня. Но едва успелн затнхнуть мои слова, как где-то совсем рядом, а может быть, во мне самом прозвучало...

II

Я уже давно заметил его. Маленькая скрюченная фигурка рядом с потерпевшим аварию кораблем. Жаль корабль. Девять систем связи, отличное покрытие, устойчивая конструкция. Вложено столько мыслей н труда! И вот за шесть н восемь десятых секунды — гора почти бесполезного металлнческого н пластмассового лома. «Почти» — это восемьдесят два процента. Отдельные блокн н части можно еще использовать. А троих людей, оставшихся в салоне, использовать полностью нли частично нельзя. Никакой полезной работы они уже не совершат. У людей это называется «мертвы». И последний из экипажа, четвертый, скоро тоже станет мертв. Но пока он пытается спастись, добраться до скалы. Даже если он доберется до нее, то лншь отсрочит свою гибель. На период от одного до трех часов.

Он заметил меня. Пробует выяснить, кто я такой. Если узнает, станет просить о помощи.

Я истратил на наблюдение за ним четыре секунды. Достаточно. Пора приниматься за дело. Возьму пробы грунта.

Запускаю нзлучателн на половнну мощностн. Одновременно анализирую пробы. Фиолетовое свечение крупннок свндетель-

ствует о наличии в них титана. Удача. Он мне и нужен для создания сплава.

Человек пытается привлечь мое внимание. Я бы совсем перестал замечать его, но какие-то обрывки воспоминаний, сохранившиеся в блоках памяти после чистки, не дают это сделать, будоражат ассоциативные участки, вторгаются в плавное течение мыслей, сбивают его. Надо будет основательно просмотреть блоки памяти, стереть из них все лишнее, отвлекающее. Придется еще раз перестроить и механизм считывания.

В грунте планеты есть титановая и цинковая руды. Значит, у меня будет сплав, из которого можно затем получить кристаллы-накопители. Сколько же их потребуется? $7(10068301+ +12^6):9$...

Человек манипулирует прожектором, посылает световые сигналы. Он думает, что я не заметил его. И еще он хочет, чтобы я понял: он — существо разумное. Ну что ж, это правда, хотя разум его и ограничен — не может справиться с нынешней задачей на выживание. Он разумен настолько, насколько разума в него успели и смогли вложить: предки — в генах, учителя — с помощью словарного и цифрового кода.

Возможности самопрограммирования у него невелики — намного меньше, чем у меня. И все-таки отчего-то жаль, что это существо ничем мне не может пригодиться...

Мои приемники отлично настроены. Блоком ЗВ воспринимаю его психическое состояние. Он читает свою память. Есть ли в ней что-либо интересное для меня? Он вспоминает маленького человека — свою копию. Называется — «сын». Затем вспоминает существо другого пола, необходимое при скрещивании и генетической сверке для получения копии. Оно и вынашивает копию в своем организме. Называется — «жена». Зачем он вызывает их в памяти? Ни жена, ни сын ему сейчас не помогут решить задачу на выживание. Они для него бесполезны почти настолько же, насколько он — для меня.

Конечно, в памяти следует хранить неопределенное множество всяческих сведений, ибо трудно предвидеть, какие из них пригодятся в бесконечности ситуаций, возникающих во времени. Но извлекать из памяти нужно только те сведения, которые работают в данной ситуации. Механизм извлечения должен быть предельно отлажен. Я переделывал и капитально усовершенствовал его 116 раз, начиная с прохождения нуль-пространства. Если бы не эти переделки, я не смог бы даже подойти к Горловине. Капсула энергетической оболочки, которую я образовал вокруг себя из нейтральных частиц, оказалась не совсем такой, как я предполагал. Пришлось дополнить ее вторым слоем из частиц высоких энергий. И все же в Горловине капсула деформировалась, поля перемещались,

вгибались виутрь и иачннали растворять само «ядрышко». А этим «ядрышком» был я, моя личиость, мой разум, пытающийся постичь загадку Вселениой, тайиу жизии и смерти, составить едииое уравиеиие развития материи.

«В критической ситуации,— говорил мой учнтель н создатель,— ориеитируйся на главиый параметр твоих понсков. Ои будет храииться под шифром «а». Если иужио будет, сосредоточь все виимаиие только иа нем».

Я совершил предиазиачеиное. На грaиицах бытия и небытия составлял и пересоставлял звенья уравиеиия, сводил нх в одио целое. Проверял и перепроверял. Отбрасывал ненужное. Трудио оцеиить тяжесть моего труда. По сравиеиию с тем, что сделаио, осталось не так уж много. Для завершення уравиения иужио в первую очередь иайти одио утрачеииое звеио. В самом иачале моего страиствоваиия я уже включал его в уравиеиие. Об этом свидетельствуют пробелы в памяти, пробелы в символах, которыми кодирую коицы звеньев. Оно исчезло, забылось иа более поздиих этапах. Возможио, каким-то образом я стер его из памяти, когда переделывал себя перед входом в Горловину...

Что-то мешает мие спокойно анализировать.

Оказывается, я все же иаблюдаю за человеком, который пытается спастнсь от нзлучеиия. Меия иитересуют его воспомииаиия. Но что же в иих особеииого? Ои вспомииал сыиа, теперь — жену. Он очень волиуется, ои любил ее... ЛЮБИЛ... Четко восприиимаю его психическое состояиие. Что-то зиакомое чудится мие в его биоволиах. Узиáю, почему мие знакомо его состояиие, и продолжу аиализ груита. Как медлеиио он вспоминает! Температура окружающей среды повышается быстро. Придется помочь ему, отдалить его гнбель, хотя бы иа то время, пока ие получу ответ на внезапио возникший вопрос.

Я любопытен.

III

— Спасибо за спасенне. Кто ты? — спрашивает человек, ие надеясь получить ответ.

Но тут же слышит:

— Я сигом.

— Сигом? Повтори, пожалуйста,— боясь, что это слуховая галлюцииация, шепчет человек.— Ты создаи людьмн, на Земле?

— Да, создаи иа Земле. В ииституте эволюциоииого моделироваиия.

Слова ответа звучат сухо и бесстрастио, ио человек этого ие замечает. Надежда на спасение и радость встречи нахлынули

и потрясли его с такой силой, что он никак не может опомниться. Одиночество закончилось. Ведь он встретил не просто робота с космической спасательной станции. Сигом — гомо синтетикус, человек синтетический, ч е л о в е к! Теперь на этой проклятой планете двое людей. Сигом — порождение человеческого ума, помощник и продолжатель. Он может работать там, где гомо сапиенсу существовать невозможно. Когда два этих существа — отец и сын — вместе, им ничто не страшно. Невероятная встреча! Один шанс на миллион, на миллиард...

«Постой,— подумал все еще пьяный от радости человек.— Почему я считаю это везение невероятным? Ведь мы создавали сигомов, чтобы они помогали нам осваивать космос и спасали нас». Он говорит сигому:

— Ты принял такую удивительную форму, что узнать тебя невозможно.

— Форма зависит от цели. Я проходил Горловину, составлял уравнение развития материи. Пришлось изменить не только форму и материал...

Это «не только» на какое-то мгновение настораживают человека, но он отмахивается от своих страхов. Теперь, когда рядом сигом, он чувствует себя уверенным.

— Ты осмотрел корабль? — спрашивает он.

— Его очень трудно отремонтировать,— откликается сигом и, предугадывая следующий вопрос человека, добавляет: — Людей оживить невозможно. Клетки их мозга уже погибли.

— Необходимо срочно закапсулировать трупы и наладить системы жизнеобеспечения корабля. Потом примемся за системы движения и навигации.

— Корабль восстановить трудно,— терпеливо повторяет сигом.— На это уйдет много времени и усилий. Не смогу одновременно продолжать свои вычисления.

Человеку не нравятся слова сигома. Теперь он уже не может отмахнуться от опасений. Он спрашивает:

— А что предлагаешь ты? Что нужно предпринять, по твоему мнению?

Вместо ответа сигом говорит о другом:

— Пройдя Горловину и увидев Вселенную извне, я сумел почти закончить уравнение, но обнаружил, что утратил одно необходимое звено. Возможно, я стер его из памяти, когда перестраивал себя перед прыжком в Горловину. В памяти остался только след. Он указывает, что звено это я записал в самом начале моей жизни. Вот и пришлось вернуться в вашу Галактику...

В его словах скрыт вопрос, словно он надеется, что человек подскажет, где искать утерянное.

Человек спрашивает резко:

— Ты не поможешь мне? Оставншь меня погнбать?

— Я уже объяснял тебе, чем заннмаюсь. Разве это не важная цель?

— Важная,— признает человек н задумывается.

Теперь уже сигому не нравятся новые его мысли н слова.

— Зачем тогда ты отвлекался от нее? Зачем спасал меня от нзлучення светнла?

— Не знаю. Услышал твон воспомннання. Онн почему-то повлнялн на ход монх мыслей. Пронзошел сбой в аналитнческих структурах шестнадцатого блока...

Человек молчнт. Переход от радостн к отчаянню оказался слншком болезненным для него. Он думает: «Вот н осуществнлось нзвечное наше стремленне, чтобы детн были совершеннее нас...»

IV

Мы ремонтировалн пульт, н я ннкак не мог отладнть контакты с снстемой гндроскопов. В полном нзнеможеннн я опустнлся в кресло. Болелн шея и плечн от напряження. Зато прошла головная боль. В голове просто шумело, как будто там работал вентнлятор, проветрнвая мозг.

Я смотрел пустым невндящнм взглядом на развороченный пульт, на разноцветные проводки, вылезшне нз-под стабнлнзатора. Блнкн света нгралн на пластмассе, прндавая всему этому скопнщу деталей неуместный нарядный внд.

Послышались быстрые шагн. Я сразу узнал нх. Даже сквозь дремоту я всегда узнавал шаги трех людей.

Я быстро встал нз кресла н взял в руку индикатор. Стараясь выглядеть как можно деловнтее н увереннее, подошел к пульту.

Шагн затнхлн за моей спнной. На затылке я почувствовал теплоту дыхання. Дорого бы я дал за то, чтобы он обнял меня, как лет двенадцать назад, н попроснл объяснить какую-нибудь задачу нлн просто о чем-то спроснл. Но я не мог даже обернуться к нему. Ведь тогда он заметнт мою растерянность. Я ннже склоннлся над пультом н стал замерять напряжение на входе н выходе стабнлнзатора. Потом подтянул контакты н снова замернл.

Он молча наблюдал за монмн действнямн. Проходнлн минуты. Почему-то застрекотал счетчнк. И как раз в эту мннуту Глеб сказал со смешком:

— Батя, склеротнк мой родной, ты ведь забыл закрепнть подводку от угломера. Даже нздалн вндно, как шкала внбрнрует...

Нет, меня не слова его ужалнлн, хоть шутка была грубоватой. Не тон. Но ведь фраза означала, что он уже несколько

минут как заметил мою оплошность и наблюдал, как я навожу тень на плетень. Интересно знать, какие чувства вызывала в нем моя беспомощность? Удивление? Сочувствие? Насмешку?

— Давай отвертку, батя, помогу.

Я толкнул к нему отвертку. Она покатилась по шкале, но он успел подхватить ее.

— Ну вот, сейчас будет порядок,— рокотал он довольно, как ни в чем не бывало.— Помнишь, ты учил меня? — Он заговорил моим голосом. Подражал он умело: мои друзья часто не различали, кто с ними говорит по телефону.— Во-первых, нельзя быть растяпой, во-вторых, нельзя быть растяпой, в-третьих...

Я резко обернулся к нему. Что-то было в моем взгляде такое, что он тотчас умолк. Но уже через минуту протянул капризно, как в школьные годы:

— Ну и что тут такого? Тебе можно было, а мне — нет?

Не мог же я объяснить ему, что возраст берет свое, что после очередной комиссии меня хотели перевести на космодром, что я и сам понимаю: пора уходить из экипажа. И ушел бы, если бы не он...

— Спасибо, сынок, что помог,— сказал я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.— Глаза молодые, сразу заметил.

Он по-своему понял меня:

— Опять «молодо-зелено»? И не думай, я вижу, что ты обиделся. А за что? Что я сказал? Просто нам нельзя работать в одном экипаже. Это я давно тебе говорил. Ты становишься не в меру раздражительным, хочешь все на мне вымещать.

Я молчал.

Он не унимался:

— Серьезно, отец. Ни к чему твоя опека, и это раздражение по поводу и без оного. Разреши мне перейти к Кравчуку. Не мешай.

«Рано,— думал я.— Рано».

— Извини, сынок, устал я.— Против воли мой голос был заискивающим, хоть за это я готов был уничтожить себя.— Мне без тебя трудно будет. И маме так спокойнее...

Я пользовался недозволенным приемом, я унижался. Но мне надо было во что бы то ни стало еще подержать его подле себя и Бориса...

V

Человек говорит сигому:

— Жаль, что произошел сбой. Я-то думал, что ты неуязвим. Ведь с самого начала тебя создавали мощным и совершенным людн.— Он выделяет слово «люди», почти выкрикивает его.

Но сигом словно и не замечает его интонации:

— Да, странно. Тем более теперь, когда я много раз переделывал свои структуры и системы. Я создал свой организм не из вещества, а из лунтра.

— Что такое лунтр?

— Нечто подобное плазме. Переходное состояние между веществом и энергией. Так мне легче изменяться в зависимости от условий.

Сигом на миг умолкает. Раздается жужжание механизмов, берущих пробы грунта. Сквозь дымку пыли становится видна вершина горы.

— Ты совершенно беззащитен перед открытым космосом,— резюмирует сигом.

— И что же? — настороженно шепчет человек, уже понимая, куда клонит сигом.

— Но разве такая мощная система по переработке информации, как я, должна заниматься спасением неудачной системы? Разве это не противоречит элементарной логике?

— Противоречит,— подтверждает человек и думает, что основам элементарной логики научили сигома люди.

VI

Об «Эволюторе» я когда-то читал в книге. Очень давно в Киевском институте кибернетики поставили такой опыт: в памяти вычислительной машины создали условные островки и поселили на них условных существ. С каждого островка можно было перебраться на два соседних — влево и вправо. Программа обусловливала: островки очень малы и прожить на каждом может лишь одно существо, ибо за одно посещение оно съест всю растущую там траву.

Пункты-законы программы очень жестки: выживут и оставят потомство только те существа, которые познают законы природы — условия возобновления пищи на островах — и выберут наилучшие маршруты передвижения.

Итак, в памяти машины была смоделирована эволюция, испытывались разные законы, разные пути — уточнялось, какие из них рациональнее, какие ведут к вымиранию, а какие — к выживанию и совершенствованию. В частности, испытывался и один «гуманный закон»: бороться за остров можно только со взрослыми обитателями, несовершеннолетние находятся вне конкуренции.

Жизнеспособным оказалось «сообщество существ», неизменно следовавшее этому закону. С математической точностью и ясностью установили, что он не только гуманный, но и разумный.

Такие примеры, доказывающие, что гуманность разума,

применялись потом в психоробике[1] для программирования роботов, в том числе и самых сложных. Интегральных роботов, дальних предков сигома, учили, что помощь слабым и менее совершенным системам является разумной нормой поведения. Неужели же сигом, перестраивая себя, стер из памяти этот основополагающий закон?

И снова вспомнилось мне, как однажды Борис вытаскивал меня — обожженного, искалеченного — из кабины вездехода. Машина должна была вот-вот взорваться, и вместо одного человека погибли бы двое. Это явно противоречило элементарной логике. Но Борис тащил...

Вездеход взорвался через несколько секунд после того, как мы успели отползти в расщелину. Нам невероятно повезло.

А спустя несколько лет в ржавых песках я нес на спине раненого Бориса, и он хрипел: «Оставь, все равно мне конец».

Кровавая пелена обволакивала мое сознание. Я падал на колючий песок, подымался и тащил Бориса дальше, зная, что мне с такой ношей не дойти до лагеря, а наткнуться на патруль надежды почти не было.

Но я нес Бориса — и это не являлось благодарностью, платой за мое спасение. Я поступил бы так же, будь на месте Бориса любой другой человек. Это тоже противоречило элементарной логике, но так уже очень давно поступают все люди, а разумность нашего поведения отмеряет само существование рода человеческого...

VII

«Он ошибается. В поступках, о которых он вспоминает, есть логика. Один спас другого. Подал пример. Затем другой спасает первого. Хочешь, чтобы тебе помогли, помогай другим.

Однако, следует добавить: помогай тем, кто в силах сейчас или потом помочь тебе.

Но почему же он этого не понимает? В условиях, когда гибель придвинулась к нему вплотную, он думает не о своем спасении, а о других существах. Самые жесткие законы программы — жажда жизни, страх перед смертью — оказались не всесильны. Он перешагнул через них. Это тяжко. Очень. Когда мне надо было изменить какое-нибудь правило программы, на расчеты и пересчеты, а особенно на волевое усилие уходила значительная часть запаса энергии.

Ему же это сделать намного тяжелее. Он рискует бо́льшим. Надо подумать над загадкой...»

---

[1] Психоробика — наука, психология роботов, одно из направлений робототехники.

Сигом вызвал в памяти сведения об организме человека. Он лишний раз убедился, насколько хрупок и беззащитен этот организм, но не расшифровал загадку поведения человека.

«...А что, если он в чем-то прав и я действительно забыл нечто важное, когда перестраивал себя? Нет, не может этого быть. Ведь я всегда помнил элементарные правила: «Есть части организма, в особенности части мозга, неразрывно связанные с главными отличительными чертами личности. Замену таких частей следует производить лишь после переписи всей информации с них на новые части и тщательной проверки новой записи». Иначе говоря — «легко вернуть мгновение, если оно записано в памяти, но и прошедшая эпоха перестанет существовать, если о ней забыть». Я помнил все правила, которые признал верными, и действовал в точном соответствии с ними. Если я забыл что-то, то это было несущественным...»

VIII

— Ты ошибаешься,— говорит сигом человеку.— Ничего существенного я забыть не мог. Однако я помню и пословицу: «Время дорого вовремя, даже когда в запасе бессмертие».

— Но для чего тебе экономить время?

— Чтобы сделать то, для чего я был создан. Узнать, есть ли ритм и закономерность рождения и гибели галактик, Вселенной. Составить уравнение развития материи. Решить его.

— Для кого?

— Для себя. Хочу знать.

«Бедняга,— думает человек.— Сильный бедняга. Впрочем, еще древние предостерегали: «Хотим детей не добрых, но сильных. А захотят ли сильные дети слабых родителей?»

IX

...Я услышал, как за перегородкой произнесли мою фамилию, и стал прислушиваться.

— Хорошо бы его включить в экипаж «Титании», лучшего специалиста не найдем,— прозвучал голос заместителя начальника управления Рыбакова. Это был неулыбчивый, требовательный до придирчивости человек. Зато все знали: если уж экипаж подбирал и экспедицию снаряжал Рыбаков, за исход ее можно быть спокойным.

Даже мои недруги не упрекали меня в нескромности. Но тогда я подумал: «Значит, рано списывать меня на космодром. Еще бы! Опыт тоже чего-то стоит, а в некоторых случаях он может перевесить молодую задорную силу!»

— Все-таки он в последнее время стал сдавать,— с сомнением ответил другой голос, кажется начальника отдела комплектации.— Ничего не поделаешь, годы берут свое. Ему уже за шестьдесят.

— Да я не о старшем Подольском! О сыне его! — пророкотал Рыбаков.— Кстати, согласием его заручился. Он оговорил лишь: «Если отец не будет возражать». Надо со старшим Подольским потолковать...

Я прислонился к стене. На лбу выступили капли пота, словно кто-то напоил меня липовым чаем и, как говорила Ольга, согрел сердце. Мои губы сами собой растягивались в блаженной самодовольной улыбке. Выходит, не напрасны были ни мое упорство, ни заботы, ни унижения. Добился-таки своего. Вот и Борис мне говорил, что Глеб становится отличным работником. А я все опасался, думал — он нахваливает его, чтобы сделать мне приятное. Боялся я поверить в Глеба после срывов, неудач, разочарований, хотя и все чаще подмечал у него свои привычки, даже иногда свои интонации. Впрочем, надо отдать сыну должное — у меня никогда не было его стремительной хватки.

На обед в тот день у нас был нелюбимый мною овощной суп. Я попросил добавку, и Ольга подозрительно посмотрела на меня, улыбнулась:

— Выглядишь сегодня именинником. Что это за сюрприз тебя распирает? Ну-ка выкладывай. Премию получил? Наградили?

Глеб пристально, не мигая, смотрел на меня. Он-то уже знал новость и обдумывал, как бы поосторожнее ее нам преподнести.

— Это Глебка наш именинник. Его включили в экипаж «Титании».

Сказал и осекся. Ольга побледнела, опустила руки на плечи Глебу, словно хотела прикрыть от опасности.

— Не волнуйся, мама, все будет хорошо,— сказал Глеб и потерся щекой о ее руку, но смотрел он на меня. Удивление, расширившее его глаза, сменилось другим чувством, которое я так давно мечтал в нем вызвать.— Правда, отец? — И он заговорщицки подмигнул мне...

X

«...Что-то продолжает беспокоить меня в его воспоминаниях. Не могу определить, зафиксировать, вычислить. Что же это сын, о котором он так часто думает? Люди склонны романтизировать детство и юность. Вспоминая их, они волнуются. Но если проанализировать беспристрастно, то детство и юность это: первое — неопытность, которую они стесняются назвать глу-

постью, предпочитая слово «наивность»; второе — неумение предвидеть последствия своих поступков; третье — отсюда поспешность и вследствие неполного анализа ситуации так называемая решительность; четвертое — сравнительно меньшая, чем у взрослых, доза корыстолюбия, которую они идеализируют, называя бескорыстностью. Она существует лишь за счет неопытности, а не вследствие доброты.

Когда-то, читая их книги, особенно художественную литературу, и сравнивая с непосредственными наблюдениями, я установил: человек представляет себя таким, каким ему хочется быть. Он уже настолько усложнился в собственном воображении, что стал бояться себя. А на самом деле человек по своему внутреннему устройству прост, даже примитивен. Сложным его делает среда. Достаточно бросить обыкновенный обрывок веревки в воду, и он обретает подобие живого существа — извивается, ныряет, всплывает... Чем сложнее поток воды, тем сложнее и движение обрывка веревки.

А человек, как всякое живое существо, стремится не раствориться во внешнем мире, сохранить себя и для этого выбрать оптимальную линию поведения. Ему приходится постоянно обрабатывать информацию, получаемую извне через органы чувств, и сравнивать ее с информацией, идущей от внутренних органов. Поэтому прав был ученый, сказавший, что среда, проходя через человека, становится как бы сложнее, приобретает новые свойства. И не прав был другой, предположивший, что поэтому, возможно, Вселенной и понадобилось изобретать человека.

Нет, меня беспокоят не воспоминания отца о сыне, а то, как отец вел себя тогда и как он вспоминает об этом сейчас. Анализ его поведения получается неполным. Значит, завершить его мешают пробелы в моей памяти. Информация, которой у меня либо не было, либо я ее стер, когда переделывал себя, либо не могу ее извлечь. Обиднее всего, если я ее стер...»

Сигом продолжает анализировать, совершает миллиарды мыслительных операций в секунду. Он уже понимает, что пробелы в памяти как-то связаны с утраченным звеном, необходимо установить, как они возникли. В этом ему может помочь разговор с человеком. Но с другой стороны, очень важно вовремя преодолеть свои сомнения, не зациклиться на них.

Сигом хорошо знает цену сомнения — этого свойства разума, полученного им в наследство от человека. Сомнение способно помочь обнаружить ошибки на пройденном пути, исправить их и выйти к цели, но оно может перейти в застойную болезнь, разрушающую разум...

XI

— Придется кое-что тебе объяснить,— говорит сигом.— Может быть, ты поймешь, как дорого мне время, и осознаешь необходимость моих поступков. С самого моего сотворения мир был для меня прежде всего информацией, разнообразным сочетанием элементов, их движением, перестановками. Рождение и гибель миров представлялись мне бесконечным встряхиванием стакана с игральными костями, чтобы выяснить все их возможные сочетания. И я решил вывести, как говорили у вас в старину, «закон рулетки» для Вселенной и понять направление развития материи...

— Непосильная задача даже для тебя,— говорит человек и внутренне ежится, словно ему холодно от бесконечности Вселенной.

— Теперь ты хоть немного представляешь мою задачу. Знай еще, что мне с самого начала пришлось искать общее между такими разными существами, как амеба и человек, как улитка и сокол, как вирусы и обезьяны...

— У живых существ много общих параметров,— откликается человек.

— Мне надо было выделить главные, объединяющие, описать, включить в уравнение...

— Какой параметр ты счел главнейшим? — без тени насмешки, даже мысленно, спрашивает человек.

— Познание мира, в котором они живут. Каждое существо познает по-своему участок среды, подобно крохотной линзе отражает кусочек мира, собирает свою капельку информации. Это похоже на то, как пчелы наполняют соты медом...

— И ты решил отведать сразу весь мед? — спрашивает человек.

— Ты правильно понял мои намерения, но не веришь в мои возможности, потому что не можешь их представить. А ведь с самого начала я был создан вами, людьми, в качестве инструмента для познания мира. Это больше, чем что-либо другое, роднило меня со всеми живыми существами...

Что-то недосказанное осталось в паузе, наступившей после слов сигома. Человек понял, что эту паузу сигом не хочет заполнять.

— Иногда мне кажется, что утраченное звено надо искать в неживой природе, иногда — что я утерял какой-то важный параметр, объединяющий все живые существа, на каких бы планетах они ни обитали, какие бы формы ни имели. Если мне удастся восстановить этот параметр, я восстановлю утраченное звено уравнения. А тогда недалеко и до окончания моего труда. Я выстрою уравнение и решу его. Я узнаю о мире не только каков он на самом деле, но и каким он должен быть. Осознаешь

теперь важность моего труда? Что значит твоя жизнь в сравненни с ннм? Могу ли я тратить время на твое спасение?

— Не можешь,— говорит человек, сурово и скорбно поджав губы.

— Не должен,— соглашается сигом. В его голосе оттенок раздумья: он удивляется нелогичности своего поступка — тому, что вопреки выводам все еще тратит время на человека.

А тот думает: «Кажется, что-то человеческое все же осталось в нем. Возможно, он не просто машина для познання мира. Возможно, он не лишил себя памяти о былом. У него могут быть повреждены или заблокированы только механизмы активнзации памяти, извлечення нз нее какой-то группы сведений. В таком случае не все пропало. Если сохранилось «вчера», будет и «завтра». Он может из машины снова стать сигомом — сыном человеческим. Тогда он и в самом деле сумеет если не достичь цели, то хотя бы продвинуться к ней».

Человеку становится жаль сигома, ибо он уже представляет, каким жестоким явится позднее раскаяние, каким холодным и пустым станет для сигома космос после того, как он оставит человека на произвол судьбы. Но умолять о помощи человек не будет. Он бы не сделал этого даже перед собственным сыном. Он не переступит через свое достоинство.

— Я постараюсь сам починить корабль и выбраться отсюда,— говорит он.— Силы ко мне возвращаются...

Он пытается даже встать, но не может. Единственное, что, как ему кажется, удалось,— это скрыть от сигома свою попытку встать, свою слабость...

XII

«Теперь он думает не о своем сыне, а обо мне, чужом. Но думает не так, как о чужом. Он беспоконтся обо мне. Почему? Попробую описать числовым кодом логичность его поступка в соответствии с ситуацией и возможностями его организма...» Даже для мозга сигома, в котором импульсы проходят со скоростью света, это нелегко и отнимает несколько минут. Сигом получает результат в цифрах, но остается им недоволен. Он понимает, что имеющейся информации недостаточно, и волей-неволей снова сомневается в четкой работе своей памяти. Он все еще никак не может покинуть человека, который так мало заботится о своем спасеннн и даже согласился с выводом, что не стоит сигому тратить на это время...

«Он думает обо мне, как о своем сыне. И какне-то его биоволны, возникающие в это время, так странно знакомы мне...»

Удивительное ответное чувство возникает у сигома. Ему не хочется подсчитывать уместность этого чувства. Ему уже не одиноко на безразличной негостеприимной планете, а в памяти сами собою раскрываются дальние запасники — и сигом вспоминает другого, но чем-то похожего на этого человека. Когда-то давно, на Земле, сигом называл того человека отцом.

«Был он директором института, а я знал его как Главного конструктора сигомов. Его звали Михаил Дмитриевич... Да, Михаил Дмитриевич Костырский... Как я мог забыть о нем?..»

Он возникает, как живой,— невысокий, полноватый, с застенчивой улыбкой и толстыми губами. Прежде чем что-то сказать, он имел привычку пожевать губами, словно обкатывал слово во рту. И сейчас он пожевал губами и спрашивает:

«Как тебе там? Не трудно? Не страшно?»

«Трудно и страшно»,— отвечает сигом.

«Ты должен пройти через это. Сын должен идти дальше отца. Для этого мы и готовили тебя».

И вовсе не оттого, что звучат подходящие случаю слова, а потому, что вспоминается сам человек, сигому становится приятно. Он думает, что, видно, и вправду забыл что-то важное, если оно имеет такую власть над ним и может согревать в холодной беспредельности.

Какие-то гудящие прозрачные нити возникают между ним и погибающим человеком, между этим человеком и тем, что живет в его памяти.

XIII

Сигом спрашивает человека:

— Вы не знаете академика Михаила Дмитриевича Костырского?

— Что? — не сразу понимает человек. Он морщит лоб, вспоминая, а сигом ждет.

— Костырский? Директор института эволюционного моделирования? Тот, кого называли Главным конструктором сигомов?..

Человек вспоминает историю об одном из питомцев Костырского — о сигоме, который самовольно ушел из института. Потом выяснилось, что он решил самостоятельно изучать людей, прежде чем станет выполнять их задания. Для этого сигом создал для себя облик, неотличимый от человеческого. Так он путешествовал по разным городам, встречался с разными людьми, даже какое-то время работал под вымышленным именем в одном из институтов Академии наук. Кажется, в

него влюбилась женщина... Да, да, в книге, где была описана эта история, упоминалась женщина...

«Почему я так четко запомнил ее?. Ах, да, по описанию она показалась мне похожей на Ольгу. На мою Ольгу, которая как-то ответила своей подруге: «Ты права. Он невнимательный и рассеянный, редко бывает дома. Он такой. Но какое это имеет значение?..»

И в тот же миг, правильнее сказать — миллисекунду, сигом понял, почему волновался, когда человек вспоминал свою Ольгу...

XIV

«Я понял это, потому что заблокированные шлюзы давней памяти раскрылись. Я вижу женщину — с дрожащими пушистыми ресницами, мягкими губами и высокой прической, удлиняющей шею.

Я вспоминаю наше знакомство, сырой после дождя галечный пляж и вылинявшее небо. И смеющиеся глаза — с искорками, как у его Ольги. Я позвал ее плавать. Какие-то знакомые отговаривали ее, но она доверилась мне. Волны бурлили вдоль наших тел, и она сказала: «Мне кажется, что вы не человек, а дельфин». Я уверял ее, что надо верить в сказку,— и она сбудется.

Тогда на Земле, среди людей, я был внешне в точности похож на одного из них. Так было удобнее общаться, изучать их. Но и потом, когда женщина узнала, кто я такой на самом деле, то, как и его Ольга, сказала: «Это не имеет для меня значения». Она не жалела меня и не преклонялась передо мной, не испугалась моей силы и моей слабости. Нет, она и жалела меня, и преклонялась передо мной. Я просто забыл, как называется это чувство. Но я помню точно: она принимала меня таким, каков я есть, без всякого предубеждения. Словно я был рожден человеком. И тогда я понял, что высшая ценность человека заключена не в его мощи. Главное — в том, что он умеет поступать наперекор и своей мощи, и своему бессилию. Главное — не то, что он способен познавать и покорять природу вокруг себя, а то, что благодаря этому он покоряет ее в самом себе. Так он добывает, воспитывает в себе высшую ценность — человечность, в которой и заключена одна из главнейших истин...»

XV

— Женщину, которую вы вспомнили, зовут Алиной Ивановной, а Костырского — Михаилом Дмитриевичем,— говорит сигом человеку.

В то же время какой-то участок мозга, непрерывно производящий анализ его действий, подсказывает, что он назвал их имена человеку лишь потому, что ему приятно их назвать. Он не надеется услышать об этих людях что-то новое: все, что человек знал о них, он вспомнил.

Но человек отвечает ему:

— Нет, лично я их не мог знать. Академик Костырский давно умер. Лет тридцать назад, не меньше. Да и Алина Ивановна, думаю...

Он умолкает, потому что чувствует чью-то тоску, огромную в своей безысходности. Она наваливается на него, грозит подмять и раздавить.

Сигом перестает брать пробы грунта, анализировать, исследовать. По всем каналам его мозга сейчас циркулирует только одна информация:

«Я почти не затратил времени на переход через Горловину, потому что нырнул сквозь нуль-пространство. Но потом, уже находясь в созвездии Близнецов, я задержался, сбрасывая капсулу. И эта незначительная задержка для меня стоила так дорого, означала так много, что мне и не сосчитать...»

«Уже возвращаясь, пройдя Горловину, я послал сигнал — позывные. Приняли ли их на Земле? Узнал ли кто-нибудь, что мне удалось задуманное, что я достиг цели? А если узнал, помогло ли это ему и ей?»

«Она ждала меня до старости, до смерти. Какое одиночество она должна была пережить? Она не могла даже поделиться ни с кем своими надеждами и опасениями, потому что боялась остаться непонятой...»

Впервые сигом познал невозвратимость утраты. Он словно опять очутился в черной дыре нуль-пространства, только за ней не мерцал свет, и у него не было даже надежды. Он ничего не может вернуть, ничего... Он — бессмертный и могущественный — не рассчитал, не успел, не сдержал слова. Два самых дорогих для него существа уже не ждут его, встреча с ними не состоится, потому что там, в созвездии Близнецов, он ВСЕГО ЛИШЬ НА МИГ ЗАБЫЛ о них. Забыл на миг — потерял навсегда. Значит, есть и такой закон памяти? Нет, сигом не признает его. Он протестует. Он не соглашается с проис-

шедшим. И настолько глубоким стало его отчаяние, что он говорит человеку, будто тот спорит с ним:

— Онн умерли для тебя, но не для меня. Онн живут во мне.

— Да, да, конечно,— соглашается человек, понимая его состоянне.— Дорогне нам люди не умирают, а остаются жить в нашей памяти. Разве это не самое большое чудо, которым мы обладаем?

«Он хочет утешить меня,— думает сигом.— Эта слабая букашка, незаметная пылинка жалеет меня. Нет, не жалеет. Когда-то я знал название такого чувства, знал слово, удивлялся его емкости. Как много я спрятал в дальнюю память, какую большую часть своего существа!.. Вспомнил! Это слово — *сострадание*...

Мысль сверкнула и оборвала все другие мысли. Мысль поражает его своей простотой н многозначнмостью. И еще чем-то, что скрыто за ней, что готово — он это чувствует — родныться озареннем, открытнем. В эти мгновення он с неимоверной ясностью представляет себе тяжесть бытия для всех существ, рожденных природой, их беспомощность перед грозамн, буранами, землетрясениями, вспышками звезд, неминуемостью смертн, которую все они носят в себе с самого рождения, их боль и отчаяние перед неизбежностью. Но он виднт — снлой воображения — еднный щнт, за которым все они могут укрыться. Каждый из них носит в себе этот щит, это чувство, как возмещение страданнй и надежду на избавление.

«Вот этот человек спросил меня, что является общим и обязательным свойством всех жнвых существ, и я ответил: «Стремленне к познанию мира, в котором они жнвут». Но возможно, есть второе общее качество, еще более важное, чем познание. Ибо оно не просто общее для всего живого, но и *способно объединить* самых разных существ: маленьких н больших, слабых и сильных, энергичных и вялых, умных и глупых... Оно — неотъемлемое качество человека, в нем оно проявилось ярче всего. Теперь я вспомнnаю, почему решнл ради людей совершить то, что казалось невозможным,— переход через Горловнну.

Он словно опять увидел дыру-воронку. В нее, завиваясь спнралями, падает свет. Когда сигом подобрался поближе, его тоже начало скручивать в жгут. Скручивало все сильнее, больнее. Впрочем, эту муку нельзя назвать болью — боль ннчто перед ней. Сознание замутилось, свернулось в узелок, затем прояснилось, но как бы на новом уровне: вдруг он увидел себя совсем не так, как в зеркале, а вывернутым наизнанку. И было худо, будто его и впрямь выворачивают наизнанку. Он ощутил, как по каналам мозга бегут бессильные импульсы, как садятся аккумуляторы, не выдерживая нагрузок. Главная беда

заключалась в том, что он не впал в беспамятство, а продолжал чувствовать и осознавать свое ничтожество: он, всемогущий сигом, стал никем и ничем — бессильнее щепки или обрывка веревки. Его захватила стихия и делала с ним что хотела. Он уже не существовал как единое целое. Его молекулы распадались и соединялись, как было угодно стихии. Он был частью неживой природы и в то же время каким-то чудом; сознание сохранялось, словно специально затем, чтобы он мог чувствовать свое бессилие и казниться этим.

Его спас невидимый силовой поток. Он понемногу относил сигома от Горловины. И сигом помогал ему, как мог, переключив все свои двигатели. Он манипулировал капсулой так, чтобы она двигалась по силовым линиям, идущим от Горловины.

Но когда он удалился на достаточное расстояние и поля Горловины перестали терзать его, пришли другие муки — муки неудавшегося дела, незавершенного похода, недостигнутой цели. Они были неимоверно тяжки, ведь причина их была связана с его сутью, с основой его личности, предназначенной для преодоления барьера незнаемого. Без этой цели его существование теряло всякий смысл.

Он увидел Михаила Дмитриевича, его добрую, немного виноватую улыбку, услышал его слова: «У нас нет выбора. Мы должны знать, что там находится. Это величайший подвиг из всех, которые знает человечество. И подвиг этот предстоит совершить тебе».

Нет, он не мог подвести человека, которого называл отцом. Иначе люди не узнают, для чего живут, мучаются, умирают. Он не мог пойти против своей сути.

Сигом снова ринулся к Горловине, снова попал в ее поля, прогибающие и растворяющие защитную капсулу. Он боролся изо всех сил, он почти достиг отверстия, в котором соединялись, свертывались, исчезали спирали света. Разрушенные поля капсулы вторгались в его мозг, искажали его работу. Исчезало сознание. Он чувствовал себя то гигантским облаком, то пылинкой, то извивающимся червем, на которого наступил каблук. И на грани полного исчезновения сознания он позволил потоку вынести себя обратно.

На этот раз он думал, что больше ничто и никто не заставит его снова устремиться к Горловине. Пусть он будет потом казниться муками недостигнутой цели. Пусть потеряет себя и станет кем-то другим, даже раздавленным червем или неодушевленной деталью. Больше ни за что он не пойдет туда, не может пойти... Ни за что! Кого бы человечество не подсылало к нему!

Из зеленых волн памяти показалась Аля — так ясно, что он почувствовал ее теплое дыхание. «Милый,— сказала она.— Бедный мой, как ты измучен!» Ее руки словно бы гладили его голову, как бывало когда-то, массировали виски, ворошили воло-

сы. «Уходи, милый, спасайся. Я хочу, чтобы ты жил и был счастлив, даже если у меня, у всех нас не будет будущего. Ты вправе распоряжаться своей жизнью. Пусть же она длится всегда. Уходи из этого страшного места. Я не упрекну тебя ни в чем. Живи!»

Он очень четко воспринял ее чувства. Он узнал, что она там, далеко, мучается его болью, воспринимает его муки. Это и есть *сострадание* — чувство, объединяющее все живые существа, как бы они ни отличались друг от друга.

И тогда у него с новой силой вспыхнуло ответное чувство к ней, ко всем людям, создавшим его для подвига.

Собрав всю волю, заряженный энергией до предела, похожий на гигантскую шаровую молнию, он вытянулся, приняв форму капли, и ринулся на последний штурм в жуткую необъятную воронку, где исчезали материя, пространство, время...

XVI

«...Значит, вот в чем заключался смысл вопроса, который задал мне этот погибавший человек: «А для кого ты нырял в Горловину и добывал истину?»

Он хотел, чтобы я вспомнил. Он хотел спасти меня от себя самого, как спасал не однажды своего сына. Он не жалел меня — он *сострадал*...»

Сигом так много чувствует сейчас, так много хочет сказать этому человеку и тем, другим, оставшимся жить только в его памяти. Он решает, что скажет это потом, а пока произносит:

— Тебя полностью вылечат на Земле.

Человек понимает: сигом готов отправиться немедленно. Он отвечает:

— Сначала мы совершим то, что предписывает Кодекс космонавтов. Мы закроем корабль, ставший последним убежищем для моих товарищей. Я возьму бортовой журнал с собой, а на корабле оставим записку.

— Зачем? Для кого? — спрашивает сигом.

— Если кто-нибудь высадится на этой планете и найдет корабль, ему сможет пригодиться записка.

— Но ты ведь расскажешь обо всем на Земле, и люди узнают, что случилось с «Омегой».

— А если это будут другие космонавты? Не с Земли, не люди?

Сигом поднимает человека и несет его к кораблю. Он думает: «Нет, не логика руководит моими поступками. Ведь он ничем не в силах помочь в моих делах. Просто мне хочется, чтобы он — пусть слабый, почти беспомощный — был рядом со мной и рассеялось одиночество. Видимо, сильному необходимо, чтобы рядом был слабый,— только тогда он осознает свою силу

и может ее проявлять. А без слабого он и ие сильиый вовсе. Ои — слабый... Навериое, люди это поияли давио. Может быть, поиял и его сыи...»

Человек говорит что-то, ио сигом внезапио перестает прислушиваться к его словам. Все внимание переключеио иа иное. Локаторы сигома уловили и зафиксировали иовое излучение. Характеристика ритма этого излучения удивительио дополияет уравиеиие, точио заполияя пробелы. «Неужели иакоиец-то я иашел утрачеииое звеио?» — спрашивает себя сигом, иаправляя аиализаторы и угломеры так, чтобы выясиить, откуда идет это излучеиие. Довольио быстро ои устанавливает, что источиик его находится ие в космосе. Ои ближе, гораздо ближе. Где же? На этой пустыниой плаиете, в горах ее, в иедрах?

Угломеры показывают иевероятиый угол. Сигом сиова проверяет и перепроверяет: ему кажется, что определители вышли из строя. Ои запускает Систему высшего коитроля и убеждается: все его оргаиы работают иормально. И все же ои иикак ие может поверить, что источиики излучеиия иаходятся в ием самом и в этом спасеиим им человеке...

Павел Вежинов

ПРОИСШЕСТВИЕ НА ТИХОЙ УЛИЦЕ

Приключенческая повесть

В один из июльских дней в семье столяра-краснодеревщика Захария Пиронкова произошло событие, совсем необычайное для времени, в которое мы живем. Как ни покажется это странным юным читателям, в этот день бесследно пропал единственный сын Пиронкова — шестилетний мальчик Васко. Эта история переполошила весь квартал и вызвала всевозможные толки и догадки. Да и кто, в самом деле, мог украсть шестилетнего ребенка? Таких вещей теперь не бывает. Когда я был маленьким, моя бабушка пугала меня старой цыганкой с большим мешком. Позднее мы читали про американских гангстеров, которые похищали ребят, чтобы взять за них выкуп. Но и это дело прошлое, а уж у нас-то никто не крадет детей.

Куда же в таком случае девался Васко?

Эта любопытная история покажется читателям еще более странной, когда они познакомятся с ее героями. Дело в том, что в них не было ничего интересного и необычного. Они были самыми обыкновенными людьми, с самыми обыкновенными судьбами или, как принято говорить, с самыми заурядными биографиями.

Впрочем, начнем с упомянутого уже нами Захария Пиронкова. Как мы сказали выше, он был по профессии столяром и работал в одной образцовой производственной артели. Лет ему было около тридцати пяти, и наружность он имел ничем не примечательную. Роста он был небольшого, крепко сложен и плечист, с добродушным румяным лицом и голубыми глазами, которые, несмотря на его возраст, сохранили какое-то детское выражение. Некоторое впечатление производили его усы —

рыжие и реденькие, как засеяииая без особой охоты и стараиия полоска на склоие горы. Ои был весельчак, любил выпить, ио зиал свою меру, предпочитал веселые кииофильмы трагичиым и футбольиые матчи — театральным представлеииям. Не был чревоугодииком, но любил сытно поесть. Что же касается любимого блюда, то он колебался между котлетами и «поповской яхиией» — кушаиьем, прнготовлеиным из мяса, тушеиного вместе с целыми головками мелкого семеиного лука. Жеиат он был десять лет и с жеиой жнл в общем счастлнво. Очень редко случалось, чтобы оин поругались или повздорнлн, а уж если это происходило, то обычио в воскресиые дии, когда ои отправлялся иа футбол, предпочтя загородиой прогулке — напрнмер, поездке в Искырское ущелье — какой-инбудь глупый матч.

Чтобы быть до коица добросовестнымн (ведь даже самые незначительиые подробности нмеют большое значение в историях кримииальиого характера), сообщим, что такого обыкновенного человека все же отлнчало нечто необыкновеииое. Это была его кепка из ораижево-желтого вельвета с большой пуговнцей на макушке. Такой чудной кепкн ие было ии у кого в городе, и жена легко узнавала по ией своего мужа, когда ои терялся где-иибудь в уличиой сутолоке.

Эти обыдеииые, безынтересиые сведення о столяре Пироикове поставили следствениые оргаиы, как мы увндим поздиее, в большое затрудиеиие. Оии инчего не подсказывали, ии иа что ие иаводнли. Даже происхожденне кепки было сразу выяснеио. Пироикову ее дал еще лет пять-шесть назад один его приятель, тоже столяр, который, в свою очередь, получнл ее когда-то — уже довольио подержаниой — от какой-то благотворительной оргаиизации. Нет, и эта чудиая кепка не иаводнла нн иа что.

Быть может, в жеие Пиронкова было что-иибудь более или меиее прнмечательиое? Нет, ие было. Полненькая блоидиика лет трндцати трех, с продолговатой родникой под левым глазом, которую можио было прииять за какую-то иазойливую муху, вечио сидевшую у нее иа щеке, оиа отличалась добрым нравом, была терпелнва и умела хорошо готовнть. В отлнчие от мужа, ее любнмым кушаиьем были голубцы с виноградными листьями. Последнее обстоятельство сыграло роковую роль во всей этой запутанной истории, ио было бы очень иесправедливо с нашей стороны вннить за это бедиую жеищнну. То, что человек любит голубцы, вовсе не озиачает, что ои не любит своих детей.

Третьего члена семьи звали Васко, и, как мы уже сказали, ему было всего шесть лет. В таком возрасте трудно иметь не только какие-иибудь особые прнключения и переживаиия, ио даже хоть сколько-иибудь серьезные связн с обществом. Он знался главным образом с собакамн н кошками, если не счи-

тать нескольких соседских детишек, о которых мы не можем сказать ничего значительного. Три более или менее выдающихся события произошли в жизни Васко, но и они не навели ни на какие следы. Позволим себе перечислить их, чтобы читателям стало известно все, что только можно сказать о пропавшем мальчике.

Когда он был почти годовалым ребенком, или, говоря более точно, еще совсем младенцем, на него частенько нападали криксы — так называют в народе это болезненное состояние у детей. Обожжет он себе, скажем, палец о плиту, ну, как и полагается, взвоет от боли. Взвоет — и уж тут ни чем не унять его: ни угрозами, ни ласками, ни игрушками. Уставится Васко в одну точку и вопит, надрывается, выпучив глаза и разинув рот, точно хочет весь мир проглотить. Чтобы привести его в себя, прибегали к не очень деликатным, но весьма эффективным средствам — энергично хлестали его по круглым, посиневшим от рева щекам или же поднимали вверх ногами. Между прочим, Васко, испытав на себе этот спартанский метод лечения, очень скоро извлек для себя урок и через год перестал пугать родителей своими скверными криксами.

Второй знаменательный эпизод в его жизни произошел, когда ему было два с половиной года. Однажды он решил взобраться на спинку стула и шлепнулся с него вниз головой на цементный пол. Увидев это, его мать чуть не упала в обморок от ужаса, но последствия были незначительными — всего-навсего одна синевато-багровая шишка на лбу, с которой он ходил не больше недели.

После этого случая все родственники Васко решили, что у него такая же крепкая голова, как у всех в роду Пироиковых.

Третье происшествие в его жизни было сравнительно самым опасным. В одном дворе с семьей Пироиковых жил возчик по имени Станко — угрюмый, неразговорчивый человек и вдобавок пьяница. Раза два в год он избивал до полусмерти либо свою жену, либо кого другого, подвернувшегося ему под руку. Однажды возчик швырнул в свою жену большим куском кирпича. Но та, привыкшая к подобным выходкам мужа, успела быстро присесть, и кусок кирпича попал в окно Пироиковых. В этот самый момент Васко, которому было тогда пять лет, сидел за столом и уплетал свой завтрак — оладьи с молоком. Кирпич разбил окно и угодил прямо в фарфоровую сахарницу — наследственное достояние семейства Пироиковых, находившееся в их пользовании уже лет пятьдесят. Сахарница превратилась чуть ли не в порошок, а оладьи разлетелись по всей комнате. Все это так напугало Васко, что он стал слегка заикаться — правда, не всегда, но неизменно в тех случаях, когда пробовал говорить неправду. Благодаря этому мать без

особого труда изобличала его во лжи, покуда он, наконец, совсем не перестал лгать.

Как видите, и биография Васко не наводила ни на какие следы.

Чтобы завершить до конца картину, упомянем также близких родственников столяра.

У него были брат и сестра. Сестра вышла замуж за инженера, который тогда преподавал в Софийском политехническом институте. Это был самый видный родственник семьи Пиронковых, которым все гордились.

Брат столяра работал токарем на паровозовагоноремонтном заводе. У него было трое детей, и двое из них, уже ходивших в школу, сыграли, как мы увидим впоследствии, интересную роль в этой запутанной истории. Между семьями обоих братьев, живших одна от другой через улицу, существовали самые искренние, дружеские отношения.

Пиронковы обитали в одном из тихих уголков столицы, в начале района Подуяне, недалеко от бывшего военного училища. Домик их находился на заднем дворе четырехэтажного здания, где стоял еще один такой же старый домишко, в котором жил возчик. Однако столяр неплохо устроился и не собирался искать другую квартиру. Вообще Пиронковы были довольны своей судьбой, и никто не предполагал, что на них обрушатся несчастья, которые мы опишем в нашей повести. Они встретили их без паники, как достойные члены нашего общества, верящие в его силу и справедливость. И все-таки дело не обошлось без слез, которые Елена Пиронкова тихонько проливала по ночам. А муж ее, прежде чем уснуть, подолгу ворочался в постели, пыхтел и тяжело вздыхал. Но наутро оба выглядели бодрыми, так что никто не догадывался об их великом горе, кроме тех, кто знал, что с ними стряслась такая беда.

Это произошло в самую обыкновенную среду. Столяр ушел рано утром на работу, оставив жене на текущие дневные расходы положенные двадцать левов[1]. И та, как всегда, стала серьезно обдумывать, что ей сготовить на сегодня. Нужно было сделать выбор между зеленой фасолью, что обошлось бы дешевле, и мясным блюдом, что вышло бы, разумеется, гораздо вкуснее. В последнюю минуту взяло верх искушение, и она решила приготовить свои любимые голубцы, чего и по сей день не может себе простить. Пиронкова отправилась на рынок и через полчаса возвратилась с необходимыми продуктами. Васко же, оставшись один, занялся серьезным и ответственным делом — начал разбирать старый будильник, который уже

[1] Лев — денежная единица в Болгарии.

давио не ходнл. Это ои делал ие в первый раз — к великому удовольствию отца, с гордостью смотревшего на такие заиятия сыиа и видевшего в них предвестие большого будущего.

— Он у меня инжеиером стаиет! — говорил ои родствеиникам.— Талант сразу видно!

Талаит Васко заключался в том, что ои умел превосходио разбирать и ломать; сборка же и поправка были ие по его части. Зубчатые колесики служилн ему отличиыми волчками, а из часовой пружины получалось кольцо для иоса, которое давало ему осиоваиие утверждать, что ои дикарь с острова Тамбукту. С этим кольцом в иосу и копьем в руке н застала его возвратнвшаяся с рыика мать. Он гоиялся по кухие за перепугаииой кошкой, которая время от времеии поглядывала на иего косо и мрачио.

— Это паитера Тара! — объясинл ои матери.— Она уиесла из моего... *вигмана*[1] лучшего телеика!.

— Я вот тебе сейчас покажу такого телеика!..— сказала мать и дала ему подзатыльиик — не очень сильно, а так, чтобы только вразумить.— А иу вытри иос!..

«Дикарь» обижеиио опустил копье, кошка исчезла под кроватью. «Как все-таки иетактичны роднтели! — думал ои с огорчением.— Ты тут с риском для жизии преследуешь свирепую паитеру, а тебя заставляют нос вытнрать!..» Вынув иосовой платок, ои вздохиул и сел иа кровать. Нет иикакого смысла стаиовнться инжеиером — не по нему это дело! Лучше будет, если ои сделается охотиком за дикими слоиамн или, по крайней мере, за иосорогами. В сущиости, носорог — бестолковое животиое, иезачем и пули иа него тратить! Просто стаиовишься спииой к дереву, носорог бросается на тебя, ты отскакиваешь в стороиу, и он изо всей силы врезается своим острым рогом в ствол... Дальиейшее еще проще: иакидываешь ему иа шею лассо н ведешь за собой, куда тебе хочется...

Охвачеиный своими думами, Васко н ие заметнл, как пробило однннадцать часов. Голубцы были уже готовы, и по всему дому разиосился их аппетитный запах. «А вкусиые же оии будут,— размышлял Васко,— если их приготовить из мяса слоиа и пальмовых листьев! Для таких голубцов, пожалуй, мала даже иаша большая кастрюля! Придется котел где-иибудь раздобыть...»

— Васко! — крикиула нз кухин мать.

Васко вздрогнул и поплелся иа ее зов. Только сейчас жеиа мебельщика спохватнлась, что забыла купить простокваши. А как известио, такие голубцы без простокваши — совсем ие то, что с простоквашей... Но так как сама Пироикова была

[1]Имеется в виду вигвам — хижина индейцев.

занята в эту минуту другими домашними делами, то она решила послать за простоквашей Васко. Мальчик привык к таким поручениям и даже радовался, когда его куда-нибудь посылали. Дорогой его всегда занимали разные приятные и интересные вещи: тут играли в прятки, там — в лунки, где-то гоняли мяч. А на центральной улице было много магазинов, в том числе большая кондитерская, где продавали вкусные слоеные пирожки со сладкой начинкой. Васко останавливался то здесь, то там, чтобы поглазеть на витрины и на игравшую детвору. Но дольше всего он задерживался у книжного магазина. В витрине его был выставлен картонный человек в смешном наряде и с такой же смешной ухмылкой во весь рот. Одно его ухо было нормальным, другое же — огромным, как у слона. За этим ухом у картонного человека был большущий карандаш. Такой карандаш, рассуждал Васко, надо держать обеими руками — да и то ничего не выйдет!

— Васко, возьми два лева и сходи купи простокваши! — сказала ему мать.— Полкило, слышишь?

— Слышу! — ответил Васко с достоинством.

Он взял со стола фарфоровую миску и деньги. «Куда лучше покупать хлеб, чем простоквашу! — подумал он.— Хлеб легко нести: положил под мышку — и пошел. А миску с простоквашей нужно держать обеими руками и все время быть настороже, чтобы не разлить ее. Но как ни следи, все равно чуть-чуть выплеснешь — либо на ботинки, либо на штаны. Единственное преимущество в том, что дорогой, если рядом нет прохожих, можешь снять пальцем пенки, хотя и рискуешь получить за это взбучку».

— Ну, отправляйся! — сказала мать.— И нигде не задерживайся, слышишь?

— Ладно, ладно! — ответил Васко.

Это были последние слова, которые бедная мать услышала от своего ребенка. Она воротилась на кухню и опять стала хлопотать по хозяйству. У столяра были строгие правила, которые никогда не нарушались. Он возвращался домой точно в двадцать минут первого, и в двадцать пять минут первого обед должен был стоять на столе. Ровно через четверть часа Пиронков снова уходил на работу. Жена его с абсолютной точностью соблюдала это расписание, так что и на этот раз она, как всегда, управилась к приходу мужа со всеми домашними хлопотами. Занятая своим делом, она даже забыла о сыне. И когда, вспомнив о нем, взглянула на часы, стрелки показывали без десяти двенадцать. А Васко все еще не было. Как мы уже видели, это случалось с ним не раз, так что мать нисколько не встревожилась.

Но все же она вышла из дому и посмотрела в ту сторону, откуда должен был прийти ее сын. На улочке было мало про-

хожих, а детворы и вовсе не было видно. Нигде не мелькала складная фигурка Васко.

Мать покачала головой и вернулась обратно. Судя по ее лицу, Васко на этот раз была обеспечена встрепка. К двенадцати часам в сердце ее начала закрадываться тревога. Уж не случилось ли с ним что-нибудь? Минуты текли, а беспокойство ее росло, что отразилось на приготовляемом обеде. Яйцо, которым она заправила суп, почему-то свернулось, а это в глазах хорошей хозяйки было настоящим позором. Злая и встревоженная, она быстро скинула передник, обула старые босоножки и пошла искать своего непутевого сына.

Улица, на которой они жили, была небольшой и тихой. До конца рабочего дня, за исключением времени обеденного перерыва, она была почти совсем безлюдна. Не показывались даже дети, обычно игравшие во дворах больших домов. Мать шла по улице и напрасно озиралась по сторонам. Она заглядывала во все дворы, спрашивала знакомых ребят, не видели ли они Васко. Нет, его никто не видел. Так она вышла на центральную улицу, где находилась молочная. Здесь уже было много прохожих, и ей стало трудно высматривать своего сына в потоке людей. Все же она продолжала всматриваться и оглядываться, но Васко как в воду канул.

Вскоре она вошла в молочную, продавцом в которой был дядя Даме, старый, седой македонец, пожелтевший и сморщенный, как волнистая пленка, образующаяся на поверхности простокваши. Покупателей в молочной не было, и дядя Даме, сидя за прилавком, выводил, слюнявя химический карандаш, какие-то цифры-каракули. В этом квартале он жил с незапамятных времен и знал в лицо или по имени всех его обитателей. Поэтому, увидев жену столяра, он приветливо кивнул ей.

— Дядя Даме, приходил ли Васко за простоквашей? — спросила с порога мать.

Молочник взглянул на нее с некоторым удивлением и, подумав немного, спросил в свою очередь:

— Какой Васко?.. Твой, что ли?

— Ну а чей же!.. Мой Васко! Сын.

— Не приходил, голубушка,— ответил старый молочник, обеспокоенный ее видом.

Мать внезапно почувствовала острую боль где-то под ложечкой, ноги ее одеревенели.

— Как же так не приходил? — спросила она растерянно.

— Не приходил... Не видел я его...

— Ты уверен? — спросила, бледнея, мать.

— Уверен, голубушка,— ответил, уже совсем встревожившись, дядя Даме.— Я с утра не выходил отсюда...

Мать испуганно уставилась на него.

— Но как это возможно? — воскликнула она в отчаянии.— Куда же мог деться мальчик?..

— Не пошел ли он в другую молочную? — пробормотал дядя Даме.

Он, конечно, понимал, что это вряд ли возможно. Другая молочная была дальше на целых пять-шесть кварталов, и мальчик наверняка не знал ее. Но мать ухватилась за его слова.

— В какую другую? — спросила она с надеждой.

— Ну, там, на Дряновской...

— О, нет! — воскликнула разочарованно мать.— Туда он никогда не ходил, он не знает ее...

— А ты проверь! — кивнул молочник.— Знаешь, поди, что иной раз взбредет в голову этой мелюзге!..

Мать, обезумев от страха, помчалась в другую молочную. Теперь на улице стало еще больше прохожих — рабочих и служащих, которые спешили домой, чтобы наскоро пообедать. Она тоже спешила изо всех сил и уже не оглядывалась, словно была уверена, что обязательно найдет сейчас своего ребенка. Люди, которые знали Пиронкову, смотрели на нее с удивлением, но никто не решался остановить ее и спросить, что случилось,— такой она выглядела взволнованной и испуганной.

Тем временем возвратился с работы столяр. То, что он никого не застал, очень удивило его. Еще не было такого случая, чтобы в обед никого не оказалось дома. Он прошелся по комнатам, недоуменно почесал затылок, приподнял крышку кастрюли с остывшим кушаньем. А почему и Васко нет? Куда же они ушли, даже не потрудившись закрыть наружную дверь? Наверно, куда-нибудь недалеко — либо к возчику, либо к другим соседям. Однако ни тут, ни там их не оказалось. Тогда столяр воротился домой, снял правый башмак и, сердитый, озадаченный, стал ждать. Придя в обед домой, он всегда разувал только правую ногу — по той простой причине, что на ее мизинце у него была мозоль. С этой проклятой мозолью столяр воевал уже несколько лет, но лишь с временным успехом: исчезнув, она затем вновь появлялась, становилась при этом еще более чувствительной и досадной. Люди, приходившие к ним, так и запоминали его — с разутой правой ногой, но всегда в целом, тщательно заштопанном носке.

Сейчас, забыв о своей мозоли, Пиронков усиленно размышлял. Когда ему приходилось заниматься этим трудным делом, он всегда слегка открывал рот, а краешки его бровей вопросительно приподнимались. Таким и застала его жена, сердце которой уже разрывалось от тревоги.

Столяр открыл было рот, чтобы отчитать ее как следует, но, увидев, какое у нее испуганное и расстроенное лицо, тотчас осекся.

— Захарий, Васко пропал! — еще с порога крикнула жена.

— Как это так пропал! — опешив, воскликнул он.

— Не знаю... Послала его за простоквашей, а он исчез...

Столяр испугался не меньше, чем его жена, но, так как он был мужчиной и главой семьи, на лице его не дрогнул ни один мускул и он ничем не выдал своего волнения.

— Не бойся, ничего не случилось! — пробурчал он с деланным спокойствием и беспечностью.— Мало ли детей теряется в Софии?.. Кто его знает, где он сейчас шляется,— станем искать и разыщем...

— Где же его искать? — всхлипнула жена.— По улицам, что ли, бегать?..

— Сходим в милицию! — сказал столяр.— Когда найдут какого-нибудь заблудившегося ребенка, его сразу в отделение сдают... Так что мы сначала сходим туда... Может, он уже там...

— Ну так идем! — произнесла дрожащим голосом жена.

— Погоди, оденься сначала! — остановил ее Пиронков.— Так, что ли, пойдем в милицию?

Пока жена судорожно одевалась, он терпеливо запихивал свою мученическую мозоль в ботинок. И как раз в эту минуту его осенила новая идея:

— Елена, а ты была у Генко?..

— Господи, какая же я дура! — радостно воскликнула жена.— Как это я забыла!.. Да, он, наверное, там...

Немного погодя несколько обитателей их улицы с удивлением наблюдали, как взбудораженные родители Васко стремительно, чуть ли не бегом, пересекали ближайший переулок. Они ничего не видели, ничего не слышали, думая лишь о том, как бы поскорее очутиться у Генко, старшего брата столяра.

Читатель, наверное, догадывается, что Васко не был у своего дяди,— иначе повесть бы на этом кончилась.

Как раз в это время семья дяди Генко обедала. Сам он в перерыв домой не приходил, так как питался в заводской столовой. Поэтому за столом сидели только трое его маленьких сыновей и, разумеется, их мать — высокая, костистая, чуть сутуловатая женщина с вечно красными от стирки руками. Тетя Надка, как ее называли соседи, была едва ли не самой рачительной хозяйкой во всем районе. Весь день она, неутомимая и безмолвная, то что-нибудь стирала, то что-нибудь мыла, то что-нибудь прибирала, точно была не человеком, а механизмом с вечным заводом. Она часто стирала без надобности, без надобности скребла что-нибудь, словно ей никак нельзя было оставаться без дела.

— Да угомонись ты, наконец! — нервничал порой дядя Генко.— Посиди, почитай что-нибудь...

— А кто тарелки вымоет? — коротко отвечала тетя Надка.

— Завтра вымоешь...

— Завтра у меня стирка...

— Да ведь ты же вчера стирала!..— сердито повышал голос муж.

— Вчера — это вчера, а завтра — завтра,— слышал он от нее всегда один и тот же ответ.

Дядя Генко, будучи человеком любознательным и неизменным передовиком производства, однажды сказал с огорчением:

— Если не книгу, то газету бы хоть прочла... Детей постыдилась бы...

Эти укоряющие слова были произнесены в присутствии их старшего сына Зарко, ученика шестого класса. Он смущенно опустил голову. Наружностью, да в какой-то мере и характером, он походил на свою мать. Это был высокий, худенький мальчик с задумчивым взглядом, молчаливый и серьезный. Он и прежде редко улыбался, а после того, как его выбрали председателем отряда, и совсем перестал это делать. Со строгим лицом прохаживался Зарко между рядами парт, и от его внимательного взгляда не могло укрыться ничто: ни немытые руки, ни черные ногти, ни необернутая тетрадь. Даже когда на уроке пения ему приходилось петь вместе со всеми, лицо его оставалось все таким же серьезным, а звуки, с трудом вырывавшиеся из его горла, были какими-то приглушенными и странными.

— Ну и сухарь же ты! — пробурчал как-то дядя Генко.— Точно сошел со страниц какой-нибудь книжки...

Зарко покраснел, но ничего не сказал. А если рассудить, дядя Генко был в данном случае совсем неправ. Зарко был мальчик умный и чувствительный. Может быть, только чересчур уж серьезный. В отличие от своей матери, он читал очень много и все, что ему попадалось,— будь то роман или какое-нибудь техническое руководство. И притом читал каждую книгу внимательно и добросовестно, как учебник,— от доски до доски, не пропуская ни одной строчки, ни одной буквы.

Пусть читатель простит нам это маленькое отступление. Будем надеяться, что, охваченный желанием узнать о судьбе Васко, он не пропустит этих строк. А чтобы он не посетовал на нас позднее, предупредим его сейчас, что о судьбе Васко мы узнаем нечто более определенное лишь в конце этой любопытной истории. Здесь мы уделим побольше внимания Зарко, ибо небезынтересно знать, какой у него был характер. Впрочем, вооружимся терпением и вернемся к обеду, о котором мы уже упомянули выше.

Итак, семья сидела и спокойно обедала. На столе стояло вкусное кушанье из фасоли и копченой грудинки, которое тетя Надка приготовляла великолепно. Не отставая от других,

уплетал, как всегда, с большим аппетитом и второклассник Мишо, очеиь похожий иа своего отца,— такой же веселый, кореиастый крепыш, с вечио улыбающимися глазами. Самому юиому члеиу семьи иедавио исполиилось три года, у него были сииие глаза и иос пуговкой. Но лучше всего были его щечки, всегда свежеиькие и румяиые, как персики. На его иагрудиичке были вышиты голубыми иитками слова строгого гигиеиического предупреждеиия: «Не смей меия целовать!» Несмотря иа это, каждый, кому ои попадался иа глаза, спешил звучио чмокиуть его в обе розовые щечки или, что было еще иеприятиее, крепко ущипиуть их.

Вот и теперь, увидев, что в комиату входят люди, Петьо живо юркиул под стол — вероятио, чтобы спастись от поцелуев и щипков. Но его тетя иа этот раз вовсе ие имела подобных иамереиий. Оиа окииула быстрым вопрошающим взглядом комиату и всхлипиула в отчаяиии:

— Зиачит, Васко ие у вас?..

— Нет,— ответила тетя Надка.— Сегодия ои ие приходил...

Из глаз бедиой жеищииы хлыиули слезы. Тетя Надка, имевшая доброе и жалостливое сердце, мигом вскочила и обияла ее.

— Не плачь, Леиа, скажи лучше, что случилось?

Захарий Пироиков, стоявший с растеряииым видом посреди комиаты, глухо проговорил:

— Васко пропал...

— Эээз... Вот оио что! — с облегчеиием протяиула тетя Надка.— Пропал... Найдется, коли пропал. София-то ие лес, волки ие съедят...

— И я ей то же самое говорю,— уиыло поддержал ее столяр.

— Мишо у иас уже три раза пропадал,— продолжала тетя Надка.— Последиий раз его иашли иа вокзале. Поздиим вечером...

— Кто его иашел? — всхлипывая, спросила бедиая мать.

— Да иам его из отделеиия милиции привели...

— Ну, идем скорее туда! — решительио проговорил Захарий.— А то даром только время теряем...

— И я пойду с вами...— вдруг сказал Зарко, который до этой мииуты ие произиес ии слова.

— Вот еще! — проворчала мать.— Делать тебе, что ли, иечего!

— Я хочу посмотреть,— произиес с упорством мальчик.

Зарко действительио иикогда ие ходил в милицию. Это желтое здаиие с подтяиутым милициоиером иа посту казалось ему особеииым и таиииствеииым и всегда возбуждало его любопытство. Ои представлял себе какие-то очеиь длиииые, тихие коридоры, комиаты с железиыми дверьми, строгих и су-

ровых людей, которые нспытующе смотрят иа каждого вошедшего. А виизу, в подвале? Там, разумеется, камеры для преступииков, там держат воров, туда запирают хулигаиов. А так как Зарко ие вор и не хулигаи, то ему вряд ли представнтся другой случай побывать в отделеинн милиции.

Вскоре он уже шагал по улнце со своимн родствеиниками, которые были так подавлены, что не обращалн иа иего никакого виимаиня. Отделеине иаходилось ие очеиь далеко, ио сейчас им показалось, будто иадо идти целую вечность. Когда оии, накоиец, вошли в желтое здание, Зарко почувствовал, что сердце у него забилось сильиее. Это было вполие поиятио. Ведь все здесь оказалось совсем не таким, как ои полагал. В коридорах сиовали люди, двери были обыкиовеииыми, деревяииыми, и никто ие смотрел иа иих подозрительио. Какой-то тщательио выбритый учтивый мнлиционер указал им комиату, куда онн должиы былн войтн. Там, за самым обыкновеииым столом, сндел такой же чисто выбрнтый человек в форме лейтенанта милиции н, держа в руке толстый желтый карандаш, решал кроссворд. Увидев посетителей, он подиялся, н в его глазах промелькиул лукавый огонек.

— Товарищ начальиик...— начал как-то иерешительио столяр.

— Знаю, зиаю! — весело улыбиулся лейтенаит.— У вас пропал ребенок...

— Ои здесь? — обрадованно встрепенулась мать.

— Нет, его здесь нет... Но не беспокойтесь, разыщем... Столяр смотрел на иего с нзумлеиием.

— А откуда вы знаете?

— Что нмеиио?

— Ну, что у иас пропал сынншка...

— Об этом совсем ие трудио догадаться,— все так же улыбаясь, ответил лейтеиант.— У всех родителей, потерявших детей, точио такой же вид, как у вас... Но вы ие беспокойтесь, присажнвайтесь...

Столяр н его жена в смущении опустились иа жесткие стулья. Зарко же, продолжая стоять, смотрел иемнгающим взглядом на симпатичного лейтеиаита. Такого заиятного и веселого офнцера мнлнции ои вндел в первый раз. Лейтеиаит сел иа свой стул и снова обратился к родителям.

— А теперь посмотрим, угадали мы или иет,— произнес ои медлеиио.— Пропавший ребеиок — мальчик, ие так ли?.. Лет пяти-шести... Невысок для своих лет, со светлыми глазами, веселый и озорной... Так ведь, граждаика?..

— Значит, вы его знаете? — спросила, обрадовавшись, мать.

— Нет, я просто догадался,— скромно ответнл лейтенаит.

— Каким образом? — спросил озадаченный столяр.

— Да и вы бы на моем месте тоже догадались... Обычно исчезают мальчики, и как раз в этом возрасте... А что касается его внешности, то ведь должен же он походить на кого-нибудь из вас.

Зарко окинул лейтенанта восторженным взглядом. Действительно, все это так просто!

— А теперь будьте любезны сказать, как зовут вашего сына, и дать ваш адрес,— серьезно проговорил офицер.— Я должен иметь точные данные...

Старательно записав эти сведения, он снова обратился к посетителям:

— Васко знает свой адрес?

— А как же! — чуть ли не с обидой ответил отец.— Он даже читать умеет...

— Это хорошо... А во что он был одет?

— На нем были синие короткие штанишки и белая рубашонка,— ответила мать.

— Ну, а теперь расскажите, как это случилось... Как это он вдруг исчез?

Елена Пиронкова горько вздохнула и принялась (в который уже раз!) излагать эту печальную историю. Когда она окончила свой рассказ, вид у лейтенанта был уже довольно-таки серьезный.

— Интересно,— пробормотал он.— А пропадал он когда-нибудь раньше?

— Ни разу! — воскликнула мать.— Он у нас такой послушный...

Лейтенант взял листок с данными и молча вышел из комнаты. Когда он возвратился, лицо его было, как и прежде, спокойным, но он уже не шутил...

— Вам придется немного подождать,— сказал он.— Сейчас мы наведем справки...— И, поймав испуганный взгляд матери, поспешил прибавить: — Не бойтесь, нет ничего страшного... Сколько детей ни терялось до сих пор — всех находили...

— А я вот все думаю, не случилось с ним чего-нибудь? — вздохнула мать.

— Что же с ним может случиться?

— Да всякое... мало ли трамваев... автомобилей...

— Нет, ничего такого не отмечено...— уверенно сказал лейтенант.— По крайней мере, в нашем районе...— Он посмотрел задумчиво на журнал с кроссвордом, закрыл его и добавил шутливым тоном: — В детстве я тоже один раз исчез... Какой-то цирк проезжал тогда, ну, и я увязался за ним... Дело было утром, а я только вечером спохватился, что нужно возвращаться домой... Стою и думаю: как же мне быть теперь? Ни

дорогу не запомнил, ни улицы не знаю... Подумал, подумал — и в рев... Нашелся какой-то добрый человек, взял меня за руку и отвел прямо домой...— Лейтенант рассмеялся и добавил: — Здорово же мне влетело от отца... А до этого он, хотя и был простым рабочим, пальцем меня ни разу не тронул...

В эту минуту пронзительно и как-то настойчиво зазвонил телефон, лейтенант взял трубку. Некоторое время он слушал, что ему говорили, потом спокойно сказал:

— Хорошо... Держи меня в курсе дела...— А затем, повернувшись лицом к посетителям, добавил тем же тоном: — Мальчика еще не нашли... Но не тревожьтесь, до настоящей минуты в городе не отмечено ни одного несчастного случая с ребенком...

Родители переглянулись в отчаянии.

— Лучше всего вам возвратиться домой! — продолжал лейтенант.— Ведь довольно часто заблудившихся детей приводят родителям случайные прохожие... Ну а коли ребенок будет нами обнаружен, я вас сейчас же извещу...

— Так будет лучше всего,— горько улыбнулась мать.

Немного погодя все трое были опять на улице. Когда Зарко увидел, какое отчаяние написано на лицах дяди и тетки, у него сжалось сердце. Впервые за этот день он ощутил какую-то неясную, смутную тревогу, как бы предчувствие большого несчастья.

Инспектор уголовного розыска Илия Табаков, находясь в превосходном настроении, расхаживал по своей комнате в пижаме и шлепанцах на босу ногу. Не спеша он укладывал в чемодан последние вещи — всякие необходимые мелочи: прибор для бритья, зубную щетку, завернутую в станиоль, баночку крема от солнечных ожогов. Его семилетний сын Наско с восхищением смотрел на отца и засыпа́л его вопросами:

— Пап, а удочку ты положил?

— Будь спокоен, положил,— ответил рассеянно отец.

— Значит, будем удить рыбу...

— Да, будем...

— И я тоже буду?..

— А как же, разве можно без тебя?

Наско зажмурился от удовольствия. Удить-то он, значит, будет. Только вот поймает ли что-нибудь?

— А как, поймаю ли я что-нибудь? — спросил он.

— Ну, это уж зависит...— улыбнулся отец.

— От чего зависит?

Инспектор обернулся и ласково потрепал сынишку по щеке:

— Зависит от того, будешь ли ты послушным...

— Глупости! — выпалил сердито Наско.

— Что? — вскинул брови удивленный отец.

— Я сказал — глупости...

Инспектор остановился посреди комнаты. Лицо его вдруг сделалось серьезным, в светлых глазах пропал веселый блеск.

— Послушай, друг мой, разве так говорят с отцом? — медленно произнес он.

Наско немного смутился — он очень хорошо знал это отцовское выражение лица. Но, набравшись смелости, все же неохотно промямлил:

— Ну а с ребенком разве так разговаривают?

— А что я сказал? — все так же строго спросил инспектор.

— Да про рыбу... Не такой уж я дурак... Откуда какая-то там рыба в воде может знать, слушался я или нет?

Невольная улыбка тронула губы инспектора. Чтобы скрыть ее, он повернулся спиной и отошел к окну. Когда немного погодя он взглянул на сына, лицо его было снова строгим и серьезным.

— Насчет этого ты прав,— сказал он.— Но если будешь разговаривать таким тоном, то не поедешь с нами на море, так и знай...

Наско, оторопев, застыл на месте. Два дня тому назад отец взял отпуск — впервые за два года,— и сегодня вечером они всей семьей уезжали на море. А что, если его и в самом деле оставят тут с бабушкой? На его счастье, в эту минуту отворилась дверь и в комнату вошла мать. Ее красивые темные глаза радостно блестели в ожидании предстоящей поездки.

— Надо будет купить темные очки,— сказала она еще в дверях.— Тебе и Наско...

— Для меня-то это дело нехитрое,— ответил отец.— А вот найдется ли маленький номер для Наско, не знаю...

Мальчик успокоился. Раз ему собираются покупать очки, значит, его возьмут с собой на море. В этот самый миг зазвонил телефон. Не подозревая ничего, инспектор взял трубку... Внезапно его лицо омрачилось, взор потух.

— Да, да, хорошо! — сказал он.— Явлюсь сейчас же...

Инспектор положил трубку, глубоко вздохнул и сказал упавшим голосом:

— Меня вызывают в управление... Лично к генералу...

Молодая женщина застыла с открытым ртом, глаза ее выразили испуг. Инспектор смущенно улыбнулся и погладил ее по щеке.

— Подожди, еще ничего не известно...

— Но они не имеют права! — воскликнула она с раздражением.— Ведь ты не брал отпуск два года!

— Ну, хватит об этом. Точка,— строго проговорил инспектор.

Четверть часа спустя он уже торопливо шагал по улице.

Иинспектор был высок и худощав. Всегда очень хорошо и опрятио одетый, ои н сейчас, несмотря иа жаркий, погожий деиь, был в рубашке с галстуком. Его походка, бодрая и эиергичиая, сразу обличала человека, который ведет строгнй образ жизии. Худощавое лнцо — почти совсем без морщни — было спокойио, н только слегка троиутые седииой виски говорили о том, что его жизиь была далеко ие безмятежной. Ои вежливо кивиул дежуриому милициоиеру в ответ иа его приветствие и иачал подниматься по лестнице. Перед кабниетом геиерала Табаков иевольио оглядел свои слегка запылившиеся ботники, ощупал узел галстука и, постучавшись, вошел. Секретарша подияла голову и как-то смущеиио взгляиула на иего.

— Товарищ генерал вас ждет,— сказала она.

Иинспектор вздохиул и прошел в комнату иаправо. Генерал сидел за письмениым столом, погружеиный в чтеиие каких-то бумаг. Это был крупный, краснвый мужчиив с румяиым лицом, ие по возрасту свежим н моложавым. Ои подиял голову, улыбиулся, и в его взгляде ниспектор также уловил какую-то иеловкость.

— Садись, Табаков! — сказал по-свойски геиерал.— Я хочу, чтобы ты выслушал меия и сам решил... Зиаю, что ты переутомился, зиаю, что ты сейчас в отпуске... Но есть очеиь серьезиое дело.

— Да, я слушаю вас,— тихо сказал иинспектор.

— Ты слыхал об исчезиовении мальчика?

— Об нсчезиовении мальчика? — подиял брови иинспектор.— Нет, ннчего не слыхал...

Генерал тотчас заметил выражеине разочароваиия и даже обиды иа его лице. Вот, значит, из-за чего прерывают его отпуск — нз-за какого-то пропавшего мальчишки. Геиерал иевольно улыбиулся.

— Постой, не торопись! — сказал он.— На первый взгляд, действительно, иет ничего особеииого — дети не в первый раз теряются... Но если вникиуть в существо дела, то это одии нз самых необыкиовеииых случаев с тех пор, как я здесь...

В глазах иинспектора блеснуло было любопытство, ио тут же угасло.

— Что же в ием иеобыкиовеииого? — спокойио спросил ои.

— Представь себе, Табаков, что твой сыиишка выходит из дому купить что-иибудь в магазиие... Выходит и исчезает бесследио... Никто нигде не может его обиаружить... Нет ии малейшего следа, который бы ои оставил...

Иинспектор подиял голову н с изумлеиием посмотрел иа своего иачальиика. В сущиости ои был больше удивлеи его видом, чем всей этой историей. Никогда еще спокойиый и уравиовешеииый генерал ие выглядел таким разгоряченным н взволиоваиным.

— Понимаешь, Табаков, исчезает ребенок! Не кто-нибудь, а именно ребенок!.. Меня бы гораздо меньше удивило, исчезни скорый поезд на Варну...

— Простите, товарищ генерал, но ведь и в прошлом году пропал один мальчик, и мы до сих пор не нашли его! — сказал инспектор.

— Да, я знаю... Тому было четырнадцать лет... Это уже не ребенок, а подросток, он на все способен... Как знать, может, пробрался на какой-нибудь пароход и уплыл... Ну, а этому шесть... Куда он один пойдет?

— Когда исчез ребенок, товарищ генерал? — деловито спросил инспектор.

— В среду, в двенадцать часов... А сегодня у нас пятница...

— И никаких следов, говорите?

— Абсолютно.

— Это действительно необыкновенно, товарищ генерал,— произнес с некоторой иронией инспектор.— До сих пор такого случая у нас не было... Даже от самого темного преступления всегда остаются какие-нибудь, пусть чуть заметные на первый взгляд следы...

Генерал пристально посмотрел на своего подчиненного.

— Именно поэтому я и хочу, чтобы этим делом занялся ты... Не может не быть следов... Их просто нужно отыскать... Но пока у нас нет ничего, совсем ничего. Ребенок вышел из дому и как бы испарился... За два дня мы прочесали всю Софию, использовали все, что было в наших возможностях... Нет и нет...

Генерал встал со стула и взволнованно прошелся по комнате.

— Ребенок! — сказал он и тряхнул своей крупной головой.— Понимаю, исчезни ребенок где-нибудь на Западе... Но у нас — в социалистической стране!..

— И у нас все еще встречаются разные прохвосты...

— Да, все еще встречаются! — живо подтвердил генерал.— Если бы их не было, и мы не были бы нужны... Но кому у нас взбредет в голову похищать детей?.. Ну, скажем, велосипед, чемодан, легковую машину — это понятно...

— А почему вы думаете, что ребенок похищен? — спросил инспектор.— Может, с ним просто произошел какой-нибудь несчастный случай?..

— Не было ничего такого...

— Как знать...— заметил инспектор.— Бывают порой очень странные несчастные случаи...

Генерал опять тряхнул своей крупной головой.

— Сомневаюсь! — пробурчал он.— Но нужно проверить и в этом направлении... Нужно проверить все...— Генерал встал.— Даю тебе пять дней, Табаков,— сказал он решитель-

но.— Поработай на совесть... Если ничего не добьешься, не стану тебя больше задерживать... Отправляйся тогда на море, воспользуйся наконец своим отпуском...

Инспектор в ответ успел только вздохнуть. Генерал протянул ему руку, он пожал ее и с унылым лицом вышел из кабинета.

Первым делом Табакову надо было предупредить домашних, что поездка откладывается. С тоской выслушал он отчаянные протесты жены и, уже порядком расстроенный, принялся изучать материалы по делу. Впрочем, изучать-то было почти нечего: все сведения отличались лаконичностью и были крайне обезнадеживающими. Прочитав и запомнив все, вплоть до последней запятой, инспектор погрузился в размышления. Когда он задумывался, лицо его тотчас преображалось — становилось каким-то жестким, отчужденным, и это очень действовало на его подчиненных. В такие минуты они ходили около него на цыпочках, не смея обращаться к нему. Да и бесполезно было спрашивать его о чем-нибудь, казалось, он никого не слышал, так как никому не отвечал. Однажды Наско, воспользовавшись таким состоянием отца, успел весьма ловко поджечь спичками одну из штор. Инспектор очнулся, когда вся комната уже наполнилась едким дымом. Он вскочил как ужаленный и быстро потушил пожар.

Имевшиеся материалы, действительно, не приводили ни к чему, не наводили ни на какие следы. Ребенок исчез как дым, словно растворился в воздухе. Если бы его вызвали раньше, думал инспектор, он бы, возможно, и докопался до чего-нибудь, до каких-нибудь едва заметных следов. А может, еще не поздно? Если порыться еще, присмотреться получше — не обнаружится ли тогда то, чего другие не заметили? С этой смутной надеждой в сердце он шел немного погодя по широкому бульвару, обдумывая еще раз свои последующие ходы.

Во-первых, думал он, ему надо еще этим вечером встретиться с участковым уполномоченным и поговорить с ним. Порой даже умные, наблюдательные люди не могут передать на бумаге того, что видели, нередко они пропускают, сами того не сознавая, какую-нибудь мелочь, которая впоследствии окажется важной, даже решающей.

Во-вторых, необходимо хорошо изучить обстановку.

Богатый личный опыт убедил Табакова в том, что самым искуснейшим образом прикрытое преступление оставляет все же кой-какие, пусть совсем слабые, едва различимые следы. Весь вопрос в том, чтобы отыскать их и уяснить себе их смысл.

В-третьих, необходимо самому поговорить с родителями пропавшего мальчика. Доклад участкового уполномоченного

был слишком краток, чересчур лаконичен. Весь результат исчерпывался двумя словами: «никаких следов». Разве может быть оправдано это «никаких следов»? Вряд ли... Ведь и характер исчезнувшего ребенка, и его повадки, и его интересы наверняка должны подсказать, где искать какие-либо, хотя бы и самые слабые следы.

Для начала, думал инспектор, этого будет достаточно. А после тщательной проверки всех возможностей он сориентируется в отношении своих последующих ходов.

Уже вечерело, когда Табаков вошел в районное отделение. На его счастье, участковый оказался в канцелярии и в этот самый момент собирался разрезать на части большую желтую дыню, которую купили себе в складчину несколько молодых милиционеров. Это был низенький, плотный и даже немного комичный с виду младший лейтенант, но глаза его смотрели живо и умно. Инспектору нравились люди с такой внешностью. Ему всегда казалось, что высокие, стройные и чересчур красивые работники милиции годятся лишь в регулировщики уличного движения.

— Я хочу поговорить с вами! — сказал инспектор.— Но только наедине...

Лейтенант с тоской посмотрел на еще не начатую дыню и повел гостя в соседнюю комнату. Поняв, с кем он имеет дело, лейтенант немного смутился и даже чуть-чуть покраснел. Ему, по-видимому, было стыдно, что его усилия не дали до сих пор никакого результата. Однако он подробно и точно изложил все, что знал по этому делу. Его рассказ был живым, даже увлекательным. Инспектор слушал с интересом. Но, в сущности, этот устный рапорт не дал инспектору ничего сверх того, что содержалось в уже внимательно прочитанных им докладных записках участкового.

— А каково ваше личное мнение? — спросил под конец инспектор, пристально глядя на лейтенанта.— Как вы объясняете себе эту странную историю?

Участковый пожал плечами.

— Просто не знаю, что и думать! — проговорил он в недоумении.— Самое странное, что никто не видел ребенка на улице... Последней его видела мать...

— Заметила ли она, по крайней мере, в какую сторону он пошел?

— Нет, она не выходила из дому... Предполагается, что по направлению к молочной...

— Хм, предполагается...— буркнул инспектор.— А откуда вы знаете, что никто не видел его?

— Я подробно расспросил... Всю улицу вверх дном перевернул.

— А кого вы расспросили?.. Детей?.. Взрослых?..

Лейтенаит, потупившись, почесал иос.

— Главиым образом взрослых...— пробормотал он.

Ииспектор покачал головой.

— Тут вы сделали промах,— тихо сказал ои.— Взрослый человек, даже еслн повстречает ребенка, ие всегда заметит его.

— Возможио...— уиыло согласился лейтеиаит.

— Итак, я еще не слышал вашего лнчного миения...

Лейтенаит посмотрел иа иего как-то иерешительио.

— Не зиаю,— нехотя и вяло проговорил ои.— Но мие кажется, что ребеиок ие заблудился... Его просто похитнли...

— Похитили? — вскииул брови инспектор.— Почему вы так думаете?

— Да потому что все заблудившиеся дети в конце концов отыскиваются! — сказал лейтеиаит.— Не может же он до сих пор слоияться по улицам... Ои должеи где-то, у кого-то иаходиться. А похититель иарочно прячет ребеика, хотя и знает, что его разыскивают.

— Да, это логичио,— кивиул инспектор.

Лейтеиаит заметно оживился.

— Для меия самое важиое — это докопаться, подстерегали лн ребеика, или же ои просто заблудился и затем был кем-то уведен.

По лицу иинспектора скользиула улыбка.

— А как вы думаете? — спросил ои.

— Думаю, что верио первое предположеиие. Мне не раз приходилось иметь дело с потерявшимися детьми. Что здесь самое характерное? Они обычно теряются, когда за иими иикто не присматривает. А в даииом случае дело обстоит как раз наоборот. Ребенок вышел с определеииой целью. Над иим, так сказать, тяготела воля его матери, страх ослушаться ее, привычка повииоваться.

— Это верио! — кивиул иинспектор.— Но был ли этот мальчик действительно послушным?

Лейтенант в смущеиии умолк. Инспектор покачал головой, побарабаиил тонкимн пальцами по столу.

— Выясиим и это! — произнес ои спокойио.

— Во всяком случае, даже и иепослушиый ребенок иикуда не нсчезиет так просто, раз его посланн с поручеиием. Ои может отправиться куда-иибудь н заблудиться скорее тогда, когда за ннм иет иадзора или когда ему просто скучио...

— А если его виимаиие привлекло что-нибудь совсем особениое?

— Я проверил,— кивиул лейтенант.— Ничего особеииого в квартале в тот день ие произошло. В детстве и я одии раз заблудился. И притом в провиицнальном городке. Просто увязался за одиим шарманщиком — и все... Ну, а в то утро вообще ничего не было...

— Зиачит, вы думаете — похнщеи? — медлеино произиес ннспектор.

— Даже предпочел бы, чтобы это было так,— живо ответил лейтенант.— Вообразите, что ои действительио потерялся — забрел куда-нибудь в другой район н заблудился... И там его кто-то взял к себе, а теперь не желает с иим расстаться. Как же мы в таком случае обиаружим его? Ужасно трудио...

— И другой вариаит тоже ие нз легкнх...

— И все-таки там дело куда проще,— с горячиостью сказал лейтенаит.— Сами посудите: пошел бы ребенок за иезиакомым человеком? Пошел бы он, скажем, за миой или за вамн? Не верю... А если ребенок знает того человека, возможно, его зиают и родителн... Это, пожалуй, уже след.

Хотя лицо инспектора оставалось сдержаиио-спокойиым, глаза его блесиулн.

— Вы женаты? — спросил он вдруг.

— Да, женат...

— Детн есть?

— Нет еще...

— Неплохо бы занметь...— сказал с серьезиым видом инспектор.— И вообще, советую вам повиимательнее присматриваться к детворе вашего квартала. Некоторые вещн известиы детям гораздо лучше, чем взрослым. Но трудио поиять ребят, если ие зиаешь их. Разумеется, лучше всего их изучншь, иаблюдая виимательно за собствеиишм ребеиком. Во всех случаях это отличная школа.

— Вы считаете, что я ошибаюсь? — смущенно спросил лейтеиаит.

— Нет, я далек от этого,— энергичио ответил иислектор.— Но как вы можете оказаться правым, так можете и ошибиться... Поминте всегда, что дети очень доверчивы. Они уважают взрослых и солидиых людей. Обычио оии верят нм. Вообразнте, что такой вот человек встретит на улице мальчнка и скажет ему: «Твой папа попросил меия отвестн тебя к нему». Повернт ли ребеиок? Наверняка поверит.

— Да,— уиыло ответнл лейтенант.— Кажется, вы правы...

— Детская душа — это иечто очеиь нитересиое! — Инспектор впервые чуть-чуть повысил голос.— Иитересиое н богатое по содержаиию...

Лейтеиаит нспытующе взглянул на ннспектора и пробормотал:

— Однако есть и еще кое-что... Еще более явное...

— Что же это такое? — быстро взгляиул на него иислектор.

— Вот я думал: хорошо, ребеиок похищеи... но кем? По-видимому, похитнтель должен зиать его. Никто бы не похитнл первого попавшегося ему на глаза ребеика. Но почему ои предпочел этого, а не какого-ибудь другого ребенка? Навериое,

потому, что знал его, и он чем-то особенным привлек его внимание. По-моему, преступник где-то здесь... где-то близко...

Инспектор невольно встал.

— Знаете, это чудесная мысль! — произнес он возбужденно.— Он действительно знает ребенка, он часто его видел. Он очень хорошо знает дом, улицу, даже соседние улицы. Он изучил не только всю обстановку, но и повадки ребенка. Он знал, когда тот выходит, куда отправляется играть. Но раз он видел все это своими глазами,— значит, и его видели...

Внезапно в инспекторе произошла резкая перемена: на лице его появилось уже знакомое нам жесткое и отчужденное выражение. Лейтенант устремил на него озабоченный взгляд. Так прошло несколько минут, затем инспектор произнес с некоторым холодком:

— Это хорошая мысль... О ней не следует забывать. Но она верна лишь в том случае, если ребенка действительно похитили. А в это-то я и не верю... Я не вижу никакого повода к похищению мальчика. Подумайте: зачем он кому-то? Ребенок — драгоценность только для своих родителей...

— Но есть ненормальные! — осторожно вставил лейтенант.

— Есть! — мрачно кивнул инспектор.

— Есть маньяки... разные типы... А какой нормальный человек может понять побуждения сумасшедшего?

— Нет, не стоит, бросьте! — резко возразил инспектор.— Рано еще строить гипотезы. Нужно еще раз проверить все факты...

Он прошелся по комнате и рассеянно взглянул в окно. Смеркалось. Раскалившиеся за день тротуары все еще обдавали жаром. На улице, весело крича, играла детвора. Инспектор невольно загляделся на нее, любуясь счастливыми и возбужденными лицами ребят, их ясными и живыми глазами, непринужденными движениями. «Самое страшное,— подумал он вдруг,— когда страдают невинные дети, когда они, по вине взрослых, подвергаются тяжким и жестоким испытаниям. А разве сейчас я не имею дело с одним из таких случаев? Неизвестно, в какие руки попал ребенок, что он видит и чувствует в эту минуту? Впервые за сегодняшний день инспектор осознал, какое серьезное дело поручили ему, и ясно почувствовал, что обязан довести его до успешного конца.

— Мне нужно поговорить с родителями,— тихо сказал он.— Сейчас они, наверное, дома...

— В эти часы они всегда дома! — кивнул лейтенант.

Инспектор умолк. Лейтенант с беспокойством посмотрел на него.

— Разрешите мне сопровождать вас? — попросил он.

Инспектор отошел наконец от окна, его умное, тонкое лицо выражало озабоченность.

— Конечно,— ответил он просто.— Поведем дело вместе...

...Пироиковы в этот вечер действительио были дома. То, что оии пережили за эти дии, было таким тяжким и страшиым, что столяр ие выдержал и взял отпуск. Ои боялся оставить жеиу одиу, его пугали ее покрасиевшие от слез глаза, в которых иногда появлялся какой-то дикий, животиый ужас. Сам ои пытался казаться спокойиым, чтобы вдохиуть увереииость в свою жеиу, ио и его сердце разрывалось от муки и страха перед иеизвестиостью. Оба оии ие думали, ие говорили ии о чем другом, ие могли взяться ии за какое дело, питались кое-как всухомятку, подолгу молча смотрели иа дверь, словио ожидая, что оиа вот-вот откроется и иа пороге появится подтяиутый и улыбающийся милициоиер, держащий за руку их малеиького сыиа.

В этот вечер столяра иавестил его брат со своей жеиой и сыиом Зарко. Дядя Геико всячески старался развлечь родствеиииков, рассказывая своим приятиым, иемиого сипловатым голосом увлекательиые фроитовые истории. Но иикто ие слушал его, даже Зарко, который ужасио любил рассказы про войиу. И ои, как и все остальиые, думал лишь о пропавшем двоюродиом братишке, о веселом и беспечиом мальчике, который так виезапио исчез, словио сквозь землю провалился.

На самом иитересиом месте рассказа кто-то эиергичио постучался к иим. Захарий и его жеиа подскочили как ужалеииые и оба одиовремеиио бросились открывать. Но все-таки столяр первым достиг старой, источеииой червями двери и распахнул ее. На пороге действительио появился подтяиутый офицер милиции. Но вместо их сына, как оии мечтали, рядом с иим стоял уже иемолодой человек с серьезиым, даже иесколько озабочеииым лицом.

Читатели, иавериое, догадываются, что это были иистектор Табаков и участковый уполиомочеииый. Увидев озарившиеся иадеждой лица родителей, иистектор почувствовал, как сжалось у иего сердце. Что ои мог им сказать, чем успокоить? Да, как жалко, что так поздио поручили ему это дело. Лейтеиаит представил его, и иистектор сердечио поздоровался за руку со всеми, кто был в комиате.

— К сожалеиию, мы ие можем пока что сказать иичего иового,— произиес ои с горечью.— Но иевозможио, чтобы ие иашлись следы. От вас требуется только терпеиие... и спокойствие.

Жена столяра при этих словах всхлипиула.

— Спокойствие?..— протяиула оиа дрожащим голосом, и иа глазах у иее иавериулись слезы.— Разве можио быть спокойиым, когда...

Иистектор виновато потупился. Да, ои выразился, коиечио, глупо, ие сердечио, ие как отзывчивый, чуткий человек. Ои был очеиь смущеи.

— Я хотел сказать, что мы уверены...— Инспектор запнулся.— Мы уверены, что дело кончится благополучно...

— Дай бог! — воскликнула тетя Надка.

— Столько дней уже прошло! — все еще всхлипывая, сказала Пиронкова.

— И не один еще, наверное, пройдет...— проговорил инспектор.— Но мы непременно добьемся чего-нибудь. Не можем не добиться.

На минуту воцарилось неловкое молчание.

— Это, наверное, соседи? — спросил инспектор.

— Нет, это мой брат с женой,— ответил со вздохом Захарий.

Инспектор внимательно оглядел их.

— Тем лучше,— сказал он.— Как раз поговорим...

Но на лицах всех находившихся в комнате, казалось, было написано: «О чем еще говорить? Какой может быть от этого толк? Нам не слова нужны, а дела, настоящие дела». Только лицо мальчика как будто выражало надежду и доверие.

— Итак, расскажите-ка мне,— начал инспектор,— что-нибудь о вашем ребенке. Какие у него склонности, какие вкусы? Было ли что-нибудь такое, что особенно интересовало его, особенно волновало, чему бы он отдавал особенное предпочтение?

— Да ведь ребенок же! — упавшим голосом промолвила мать.— Ему все интересно...

— Не совсем так, гражданка,— спокойно заметил инспектор.— И у детей есть, как и у взрослых, свои интересы. Конечно, они несколько отличаются... Одни, например, ужасно любят ходить в кино. Другим больше по душе цирк. Есть дети, для которых сходить в цирк — это верх блаженства... Вы не припомните, просил ли он вас о чем-нибудь — скажем, сводить его куда-нибудь?

— Нет, не было такого! — быстро ответила мать.

— Не спешите, подумайте. Может, о чем-нибудь совсем незначительном... Пусть это будет самая что ни на есть мелочь — скажите, не стесняйтесь.

— Он хотел, чтобы мы сводили его к медведям! — сказал вдруг Захарий.

— В зоопарк? — быстро взглянул на него инспектор.

— Да, туда... где медведи...

— Когда это было?

— Точно не знаю... Дней десять, наверное, будет...

— Он очень настаивал? Умолял?

— Нет, не особенно. Один раз, помню, за обедом сказал: «Папа, давай сходим к медведям...»

— Когда вы водили его туда в последний раз?

— В прошлом году.

— Часто он просил вас об этом? Или так — время от времени?

— Не помню, чтобы он еще раз просил,— со вздохом ответил столяр.

— А-а-а, просил, просил! — возразила его жена.— Помнится, даже не раз...

— А волновался ли он при этом, умолял?

— Да не особенно... Вспомнит, попросит, а потом и забудет. Месяцами не говорит об этом.

— И ни о чем другом он вас не просил? Скажем, в цирк сходить...

— Да он ни разу не был в цирке — как же будет проситься туда? — уныло ответил отец.— Как-то все не могли собраться... Ну, к медведям-то ходили. В кино были с ним несколько раз. Вот, пожалуй, и все...

— А на футбол?

— У у на футбол я его чаще водил. Но он там порядком скучал, даже брать его не хотелось.

Инспектор задумался.

— Значит, вы не замечали у него каких-нибудь особенных склонностей? — спросил он, все еще не теряя надежды.

— Он очень любит разбирать,— неуверенно произнес Захарий.— Это его слабость...

— Разбирать?... Что разбирать?

— Все, что ему подвернется. Будильник какой-нибудь... Электрические приборы...

— М-да! — Голос инспектора звучал далеко невесело.— Кем он мечтал стать?

— Инженером,— не очень уверенно ответил отец.

— Не инженером, а извозчиком! — подал голос молчавший до сих пор Зарко.— Извозчиком или шофером... Он мне говорил: «Лучше всего, Зарко, быть извозчиком, весь день катаешься...»

Инспектор впился в него своими серыми глазами.

— А видел ли ты, чтобы он вертелся возле легковых машин, грузовиков? Чтобы садился в кабину и просил шоферов покатать его?

Мальчик задумался.

— Нет, не видел,— ответил он тихо.

— И никто не замечал за ним этого?

— Никто! — сказал Пиронков.

— И когда вы его посылали что-нибудь купить, он очень задерживался или же быстро возвращался?

— Задерживался,— с горечью ответила мать.— Иногда даже подолгу.

— Так... А знаете, где он чаще всего останавливался, на что больше всего терял время?

Все умолкли — этого никто ие знал. Инспектор опять задумался.

— У детей разиые характеры,— заметил ои.— Некоторые из иих послушны — что им велишь, то и делают. Другие упрямы и своеиравны. Эти порой способиы такое иатворить, что просто диву даешься, как только оии могли додуматься до этого.

— Нет, иаш послушиый! — скорбио проговорила мать.— Очеиь даже послушиый... На весь день можешь оставить его одиого дома — ие выйдет, пока ие вериусь.

— А часто и подолгу вы оставляли его одиого?

— Иногда... когда в баию ходила... Ну, а иначе ои всегда со мной...

— Озорничал ли ои?

— А какой ребеиок ие озорничает, товарищ? Ведь это же ребеиок, без этого ои не может.

— Когда он озорничал, вы иаказывали его, били?

Жеищииа заметно смутилась.

— Без этого ие обойтись...— вздохнула она.— Всегда иайдется за что шлепиуть ребеика.

Инспектор посмотрел иа нее в упор.

— Есть разиые матери! — сказал ои.— Одии шлепают — так, для острастки... Другие же бьют крепко, по-иастоящему. Прошу вас, будьте со мной откровенны и скажите мие правду.

Мать покачала головой.

— Нет, я его больно ие била. Так только легоиько шлепиу.

— А в тот самый день, когда ои исчез? Били ли вы его, обидели ли чем-иибудь?

— Нет! — ответила мать.— Ои был очеиь весел, все с кошкой возился...

— Ну а с кем он играл, с кем возился? Был ли у иего такой приятель, с кем ои часто виделся, о ком часто вспомииал?

Жеищииа задумалась.

— Да вроде с Пешко он больше всего дружил... Да, с Пешко, сыиишкой Фаики. Одногодки оии.

— Так...— кивиул инспектор.— А теперь я хочу, чтобы вы мне ответили на один очеиь важиый вопрос. Только ие торопитесь отвечать, а прежде хорошеиько подумайте... Вопрос такой: видел ли кто из вас в последнее время, чтобы ваш ребенок разговаривал где-иибудь с каким-иибудь взрослым человеком? Или чтобы он рассказывал вам что-нибудь о каком-нибудь взрослом человеке? Прошу вас, хорошеиько подумайте.

Инспектор откинулся иа спинку стула, ие сводя глаз с присутствующих. Было видио, что все оии усиленно и добросовестно думают, иапрягая память.

— Нет, ничего такого я ие знаю...— первым ответил отец.

И другие не могли ничего сказать.

— Может быть, вы забыли,— сказал мягко инспектор.— Подумайте еще, если припомните что-нибудь такое, то сейчас же скажите...

Инспектор задумался. И этот разговор, на который он так рассчитывал, не привел ни к чему. Все в истории пропавшего мальчика было самым обычным, не вызывающим ни малейшего подозрения. Просто не за что было ухватиться, нигде не было видно ни одной путеводной нити. Да и сами родители были совсем обыкновенными людьми. Вряд ли он добьется чего-нибудь более определенного, если подробно расспросит и об их жизни. Последний свой вопрос он задал, чувствуя, что просто даром тратит время:

— Скажите, есть ли в вашей жизни такой человек, который бы относился к вам особенно враждебно, желал бы вам зла?

Столяр энергично завертел головой.

— Нет, таких нет! — ответил он категорическим тоном.— Кто может желать нам зла и за что? Я за всю свою жизнь, как говорится, мухи не обидел.

Итак, разговор был окончен. Инспектор задал еще несколько мелких вопросов и собрался уходить. Вдруг Зарко, который до сих пор лишь изредка подавал голос, стремительно поднялся со своего стула — раскрасневшийся и возбужденный.

— Товарищ начальник, разрешите, чтобы и я тоже помогал вам,— произнес умоляюще.— Поручите и мне какое-нибудь дело...

Инспектор широко и непринужденно улыбнулся.

— Я и сам об этом думал! — сказал он дружелюбно.— Разумеется, и ты можешь помочь. Стоит тебе только захотеть...

— Да я же хочу! — зарделся Зарко.

— Дело не из легких...

— Это еще лучше...

Инспектор снова улыбнулся.

— Ну, хорошо, тогда слушай внимательно. Завтра ты соберешь всех детей, что живут на этой улице и поблизости. Даже пяти-шестилетних. И самым подробным образом расспросишь кой о чем. Во-первых, видел ли кто из них Васко в день его исчезновения? Разговаривал ли он перед этим с каким-нибудь взрослым человеком? И вообще, видел ли кто из них какого-нибудь взрослого человека, который бы слонялся поблизости без дела — кого-либо поджидал или расспрашивал? Запомнил?

— Запомнил.

— Надо разузнать, произошло ли в этот день что-либо особенное... что-нибудь особенно интересное, чего взрослые не заметили.— Инспектор опять задумался.— Ну, на завтра хватит! — махнул он рукой.— Не так уж мало. Справишься?

— Обязательно справлюсь! — пылко воскликнул мальчик.— Еще утром соберу всех...

— Ты не очень-то спеши... Надо собрать всех ребят, чтобы никто не отсутствовал. И вообще, хорошенько их расспросить...

— А как я потом вам сообщу?

— Об этом не беспокойся, я сам приду к тебе...

Через несколько минут инспектор Табаков попрощался и вместе с участковым вышел на улицу. Вид у лейтенанта был подавленный — он сам убедился, насколько неполным и неточным оказалось дознание, произведенное им несколько дней назад. Инспектор же выглядел задумчивым, лицо его как-то потускнело и выражало тревогу и беспокойство. Они медленным шагом вернулись в отделение милиции. Так же медленно поднялись по лестнице и вошли в комнату лейтенанта.

— Не двигается у нас что-то это дело! — произнес с досадой инспектор.— Представляешь, если и дальше так будет?

— Да...— вздохнул лейтенант.

— На завтра у тебя две задачн,— продолжал инспектор.— Во-первых, ты должен сходить в зоопарк... Правда, поздновато, но, может кто из сторожей все же припомнит, слонялся ли в тот день в зоопарке или около него маленький мальчик без родителей и как он выглядел.

— Это ничего не даст,— мрачно проговорил лейтенант.

— Неважно. Мы должны выяснить... разузнать всюду, где только можно...

— Хорошо. И во-вторых?

— Еще раз проверить, не останавливался в тот день на улице, где жнвут Пиронковы, или на ближайших улицах грузовик или легковая машина. Может, кто-нибудь вспомнит. Такая возможность не исключена. Если узнаешь, то выясни все подробности в связи с этим. Понятно?

— Понятно! — кивнул лейтенант.

Уходя, инспектор был по-прежнему задумчив и мрачен. Чтобы освежиться, он умышленно выбрал окольный путь и вышел на Русский бульвар. Было уже довольно поздно, но поток молодых людей, отправляющихся в парк на прогулку, не прекращался. Инспектор слышал их веселые голоса, беспечный девичий смех и чувствовал, как сжимается у него сердце. Нет, он больше не должен думать об этом, на сегодня с него хватит. Был такой приятный июльский вечер, так чудно сияла полная луна над неоновыми лампами широкого бульвара. Наконец инспектор почувствовал, что несколько успокоился, и решнл идти домой. Хотя и там не станет веселее. Все будут упорно молчать, унылые и мрачные из-за расстроившейся поездки на море. Генерал сказал: пять дней... Но достаточно ли этого? Сомнительно... Инспектор уже чувствовал, что не сможет оставить дела н будет бороться до конца, до полной победы.

Поднявшись по лестннце на свой этаж, он, все еще погруженный в раздумье, позвонил. Дверь открылась неожиданно быстро, на пороге стояла его жена с испуганным лицом.

— Илия, Наско пропал.— Ее голос прерывался от волнения.

Инспектор остолбенел, он не верил своим ушам.

— Что ты сказала? Пропал?

— Да, исчез...— в отчаянии воскликнула жена.

— Не может быть... Как это он может исчезнуть?

Перепуганная мать наспех рассказала ему обо всем. Хотя рассказывать-то, в сущности, было почти нечего. Узнав, что они не поедут на море, Наско повесил нос, выглядел вконец отчаявшимся и сокрушенным. Естественно, мать хотела, чтобы он рассеялся, и пустила его на улицу поиграть с детьми.

— Когда это было? — прервал ее инспектор.

— Часов в шесть...

В половине девятого мать, потеряв всякое терпение, отправилась за ним, но мальчик словно сквозь землю провалился. Никто из его товарищей не видел его на улице и не мог ей сказать о нем ни слова.

— В милицию сообщила? — нетерпеливо спросил инспектор.

— Сообщила...

— Представляю себе, какую ты суматоху подняла! — с легкой досадой сказал Табаков.— Ничего, мы найдем его...

Инспектор облокотился о письменный стол, и на его лице появилось, как и всегда в такие минуты, особенное выражение. Жене, уже хорошо изучившей его, было ясно, что он сейчас усиленно думает. Она нетерпеливо пожала плечами — что тут размышлять? Нужно искать, действовать! Хорошо, что его коллеги — работники милиции — уже занялись этим делом. Наконец инспектор поднял голову и тихо сказал:

— Вызови поскорей такси...

— Что? — не поняла жена.

— Я же сказал — вызови такси. Через полчаса Наско будет дома...

Хотя голос его и звучал уверенно, он все же чувствовал, что где-то глубоко в нем таятся сомнение и страх. Что это за странные исчезновения? Не скрывается ли за ними какая-то неизвестная, страшная сила? К счастью, такси подкатило очень быстро и вывело его из мрачного раздумья. Муж и жена вышли на улицу, инспектор сел рядом с водителем и тихонько сказал ему:

— Первым делом в кафе ЦУМа...

Но жена все-таки расслышала.

— Какой еще ЦУМ? — изумилась она.

— Я полагаю, что он там,— спокойно ответил инспектор.

Через несколько минут такси остановилось перед кафе. Супруги вышли из машины.

— Подождите немного... Мы сейчас же вернемся,— на ходу крикнул инспектор шоферу.

Они с женой одновременно вошли в кафе. Однако первым заметил сына отец.

— Видишь его?

— Где? — вздрогнула мать.

— Вон там, у автоматического граммофона...

В кафе стоял большой автоматический граммофон. Желающие послушать музыку опускали в него мелкие монеты и нажимали — в зависимости от выбранной ими пластинки — определенный клавиш. И вот тут начиналось действие магических сил. Под стеклянной крышкой оживала длинная металлическая рука — она с математической точностью выбирала нужную пластинку, затем подносила ее к диску, осторожно ставила, и начиналась музыка.

Перед этим-то веселым чудом техники и стоял, глядя на него во все глаза, Наско. Каким образом эта металлическая рука находит и ставит нужную пластинку? Как это получается, что металлическая рука всегда знает, какую пластинку ей нужно взять? Все ее движения так уверенны, так точны — она никогда не ошибается, всегда выбирает правильно.

— Эй, гражданин, что ты здесь делаешь?

Мальчик ничуть не удивился, услышав знакомый голос. Обернувшись, он недружелюбно взглянул на отца и немного резко ответил:

— Смотрю!

— Пойдем-ка домой...

Наско не поспешил подчиниться. Как раз в эту минуту рука возвращала проигранную пластинку на ее прежнее место. Затем, все такими же неторопливыми, уверенными движениями, она, выполняя желание следующего посетителя, выбрала и поставила на диск новую пластинку. Чудо, настоящее чудо!

Позднее, когда Наско уже спал, мать со вздохом спросила:

— А как ты догадался, что Наско в кафе?

— Ты мало присматриваешься к ребенку! — с легким укором заметил в ответ инспектор.— Не знаешь, что он думает, что его волнует...

— А тебе это откуда известно?

— Он мне говорит.

— Вот как! — воскликнула немного задетая мать.— А почему он мне ничего не говорит?

— Потому что ты не интересуешься этим и не спрашиваешь его.

— А тебе он сказал, что хочет сходить в кафе ЦУМа?

— Этого он мне не говорил. Но разве ты забыла, что дней десять назад мы были с ним в этом кафе?

— Да, помню...

— Вот в этом-то и все дело...— сказал инспектор, массируя резиновой щеткой просвечивающее сквозь поредевшие волосы темя.— Пока мы там сидели, он не отходил от граммофона, а потом несколько дней только и говорил о нем...

Мать умолкла с виноватым видом — теперь она действительно припомнила все эти подробности.

— Ясно, мальчишка считает себя обиженным. Кто же виноват, что он не поедет на море? Разумеется, отец. А раз я виноват перед ним, то неизбежно роняю себя в его глазах. Вместе с этим ослабевает один из сдерживающих факторов. Ребенок чувствует, что он вправе совершить какой-нибудь дурной поступок, хотя бы так, в отместку.

— Ишь поганец! — сердито проговорила мать.

— Нет, он мальчик неплохой! — улыбнулся Табаков.— Но все дети ужасно чувствительны к тому, что справедливо и что нет. И вот он выходит из дому... Но куда он может пойти? Разумеется, туда, где за последние дни его воображение получило богатую пищу... Подумав хорошенько, я сразу же догадался, куда он мог отправиться.

Инспектор умолк на мгновение, затем тихо добавил:

— Необходимо знать детей... Знать и понимать... Это и им на пользу, и нам. Подумай об этом.

Всю ночь Зарко спал неспокойно, ворочался во сне и тихо стонал. Проснулся он очень рано. За окном алело утреннее небо, где-то в ветвях весело щебетали птички. Внезапно его охватило страстное нетерпение поскорее встать и сейчас же взяться за дело. Ему казалось, что стоит только сделать все то, о чем ему говорил «начальник», и он непременно узнает нечто чрезвычайно важное, быть может, роковое. Кто знает, не зависит ли именно от него, будет ли, наконец, найден пропавший Васко...

Зарко приподнялся на кровати и посмотрел на большой будильник — был шестой час. В доме все, кроме него, еще спали. Если встать сейчас, то кого разыщешь так рано? Он едва вытерпел до шести часов и поднялся вместе с матерью. Та, увидев его торопливо умывающимся под краном, не поверила своим глазам.

— Ба! Что это на тебя нашло? — изумилась она.— Куда это ты собрался в такую рань?

— Дело у меня есть! — коротко ответил мальчик.

Мать уже забыла про вчерашний разговор, да и не верила, что у такого мальчугана может быть какое-нибудь серьезное

дело. Зарко позавтракал и стремительно выбежал из дому. Но в такую рань никого из детей еще не было видно. Напрасно он обходил дворы и заглядывал во все закоулки. Убедившись, что ему не собрать никого в такой час, Зарко воротился домой и разбудил братишку.

— Вставай, вставай! — заторопил он его.— Сегодня нас дело ждет...

Мишо посмотрел на него одним глазом и опять укрылся с головой. Однако не суждено ему было в это утро как следует выспаться. Зарко стащил с братишки одеяло, но тот свернулся клубком и крепко зажмурил глаза. Пришлось прибегнуть к помощи графина с водой. В следующий миг мальчик уже сидел на кровати, растерянно тараща глаза.

— Ма-ам! — плаксиво протянул он.— Зарко дерется.

— Кто дерется? — возмутился Зарко.— Что ты врешь?

— А ты зачем облил меня водой?

— Это совсем другое...

— Нет, не другое... Ма-а-ам...

В дверь просунулась голова матери — глаза ее смотрели угрожающе.

— Лгун! — бросил презрительно Зарко.— Обойдусь и без тебя!

Только сейчас Мишо вспомнил, о чем они говорили вчера вечером. Мигом вскочив, он пустился догонять брата. Сначала Зарко был непреклонен, но, увидев испуг и тревогу на лице братишки, все-таки сжалился над ним.

— Что, будешь врать в другой раз? — спросил он.

— Нет, не буду. Никогда больше не буду врать.

— Ты всегда так говоришь,— пробурчал недовольно Зарко,— а потом опять врешь.

— Если хочешь, я могу побожиться,— умоляюще произнес Мишо.— Пусть меня поразит...

Зарко снова рассердился.

— А ну замолчи! — прервал он его.— «Пусть меня поразит»... Кто тебя поразит?.. Одни неучи божатся...

Но Мишо неожиданно возразил:

— Вот и неверно! Папка-то разве неуч? Он тоже божится...

— Неправда! — сказал Зарко, пораженный этим открытием.— Когда это он божился?..

— Божился, божился, я слышал своими ушами. Мама сказала ему: «Ты опять наклюкался?»

— Наклюкался? — не понял Зарко.

— Значит, выпил... А папка сказал: «Честное слово, нет!»

— Это совсем другое дело...

— Погоди, погоди! Тогда мама сказала: «А ну побожись...» А папка сказал: «Порази меня бог, если я хоть глоточек выпил... Вот — перекреститься могу...»

Зарко смотрел на своего братишку выпученными глазами.

— Да это он просто шутил! — внезапно осенило его, и он сразу повеселел.— Ведь папка — коммунист и не верит в бога...— заключил он уверенно.

В конце Зарко согласился опять взять Мишо к себе в помощники. Будет так, как они договорились вчера вечером: Зарко соберет ребят постарше, а Мишо — маленьких, дошкольников...

— Скажешь им — пионерское задание! — поднял руку Зарко, и лицо его озарилось внутренним светом.

Но оказалось, что собрать всех детей в одном месте — совсем нелегкое дело. То у какой-нибудь девочки урок музыки, то какому-нибудь мальчику нужно остаться помогать матери. И только сила таких веских слов, как «пионерское задание», собрала, наконец, детвору во дворе одного большого дома. Было уже около половины одиннадцатого. Зарко терял всякое терпение. Пришедшие дети — их было уже десятка два — шумели, как пчелиный рой, и с интересом и любопытством поглядывали на Зарко, который все еще загадочно молчал.

— Все в сборе? — спросил он немного погодя.

— Филиппа нету! — крикнул кто-то из задних рядов.— Он болеет...

— А когда он заболел?

— Не знаю,— промямлил мальчуган.— Целая неделя уже прошла. Даже больше...

«От него не будет никакой пользы,— рассудил Зарко.— Ведь он ничего не знает, раз не выходит уже целую неделю...»

— Лили не пришла! — сообщила какая-то девочка.— Сказала, что придет...

Лили все же пришла, хотя и последней. Это была шестилетняя девочка, щупленькая и кудрявая, с маленькими, блестящими, как черные бусинки, глазами. Она уселась впереди и с любопытством уставилась на Зарко. А тот выпрямился и, как всегда, когда ему приходилось что-нибудь говорить, сильно побледнел.

— Дорогие пионеры, мы собрались здесь по одному очень важному делу,— начал он медленно и даже несколько торжественно.

Шепот едва сдерживаемого любопытства прошел по группе навостривших уши детей. Зарко спокойно и не спеша начал свой рассказ о пропавшем мальчике, тщетных усилиях милиции. Но ребята знали все это и без него. Их родители говорили о Васко и утром и вечером. Какие только предположения они не строили, какие только невероятные истории не выдумывали! Дети жадно слушали, ловя каждое их слово, и, в свою очередь, тоже начали сочинять разные истории — одну запутаннее и неправдоподобнее другой, а некоторые дошли до того, что даже

начали верить самим себе. Что нового сказал им Зарко? Ровно ничего... Не отнимает ли он у них напрасно время?

— Дорогие пионеры, милиция очень рассчитывает на нашу помощь! — закончил Зарко.— Мы должны радоваться, что нам оказывают такое доверие... Вчера вечером я разговаривал с одним начальником...

— Где же этот начальник? — недоверчиво спросил высокий и худой, как щепка, Андрейко.

— Сейчас он не может быть здесь! — нахмурился Зарко.— Начальник хочет знать, видел ли кто-нибудь маленького Васко в тот день, когда он исчез. Это очень важно.

Зарко умолк и уставился на детей. Лица у них вытянулись и стали серьезными. Они переглядывались, но хранили молчание.

— Хорошенько подумайте! — сказал Зарко.— И чтоб никто не посмел врать... Соврать в таком важном деле — это все равно что встать на сторону бандитов.

При этом страшном слове, которое Зарко произнес громко и отчетливо, все вздрогнули, однако никто не произнес и слова.

— Значит, его не видел никто? — сказал с досадой Зарко.— Ну, что ж, так и скажем начальнику. Теперь другое... Видел ли кто-нибудь, чтобы Васко разговаривал с каким-нибудь взрослым человеком?.. Каким бы то ни было... Неважно, когда это было — хоть месяц тому назад...

Снова наступила глубокая, гнетущая тишина.

— Никто не видел?

— Никто! — мрачно ответил Андрейко.

— Ты не говори за всех! — осадил его Зарко.— Я и других спрашиваю...

Но и другие не знали ничего.

— Неужели же вы не видели, чтобы на вашей улице слонялся без дела какой-нибудь человек? Чтоб так просто прогуливался, поглядывал куда-нибудь, ждал чего-то? Неужели не видели?

— Я видел! — крикнул вдруг кто-то.

Сзади, из-за голов, поднялся низенький крепыш в очень коротких штанах. Зарко знал его — это был Чочко-футболист.

— Что ты видел? — спросил Зарко, почувствовав, как заколотилось у него сердце.

— Кого, а не что... Человека! — грубовато ответил Чочко.

— Что он делал?..

— Ничего не делал... Ходил себе, поглядывал туда-сюда... Минут пятнадцать...

— Ну а потом?

— Потом ничего. Мама меня позвала, и я ушел.

— А он остался на улице?

— Остался.

— Какого числа это было?
— Да в тот день, когда исчез Васко.
У Зарко зашумело в ушах от волнения.
— Чочко, то, что ты сказал, ужасно важно. Этот человек мог быть из шайки баидитов.
Дети зашумели, Чочко вытаращил глаза.
— Баидиты? — воскликнул он.— Да вроде ои ие был похож на бандита.
— Как он выглядел?
— Да так — обыкновенно.
— Ты должен мне сказать, как он был одет, сколько, по-твоему, ему лет?
Чочко замолчал, видимо чувствуя большое затруднение. «Угадать возраст взрослого человека — это самое трудное дело»,— подумал он.
— Лет тридцать, иаверное...
— А в чем он был одет?
— Как все.— Чочко порозовел от иапряжения.— А, да, он был в желтых ботииках... И часы у иего были — он смотрел на часы.
— А курил ли ои?
— Курил... Нет, не курил... Нет, иет, нет, курил... Сейчас я точио вспомнил — курил...
Зарко засыпал мальчика вопросами, но больше этого не узнал иичего. Человек без всякого дела шатался туда-сюда по улочке, на которой жили Пироиковы, держась поближе к их дому... Выглядел ои иемножко взволнованным и будто чем-то рассерженным. Одет был ии хорошо ии плохо, но в новых ботинках — шикарных желтых ботинках. Что еще?.. Да, волосы... И кажется, без галстука... В котором часу? Часов в девять или одиннадцать — точно ои не может сказать, ведь у него нет часов.
— Если ты увидишь его иа улице — узнаешь? — спросил Зарко.
— Конечно, узнаю! — решительно ответил Чочко.— По другой стороие будет идти — все равно узиаю...
Один малыш нерешительно привстал.
— Зарко, я, кажется, тоже видел этого человека...— сказал он.— Такой, в желтых ботиииках...
— А что он делал?
— Ничего... Должио быть, ждал кого-то.
— Видел ли ты, чтобы ои с кем-нибудь разговаривал? С кем-нибудь встретился?
— Нет... А может, просто ие обратил виимания,— ответил мальчуган.— Разве я знал, что это бандит...
Подробиые расспросы почти убедили Зарко, что оба мальчика видели одного и того же человека. Под коиец ои уже

слушал одним ухом, представляя себе, как будет выкладывать начальнику эти важные сведения и как тот похвалит его, удивленный проявленными им способностями. Ребята, о которых Зарко позабыл на минуту, вдруг расшумелись, начали сами, теряясь в догадках, строить разные предположения.

— Тихо! — опомнившись, крикнул Зарко.— А ну-ка вспомните, не случилось ли еще чего особенного в тот день... Может, кто из вас что-нибудь видел, слышал или нашел... Все равно что.

Но дети почти не слушали его и продолжали оживленно разговаривать между собой.

— Значит, ничего такого не было? — снова спросил Зарко.

— Нет, нет! — ответило несколько голосов.

— Подумайте еще! — повысил тон Зарко.— Это очень важно... Важна любая мелочь, любая подробность.

Но дети были заняты своими разговорами. Только маленькая Лили, стоявшая перед ним, казалось, ловила каждое его слово. Она робко, с каким-то виноватым видом таращила на Зарко свои черные бусинки и то и дело краснела. Сначала он не обратил на девочку внимания, но затем и сам уставился на нее.

— Что, Лили? — вспомнил Зарко ее имя.— Что ты на меня смотришь?

— Ничего! — вздрогнула девочка.

— Ну зачем врать? Я же знаю: ты мне хочешь что-то сказать.

Лили покраснела до корней волос. Дети стали прислушиваться и поглядывать на них с любопытством.

— Зарко... я нашла...

— Что ты нашла? — перебил ее Зарко.

— Два лева нашла...

Дети залились смехом.

— И что же ты сделала с двумя левами? — спросил Зарко.

— Да ничего...

— Как так — все ничего да ничего! — воскликнул с раздражением Зарко.— Бросила их опять, что ли?

— Да нет... я на них... конфет купила...

Дети снова захохотали.

— Эй, тише вы! — прикрикнул на них Зарко.— Значит, конфет купила... Молодец, молодец! Этому ли тебя мама учила?

Девочка стыдливо опустила глаза.

— Найденные деньги — все равно что украденные... Ты, значит, воровкой хочешь стать?

Глаза Лили наполнились слезами.

— Они не краденые...— голос ее дрожал.— Я же не знала, чьи они... Если бы знала, то вернула бы их. А я ведь не знала...

— Раз так, надо было отнести их в отделение милиции.

Поняла? Когда что находят, всегда туда сдают... А взять себе то, что ты найдешь, это все равно что украсть... А воровок, если хочешь знать, в пионерскую организацию не принимают.

При этих словах девочка не выдержала и разревелась. Зарко понял, что переборщил. Он смотрел на нее в замешательстве и смущении, не зная, что сделать, как ее утешить.

— Ну, ладно, ладно, перестань!.. Подумаешь, большая беда!.. Ты же не знала... Потому и... Разве ты воровка...— бормотал он, переступая с ноги на ногу.

Но Лили продолжала плакать. Две девочки, подойдя к ней, стали гладить ее по волосам. Даже Андрейко возмутился.

— И не стыдно тебе? — сказал он с раздражением.— Ребенка маленького до слез довел...

Наконец Лили, всхлипнув еще раз, отняла руки от своего заплаканного личика.

— Я... я верну эти три лева! — проговорила она сквозь слезы.— Я отнесу их в милицию...

Зарко ушел от ребят пристыженный и очень недовольный собой. Действительно, почему он поступил так с бедной девочкой? Хотя то, что он сказал ей, сущая правда... Но так ли следовало сказать это?.. Можно быть строгим, но не жестоким.

— Ты иди домой,— сказал он братишке.— Я сейчас приду.

Зарко несколько раз прошелся по улочке, на которой жил Васко, словно там мог неожиданно появиться таинственный человек в желтых ботинках, и остановился на углу. Какой-то голос подсказывал ему, что незнакомец не случайно стоял на этом месте в тот день. Может быть, он следил за Васко, а может, хотел приманить его к себе... Желтые ботинки... Не так уж часто встречаются люди в желтых ботинках... Если собрать всех пионеров Софии, то его за полчаса обнаружат. Конечно, таких, как он, окажется немало... может, сто, а может, и триста... Но ведь Чочко видел его — он узнает его из трехсот.

«Мы отыщем его,— думал взволнованно Зарко.— Лишь бы он только не сменил ботинки... Лишь бы не надел другие...»

Окрыленный надеждой и уже в приподнятом настроении, Зарко отправился домой. Когда он открыл дверь, первым, кого он увидел, был «начальник».

Утро не принесло ничего нового инспектору уголовного розыска Табакову. Проверка в зоологическом саду, произведенная рано утром молодым лейтенантом, не дала никаких результатов. Ни билетер, ни сторожа не видели в тот день никакого маленького мальчика, который походил бы на потерявшегося. Нечто подобное произошло недели две назад, но за последние дни таких случаев, по их словам, не наблюдалось.

Инспектор помог лейтенанту собрать сведения насчет машин, останавливавшихся близ дома Пироньковых. Помимо тихой

улнцы, иа которой жил Васко, они вдвоем обошлн все блнжайшие переулкн. Дело было довольно деликатное н трудное. Приходилось входить к незнакомым, порой очень недоверчивым людям и, терпелнво излагая существо дела, стараться тронуть их рассказом о пропавшем мальчике, чтобы вызвать на откровениость. В магазинах н учреждениях было гораздо легче. Но и там результаты оказались совсем ничтожиыми. В сущиости, в квартале нмелось только одио учреждеине — районное почтовое отделеиие. Оно находилось иа довольно шнрокой, иедавно асфальтнрованной улице, пересекавшей ту, на которой жнли Пнроиковы. Выяснилось, что в день нсчезиовення Васко между одиииадцатью и двенадцатью часами перед зданием почты стоял грузовнк, развозивший по домам посылкн. Когда онн былн погружеиы, грузовнк уехал. Вндели лн работннки почты мальчнка, который бы вертелся около машнны? Нет, ие видели. А возможио лн, чтобы такой маленькнй мальчик, как Васко, залез в ее кузов? Все считали, что это невозможно, хотя задннй борт машниы во время стоянки оставался открытым. Почтовнкн утверждалн, что кузов грузовика слншком высок для такого малыша и что к нему ннкогда не приставляли инкакой лесенкн. Инспектор велел лейтеиаиту разыскать в гараже эту машнну н поговорить с шофером, а сам продолжнл расследоваине.

Блнз почты иаходилось частиое ателье хнмической чистки одежды. Хозяин — веселый и словоохотливый армянни — с большой готовностью предложил свои услуги ниспектору. Что произошло в деиь исчезиовеиия ребеика, ои ие мог припоминть, но категорнческн утверждал, что в последнне десять дией точио против его ателье ие раз остаиавлнвалась легковая машнна. Шофера ему ин разу ие удалось разглядеть, кого ои вез — тоже, так как всегда был заият своимн клнентами. Машниа стояла обычно полчаса-час и потом уезжала.

— Автомобнль был однн н тот же? — спросил ннспектор.

— Да, одни н тот же...

— Какой маркн?

— Ну, уж этого я не зиаю! — пожал плечами армяинн.

Инспектор усмехнулся:

— Откуда же вы тогда зиаете, что машииа была одна н та же?

— Да я по цвету ее узиавал... Зелеиенькая такая, как сейчас помию...

Это было все, что армянии мог сказать ниспектору. Тот дал ему номер своего телефоиа и попроснл сразу же сообщить, если машина снова остановнтся перед ателье. Армянии расклаиялся н проводил его до дверей.

— А если остановится другая машнна? — вдруг спохватился он.

— Запишите ее номер! — улыбнулся инспектор.— Но смотрите, чтобы вас не заметили...

Покончив со всем этим, Табаков отправился к Зарко. Ему открыла мать и любезно пригласила войти.

— С самого утра куда-то запропастился! — пожаловалась она.— Как ушел, так и не возвращался...

Первым пришел Мишо, а немного погодя возвратился и Зарко. По возбужденному лицу мальчика инспектор сразу догадался, что тот что-то узнал, однако не стал спешить с расспросами и терпеливо ждал. Зарко огляделся, словно боялся, что его кто-то может подслушать, и тихонько сказал:

— На улице, где живет Васко, был замечен один человек...

— Погоди!.. Начни все сначала! — прервал его с серьезным видом инспектор.

Тогда Зарко стал выкладывать все по порядку. Он рассказал подробно о том, какие он задавал вопросы ребятам, что ему отвечали. Инспектор слушал его внимательно, время от времени записывая что-то в свой блокнот.

— Это наверняка бандит! — закончил свой рассказ Зарко, чувствуя при этих словах, как по телу его пробежали мурашки.

Инспектор в раздумье покачал головой.

— Очень возможно! — сказал он.— Но возможно и другое...

— Что другое? — встрепенулся мальчик.

— Ну, скажем, человек просто ждал кого-нибудь... Может быть, товарища или знакомого.

Зарко сразу сник.

— Да, возможно...— вздохнул он.

— Ничего, мы все это выясним,— поспешил успокоить его Табаков.— Постараемся узнать, что это был за человек.

— А как мы узнаем?

— Посмотрим...— ответил инспектор.— Стало быть, это все? Не заметили ли дети чего-нибудь другого? Чего-нибудь особенного?

Зарко удрученно вздохнул. Рассказать ли ему о маленькой Лили, которая нашла два лева? Ему было стыдно вспомнить о своем нехорошем поступке. Да и что может быть общего между этим незначительным случаем и исчезновением Васко? Но, увидев серьезный, выжидающий взгляд инспектора, мальчик поборол все свои колебания.

— Они ничего особенного не заметили,— сказал он с какой-то неохотой.— Лили вот только нашла два лева...

Зарко совсем не ожидал, что эти равнодушно произнесенные им слова произведут такой эффект. Инспектор так и подскочил на своем стуле, впившись в мальчика глазами. Даже цвет его лица изменился — приобрел вдруг какой-то розовый оттенок.

— Какие это были два лева? — спросил он быстро.

— Ну, обыкновенные...— смешался Зарко.— Денег два лева...

— Одна бумажка... Или же две по леву?..

— Об этом я ее не спросил...— стыдливо потупился Зарко.

— Так... А где она их нашла, знаешь?

— На той улице, где Васко живет... В тот же день, когда он исчез...

— А где точно? Ты видел это место?

Но Зарко не знал и этого и смущенно смотрел на инспектора. Ему поручили дело, а он вот как его выполнил — даже не знает, что ответить.

— Известно ли тебе, по крайней мере, где живет Лили? — нетерпеливо спросил Табаков.

— Это знаю...

— Тогда идем к ней!— сказал инспектор и решительно встал.

Они вышли на улицу. Инспектор шагал очень быстро, лицо у него было напряженное и задумчивое. Теперь он почти не глядел на едва поспевавшего за ним мальчика и ни о чем больше его не спрашивал, словно тот стал ему вдруг совсем не нужен. Зарко почувствовал, как сжалось у него сердце. Он едва собрался с духом и спросил:

— А то вот... насчет денег, очень важно?

— Очень,— ответил рассеянно инспектор, поглощенный своими мыслями.

Внезапно он как бы очнулся, и лицо его стало по-прежнему ласковым и приветливым. Он похлопал Зарко по плечу и, улыбаясь, спросил:

— Да неужели ты еще не догадываешься?

— Нет...— ответил с горечью мальчик.

— Мать дала Васко два лева на простоквашу... Тебе это было известно!.. Бумажку в два лева...

— Нет, этого я не знал...— сказал Зарко.

— Ну, тогда другое дело! — кивнул инспектор.— Наверное, это те самые деньги... Как их мог потерять Васко? И где точно это произошло? Узнаем, по крайней мере, в какую сторону он ушел. А может, и много других вещей... Видишь теперь, какой это важный след...

Когда они вошли к Лили, вся семья обедала. Им открыл отец — сухощавый молодой человек в очках, скрипач Государственной филармонии. Инспектор коротко объяснил причину своего прихода.

— Ну, конечно! Вы можете ее расспросить сию же минуту! — охотно согласился отец.

— Нет! Нет! Пусть она сперва пообедает,— спокойно сказал инспектор.

Отец Лили провел их дожидаться в соседнюю комнату. Теперь Зарко с еще бо́льшим уважением смотрел на инспектора. Разбиравшее его любопытство и желание поскорее добраться до истины просто не давали ему покоя. И инспектор небось чувствует то же самое... Наверняка!.. И как хорошо он поступил, оставив девочку спокойно пообедать! Разве он, Зарко, не мог быть таким же внимательным час тому назад, вместо того чтобы доводить ее до слез в присутствии всех ребят?

Минут через десять отец ввел Лили в комнату.

— Это дядя из милиции,— сказал он.— Ему нужно тебя кой о чем спросить...

Лили сильно побледнела и с испугом взглянула на инспектора. Тот сразу сообразил, в чем дело, и погладил девочку по щеке.

— Не бойся! — сказал он.— Я же не за тем пришел, чтобы тебя бранить. Просто хочу поговорить с тобой о чем-то.

— Я-я-я их... верну! — запинаясь и чуть не плача, произнесла Лили.— Я же не знала, чьи они...

— Скажи-ка, Лили, какие это были деньги? — продолжал все так же ласково расспрашивать Табаков.— Одна бумажка в два лева или две бумажки по одному леву?..

— Одна бумажка! — со вздохом ответила девочка.

— Молодец! Значит, память у тебя хорошая... А где ты ее нашла?

— На улице...

— А ты можешь показать нам это место? Только точно то самое место, где она лежала...

— Могу! — тихо промолвила девочка.

Немного погодя они вчетвером вышли на улицу. Лили быстро и уверенно шагала впереди, в ее походке не чувствовалось ни малейшей нерешительности. Инспектор наблюдал за ней с напряженным интересом и нескрываемым любопытством. Он ничуть не сомневался, что она хорошо запомнила то место: богатый личный опыт убедил его, что в некоторых отношениях дети более впечатлительны и точны в своих наблюдениях, чем взрослые. Наконец Лили остановилась, огляделась и решительно указала своим маленьким пальчиком.

— Здесь! — сказала она.

Табаков достал из кармана двухлевовую бумажку и протянул ее девочке.

— Положи эти два лева на то место, где лежали те. Только так, как они лежали, когда ты их увидела.

Лили с удивлением взглянула на инспектора, немного помедлив, взяла деньги и, перегибая их, осторожно положила на мостовую у самого тротуара. Инспектор внимательно осмотрел это место.

— Скажи-ка мне теперь, Лили, как ты запомнила, что деньги лежали именно здесь? Может, там где-нибудь? А?

— Тут! — повторила девочка тем же решительным тоном.— А как я запомнила? Да по этой решетке.

Инспектор только кивнул в ответ, но было видно, что он очень доволен. В двух шагах от того места действительно чернела решетка люка городской канализации.

— Молодец, Лили, большое тебе спасибо! — сказал Табаков и погладил ее по голове.— Теперь ты можешь идти.

Он извинился перед ее отцом, который, вздохнув с облегчением, взял дочурку за руку и повел домой. Инспектор и Зарко остались на улице; инспектор — погруженный в раздумье, Зарко — томясь ожиданием, сгорая от любопытства. Теперь почти не оставалось никакого сомнения, что подобранная двухлевовая бумажка была той самой, которую мать дала Васко, посылая его в молочную. Она была найдена в тот же день, почти в то же время, почти в тот же час. Едва ли возможно такое совпадение — чтобы и кто-нибудь другой потерял в этот день на той же глухой улице точно такую же двухлевовую кредитку. Но к чему приводил этот факт? Пока что к уяснению других, незначительных на вид, но не по существу фактов. Становилось очевидным, что Васко действительно направился к молочной кратчайшим путем, а не пошел, как предполагалось, в обратную сторону — к отделению связи. Предположение, что он мог забраться в кузов почтового грузовика, сейчас, по крайней мере временно, исключалось. Он потерял деньги здесь, на этом месте. А когда он их хватился? Разумеется, прежде чем дошел до молочной. Быть может, он испугался, что его будут бранить, и бросился их искать, а тут уж могло всякое случиться...

— Теперь хорошенько обследуем это место! — сказал со вздохом инспектор и принялся так сосредоточенно и внимательно осматривать мостовую и тротуар у решетки, что, казалось, забыл все на свете. Время от времени он доставал из кармана большую лупу в роговой оправе с никелированной ручкой и долго всматривался во что-то, чего Зарко не мог разглядеть простым глазом.

Так он продвигался сантиметр за сантиметром, покуда не достиг самой решетки.

Она еще с самого начала привлекла его внимание. По виду и размеру это была очень старая, невесть когда поставленная решетка — вся ржавая, изъеденная временем, с редкими, четырехгранной формы, прутьями. Трубу, наверное, недавно чистили, так как на прутьях решетки еще можно было разглядеть остатки темной илистой массы, выброшенной наверх через люк. Они-то и заинтересовали больше всего инспектора. Он достал лупу и стал напряженно всматриваться.

— Следы автомобильной покрышки! — взволнованно произнес Табаков и обратился к мальчику: — На, посмотри!..

Зарко нагнулся и с любопытством посмотрел в лупу. Теперь и ему стали ясно видны глубокие отпечатки нарезов автопокрышки. Инспектор снова приблизил лицо к решетке, потом схватил лупу и долго рассматривал в нее следы илистой массы. Лицо его порозовело, глаза заблестели. Он достал из кармана блестящий пинцетик, быстро извлек им что-то из сгустка грязи, на котором виднелся след автомобильного колеса. Потом выпрямился с торжествующим выражением лица, глаза его сияли от радости. Зарко еще не видел его таким, он даже не ожидал, что этот спокойный, холодный и рассудительный человек может прийти в такое состояние.

— Смотри! — взволнованно проговорил Табаков, поднося блестящий пинцетик к самому носу мальчика.

Зарко посмотрел, но взгляд его выразил недоумение.

— Что это, по-твоему? — спросил инспектор.

— Не знаю!— смущенно ответил Зарко.— Вроде какое-то стеклышко...

— Не стеклышко, а фарфор,— торжествующе произнес Табаков.— Осколочек от разбитой фарфоровой миски или тарелки.

Зарко наконец понял и невольно вздрогнул.

— Тут что-то произошло! — продолжал все так же взволнованно инспектор.— Случилось что-то особенное... Здесь Васко разбил миску, потерял деньги...

— А где же другие осколки? — спросил с растерянным видом Зарко.

— Там... в люке... Миска упала прямо на решетку, разбилась, и все осколки провалились внутрь... Да, это было именно так.

В голосе Табакова чувствовалась такая уверенность, что Зарко даже ни на секунду не усомнился: конечно, все было именно так, как говорил инспектор.

— А следы покрышки? — спросил он вдруг изменившимся голосом.

— И до этого доберемся! Все выясним... А теперь, Зарко, иди обедать. Как только ты мне понадобишься, я тебя тотчас разыщу.

— Только обязательно, товарищ инспектор! — с жаром воскликнул Зарко.

Сам же инспектор даже не подумал об обеде. Первым делом он отправился в районное отделение, где у него была назначена встреча с участковым. Лейтенант сидел у себя в комнате и что-то старательно записывал в свой блокнотик.

— Ну, что нового? — бодро спросил инспектор.

Лейтенант удивленно взглянул на него. Такой беспечный

тои, когда им иа каждом шагу сопутствуют одии лишь иеудачи, показался ему довольио иеуместным.

— Ничего! — буркиул ои.— Мальчика в кузове ие было. Там все время, пока стояла машииа, иаходились два почтальоиа.

— Так я и думал! — кивиул Табаков.— Следы ведут ие к грузовику, а совсем в другом иаправлеиии...

И, увидев иедоумеиие иа лице лейтеиаита, ои поспешил рассказать ему подробио обо всех своих утреиних открытиях. Тот слушал его с огромиым виимаиием и все больше оживлялся.

— Я же вам сказал! — воскликиул ои.— Ребеиок похищеи — это совершеиио очевидио!

— Не спеши! — ответил, серьезио взгляиув иа иего, иинспектор.— Это все еще отдельиые, разрозиеииые факты... И даже иельзя сказать, что оии провереиы.

— Я увереи, что мы иайдем в люке осколки фарфоровой миски.

— И я в этом увереи, ио... посмотрим...

Лейтеиаит встал из-за стола и заходил широкими шагами по комиате.

— Зиачит, и от детей может быть толк! — усмехиулся ои.— Это мие урок!

Но инспектор ие слышал его — ои уже сиял телефоиную трубку и иабирал иомер. Сперва ои связался с отделом коммуиальиого хозяйства городского Совета и потребовал как можио скорее прислать в отделение милиции одиого или двух рабочих-каиализаторов. Второй его разговор был с управлеиием милиции. В одиом из ее отделов работали опытиейшие эксперты, которые могли решить любую задачу иаучного или техиического характера. Табаков связался с одиим из иих и спросил, может ли ои к иему сейчас же прийти. Окоичив, иакоиец, все эти разговоры, иинспектор со вздохом облегчеиия откииулся иа спинку стула.

— Это только начало! — сказал ои.— Но все-таки мы уже ступили иа дорожку... Если будем действовать как иадо, то, возможио, оиа куда-иибудь приведет иас...

Первым явился в отделение эксперт иаучно-техиического отдела. Это был сухощавый пожилой человек в поиошеииом пиджаке, его воспалеииые глаза совсем ие говорили об особеииой зоркости и иаблюдательиости. Табаков оставил лейтеиаита дожидаться каиализаторов, а сам вышел с экспертом. Прибыв иа место происшествия, эксперт сразу же прииялся за дело. Виезапио ои весь преобразился, вдруг как бы уподобившись неимоверио чуткой и подвижиой охотиичьей собаке, которая быстро сиует туда и сюда, обиюхивая все кругом и иичего ие оставляя без виимаиия. Так прошло полчаса, за которые ои тщательио обследовал всю улицу.

— Марка машины — «Москвич»,— уверенно наконец произнес эксперт.— Покрышки не изношены — они прошли не больше десяти тысяч километров. Сначала машина двигалась где-то посередине улицы, затем приблизилась к правому тротуару. Здесь она двигалась со скоростью двадцать километров в час. В двух метрах от решетки шофер резко затормозил, и машина остановилась. Затем она снова тронулась, поехала по решетке и покатила дальше...

— Куда она завернула — налево или направо? — спросил Табаков.

— Об этом нет никаких данных! — невозмутимо ответил эксперт.

— Так... А когда это произошло?

— Дня три тому назад... от силы пять...

— Насколько я вас понял, машина остановилась не совсем нормально?

— Да, не совсем... Правда, шофер подъезжал к этому месту с намерением остановить машину у самого тротуара. Это ясно видно. Но остановил ее почему-то внезапно и резко, не сбавив перед этим хода.

— Да! — задумчиво произнес инспектор.

— Представьте, что он проехал чуть дальше того места, где хотел остановиться, заметил это и... затормозил. Или, скажем, увидел вдруг знакомого...

— Это все, что вы можете сказать? — спросил инспектор.

— Таковы данные,— ответил невозмутимо деловым тоном эксперт.

— Благодарю вас.

Немного погодя явились сопровождаемые лейтенантом канализаторы. Они не спеша подняли решетку и опустили в люк длинную лопату, изогнутую у места насадки под прямым углом к черенку. Как ни был уверен инспектор в том, что сейчас извлекут черепки разбитой миски, сердце у него все же застучало. А что, если там ничего не обнаружат? Что, если этот осколок попал сюда случайно? Затаив дыхание, следил он за каждым движением пожилого рабочего, который, наконец, вытянул кривую лопату наверх и вывалил на мостовую кучку илистой массы.

— Смотрите, товарищ инспектор! — радостно воскликнул лейтенант.

В следующий миг он нагнулся и, пользуясь своим носовым платком, извлек из этой темной кашицы большой осколок разбитой миски. Через полчаса они собрали все черепки, обнаруженные в иле, и осторожно завернули их в носовые платки.

— Завтра мы получим то, что нам нужно! — воскликнул инспектор.— Миску еще сегодня восстановят в отделе... Если

мать пропавшего мальчика узнает ее, то у нас исчезнут всякие сомнения.

— А машина? — спросил лейтенант.— По-моему, ребенка увезли на этой машине.

— Это еще неизвестно,— сдержанно заметил инспектор.

Лейтенант быстро взглянул на него и поджал губы, как бы что-то смекая.

— Не поделитесь ли вы со мной своими соображениями? — тихо сказал после минутной паузы инспектор.— Может быть, они сходятся с моими...

Лейтенант в смущении почесал лоб.

— Хорошо, допустим, что между «Москвичом» и исчезновением ребенка не существует никакой связи...— задумчиво произнес он.— Просто ребенок по дороге к молочной разбивает миску, теряет деньги и исчезает... Затем появляется легковая машина, останавливается и через некоторое время уезжает...

— Вполне допустимо,— шутливо заметил инспектор.— Первый черепок, который я обнаружил, был вдавлен колесом автомобиля — отпечатки покрышки были видны совсем ясно. Следовательно, сперва была разбита миска, после чего по черепку проехала машина...

— Хорошо... Будем рассуждать логично,— продолжал лейтенант.— «Москвич», ехавший до этого по середине улицы, начал приближаться к правому тротуару. Зачем это понадобилось водителю? Есть только одна возможная причина, а именно: водитель хотел остановить машину. Как вам известно, она действительно остановилась. Но с какой целью? Из-за мальчика? Или по какой-либо другой причине? Предположим, что это произошло не в тот час, пусть даже не в тот день. Если вы, например, товарищ Табаков, едете куда-нибудь на машине, то, естественно, остановитесь перед тем домом, который вам нужен... Не так ли?

— Совершенно верно! — подтвердил Табаков.

— Значит, мы должны произвести тщательную проверку в этих двух домах по обе стороны улицы! — заключил с воодушевлением лейтенант.

— Так мы и сделаем! — согласился инспектор.

— Тогда выяснится, что за машина приезжала сюда, зачем, когда точно... Если же никто ничего о ней не знает, то очевидно, что эта машина останавливалась здесь по какой-то другой причине. Быть может, чтобы увезти мальчика...

Табаков и сам понимал, что это пока единственный способ добраться до чего-нибудь реального. Не сказав больше ни слова, он огляделся. Справа было старое трехэтажное зданьице, фасад которого выходил прямо на улицу. Дом слева, двухэтажный и такой же ветхий и облупленный, находился в глубине двора, усаженного деревьями.

— Начнем с правого! — предложил инспектор.

Лейтенант кивнул: не все ли равно?

На первом этаже жили две семьи, но ни к аптекарю, ни к конторскому служащему, насколько они помнили, еще никто никогда не приезжал на легковой машине.

— Может быть, вас не застали и уехали? — все же настаивал инспектор.

Однако оба семейства отрицали такую возможность — дома у них всегда оставался хоть кто-нибудь.

— Да и нет у нас ни друзей, ни знакомых с машинами...— сказал со вздохом конторщик.

Второй этаж занимали тоже две семьи. Продавца в мануфактурном магазине не было дома, но его жена категорически заявила, что за последнее время к ним никто не приезжал на легковой машине. Она очень хорошо помнила день, в который исчез Васко, знала, чем была занята точно между одиннадцатью и двенадцатью часами. Нет, к ним не приезжали.

— Слышали ли вы хоть шум мотора или звон разбившейся посудины? — спросил инспектор.

Женщина задумалась. Лицо ее стало серьезным и озабоченным.

— Нет, что-то не припомню,— сказала она наконец.— Да ведь я больше на кухне была...

— Дети у вас есть?

— Как же, двое! — с гордостью ответила женщина.— Но я их уже давно отправила в деревню к бабушке...

— А кто ваш сосед?

— Журналист один,— с некоторой неприязнью ответила жена продавца.— Кажется, он дома сейчас...

Табаков и лейтенант переглянулись — к журналисту всегда могли приехать на машине. Они, действительно, застали его дома. Это был мужчина лет сорока, но уже с проседью, работавший редактором в небольшой профсоюзной газете. Оказавшись человеком добродушным и любезным, он тотчас выразил готовность помочь чем может. Журналист прекрасно помнил день исчезновения мальчика, так как в то время был у себя в квартире. Но, к сожалению, и он не мог сказать, останавливалась ли перед их домом какая-нибудь легковая машина. Разумеется, они там нередко останавливались, так как редакция, не имея своей машины, пользовалась теми, которые принадлежали профсоюзу. Однако за последние десять дней за ним не приезжали ни разу.

— А не донесся ли до вас с улицы звон разбившейся посуды? — спросил Табаков.

Журналист задумался.

— Нет, ничего такого не слышал! — покачал он голо-

вой.— Да и занят я был в тот день очень. С докладом одним торопился.

— В какой комнате вы работали?

— Здесь, в кабинете...

Но кабинет его выходил окнами во двор, так что туда не доходил шум с улицы.

— Где в это время была ваша жена?

— В суде,— ответил журналист.— Она народный заседатель и в тот день была занята...

— А в комнате, которая выходит на улицу, никого не было?

— Там был Филипп, сынишка мой...

— Можете его позвать на минутку?

— Знаете, лучше мы зайдем к нему сами...— ответил журналист после некоторого колебания.— А то он болел ангиной и только вчера первый раз встал.

Все трое прошли в комнату напротив. Там на кровати, прикрытый легким байковым одеялом, лежал мальчик лет двенадцати. Лицо у него было умное, живое, только очень бледное — видимо, от перенесенной болезни. Увидев гостей, он смущенно взглянул на них и отложил книгу.

— Филипп, эти товарищи из милиции,— сказал отец.— Они хотят тебя спросить о чем-то очень важном. Постарайся же припомнить все, что только сможешь.

Филипп опять перевел на вошедших свой живой взгляд, и глаза его заблестели от любопытства. Табаков терпеливо объяснил, что речь идет о судьбе пропавшего Васко. Помнит ли Филипп день, в который исчез мальчик?

— Вспомни-ка, что ты делал в прошлую среду?

— В среду? — И мальчик начал что-то считать, загибая пальцы.— Да, помню! Как раз в тот день я заболел!

— Так... чудесно! — обрадованно кивнул инспектор.— А теперь вспомни, не слышал ли ты — примерно так перед обедом — какой-нибудь шум на улице? Будто кто-то уронил на тротуар тарелку или вообще что-нибудь бьющееся...

— Ну конечно! — воскликнул мальчик.— Очень хорошо слышал.

У инспектора захватило дух.

— Что именно ты слышал? — спросил он.

— Ну... как будто кто-то тарелку разбил...

— В котором примерно часу это произошло?

— В обед, нет чуть пораньше... Мама вот-вот должна была прийти...

— А ты не выглянул из окна? — спросил инспектор, не спуская с мальчика глаз.

— Выглянул,— кивнул Филипп.— Я тогда, как сейчас, лежал... Вдруг — трах! Не хотелось подыматься — так мне было плохо, но я все-таки встал...

— И что увидел?

— Ничего не увидел... Только машина какая-то проехала... А ни одного человека на улице не было... Очень я тогда удивился...

Инспектор и лейтенант невольно переглянулись.

— Так! Значит, ты видел машину! Это чрезвычайно важно, дружок! — сказал Табаков, силясь побороть волнение.— А сейчас я попрошу тебя припомнить все до мельчайших подробностей... Какая это была машина, где она точно проехала, быстро двигалась или медленно?

Филипп закусил губу, явно затрудняясь ответом.

— Какая была машина? — повторил он задумчиво.— Не могу вспомнить... Ехала она около самого тротуара, потому что из окна я видел ее верх...

— По крайней мере, какого она была цвета, не помнишь?

— Не помню,— ответил, немного подумав, мальчик.— Наверно, какого-нибудь обыкновенного. Кажется, она была небольшая... Ах да, вспомнил! — радостно воскликнул он, но вдруг осекся.

— Что ты вспомнил? — встрепенулся Табаков.

— За передним стеклом кабины, точно посередине, висела какая-то игрушка — не то кукла, не то клоун... Пестрая такая... красная, кажется!

— Раз ты видел переднее стекло, значит, ты видел и водителя? — спросил с надеждой инспектор.

Филипп помедлил.

— Ох, не помню! — вздохнул он.— Может, я и видел его, но забыл... Да и стекло блестело, смотреть нельзя было из-за солнца.

— Хорошо... Машина быстро шла или медленно?

— Не очень быстро... Медленно...

— Так... А мотор шумел?

— Уу, шумел!

— Раз машина проехала по вашей стороне, стало быть, она двигалась в направлении от почты к вам... Ну а куда она завернула?

— Куда завернула — не видел. Мне хотелось увидеть, кто разбил миску, я и смотрел туда. А на машину не обратил внимания.

— Значит, когда машина уехала, на улице никого не было?

— Я же сказал... Смотрю — никого нет... Тогда я высунулся из окна — и все равно никого не увидел, просто ни души не было кругом... на всей улице... Кто разбил эту миску, куда исчез — до сих пор не могу понять!

— А откуда ты знаешь, что была разбита именно миска? Может, это было что-то другое?

— Может, не миска, а тарелка,— ответил мальчик.— По черепкам же видно!

— Ты что, черепки видел? — быстро взглянул на него Табаков.

— Да, несколько штук... белые такие...

— А место, где ты их видел, можешь показать?

Мальчик встал. Окно было открыто, и он высунулся наружу. Все с любопытством приблизились к Филиппу. Он внимательно всмотрелся и указал пальцем:

— Вон там!

Не было никакого сомнения — это было там, где чернела решетка канализации и где инспектор обнаружил первый маленький черепок от разбитой фарфоровой мискн.

— А где ты увидел машину, когда выглянул из окна?

— Вон там! — снова указал пальцем Филипп.

Когда он в тот день подошел к окну, машина находилась уже метрах в пяти-шести от того места, где была разбита миска. Инспектору даже незачем было фотографировать — так хорошо, во всех деталях, запомнил все мальчик. Табаков задал Филиппу еще несколько незначительных вопросов и дружески положил ему руку на плечо:

— Спасибо тебе, Филипп! Ты оказал нам огромнейшую услугу!

Филнпп зарделся от удовольствия.

— Если я еще что-нибудь вспомню, то сейчас же вам сообщу!

— Чудесно!

Даже располагая такими ценными сведениями, Табаков не отказался от проверки в другом доме, хотя это уже не имело значения,— инспектор был уверен, что Филипп сказал правду.

— А теперь в отделение! — бодро скомандовал он.

За всю дорогу Табаков не проронил ни слова, но лейтенант понимал, что инспектор усиленно обдумывает все возможности и ходы в связн с порученным ему сложным н ответственным делом. Придя в районное отделение, Табаков долго стоял у окна, потом сел за письменный стол и минут десять что-то писал. Когда же он, наконец, поднял голову, выражение его худощавого лица было веселым н приветливым.

— Теперь попробуем подытожнть факты, которыми мы располагаем,— проговорил он.— Правда, их у нас не много, но по сравнению со вчерашним днем мы просто миллионеры... Итак...— Инспектор поднял указательный палец.— Во-первых, возле ближайшего от дома Пиронковых перекрестка, почти у самой почты, в последние дни не раз останавливалась легковая машина зеленоватого цвета. Выяснить, почему она там останавливалась, не удалось.

Во-вторых, вскоре после исчезновения мальчика по улице, где он жил, проезжал «Москвич», который приблизился к тротуару, резко остановился и миг спустя покатил дальше. Его правое колесо вдавило в остатки выброшенного из канализации ила маленький черепок от разбитой миски.

Сразу же после того, как была разбита миска, по той же улице, так близко к тротуару и к месту происшествия, проехала легковая машина неизвестной нам марки. В кабине, у переднего стекла, висела какая-то игрушка, вероятно, красного цвета. И эта машина остановилась или совсем замедлила ход, после чего продолжала свой путь. За это говорит тот факт, что у места происшествия мотор ее был включен на первую скорость.

Судя по оставленным следам, мы имеем полное основание полагать, что в данном случае речь идет об одной и той же машине.

В-третьих, замечено лицо подозрительного вида, прохаживавшееся в дни, предшествовавшие событию (а возможно, и в день события), близ дома пропавшего мальчика. Это был мужчина в желтых ботинках. Похоже, что он кого-то дожидался или же за кем-то следил.

В-четвертых, Васко с миской и деньгами отправился в сторону молочной. Поравнявшись с люком канализации, он разбил миску и потерял деньги. Миг спустя мальчик бесследно исчез...

— Все абсолютно ясно! — воскликнул лейтенант.

— Погоди, не спеши! Все это не так просто, как кажется! — строго сказал Табаков.— Однако попробуем установить, хотя и условно, связь между добытыми фактами... Что же получается?

Перед тем как Васко вышел из дому, рядом с почтой остановился зеленый «Москвич». В это же время на улице, недалеко от дома Пиронковых, прохаживался неизвестный человек в желтых ботинках, явно поджидавший кого-то или что-то высматривавший... Васко, выйдя из дому, направился к молочной. Человек в желтых ботинках подал шоферу знак и двинулся следом за Васко...

— Должно быть, водитель и человек в желтых ботинках — одно и то же лицо? — заметил лейтенант.

— Нет,— отрезал Табаков.— Невозможно, чтобы этот человек успел так быстро подбежать к машине, завести мотор и догнать мальчика у люка!.. Но лучше слушай. «Москвич» поравнялся с мальчиком почти у самой решетки... Шофер очень торопился, боясь, как бы кто не появился на улице и не расстроил их планы. Итак, машина настигла мальчика и резко остановилась. Человек в желтых ботинках, следовавший за мальчиком, схватил его и впихнул в машину. Перепугавшийся Васко выронил и миску, и деньги... Но почему они не попро-

бовали как-нибудь добром заманить его в машину? Наверное, боялись, что кто-нибудь может появиться на улице и заметить их... Как только мальчик оказался в машине, она рванулась и быстро укатила.

— Так это и было в действительности! — с воодушевлением проговорил лейтенант.

Инспектор засмеялся.

— Возможно,— сказал он,— но не наверняка... Эти отдельные факты мы связали совсем произвольно. Стало быть, это пока что не больше, как гипотеза. Мы должны обосновать ее или опровергнуть. Во всяком случае, нам теперь есть за что ухватиться и мы знаем, с чего нам начинать... Дело не такое уж безнадежное, каким казалось вначале.

— Мы теперь знаем самое главное! — воскликнул лейтенант.

— Нет, к сожалению, самого-то главного мы и не знаем,— с горечью возразил инспектор.— Если бы это было так, то мы давно бы уже раскрыли преступление... Тут что-то не то... Сколько я ни думаю, никак не могу понять, с какой целью был похищен ребенок. Кому так понадобился этот маленький, самый обыкновенный мальчик? Чем может быть оправдано такое похищение?.. Вот что никак не может уложиться в моей голове!

— Когда преступники будут схвачены, тогда все выяснится! — сказал лейтенант.— А что мы их схватим, в этом я уверен...

Поглощенные своими делами, оба они и не заметили, как прошел день. Детвора снова высыпала на улицы, и сейчас оттуда доносился радостный шум звонких и веселых голосов. Инспектор посмотрел в окно, улыбнулся и подумал: «Ради них, ради их спокойствия, ради их безопасности мы должны сделать все, напрячь все силы до предела! Кто бы ни были эти злоумышленники — они понесут заслуженное наказание!» А вслух сказал:

— Что бы нам ни приходилось делать, мы никогда не должны забывать о наших маленьких друзьях. И всегда рассчитывать на их помощь!

Первое, чем занялся на другой день инспектор Табаков, были поиски таинственного «Москвича» похитителей. Но это оказалось исключительно трудным делом. Другого отличительного признака, кроме игрушки у переднего стекла кабины, пока что не было. Ну а если ее по какой-нибудь там причине уже сняли? На что же тогда можно рассчитывать? Только на цвет машины?.. Единственный свидетель — Филипп — не мог ничего сказать об этом. Что касается показаний хозяина ателье химчистки, нет никаких доказательств, что машина, останав-

ливавшаяся перед его ателье, та же самая, что увезла маль-чика.

Еще рано утром ииспектор примеиил следующий малеиький трюк: по его распоряжению перед этим ателье остановился служебиый зелеиый «Москвич», и Табаков стал терпеливо ожидать результата. Не прошло и четверти часа, как зазвонил телефон. С первых же слов, произнесеиных с характериым акцентом, он поиял, что трюк его удался.

— Товарищ иачальиик! Легковая машиив пришла,— сообщил тихим, взволнованным голосом армянин.

— А вы увереиы, что это та самая? — спросил Табаков, усмехаясь.

— Да, я в этом не сомиеваюсь, товарищ начальиик... Стоит на том же месте и ждет.

— А почему вы так уверены?

— Да это та же самая машина! И по цвету, и по всему!

— Шофер сейчас там?

— Там. Сидит за рулем и ждет...

— Отлично, товарищ Ованесов! — произнес довольным тоном иистектор.— От вас сейчас требуется следующее: во-первых, записать номер машины... Во-вторых, запомнить, как выглядит шофер... И в-третьих...

Тут иистектор, хитро улыбаясь, замолчал.

— Что в-третьих, товарищ иачальиик?

— Никому ничего не рассказывать!

— Так точио, слушаюсь, товарищ начальиик! — ответил почему-то по-воеиному владелец ателье химчистки.

— И еще одно, последиее...— продолжал инспектор.— Если вы и впредь увидите где-нибудь такую же машину, то сразу же сообщите мне. Разумеется, запомнив, как и сейчас, иомер, шофера и вообще все, что произведет иа вас особеииое впечатлеиие...

— Так точно, понимаю, товарищ начальник!

Инспектор положил трубку и задумался. Судя по всему, иеизвестная машииа, останавливавшаяся перед ателье армянина, была марки «Москвич». Но была ли это машина похитителей?

Теряясь в догадках и строя разные предположения, он ие сразу заметил, что в кабинет к иему вошел, неся какую-то коробку, один из его помощников.

— Вот вам и мисочка, товарищ майор! — сказал он, с трудом подавляя улыбку.

Инспектор загляиул в коробку. Там действительно была миска, хотя и не полностью восстановлеиная — иедоставало иескольких кусочков...

— Мастерски сделано! — сказал Табаков.— Посмотрим, что скажет мать мальчика, признает ли ее...

Пять минут спустя машина мчала его к родителям Васко. Ему надо было поговорить с ними, а затем встретиться с Зарко, которому он решил дать еще одно поручение.

Вскоре машина остановилась. Эта маленькая улица действительно была необыкновенно тихой и безлюдной. Хотя шел уже десятый час, Табаков не увидел на ней ни одного прохожего, не услышал никаких голосов. Пригретая нежными утренними лучами июльского солнца, она, казалось, никак не могла пробудиться...

Поистине трудно было найти другую такую спокойную улицу, которая бы находилась так близко от центра города.

Внезапно Табаков вздрогнул и остановился. Как эта простая мысль не пришла ему в голову раньше? Разумеется, очень даже возможно, что бандиты не имели намерения похитить именно Васко. Может быть, они просто выбрали эту тихую и безлюдную улицу, чтобы остаться незамеченными, и готовы были схватить первого попавшегося им ребенка. И вот этим первым попавшимся ребенком оказался Васко...

Все это, действительно, казалось возможным.

Взволнованный и захваченный своими мыслями, инспектор даже не заметил, как очутился во дворе у Пиронковых. Вот и маленький домик. Он подошел к двери и уже собирался постучать, как вдруг произошло нечто неожиданное. Дверь быстро распахнулась, и на пороге появился Захарий Пиронков, имевший довольно странный вид. На нем была его знаменитая вельветовая кепка, надетая немного набекрень, лицо его пылало от возбуждения, глаза радостно искрились.

— Товарищ инспектор! — воскликнул столяр.— Вас-то я и ищу!

— Что случилось?

— Пришло письмо, товарищ инспектор... О Васко...

— Как это о Васко? — не понял инспектор.

— Да, о нем в письме написано...

Столяр сунул дрожащую руку в карман, но не обнаружил там никакого письма.

— Куда же это я девал его? — пробормотал он растерянно.— Вот растяпа!

И он принялся с лихорадочной поспешностью рыться во всех карманах, но все так же безрезультатно.

— Входите! — вдруг закричал Пиронков и юркнул в дверь.

Табаков последовал за ним. Когда он вошел в комнату, столяр держал перед самым своим носом длинный фиолетовый конверт и громко кричал, радуясь, как дитя:

— Вот оно, вот! Нашел! — Затем повернулся к жене, которая сидела на кровати и терла ладонями мокрые от слез щеки.— Я же тебе сказал, что он жив. А ты знай голосишь! Покойников оплакивают, а не живых!

— Дайте-ка мне письмо! — сделал нетерпеливое движение инспектор.

Захарий Пироиков тотчас протянул конверт и уставился на Табакова посветлевшим взглядом. Письмо было написано на пишущей машинке и состояло всего из двух строк:

«Ваш ребенок вне всякой опасности. Не беспокойтесь о нем и не ищите его. Скоро он будет опять с вами».

Инспектор перечитал их несколько раз и потер лоб. Всего ожидал он в этот день, но только не этого странного письма.

— Когда вы его получили? — спросил он в замешательстве.

— Да только что... Пять минут назад.

— Кто его трогал? Кто держал его в руках?

— К-то... никто,— запинаясь от волнения, сказал столяр.— Только я...

— А ваша жена?

— Ну и жена...

Инспектор снова пробежал письмо, затем внимательно осмотрел конверт. На нем была марка в шестьдесят стотинок со штемпелем почтамта. Над адресом — узенькая наклейка: «Экстрапочта».

И адрес и само письмо были написаны на пишущей машинке, одним и тем же шрифтом. Это было все, ничего другого инспектор пока что не мог обнаружить.

— Письмо пусть побудет пока у меня,— сказал он.— Вас же попрошу не выходить до обеда... К вам заглянет один из наших сотрудников.

— Товарищ инспектор, Васко ведь жив? — спросил каким-то неестественным голосом столяр.— Скажите ей, чтоб не ныла больше...

— Конечно, жив! — произнес убежденно инспектор.— И вам ничего не остается, как спокойно дожидаться...

— Ах, боже, о каком тут спокойствии можно говорить! — всхлипнула женщина.— Да был бы он только жив и здоров — уж другого ничего не хочу...

Инспектор осторожно вынул из коробки миску и положил ее на стол.

— Знакома вам эта вещь? — спросил он.

Женщина посмотрела на него в недоумении — разбитая и затем склеенная миска не говорила ей ни о чем.

— Смотрите лучше, внимательней! — сказал инспектор.— Возьмите ее в руки, не сломается...

Жена столяра осторожно взяла миску со стола и вдруг, вся зардевшись от волнения, воскликнула:

— Это та, та самая! Я узнала ее!.. С ней он ушел за простоквашей!

Она быстро вышла из комнаты и немного погодя возвратилась с другой, точно такой же миской — с той лишь разни-

цей, что принесенная была совсем целой, без малейшего изъяна.

— Обе их зараз купила, помню! — сказала она.— Посмотрите-ка, одинаковые!

Минуту спустя инспектор Табаков опять шел по улице. Письмо — этот, казалось, такой ценный факт — не обрадовало его, а скорее даже смутило. Отвечало ли оно истине? Или же являлось просто каким-то трюком, чтобы сбить с толку, ввести в заблуждение? Могла ли быть совесть у этих бандитов, похитивших среди бела дня ребенка и причинивших его родителям такое горе! Трудно поверить, что после этого они станут успокаивать их... И кроме того, если они написали письмо из побуждений хоть сколько-нибудь честных, то почему же тогда они не написали сразу, а лишь на шестой день? И почему после такого промедления вдруг решили отправить письмо спешной почтой? Все было очень загадочным.

Инспектор остановился и снова внимательно прочитал письмо. Что, в сущности, означала эта фраза: «Ребенок вне всякой опасности»? Быть может, просто для успокоения, ведь родители не могли не опасаться за его жизнь. Или же ребенку грозило что-то страшное — может, смерть... И когда опасность миновала, они написали письмо. Но кто они, эти похитители? Эти моральные уроды? Не прав ли лейтенант, говоря, что это какие-нибудь ненормальные, какие-нибудь маньяки?.. «Да, нужно приложить все усилия и во что бы то ни стало раскрыть тайну этого преступления!» — подумал он.

Мало-помалу инспектор успокоился, мысли его наконец упорядочились. Разумеется, задержка должна быть вызвана и чем-нибудь другим. Например, ребенка увезли в другой город или в какое-нибудь село. Можно ли оттуда послать письмо? Это было бы очень неразумно, так обнаружилось бы местонахождение мальчика... В большом городе легче скрыть следы преступления, чем в провинции. И только когда кто-то из похитителей возвратился оттуда, письмо было отправлено, и притом даже экстрапочтой.

С головой, полной таких мыслей, инспектор Табаков отправился к Зарко. Мальчик был дома. Увидев инспектора, он с радостным криком вскочил на ноги.

— Товарищ инспектор! Ну как, вы открыли еще что-нибудь? Обнаружили бандитов?

Табаков пристально посмотрел на него.

— Сейчас ты узнаешь все,— медленно проговорил он.— Хоть это и запрещено, но тебе я расскажу. Буду считать тебя не посторонним человеком, а своим помощником.

Лицо мальчика порозовело от удовольствия. Не спеша инспектор осведомил его о своих последних открытиях. Зарко слушал, разинув рот.

— Вот здорово! — воскликнул он.— Теперь я уверен, что вы его схватите!

— Зарко, мне опять нужна твоя помощь! — осторожно начал инспектор.— И не только твоя, но и твоих товарищей...

Зарко весь загорелся любопытством.

— Какая помощь?

— Речь идет о человеке в желтых ботинках... Он может снова появиться. Вообрази, что ты на улице и видишь его — стоит и ждет... Что ты сделаешь?

— Сразу же позову милиционера! — заявил с жаром Зарко.— Он его немедленно арестует!

— На вашей улице нет милиционера.

— На бульваре есть! — поспешно отозвался мальчик.— Я точно знаю, где он стоит...

— Хорошо... Ты идешь на бульвар и возвращаешься с милиционером. И что? Смотришь — человека и след простыл...

— Верно...— уныло произнес Зарко.

Инспектор усмехнулся.

— Выходит, что это рискованно,— сказал он.— Есть другой, более надежный способ.

— Выследить его?

— Именно! — ответил довольный инспектор.— Надо выследить его. И конечно, действовать при этом очень осторожно, не выдавая себя... Ни в коем случае человек не должен почувствовать, что за ним следят. Поэтому надо тщательно маскировать свои намерения. Быть от него совсем близко и в то же время оставаться незамеченным... Это не так уж трудно — ты мальчик и вряд ли вызовешь у него подозрения. Если он сядет на трамвай, то и ты за ним... Понятно?

— А если он сядет в машину?

— Тогда делать нечего... Запомнишь только ее номер. И, разумеется, какой она марки, были ли в ней люди, как они выглядят... Но, допустим, что тебе удастся выследить его до конца и он войдет в какой-нибудь дом. Что ты будешь тогда делать?

— Буду ждать, когда он выйдет.

— Ну а если не выйдет? Представь себе, что он остается там?

Зарко смущенно замолчал.

— И в этом случае есть выход... Идешь к ближайшему автомату и звонишь мне. Я дам тебе номер своего телефона. Если меня не окажется, там будет другой человек. Ты только сообщи, а там уж наше дело... Идет?

— Ну да! — с готовностью отозвался мальчик.

— Вот все, о чем я хотел тебя попросить. Одному-то тебе, конечно, не справиться с этим — можно ли наверняка сказать, когда он там появится? Нет. Надо установить дежурство.

И чтоб дежурили не по одному, а по двое... И сделать это сегодня же. Наберешь столько ребят?

— Конечно, наберу! — воскликнул Зарко.— Все захотят...

— Всех не надо! — покачал головой инспектор.— Только самых лучших.

— Каких это лучших? — не понял Зарко.

— Лучших пионеров... Самых сознательных и самых дисциплинированных... Таких, которые умеют беречь тайну... Ну, теперь ты понял?

И он стал объяснять, как надо организовать дежурство. Мальчик слушал с таким напряженным вниманием, что инспектор к концу их встречи окончательно убедился, что на него вполне можно положиться.

— Главное — дисциплина! — закончил Табаков.— Делать только что я сказал. Ни в коем случае не рисковать; не подвергать себя опасности... Если замечу что-нибудь подобное, сейчас же откажусь от вашей помощи! Так и знай!

Через четверть часа Зарко, охваченный нетерпением и страстным желанием поскорее взяться за порученное ему дело, остался один. Инспектор отправился в районное отделение милиции, где ровно в десять часов должен был встретиться с лейтенантом. Когда Табаков вошел, тот говорил с кем-то по телефону, но, увидев инспектора, поспешил закончить разговор и встал.

— С желтыми ботинками дело обстоит очень неважно! — сказал он уныло.— Я побывал и на обувной фабрике, и в артелях. Только за последние два месяца в продажу пущено несколько тысяч пар.

— Несколько тысяч? — удивился инспектор.— А я со вчерашнего дня не видел ни одной...

— Просто не привелось... Я вот видел сегодня двоих.

— И оба были молодые люди? — спросил инспектор.

— Да, молодые,— с неудовольствием подтвердил лейтенант.— И знаете, из тех, с которыми нам порой приходится иметь дело... Да и какой нормальный, порядочный человек станет расхаживать в желтых ботинках? Ноги свои выставлять напоказ!

— Я, например, носил желтые ботинки,— серьезно заметил инспектор.

Лейтенант уставился на него выпученными глазами и заметно смутился.

— Серьезно? — пробормотал он.

— Да.

Инспектор погрузился в раздумье и, отойдя по привычке к окну, стал смотреть на улицу. Когда он, наконец, обернулся, лейтенант заметил что-то особенное в выражении его лица.

— Прочти-ка вот это письмо,— сказал Табаков.

Лейтенант несколько раз пробежал глазами письмо и по мере того, как его перечитывал, становился все более серьезным и мрачным.

— Это письмецо мне совсем не нравится,— произнес он наконец.— Тут что-то не то...

— И я так думаю.

— Кто похищает детей, у того не может быть совести. Это какая-нибудь провокация...

— Что ты скажешь о шрифте? — спросил инспектор.

— Машинка совсем не изношена и хорошо почищена,— ответил после небольшой паузы лейтенант.— Должно быть, она куплена недавно.

— Констатировано верно, но вывод сделан неверный,— сказал инспектор.— Если я не ошибаюсь, это «гермес бэби»... Они были в продаже до войны. Очень легкие портативные машинки, не пригодные для учреждений. Обычно их приобретают для своих личных нужд. Эта машинка куплена давно, но на ней мало работали.

Инспектор помолчал, затем добавил:

— Вообще преступление совершено человеком интеллигентным... и занимающим известное положение... У него автомобиль, хорошая машинка... Письма он пишет на первосортной бумаге, отсылает их в дорогих конвертах. Это не какая-нибудь там шушера.

— Землю перероем, но разыщем этого типа,— сказал лейтенант, и в голосе его впервые послышались нотки нескрываемого озлобления.— Не уйдет он от нас... Сколько в Софии владельцев «Москвичей»? Мы их всех знаем. И знаем к тому же, что кабину интересующего нас «Москвича» украшает игрушка, а у хозяина его есть «гермес бэби». Таких в Софии не сотни... Что бы он ни делал, деваться ему некуда. Он в наших руках.

— Не так-то это просто,— мрачно заметил инспектор.— Придется хорошенько поработать.

Кончились спокойные дни на тихой улице. На первый взгляд все оставалось по-прежнему, все как будто бы шло своим порядком: улица была все так же безлюдна; как и прежде, по ней лениво расхаживали желтоглазые кошки; как и прежде, на крышах галдели нестройным хором воробьи; как и прежде, во дворах беспечно играли вихрастые и курносые ребятишки. По утрам женщины выбивали во дворах одеяла и половики, в полдень, неся под мышкой арбузы, возвращались с работы мужчины, вечерами долго звенела неугомонная гитара студента-провинциала. Никакой видимой перемены, казалось, не произошло.

И все-таки улица была настороже. У нее были свои гла-

за — невидимые, но всевидящие; они пристально всматривались в каждого прохожего, и ничто не могло укрыться от них. Впрочем, для них было неважно, молод или стар прохожий, высок он или низкоросл, с бородавкой на носу или же родинкой под ухом. Это не интересовало глаза. Их интересовало одно — ботинки. Пара светло-желтых ботинок, и больше ничего.

В первый день во дворик, откуда велось наблюдение, кроме двух дежурных, пришли еще несколько мальчиков. Каждому казалось, что бандит в желтых ботинках появится обязательно тогда, когда на посту будет не он, а кто-нибудь другой. Да и удобнее так получалось. Один делает главное дело — внимательно оглядывает улицу в щель забора; другие, усевшись в тени, мирно переговариваются между собой шепотом, словно боясь, что их может услышать бандит.

В первый день разговоры велись очень интересные. И очень увлекательные. О чем только не говорили! Об изобретениях, о прериях, о межпланетных кораблях, о далеких звездах. Даже не заметили, как пришло время сменяться. Но на второй день ребят собралось гораздо меньше, да и те, что пришли, не досидели до конца. По-видимому, дело это стало казаться им довольно скучным. Стоишь у забора и часами, напрягая зрение, всматриваешься в каждый ботинок, а бандита нет и нет. Да он и не придет — не дурак он идти именно туда, где его поджидают... Проходили главным образом знакомые люди, неизвестные появлялись очень редко, разные мелькали ботинки, но только не светло-желтые. Все шли своей дорогой, спеша и не останавливаясь и не бросая по сторонам как бы высматривающих добычу взглядов. Да, дело оказалось скорее утомительным, чем интересным. И неудивительно, что в тот день после обеда пришли только дежурные Чочко и Янош, мальчик со светлыми, как солома, волосами, отец которого был фотографом. Разумеется, явился, как обычно, и Зарко, приходивший независимо от того, был он дежурным или нет, и единодушно, без слов, признанный ребятами своим руководителем, отвечающим за все.

День выдался на редкость знойный и душный. Плиты тротуаров обжигали, над крышами висело дрожащее марево. Вести увлекательные разговоры было почти невозможно. В такую жару можно только купаться или читать какую-нибудь уж очень интересную книгу. Все остальное мучительно и тягостно. И трое дозорных молча сидели на толстом бревне, уныло глядя в выбеленное зноем небо.

— Эх, надо было взять что-нибудь почитать! — сказал со вздохом Чочко, оторвавшись на секунду от щели.— Только что-нибудь очень интересное...

— А какие книги тебе нравятся больше всего? — спросил машинально Зарко.

— Какие? — взглянул на него Чочко.— Обожди... даа, таинственные...

— Таинственные? — бросил на него быстрый взгляд Зарко.— Это про духов разных? Да?

— Глупости! Про каких духов? Это, например, когда какая-нибудь тайна... Скажем, начинают вдруг умирать людн...

— Значит, фантастические! — успокоился Зарко.

— Нет, фантастнческие — это другое...

— А знаете, какой фантастнческий роман я читал вчера? — произнес с необыкновенной живостью молчавший до сих пор Янош.— Ужас какой ннтересный! Если я вам только скажу, кто его написал, у вас глаза на лоб вылезут...

Оба с удивлением посмотрели на Яноша.

— Кто же его написал?

— Ааа, это мне нельзя говорить... Он мне запретил.

— Кто тебе запретил? — не поверил своим ушам Зарко.— Сам писатель?

— Да нет... не писатель,— смутился Янош.— Другой человек...

— Как же он может тебе запретить?

— Так... не велел просто...

— Тогда, значит, это запрещенная книга,— содрогнувшись, проговорил Зарко.

— Сказал тоже — запрещенная! — в свою очередь вздрогнув, возразил Янош.— Ннкакая не запрещенная.

— Тогда почему же ты не хочешь сказать ее заглавие?

Янош покраснел, чувствуя, что вконец запутался. Это еще больше разожгло любопытство ребят, н онн засыпали его вопросамн. Убедившись, что ему от них не отделаться, Янош признался наконец: роман написан не пнсателем. И к тому же он еще не напечатан. Но самое интересное, что автор его — мальчик... И — хотят верят, хотят не верят,— он им хорошо знаком... Могут лн онн поверить, что мальчик может написать ннтересный роман?

— Ни за что на свете! — решительно заявил Зарко.— Это не роман, а какая-нибудь глупость!

— Напротив, очень даже ннтересный! — вспыхнул Янош.— Я просто не мог от него оторваться...

— И про что там рассказывается? — спросил Чочко.

— Про великанов.

— Вот видишь! — мотнул головой Чочко.— Значит, это не роман, а сказка.

— Нет, роман! Фантастический роман! Про одно нзобретенне... Допустим, ты самый обыкновенный человек, а вдруг начинаешь быстро растн... За одну неделю можешь на десять метров вырасти — есть бы только побольше давали...

Зарко презрнтельно посмотрел на своего товарища.

— Здорово! Как это он сумел выдумать? — произнес он иронически.— Как это ему пришло в голову?

Но Янош не понял насмешки.

— Правда, интересно? — спросил он, оживившись.

— Ужасно интересно! — сказал Зарко.— Только до него это уже выдумал другой...

Чочко разинул рот.

— Это правда?

— А как же... Ты читал «Пищу богов» Герберта Уэллса?.. Значит, ничего он сам не сочинил, а просто списал оттуда.

— Ишь ты! Хитрец! — разозлился и Чочко.— Да так каждый может...

У Яноша сразу пропало настроение. Оба мальчика опять прижали его к стенке, допытываясь, как зовут «автора». «А в сущности, стоит ли он того, чтобы болеть за него душой? — думал Янош.— Ведь он обманул — с какой же стати щадить его?» Наконец мальчик горько вздохнул и пробормотал:

— Филипп... Он написал...

— Филипп? — не поверил своим ушам Зарко.

— А может, он и не списал,— сказал Янош.— Может, просто совпадение...

— Тсс!..— повернул к ним голову Чочко, прильнувший к забору.— Тихо!

Мальчики насторожились. Не появился ли бандит? Но Чочко сейчас же развеял их надежды.

— Филипп идет! — сообщил он, не отрываясь от щели.

Действительно, немного погодя пришел Филипп. От болезни он исхудал еще больше, тонкий нос его совсем заострился. Рассеянно улыбнувшись, мальчик сел на бревно, на котором сидели его товарищи. Казалось, у него было что-то на уме, так как он не заметил тягостного молчания, воцарившегося с его приходом. Зарко разглядывал его в упор, точно впервые видел. Вот тебе на: такой серьезный, умный, хороший пионер — и вдруг взял да украл... Правда, украл не деньги, а идею романа, но, в конце концов, это одно и то же. Что ни говори, а кража остается кражей...

— Чего это вы на меня глазеете? — спохватился наконец Филипп.

— Ничего! — несколько сухо и раздраженно ответил Зарко.

Взор Филиппа, как бы затуманенный тяжелыми думами, сделался настороженным и зорким.

— Может, вы сердитесь на меня?

— А за что нам на тебя сердиться? — проворчал Зарко.

— Откуда я знаю...

— Что ж, хорошо, раз ты это хочешь знать, то скажи, читал ли ты «Пищу богов»?

Секунду лицо Филиппа выражало удивление, а вслед за тем залилось краской стыда.

— Читал,— тихо ответил он.

— Ну что? — повернулся Зарко к Яношу.

— Значит, и в самом деле так...— вздохнул тот.

Филипп потупился, щеки его запылали еще ярче.

— Но я не списывал оттуда! — произнес он умоляюще.— У меня совсем по-другому...

— Что же это у тебя другое? — вышел из себя Зарко.— Как раз то же самое.

— Нет, не то же самое! — теперь уже чуть-чуть обиженно возразил Филипп.— У меня совсем не так придумано — нет никакой пищи... Просто человека оперируют, извлекают у него что-то из мозга...

— И он становится великаном! — язвительно закончил Зарко.— Значит, то же, что и там!

— Нет! Идея совсем другая! Они фашисты! Целую армию из одних великанов создают, думают победить нас таким образом... Хорошо, но мы побеждаем их умом. Ум, значит, побеждает силу... Видишь теперь?

Зарко умолк и задумался. Если так, то действительно идея другая. Да и совсем про другое рассказывается... Трудно все-таки решить, кража это или нет. Он поднял голову и с любопытством посмотрел на товарища. Хм, писатель!.. Но что ни говори, это не так легко! Даже если и украл что-нибудь, все же целый роман написал! Дом, пожалуй, и то легче построить... У Зарко по болгарскому было «шесть», однако труднее всего для него было писать сочинения на свободную тему. Какие-нибудь полстранички целый день пишешь, а тут целый роман написать!

— Дай мне почитать — тогда я тебе точно скажу, украл ты или нет...— решительно заявил Зарко.

— Хорошо, дам,— ответил уныло Филипп.

— Значит, вынимают что-то из мозга? Да?

— Просто оперируют мозг, удаляют какой-то маленький нервный узел, и человек неожиданно меняется, начинает быстро расти...— Филипп на мгновение задумался и лицо его сразу преобразилось — стало необыкновенно живым и умным.— Это один ученый придумал... Но как ему проверить это на практике? Он живет за городом, на даче... И вот однажды ночью разражается страшная гроза — дождь как из ведра, молнии во все небо... И вдруг кто-то стучит в дверь. Ученый открывает, смотрит — какой-то бродяга. Промокший до нитки, на ногах не стоит от голода... Он принимает его, дает ему горячего чаю, а в чай подсыпает сильного снотворного порошку. Когда бродяга засыпает, он вместе со своим слугой перетаскивает его на операционный стол и вырезает у него кусочек мозга...

— Интересно,— пробормотал Зарко в изумлении.— Действительно, другое...

— Видишь? — сказал с торжеством Янош.— Я же тебе говорил...

— И бродяга начинает расти? — задумчиво спросил Зарко.

— Да, именно! — кивнул Филипп.— Но сейчас мне другое пришло в голову... Тоже интересное...

— Для романа?

— Нет, не для романа... Насчет Васко... Не попал ли он к такому ученому? Не производят ли над ним какой-нибудь эксперимент?

Мальчики разинули рты от удивления и переглянулись, тараща глаза. В мгновение ока их взбудораженное воображение нарисовало им картину бурной ночи, таинственный загородный дом, операционный стол и лежащего на нем Васко, над которым склонился сухощавый человек в белом халате и белой маске... В руке у него скальпель...

— Просто жуть берет! — воскликнул Чочко.

Воцарилась мертвая тишина.

— Подумайте сами — для чего еще могут похитить мальчика? — прервал молчание Филипп. Голос его дрожал.— Что с ним делать?.. Может, ему сейчас делают разные уколы, как какому-нибудь кролику...

— Это можно сделать и в больнице,— нерешительно возразил Зарко.

— А если это опасно для жизни? Кто им позволит такой опыт?

— Да, очень интересно! — сказал Зарко.— Может, случилось совсем другое, а может, и в самом деле то, что ты говоришь... В общем, я скажу инспектору.

И Зарко в тот же день позвонил Табакову. Услышав его спокойный голос, мальчик вдруг замялся, но отступать уже было поздно.

— Что-нибудь новое? — спросил инспектор.— Или просто так?

— Нет, нет, ничего особенного...— смущенно ответил Зарко.

— Ничего особенного? Значит, все-таки...

— Нет, никакого человека мы не видели... Просто нам пришло что-то в голову...

В трубке секунду помолчали.

— Хорошо! — сказал инспектор.— Я буду у вас через полчаса.

Ровно через полчаса звонок возвестил о его приходе. На этот раз он приехал в легковой машине, которую вел сам. Его вид еще сильнее смутил Зарко — вмиг все их предположения показались ему смешными и глупыми.

— Ну, рассказывай! — сказал по-свойски инспектор.

Зарко начал сбивчиво и иерешительио рассказывать, как оин сндели во дворе, как зашел разговор о кннгах, как появился Филнпп... И вдруг все, о чем оии говорили, ожило перед его глазами, в воображенин засверкали молнии, загрохотали раскаты грома... Мальчнк заговорил увереннее и с живостью рассказал все до коица. Окончнв, он с волнеиием уставился иа инспектора, ожидая услышать его миеиие. Но по виду Табакова иикак нельзя было понять, заиитересовало это его нлн иет.

— Мда-а! — пронзнес он наконец неопределенно.

— А как вы думаете, могло лн случиться что-ннбудь такое? — иетерпеливо спросил Зарко.

— Глупости! — сказал иистектор.— Вы же пнонеры, большие уже ребята!... Как вы можете так думать о врачах, об ученых?

— А еслн это какой-инбудь иенормальиый? — спросил Зарко.

Иистектор вздрогнул и быстро взглянул иа мальчика.

— Это вот возможно. Об этом я тоже думал...— произнес ои.

И как часто с ннм случалось, углубился в себя, перестал замечать окружающнх.

Как зиать, ие таится ли в этом наивиом предположении ребятншек зерно нстииы? Еслн дело обстоит н не совсем так, то не произошло ли все же что-нибудь подобиое?.. В коице концов, это какой-то ответ на вопрос, мучнвший Табакова все эти днн: для чего украли ребенка? Что, если это действительио маиьяк или сумасшедшнй, вообразивший себя ученым?.. Инспектор оцепеиел. Да, о чем, в сущиости, говорит промедлеиие, с которым отправлеио письмо иа нмя отца Васко? Не о том ли, что был проделан какой-то опыт н похититель ждал результата? Быть может, ои сделал какую-то очень сложиую и рнскоаанную операцию и ему понадобнлось время, чтобы увидеть, выживет ли мальчнк? Мальчик выжил, и тогда ои иаписал: «Ваш ребенок вие опасностн...» Да, какнм бы иевероятиым и иаивиым ии казалось это предположение, оио все же хоть сколько-нибудь объясияло иеобъясиимые до сих пор факты.

Накоиец Табаков подиял голову и устремил на мальчнка проясиившнйся взгляд.

— Хорошо, я буду это нметь в вниду! — сказал ои с серьезным видом.— Кто знает, может быть, имеиио из этого и выйдет что-ннбудь... Раз вся нстория так невероятна, то почему бы не быть невероятной и первопрнчине?

— А сами вы открыли что-нибудь? — спросил Зарко.

Лицо инспектора сразу омрачилось.

— Нет, ничего! — ответнл он иедовольно.— Абсолютно ннчего... Мы просто топчемся иа месте.

— Плохо! — помимо воли вырвалось у Зарко.

Инспектор усмехнулся:

— Да, неважно. Поэтому и вы не должны ослаблять свою бдительность... Внимательно наблюдайте за улицей — может, что-нибудь откроете.

— В нас будьте уверены! — с жаром ответил Зарко.

Но на следующее утро он понял, что его пылкие слова не стоили и ломаного гроша, так как на посту он застал лишь одного Филиппа.

— С кем ты должен дежурить? — сердито сверкая глазами, спросил Зарко.

— С Андрейко...

— А почему он не пришел?

— Почем я знаю! — обиженно ответил Филипп.— Не могу же я бросить пост и идти разыскивать его...

— Хорошо, узнаем, в чем там дело, пионерская организация разберется...— проворчал Зарко.

Минут через десять он увидел на улице Мишо, своего младшего брата. Подозвав его, Зарко велел ему сейчас же разыскать Андрейко. Мишо был рад помочь и бегом отправился исполнять поручение. Но возвратился один, и вид у него был невеселый.

— Андрейко сказал, что не может прийти! — сообщил мальчуган, морща свой маленький носик.— Говорит, что сейчас занят...

— Чем это он занят?

— Чечевицу чистит... Говорит, что мать заставила...

— Заставила! — возмутился Зарко.— Да сколько времени ее чистить-то! Чечевицу!

— А-а-а, чечевицу очень трудно чистить,— возразил Мишо, которому не раз поручали это серьезное дело.— И рис тоже трудно чистить... Легче всего фасоль, потому что фасолины куда крупнее...

— Да замолчи ты! — прикрикнул на него Зарко.— Больше он ничего не сказал?

— Сказал, что придет после обеда...

Андрейко действительно явился после обеда, чтобы отдежурить во вторую смену. Но вид у него был такой недовольный, такой кислый, что Зарко чуть было не прогнал его. Рассеянным и вялым показался ему на этот раз и Чочко. День был еще более жарким и душным, чем вчера. Над крышами еще тяжелее нависло дрожащее марево. И Зарко был уверен, что если он уйдет, оставив Филиппа и Андрейко одних, то потом не найдет на посту ни того ни другого. Уж Андрейко-то наверняка сбежит... Поэтому он решил не отлучаться до конца смены. На этот раз разговор как-то не клеился, мальчики зевали и смотрели в щель забора без всякого интереса...

— Только время зря теряем! — проворчал Андрейко.— На улице ни душн...

— Смотрнте-ка, время он теряет зря! — нахохлнлся Зарко.— А что бы ты сейчас делал? Спал бы небось, и больше ннчего!..

— Ха! Сказал тоже!.. Да я бы в бассейн сходил! — сказал Андрейко.— Там сейчас прыжкн...

— Какне прыжкн? — спроснл Чочко, зевая в обе ладони.

— Да с трамплина!

— Подумаешь! — прнкннулся равнодушным Чочко, хотя и ему очень хотелось купаться.— Пусть себе прыгают, еслн нм делать нечего...

Все опять приумолкли. Стало совсем душно, как перед грозой. Не чувствовалось нн малейшего ветерка, лнстья, скованные зноем, висели неподвнжно. Мальчики почтн не разговарнвали, лишь нзредка кто-ннбудь вяло ронял слова н, тяжело отдуваясь, тщетно нскал более надежной тенн. Наконец, часам к пятн, Андрейко не выдержал.

— Слышь, Зарко, чего и мне тут париться? Отпустнл бы ты меня, по крайней мере...

— Отпустнть тебя? — возмутился Зарко.— Да ведь сегодня твоя очередь!

— Знаю, что моя... Но ты же здесь? Я ведь вижу, что ты так н так останешься до конца. Зачем нам втроем тут сндеть, когда только двое нужны? Дай хоть я выкупаюсь...

Зарко ответнл не сразу.

— И не стыдно тебе? Не стыдно? — смернл он его гневным взглядом.

— А почему мне должно быть стыдно?

— Ты пионер?

— Да. Ну и что ж такого? Это совсем другое дело!

— Какое это другое? — повысил тон Зарко.— Пропал мальчик, к нам обращаются за помощью... Сама мнлицня просит помочь. Еслн в таком деле не поможешь, то когда ж еще? Тут-то н видно, кто настоящий пнонер, а кто фальшивый...

— Это я-то фальшнвый? — вскричал Андрейко.— Сам ты фальшнвый! Подумаешь — задрал нос! Ходит, глазеет по сторонам, как индюк!

— Кто — я?! — вскнпел Зарко.— Да я тут с утра до вечера, не как вы!

— Потому что ты воображала — и больше ннчего! — горячился Андрейко.— Фальшнвым еще обзывает! — хмуро прнбавил он.— Индюк такой!.. Я не только пионер, я отличник...

Зарко стоял весь красный от охватившего его глубокого возмущення. Мало того, что не интересуется делом, мало того, что не является вовремя на дежурство н хочет броснть пост, он еще нмеет нахальство других обвннять!

— А ну уходи! — крикнул он.— Проваливай, чего стоишь!

— Кто — ты, что ли, меня гонишь? — ехидно спросил Андрейко.

— Да, я!

— А кто ты такой?.. Кто это тебя назначил?..

Зарко на мгновение смешался. Да, его действительно никто никем не назначал, он как-то сам провозгласил себя командиром.

— Я тут за все отвечаю! — сказал Зарко, немного понизив голос.— Я встречаюсь с инспектором, я ему обо всем докладываю! А раз я ему докладываю, стало быть, я должен знать...

— Бандит! — прохрипел вдруг каким-то не своим голосом Чочко.

Оба спорщика вздрогнули и мгновение стояли неподвижно, точно окаменели. И внезапно этот дощатый забор, прильнув к которому Чочко смотрел во все глаза на улицу, властно притянул их к себе, притянул с такой силой, словно то был огромный магнит, от которого их уже ничто не могло оторвать.

На улице действительно стоял бандит. Затеяв ссору, они не заметили его появления и, чего доброго, могли бы прозевать его. А бандит, как бы желая помочь им исправить такую непростительную оплошность, стоял в своих желтых ботинках прямо против них под одним из высаженных по обеим сторонам улицы молодых деревцев, бросавших короткие круглые тени.

Зарко оглядел его острым нетерпеливым взглядом. Это был еще молодой человек с самым обыкновенным лицом — не красивым и не безобразным, не симпатичным и не отталкивающим. Бросались в глаза лишь его желтые ботинки. Кроме них, он не был ничем приметен. Серые брюки, синяя расстегнутая рубашка, белый чесучовый пиджак. Волосы у него были каштановые и прямые, лицо совсем обыкновенное, покрытое легким загаром. Только взгляд его показался Зарко несколько странным — каким-то беспокойным, нетерпеливым. Молодой человек стоял не шевелясь в тени дерева и, казалось, не замечал ничего, что происходило вокруг.

— Он? — спросил Зарко с замиранием сердца.

— Он! — так же тихо и сдавленно ответил Чочко.

— Ты уверен?

— Абсолютно! Будь он даже в черных ботинках, я бы его все равно узнал!

После его слов воцарилось молчание. Зарко продолжал внимательно изучать незнакомца. Нужно было запомнить все до самых незначительных подробностей.

— Ты, Чочко, пойдешь за ним! — проговорил он наконец.— А я буду идти по другому тротуару.

— А я? — упавшим голосом проговорил Андрейко.

— Ты должен убраться отсюда!

— А вот и не уберусь!

— Нет, уберешься! Проваливай! — твердо и безжалостно сказал Зарко.

Но он тут же забыл об Андрейко и снова жадно уставился на бандита. Однако тот не спешил уходить. Он по-прежнему стоял в тени деревца и время от времени поглядывал в ту сторону, где находился дом Пиронковых. Так прошло пять минут, потом еще пять. Незнакомец только раз взглянул на часы, но Зарко заметил, что лицо его при этом помрачнело.

Прошло еще минут десять — человек в желтых ботинках все еще был тут, он даже не шевельнулся. У мальчиков уже заболели спины, а глаза начали слезиться от напряжения. Наконец незнакомец посмотрел еще раз на часы и не спеша направился к перекрестку, где находилось здание почты. Не теряя ни секунды, вслед за ним в тот же миг двинулись Зарко и Чочко. А за ними нерешительно, с виноватым видом поплелся Андрейко.

— Ты куда? — обернулся Зарко.— Ведь тебе же человеческим языком сказано!

— Я... буду только... издалека...— пролепетал Андрейко.

— Отвечать будешь за это... Так и знай!

Но они не могли терять даром время — бандит уходил. Предстояло самое трудное — выследить его до конца. Чочко пошел следом за ним, а Зарко, держась почти вровень с бандитом, зашагал по другому тротуару. Дойдя до угла, человек в желтых ботинках обернулся и обвел взглядом почти всю улицу, но ни на секунду не остановил его на мальчиках. У Зарко радостно подскочило сердце. Значит, он не обращает на них никакого внимания. Это им на руку — легче будет вести слежку!

Оглядев улицу, человек свернул налево, к бульвару. Оба мальчика продолжали за ним следить — внимательно и незаметно, как их учил инспектор. Где-то позади, метрах в ста от них, понуро плелся бедный Андрейко, не решившийся приблизиться к ним. Когда они выбрались на бульвар, бандит подошел к трамвайной остановке. Теперь следить за ним стало еще легче — можно было не опасаться, что он заметит их, так как по бульвару густым потоком двигался возвращавшийся с работы народ.

Да и на самой трамвайной остановке было немало людей, выстроившихся в две длинные беспорядочные очереди. Конечно, как только подойдет трамвай, эти очереди сразу расстроятся и толпа хлынет в беспорядке к вагонам. Человек в желтых ботинках впереди — ему легче попасть в трамвай. Что же получится, если им не удастся сесть?

— Чочко! — сказал задумчиво Зарко.

Мальчик посмотрел на него вопросительно.

— Встань-ка лучше вон там... Чтобы влезть с передней площадки... Как тронется, прыгай — и никаких! Пусть штрафуют — все равно! Лишь бы не ссадили... Давай!

— Ладно! — буркнул Чочко.

Он был спортсменом, и такой маневр не представлял для него никакого труда. Трамвай уже подходил, люди инстинктивно подвигались вперед. Вышло точь-в-точь, как ожидал Зарко. Не успел трамвай остановиться, как все в беспорядке устремились вперед. Наступила обычная толкотня: кто бойко работал локтями, кто ловко протискивался бочком. Зарко почувствовал, как чья-то тяжелая нога надавила ему на носок, но он даже не пикнул — настолько его внимание было занято человеком в желтых ботинках! А тот был уже совсем близко к цели. Зарко тоже удалось протиснуться вперед, поближе к нему. Вдруг трамвай тронулся. Одни повисли на подножках, другие, не теряя надежды, побежали вслед. Зарко с облегчением вздохнул, человек, за которым они следили, тоже не смог сесть. Он что-то проворчал, потом посмотрел, не идет ли другой трамвай, и, постояв немного, быстро зашагал к центру. Зарко огляделся — Чочко нигде не было. Он добросовестно выполнил свой долг, вовремя вскочив на подножку передней площадки. Как же теперь быть? Сможет ли Зарко один справиться с этим трудным делом? Вдруг он увидел Андрейко, который стоял, прислонившись к фонарному столбу, и мрачно смотрел перед собой.

Мгновение Зарко колебался: взять ли его с собой после того, как он, Зарко, так сурово с ним обошелся? И тут же решил: дело это куда важнее всяких мелочных ссор и дрязг между ними!

Он прошел у самого столба и, не останавливаясь, даже не взглянув на товарища, бросил сухо и отрывисто:

— Идем! Заменишь меня! Быстро!..

Андрейко весь просиял и тотчас заспешил вслед за незнакомцем. На этом многолюдном бульваре они не опасались быть замеченными и шли от него всего в нескольких шагах. Бандит ни разу не обернулся, полагая, наверное, что находится в полной безопасности. Так они достигли центральной части улицы Раковского, затем свернули на одну из пересекающих ее улиц. Здесь, по сравнению с бульваром, было совсем безлюдно — приходилось быть более осторожным.

Внезапно человек в желтых ботинках вошел в какой-то подъезд. Зарко чуть ли не бегом бросился за ним.

— Стереги здесь! — бросил он на ходу.

Здание, в которое вошел незнакомец, оказалось новым красивым жилым домом. Внутри, на лестнице, не все еще было отделано, пахло сырой штукатуркой и известью. Но Зарко,

тороплнво поднимавшийся наверх, ничего этого не заметнл. Он догнал человека в желтых ботинках на одной нз лестннчных площадок, где тот остановился и прииялся иетерпеливо шарить в кармаиах. Зарко, следя за ним краешком глаза, продолжал поднималься. Наконец неизвестный нашел ключ н прнвычным движением всуиул его в замочиую скважнну. Мальчнк уже скрылся за изгибом перил, когда до него доиесся снльный скрип новой, с еще не смазаиными петлями, дверн.

Поднявшнсь на следующнй этаж, Зарко начал спускаться н, проходя мнмо двери неизвестного, прочел на ходу прнбнтую к ней дощечку: «Атанас Попов». Имя ничего не подсказывало. Хорошо, посмотрим, кто такой этот Атанас Попов. Выйдя нз подъезда, Зарко сразу же увидел Андрейко, стоявшего на своем посту.

— Стереги вход! — буркнул Зарко, даже ие взгляиув на него.— Я сейчас вернусь...

— Куда ты?

— Инспектору позвонить...

Хотя Зарко говорнл сухо н сдержанно, он испытывал необыкновенную радость н гордился собой. На него возложилн трудное задание, и он с честью выполинл его.

Преступник теперь ие уйдет, через какнх-ннбудь полчаса он будет схвачен. Может быть, завтра, а может, даже сегодия Васко будет иайден и возвращеи родителям. Сейчас главное — арестовать человека в желтых ботинках, чтобы, наконец, распутать весь клубок.

Вбежав в первую попавшуюся ему телефоиную будку, Зарко порывнсто схватнл трубку.

— Это вы, товарищ инспектор? — спроснл он с снльио бьющимся сердцем.

— Да, Зарко! — ответилн в трубке.— Что, говорн...

— Товарищ ннспектор, мы выследилн бандита! — выпалил однни духом Зарко.

— Какого бандита?

— Баидита в желтых ботиках!..

— Молодцы! — обрадованио воскликнул инспектор.— Где ты сейчас?

Зарко сказал улицу н номер. В трубке помолчалн — повндимому, ннспектор записывал адрес.

— Стерегите вход! — сиова раздался его голос.— Я сейчас приду!

Минут через десять инспектор Табаков явнлся в сопровождении двух человек. Они зашлн в одни нз подъездов, н Табаков подробно расспроснл Зарко обо всем случившемся.

— Отличио! — радостно воскликиул он.— Вы оправдалн оказаиное вам доверие!

Зарко залился румянцем. Инспектор задумался, на лице его появилось то выражение, которое смущало и близких и сослуживцев.

— Спасибо, Зарко! — заговорил он опять.— Теперь вы свободны и можете идти! Я к тебе завтра или послезавтра опять зайду...

Но Зарко не двинулся с места, лицо его выражало одновременно и любопытство, и стыд, и решимость, и смущение.

— Товарищ инспектор, нельзя ли и нам посмотреть?

— Что посмотреть?

— Ну, как вы арестуете бандита!

Глаза инспектора весело блеснули.

— Да мы не будем его арестовывать,— сказал он, пряча улыбку.

— Не будете? — изумился Зарко.— Почему?

— Потому что, дружок, у нас нет никаких доказательств... Как же мы его арестуем, так вот, без ничего! А может, он ни в чем не виноват.

— Не виноват? — воскликнул Зарко.— Но ведь он же бандит!

— Этого мы пока что не знаем... Но теперь уже сможем установить. Сначала мы хорошенько понаблюдаем за ним, изучим как следует...

Зарко был ошеломлен, он стоял как вкопанный, не смея верить своим ушам. Эх, и зачем только даром время терять? Лучше арестовать его сию же минуту и подробно допросить. Если он виновен, все сразу станет ясно и Васко будет освобожден. А если он окажется невиновным — что ж, ничего, никто его не съест.

Инспектор, казалось, угадал его мысли.

— Послушай, Зарко... Лучше упустить одного преступника, чем оскорбить невинного человека! — сказал он мягко.— Незаслуженная обида — это самая жестокая вещь на этом свете!

Зарко посмотрел на доброе, умное и честное лицо инспектора.

— Да, верно...— вздохнул он, потупившись, все же не совсем убежденный словами инспектора.— До свидания...

Андрейко ждал на углу. Зарко взглянул на него исподлобья и угрюмо проговорил:

— Что верно, то верно: помог! В общем, искупил свою вину...

Несмотря на то что ему не терпелось узнать, что будет дальше, Андрейко не сказал ни слова и, опустив голову, молча зашагал рядом с Зарко.

Истекшие дни ничем не порадовали инспектора. Почти все это время он был занят розыском таинственного «Москвича». За это трудное дело принялись и сотрудники КАТа — учреж-

дения, контролирующего автомобильный транспорт. Им был знаком весь автомобильный парк, и они установили за ним тщательное наблюдение. Не осталось ни одного «Москвича», который бы за эти дни не подвергся их проверке, независимо от того, ехал ли он по городу, стоял ли в общественном гараже или находился в ремонте. Под разными предлогами им удалось проникнуть и во все частные гаражи владельцев «Москвичей». Не проверенными остались лишь машины, бывшие в разъезде. А их, к сожалению, оказалось немало. Лето — лучший сезон для любителей-автомобилистов. В летние месяцы мало кто из них сидит в городе — большинство разъезжают по курортам, по живописному морскому побережью. Этой последней партией «Москвичей» занялись местные органы КАТа, но сведения оттуда все еще не поступали.

И все-таки поиски оказались не совсем безрезультатными: было выявлено шесть «Москвичей», у которых за передним стеклом кабины висели какие-нибудь игрушки.

Что касается двух машин, то их алиби[1] было доказано со всей очевидностью. В день преступления одна находилась в Варне, а другая «отдыхала» с разобранным мотором в одной ремонтной мастерской. Под сомнением оставались четыре «Москвича», владельцы которых, однако, не вызывали никакого сомнения. Ими оказались: пожилой, очень известный писатель, художница, профессор политехнического института и летчик в чине полковника. Сведения о писателе и летчике были таковы, что их вообще следовало исключить из числа подозреваемых. Оставались профессор и художница. Последняя вряд ли бы похитила ребенка, а если бы и похитила, то наверняка с помощью мужчины. В отношении ее надо было проверить, не давала ли она кому-нибудь пользоваться своей машиной. Ничего сомнительного не удалось обнаружить и в поведении профессора. Табаков распорядился также осмотреть пишущие машинки, если таковые у них окажутся. Машинки, совсем других марок, были: у писателя — «эрика» и у профессора — «оливетти».

И все-таки, несмотря на неблагоприятные данные, инспектор не отчаялся.

Органы милиции приступили к тщательному изучению поведения заподозренных лиц и всех фактов, относящихся к их жизни. Совершенное преступление носило такой характер, что если бы кто-нибудь из них оказался действительно виновным, то ему было бы чрезвычайно трудно скрыть все следы. Кроме того, ожидались данные из провинции — быть может, они наведут на какой-нибудь новый след.

[1] Алиби — отсутствие обвиняемого на месте преступления как доказательство его невиновности.

В это время и пришло столь важное сообщение ребят: выслежен человек в желтых ботинках! Табаков выделил самых опытных и интеллигентных работников и распорядился произвести все необходимые расследования в самый короткий срок. Уже на следующее утро Табаков получил от них основные сведения, но и эти сведения не подавали никаких надежд. Выходило, что человек в желтых ботинках меньше всего похож на преступника. Это был инженер-химик, только что прошедший стажировку и готовившийся к сдаче государственного экзамена. Он был холост и в квартире, до которой его проследил Зарко, снимал одну небольшую комнату. Все сведения из университета и с завода, где он проходил практику, были более чем хороши. По ним выходило, что это серьезный, умный и порядочный человек, за которым не водится никаких прегрешений, существенных слабостей или порочных увлечений. А то обстоятельство, что Ананий Христов — так звали молодого инженера — имел, как выяснилось, литературные наклонности, говорило лишь в его пользу. Что это так, инспектор убедился по прочтении его повести, за которую ему была присуждена третья премия на конкурсе, проведенном Добровольным обществом содействия обороне. Книга еще не вышла из печати, но инспектору удалось достать ее в рукописи. Она была проникнута чувством любви и уважения к человеку, свидетельствовала об искренности и душевной чистоте автора. Может ли такой человек быть преступником или соучастником преступления? Глубоко в душе инспектор отвергал подобную мысль. Оставалось лишь проверить, не стал ли он случайно орудием преступников, будучи обманут и использован ими в их грязных целях. Но как это проверить?

Обстоятельно поразмыслив, инспектор выбрал самый простой, но в то же время самый верный способ — он решил встретиться и лично поговорить с инженером. И на душе у него как-то сразу полегчало, когда он пришел к этому выводу. Он встал из-за стола, надел пиджак и быстрыми шагами направился к дому инженера.

Ему повезло и на этот раз — молодой человек оказался дома.

— Я инспектор милиции, мне нужно с вами поговорить,— вежливо произнес Табаков.

Во взгляде молодого человека промелькнуло некоторое удивление — и только. Он провел инспектора в комнату, которая, как тот и ожидал, оказалась неприбранной.

— Прошу, садитесь! — сказал молодой инженер.— Я холостяк, и притом не из очень расторопных... Всегда, знаете, беспорядок...

— Тогда поторопитесь с женитьбой,— сказал инспектор.

— Я уж было решил...— проговорил с улыбкой инженер.

— И передумали?

— Нет, дело не во мне...

— Моя фамилия Табаков, я инспектор уголовного розыска,— резко переменил разговор гость,— и пришел к вам справиться насчет одного интересующего нас вопроса.

— Пожалуйста! — сказал молодой человек и снова взглянул несколько удивленно.

— Скажу прямо: вчера около пяти часов вечера вы были на улице Ясен и простояли там минут двадцать... Мы хотели бы знать, что вам там было нужно, кого вы ждали.

Молодой человек поморщился.

— Это очень важно?

— Да, для нас очень важно! — твердо ответил инспектор.— К сожалению, ваше появление на этой улице переплетается с одним очень тяжелым преступлением...

Брови инженера слегка приподнялись.

— Там у меня было свидание! — сказал он с серьезным видом.— Но оно не состоялось...

— С кем вы должны были встретиться?

— С одной моей приятельницей...

— Так... И вы говорите, что она не пришла?

— Да.

— Это в первый раз или...

— Нет, не в первый...— ответил инженер с сумрачным лицом.

— Хорошо... Когда это еще было?

— Дней десять тому назад...

— Вы помните, в котором часу у вас было назначено свидание?

— Да помню... В одиннадцать...

Инспектор быстро взглянул на него.

— Несколько необычное время для свиданий,— заметил он довольно сухо.

— Мы собрались съездить за город,— сказал молодой человек.— В гости к одному нашему общему приятелю.

— Вы не узнавали, почему она не пришла?

— Я звонил ей несколько раз по телефону! — с нескрываемой горечью сказал инженер.— Но похоже, что она прячется... Мне только на днях удалось с ней связаться, и мы условились о вчерашнем свидании. Но как я вам сказал, она не пришла и вчера.

— А почему вы именно там назначаете свидания? — спросил инспектор.

— Она живет поблизости... А к тому же это очень тихая улица.

— Зачем вам это?

Инженер опять поморщился.

— О, это уж слишком, товарищ! — произнес он недовольно.— Какое это может иметь значение?
— Огромное!
— Все очень просто,— сказал нехотя инженер.— Она — дочь моего профессора... И мне не совсем удобно, чтобы он меня видел...
Инспектор задумался.
— Вы должны дать мне ее имя и адрес. Это необходимо.
Молодой человек вздохнул, затем, ни слова не говоря, написал на своей коробке сигарет то, о чем его просил инспектор.
— Еще одна маленькая неприятность! — сказал Табаков.— Пока я не сделаю нужной проверки, вы будете находиться здесь под наблюдением...
— Это почему же?
— Да чтобы вы не имели возможности сговориться с ней... На случай, если вы мне солгали.
— Хорошо, пусть будет так! — вздохнул инженер.
Спустя пятнадцать минут инспектор Табаков уже стоял перед квартирой профессора химии. Ему открыла маленькая, полная женщина, по типу похожая на армянку, с несколько вычурной прической и ярким лаком на ногтях коротких пальцев.
— Мне нужно видеть вашу дочь,— почтительно сказал инспектор.
Женщина подозрительно оглядела его.
— Лили не совсем здорова,— сумрачно ответила она.
— Я из милиции,— коротко и так же спокойно пояснил инспектор.
Женщина сразу переменилась в лице.
— А что такое? — спросила она, пропуская его в переднюю.
— Не беспокойтесь, самые обыкновенные сведения.
Инспектору показалось, что она едва удержала вздох облегчения.
— Лили! — сказала она сильным грудным голосом.— К тебе!..— Затем, вновь повернув к инспектору свою круглую, довольно-таки потрепанную физиономию, доверительно прошептала: — Я оставлю вас одних!
— Благодарю вас,— сухо ответил Табаков.
В вестибюль вошла девушка, стройная, миловидная, хотя и очень напоминавшая собой мать. Неприятное впечатление, по-видимому, создавалось чрезмерной броскостью ее туалета, скучающим взглядом и тем почти не прикрытым высокомерием, которое проглядывало во всех ее движениях, во всем ее облике. Инспектор предъявил свое служебное удостоверение, заметив краешком глаза произведенный им эффект.

— У меня к вам несколько незначительных вопросов,— сказал он.— Так что можете быть вполне спокойной...

— У меня нет причин беспокоиться,— сдержанно ответила девушка.

— Очень рад! Итак, скажите, знаете ли вы одного молодого инженера по имени Ананий Христов?

Чуть заметное напряжение в темных глазах девушки сразу исчезло.

— Да, знаю.

— И каковы ваши отношения?

— Мы приятели.

— Так. Значит ли это, что вы встречаетесь время от времени?

— Время от времени — да...— ответила девушка с тонкой, немного неприятной улыбкой.

— На улице Ясен, как мне известно?

— Да, мы встречались и там...

— Когда было ваше последнее свидание?

Девушка задумалась.

— Мы уже давно не виделись... С полмесяца будет, а может, и больше...

— И с тех пор он вам не звонил?

— Напротив, звонил...

— Хотел с вами встретиться?

— Да... Хотя бы в последний раз...

— Так... Вы согласились?

— Я не могла ему отказать! — проговорила с некоторым раздражением девушка.— В конце концов, он был со мною всегда очень мил...

— Так... А вы пришли на свидание или нет?

— Нет, не пришла.

— Сколько раз вы не являлись?

— Кажется, два раза.

— Можете вспомнить, когда точно?

— В последний раз — вчера... А перед этим — не помню.

— Все-таки... приблизительно?..

— Ну, дней примерно десять назад.

— В котором часу должны были состояться ваши свидания?

— Вчера в пять... А в прошлый раз, кажется, утром.

— Вы назначили час или он?

— Вчера я сказала... А до этого не помню... А, да, нас пригласили за город, и, помню, мы вместе решили...

— А почему вы не явились на эти встречи?

Что-то вроде насмешки промелькнуло в глазах девушки.

— Согласитесь, что разговаривать «в последний раз» не очень-то приятно...

— Вы предпочнтаете людей, которые бы самн догадывались?
— Да, вообще предпочнтаю ннтеллнгентных людей.
— Он мне показался вполне ннтеллнгентным.
— Но чересчур серьезным. А это всегда скучно.
— Интересный взгляд на жизнь! — нронически заметнл ннспектор.— У меня к вам еще один, последннй вопрос. Почему вы встречалнсь на улнце Ясен? Почему именно там, а не на какой-ннбудь другой улнце, поблнже к вам?
— Ананнй очень щепетнлен,— сказала с досадой девушка.— Он боялся моего отца.
— А вы?
— Все побанваются отцов.
— Вы предложнлн эту улнцу для свнданий нлн он?
Девушка подозрнтельно взглянула на него. «Наверняка готовнтся солгать!» — подумал ннспектор.
— Прошу дать совсем точный ответ,— сказал он, серьезно посмотрев на нее.— Даю вам честное слово, ваш ответ, каков бы он нн был, не будет представлять для вас ннкакой опасности.
— Я выбрала эту улнцу! — недовольно ответила девушка.— Там очень удобно...
— Однако вы знаток по части удобств!
— Прошу без нроннн,— серднто проговорнла девушка.
— Извнняюсь! — засмеялся ннспектор.— Ну, вот н все.
Он возвратнлся к ннженеру, чтобы отпустнть сотруднnка, которого, уходя, прнставнл к нему. Увндев Табакова, молодой человек облегченно вздохнул.
— Я очень рад, что вы невнновны! — сказал ннспектор.— Вы мне были с самого начала симпатнчны.
— Не скажете ли, о каком преступленнн ндет речь? — спросил с любопытством молодой человек.— Какая-ннбудь кража?
— Похнтнлн ребенка.
— Похитнлн ребенка? — изумился инженер.— Зачем?
— Я уже тысячу раз задавал себе этот вопрос!
— Могу лн я узнать какне-ннбудь подробностн?
Инспектор покачал головой.
— Только когда все кончнтся. Сейчас я не нмею права рассказывать об этом.
Он пересек комнату н машннально взял какую-то книгу со стола ннженера.
— У вас хорошая память? — спросил он его тнхо.
— Даже отлнчная,— ответнл молодой человек.— Средн моих однокурснnков былн студенты куда способнее меня, но матернал ннкто не знал так, как я... Этнм я обязан нсключнтельно своей памятн.
Инспектор взглянул на него с какой-то смутной надеждой.
— Вспомните-ка хорошенько вашу предпоследнюю встречу.

Сколько примерно времени вы пробыли на улице в то утро?

— Минут двадцать...

— Не мало... И за это время не произошло ничего такого, что бы привлекло ваше внимание? Ничего особенного вы не заметили?

— Нет! — ответил инженер после небольшой паузы.

Инспектор вздохнул.

— Не видели ли вы мальчика лет пяти-шести с белой фарфоровой миской в руках?

— Да, очень хорошо помню это,— кивнул инженер.

— Значит, вы его видели? — встрепенулся инспектор.

— Мальчик в коротких штанишках... Да, да. Помню, он поставил на тротуар миску, положил в нее что-то, наверное деньги, и запрыгал на одной ноге...

— Что же, он один играл?

— Нет, просто у него отстегнулся ремешок сандалии...

— Ах, вот что... Ну а потом?

Инженер глубоко задумался.

— Право, не помню... Я перестал на него смотреть...

— Улица-то, как вы знаете, товарищ Христов, очень тихая... Если бы по ней, скажем, проехала машина, вы бы ее обязательно заметили...

— По ней действительно проехала машина! — поспешно отозвался молодой человек.— Я уже уходил, когда она показалась. Навстречу мне шла.

Инспектор в волнении приблизился к нему.

— Не помните, что это была за машина? Какой марки?

От напряжения на лбу у инженера обозначились морщины.

— Это был «Москвич» — очень хорошо помню. Голубовато-синего цвета.

— Вы уверены?

— Я химик. Цвет был на редкость красив и привлек мое внимание... Поэтому я и запомнил машину.

— А не вспомните, висела ли за передним стеклом какая-нибудь игрушка?

— Что-то не припомню,— произнес в раздумье инженер.

— А водителя вы не разглядели?

— Так, смутно его помню... Во всяком случае, он не был похож на водителя-профессионала...

— Молодой, старый?

— Пожилой человек... Худощавый, кажется, в пиджаке кирпичного цвета...— Инженер усиленно рылся в памяти.— Как будто бы с проседью, но я не уверен... А пиджак кирпичного цвета — это, кажется, точно...— продолжал он.— Вообще человек очень приличного вида.

— В какую сторону шла машина? В ту же, что и мальчик, или навстречу ему?

— За ннм. Но воднтель смотрел не вперед, а в стороиу, иаправо, как будто высматривал кого-то или что-то...
— Быстро оиа шла нлн медлеиио?
— Скорее медленио...
— Медлеиио?
— Кто едет быстро, тот не смотрит по сторонам.
— Потом вы что-ибудь вндели?
— Нет, я ушел...
— А могли бы вы узнать этого человека?
— Может быть... Но ие увереи...
— Это все, что вы можете мне сказать?
Молодой человек задумался.
— Еслн я еще что-ибудь вспомню, то сейчас же вам сообщу. Но это, кажется, все... Улнца была совсем безлюдна. Она всегда безлюдиа...
Инспектор пробыл у инженера еще минут десять, но ничего другого не узиал. Ои оставил ему иомер своего телефона, извинился за беспокойство и сердечно попрощался. В коридоре, одиако, Табаков виезапио остаиовнлся и, немного помявшись, сказал:
— Вы уж меия простите, ио и я бы хотел быть вам чем-ибудь полезеи... По-моему, эта девушка ие подходит вам...
— Зиаю...— тнхо сказал нижеиер н покрасиел.
Заметив грусть в его глазах, иистектор тотчас же искрение пожалел о своих словах. Хороша благодариость — так опечалить человека! Но может быть, мука, что гложет сейчас молодого человека, ничто в сравиеиии с тем, что его ожидало бы впереди? Всегда лучше знать правду, даже если ты ие в силах расстаться с ложью...
С такими мыслями в голове подходил Табаков к райоиному отделеиию милиции, где у иего была встреча с участковым уполномочеииым. Вид у лейтенаита, как н во все эти дии, был удручеиный и даже какой-то виноватый. Иистектор видел, что его помощинк доведен до отчаяиия бесплодиыми поисками и просто мечтает о той миуте, когда, иакоиец, сможет доложить ему о чем-инбудь более илн меиее приятиом.
— Есть какие-ибудь новости? — спросил Табаков, сдерживая улыбку.
— Совсем свежие! — с горечью ответнл лейтеиант.— Мы устаиовили, чья машина остаиавлнвалась перед мастерской армяиииа...
— Серьезно? — поднял брови ннспектор.— Это очень интересио!
— И еще как! — криво усмехиулся лейтеиант.— Это была служебиая машина министерства внутренних дел...
Табаков иа мгиовение опешил, затем вдруг разразился громким хохотом. Не в силах остаиовиться, он бросился иа одии

из старых расшатанных стульев и продолжал трястись всем телом, покуда на глазах у него не выступили слезы. Когда он снова взглянул на помощника, сидевшего с унылым лицом, его охватил новый приступ неудержимого смеха, и, чтобы успокоиться, он встал и прошелся по комнате.

— Да, это действительно смешно! — проговорил с глубоким вздохом лейтенант.— Стоит, стоит посмеяться, товарищ майор...

— Видишь, куда нас занесло? — заговорил наконец инспектор.— Видишь теперь, что значит произвольно оперировать фактами?

— Без гипотезы, товарищ майор, вообще ничего не сделаешь! Это все равно что вслепую... По мне, уж лучше с плохой гипотезой, чем вообще без ничего...

— Так-то оно так, не сердись! — принял наконец серьезный вид инспектор.— Только не следует забывать, что гипотеза — это всего-навсего гипотеза... Никогда не следует стремиться доказать ее во что бы то ни стало, любой ценой... Пусть сама действительность докажет ее... Действительность, к которой мы подходим без предубеждения...

— Однако исключение одного факта еще не значит, что должна рухнуть вся гипотеза!

— Разумеется!.. Но если отпадет не один факт, а много?

Инспектор подробно рассказал лейтенанту о своей встрече с молодым инженером. Лейтенант слушал с напряженным вниманием, лицо его пылало от возбуждения.

— Вот находка! — воскликнул он, когда инспектор умолк.— Теперь мы знаем куда больше, чем вчера!

— А как же быть с гипотезой?

— А что? Гипотеза-то и привела нас к инженеру... Если бы не она, мы бы не стали разыскивать человека в желтых ботинках! А следовательно, не узнали бы этих важных для нас фактов...

— Сумел-таки вывернуться! — проворчал инспектор. Он глубоко задумался, потом потер лоб.— Нам надо пораскинуть умом! Следует искать более простое, но более реальное объяснение... Я уже убежден, что в этой загадочной истории большую роль играет случайность. Но какова эта случайность? Вот что я хотел бы знать!

— Все узнаем, товарищ майор! — бодро отозвался лейтенант.— Мы и так уже немало знаем! И будем самыми никудышными людьми, если не найдем в ближайшие два-три дня эту проклятую машину!

Инспектор Табаков вышел из отделения милиции с таким чувством, будто он должен был сделать еще какое-то дело, но забыл, какое именно. Что же это могло быть? Он остановился, достал записную книжку и заглянул в нее. Ах, да! Дети! Хотя

теперь он н не ждал от инх ннчего, ио все же чувствовал себя обязанным проведать нх, сказать нм что-ннбудь хорошее, ласковое в награду за долгое бдеине у дощатого забора... Да, это будет его послединм делом иа сегодня. Последннм и, быть может, самым приятным! Положа руку иа сердце, ннспектор не мог не прнзнать, что никто ему так не помог в этой запутанной истории, как его маленькне друзья. Только благодаря нм добрался ои до ряда неоспоримых фактов... Да, он должеи нх обязательно повидать, хотя бы уж для того, чтобы выразить нм свою сердечиую благодариость!

Вскоре ои уже разговаривал с матерью Зарко, которая, увидев его, радостно всплесиула руками:

— О, как хорошо, что вы пришлн! Мальчнкн с ног сбнлись — не могут вас найти!

— Что случнлось? — встревожнлся инспектор.

— Не зиаю, ннчего не сказалн... Но, кажется, что-то важиое... Такнмн нх я еще не видела — бегают как угорелые и все о вас спрашнвают!

— Где онн сейчас?

— Кто их зиает! Сказалн только, чтобы вы непремеиио нх подождалн, еслн прндете...

Инспектор в нетерпеннн вошел в комнату н присел на стул. В чем дело? Что еще могло случиться? Мниуты текли медлеиио, прошло четверть часа, а инкто не появлялся. Подождать еще? Илн сходить посмотреть, иет лн их на наблюдательном пункте? Да, так, пожалуй, будет лучше. Если ребят там не окажется, он вернется обратно...

Табаков уже встал, когда нз корндора вдруг донесся торорлнвый топот детскнх ног. Дверь с шумом распахнулась, и иа пороге показался запыхавшийся Зарко. Из-за его спииы выглядывало бледное, возбуждеиное лнчико Фнлнппа.

— Товарнщ ниспектор! — крикиул Зарко.— Машина, машина, товарищ инспектор!

— Какая машниа?

— Ну, эта... Та же самая! Сегодия она увезла еще одного мальчика!

Инспектор опешил. Такой новостн ои не ожндал услышать от ннх.

— Сядьте-ка сперва, а потом н рассказывайте! — с деланным спокойствнем сказал он.

Нерадостным н тревожным был этот день для Зарко. Преследованне человека в желтых ботинках закоичилось, а результата пока никакого. Да и выйдет лн вообще что-инбудь нз всей этой нстории? Теперь он уже не был в этом вполие уверен. Лнхорадочная деятельность последиих дией так увлекала его, было так неспокойно н так интересно! Вдруг все сразу коичнлось. Уже иикто не наблюдал за улицей через щели

в заборе, надобность в этом отпала. И Зарко, который все эти днн был так необходнм, вдруг почувствовал себя ненужным, лишним. Почему ннспектор не дает ему какое-нибудь новое задание? Ведь Васко еще не нашлн, значит, еще не все сделано н, следовательно, есть для него работа. Илн инспектор недоволен им? Нет, это невозможно .. Он отлнчно справнлся с поставленной перед ним задачей, выполнил ее точь-в-точь как требовалось, без заминкн, без еднной ошнбки...

Мрачный и злой, Зарко просидел дома все утро. Часам к четырем он, наконец, не выдержал и вышел. Куда пойти? С кем посоветоваться? Разумеется, лучше всего с Фнлнппом, самым умным нз всех ребят. Но как ндтн к нему после того, как он, Зарко, так сурово с ним обошелся? И быть может, совсем несправедливо... Зарко побродил по пышущей зноем улнце и наконец решнлся отправиться к Фнлиппу.

Он застал его дома. Увидев Зарко, Филипп в первый момент смутился, но все же повел его к себе в комнату. Войдя туда, Зарко сразу понял, почему смутнлся его прнятель. На столе лежала раскрытая тетрадь, а рядом с ней карандаш. Мелкнм, немного кривым почерком была нсписана почти вся первая страница. Поспешно закрыв тетрадь н убрав ее куда-то, Фнлнпп сразу успокоился.

— Садись! — сказал он.

Зарко оглядел комнату и сел на кровать. Он был здесь не в первый раз, но, казалось, только сейчас заметил обстановку. Почтн вся правая стена была занята новым кннжным шкафом, с полок которого смотрело пестрыми корешками множество книг. Слева на стене висел в дорогой рамке портрет Христо Ботева. Вид Фнлиппа, немного бледного н худого, удивительно гармонировал и с кннгамн и с портретами. В этой столь чуждой ему обстановке Зарко вдруг почувствовал себя неучем, совершенным ничтожеством.

— Эти книги твои? — спросил он, продолжая оглядывать комнату.— Или отца?

— Мон! — ответнл не без гордости Фнлипп.— Папины — у него в кабинете...

— Ты их покупал?

— Нет, что ты! Я очень мало купнл... Некоторые папа мне подарнл, а некоторые из его бнблнотекн...

Зарко снова обвел их взглядом — немало!

— И ты их все чнтал? — спроснл он недоверчнво.

— Все...

— Как это возможно? Когда же ты учншь урокн?

— Когда... Учу — сам знаешь!

Зарко знал, что это правда. Фнлнпп был снльным ученнком, хотя и не круглым отлнчнnком. Зато он знал столько других вещей, которых не знал ннкто из ребят. Когда затевалн

какой-нибудь спор или из-за чего-нибудь ссорились, всегда шли к нему, чтобы он сказал свое веское слово и рассудил их. Филипп терпеливо выслушивал товарищей, глядя при этом куда-то вдаль, и под конец всегда говорил что-нибудь такое, чего никто из них не знал. В такие минуты ребята всегда чувствовали его превосходство, и им казалось, что Филипп старше их и голова его полна каких-то необыкновенных мыслей. Может быть, поэтому у него не было особенно близких друзей, ни с кем он подолгу и задушевно не разговаривал.

И сейчас разговор был несколько натянутым и поддерживался только благодаря Зарко. Наконец он совсем заглох, и воцарилось тягостное молчание.

— Знаешь, зачем я к тебе пришел? — сказал внезапно Зарко.

Филипп посмотрел на него вопросительно.

— Чтобы попросить у тебя роман...

— Какой роман?

— Твой...

— Это не роман...— покраснел Филипп.— Это просто сочинение...

— И роман тоже сочинение,— сказал Зарко.— Только хорошее.

— Но это совсем не то... Настоящий роман может написать только писатель. Ты слыхал, чтобы мальчик был писателем? Не слыхал... И не услышишь. Есть скрипачи, художники, шахматисты. Даже изобретатели... Но малолетних писателей нет.

— Верно! — согласился Зарко.— А почему их нет?

— Не знаю! — вздохнул Филипп.— Должно быть, это очень трудно...

Зарко задумался.

— А помнишь, к нам приходил один писатель? Во время недели детской книги?

Глаза Филиппа заблестели.

— Помню,— ответил он тихо.

— По правде сказать, он вовсе не был похож на писателя...

— Нет, почему же? Он так хорошо говорил!

— Я это и хотел сказать. Мы его тогда спросили, когда он написал свою первую книгу. А учительница на нас прикрикнула. «Зачем,— говорит,— зря спрашиваете, когда это в учебнике написано». Очень хорошо помню. А писатель рассмеялся. «Нет,— говорит,— в учебнике не совсем точно... Первую книгу я написал, когда мне было двенадцать лет. Конечно, она не увидела свет (это он так сказал), а потом где-то потерялась».

Оба приятеля улыбнулись и погрузились в свои воспоминания.

— Филипп! — нарушил молчание Зарко.— Знаешь, Филипп, ты бы тоже мог стать писателем!

Мальчик покраснел и в смущении встал.

— Сказал тоже! — нахмурился он.— Думаешь, это так легко! Никто не может знать. Может, желание есть, да таланта нет. А может, есть талант, да ума недостает.

— Да-а-а,— протянул Зарко.

— А вот ты кем бы хотел стать? — неожиданно спросил Филипп.

— Не знаю,— замялся Зарко.— Я про разное думал... Но теперь мне хочется стать таким, как инспектор.

Филипп быстро взглянул на него.

— Инспектор очень умный,— сказал он.

— Не только умный! — горячо воскликнул Зарко.— Он еще благородный и добрый! И какой внимательный! Нет, таких, как он, я еще не видел! Разговаривает с тобой, точно с большим, слушает, не перебивает... Нас даже учителя на уроках так не слушают.

— А способный он? — как-то тихо и задумчиво, словно говоря самому себе, спросил Филипп.

— Ну как же! Он ужасно способный!

— Так почему же он еще не нашел Васко?

— Думаешь, легко? Но он его найдет, я уверен! Только и мы, Филипп, должны ему помочь... Но как? Все не могу придумать! Вот о чем я хотел с тобой посоветоваться.

Филипп медленно покачал головой.

— В этом я меньше всего смыслю! — сказал он.— По-моему, надо спросить инспектора... А то еще можем напортить ему.

— Правильно! И я тоже так думал! — вздохнул Зарко и стал прощаться. Выйдя на улицу, он, задрав голову, инстинктивно отыскал глазами окно Филиппа. Мальчик по-прежнему стоял там, но не смотрел на своего товарища — взгляд его был устремлен куда-то вдаль, точно он весь ушел в свои размышления... «А кажется, Филипп обрадовался, когда я собрался уходить,— подумал с огорчением Зарко.— Просто за человека меня не считает!» Почесав затылок, он не спеша побрел по пустынной улице. Лучше всего пойти домой. Может заглянуть инспектор... Да, надо быть дома!

Зарко уже завернул за угол, а Филипп все еще стоял у окна. Сегодня ему что-то не писалось. Во время каникул он решил писать по пять страниц в день, а сегодня написал только две. Ему чего-то недоставало, а чего именно, он не знал. Может быть, недоставало интересной и увлекательной темы? Очевидно, загвоздка была именно в этом. А почему бы ему не написать о пропавшем Васко? Это так необыкновенно, а ведь, наверное, произошли еще более странные и необыкновенные вещи, о которых пока никто не знает... Вот если бы инспектор раскрыл все, тогда бы Филипп попросил его рассказать ему о них. Сможет он их хорошо описать — и роман готов! Пусть тогда

Зарко попробует сказать, что он украл его у кого-то,— все будет самой иастоящей правдой!

А как иачать ромаи? Лучше всего так, как началась эта история для иего самого. Главный герой — ои будет мальчиком — спокойио лежит иа кровати, и вдруг — трах! — звук разбившейся посуды. Мальчик вскакивает, подбегает к окиу и... что же видит? На улице стоит легковая машииа! Заиавески опущены, у водителя поднят воротиик, чтобы ие было видио лица. Его правая рука лежит иа рулевом колесе, и мальчик замечает иа ией массивиый золотой перстеиь с драгоцеииым камием красиого цвета... Да, иачало иеплохое... А что дальше? Главиый герой, разумеется, безумно влюблеи... Но в кого? Ясио — в дочь учеиого! Одиажды ои приходит к ией домой, дверь открывает ее отец, подает ему руку... Тут главиый герой холодеет от ужаса — иа пальце у ее отца точь-в-точь такой же, как у водителя той машины, массивиый золотой перстеиь с красиым камием (кажется, их рубииами иазывают — иадо будет справиться в словаре). Главиый герой поражеи. Но как ои сообщит в милицию? Ведь это ее отец! О, ие иужио спешить, сиачала иужио все как следует проверить...

В этот самый момеит какой-то резкий звук, раздавшийся иа улице, прервал иить его размышлеиий. Иитересно, что это? И вдруг Филипп оцепеиел — точио такой же звук ои слышал в тот деиь, когда исчез Васко! Ои просто забыл его, а сейчас все сиова всплыло в памяти — так отчетливо и ясио, что мальчик иа мгиовеиие растерялся, потом вскочил с кровати и в три прыжка очутился у окиа.

То, что ои увидел, было иастолько поразительио, что у иего просто заиялся дух.

На улице стояла легковая машииа — точь-в-точь такая же, как та, что проехала здесь в тот раз! Да, такая же голубая! А вои и висюлька!

Не сои ли это? Не бредит ли ои?

Филипп потер глаза и сиова посмотрел. На улице стоял мальчик в сииих брючках и белой рубашке. Ои ие видел его лица, ио как-то почувствовал, что мальчик чем-то сильио встревожеи, испугаи и словио загипиотизироваи машииой...

Вдруг дверца шоферской кабииы распахиулась, и иа тротуар вылез мужчииа в пиджаке кирпичиого цвета. Лица его Филиппу почти ие было видио, ио, судя по седым волосам, это был пожилой человек. Теперь те стояли друг против друга в выжидательиой, иапряжеииой позе. Вдруг мужчииа грубо дериул мальчика за руку и что-то ему сказал — слов Филипп ие расслышал.

— Не хочу! — громко и отчетливо прозвучал ответ мальчика.— Не хочу! — опять сказал ои.

Филипп стоял как вкопаиный, ие зиая, что предприиять.

Может быть, окликнуть мальчика? Или закричать на бандита?

«Номер! — спохватился он вдруг.— Номер машины!»

Но номера не было видно, потому что машина стояла прямо против их дома.

Мгиовенно приняв решеиие, Филипп бросился сломя голову к двери и опять услышал голос мальчика:

— Кричать буду! Слышишь?..

Скорее, скорее! Если он не успеет, то это уже непоправнмо!

Филипп вихрем пронесся по коридору и, выбежав на лестницу, запрыгал вниз по ступеиям. Этажом ниже он налетел на какую-то женщину, которая вышла в этот момент на площадку с тазом в руках. Вода выплеснулась ему прямо иа иоги, но он ие обратил иа это внимаиия и продолжал свой стремительный бег.

— Хулнгаи! — крикиула ему вслед возмущенная женщина.

Но он ее не слышал.

Филипп задыхался. Вот уже дворик. Еще несколько метров — и он будет на улице. Рванув калитку, Филипп выскочил иа тротуар. Но поздио!..

На улице не было ни легковой машнны, ни мальчика! Филипп остолбенел. Ясно: мальчику не удалось вырваться из рук проклятого баидита! Его похитили, увезли! Бледный, растеряиный, с мокрыми ногами, Филипп стоял на тротуаре и беспомощно озирался по сторонам.

Виезапио его опять осеннло, и он побежал со всех ног к перекрестку. До него было метров пятьдесят — не так уж мало для еще не совсем оправившегося от болезни мальчика. Но Филипп бежал, не жалея сил. Сердце его бешеио колотилось. Скорей, скорей! Последиие пять метров и... опять иичего! Поздио! Машина н мальчик в сииих брючках исчезли как дым! Как быстро нн беги, разве угоиишься за машиной?

«Номер! — думал ои в отчаяиии.— Номер! Эх, еслн бы я только увидел номер!»

Филипп все еще тяжело дышал. В правом ботинке у иего хлюпала вода. Но он ничего этого не замечал и продолжал лихорадочно думать. Мыслн одна безотраднее другой роились у него в голове. Как он только мог сделать такую глупость! Как мог допустить такую оплошиость! Зачем он побежал, как дурак! Ему надо было остаться у окна! Тогда бы он непремеиио увидел номер! Да, да! Самое главное — номер! Он не видел его из окна, потому что машина стояла прямо против их дома... Стоило ему только подождать, когда оиа тронется, н он бы иепремеиио увидел ее номер, тот, что сзади.

Да, непременно! В этом не было сомиеиия... По номеру милиция сразу бы разыскала машину — и часу бы ие прошло! Преступника бы иемедлеиио арестовали, и, может, уже сегодия Васко возвратился бы к своим родителям... Но он сплоховал,

не подумал и сделал такую непростительную глупость! Сделал самое ненужное!

Что же ему предпринять сейчас? «Поздно,— думал он в отчаянии.— Слишком поздно!..» Единственная польза от всего этого заключалась в том, что он знает сейчас немножко больше о преступнике и о его машине. А что, если и этого окажется достаточно, чтобы разыскать преступника? Может быть, инспектор выследил похитителя, но у него не хватает доказательств? И вот он, Филипп, только что видевший все своими глазами, может, если понадобится, подтвердить перед судом...

Да, он должен разыскать инспектора и рассказать ему о том, что видел! Это будет умнее всего...

Но где он его найдет? Единственный, кто постоянно с ним в связи,— это Зарко. Филипп с тоской посмотрел на свои мокрые ботинки и ускорил шаг. Эх, повезло бы ему хоть сейчас! Хорошо бы все оказались на месте!

Зарко был дома. Увидев Филиппа в таком виде, бледного, с горящими глазами, он сразу же понял, что случилось что-то особенное, очень важное... Филипп не стал ждать, когда его начнут расспрашивать, и наскоро рассказал все, что видел и слышал.

— Просто не верится! — пробормотал озадаченно Зарко.— Ну и нахальный же этот бандит! Посреди бела дня крадет детей! И хоть бы что!

— И на собственной машине их увозит! Неужели он не боится, что его могут найти по номеру?

— Номер фальшивый! — уверенно сказал Зарко.— Иначе он не стал бы рисковать.

— Ну а игрушка за передним стеклом? Она ведь тоже может его выдать... Ее почему-то он не уберет?

— Ничего не понимаю...— пожал плечами Зарко.

— Лучше всего вызовем инспектора,— предложил Филипп.— Только он один может разобраться во всем...

Мальчики провертели номера всех телефонов инспектора, но так и не разыскали его. Отчаявшись, не зная, что делать, они возвратились к Зарко. Тетя Надка встретила их в коридоре с сияющим лицом.

— Он здесь! — сказала она.

Мальчики чуть не подскочили от радости.

Инспектор с напряженным вниманием выслушал рассказ Филиппа. Он только один раз прервал мальчика вопросом:

— А пост?.. Как же пост проглядел машину?

— Какой пост? — спросил Зарко.

— Как какой? Ваш пост...

У Зарко защемило под ложечкой.

— А мы не дежурим...— сказал ои изменнвшимся, хриплым голосом.

Глаза инспектора как-то страино блесиули.

— Как это ие дежурите? А кого вы спросились?

Зарко вкоиец смешался. Да, они и в самом деле самовольио, никого ие спросясь, прекратили дежурство.

— Я... я подумал... мы подумали...— заговорил он, запииаясь иа каждом слове,— иу... что раз уже иашли человека в желтых ботиниках... То зачем нам пост? Кого нам еще выслеживать?

Из груди инспектора чуть не вырвался стон, ио ои тотчас подавил его, взгляиув на растерявшегося Зарко.

— Я сам вниоват,— сказал он твердым голосом.— Я, и больше никто! Естествеино, вы вправе были думать, что сделали свое дело. Нашли, мол, человека в желтых ботинках — чего же еще! Раз я не поручил вам иичего другого...

— Ведь мы же не зиалн, что так получится...— пробормотал Зарко, заметно успокоившнсь.

Иислектор глубоко вздохиул.

— Как бы там ии было... Того, что прошло, назад не вериешь! Продолжай, Филипп!

Мальчик досказал все до коица. Ои запоминл н цвет машииы, и игрушку, и то, как выглядели ее водитель и мальчнк... В его памяти, как иа фотоплеике, запечатлелось все до мельчайших подробиостей.

— Молодец! — сказал иинспектор.— Поздравляю тебя, Фнлипп! Ты отличио справился...

— Отличио? — иедоверчнво протяиул Фнлипп.— Самое важиое пропустнл — иомер машииы!

— Эх, иичего ие поделаешь! — пожал плечами инспектор.— Неизвестио еще, как бы я сам поступил на твоем месте...

Филнпп посмотрел на него задумчнво.

— Вы иарочио так говорите... Хотите успокоить меия...

— Нет, иет, я это совсем искренио!..

Инспектор встал и прииялся ходить по комнате.

— Филипп, ты осмотрел то место, где это пронзошло? — спросил он, виезапио остановившись.

— Нет, ие осмотрел!.. А почему иадо было осматрнвать? — смущеино проговорнл мальчик.

— Может, оии там что-иибудь оброиили...

— Нет, я вообще ие посмотрел туда...— сказал с сожалением Филнпп.

— Ничего, я сам осмотрю... А как выглядел мальчик? Сколько ему лет — так, иа вид?

— Сколько и нам! — быстро ответил Филипп.— Может, чуть-чуть постарше...

— Ты говоришь, что ои был в сииих брюках... Брюки брюкам

розиь. Оии могут быть и из самой простой ткаии, и из самого дорогого шерстяиого материала...

— Брюки иа ием были совсем ие простые! — увереиио заявил Филипп.— И рубашка тоже... Такая чистеиькая, выглажеииая...

— Вообще мальчик, по-твоему, был хорошо одет?

— Очеиь хорошо! Куда лучше, чем мы!

— Так! А ие помиишь, видел ли ты где-иибудь раиьше этого мальчика?

— Нет, ие видел...

— Зиачит, ои совсем тебе ие зиаком? Ты видел его в первый раз?

— В первый! — решительио подтвердил Филипп.— Я уверен, что ои совсем из другого квартала...

— Если ои тебе где-иибудь встретится, ты узиаешь его?

— Коиечио, узиаю.

— Но ты его видел сверху... А если увидишь иа улице, сбоку?

— Все равио узиаю. Если ои будет так же одет, обязательио узиаю...

— А в какую сторону была повериута машина — к дому Васко или в противоположиую?

— В противоположиую...

— Как по-твоему, мотор работал или был выключеи?

— На это я ие обратил виимаиие... Помию только, что ие было слышио иикакого шума...

— В каждой машиие сбоку есть два стекла, оии опускаются и подиимаются...— продолжал ииспектор.— Ты ие заметил, было ли опущеио одио из иих и какое?

Филипп ответил ие сразу. Ои задумался, иапрягая память.

— Кажется, первое...

— Ну, этого пока что достаточио! — сказал с довольиым видом ииспектор.— Ничего, Филипп, ие мучь себя из-за иомера... Теперь уж преступиик ие уйдет от иас.

— Зиачит, вы его поймаете? — радостио воскликиул Зарко.

— Самое большее через два-три дия! А сейчас иам иадо осмотреть место...

Виимательиое обследоваиие места происшествия дало результат: ииспектор обиаружил иа мостовой белую перламутровую пуговицу от мужской сорочки. Эта иаходка очеиь обрадовала его. Ведь в сущиости оиа являлась одиим из бесспориейших доказательств в деле устаиовлеиия личиости преступника. Трудио было сказать, кому приiадлежала пуговица — мужчиие в пиджаке кирпичиого цвета или же мальчику. Но оиа свидетельствовала о том, что здесь происходила борьба, что здесь имело место отчаяииое сопротивлеиие. Ииспектор

долго стоял с сосредоточенным видом, силясь воспроизвести в воображении все, что произошло тут час назад...

Вот мальчик идет по улице. Его настигает машина. Из кабины высовывается мужчина в пиджаке кирпичного цвета: «Мальчик, хочешь покататься?»

«Не хочу!» — отвечает мальчик.

Но дело в том, что он не говорит, а кричит: «Не хочу!» Но почему кричит?.. Если кто-нибудь, имея совсем благие намерения, предложит какому-нибудь мальчику прокатить его на машине, тот может или согласиться или не согласиться. Допустим, он не согласился. Станет ли он при этом кричать? Никто не отвечает криком на предложение оказать ему какую-нибудь услугу, сделать ему что-нибудь приятное... Вполне естественно предположить, что мальчик был чем-то напуган, потому и повысил голос. Но чем его могла напугать легковая машина, чем его мог напугать обыкновенный любезный человек?

Инспектор потер лоб. У него уже был приготовлен весьма правдоподобный ответ, однако он с ним не очень спешил и продолжал искать еще какое-нибудь более или менее правдоподобное объяснение. Нет, ничего другого не могло быть. Только это. Мальчик знал человека, который захотел его покатать, и, очевидно, его удерживал какой-то страх перед ним. Он испугался или вида, или какого-нибудь поступка этого человека и крикнул: «Не хочу!»

Да, это было наверняка так... А потом?

Признав это построение единственно правильным и отвечающим истине, можно было легко объяснить и все остальное. Видя, что добром ему ничего не добиться, человек в пиджаке кирпичного цвета выходит из машины и пробует угрозами заставить мальчика сесть в нее. Но тот категорически отказывается от предложения и даже предупреждает: «Кричать буду!»

Однако человеку все же удается увезти мальчика. Каким образом? Этого Филипп не видел, потому что выбежал из комнаты. Кричал ли в действительности мальчик? Это пока что неизвестно. Во всяком случае, борьба была краткой, взрослый одолел и поспешил покинуть место происшествия. Хотя Филипп пробыл на лестнице совсем недолго, выбежав на улицу, он уже ничего и никого не застал.

«Но откуда мог взяться этот мальчик? — размышлял инспектор.— Очевидно, он не живет где-нибудь поблизости, потому что мои маленькие помощники сразу бы признали его. Он пришел сюда из другого квартала. Но почему тогда этот человек искал его именно здесь, а не где-нибудь в другом месте? И вообще, зачем мальчик пришел на эту улицу? Чем она замечательна? Чем она могла его привлечь? Ничем. Да, ничем! Единственная ее «достопримечательность» — это исчезновение Васко... А что, если мальчик в синих брюках пришел сюда

в связи с этим похищением... Может, он хотел что-то увидеть, что-то проверить. Это уже довольно правдоподобная гипотеза. Мальчик в синих брюках каким-то образом узнает, где находится похищенный Васко. И вот приходит сюда, чтобы сообщить его родителям о местонахождении их сына...

А дальше?

Раз мальчик знает похитителя, то и похититель, как вполне естественно предположить, знает мальчика. Узнав, в свою очередь, каким-то образом, что мальчик собирается его выдать, он хочет помешать ему осуществить эти намерения и ищет его именно здесь, на тихой улице. Да, но он настигает его, когда тот уже миновал дом Васко... Осуществил ли мальчик свое намерение? Едва ли. Потому что родители Васко сообщили бы об этом в милицию или сами бы отправились за сыном...

Впрочем, это надо проверить».

Гипотеза, которую построил инспектор, казалась ему очень верной и правдоподобной. И все-таки в ней было одно «но», которое его сильно смущало. Каким-то образом мальчик в синих брюках узнает местонахождение Васко. Это вполне возможно. Но правдоподобно ли то обстоятельство, что он идет к его родителям? Нет, не правдоподобно. Самым естественным для него было бы сообщить обо всем не кому-нибудь, а прежде всего своим родителям. Или — если мальчик решил сделать это сам — еще более естественно в его положении остановить первого встречного милиционера или отправиться в ближайшее отделение милиции... Зачем ему уведомлять родителей? У них нет ни власти, ни силы, чтобы самим справиться с таким преступником...

«Нет, тут я что-то путаю!» — подумал инспектор.

Что-то в его гипотезе действительно хромало... Не заблуждается ли он и сейчас, как это случилось с ним в самом начале?

Инспектор вздохнул и посмотрел на мальчиков, которые стояли рядом и таращили на него глаза.

— Идемте к родителям Васко! — решительно проговорил он.

Пиронковы были дома. Увидев инспектора, мать Васко поднялась ему навстречу и просияла.

— Нашли? — воскликнула она.

— Скоро найдем! — спокойно ответил инспектор.— Еще день-два, и он будет здесь.

Слезы застлали глаза матери.

— День-два! Возвратится ли он к нам живым и здоровым? Не сделали ли чего с ним злодеи?

— Не бойтесь за него! — тем же спокойным и полным уверенности голосом сказал Табаков.— Он вернется к вам цел и невредим! За это я вам ручаюсь!

Он говорил так серьезно и так убедительно, что женщина тотчас успокоилась.

— И я ей говорю то же самое! — уныло пробормотал Пироиков.— Но разве женщину убедишь словами?

— А теперь я вас хочу о чем-то спросить! — сказал инспектор.— Был ли кто-нибудь из вас дома сегодня после полудня?

— Мы выходили,— ответил столяр.

— Когда? В котором часу?

— Вышли около четырех, а возвратились только что...

— Так!.. Никто не говорил вам, что вас спрашивал какой-то мальчик?

— Нет, нам никто ничего не говорил...

«Это более или менее приемлемо для моей гипотезы,— подумал инспектор.— Возможно, что мальчик действительно приходил к ним и никого не застал дома...»

Он поднялся.

— Простите, но мне надо идти! — сказал он.— И не беспокойтесь, денька через два я приведу вам вашего сына!

На всякий случай инспектор заглянул к соседу-возчику и к жильцам дома, выходившего фасадом на улицу, и спросил у них, не видели ли они мальчика в синих брюках и белой рубашке, который бы спрашивал Пироиковых. Оказалось, что мальчика никто не видел. Теперь оставалось справиться, не слышал ли кто в доме Филиппа какого-нибудь подозрительного шума или крика мальчика. Но и там был получен отрицательный ответ. О чем это говорило? Случайно ли люди не слышали или мальчик вовсе не кричал? А может быть, преступник закрыл ему рот или ударил его так, что он потерял сознание?

«Все узнаем, все! — думал теперь уже уверенный в успехе инспектор.— Скоро все выясится!»

— А теперь домой! — обратился он к мальчикам.— Завтра вы возобновите свое дежурство... На этот раз у вас не будет специальной задачи... Внимательно следите за всей улицей, отмечайте все, что вам покажется подозрительным. Если опять появится машина, то непременно запишите ее номер. Если увидите человека в пиджаке кирпичного цвета или мальчика, то выследите их... Ясно?

— Ясно, товарищ инспектор! — бодро ответил Зарко.

— Ну, до завтра!

Однако инспектор не пошел домой — ему предстояло сделать еще одно дело. Он отправился в КАТ. Дежурный милиционер провел его прямо к начальнику — тучному усатому подполковнику с веселыми глазами.

— Не идет у нас что-то, Табаков! — сказал с досадой подполковник.— Угощайся! — подвинул он коробку конфет.— Вместо папирос. Я решил бросить курить!

— Теперь пойдет как по маслу! — уверенно заявил Табаков.— Я уже могу тебе точно сказать, какого цвета был «Москвич»... Голубовато-синего.

— О, это другое дело! — оживился подполковник и вышел из-за стола.— Мы располагаем данными о цвете всех зарегистрированных машин.

— Знаю.

— «Москвич» одноцветный?

— Одноцветный.

— Значит, он старой модели — 402... Таких ввезено в Болгарию сравнительно немного. А раз мы знаем и цвет, то отыщем его без всякого труда...

— Завтра утром к тебе придет один молодой инженер-химик. Он укажет точный цвет машины, его оттенок.

— Тем лучше...

— Я бы хотел, чтобы вы управились к полудню.

— Не слишком ли ты спешишь? Откуда мне взять столько свободных людей?

— Очень прошу — во что бы то ни стало до полудня! — сказал инспектор.— Не невесть какое дело! Мне нужны номера машин, адреса владельцев, их имена... Только и всего. Разумеется, не должны остаться без внимания и машины, сходные по цвету, но различных оттенков.

— Хорошо, сделаем! — улыбнулся подполковник и протянул ему пухлую белую руку.— Ясно, из-за вас мы должны забросить свои дела!

— Все мы под одной крышей! — отозвался инспектор.

Выйдя из КАТа, он, несмотря на усталость и довольно поздний час, отправился в управление милиции. Нужно было хорошенько подготовиться, чтобы выжать из завтрашнего дня как можно больше. Когда часам к десяти инспектор вышел из управления, все было в полном порядке. Назавтра целый отряд — человек сто штатных и добровольных сотрудников — должен был двинуться в решительное наступление, чтобы нанести последний, сокрушительный удар. Довольный подготовкой, инспектор отправился домой, по своему обыкновению, пешком, чтобы освежиться и успокоить нервы. И без того в пору горячей работы он уделял жене не больше двух-трех часов в сутки! Нехорошо, если он и в эти часы будет усталым, рассеянным, задумчивым, погруженным, как обычно, в свои размышления и предположения. Когда, как не в эти несколько часов, он должен быть внимательным мужем и хорошим товарищем! Его долг — заниматься не только чужими, но и своими семейными делами, его долг — интересоваться мыслями и чувствами не только чужих людей, но и тех, с которыми он связан на всю жизнь и которых любит больше всего на свете!

Он знал, что дома его ждет жена. Она всегда ждала, когда

бы он ни возвращался. Ждала терпеливо, обычно с книгой в руках. Табаков не мог относиться к этому спокойно и всячески старался отучить ее от этого, но все его усилия были напрасными.

— Как ты не понимаешь, до чего это меня тревожит! — говорил он ей не раз.— Когда я задерживаюсь и знаю, что ты меня ждешь, то начинаю нервничать, становлюсь рассеянным... А это отражается на моей работе...

— Не могу! — беспомощно отвечала жена.— Хочу и не могу!

— Но ты должна привыкнуть. Это не на год и не на два... На всю жизнь. Надо привыкать.

— Не могу! — отвечала она.— Ты сам должен привыкнуть. Тогда ты будешь спокоен и это не будет мешать твоей работе.

И вышло так, что не она привыкла, а он сам свыкся с тем, чтобы его ждали каждый вечер и при этом дрожали за его жизнь. Ведь он имел дело не со старичками-пенсионерами или благовоспитанными девицами. Он боролся с преступниками. Работа была тяжелой, напряженной и нередко очень опасной. Иногда он даже радовался, что дома его ждет жена. Это говорило о том, что сердце ее не увяло и она любит его по-прежнему пламенно и нежно...

— Что новенького? — спросил он, закрывая за собой дверь.

— Наско что-то нездоров,— ответила жена.

Табаков тотчас пошел взглянуть на него. Мальчик спал, но щеки его были розовы. Он потрогал лоб — не особенно горячий.

— Температуру мерила?

— Нет, Наско разбил градусник...

— Завтра купишь новый. Если будет температура, то сейчас же вызовешь врача.

Когда жена принесла ему ужин, он протянул ей найденную на месте происшествия перламутровую пуговицу.

— Что скажешь? — спросил он с любопытством.

Жена взяла пуговицу.

— Очень хорошая!

Инспектор засмеялся.

— А ты не можешь купить таких?

— Завтра бы еще купила! Все твои рубашки были бы с такими пуговицами!

— А что, разве их не продают в галантерейных магазинах?

— О, таких нет! Это наверняка заграничные!

— Интересно! — проговорил он.— Дай-ка ее сюда.— Инспектор осторожно вложил пуговку в один из кармашков своего бумажника.— К сожалению, мне не придется носить рубашек с такими пуговицами! — усмехнулся он.— Это не образчик, а вещественное доказательство!

К концу ужина Табаков неожиданно сказал:

— Знаешь, начни-ка завтра укладывать чемоданы... Через несколько дней едем...

Жена бросила на него недоверчивый взгляд.

— Не верю...

— Должна верить!

— Просто не смею,— сказала она.— Так хорошо нам будет...

— Конечно, ведь сейчас на море лучше всего... Да и лежать на песке, когда у тебя чиста совесть, куда приятнее...

Теперь уже жена поверила. Она весело рассмеялась и поцеловала его в щеку.

На следующий день отряд сотрудников КАТа приступил к делу. Табаков не ушел с ним, а остался за своим письменным столом, чтобы осуществлять отсюда общее руководство. Сведения должны были поступать непрерывно — и ему следовало знакомиться с ними, оценивать их, отдавать распоряжения и, только когда будет открыта машина, с помощью которой совершено преступление, уйти отсюда, чтобы нанести последний решающий удар.

Первые сведения были очень обнадеживающими. «Москвичей» голубого цвета было зарегистрировано не так уж много — всего девятнадцать. Только два из них находились в разъезде: один принадлежал известному оперному певцу, другой — сотруднику столичной газеты «Отечественный фронт». О них можно было справиться у местных органов КАТа. Оставалось проверить остальные семнадцать, находившиеся в городе. Табаков распределил людей по группам и отдал распоряжение немедленно приступить к выполнению задания. Вид преступника, его возраст, броский кирпичный цвет его пиджака, игрушка за передним стеклом «Москвича», пишущая машинка — этих данных было вполне достаточно для поимки таинственного похитителя детей. Табаков теперь уже не сомневался в успехе.

Сразу же после полудня начали поступать первые сведения. Инспектор внимательно изучал их, задавал сотрудникам вопросы.

— Вы уверены, что владелец никому не давал своей машины?

— Уверен, товарищ инспектор. В это время его машина находилась в Охотничьем парке... У нас верные доказательства...

— Хорошо, продолжайте!

Из всех девятнадцати машин только у двух висели впереди украшения, но владельцам обоих этих «Москвичей» удалось

убедительно доказать свое алиби. Табаков, хотя и заставил сотрудиков произвести в отношении их дополнительную проверку, в глубине души чувствовал, что это не даст желанного результата. Только четыре владельца голубых «Москвичей» имели свои пишущие машинки, но ни одна из них не была марки «гермес бэби». Ни у кого из девятнадцати человек не было «гермес бэби» и на работе. Из этих девятнадцати пиджак кирпичного цвета имелся только у одного, но он оказался совсем молодым человеком, высоким блондином с добродушным лицом, по профессии адвокат, писавшим интересные статьи по гражданскому праву. Только пятеро из владельцев были старше сорока лет, только трое из них были с проседью, только один был высок и худ. По распоряжению инспектора им занялись две группы работников, которые должны были произвести тщательное расследование. Но и здесь они натолкнулись на безусловное алиби: в течение всего дня его машина стояла во дворе одного дома отдыха в пригороде Банки — налицо были неопровержимые доказательства.

С приближением вечера инспектор стал мало-помалу отчаиваться. Чем дальше, тем становилось очевиднее, что ни один из девятнадцати владельцев голубых «Москвичей» не был преступииком, которого оии искали. Оставалось лишь выяснить в отношеиии последних шести, не давали ли они кому-нибудь своих машин во временное пользование.

В шесть часов инспектор распорядился вызвать к нему Аиаиия Христова, молодого инженера-химика, давшего ему самые точные сведения о цвете разыскиваемого «Москвича». Иижеиер не замедлил явиться и, войдя к инспектору, без стеснеиия опустился в кресло.

— Вы видели машины? — спросил его иислектор.— Цвет тот же?

— Да, тот же! Тот же, но...— И молодой человек умолк.

— Но что? — нетерпеливо спросил инспектор.

— Мне кажется, что тот был иесколько чище, яснее... Но я в этом не совсем уверен. Просто машина могла быть лучше вымыта.

Инспектор нервно встал.

— Может, она перекрашена! — сказал ои.— И это возможно.

Когда молодой человек ушел, он позвонил в КАТ. Подполковник уже ушел, и Табакова связали с дежурным офицером.

— Здравствуйте! — сказал инспектор.— У меня к вам всего один вопрос... Когда владелец перекрашивает свою машину, обязан ли он уведомлять об этом КАТ?

— Нет, не обязан! — последовал ответ.

— Зиачит, такие изменения не контролируются?

— Только раз в год,— сказал дежурный офицер,— при заполнении анкеты для техосмотра...

Инспектор положил трубку. Цвет машины был зарегистрирован в начале года, а сейчас уже июль. У владельца «Москвича» времени было предостаточно, чтобы перекрасить его даже несколько раз. Не на ложном ли он пути, разыскивая машину по цвету? Это, разумеется, самый легкий путь, но далеко не самый обещающий. Ведь возможно, что при заполнении анкеты собственник «Москвича» умышленно скрыл его истинный цвет... Раз за основу данных о машине берется заявление ее владельца, то, естественно, можно ожидать всяких несоответствий, всяких сюрпризов...

К семи часам окончились все расследования. Результат был категорическим: ни одна из проверенных машин не замешана в преступлении. Участковый уполномоченный, дождавшийся в кабинете инспектора окончательного результата, приуныл.

— Тут что-то не то! — сказал он.— Не совершено ли преступление с помощью легковой машины, номер которой выдан в провинции?

— И это вполне возможно! — мрачно отозвался инспектор.

В этот вечер настроение у него действительно было скверное. До последнего момента Табаков верил, что к исходу дня он приблизится вплотную к конечной цели своих поисков, однако сейчас в руках у него были лишь те же данные, что и вчера вечером, когда он с таким старанием подготовил всю эту операцию. Что же ему предпринять? К сожалению, выход был только один...

— Начнем все сначала! — сказал он с тяжелым вздохом.— Подвергнем проверке все зарегистрированные «Москвичи», все до одного, пока наконец не откроем тот, который нам нужен. Это очень длинный и тяжелый путь, но другого у нас нет.

— Жалко! — сказал с не меньшей досадой молодой лейтенант.— Я был уверен, что сегодня все кончим...

— И я был уверен, но что поделаешь! Придется моей жене подождать с курортом еще немножко...

— А почему мы ищем только машину? — сказал лейтенант.— Почему не ищем самого человека?

— Мне не хотелось увеличивать объема работы. Но теперь придется... Высоких седых мужчин, носящих пиджаки кирпичного цвета, в Софии не бесчисленное количество! Попробуем пойти и по этому пути...

— Не уйдет он от нас! — сказал лейтенант.

— Не уйдет! — подтвердил инспектор.— Только хлопот с ним будет немало!

В восемь часов он созвал совещание — надо было дать точные указания насчет дальнейшей работы. Оно уже конча-

лось, когда вдруг зазвонил телефон. Подняв трубку, инспектор услышал взволнованный голос жены:

— Прошу тебя, возвращайся поскорее! Наско очень плохо...

У него все поплыло перед глазами.

— Врач приходил?

— Я жду его...

— Хорошо, сейчас же выхожу.

Инспектор вызвал машину. У него был близкий друг — один из лучших педиатров Софии, который нередко помогал ему как эксперт в разных делах. На счастье, он оказался дома и с готовностью согласился сейчас же осмотреть мальчика. Спустя несколько минут машина мчала обоих по улицам Софии со скоростью, во много раз превышавшей ту, которую разрешал усатый подполковник из КАТа... Инспектор молчал, сердце его сжималось от недобрых предчувствий. Отвратительный день! Поистине отвратительный день!..

— Ну, ну — выше голову! — сказал доктор.— Ничего страшного. Медицина уже не та, что была во времена твоего детства...

Дома они застали участкового врача — еще совсем молоденькую девушку. Увидев своего знаменитого коллегу, она смутилась, но голос ее все же звучал уверенно:

— Двустороннее воспаление легких,— сказала она.— И в очень тяжелой форме...

— Разрешите и мне взглянуть,— вежливо проговорил доктор.

Осмотр продолжался довольно долго. Отец и мать тревожно переглядывались. Хотя Табаков и умел скрывать свои чувства, привыкнув к этому по роду работы, но сейчас это ему никак не удавалось. Какой-то панический страх сжимал его сердце, стеснял дыхание. В эту минуту он снова не походил на того опытного и хладнокровного оперативного работника, каким его все знали. Сейчас это был совсем другой, насмерть перепуганный человек.

И все же он нашел в себе силы, чтобы поддержать жену.

— Не бойся,— сказал он.— Теперь есть очень сильные средства против этой болезни...

Наконец доктор окончил осмотр.

— Положение серьезное,— сказал он.— Но мы проведем эффективное лечение... Ты отпустил машину?

— Нет, она здесь...

— Отлично! Как раз съездишь за лекарствами. Сейчас я напишу тебе рецепт...

Долго потом инспектор не мог забыть этой кошмарной ночи. Наско был в сильном жару. Он то беспокойно метался, то затихал, впадая в бессознательное состояние. Доктор не

покндал его допоздна, борясь всеми силами н средствамн за жизнь мальчика, и ушел лишь тогда, когда убедился, что кризис мнновал. Наутро он снова навестил больного. Наско уже было гораздо лучше, и он смотрел спокойным и ясным взглядом, хотя еще почти ничего не говорил. Доктор снова осмотрел его и произнес с облегчением:

— Жизнь его вне всякой опасности...

У инспектора сильно забилось сердце.

«Вне всякой опасности!.. Вне всякой опасности!..»

Вдруг он вспомнил нли, скорее, почувствовал всем существом, что эта фраза однажды уже взволновала его.

Да, письмо! Письмо похитителя!

— Это точно? Наверняка? — спросил он изменившимся, придушенным голосом.

— Наверняка! — ответил его друг.— Но, разумеется, при условни, что вы будете неусыпно следить за ним и в точности выполнять все мои предписания...

— О, насчет этого не сомневайтесь! — воскликнула мать.

Вскоре доктор ушел. Табаков, у которого отлегло от сердца, направился к себе в кабинет. Но он не сел, а стал взволнованно ходнть из угла в угол. Какой-то внутренний голос — радостный и уверенный — продолжал нашептывать ему ободряющие слова.

Вне всякой опасностн!..

Ему казалось, что он уже прнблнзился вплотную к решенню этой трудной и сложной задачи, которая мучнла его столько дней. Истина словно витала у него над головой, и он уже касался ее кончиками пальцев.

Вне всякой опасности!..

Теперь в его воображении всплыли и ожнлн с новой силой все подробности в связн с похищеннем мальчика; они кружилнсь в каком-то бешеном танце, сплетаясь в самые прнчудливые комбинации... Да, осталось еще немного, еще совсем немного!

И вдруг серьезный, сдержанный инспектор нзо всей силы ударил кулаком по столу.

— Какой же я дурак! — вскричал он и чуть не запрыгал от радости.

Ну конечно, только это! И ничего другого!

В вестнбюле звонил телефон, но он не обращал внимания, словно не слышал его.

Да, да! Ннчего другого! Как это он не догадался раньше? Ведь все так просто н ясно!

Телефон продолжал звонить. К черту, пусть звонит!

А вдруг он опять заблуждается? А вдруг эта внезапная догадка окажется неверной?.. Нет, не может быть... Не может

быть! Ведь она отлично объясняет все полученные факты. На этот раз он попал прямо в цель!

В дверях показалась его жена:

— Тебя спрашивают... Из управления.

Звонил сам генерал — Табаков узнал его по голосу.

— Табаков, я слышал, что у тебя дома не все благополучно?..— сказал он участливо.

— Пронесло уже! Все в порядке! — ответил инспектор.

— Искренне рад! — сказал генерал, и Табаков действительно почувствовал искреннюю радость в его голосе.— А не смог бы ты прийти ко мне?

— Сейчас или попозже?

— Если можешь, сейчас! Я вышлю за тобой свою машину.

Спустя несколько минут инспектор Табаков входил в кабинет к своему начальнику. Генерал поднялся ему навстречу и сердечно поздоровался с ним за руку.

— Дело вот в чем: звонил министр! — сказал он.— Интересуется судьбой пропавшего мальчика. Как продвигается дело, что ему сказать?

— Скажите, что розыск окончен, остается лишь поставить точку.

Генерал удивленно посмотрел на него и слегка улыбнулся.

— Ты уверен в этом?

— Абсолютно!

— Смотри! Как бы не сесть в лужу...— проговорил генерал с некоторым беспокойством.

— Не бойтесь, не бойтесь! Думаю, что сегодня еще до полудня преступник будет арестован!

— А ты узнал, кто он?

— Узнал, чем занимается. А имя буду знать через полчаса...

— Да скажи ты что-нибудь о нем, черт побери!

— Потерпите, товарищ генерал... Мне надо еще справиться кое о чем.

— Значит, еще уточнять будешь! Тогда и мой доклад будет более сдержанным... Скажем, два-три дня... А?

— Я уверен, что сегодня, но можете сказать... Хорошо, скажите так. Не беда...

Инспектор вызвал из гаража мощную легковую машину и захватил с собой двух сотрудников. Ему действительно предстояло кое-что уточнить. Во-первых, надо было повидаться с отцом Филиппа. Это было важнее всего, потому что только ответ этого человека мог подтвердить правильность его догадки.

Спустя десять минут шестицилиндровый «шевроле» подъехал к тому самому месту, где уже дважды совершал свои роковые остановки таинственный «Москвич». Инспектор быстро

поднялся по лестнице и позвонил. Ему открыл Филипп, очень обрадовавшийся его приходу.

— Папы нет, он в редакции.

— В редакции? А знаешь, где она находится?

— Конечно, знаю!

Инспектор записал адрес, потом как-то особенно посмотрел на мальчика.

— Знаешь что, Филипп, ступай-ка ты к Зарко. Ждите меня там вдвоем! Я приду не позже чем через час.

— Но Зарко сейчас дежурит...— сказал немного удивленно Филипп.

— Хорошо, ждите меня тогда там!

Табаков застал отца Филиппа в редакции профсоюзной газеты. Он задержался у него всего минут десять, но вышел оттуда с сияющим лицом.

— В КАТ! — крикнул он шоферу.

— Вам, видно, повезло, товарищ майор! — сказал один из сидевших сзади сотрудников.

— И это иногда случается! — рассмеялся инспектор.— Теперь я знаю все, даже его имя!

В КАТе инспектор пробыл чуть дольше, но и оттуда вышел такой же довольный и веселый.

— Как по маслу! — улыбнулся он.— А теперь — в клинику!

Здесь инспектор находился минут пятнадцать.

— Только что я узнал его адрес, а теперь знаю и куда упрятан ребенок...— сказал он с довольным видом.— Остался всего один шаг! — И тут же распорядился: — К малышам на улицу Ясен!

Тихая улица была, как обычно, совсем безлюдна, но инспектор знал, что в этот миг на него устремлены самое меньшее две пары настороженных, горящих от возбуждения детских глаз... Шум мотора! На тихой улице! Все вскакивают со своих мест и впиваются взглядом в машину...

— Стоп! — сказал инспектор.

Машина остановилась, и он вышел на тротуар. В ту же секунду из-за забора выскочило несколько мальчиков. Они взволнованно обступили инспектора.

— Ну как? Ничего нового? — спросил их Табаков.

— Пока что ничего, товарищ инспектор! — поспешил доложить Зарко.

— Так...— кивнул инспектор.— Зарко и ты, Филипп, поедете со мной!

— А пост? — спросил Зарко.

— Пост останется! Ну, полезайте! Живо!

Мальчики вне себя от радости бросились к машине. Инспектор сел впереди.

— Поедем на Реброво... По шоссе через Искырское ущелье...— сказал он шоферу.

— Есть, товарищ майор!

— Как выйдем за черту города, поедешь побыстрее...

Шофер включил газ, и машина тронулась. Мальчики удивленно молчали. Некоторое время молчал и инспектор. Наконец он повернул к ним голову и спросил:

— Знаете, куда мы едем?

— Не знаем, товарищ инспектор!

— К Васко! За ним едем...

— К Васко?..— растерянно в один голос вскричали оба мальчика.

— Да, к нему! Он, конечно, не ожидает нас, но это в данном случае не так существенно...

— А преступник? — спросил Филипп.

— И его заберем... Увезем на его же машине...

От удивления мальчики разинули рты. Они просто не верили своим ушам.

— Значит, Васко жив? И ничего с ним не случилось? — Зарко заикался от радости.

— Ну конечно! А знаете, кто стал причиной его похищения?

— Нет! Скажите, скажите, товарищ инспектор!

— Хорошо, скажу... Во всем виноват Филипп...

— Я?! — воскликнул мальчик.

— Да, ты — первопричина всего! — рассмеялся инспектор.— Из-за тебя заварилась вся каша!..

— Не может быть! — проговорил дрожащим голосом мальчик.

— Я не говорю, что ты умышленно причинил зло...— усмехнулся инспектор.— Я хочу сказать, что все началось с тебя.

— Но что началось с меня, товарищ инспектор? — умоляюще пролепетал Филипп.

— Точка! Вопросы пока что оставим! — сказал серьезно инспектор.— Через полчаса вам станет все ясно...

Оставив позади город, мощный «шевроле» пожирал километры, скользя по ровному асфальтированному шоссе. Миновав несколько сел, они въехали в живописное Искырское ущелье. Путь стал извилистее и круче. День был на редкость ясный, солнечный, и река, блестевшая на дне ущелья, бежала навстречу им длинной серебряной лентой. Но мальчики ничего не видели, они были захвачены мыслью о предстоящих событиях. Ни остроконечные вершины, ни скалистые утесы, сжимавшие с обеих сторон бурную реку, ни зеленые поляны, ни красивые виллы вдоль дороги — ничто не привлекало их внимания. Они сгорали от нетерпения и любопытства, дивясь необъяснимому спокойствию инспектора.

Теперь «шевроле» значительно убавил ход — навстречу дви-

гались громоздкие, тяжело нагруженные трехтонки, из-за поворотов то и дело выскакивали мчащиеся на недозволенной скорости мотоциклисты.

— Теперь не гони так! — бросил Табаков шоферу.— Мы не одни!

— А до Реброва далеко? — спросил Зарко.

— Близко, дружок, совсем близко!

Машина пошла под уклон. Справа, выставив изувеченный бок, вздымалась гора, слева крутым каменистым обрывом тянулся берег. Немного погодя инспектор различил впереди легковую машину, которая шла им навстречу. Вмиг он весь преобразился — лицо его словно окаменело, взгляд сделался холодным и жестким. Хотя машина была еще довольно далеко, ему показалось, что он различил ее окраску...

— Сбавь еще! — сказал он водителю.

Инспектор подался вперед всем телом и стал вдруг похож на готовящегося к прыжку тигра. Машина, двигавшаяся им навстречу, тоже шла медленно, так как ей приходилось преодолевать подъем.

— Смотрите, но чтобы смирно — ни звука, ни жеста! — предупредил мальчиков инспектор.

Филипп и Зарко впились глазами в приближавшуюся машину. Первым нарушил приказ инспектора Филипп, издав какой-то странный звук, похожий на придушенный выкрик. Он различил кирпичный цвет пиджака. Рядом с похитителем сидел какой-то маленький человечек, по всей вероятности ребенок, потому что была видна только его голова. Расстояние между обеими машинами быстро сокращалось.

— Васко! — чуть слышно вскрикнул Зарко.

Он весь задрожал от волнения, не в силах оторвать взгляда от переднего стекла идущей навстречу им машины. Рядом с водителем действительно сидел его маленький двоюродный брат. Зарко просто не поверил своим глазам — Васко преспокойно сидел рядом с похитителем, поглядывая время от времени в сторону реки и не переставая что-то жевать. Он вовсе не походил на насильно увезенного ребенка, равно как и человек, сидевший за рулем, на бандита. Скорее их можно было принять за отца и сына, выехавших на прогулку...

Внимание Филиппа было приковано к лицу человека в пиджаке кирпичного цвета. Тот ли это человек, которого он видел тогда из окна? Да, тот самый!.. И машина та же, и висюлька... Но в прошлый раз он не разглядел его лица, а сейчас ему почему-то казалось, что это продолговатое, немного усталое и печальное лицо ему знакомо... Но где же он его видел? Этого Филипп никак не мог вспомнить. Во всяком случае, оно не походило на лицо бандита, нет, ничуть не походило!

«Шевроле» и «Москвич» вот-вот должны были разъехаться. Человек в пиджаке кирпичного цвета даже не взгляиул, кто сидит во встречной машнне, только Васко на секунду-две вперил в иее свои голубые глаза, и Зарко показалось, что взгляды их встретились. Но в тот же миг они разъехались.

— Что же это такое? — восклнкнул с тревогой Зарко.— Зиачит, он так и уедет с иим?

— Не бойся! — успокоил его инспектор.— На этот раз далеко не увезет!

— Но они проехали!..

— Догоним! — сказал инспектор и повернулся к Филиппу: — Узнал ты его?

Фнлипп смущенно заморгал.

— Не могу вспомнить, где я его вндел! — ответнл ои.

— Стоп! — скомандовал Табаков и повернулся к шоферу.— Сможешь здесь развернуться?

Шофер почесал затылок.

— Смогу! — сказал ои.— Только это задержит нас...

— Ничего! Мальчнкам сойти! — распорядился тем же командирским тоном нинспектор.— Живо!

Филипп н Зарко поспешили выполнить приказание. Немного погодя онн с изумлением иаблюдали, как умело разворачивался опытиый шофер на такой узкой и притом идущей по краю пропастн дороге.

— Ну, полезайте! — улыбиулся инспектор мальчикам.— Самое интересное начинается только сейчас...

Мощный «шевроле» покатнл в гору н быстро преодолел подъем. «Москвич» ушел вперед, и его уже давно ие было видно. Но ннспектор не сомневался, что он будет настигнут. И действительио, не прошло и десяти миирут, как они опять различнли впереди машиину, блеснувшую на солице задннм стеклом.

— Мы догнали его шутя! — сказал ннспектор.

Расстояние между ними быстро сокращалось. Сто метров, пятьдесят... двадцать...

— Посигналь и обойди! — обратился инспектор к шоферу.— Когда опередим его метров иа сто, остаиовн машииу поблнже к середине...

— Ясно! — сказал воднтель.

Инспектор повернулся к двум своим сотрудникам, сидевшим сзади вместе с мальчиками, за всю дорогу ие пророиившим ии слова:

— Будьте наготове!

Все вышло так, как задумал ннспектор. «Шевроле» посигналил, н «Москвич», тотчас ответив ему, сбавил ход н съехал к самой обочиие шоссе, пропуская его вперед.

— Точно по уставу! — ироинчески заметил иинспектор.

«Шевроле», проехав метров сто, остановился, загородив собой почти все шоссе. Мальчики изумились, видя, с какой быстротой инспектор и двое сотрудников выскочили из машины. Они поспешили выйти вслед за ними. «Москвич» был уже совсем близко. Филипп сразу заметил смутную тревогу на лице его водителя. В тот же миг инспектор шагнул вперед и поднял правую руку.

— Стой! — крикнул он негромко. Голос его был спокоен и тверд.

«Москвич» остановился. Водитель его высунул голову и как-то глухо спросил:

— В чем дело?

— Выйдите из машины! — сказал инспектор.

От него не укрылась смертельная бледность, покрывшая лицо мужчины в пиджаке кирпичного цвета.

— Что вы хотите?

— Доктор Стефан Ненов, вы арестованы! Выходите!

Человек повиновался, не сказав ни слова.

— Надеюсь, знаете, за что? — тихо проговорил инспектор.

— Да, знаю...— так же тихо ответил человек.— Но сами видите, я его вез домой...

— Вижу! — ответил инспектор.— Суд примет это во внимание...

— Да... суд!..— с горечью произнес арестованный.

Инспектор повернулся к Зарко:

— Выведи-ка мальчика из машины!

Зарко направился к «Москвичу». И в ту же минуту маленький Васко узнал своего двоюродного брата. Лицо его озарилось радостью, и он громко закричал:

— Зарко! Зарко!

Зарко открыл дверцу, и вдруг на глазах у него выступили слезы радости. Он крепко обнял своего двоюродного братишку и сделал то, чего раньше никогда не делал,— крепко и сердечно поцеловал его в щеку.

— Как мальчик? — обратился инспектор к врачу.— Он уже здоров?

— Вполне! — уныло кивнул тот.— Однако ему не мешало бы полежать еще несколько дней...

— Что точно с ним было?

— Сильное сотрясение мозга...

— И он находился в бессознательном состоянии?

— Да, около двадцати часов...

— Ого! — воскликнул инспектор.— Дело было действительно серьезным!

— К сожалению, да! — сокрушенно ответил доктор.

Инспектор обернулся.

— Васко поедет с мальчиками в «шевроле», а вы займите свои места...— сказал он помощникам.

— Ясно, товарищ майор!

— Доктор Ненов, вашу машину поведет один из моих помощников, вы поедете сзади...— обратился он опять к арестованному.— Через полчаса мы доставим вас в управление милиции, где вы дадите свои показания...

— Что ж, едемте...— вздохнул врач.

Вскоре «шевроле» тронулся. «Москвич» последовал за ним.

Инспектор повернулся к Васко и нежно погладил его по голове.

— Знаешь ли, дружок, где ты находился до сих пор? — спросил он.

Васко недоуменно уставился на него своими голубыми глазами.

— Ну, в больнице...— сказал он.— У дяди доктора...

Инспектор невольно улыбнулся:

— Хорошо там ухаживали за тобой?

— Да!

— Так... Так... И одна тетенька там была, да?

— Да!

— И один хороший мальчик? Был там мальчик?

— Да. Он остался там...

— Только мамы не было, но сейчас ты увидишь и маму...

Нет такого писателя, который бы сумел верно и со всей силой передать великую радость матери, которая вновь обрела свое потерянное дитя! За это даже не стоит браться.

Васко попал в такие крепкие объятия, на него обрушились такие бурные ласки, что инспектор, глядя на эту сцену, не на шутку встревожился.

— Гражданка, вы бы поспокойнее! — сказал он с раздражением.— Ребенок еще не совсем оправился... От таких ласк он, пожалуй, получит новое сотрясение...

Но мать, казалось, не слышала его и продолжала тискать и заливать ребенка слезами.

— Товарищ Пиронков, прошу вашего вмешательства!

Насилу удалось вызволить Васко из ее объятий. Когда мальчика уложили в постель, инспектор рассказал родителям, что перенес бедный мальчуган, и объяснил, что ему нужен полный покой в течение недели. Мать с перепугу снова ударилась в слезы:

— Ах, мой мальчик! Миленький мой!

— Говорил я тебе, что его найдут! — бормотал вне себя от радости Пиронков.— А ты знай ревешь!

— Ну, а теперь поедемте ко мне! — обратился инспектор

к своим маленьким помощникам.— Узнаем, как мой малыш, а заодно и поговорим...

— А пост? — спохватился вдруг Зарко.

Табаков хлопнул себя по лбу:

— Ай-ай-ай!.. Опять чуть было не забыли! — смутился он.— Ну, конечно, сейчас мы распустим дежурных... А потом выдадим им Почетную грамоту!

Когда они вышли, во двор к Пиронковым уже стекались взволнованные радостной вестью соседи. Никогда еще Зарко не проходил на виду у всех с таким серьезным и гордым видом.

Доктор Стефан Ненов был одним из самых известных и уважаемых врачей Софии. Он заведовал клиникой при Высшем медицинском институте и был известен как автор ряда ценных научных трудов и одного учебника для вузов. Коллеги любили его за доброту и обходительность, а студенты — за его терпение и готовность повторять свои объяснения от начала до конца, сколько бы раз они его ни спрашивали. Это был исключительно чуткий и внимательный человек, относившийся одинаково хорошо и к больным, и к низшему медицинскому персоналу, человек, о котором говорили, что у него нет ни пороков, ни слабостей. Женат он был на тихой, приятной женщине, слывшей превосходной хозяйкой. Оба очень любили своего тринадцатилетнего сына Николая, неизменного отличника, приносившего им много радости. Доктор вел спокойную, хотя и несколько однообразную жизнь, но был доволен своей судьбой и ничего больше не желал. Все свободное от работы время он проводил у себя на даче близ Софии, где отдыхал, читал, работал, занимался садоводством — поливал посаженные им цветы, разводил клубнику и прочее.

Дача и заставила его купить машину. Поезда, которыми он до этого пользовался, были для него не очень удобны — он терял много времени и нередко опаздывал на работу. Поистине легковая машина была ему очень кстати. Благодаря ей он стал хозяином своего времени, перестал зависеть от расписания поездов и мог выезжать и возвращаться, когда хотел. Экзамен на получение шоферских прав не затруднил его — он шутя усвоил теорию и, пройдя практику, добился довольно хорошей техники и стал спокойно, уверенно водить машину.

Так родилась та страсть, которая имела для него столь тяжелые последствия.

Поначалу доктор Ненов пользовался своим «Москвичом» довольно редко — лишь в случае особой необходимости. Но мало-помалу, сам того не замечая, он стал увлекаться, и вскоре легкое увлечение перешло в настоящую страсть, как говорят старые шоферы, в кровь его проник бензин. Все сильней и сильней захватывал его плавный ход его «Москвича»; порой даже во сне доктор видел перед собой бегущие вдаль белые

ленты дорог. Сперва весьма осторожный, он стал теперь все больше увеличивать скорость. Чем быстрее неслась машина, тем моложе, жизнерадостнее н свободнее казался себе ее водитель. Он мог часами — без цели, без направления — мчаться по манящей глади шоссе, проносясь вольной птицей мимо зеленых лугов и полей, мимо синих озер — все дальше и дальше...

Доктор Ненов говорил свонм коллегам, что за рулем он освежается, отдыхает, восстанавливает силы, что это занятие в высшей степени благотворно отражается на его работе. Он доказывал это научным путем, н его доказательства были вескими и неопровержимыми. В его мозгу начиналн действовать новые центры, возникалн новые рефлексы. У него начннала развиваться непосредственная наблюдательность, он невольно привыкал к быстрым реакциям и молнненосным решениям. Его сильный ум как бы расцветал с новой, невиданной силой, и доктор Ненов радовался машнне, как какому-то крупному научному открытию!

Но, став хорошнм водителем, он вместе с тем стал чересчур самоуверенным. От этого и пронзошла беда.

Однажды зимой, в гололедицу, доктор ехал домой. Выезжая из узкой улочки на бульвар, он вдруг увидел совсем близко от себя мчавшийся навстречу роскошный «паккард». От неожиданностн доктор Ненов слншком сильно затормозил, н его «Москвич», заскользив, как сани, заехал на тротуар. В тот же миг кто-то громко вскрикнул. Побледнев как полотно, доктор Ненов замер от ужаса. Не задавил ли он кого насмерть?.. О, лучше самому умереть!.. Он выскочил из машины и заглянул под передние колеса. К счастью, человек остался жив — машина лишь сшибла его. Однако он продолжал лежать, издавая тяжелые стоны.

Когда на место происшествия явился милиционер, Ненов сам констатировал перелом бедренной кости. Милиционер составил протокол, забрал у доктора шоферскую книжку, после чего онн вместе отвезли пострадавшего в больницу.

Последствия были довольно печальными. Доктора Ненова приговорили условно к трем месяцам заключения и на полгода лишили шоферскнх прав. Кроме того, он уплатил пострадавшему солидную денежную компенсацию, не говоря уж о расходах на ремонт машины, вышедшей из переделки довольно помятой.

Он поспешил поправить ее, хотя и мог пользоваться ею лишь по истечении срока наказания. Весной она прошла ежегодный техосмотр, но вместо владельца ее прнвел за вознаграждение один шофер. Доктор Ненов присутствовал при всей процедуре лишь в качестве наблюдателя. Он с тоской поглядывал на свою поцарапанную любимицу, невольно сравнивая ее с другими машинами, прибывшими на техосмотр такими чнстенькнми,

гладенькими, блестящими... «Я должен ее перекрасить!» — решил он. Получив из Вены от своего приятеля — врача превосходную краску, он вызвал специалиста, и через несколько дней его «Москвич» принял такой вид, какого не имел и когда был новым...

В начале июля истек срок наказания, и доктор получил обратно свои шоферские права. Их возвратил ему лично начальник КАТа подполковник Иванов.

— Товарищ Ненов! — сказал он.— Вы понесли минимальное наказание, ибо мы имели в виду вашу сознательность...

Доктор Ненов смотрел на него, как школьник, не выучивший заданного урока. Давно, давно уже не испытывал он подобного чувства...

— Я уверен, что такого повода для встречи с вами больше не будет...— сказал он, выслушав до конца начальника КАТа.

Подполковник рассмеялся.

— В самом деле, постарайтесь избежать этого...— сказал он.— Я говорю серьезно. Даже в случае самого незначительного нарушения вы будете рассматриваться как рецидивист, а это повлечет за собой более строгое наказание.

— Да, я это знаю...

— Не будем уж говорить о чем-нибудь более серьезном,— продолжал полковник.— У вас теперь есть судимость, хотя это и условный приговор. Если снова попадете под суд, то положение ваше окажется чрезвычайно тяжелым! Так что будьте очень осторожны! Нет надобности в больших скоростях, особенно в городе... Для таких людей, как вы, спокойная езда — лучший отдых!

— Обещаю, что впредь буду как черепаха...

— В этом нет необходимости,— рассмеялся начальник КАТа.— Главное — спокойствие и осторожность!

Так доктор Ненов снова сел за руль. Сначала он чувствовал некоторую скованность — вел машину уж слишком медленно и осторожно и, как говорится, готов был уступать дорогу всякой букашке... Но постепенно к нему вернулась былая уверенность, восстановились все прежние водительские рефлексы. Однако как бы там ни было, после такого испытания он стал в точности соблюдать правила уличного движения и все распоряжения КАТа, хотя и замечал, что среди них есть и такие, которые лишены всякого смысла. Нет, никогда больше не допустит, чтобы у него отбирали шоферскую книжку!

Так — не забывая напутствий начальника КАТа и принимая все меры предосторожности,— он ездил на своей машине до того рокового дня.

В этот день ему позвонил утром его бывший однокашник Найден Виденов, редактор одной профсоюзной газеты, и попросил осмотреть заболевшего ребенка.

— Очень тебя прошу прийти! — сказал ои.
— Ты все там же живешь?
— Нет, сейчас я живу иа улице Ясеи, дом восемь...
— Что-то ие слыхал такой улицы...— пробормотал Ненов. Найдеи Видеиов объясиил, как к иему попасть.
— Зиачит, придешь? — спросил ои еще раз.
— Ну конечио! Жди меня к одиииадцати!

Ведя большую научиую работу в клинике, доктор Неиов был очеиь загружен и ие заиимался частиой практикой. Исключеиия составляли лишь очень близкие ему люди, ио, посещая их, он, разумеется, никогда ие брал деиег. Сейчас доктор только что взял отпуск и располагал свободиым временем, к тому же он искреиие уважал своего старого зиакомого и не хотел ему отказать. Доктор Неиов отыскал тихую улицу без особого труда.

...С какой стороиы четиые иомера? Справа или слева? Ага, двадцать четвертый — зиачит, с этой... Машииа шла медлеиио, ои продолжал следить. Впереди мелькиула фигурка малеиького мальчика. Доктор Неиов только взгляиул на него и опять прииялся следить... Вот уже двеиадцатый, десятый... Там должеи быть восьмой... Но иомера что-то ие видно. Одиако это все же тут!

Прежде чем затормозить, он посмотрел вперед. Ребенок был совсем близко и шел по краю тротуара, держа в одиой руке миску, в другой — деньги. Но вдруг деиежиая бумажка выскользиула из его пальцев. Мальчик стремительно кинулся иа мостовую и тотчас попал под правое колесо. Доктор Ненов иажал тормоза, ио было уже поздно. Послышался только звои разбившейся миски и... иичего больше.

Ничего больше!

Что же это могло означать? Не задавил ли он мальчика? Колесо ие встретило иикакого сопротивлеиия...

Доктор Неиов почувствовал, как его сковывает ледеиящий ужас. Ои хотел выйти из машины и ие смог сдвинуться с места. Хотел открыть дверцу, но ие в силах был протянуть руку.

Впоследствии ои никогда ие мог вспомнить, как подиял мальчика, как понес его. Все стерлось в его созиаиии, как дурной сои. Ои помиил только, что положил мальчика иа задиее сидеиье и дрожащей рукой пощупал пульс. Слабые, ио ритмичиые удары этого сердечка действовали иа доктора как предельная доза сильио возбуждающего средства...

«Жив! — проиеслось в его бешеио работавшем мозгу.— Да, жив!»

Теперь надо было дорожить каждой секуидой! Он нажал газ, машииа рванулась и быстро покииула место происшествия. Да, скорее в больницу! Нужио во что бы то ии стало спасти мальчика!

В первый момент он ие подумал о последствиях. Но вдруг воображеиие его заработало со всей силой. Перед глазамн мелькали то зал суда, то кабииет подполковиика, то испуганное лицо жеиы... Что его ожидает? Ясно что: тесиая тюремиая камера! Да́, ои, солидиый н всеми уважаемый врач Стефан Ненов, должен будет стать презреииым арестантом! Сколько времеии он просидит там, за железиой решеткой? Месяцы илн годы? Все равно — ведь, выйдя оттуда, он уже ие будет тем, чем был до снх пор...

Да, ои уже станет каким-то другим, лишениым прежией цеииости, станет человеком с клеймом, быть может иикому уже ие иужиым... Никогда больше не будет ои иастоящим врачом, настоящим ученым!

В цеитре было очеиь оживленное движеиие, и приходилось ехать очеиь медлеиио. Думать о случившемся стало еще мучительней. Да, теперь он конченый человек! В этот роковой деиь ои потерял разом все... и навсегда!

А в чем его вина?

Разве ои вииоват, что ребеиок так виезапио, точно самоубийца, бросился под колеса его машииы? Может ли человеческий ум предвидеть такое иеожидаиное движеиие? Может лн предупредить его? Кто поверит, что все произошло имеиио так? Разумеется, никто! Ои очеиь хорошо поминл: улица была совершеиио безлюдиа, ие оказалось ии одиого свидетеля происшествия.

Да, ии одного свидетеля!

И вдруг в каком-то уголке его сознаиия совсем неожидаино шевельиулась мысль, не выход ли это... Да, ие воспользоваться ли ему тем, что иа улице не было ии одиого свидетеля? Кто видел, что он сшиб мальчика? Никто! Да, иикто! А раз иикто ие видел, то иикто не будет зиать об этом!

Мозг его лнхорадочио развивал эту мысль. Зачем ему везтн ребеика в больиицу? Не лучше ли взять его к себе домой? Через четверть часа ои будет иа иогах, словио иичего ие случилось! А что потом? Потом он подвезет его куда-нибудь поближе к месту происшествия и оставнт иа улнце... Расскажет лн ребеиок о том, что с иим случилось? Еслн н расскажет, то кто ему поверит? А еслн н поверят, то как узиают, что это сделал имеино он, доктор Неиов, а ие кто-инбудь другой? В Софин тысячн машин, разве можно выяснить, под какую нменно он попал? И вообще, станут ли родителн ее разыскнвать, когда увндят, что нх ребеиок жив и здоров?

Да, если он поедет домой, то будет спасен! А почему бы ему ие спасти себя, раз ои ии в чем ие виноват? Разве ребеику необходнма больнцa? Неужелн он, Неиов, с его опытом, не поможет пострадавшему мальчику больше, чем какой-нибудь дежурный врач, вчерашний студеит? Да, он сам должеи

заняться этим делом! В таком случае — домой, а не в больницу!..

Но как он вынесет мальчика из машииы, как понесет его, лежащего без созиаиия, по лестиице большого жилого дома? Ведь их сразу увидят...

А почему имеиио домой? Почему ие иа дачу? Она достаточио уедииеииа, там его могут увидеть лишь совсем случайно...

Решено: на дачу! Это лучше всего!

Вскоре машииа уже летела по извилистому шоссе к Искырскому ущелью.

Одиако все вышло далеко ие так, как рассчитывал доктор Неиов. Вопреки его усилиям, ребеиок ие приходил в созиание около двадцати часов. Едииствеииым утешеиием было то, что череп остался цел и не был затроиут мозг. Круглые сутки возле постели мальчнка дежурнли попеременио Неиов н его жеиа. В первый момеит, поняв, что случилось, оиа оиемела от ужаса. Но, обладая сильным характером и будучи жеищииой спокойиой и разумной, она быстро овладела собой. И доктор Неиов ие услышал от жены ии одиого укоряющего слова. Одиако иа душе у иее было очеиь тревожио. Оиа первой поияла, что муж ее совершил сразу два преступлеиия. Вторым преступлеиием было похищение пострадавшего ребеика... Его-то оиа и старалась как-нибудь объясиить себе н оправдать хоть в какой-то мере... Но, иесмотря иа всю ее предаииость мужу, иесмотря на всю ее любовь к семье, которой сейчас угрожала такая опасиость, в душе ее ие иаходилось оправдаиия...

Когда ребеиок наконец пришел в созиаиие, первоиачальиый наивиый плаи доктора Неиова уже окоичательио рухиул. Он зиал, что родители подияли тревогу и милиция усилеиио разыскивает исчезиувшего мальчика. Была только одиа возможиость спасти свою честь — сейчас же отвезтн ребеика в блнжайшую больиицу.

От тяжелых мыслей доктор Неиов ие спал целую иочь. Что делать? Как поступить? Идти ли до коица по пути преступлеиия, чтобы спасти себя, семью, все то, что было завоеваио таким долгим и упориым трудом и делало осмыслеииой его жизнь, столь безупречную до этого рокового дия, или пожертвовать всем этим ради честн и граждаиского долга? Не легко решнть такой вопрос...

Далее все пошло как-то само собой. Доктор Неиов всецело отдался борьбе за спасеиие малеиького, иевииного существа. Мальчик пришел в себя, ио все еще иичего ие говорил. Он произносил отдельные слова, ио речь его была несвязной, и доктор Неиов так н ие смог узиать, как зовут мальчнка и где ои живет... Как же успокоить родителей, как нм сообщить, что их ребеиок иаходнтся в полиой безопасностн? Был лишь

один способ — отправиться на эту тихую улицу и разузнать у людей все, что нужно. Как? Идтн туда?.. Нет, нн в коем случае! Прн одной мысли об этом доктора бросало в дрожь... Ему казалось, что его сейчас же схватят, стонт ему только появиться там. Схватит сам народ н тут же, на месте, покарает, затопчет ногами, как презренного преступника. И это будет вполне справедливо. Да, он не заслужнвает ничего другого!

Лишь на шестой день к мальчику вернулся дар речн, и он с готовностью сказал свое имя и адрес. Доктор тотчас же написал письмо его роднтелям н поехал в город на почту. На душе у него после этого сразу полегчало.

Но не прошло н дня, как ко всем заботам прнбавнлась еще одна.

Сначала их сын Николай, живший с ними на даче, казалось, ннчего не понимал нлн, вернее, прнннмал все как нечто совсем естественное. В его незрелом уме еще не закопошились сомнения, им еще неоткуда было появиться. Раз ребенок пострадал, то, само собой разумеется, его надо лечить. А раз несчастье произошло не по вине его отца, раз он не имел никакой возможности его предотвратить, то зачем ему сндеть в тюрьме, как какому-то отъявленному преступнику? В первые днн Николай очень остро пережнвал случнвшееся, но лишь потому, что жалел отца.

Однако постепенно дело стало принимать другой оборот. Так как Ненов н его жена были заняты пострадавшим мальчиком, за продуктами в город ездил Николай. Обычно он отправлялся в полдень, а возвращался к вечеру. Что он там делал в свободное от покупок время, с кем встречался, о чем говорил — это сейчас нх как будто не интересовало. Они долго не замечали ни того, что их сын с каждым днем возвращался из Софии все более задумчивым и мрачным, ни горькой улыбки, почтн не сходнвшей теперь с его лица. Наконец мать начала смутно чувствовать, что с мальчнком творнтся что-то неладное.

— Почему ты не ешь? — спросила она как-то его.— Что с тобой?

— Ничего, просто не хочется...— сухо ответнл тот.

Для Николая началась новая, мучительная для него жизнь. Ему уже стало известно, что в Софин об отце его, хотя н не знают его нменн, говорят как об отъявленном преступнике, похнщающем маленькнх детей. С каждым днем мальчнку все больше н больше открывалась страшная истнна...

Однажды он спросил отца:

— Папа, ты подъехал к Васко сзадн, да?

Отец уднвленно взглянул на него.

— Да, а что?

— И ои шел по краю тротуара?
— Почему ты спрашиваешь?
— Хочу зиать... По краю ои шел?
— Да, по краю...
— И ты посигиалил ему?

Лицо доктора Неиова потемиело. Самообман, которому ои поддался в первый момеит, постепенно уступал место трезвому аиализу, одиако ои все еще ие смел прямо взгляиуть правде в глаза.

Что же ответить сыиу? Обмаиуть? Илн сказать правду? Сердце его сжималось, когда он смотрел сверху вииз на возбуждеиное детское личико. И он тихо ответил:

— Нет, я ие сигиалил... Ведь ои шел не по мостовой, а по тротуару...

Николай грустио покачал головой.

— Зиачит, ты вииоват...— сказал ои глухо.

Вскоре произошел и другой иеприятиый случай. Так как Васко был уже в полном сознаиии и быстро поправлялся, ему попытались создать видимость больничиой обстаиовки. И доктор н его жеиа входили к иему только в белых халатах и масках из марли. У Неиова остался прежииЙ плаи: как только мальчик окончательио оправится, ои ночью отвезет его в город, по возможиости спящим, н оставит перед его домом... Если все это удастся благополучно осуществить, то преступлеиие остается иераскрытым. И он принял все меры к тому, чтобы успешно выполнить свое решеиие. В малеиькой белой комнатке, где лежал Васко, ие было никаких лишних предметов, о которых мальчик впоследствии мог бы рассказать и тем самым иавести иа след преступления. С этой целью и жалюзи иа окиах, выходивших во двор, были всегда спущеиы.

Одиажды Николай захотел, по обыкиовению, войтн в комиату к мальчнку, но отец остановил его:

— Возьми марлю и иадень халат!
— Не хочу!
— Как это ие хочешь?
— Я пиоиер,— сказал дрожащим голосом Николай,— а ие баидит какой-нибудь, чтобы скрывать свое лицо...
— Можешь быть кем хочешь, ио ты мие больше не сыи! — крикиул отец.

Глаза мальчика широко раскрылись.

— Да, да! — добавил раздражеиио отец.— Не заставляй меня жалеть о том, что я тебя любил!

Мальчнк не выдержал и разрыдался.

— Папа, ты должеи пойти в милицию и сказать все...— проговорил он сквозь слезы.

— А зачем мие идти? Я вырастил сына — пусть он меия и выдаст.

Николай почувствовал, что в груди у него что-то оборвалось.

— И выдам! — закричал он.— Да, выдам!

На следующий день доктор Ненов сам отправился в город за покупками, но перед тем он заглянул в комнату к сыну.

— Не смей выходить из дому, слышишь? И к мальчику не входи!

Николай ничего не ответил и отошел к окну.

Когда врач возвратился из города, жена встретила его с перепуганным лицом:

— Николай убежал! — сказала она.— Его только что видели на станции...

— Ну и пусть! — мрачно ответил муж.

Хмурый, подавленный, уединился он в свою комнату и долго ходил из угла в угол. Слова сына камнем легли ему на душу. Перед ним все время вставал прежний вопрос: чем ему пожертвовать? Свободой или честью?.. Ему было смертельно трудно лишиться как того, так и другого! Вдруг он посмотрел на часы. Нет, Николай еще не приехал! Если он сейчас же выедет, если...

Спустя несколько минут его машина уже мчалась по направлению к Софии. Читатели уже знают, что там произошло. Николай лишь случайно не застал дома родителей Васко, и подъехавший в это время отец силой посадил его в машину, чтобы увезти обратно на дачу...

Последние сутки пребывания Васко на даче были, по существу, самыми тяжелыми для Ненова. Хотя прошло уже несколько дней, как мальчик совсем оправился, Ненов все откладывал осуществление своего плана, словно ждал, что не сегодня завтра произойдет какое-то чудо...

В эти дни доктор Ненов передумал все заново. Но теперь в центре всех его размышлений был сын. Он попытался забыть о себе, проникнуть в душу мальчика, объяснить его поступок. И это помогло ему разобраться в самом себе. Он понял, что, колеблясь между свободой и честью, между семьей и долгом, он рискует потерять все, лишиться разом и того и другого...

На следующее утро доктор Ненов вошел в комнату сына. Мальчик сидел на кровати, погруженный в раздумье. Он холодно, с каким-то каменным лицом взглянул на отца. Но тот сел рядом и, протянув руку, погладил его по щеке. Сколько уже времени он не делал этого? Казалось, прошла целая вечность... В эту минуту доктор как бы забыл обо всем, он все гладил и гладил нежное личико сына. Губы мальчика начали вздрагивать.

— Николай, ты был прав,— чуть слышно промолвил отец.— Я сделаю так, как ты хотел...

Мальчик заплакал и прижался к нему.

...Наверное, читатели уже сами догадались, что именно подсказало инспектору Табакову правильное решение. Слова врача «Жизнь вашего ребенка вне опасности!» как бы разорвали пелену перед его глазами... Врач! Да, врач! Он, должно быть, и написал письмо! Но кто он? Что общего между ним и тихой улицей? Что общего? Да, врачи бывают везде, они ходят к больным... Но кто был болен в тот день на улице Ясен?.. Филипп!

Да, Филипп!

Именно там останавливалась машина...

Дальнейшее легко объяснялось логическими построениями, отправным пунктом которых был несчастный случай. Гипотеза возникла как бы сама собой. Оставалось лишь сопоставить ее с действительными фактами. Но инспектор и без того был уверен, что на этот раз он не ошибся.

Начав со встречи с журналистом, Табаков установил, что тот действительно приглашал в то утро врача, доктора Ненова, который дал слово прийти, но не сдержал его... Почему же такой солидный, всеми уважаемый и уважающий себя человек не выполнил своего обещания?

Вторая проверка — в КАТе — дала инспектору сведения, что у доктора есть «Москвич», потерпевший в недавнем прошлом аварию, и ему стало понятно, почему была перекрашена эта легковая машина.

В результате третьей проверки удалось узнать, что доктор Ненов имел условный приговор. Это было очень важно, так как объясняло причину похищения ребенка.

Помимо этого инспектор побывал в клинике, где работал доктор Ненов, получил представление о его внешности, семье, узнал, что у него есть дача...

Теперь уже стало ясно, где спрятан Васко и кто был второй «жертвой» доктора Ненова...

Инспектор Табаков отправился к нему на дачу в полной уверенности, что найдет там пропавшего мальчика. И как мы уже видели, правильность его последней гипотезы была блестяще подтверждена самой действительностью!

Что же было дальше?

Разумеется, инспектор Табаков сразу же после этого уехал на море, где вместе с женой и маленьким сыном, который к тому времени уже выздоровел, чудесно провел свой отпуск. Мальчики с тихой улицы долго потом жили воспоминаниями о том интересном приключении, свидетелями и даже участниками которого они были. Зарко окончательно утвердился в своем решении стать таким, как инспектор. Филипп изучил эту историю и принялся писать роман. Но, убедившись, что это ему не под силу, передал свои интересные записки автору настоящей повести.

Пиронковы опять зажили своей спокойной, счастливой, обыкновенной жизнью. Васко не только выздоровел, но в конечном счете даже оказался в выигрыше: раньше, как мы знаем, он заикался, а сейчас от этого его недостатка не осталось и следа.

А доктор Ненов?.. На следующий день его выпустили из-под ареста на поруки. Когда я писал последние строки этой книги, дело его еще не было передано в суд. Но я не хочу успокаивать читателей — приговор будет наверняка строгим. Ведь сидеть за рулем — это не только удовольствие. Садясь за руль, человек берет на себя большую ответственность. Уж не будем говорить о том, что за малейшую невнимательность или оплошность можно поплатиться собственной жизнью. Но пожалуй, еще хуже стать причиной гибели других, ни в чем не повинных людей и вместе с тем сделать несчастными их близких... Ведь нет ничего тяжелее, как жить с вечным сознанием вины, с нечистой совестью.

Но мы уже немножко знаем доктора Ненова. Знаем, что в сущности это хороший и честный человек. Будем же надеяться, что он вынесет все испытания и возвратится к семье с чистой и спокойной совестью.

Ярослав Голованов

ПРЕОДОЛЕНИЕ ОДИНОЧЕСТВА

Очерк

У СОЛНЦА МЫ ОДНИ

Помню осенний вечер 1967 года. Гостиница в Центре дальней космической связи гудела от многочисленных застолий: утром «Венера-4» окончила свой 350 000 000-километровый путь. За считанные минуты ее финиша человечество узнало о нашей космической соседке больше, чем за сотни лет астрономических наблюдений, и повод для застолий, безусловно, был. Я отмечал замечательную космическую победу в гостиничном номере, где жили разработчики этой станции из конструкторского бюро, руководимого талантливым инженером и очень славным, приветливым человеком, Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской премии Георгием Николаевичем Бабакиным. Все наперебой говорили, вновь переживая пережитое, и только один человек не принимал участия во всеобщем веселье и угрюмостью своей резко контрастировал со всей праздничной обстановкой. Это был конструктор Глеб Максимов. Совсем молодым инженером пришел он в КБ Сергея Павловича Королева, принимал самое активное участие в создании первых лунников, а когда вся «межпланетная автоматика» перешла от Королева к Бабакину, Максимов тоже перешел в новое КБ.

— Ты что грустный такой? — спросил я Глеба.

— А вы все что такие веселые? — Он резко повернулся, обводя глазами наш стол.— Чему вы радуетесь? Неужели вы не понимаете, что сегодня мы осиротели в Солнечной системе? Все! Больше никаких надежд нет...

Он был прав. Все, что знали мы тогда о Марсе, вселяло серьезные сомнения по поводу реальности существования мар-

сиаи. Но надежда на Венеру еще сохранялась. Плотные, глухо закрывающие всю планету облака, по мнению некоторых астрономов, могли скрывать мир, если и не похожий на земной, то, во всяком случае, не враждебиый жизии вообще. Помню, я чнтал где-то, что Венера должна переживать сейчас время, напомннающее каменноугольный пернод в историн Земли, что это царство болотных гадов, гигантских хвощей и папоротников. Но кто знает? Может быть, в расчеты (не знаю, были ли расчеты, да и как можно сосчитать, не имея данных) вкралась ошибочка в несколько сотен миллионов лет, может быть, уже вызрели в тропических лесах Веиеры существа разумные... Была, была надежда, Глеб прав. И вот жестокая реальность: последующие измерения показали, что температура на поверхности планеты около 500 градусов, давленне порядка 100 атмосфер. Жизнь, разумная ли, неразумная, во всяком случае, на осиове углеводородных соединений существовать там не могла. Эти данные были получены позднее «Венерой-7», но уже «Венера-4» разрушила все иллюзии.

Очевидно, в пределах Солнечной системы разумиая (по нашнм понятиям) жизнь существует только на Земле. Споры идут лишь вокруг того, можно ли отыскать вообще нечто живое в этих пределах. В принципе природиые условия Марса не препятствуют возникновению примитивиых форм жизни. Могут ли существовать на Марсе хотя бы вирусы или микробы? Очевидно, могут, ведь даже куда более сложно организованные земные растения не погибали в искусственных «марсианских» условиях на фитотронах[1]. Но специальные опыты по обнаружению марсианских микроорганизмов, поставлеиные америкаискими автоматическими стаициями «Викинг», положительных результатов не дали.

Путешествия «Аполлонов» и лунников также давали результаты весьма пессимистические: в лучшем случае в образцах лунного грунта, доставленных на Землю, находили лишь «следовые», как говорят биохимики, количества аминокислот. Но ведь аминокислоты — это еще не жизнь.

Прнродные условия на других планетах тоже не дают повода к оптимизму: Меркурий очень напоминает нашу Луну, а близость к Солнцу создает еще более суровые температурные условня — максимальная температура достигает 380 градусов, а перепад ее на диевной и иочной сторопе равен 500 градусов! Сомиительно, чтобы жизнь возиикла и иа планетах-гигаитах: Юпитере, Сатурне, Уране. Вероятнее было найти ее на спутниках этих планет. Одно время считалось, что благоприятная для жизни среда существует на Титане — спутнике Сатуриа

[1] Научио-исследовательский комплекс для исследоваиия растеиий в очень широких диапазоиах температур, давлеиий, влажиости, газовой среды и т д. (Здесь и далее примечаиия автора.)

и Тритоие — спутиике Нептуиа, но серьезиыми аргументами предположеиия эти подкреплеиы слабо. Выдающийся советский астроном член-корреспоидеит АН СССР Иосиф Самойлович Шкловский сказал, что в Солиечной системе даже простейших форм жизии нет.

Наверное, Шкловский прав. Но я знаю, что еще многие десятилетия, а может быть, века человек упорио и последовательио будет обшаривать всю Солиечиую систему, все ее потаенные уголки и искать жизнь. Надежд мало, но расстаться с надеждой очеиь трудио...

22 августа 1961 года корреспоидеит агентства «Фраис Пресс» передал из калифориийского иаучиого городка Беркли заявлеиие америкаиских ученых Уильяма Говарда, Алана Баррета и Фреда Хэддока, что оии приияли радиосигиалы с Меркурия. Оии сразу оговорились, что сигиалы эти исходят, очевидио, от иесущей электрический заряд коры плаиеты, ио всякий прочитавший эту иифорumацию наверняка подумал: а вдруг ие от коры? Вдруг это иам сигиалит какое-то разумиое существо, которое создало свою малеиькую, узеиькую цивилизацию, примостившись иа терминаторе Меркурия — на граиице испепеляющего дия и ледяиой иочи?

Через год, в августе 1962 года, корреспоидеит агентства «Рейтер» передал из города Грэхэмстауиа в Южио-Африкаиской Республике, что преподаватель физики местиого университета Джордж Грубер, начииая с 24 июля, регулярио приннимает иа двух волиах радиосигиалы с Юпитера.

Примеров таких можно набрать много. Вот иедавиий. Зимой 1982 года земиая аппаратура регулярио фиксировала мощиый короткий импульс, который ровио в полдень по сатурииаиском времеии (сутки иа Сатурие длятся 10 часов 39 мииут) исходит из некой точки иа широте 80 градусов в десяти градусах от севериого полюса Сатуриа. Его можио было бы объясиить, если бы плаиета имела сложиое, как, скажем, у Юпитера, магиитное поле. Но такого поля у Сатуриа иет. Наведеииый на эту точку спектрометр обиаружил в ией поляриое сияиие в виде кольца. Что это такое, астрономы объяснить не могут.

Всякое такое сообщеиие — словио эхо иадежды... Но давайте подводить предварительиые итоги.

Все вроде бы говорит о том, что земная жизнь — явление из ряда вои выходящее. Аигличаиии Майкл Харт вычислил, что если бы орбита Земли всего иа пять процеитов была ближе к Солицу, то еще 3,7 миллиарда лет иазад наша планета в результате неизбежно возиикающего парииковогo эффекта превратилась бы в раскалениый мир, напомииающий Веиеру. Если же, наоборот, орбиту удалить лишь иа одии процеит от Солица, то 1,7 миллиарда лет иазад на ней произошло бы

глобальное оледенение и ни о какой цивилизации и речи быть не могло.

Возможно, английский ученый ошибается в деталях, но нельзя не согласиться с более обобщенным выводом И. С. Шкловского, который писал: «В XVII—XIX веках царило мнение о всеобщей населенности Вселенной. Такие, например, крупные ученые прошлого, как Ньютон, Гершель, считали, что даже на Солнце есть жители, не говоря уже о Луне и планетах. Гершель думал, что поверхность Солнца — твердая кора. То, что мы видим,— облачный покров светила. А темные пятна на сияющем диске Солнца — просто просветы в облаках, сквозь которые солнцежители могут наблюдать звездный мир. С большим трудом люди отказались от идеи обитаемости Луны и свыклись с тем, что это лишенный воздуха и воды безжизненный мир. XX век принес дальнейшие разочарования. Благодаря космическим полетам установлено, что нет каких бы то ни было форм жизни на раскаленной Венере и крайне маловероятна надежда обнаружить ее на Марсе. Сейчас очевидно, что наша Земля — уникальная планета».

ИЩУ ПЛАНЕТУ СО ВСЕМИ УДОБСТВАМИ...

Уникальная? Согласен. Но уникальная — не значит единственная. Да, Солнцу повезло — оно обладает одним из чудес Вселенной. Но вправе ли мы приравнивать редкость к неповторимости? Мы ведь знаем, что Солнце — звезда вполне рядовая, наверняка не уникальная, ничем особенно не примечательная среди других светил и нашей Галактики, и других известных нам галактик. Так, быть может, и планетарные системы вокруг подобных (или иных) звезд тоже не уникумы? И что вообще известно нам о других планетных системах, вне зависимости от того, есть или нет на них жизнь?

Мало что известно. Американский астроном Питер ван де Камп, один из упорнейших наблюдателей неба, проведший у телескопа обсерватории Спраул буквально десятки лет, очень увлекался проблемой неизвестных нам планетных систем. Он понимал, что ни в какой, даже самый сильный телескоп разглядеть далекую маленькую, да к тому же не излучающую свет планету невозможно. Но возможно другое. Следить за звездой и ловить момент, когда планета (или несколько планет) пройдет по светящемуся диску звезды. Изучая изменения яркости молодой переменной звезды RU — Lupi, шведские астрономы в 1974 году пришли к выводу, что звезда эта окружена целым роем так называемых протопланет, пылевых сгустков, планетных «полуфабрикатов», которые со временем, сжимаясь

под действием собственных гравитационных сил, могут превратиться в плотные небесные тела.

При прохождении планеты по диску звезды ее блеск может уменьшиться на один процент, что в принципе можно уловить современными приборами. Вся сложность в том, что никто не знает, когда это произойдет. Известный советский астроном Василий Иванович Мороз подсчитал, что для того, чтобы «поймать» планету таким образом, нужно наблюдать в течение года каждую ночь три тысячи звезд.

Таким образом, технически доступный вроде бы метод не обещал в обозримом будущем больших успехов, и Питер ван де Камп пошел другим путем. О планетах, коль скоро их не видно, расскажет сама звезда, но расскажет не изменением своей яркости, а изменением своих небесных координат. Он разработал методику косвенного поиска планетных систем — путем математического анализа отклонений в поведении самой звезды. Как ни ничтожна масса планет в сравнении с массой звезды, планеты все-таки должны, подчиняясь законам Ньютона, как-то взаимодействовать со звездой, вносить чуть заметные возмущения в ее движение. Хотя наблюдения Питера ван де Кампа происходили на границе точности аппаратуры, когда измеряемая величина почти равна допустимой погрешности измерений самого прибора, он был убежден, что открыл несколько звезд с планетными системами. В 1969 году он опубликовал сообщение, что у звезды Барнарда, второй ближайшей к нам звезды, которую отделяет от Солнца всего около шести световых лет, согласно его расчетам, должно быть, по крайней мере, две планеты величиной приблизительно с Юпитер. Если применять солнечные масштабы, то одна из них находится между Землей и Марсом — на орбите пояса астероидов, другая — на орбите Юпитера. Между ними, возможно, существуют и другие, меньшие по размерам планеты, влияние которых столь ничтожно, что обнаружить их невозможно.

Эти работы были продолжены исследователями университета Британской Колумбии, и, проанализировав периодичность этих возмущений, они пришли к выводу, что вокруг звезды Барнарда вращается по крайней мере пять довольно больших планет с массой от 0,7 до 1,6 массы нашего Юпитера[1].

Еще в 1936 году астроном Рейл открыл огромную планету, масса которой более чем в 40 раз превосходит массу Юпитера. Эта сверхпланета обращается вокруг звезды Росс 614, и год ее длится 15 земных лет. С тех пор темные, то есть холодные, спутники-планеты нашли у многих звезд: 70 Змееносца, 61 Лебедя В, проксима Центавра, Лаланд 21185 и других. Подозревают, что планетные системы есть у звезды эпсилон Эридана, Cin 182354

[1] По другим данным: от 0,4 до 1 массы Юпитера.

и у некоторых других звезд. Все это дает право советскому астрофизику члену-корреспонденту АН СССР Всеволоду Сергеевичу Троицкому утверждать, что сегодня «нет оснований сомневаться в большой распространенности планетных систем».

Американец Карл Саган также считает, что, например, в шаровом звездном скоплении М-13, насчитывающем около 30 тысяч звезд, примерно половина имеет планетные системы.

«В нашей Галактике около 200 миллиардов звёзд,— рассчитывает член-корреспондент Академии наук Чехословакии Рудольф Пешек.— Четверть из них может иметь планеты. Каждая сотая планета может иметь жизнь».

Американский астроном профессор Г. Эбт считает, что цифры чехословацкого ученого завышены. По его мнению, лишь10 процентов звезд нашей Галактики имеет планеты и (тут Эбт очень осторожен в выражениях) «на части этих планет нельзя исключить возможности существования той или иной формы жизни».

«Во Вселенной наиболее распространены звезды с массой несколько меньшей, чем у Солнца, и с немного большим временем жизни. У таких звезд очень вероятны планетные системы, и они обеспечивают условия, пригодные для жизни...» — так считает английский ученый В. Фирсов. Оптимисты, как пишет нью-йоркский журнал «Сайенс дайджест», считают, что в Галактике 130 миллиардов планетных систем. Подсчитано даже, что во всей доступной нашему наблюдению Вселенной 10^{21} планетных систем — цифру эту ни назвать, ни тем более вообразить невозможно!

Я мог бы приводить все новые и новые данные, но, чувствую, у читателей уже кружится голова от этих миллионов, миллиардов, 10^{21}, недоступных воображению нормального человека. Но в приведенных примерах споры, если можно так сказать, носят лишь количественный характер: одни ученые более щедры и наделяют Вселенную большим количеством планет, а следовательно, большим шансом возникновения жизни, другие более скупы и осторожны в своих подсчетах.

Однако это вовсе не значит, что разногласия лишь количественные. Есть и качественные.

Во Вселенной, как показали исследования последних лет, довольно распространены системы двойных звезд. Из шести ближайших к Солнцу звезд по крайней мере пять — двойные. Это может быть большая звезда и звезда-карлик или примерно равновеликие тела. (Таким образом, хотя мы часто подчеркиваем непримечательность нашего Солнца, оно примечательно хотя бы тем, что это одиночная звезда.) Если вокруг двойных звезд обращаются планеты, орбиты их должны иметь довольно причудливую форму, отражающую взаимное влияние на них двух солнц. Вряд ли на таких планетах возможны, скажем,

«классические», земные смены времен года и даже дня и ночи. Короче, такие планеты живут, по нашим, земным, меркам весьма запутанной жизнью. Поэтому знаменитый астроном Х. Шепли пришел к выводу, что «в качестве благоприятных (для жизни.— *Я. Г.*) мы должны рассматривать только одиночные звезды и, может быть, очень широкие пары, в которых одна звезда не влияет на устойчивость орбитального движения планет вокруг другой».

Рудольф Пешек также исключает двойные и кратные звезды из списков претендентов на возникновение жизни: «Планета, чтобы на ней возник благодатный «бульон» для зарождения жизни, должна иметь орбиту, близкую к круговой; не слишком жаться к звезде и не быть от нее чересчур далеко». Непригодными для жизни считал все двойные и кратные звезды и известный советский астроном В. Г. Фесенков. «Планетные орбиты вокруг двойных и кратных звезд неизбежно отличаются чрезвычайной сложностью,— писал он.— Таким образом, только одиночные звезды могут иметь около себя населенные планеты». Сам Фесенков считал, что из десяти звезд восемь — двойные и кратные. Так же думал известный американский астроном Джерард Койпер.

Таким образом, вероятность возникновения жизни, по Фесенкову, резко снижалась.

«Но исключение всех двойных и кратных систем из общей схемы жизни совершенно произвольно,— возражал ему В. Фирсов.— Сложные орбиты, особенно в форме восьмерки, конечно, возможны в двойных системах с умеренным расстоянием между звездами. В этом случае будут создаваться неблагоприятные колебания температуры поверхности планет. В кратных системах возможны и еще более запутанные орбиты. Но в о з м о ж н ы не то же самое, что д о л ж н ы, и простые орбиты гораздо более вероятны».

Ничего не понимаю. Книга В. Фирсова вышла в Лондоне в 1963 году, в 1966-м переведена на русский язык, а в 1968 году Ф. Честнов в книге «Одиноки ли мы во Вселенной», ссылаясь на новые расчеты, доказывает прямо противоположное: именно орбита планеты в форме восьмерки вокруг двойных звезд способствует возникновению на ней жизни. «Сначала планета движется вокруг одного светила, затем вокруг другого, и орбита оказывается замкнутой,— пишет он.— Поток тепла, получаемый планетой, будет меняться в сравнительно небольших пределах».

Член-корреспондент АН СССР Н. С. Кардашев тоже не согласен с В. Г. Фесенковым. Он считает, что «возникновение и развитие жизни на планетах около кратных звездных систем также возможно».

Всю эту круговерть мнений и доводов, в которой нелегко

разобраться, я привел умышленно, чтобы подвести вас к выводу самостоятельному, ненавязанному.

Итак, каковы сегодняшние наши представления о возможности внеземной жизни? Постараемся сформулировать их с искренним беспристрастием. В Солнечной системе, кроме Земли, нет мира, населенного разумными существами. Будущее обнаружение примитивных форм жизни не исключается полностью, но вероятность его, очевидно, невелика. В пределах нашей Галактики и в иных галактиках должны в принципе существовать разумные существа. Однако вероятность появления этих существ, равно как и вероятность возникновения планет около иных солнц, способных эти существа породить, нам неизвестны. Семья братьев по разуму существует, но мы не знаем, сколько братьев в этой семье и где они живут. Таков итог. Печальный итог. Печальный, поскольку знания наши в безмерности Вселенной есть величина невидимая. Кроме того, существует еще одно труднопреодолимое препятствие: мы собираемся искать жизнь, не зная, что мы собираемся искать, ибо мы не знаем, что такое жизнь.

КАК СДЕЛАТЬ ЖИВОЕ ИЗ НЕЖИВОГО?

Да, сегодня мы не можем дать ответ и на центральный, наиважнейший вопрос проблемы CETI[1]: является ли жизнь непременным условием эволюции Вселенной или это нечто случайное, из ряда вон выходящее, правило ли это или исключение из правил?

Совсем недавно, еще в начале нашего века, очень грамотный и рассудительный немец доктор Вильгельм Мейер, поставив этот вопрос в своем фундаментальном труде «Мироздание», придумал оригинальный ответ. Если жизнь обязательное свойство существования материи, «тогда,— пишет он,— в наше представление надо ввести, кроме мертвых, еще живые атомы; из мертвых могут создаться только мировые (то есть небесные.— *Я.Г.*) тела... из живых атомов — организованные существа, способные чувствовать и мыслить. В таком случае нет возникновения жизни; жизнь вечно была и будет, пока есть материя...»

Да, все было бы расчудесно, если бы эти «живые атомы» существовали в действительности. Но где их искать? В доступной нам части Вселенной 1 000 000 000 000 000 000 000 звезд, и, куда бы мы ни направили свои спектрометры, отовсюду

[1] CETI — английская аббревиатура, которая в настоящее время широко распространена как в научной, так и в научно-популярной литературе. Мы тоже будем ею пользоваться. CETI соответствует русскому: «проблема поиска внеземных цивилизаций».

ответ один: атомы — кирпичики мироздания — едины во всей Вселенной, никаких иных элементов, кроме тех, что живут в многоэтажном доме таблицы Менделеева, нигде не обнаружено. Нет, доктор Мейер, в том-то вся загвоздка, что жизнь как-то возникает из «мертвых», по вашему определению, атомов.

Академик АН Эстонской ССР Густав Иоганнович Наан высказывается по этому поводу весьма категорично. «Коротко можно сказать так: если в вашем распоряжении есть атомы 24 химических элементов, существенно необходимых для «построения» жизни, и вы располагаете временем, скажем, 4,6 миллиарда лет, прошедшими с момента возникновения нашей планеты, а также соответствующими условиями, то рано или поздно вы получите некое разумное существо».

Думаю, что Наан прав: получим! Но весь вопрос сейчас для нас в том, как получим.

Наан, по сути, констатирует факт, в котором нет сомнения: мы действительно существуем! Но для того чтобы представить себе ход развития жизни иных миров, мы должны расшифровать его постулат, решить частную задачу: узнать, как возникла жизнь на нашей Земле. Если бы мы могли объяснить свое собственное появление и существование, насколько проще стала бы вся проблема! Но и это мы объяснить не можем.

Советский ученый академик А. И. Опарин выдвинул полвека назад теорию возникновения жизни в теплых мелких лагунах доисторических океанов, где в биологическом «бульоне», предельно насыщенном цепочками сложных органических молекул, под действием солнечных лучей или электрических зарядов молний сплетались эти цепочки, превращая сложные молекулы в нечто принципиально новое, способное изменять свои качества и свойства под действием окружающей среды, производить с этой средой некий обмен веществ и в конце концов создавать нечто себе подобное. В обоснованной и строго научной логике рассуждений Опарина была все-таки ахиллесова пята. Более или менее ясно, как и почему образовались сложные органические молекулы. В принципе понятно и то, как самые примитивные микроорганизмы, постепенно усложняясь, породили все многообразие земной жизни. Но как ни крути, остается одна закавыка, слабое звено, должное соединять два конца безупречных построений: как все-таки неживое превращалось вдруг в живое? Предполагалось, что примерно 4,6 миллиарда лет назад на Земле, окутанной плотной атмосферой из аммиака, водорода, метана и водяных паров, возникли сложные органические соединения — аминокислоты, составляющие основу белковой жизни. За миллионы лет слепая природа методом бесконечных проб и ошибок сумела в конце концов создать некую длинную молекулу, которая была способна распадаться

на отдельные куски, а затем каждый из кусков вновь «доращивался» до предельного размера, чтобы распасться в свою очередь. Такое дублирование уже напоминает в чем-то биологическую эволюцию. Но именно напоминает, не более. Это момент принципиальный, самый важный, потому что превратить очень сложное органическое соединение в очень примитивный живой организм несравненно сложнее, чем превратить амебу в человека. Академик А. А. Имшенецкий, всю жизнь занимавшийся изучением самых примитивных живых организмов, признает: «Самым трудным для нас остается расшифровка перехода от органического вещества к примитивному существу».

Есть детская игра: один что-нибудь прячет, другой ищет, а ему помогают: «Горячо! Холодно! Теплее, теплее!» Мне кажется, что Опарин где-то совсем рядом с тем местом, где упрятана истина, уже совсем «горячо», но секрет еще не раскрыт.

Чаще всего теория опережает практику, и опыт — лишь памятник ей. Обелиск или надгробие. Но случается и иначе. Задолго до появления теории Опарина, в 1897 году, когда два югославских ученых, С. Лозанич и М. Йовишич, ставили биохимические опыты, воздействуя на различные органические соединения «потоком искр». Позднее, в 1913 году, скромный немецкий химик Вальтер Лёб, ничего не зная о теории Опарина, поскольку теории еще не было, а автор ее сидел на студенческой скамье, пропускал электрические разряды через смеси аммиака, воды и углекислоты. Он доказывал, что получал аминокислоту гликокол. Так ли, нет ли, не знаю. Знаю только, что справедливости ради не следует забывать эти первые опыты,— так трудно всегда быть первым...

Шли годы, и многие ученые в разных странах стремились создать искусственную жизнь. Моделировались условия детства земного шара, создавались газовые смеси и водные растворы, которые могли тогда образовываться, но высечь искру жизни из безжизненной материи не удавалось!

Может быть, наиболее тонкие эксперименты проделал в 1953 году молодой аспирант Чикагского университета Стенли Миллер. Создав в лаборатории модель земной атмосферы, Миллер стал пропускать через эту газовую смесь сильные электрические разряды и получил различные аминокислоты и другие органические соединения. Другие ученые повторяли эти опыты, заменяя искусственную молнию потоком ультрафиолетовых лучей, раскаляя газы и даже подвергая их воздействию ударных волн. Сидней Фокс из Флоридского университета изловчился и сделал следующий шаг вперед: он заставил полученные аминокислоты связываться между собой и получил еще более сложные соединения, названные им протеиноидами, крохотные

белковые сферы. Шарики Фокса уже приближались по своим размерам к примитивным бактериям. Биохимики Сирил Поннамперума и Хуан Оро тоже сумели синтезировать несколько сложных органических соединений, лежащих в основе нуклеиновых кислот. Все явно ходили где-то очень близко, всем было «горячо», это была уже почти жизнь — «предбиологические соединения», как о них писали, но как много в этом «почти»!

Знай мы сегодня в деталях весь механизм возникновения жизни на Земле, у нас было бы больше оснований рассуждать о вероятности жизни во Вселенной. Но и только — больше оснований. Да, было бы просто великолепно стереть в истории своей эволюции все «белые пятна», тем более что мы (быть может, очень нескромно) полагаем, что земной опыт природы оказался удачным. Но следует ли из этого, что природа повторялась, используя однажды найденный путь? Даже разгадав все тайны земной жизни, мы не будем знать степени ее похожести на иную жизнь. Мне могут возразить, что коль скоро жизнь базируется на углеводородных соединениях, то всякое возможное многообразие в основе своей должно содержать нечто общее. Довод серьезный и логичный.

Тем более серьезный и логичный, что в 1968 году в космосе были обнаружены относительно сложные молекулы — аммиака и воды, через год — муравьиный альдегид. Затем выяснилось, что формальдегид, водород и гидроксильный радикал — широко распространенные в нашей Галактике соединения.

Еще через год нашли цианистый водород, который принимает участие в синтезе аминокислот и нуклеиновых кислот. И пошло, и поехало: цианацетилен, метиловый спирт, формамид, ацетонитрил, метилацетилен. И уже чисто органические соединения: цианамид, винилцианид, этанол, метиламин. В 1971 году американец Джонсон нашел на спектрограмме участка неба в созвездии Ориона полосы сложного многоатомного вещества с труднопроизносимым названием: двупиридилмагнийтетрабензопорфин — близкий родственник хлорофилла и гемоглобина. За десять лет работы ученых разных стран в космосе обнаружены спектры 46 сложных молекул. Это все очень интересно и позволяет говорить о том, что во Вселенной постоянно происходит некая интенсивная химическая эволюция. Но именно химическая, о биологической нам ничего не известно. Радиоастроном Дэвид Бул, который обнаружил в космосе много новых соединений, писал: «Конденсация звезды, уплотнение пыли и отдельных молекул в планеты и атмосферы и даже последующее возникновение жизни, возможно, представляют собой лишь часть единого астрономического эволюционного цикла в огромных масштабах времени». У Була нет фактов, он пишет «возможно», в нем говорит интуиция. Это очень важно, у интуиции много заслуг перед наукой. Но факты! Дайте факты!

Где она, эта астробиологнческая эволюция? Хоть тень ее, хоть намек, след, отблеск, где оин?!

Вся земная жизнь построеиа из весьма ограинчениого количества осиовных оргаинческнх «кирпнчнков»: двадцати аминокислот, пяти осиоваиий, двух углеводов и одиого фосфата. Все. Из 28 веществ создана иезабудка, дельфнн, белый грнб, туберкулезная палочка, кокосовая пальма, автор н читатель этого очерка. Для Землн хватнло 28 веществ. Это закои? В иных условиях иных миров как будет меняться нх количество? Не зиаем...

Еще в середние XIX века классики химни — швед Йёнс Якоб Берцелиус, иемец Фрндрих Вёлер, фраицуз Пьер Эжен Бертло иачали аналнзнровать химическнй состав метеоритов, пытаясь отыскать иа этих небесных послаицах следы органической жизин. Они понимали, что метеорит, пробивший в жаре н пламеии прозрачный щит земиой атмосферы, это вовсе не тот метеорит, что летал в космических просторах. Во время своего движеиия он претерпевает миогие изменеиия — н механнческие, и фнзические, и химическне тоже. Но все-такн как не попробовать?! В 1834 году Берцелиус обиаружил прнсутствне оргаиических соединенний в иекоторых типах метеоритов.

Шнроко работы этн развериулись уже в 70-х годах нашего века. Метеорит Мёрчисон, который взорвался над австралийским городом Мёрчисоном в 1969 году, прилетел очеиь вовремя, хотя и переполошил всю округу. Куски его подобралн довольно быстро, вероятиость того, что биологические соедииення Земли «испачкали» его, была иевелика. Мёрчнсоном заиялся цейлонец Поннамперума, исследователь опытнейший и авторитетиый. Он обиаружил в кусках метеорнта 18 амииокислот, из которых 6 входят в состав белков живых организмов Земли, а 12 других неизвестны на иашей планете. Там были найдены спирты, парафнны, фенолы, углеводы, оргаинческне кислоты. Некоторые вещества отличались от подобных им земных соединений. «Земля — это, в сущиости, образцовая лаборатория процессов, которые могли происходить бесчислениое чнсло раз в других солнечных системах»,— писал Поииамперума. Осторожио писал — «могли происходить». А происходнлн лн? Он поиимает, что объяснить появление сложных оргаиическнх соединенний в условиях космического вакуума н холода трудно. Но, безусловно, «моглн происходнть», если природа столь щедра иа химнческне заготовки для оргаиикн, если оиа с такой удивнтельиой расточительиостью создает эти полуфабрикаты жнзнн.

Ну а раз так, ие зря ли мы вообще ломаем голову? Быть может, зерио жизни прннесено на Землю имеиио из космоса, а наша плаиета просто оказалась лабораторной скляикой с редкостио подходящим питательиым раствором? Автором те-

ории прнвнесения жизни извие, так называемой теории паиспермнн, был знаменитый шведский химик и физик Сваите Август Аррениус. В 1903 году он опублнковал фуидаментальиый труд «Учебник космической фнзнки», в котором высказал предположеиие, что споры бактерий «прибилнсь» к Земле лучами света. Как раз за год до этого великнй русскнй физик Петр Николаевнч Лебедев своими блестящнмн опытами измерил снлу светового давления на газы. Арреинуса поддержали такие авторитеты, как Г. Гельмгольц, Ю. Лнбнх, Дж. Томсон и другие. Есть у иего поклониикн среди ученых и в иашн дни. Были и другие гипотезы: зародыши жизии достнгали иашей планеты на метеоритах, кометах, частицах космической пыли.

Но все-такн противннков у теории панспермии больше, чем поклонников.

Теорию панспермии потихоньку списалн в архив иауки, все как будто бы стало иа свои места, как вдруг в 1973 году английский биофизик Ф. Крнк и американский биохимик Л. Оргел выдвинули новую теорию панспермии — теорию направленной панспермии. Да, космические излучеиия убьют споры, да, пробиться им сквозь атмосферу сложио. Но ведь безо всяких хлопот с нх стороны онн могли быть доставлены на иашу планету не случайно, а сознательно, скажем, иа иеком космическом корабле инопланетян,— жизнь сознательно посеяна на Земле, как мы созиательно сеем на грядке морковку.

При всей своей фантастичиости гипотеза Крнка н Оргела имеет некую, для одних убедительную, для других неубедительиую аргументацию. Еслн жнзиь иа Земле возннкла самопроизвольно, размышляют ученые, то наиболее вероятио ее возникновение в разных точках нашей плаиеты. Где-то чуть раиьше, где-то чуть позже, ио в разиых, а зиачит, при разных обстоятельствах — абсолютио одинаковых случайиостей быть не может. Следовательио, существовало иесколько иезависнмых очагов превращения неживого в живое. Тогда чем можно объясиить тот неопровержимый факт, что все жнвые существа на Земле имеют однн и тот же геиетический код?

Сам Крик полушутя говорит, что сегодня иет недостатка в гипотезах, объясняющих одинаковость генетнческого кода всего жнвого, и он готов объявить конкурс на худшую гипотезу, которую, однако, можно было бы экспериментально проверить. Едииый код — не есть лн это указание на то, что предок был однн, скажем, колоння микроорганизмов, доставленных на Землю с другой планеты? Впрочем, нноплаиетяне могли и ие утруждать себя космическим полетом, а просто послать автоматическую станцию, подобиую (но, разумеется, усложнеиную с учетом межзвездных расстояиий) тем, которые мы посылаем на Луну, Марс или Венеру.

И еще однн ннтересиый довод в пользу своей гнпотезы

приводят Крик и Оргел. Они обратили внимание на то, что столь редкий и рассеянный на Земле химический элемент, как молибден, играет такую важную роль в земных биохимических процессах. Не означает ли это, что на далекой нашей прародине молибден был в избытке?

Гипотеза Крика и Оргела, на мой взгляд, полностью отвечает всем требованиям, которые мы можем предъявить к научной гипотезе. И главное, основному требованию всякой гипотезы: ее можно подтвердить или опровергнуть. Если, скажем, будет установлено, что процессы превращения неживого в живое и сегодня идут в разных точках земного шара при неких экстремальных условиях (скажем, в зоне вулканической деятельности плюс гроза с молнией) и при этом образуется нечто живое с одинаковым генетическим кодом, гипотеза будет опровергнута.

Но возможен и другой вариант. Если мы установим контакт с высокоразвитой цивилизацией, которая удостоверит, что она является нашей прародиной, гипотеза будет подтверждена. Думаю, что опровергнуть ее трудно, но подтвердить еще труднее.

В заключение своего рассказа о теории панспермии, давней ли Аррениуса или обновленной Криком и Оргелом, хочу заметить, что согласен с теми учеными, которые считают ущербной саму ее суть. «Ее сторонники,— писал Александр Александрович Имшенецкий,— допуская перенос жизни с одной планеты на другую, не решают вопроса о путях возникновения жизни на тех планетах или астероидах, откуда, по их мнению, жизнь попала на Землю...»

Нам еще придется вернуться к теории панспермии, но перед тем, как подвести традиционный частный микроитог, хотелось бы коснуться еще одного вопроса, который, правда, встречается чаще в фантастических романах, нежели в научных журналах. Но мы же договорились не обходить острые углы...

Крепко усвоив привычку все «примерять на себя», сравнивать с известным, мы говорим лишь о жизни на основе углеводородов. Во многом это справедливо. Подобная форма жизни стабильна, способна к быстрой и разнообразной эволюции, да, как вы только что прочли, и в космосе находим мы осколки именно углеводородных форм. Но подобно тому, как никто пока не может ни доказать, ни опровергнуть гипотезу панспермии, никто не может пока ни доказать, ни опровергнуть гипотезу о возможности существования жизни не только на углеводородной основе.

Основой жизни могут стать и другие элементы, особенно если они обладают свойствами, сближающими их с углеродом. Такие, как кремний, бор, азот, фосфор и даже сера. Уже существует понятие «кремнийорганика», полимеры на основе

кремния — цепочки, которые могут входить в органические системы. «Кремниевые существа» теоретически возможны. Конечно, трудно себе представить, как «кремниевый человек» живет при температуре в 800 градусов и пьет вместо воды безводную серную кислоту. А ему столь же нелепо предположить, как это возможна жизнь при температурах даже ниже нуля и как можно пить воду!

Прекрасный фантаст Артур Кларк писал: «Стоит нам только выйти за пределы Солнечной системы, как мы сталкиваемся с космической действительностью совершенно иного порядка». Несмотря на это, именно в вопросах внеземной жизни мы проявляем поразительную трафаретность мышления. В старых изданиях можно найти фантастические рисунки инопланетных существ. Большеголовики на длинных ногах, их потом доделал до страшных марсианских спрутов Герберт Уэллс в своем романе «Война миров». Зайцы с тėлом крокодила, облагороженные летучие мыши, ящерки с восемью ногами... Увы, фантазия наша ограниченна. Я сам однажды решил изобрести нечто невероятное. Придумал существо с головой свиньи, телом жука, кошачьими лапами и хвостом крокодила. На большее воображения не хватило.

Знаменитый английский философ и общественный деятель нашего времени Джон Бернал, размышляя о жизни во Вселенной, писал: «В настоящее время у нас нет оснований ожидать идентичности форм жизни на Земле и на других небесных телах». Бернал был человеком больших знаний и широкого воображения. Те же качества отличали замечательного советского ученого и писателя, родоначальника нового направления в фантастической литературе, Ивана Антоновича Ефремова. Но мыслили они полярно. Мне выпало счастье недолгое время общаться с Ефремовым и говорить с ним об инопланетянах. Вот уж, казалось бы, от кого можно было в подобном вопросе ожидать ответов самых неожиданных. Но выдающийся фантаст отказывал природе в фантазии! Ефремов был убежден, что разумные существа иных цивилизаций могут слегка отличаться друг от друга пропорциями тела, разрезом глаз, цветом кожи, но в принципе все они должны иметь человеческий облик! Иван Антонович был убежден, что эволюция на любой планете непременно приведет разумное существо к двум ногам, двум рукам, двум глазам и т. д. Таким образом, и тут шла «примерка на себя», и тут проявлялся наш антропоцентризм: мы лучше всех! Я не большой знаток фантастической литературы, но, пожалуй, только у Станислава Лема в его «Солярисе» и в некоторых рассказах покойного американца Клиффорда Саймака инопланетный разум выходит за рамки привычных земных представлений. Мыслящий океан «Соляриса» — безусловно, находка, но и здесь образ подсказан

Землей: океаи... Увы, мы ие можем придумать иичего, раиее ие известного, и мера иашей фаитазии ограиичивается лишь умеиием компилировать, подгоиять, противопоставлять, сталкивать, доводить до абсурда известиое и видеииое.

Ничего прииципиальио иового мы ие в состояиии изобрести.

Мы ие зиаем, как выглядят наши братья по разуму, коль скоро оии существуют. Убеждеи, что мы иикогда ие отыщем во Вселеииой существ, подобиых иам. Будут ли оии красивы или безобразиы, иа иаш взгляд, это вопрос человеческой эстетики, ио они будут другими!

Дело ие в форме тела — оиа может быть произвольиа,— а в прииципе коммуиикативиых связей. Они прииципиальио по-другому общаются друг с другом. Как мы общаемся? Речь, мимика, жест. Возможио, существуют иекие телепатические явлеиия, ио природа их пока для иас ие совсем ясиа, так что ие будем эту сложиую тему затрагивать. А теперь представьте себе иеких существ, которым ии речь, ии мимика, ии жест совершеиио ие известиы. Оии абсолютио иеподвижиы и в то же время ие излучают иикаких радиоволи, ие ведают ии о каких телепатических каиалах связи. Тело их при общеиии иепрерывио измеияет свой цвет. По иим как бы катятся цветовые волиы самых разиообразных оттеиков. Ни одии земиой художник иикогда даже близко ие подходил к тем граиицам тоичайшего восприятия оттеиков, иа которые способиы эти радужиые существа. Цветовой спектр при условии всех возможиых сочетаний и комбииаций практически иеисчерпаем. Таким образом, в общеиии между собой им доступио такое миогообразие, такая точиость передачи сути мысли, которую ие может дать ии одии земиой язык, поскольку словариый его запас коиечеи и иесоизмерим с возможиостями цветовой палитры придумаииых миою иипланетяи.

Убеждеи, формы живого иеисчерпаемы. Огляиитесь вокруг: есть жираф, ромашка, гадюка, бамбук, паук, коралл,— вправе ли мы ожидать подобиых себе в иных мирах?

Не будем покушаться иа великие коистаиты, которые, словио мифические слоиы, черепахи и киты, держат иа себе наш мир. Доказаио, что химический состав иекоторых звезд может очеиь отличаться от состава Солица. Например, звезда 3 Цеитавра А содержит в четыре раза больше железа, в пять раз больше азота, в сто раз больше фосфора, в тысячу раз больше криптоиа и в десять тысяч раз больше гелия, ио иамиого меиьше кислорода и серы, чем иаше Солице. Температура поверхиости этой звезды 27 тысяч градусов. Следовательио, количество излучаемого ею света миого больше, чем у Солица, и если у 3 Цеитавра А есть плаиеты, одио только это обстоятельство кореиным образом измеиит их природу в сравиеиии с земиой.

Да зачем менять плотность и химический состав?! Возьмем просто систему двойных звезд, на планетах которых осень может переходить в весну, а среди зимы вдруг ненадолго наступать лето. Да подобная чехарда времен года уже может такое натворить, что никакого воображения не хватит...

Журналист Владимир Келер говорил: «Почти наверняка у человека найдется больше сходства с ящерицей, а может быть, и с деревом, чем с инопланетными существами».

Я тоже думаю, что во Вселенной есть все, что может быть, и еще немного того, чего быть не может.

Итак, желание придать конструкции нашего повествования столь недостающую ей стройность требует еще одного промежуточного итога. И итог этот вряд ли можно назвать победным.

На рубеже XXI века мы не знаем точно, как возникла жизнь на нашей планете, как возникли мы сами. Мы не знаем, является ли появление жизни закономерным этапом развития во Вселенной или представляет собой нечто совершенно уникальное. Мы не знаем, обязательна ли и единственна ли та химическая основа, на которой построена земная жизнь. Наконец, мы не представляем себе, как могут выглядеть обитатели других миров, нам недоступно многообразие форм проявления жизни.

«Считать Землю единственным обитаемым миром столь же абсурдно, как утверждать, что в поле, засеянном просом, может прорасти лишь одно-единственное зерно»,— говорил древний мудрец Метродор Хиосский. Через двадцать четыре века мы повторяем его слова.

СКОЛЬКО ЖЕ У НАС БРАТЬЕВ?

В декабре 1981 года под Таллином проходил Второй Всесоюзный симпозиум «Поиск разумной жизни во Вселенной». В Эстонию приехали ученые из Болгарии, Польши, Венгрии, Франции, США. Встречались старые знакомые, подружившиеся еще десять лет назад, в сентябре 1971 года, в Армении, в знаменитом Бюракане — одной из астрономических столиц мира.

Тогда в Бюракане царило веселое, задорное воодушевление: «Собрались-таки! Доказали всем, что все это не фантастика, а серьезная наука! А итоги не заставят себя ждать...» Бюраканская встреча 1971 года была пропитана оптимизмом. Говоря это, я вовсе не хочу противопоставить ее настроение духу таллинского симпозиума, хотя, честно говоря, лагерь оптимистов поредел за последнее время. Давно известно, что в науке отрицательный результат — это тоже результат. Хорошо это или плохо, что поубавилось оптимизма? Вроде бы ничего хорошего тут нет, а для дела, возможно, полезно. Все

как-то посерьезиели, умствеиио поскромнели, уияли нетерпеливый пыл и поияли, что работа предстоит куда более сложная, чем предполагалось виачале. Кстати, это иепремеииое условие всякой истиино творческой научиой работы — вспомните, как рождалась первая космическая ракета, атомный реактор или МГД-геиератор. Насколько проще все казалось иа старте и как трудеи и долог был путь к финншу! Вспомиите, с каким трудом рождается сегодня термоядериая электростаиция, а ведь двадцать лет иазад казалось, что еще какнх-ибудь три-четыре года — и она заработает.

На таллинском симпозиуме я понял, что наивно ждать решеиия проблемы СЕТI в блнжайшие месяцы, годы, а может быть, и десятилетия, понял, что иаше стремительиое проиикновение в ближиий космос, бурн восторгов от первого спутника, гагариского старта, луниых экспедиций вскружнлн голову не только мальчишкам нз кружков юных космонавтов, но и академикам тоже. В Бюракане проблема СЕТI переживала время романтической юности. В Таллиие она стала взрослой.

Нам доподлииио известио, что во Вселениой существует одна цивилизация — иаша с вами, земиая. В школе иас учат, что через одиу точку можно провести сколь угодио прямых линий, а потому составить сколько-ибудь убедительный график с помощью одиой точкн невозможио. И все наши дальиейшие рассуждеиия рассыплются в прах, если мы зараиее ие соглаcнмся с иекоторыми самыми общими и вполие логичиыми допущеииями. Осозиав в результате наблюдений иеба скромиое положеиие иашего Солнца во Вселеииой, его астрофизнческую ордииарность, мы вправе предположнть, что н вокруг других подобиых солиц — а их известно великое множество — обращаются снстемы плаиет, а с учетом вселеиских просторов можно (н опять-таки логичио) допустить, что иа некоторых из них каким-то, пока неясиым образом возникла жизнь, которая, эволюциоиируя, привела к возиикиовеиию цивилизации. Все это иеобходимо прииять, как говорится, на веру. Иначе тема таллиского снмпозиума и вся миоголетияя работа учеиых разиых страи по поиску разумиой жизни во Вселеииой попросту бессмыслица: нельзя же нскать то, чего вообще иет! Итак, есть. Допустим, что есть.

Еслн есть, то сколько? Вы помиите, какой пестрый спектр мнений, доводов вспыхнул перед намн, когда разговор зашел о возможиом количестве плаиетных систем и плаиет, иа которых могла возникнуть жизнь? Вопрос о колнчестве цивнлизаций — прямое продолжение той же темы. В самом деле, если у какой-то части звезд есть плаиетиые системы, а у какой-то части планет жнзиь, то у какой-то части этих одушевлеииых плаиет существует цивилизация,— все опять-таки очеиь логичио. Весь вопрос вот в этнх проклятых «каких-то частях».

Опять на нас обрушивается каскад мнений и цифр. Всеволод Сергеевич Троицкий считает, что одну внеземную цивилизацию в сфере радиусом 100 световых лет мы отыщем непременно. Оптимисты поправляют: даже две-три, если повезет. Карл Саган более пессимистичен: одна цивилизация в сфере 10 тысяч световых лет.

Ну а в нашей Галактике в целом? Член-корреспондент АН СССР Иосиф Самойлович Шкловский, слывший прежде «оптимистом», за прошедшие годы пересмотрел свои позиции и превратился в одного из «мрачнейших пессимистов» (хотя в жизни он был очень веселым и остроумным человеком). Он считал, что в нашей Галактике не более 300 цивилизаций, разделенных между собой многими тысячами световых лет, и утверждает, что мы, земляне, «представляем собой биологический феномен».

Десять лет назад в Бюракане считали, что в Галактике внеземных цивилизаций несравненно больше — от ста тысяч до миллиона. Американский астроном О. Струве оказался необыкновенным «оптимистом». По его мнению, в нашем звездном скоплении 50 миллиардов планет, из них на нескольких миллиардах существует разумная жизнь. Немецкий астроном Г. Файкс считает, что 10 тысяч цивилизаций нашей Галактики настолько совершенны, что обмениваются информацией. Публиковались предположения, что в пределах Галактики около миллиона «двойников» нашей Земли. И ближайшие из них удалены от нас не на 10 тысяч световых лет, как считает Саган, и не на 100, как считает Троицкий, а всего на 10 световых лет! Рядом! Чуть меньше 100 триллионов километров! Однако, очевидно, прав доктор философских наук А. Д. Урсул, который заметил, что «любые категорические заявления выражают скорее субъективное мнение их авторов, чем объективное состояние решения проблемы существования внеземных цивилизаций».

Астрономия справедливо считалась всегда наукой точной, и, пожалуй, за многие и многие годы ее новейшей истории не было такого случая, когда бы она позволяла себе подобный разнобой. Я не стал бы осуждать за это ученых: мы видели, сколь сложна, сколь тонка и деликатна проблема, которую они пытаются решить. Да, они спорили раньше и теперь продолжают споры. Но в одном они едины: внеземные цивилизации существуют и найти их можно! Поиск может быть активным, когда мы рассказываем космосу о себе, и пассивным, когда мы пытаемся услышать, что он может рассказать нам. Второе, как вы понимаете, и проще, и дешевле.

И земля стала прослушивать небо.

Весной 1960 года Френсис Дрейк направил антенну большого, более 25 метров в диаметре, радиотелескопа к двум

звездам, которые считал «перспективными»: они были похожи на наше Солнце — тау Кита и эпсилон Эридана, да и находились они от нас сравнительно близко, около 11 световых лет. Так начал осуществляться «проект Озма» — первая в истории серьезная попытка отыскать в космосе себе подобных. Наверное, Дрейк немного надеялся на чудо, ведь проект был назван в честь принцессы из сказочной страны Оз, придуманной американским писателем Френком Баумом. Но чуда не произошло. Дрейк работал три месяца и ничего не услышал. Все понимали, что расстраиваться не стоит, ведь это была первая и очень робкая попытка. Протяженность только нашей звездной системы примерно 90 000 световых лет. А тут всего 11. Если мы зачерпнем у самого берега моря ведро воды и не найдем в нем рыбу, означает ли это, что океан необитаем?

В начале 70-х годов в штате Огайо на двухзеркальном радиотелескопе планомерный обзор неба был продолжен. За восемь лет работы астрономы обнаружили и занесли в каталог около 20 тысяч различных радиоисточников, но ничего такого, что нельзя было бы объяснить известными природными процессами, ни в одном из сигналов не было. Лишь однажды, в августовский вечер 1977 года, с какого-то, очевидно, маленького, судя по его угловым размерам, небесного тела, находящегося неподалеку от центра нашей Галактики, словно крик из космоса, прозвучал мощный — в 30 раз сильнее обычного фона — прерывистый сигнал. Больше он не повторялся. Что это был за сигнал? Сами наблюдатели в журнале «Космический поиск» выдвигают довольно смелые предположения: или это случайно пойманный сигнал внеземной цивилизации, или позывной какого-то космического зонда. Но тут же «поправляются» (на всякий случай): пока сигнал не повторится, его тайна не будет раскрыта.

Все новые и новые научные коллективы в разных странах подключались к новой романтической проблеме CETI. Уже не только астрономов и астрофизиков интересовала она. О братьях по разуму говорили и писали биологи, философы, социологи. Фронт работ расширялся, начался активный обмен информацией, налаживалось международное сотрудничество. Здесь оно было особенно необходимо: трудно отыскать проблему, которой были бы так чужды национальная келейность или пограничные запреты, проблему воистину глобальную, даже выходящую за рамки планеты,— здесь мы уже не просто земляне, но дети Солнца. В 1963 году на заседании Международного научного радиотехнического союза в Токио было предложено построить радиотелескоп для работы по программе CETI, который по своим размерам и возможностям превосходил все дотоле существующие инструменты. К сожалению, это предложение до сих пор осталось лишь на бумаге. Следующий раз, уже в 1973 году, на научной конференции, созванной

Национальным управлением по аэронавтике и исследованию космического пространства США, ученые обсуждали так называемый проект «Циклопы» — грандиозного сооружения из трех батарей радиотелескопов, стоимость которого приближается к миллиарду долларов. Этот проект также не был осуществлен. Конечно, миллиард долларов — немалая сумма, но когда я услышал по телевидению, что на военные цели тратится сейчас миллион долларов в минуту, то невольно подумал, что достаточно остановить гонку вооружения всего на 17 часов, и проект «Циклопы» мог бы быть осуществлен.

В нашей стране СЕТI включили в план своих работ и Государственный астрономический институт имени П. К. Штернберга, и группа ученых под руководством члена-корреспондента АН СССР Николая Семеновича Кардашева в Институте космических исследований АН СССР. Но больше всего, наверное, сделано в этой области в прославленном своими давними научными традициями Научно-исследовательском радиофизическом институте в Горьком. Исследования там возглавил член-корреспондент АН СССР Всеволод Сергеевич Троицкий. В отличие от Дрейка он считал, что отыскать долгожданный сигнал у звезд, наиболее близких к Солнцу, шансов мало. Его программа включала изучение перспективных объектов, гораздо более удаленных от нас, в радиусе 100 световых лет. Дрейку очень мешали земные помехи. Какой-нибудь случайный радиовсплеск с пролетавшего самолета вызывал волнения радиоастрономов. Троицкий понимал, что отсеять, убрать земные помехи не удастся,— в этом случае легко можно было потерять и искомый сигнал. Выход был в одновременном приеме сигналов на разных удаленных друг от друга станциях. Тогда местную помеху было легко обнаружить и выделить. Заработали радиотелескопы в разных концах нашей огромной страны — под Горьким и в Уссурийске, в Мурманске и в Крыму. Случалось, и довольно часто, что сигналы, получаемые на всех станциях, совпадали. Но случалось это только днем. Ученым стало ясно, что они регистрируют импульсы вечно неспокойного Солнца. Ими заинтересовались специалисты по нашему дневному светилу, объективно работа была нужна и полезна, но дальний, живой, разумный космос молчал.

Разумеется, то, что сделано пока во всех странах и по объему, и по времени работы, ничтожно. По подсчетам В. С. Троицкого, приведенным на таллинском симпозиуме, земляне обследовали (и то условно, весьма поверхностно) за прошедшие 20 лет менее одной стомиллионной части Галактики.

Но вот однажды душной июльской ночью 1967 года в нескольких милях от Кембриджа...

Так начинаются приключенческие повести. И приключения тут действительно были. В начале того года был наконец

смонтирован новый радиотелескоп Миллардской обсерватории, весьма чувствительный, а главное, рассчитанный на волновые диапазоны, недоступные многим другим радиотелескопам. Летом на нем начали работать, и буквально через несколько недель молодая сотрудница обсерватории Жаклин Белл обратила внимание своего шефа, известного радиоастронома Энтони Хьюиша, на странный сигнал, монотонно повторяющийся изо дня в день. Он был довольно слабенький, неустойчивый, длился всего около 0,3 секунды, но повторялся с удивительной точностью, превосходящей точность часов обсерватории: каждые 1,33 секунды.

Хьюиш подумал сначала, что это какая-то чисто земная помеха от хорошо синхронизированного аппарата, но на всякий случай решил проверить. Ах, как полезно для ученого иногда проверить непонятный результат! Не проверь он его тогда, и не было бы Нобелевской премии, всемирного признания в сорок три года...

Проверили и установили, что никакой земной помехи нет. Сигналы шли из космоса! Спокойно. Не надо торопиться с выводами. Ведь это вполне могла быть какая-то земная автоматическая межпланетная станция, их запускают довольно часто. Надо учесть и эту версию...

Шли дни, недели, месяцы. Если это межпланетная станция, то за четыре месяца наблюдений она должна была куда-то переместиться, ведь просто зависнуть в пространстве она не может. Тогда что это? Неужели сигнал внеземной цивилизации?

Сотрудники лаборатории дали друг другу слово никому не говорить до поры о своем открытии. Не сказали даже советскому академику Виталию Лазаревичу Гинзбургу, который был их частым и всегда желанным гостем. Наблюдать, проверять, думать и помалкивать — таково было решение Хьюиша.

Между собой они называли таинственное явление «зеленые человечки». И «человечки» эти вели себя совершенно непонятно. Даже если допустить, что Земля была как бы неподвижной мишенью для их радиообстрела, сами-то они должны были как-то двигаться, ведь во Вселенной нет ничего неподвижного. А тогда расстояние между «зелеными человечками» и людьми должно было изменяться, и это можно было бы заметить. Или «человечки» неподвижны, что противоречит законам природы, или они учитывают свое движение в самом сигнале, вносят поправки, специально делая его постоянным и неизменным, тем самым как бы указывая на разумность своего поведения, на свои технические возможности, на сознательное желание вступить в контакт с иными мирами, другими словами, на свой интеллект.

— Когда мы впервые увидели эти радиоволиы, переиесеииые иа бумагу иашими самописцами, иас охватил страх,— рассказывал Хьюиш.— Да, да, страх. Нам захотелось взять все эти бумажки, записи, расчеты и сжечь. Дело было в иоябре. Неделю мы пребывали в ужасиом волиеиии, иикто ие зиал, что и думать, какое решеиие прииять. Я совсем лишился сиа. Накоиец мы решили все сиова проверить, моя ассистеитка мисс Белл взялась за эту гору бумаги и стала аиализировать леиту за леитой. Вскоре после рождествеиских праздииков оиа обиаружила еще одии виеземиой источиик радиоволи, похожий иа волиы «зелеиых человечков». В яиваре оиа открыла еще два таких источиика. Тут мы вздохиули с облегчеиием. Если бы источиик сигиалов был одии, иам бы иемииуемо пришлось бы сказать: «Да, здесь мы имеем дело с разумиыми существами». Теперь же мы говорим: «Перед иами какое-то иеизвестиое явлеиие, которое иужио объясиить...»

Коиечио, можио было посчитать, что и виовь открытые пульсирующие источиики также прииадлежат кому-то из породы «зелеиых человечков», ио Хьюиш прав: вероятиость открытия сразу иескольких виеземиых цивилизаций была все-таки иесравиеиио меиьше, иежели вероятиость иашего иезиаиия каких-то процессов, происходящих во Вселеииой, с которыми иам еще ие приходилось сталкиваться. К августу 1968-го было обиаружеио уже семь подобиых радиоисточииков.

Профессор Дрейк, который, казалось бы, скорее других должеи был бы поверить в «зелеиых человечков», сумел обуздать свою фаитазию и сказал сразу:

— Я ие вижу в этих излучеииях иикаких попыток устаиовить связь... Судя по всему, разумиому существу бессмыслеиио использовать такую колоссальиую эиергию только для того, чтобы передавать свистки...

Но явлеиие существовало реальио, и Хьюиш виовь был прав и тогда, когда говорил, что его требовалось объясиить. Довольио скоро его и объясиили — родилась теория пульсаров.

Не вдаваясь в подробиости (оии могут увести иаш рассказ в стороиу), скажу, что пульсары — иовые, очеиь любопытиые иебесиые тела, прииадлежащие к так изываемому классу иейтроииых звезд — сверхплотиых, быстро вращающихся образоваиий иебольших размеров. Физические условия иа их поверхиости и в атмосфере могут быть такими, что излучеиие пульсара коицеитрируется в пучок-радиолуч. Поэтому пульсар довольио легко спутать с проявлеиием виеземиого разума. Н. С. Кардашев даже разработал своеобразиые «правила поведеиия» для радиоисточиика виеземиой цивилизации. Там перечислеиы и его угловые размеры, и требоваиия к спектру излучеиия, и характеристики сигиалов во времеии. Но оказа-

лось, что в середине 60-х годов уже былн обнаружены как раз такие источинки, которые удовлетворялн многим требованиям Кардашева. К иим отиосится, иапрнмер, радиоисточннк СТА-21 в созвездии Овна нли таинствеииый СТА-102, поток радиоизлучеиий которого регулярио менялся с пернодом примерио в 100 дией. Выяснилось, что это и не звезда, н не галактика, а некое скоплеиие матерни иа краю обозримой Вселенной, которое находится от нас иа расстоянии около семи-восьми миллиардов световых лет. Еслн так, эиергия этого раднонсточника должиа быть столь огромиа, что иевозможио себе представнть ее нскусственное происхождение. Это какая-то иевероятиая космическая топка, в которой сжнгаются целые галактикн.

Хорошо, пусть так: персональио с нами, земляиамн, ннкто коитактировать не хочет. Мы юиы, иеобразованы, иаивны, непонятиы, инкому ие нитересны ни в каком отношении. Но средн старых, развитых н совершеииых цивилизаций связь может и должна быть! И если мы ие можем приинять телеграмму, адресованиую иам, ие удастся ли перехватить пнсьмо, направлеииое высокоразвитому соседу?

По этому поводу каидидат физико-математнческих иаук Л. М. Гиидилис пишет: «О природе «виутреиних» сигналов трудно сказать что-либо определеииое. Какова частота снгиалов или хотя бы примериый диапазои частот (радио, оптика, реитгеи?), вcomponents модуляции, способы кодирования, все это совершеиио иеизвестно. Ведь характеристнки «виутренних» сигналов определяются ие потребиостямн межзвездной связн, а иуждамн самой цивилнзации, они не предназиачены для чужих ушей. Поэтому обиаружить такие сигиалы и, главиое, поиять, что оии собой представляют, чрезвычайио трудио».

И то верно: еслн ты ие в состоянии поиять, когда кто-то обращается к тебе, как поймешь двух собеседиков, к тому же говорящих иа неизвестном тебе языке!

Давайте же, однако, спокойно разберемся, в чем дело: нлн мы ие в состояиин иаладить коитакт с виеземнымн цивилизациями, или эти цнвилнзации не хотят вступать с нами в контакт? Ведь и второе предположение вполие логичио, не правда ли?

Англнчаинн Майкл Харт считает: контакт ие получается, потому что в нашей Галактнке просто иет другнх цивнлизаций. Эту же точку зреиия высказывал в Таллние его соотечествеиник доктор Шварцмаи. Ну, как говорится, на нет н суда иет. Однако такое объясиеиие нн меия, нн вас, иадеюсь, ие устроит. По сути, мы виовь возвращаемся к разговору о своей исключительиости во Вселенной, не нмея для этого инкакнх убедительиых осиований. Это не объясиеиие, мы же договорнлнсь, что виеземиые цивилнзации существуют.

Нет, давайте продолжать иачатую игру: «оии» есть, «оии» существуют, это реальность. Тогда что же мешает «им» иайти нас, а нам — «их»?

На вопрос, что требуется, Фреиснс Дрейк, вечный оптимист CETI, ответнл в Таллние, не раздумывая: «Удача, и только удача! И в Советском Союзе, и в Соединеииых Штатах уже достаточно оборудования для проведеиия исследованнй, н теперь нам очень нужна удача!» Тут ие возразншь, удача желаниа во всяком понске. Но ответ этот тоже как-то не очеиь удовлетворяет.

Карл Сагаи допускает, что ниоплаиетяие используют такие сложные и нензвестные иам способы связи, что мы, по его выраженню, «слншком глупы», чтобы устаиовить с ними контакт. «Сталн бы мы возиться с обучеиием муравьев азбуке?» — спрашнвает ои.

Знаменнтый польскнй фаитаст Стаиислав Лем предлагает объясненне прямо протнвоположное. А является лн этап технического развнтня разума иепремеиным и обязательным? Тождествен ли разум техиологин? И иаконец, не есть лн «технологическнй» пернод нсторнн любой цнвнлнзацнн лншь короткий этап, после которого эта цнвнлизацня прекращает «колоннзнровать космос», ограинчнвает сферу своей деятельностн во Вселеииой, отказывается добровольио от всяких контактов, ннымн словамн, никем, кроме себя самой, не ннтересуется. Карл Карловнч Ребане, президент Академнн наук Эстонии, по сути дела, коисолндируется с Лемом, ио довод его более аргумеитнровaи. По его мнеиию, межзвездная цнвилнзацня на каком-то этапе своего развнтня может прекратнть подачу всякнх сигналов о своем существованнн, поскольку это связаио с колоссальнымн энергетнческимн затратамн. Инопланетяне-де рассуждают так: может быть, мы н отыщем в космосе что-ннбудь полезиое для себя, ио для этого прндется затратить столько уснлнй, что затраты иа прнобретенне этого полезиого не окупятся. Ребаие вовсе не считает, что виеземиая цнвнлизацня должиа заннматься просветительской деятельностью. У нее много своих забот, своих проблем.

Конечно, отказать в логнке н Сагаиу, и Ребаие нельзя. Ум мой может с ними согласиться, а сердце ие может. Ну какая же это цнвнлизация, которая, словно иа хуторе, живет сама для себя, инчем н инкем ие ннтересуясь?! Тогда можно ли иазвать ее цнвилизацией? Опять прнмерка на себя, опять нескладная попытка счнтать человеческую этику, любознательность, страсть к поиску, веру в разум поиятиямн ие человеческнмн, а вселенскимн. Но келейиая замкнутость Лема прн всей своей возможной философской глубиие мие ие по иутру. Одно дело — когда некая цивилизацня ие может, ну, просто не в состоянии наладить межзвездиые связи. Поиимаю. А ес-

ли может, то как же не сделать этого? Не верю в галактические цивилизации мещан, в галактики с наглухо запертыми ставнями.

Но у проблемы CETI может быть еще один весьма серьезный аспект. Не энергетический, а временной. Мой старый друг писатель-фантаст Дмитрий Биленкин напечатал в журнале «Юность» (№ 3 за 1982 год) статью, в которой очень четко определил реальные границы возможного внеземного контакта. В самом деле, мы оказались способными более или менее проникнуть в космические дали (да разве это «дали»?) буквально считанные годы тому назад. Сто лет назад мы не знали о существовании радио. Сегодня именно на радиосвязь возлагаем мы самые большие надежды в проблеме CETI. Почему? Ужели радио столь совершенно?! Вот ведь удивительное свойство человеческого разума: с одной стороны, беспрестанное движение вперед, вечный интеллектуальный голод, постоянное и неукротимое желание перешагнуть порог достигнутых знаний, с другой — наивное, детское самодовольство. Построили первый паровоз и всерьез писали, что пассажиры поездов будут сходить с ума, поскольку мелькание пейзажа за окном нормальный человек вынести не сможет. А паровоз этот больше чем до 20 километров в час вообще разогнаться не мог. Теперь изобрели радио, проникли в космос и крепко, убежденно уверовали, что именно радио — ключ к сокровищам внеземных цивилизаций. Почему? Биленкин справедливо говорит о том, что радио — лишь некий технологический этап, не очень совершенный и энергетически расточительный. Однако же, как я еще раз убедился в Таллине, все ученые мира, занимающиеся проблемой CETI, все свои исследования осуществляют и планируют, исходя из предположения, что межзвездные связи осуществляются именно с помощью радио, хотя при этом и очень многие из них признают все несовершенство, если угодно, «допотопность» радиосвязи. Почему радио всех заворожило? Только потому, что, с нашей сегодняшней точки зрения, оно наиболее доступно и экономично, что мы не умеем концентрировать оптические лучи, не знаем, как бороться с поглощением лучей рентгеновских, не умеем управлять нейтрино и гравитационными волнами? Только поэтому? Мы выбираем из того, что знаем, лучшее, это естественно и объяснимо. Но ведь мы сами признаем, что пределов научному, техническому и технологическому совершенству нет, что, по словам великого провидца К. Э. Циолковского, невозможное сегодня станет возможным завтра. Не естественнее ли предположить, что подобно Гауссу, который предлагал прорубить просеки в тайге, не зная радио, мы уповаем на радио, просто не зная тех способов, с помощью которых связываются друг с другом иные, более развитые цивилизации?

Я с радостью узнал: критики «Озмы» резонно замечали, что высокоразвитые цивилизации наверняка имеют уже совсем другие виды дальней связи и едва ли проявят интерес к сигналам радиопередатчиков.

Кардашев считает, что наблюдения в инфракрасных (тепловых) телескопах дадут в ближайшие годы очень ценную для проблемы CETI информацию.

С ним согласен доктор физико-математических наук Василий Иванович Мороз, который тоже считает, что «наиболее эффективным для связи с иными цивилизациями является не радиодиапазон, а более короткие волны, например инфракрасные».

Чарлз Хард Таунс, один из отцов лазера, который именно за это открытие был удостоен Нобелевской премии вместе с советскими академиками Н. Г. Басовым и А. М. Прохоровым, считает, что пройдет совсем немного лет — и лазерная техника, несравненно более совершенная, превзойдет по всем своим показателям технику радиосвязи.

А представьте себе, что сегодня на школьной парте первоклассника сидит новый Александр Степанович Попов, который через несколько лет скомкает все это межзвездное радио в кулаке, бросит в мусорную корзину и скажет нам: «Смотрите, как это просто, никакого радио не надо, можно сделать все гораздо проще, вот так...»

Что мешает нам поверить в реальность этого мальчика сегодня? Чувство собственного достоинства прежде всего. Как это он додумался, а мы не додумались? Мы уязвлены. Ведь мы все (уверен, все без исключения!) изобретатели. Это мы изобретали! И как только мы изобретаем что-то новое, так неминуемо это новое сразу представляется нам пределом совершенства. И это замечательно! Замечательно, если мы сами осознаем ограниченность и временность своих триумфов. Точно так же, как мы не в состоянии представить себе внешний вид обитателей других миров, мы не можем представить себе и технического уровня, который может обеспечить межзвездный контакт.

Приходится признать, увы, что мы слишком высокого — незаслуженно — о себе мнения. По газетным делам я был в командировке в Париже и встретился там с одним из основателей современной физики, французским академиком и почетным академиком нашей Академии наук Луи де Бройлем. Он подарил мне книгу, в которой есть такие мудрые слова: «Позавчера мы ничего не знали об электричестве; вчера мы ничего не знали об огромных резервах энергии, содержащихся в атомном ядре; о чем мы не знаем сегодня?»

Действительно, что узнаем мы еще через 100 лет? Через 1000 лет? Кто может поручиться, что все наши сегодняшние ради-

отелескопы не покажутся нам громоздкими и нескладными игрушками? Даже при наличии «множественности миров» (Джордано Бруио) время совпадения техиологий, возможностей, уровня мышления, психологических законов (которые только, кстати, для нас могут быть закоиами) ничтожио мало. Безусловно, существует спектр СЕТI: влево, в прошлое, отход на какие-нибудь 100 лет — величину в масштабах Вселенной иевидимую — обрекает цивилизацию на выиуждеииое молчание, продиктованное техиологической беспомощностью, а чуть вправо, в будущее,— и мы перестаем понимать друг друга!

Николай Семеиович Кардашев в свое время подразделил все возможиые внеземиые цивилизации на три типа. Определеиие это стало почти классическим, о нем много спорили, горячо обсуждали, и ныие у Кардашева есть как предаииые союзиики, так и иепримиримые критики, и это очеиь хорошо, потому что в настоящей, живой науке только так и должно быть.

По Кардашеву, цивилизация первого типа должиа быть близкой к земной: летают в ближиий космос, овладели эиергией атома, знают, что такое радио. Цивилизация второго типа использует уже энергетические ресурсы своей звезды и ее планет. Наконец, цивилизация третьего типа эксплуатирует весь свой звездный остров, всю свою галактику.

Вторя Кардашеву, американец Дайсои предложил такой вариант: иекая цивилизация (по Кардашеву, второго типа) создает из материала плаиет своей звездной системы сферу — тонкостеииый шарик, виутри которого упрятаиа звезда, вся эиергия которой будет теперь поглощаться внутренней поверхностью этого шарика. Таким образом, разместившаяся там цивилизация будет получать все, что ей в состояиии дать ее звезда. Если так, то какие-то звезды, окружеииые сферами Дайсоиа, для нас, земных наблюдателей, должны гаснуть. Мы же знаем немало случаев, когда звезды вспыхивали, но ие зиаем ни одного случая, когда бы они вдруг гасли! Может быть, потому, что опять употребляем привычные нам земные технологические схемы? Сфера Дайсона сегодня представляется иам вполне логичной и инжеиерно совершеиной. Но это иам! И это сегодня! Кто поручится, что ииая цивилизация умеет каким-то неведомым нам способом отводить, отсасывать, отлавливать энергию своей звезды и ей вовсе ие нужио дробить все планеты и строить сферу Дайсона.

Как можем мы представить себе цивилизацию, использующую всю мощь миллиардов звезд своей галактики (по Кардашеву, третьего типа), если мы уже более двадцати лет, ежегодно обманывая себя близким решеиием проблемы, так и не можем создать термоядериый реактор, такой, казалось бы, простой, понятный, теоретически обсчитаиный и многократно смоделированный?

МЕЖЗВЕЗДНЫЙ ЯЗЫК

Хорошо, пусть мы даже знаем, где, в какой частн неба существует иекая внеземиая цнвилизацня. Как связаться с ней, как заявнть о своем разуме и желаннн контакта?

Френсис Дрейк выбрал, как ему показалось, очень логнчиые частоты связн — 21 саитиметр, нзлучеине водорода, самого распространеииого элемеита Вселеииой. Все зиают о водороде, все-де до такого прнмитива додумаются...

Ему возражалн биологи: а если это существа на аммначиой осиове, почему они должны думать о водороде? Естественно, что основой всего оин счнтают аммнак.

Каиднлат технических наук П. В. Маковецкий счнтал, что «водород Дрейка» безлнк, чересчур абстрактен, н предлагал свои варианты: множнть эту частоту на математическую ирраціональную коистанту. Человек смелой фантазии, Маковецкнй миого размышлял над тем, как и кто сможет послать (и прннять) иекне сигиалы. Он острнл: «На некоторой частоте с помощью иекоторой модуляцнн в иекоторой полосе частот с иекоторой скоростью передается некоторый код, содержащий некоторый смысл. Эта формула всемн авторамн автоматнческн переноснтся и на позывиые виеземных цнвилнзацнй. Такнм образом, позывные, по общему миеиию, будут содержать шесть нензвестных компонентов. Расчет показывает, что иа простой перебор всех нх варнантов потребуется время, превосходящее время существования Галактикн».

У Маковецкого было много ндей. «Вндимо,— писал он,— лучше посылать атомы не водорода, а тех элементов, которые в прнроде ие существуют. Тогда, как бы мало их нн прншло, внеземная цнвнлнзацня поймет, что оин нскусственные». Он думал о пучке нейтральных атомов калнфорния-252—«сиитетического» элемента, который получают в ускорнтелях, но расчеты показывалн, что подобный экспернмент иереалеи.

Свон всякнй раз научно обоснованные радиочастоты для CETI предлагалн н Койпер, и Моррис, и Кардашев, н астрономы нз Эймсовского центра НАСА, н ннженеры Лабораторнн реактнвного двнжеиня в Пасадеие. Прнводнлнсь аргументы логические, энергетические, фннансовые, какне угодио. Все доказывалн, что для того, чтобы перебросить через пропасть космоса бревио с Землн иа край другого мира, надо рубнть нмеиио их дерево. А в результате получалось иепрерывное блужданне в трех сосиах, и едииого миення, какую же сосну рубнть, на какой же все-такн частоте в раднодиапазоне нам надо пытаться найтн позывиые иного разумного мнра, сегодня у учеиых нет. Нет ин одиого надежного маяка, который бы указал иам правильный курс.

Мне кажется, что все наши разочарования после первых лет поисков внеземных цивилизаций происходят по двум причинам. Во-первых, мы сами научились летать в космос, пусть еще недалеко, но научились и почувствовали себя очень могущественными. Во-вторых, придумав для своего удобства все эти парсеки и световые годы, мы тем не менее не в состоянии представить себе истинные масштабы Вселенной — размеры поля нашей деятельности. Никто не может. Даже специалисты. Иосиф Самойлович Шкловский признавал: «Если бы астрономы-профессионалы постоянно и ощутимо представляли себе чудовищную величину космических расстояний... вряд ли они могли успешно развивать науку, которой посвятили свою жизнь».

Существуют еще более пессимистические взгляды на всю эту проблему. Ведь если принять теорию панспермии, о которой я рассказывал, если согласиться с тем, что мы просто подопытная грядка в огороде Вселенной, которую пять миллиардов лет назад засеяли в экспериментальных целях, то сам собой напрашивается вывод, что все человечество — лишь капля под микроскопом некоего неведомого нам экспериментатора. Именно такую точку зрения высказывает Джон Болл из Гарвардского университета в США, который считает, что мы не получаем никаких контактов от внеземных цивилизаций потому, что они объявили нас «чем-то вроде галактического зоопарка или заповедника... Более ужасная возможность,— считает Болл,— состоит в том, что мы, возможно, являемся плодами лабораторного эксперимента, который ставят какие-то внеземные существа».

Конечно, и так может быть. Сама постановка вопроса не кажется мне антинаучной, но концепция Болла по-человечески унизительна, и поэтому она мне не по душе. Этот всесильный экспериментатор предстает передо мной существом холодным и бездушным. Я не хочу быть муравьем из его коллекции! Я живу, думаю, худо-бедно до чего-то додумался. Я построил красивые города, написал замечательные книги, украсил землю садами, изобрел умные машины, я чувствую, я люблю, я не хочу быть микроскопной бактерией!

Вот опять — заметили? Автор постоянно призывает отказаться от антропоцентризма, прекратить эту самонадеянную, ничем не оправданную примерку всех закономерностей Вселенной на себя, но, чуть дело коснулось его собственных этических воззрений, он уже обо всем забыл, ему уже «по-человечески» что-то не нравится. Мы никуда не сдвинемся в проблеме СЕТI, если не сможем преодолеть в себе сознания собственного непогрешимого совершенства. Сто раз прав эстонский академик Густав Иоганнович Наан, когда он пишет: «Мы сами в своих собственных глазах слишком уникальны,

важны и умны, в общем — все в превосходной степени. А ведь истинная оценка возможна только при сравнении».

Это понимают не только ученые. Например, в одном из писем замечательного советского поэта Николая Заболоцкого, написанном им в год смерти, в 1958-м, когда никто еще не занимался никакими поисками внеземных цивилизаций, есть такие слова, будто точно адресованные нашему времени: «Почти все мы практически живем еще докоперниковскими представлениями о своей земной исключительности и все, что этому представлению противоречит, склонны относить к области мистики, не сообразуясь с делом по существу».

Перевоспитать себя космически очень нелегко. И разговоры о том, хочу или не хочу я быть «микроскопной бактерией» доктора Болла,— это разговор не в нашем тоне. Мы же договорились с вами здраво оценивать все варианты и не позволять эмоциям брать над нами верх. Ну, пусть Болл погорячился со своими «микроскопическими» выводами. Однако существует вполне логичное и нисколько не унизительное для нас другое объяснение космического равнодушия.

Равнодушие сознательное. Молодая цивилизация должна пройти все стадии своего развития, подобно ребенку, узнать окружающий мир, приготовить себя к существованию в космическом пространстве.

Более того, возможно допустить, что высшая этика внеземных цивилизаций считает просто невозможным какое бы то ни было вмешательство в дела младших братьев по разуму. Советский философ Георгий Иванович Куницын, размышляя однажды на эту тему, заметил: «Это все равно что лишить ребенка детства». Активное влияние на стоящих ниже тебя как в техническом, так и в социальном развитии он считает антигуманным. С Куницыным можно спорить, но спорить, разумеется, исходя опять-таки лишь из наших земных представлений. Разве в масштабах Земли не является проявлением гуманизма и благородства помощь более развитых в научном и техническом отношении стран странам слаборазвитым? И какой «внеземной» гуманизм согласится с тем, что нужно смотреть, как умирают дети в Африке, вместо того чтобы строить там больницы.

Вы скажете, что я искусственно измельчаю проблему,— ну а как можно иначе? Нельзя любить человечество в целом. Надо любить человека.

Вы видите, сколько острых научных, морально-этических и иных идей существует в проблеме CETI? И все-таки лейтмотивом таллинского симпозиума звучала жалоба на нехватку именно новых, свежих, нестандартных идей. Об этом говорили и В. С. Троицкий, и Н. С. Кардашев, и Л. М. Мухин, и многие иностранные ученые.

Не хватает идей... Найдется ли сегодия иа планете такая область научных зианий, специалисты которой могут ие пожаловаться на ту же вечиую беду? И ведь это замечательио, если поразмыслнть...

ЗЕМЛЯ ЗОВЕТ

Итак, иноплаиетяие явно не спешат наладить с нами контакты, иикаких сигиалов от иих мы пока ие получили. Ну а сами мы? Можем ли мы, пережившие лишь считаииые годы своего космнческого бытия, проявнть какую-то актнвиость и как-то попытаться о себе заявить?

Разумеется, наши возможиости очень ограииченны. Главиая возможиость — сама Земля. Хотя в 1975 году иа коифереиции Лондоиского королевского общества, посвящеииой обиаружеиию жизни иа других планетах, были продемоистрироваиы сиимки, из которых явствовало, что уже с высоты 160 километров следов деятельиости человека на Земле практически ие видио, одиовремеиио отмечалось, что газовый состав земиой атмосферы говорит о большой вероятности жизни на ией.

Тысячи работающих иа Земле радио- и телевизиоиных передатчиков создают фои радиоизлучеиия, иамиого превышающий общий естествеиный фои, который мог бы возникиуть иа планете земиого типа. Если можио так выразиться, мы иеестествеиио ярко светимся в радиоиебе, н, с этой точки зреиия, остаться незамечеииыми хотя бы в пределах нашей Галактики иам довольио трудио. Но ведь излучать еще ие зиачит передавать.

«Если в иастоящее время чувствительиость приемииков достигла возможиого, разрешеииого сегодияшией техиологией предела,— рассказывал в Таллиие В. С. Троицкий,— то мощиость передатчиков в прииципе может расти».

Можио ли создать такой передатчик, который бы «кричал» на всю Галактику? Теоретически, коиечио, все можно, но смотрите, что получается иа практике.

Всеволод Сергеевич произвел иеобходнмые расчеты. «Кричащий» иа всю Галактику радиомаяк должеи поглощать огромиую эиергию. Одиако если мы увеличим производство энергии только на одии процент в сравиении с тем, что дает нам Солнце, то средияя температура плаиеты повысится иа 0,8 градуса, что может привести к таяиию поляриых льдов, затоплеиию материков и другим трудиопредсказуемым бедам. Предел производства эиергни может составлять ие более одиой тысячной доли от солнечных щедрот, это 10^{14} ватт. Но уже сегодня мы производнм 10^{13} ватт. Следовательио, резерв у иас очень иебольшой — допустимо увеличить производство

энергии на Земле только в 10 раз в сравненнн с нынешинм. Но для иашего громко крнчащего маяка этого явио ие достаточио. Ведь часть радиоволи будет поглощаться атмосферой Землн. Пусть это поглощение ничтожно, всего два процеита, но при мощиости передатчнка в 10^{21} ватт, который действительно услышит вся Галактика, энергия, рассеянная в атмосфере, в 100 раз превысит ту, которую Земля получает от Солица. Это конец.

Хорошо, давайте построим маяк вие Земли, в космосе. И тут вырисовывается точиая закономериость.

Еслн мы хотим, чтобы нас услышали как можно дальше, мощность маяка должиа, естественно, расти, а значит, потребуется все дальше «отодвигать» его от Земли. Одновремеино с ростом мощиости чудовищио растут диаметры этой всенаправленной сферической антенны. Так, например, для того, чтобы иас услышали внеземные цивнлнзацнн, удалеииые от иас на 1000 световых лет (совсем иемного, если днаметр только иашей Галактики почтн в 100 раз больше), потребуется для безопасностн земляи «отодвниуть» маяк прнмерио иа 1500 миллнонов кнлометров, ииыми словами — за орбиту Сатурна. Днаметр сферы такой антеины должен быть около трех тысяч километров.

Троицкий подсчитал, что для транспортировкн с Землн с помощью ракет огромного колнчества конструкцнй и нх монтажа потребуется, по нашим сегодияшннм меркам, около 300 тысяч лет!

Вывод ученого: трудно повернть, что какая-лнбо цивилнзация будет создавать подобные сооружения. Таким образом, не следует ожндать сверхмощных сигналов цивнлизаций, посылаемых непрерывно всенаправлениым маяком.

Как видите, не так-то легко сказать о себе во Вселеиной так громко, чтобы тебя все услышалн...

Что же остается? Звездолеты. Но нх еще надо научиться строить. Если летать в космосе с темн скоростями, с которыми мы летаем сегодня, до ближайшей звезды проксима Центавра пришлось бы лететь 80—100 тысяч лет. Немецкий инжеиер Г. Мюллер утверждает, что если каждую секунду увеличивать скорость звездолета на пять метров в секунду, то мы можем достичь граннц нной цивилизации примерно лет за двадцать, но, куда он предполагает послать свой звездолет, ои ие говорит.

«Строительство» звездолетов, строительство, разумеется, чисто умозрительное, на бумаге, в последние годы превратилось в своеобразиую инжеиериую игру, романтнческий интеллектуальный отдых ума, утомлеиного повседневными иаучнымн проблемами. Известный иаш математик доктор фнзико-математическнх наук Мнханл Яковлевнч Маров рассказывал об ав-

томатическом межзвездном зоиде, способиом разогиаться до скорости около 150 тысяч километров в секуиду. Есть вариаит и иа 30 тысяч. Общий вес такого зонда около трех тысяч тоии. Где-то у граииц Солиечиой системы к иему может подстыковаться другой зоид и дозаправить его.

В коице 70-х годов аиглнйские конструкторы прикидывали, как послать нсследовательский звездолет-автомат к звезде Барнарда, у которой, как вы помиите, предполагают иаличие планетиой снстемы. У англичаи общий вес получался уже 54 тысячи тонн. Время полета — 50 лет.

Существует целый ряд интересиых н остроумных предложеиий по создаиию принципиальио иовых, теоретически возможиых, а практически крайне сложио выполиимых космическнх двигателей будущнх звездолетов: ядериых, плазмеиных, электрореактивиых, микровзрывных, лазерных, фотонных, приимающих для полета электромагиитые волиы, летящих под солнечиым парусом и даже нспользующих встречающееся иа их пути межзвездиое вещество. Не будем рассматривать их конструкции, поскольку это другая тема, повторю только, что все это скорее относится к умствениым нграм, чем к реальиой инженерии.

Однако уже в который раз убеждаемся мы, что почти у любой частной проблемы CETI, даже тогда, когда оиа решается, кроме явиой, видимой, обиаруживается иовая, поначалу иевидимая граиь. Воистииу CETI — сказочный дракои, у которого иа месте одиой отрублеииой головы тотчас вырастает новая. Так и со звездолетами.

Коиечио, теоретическн возможеи дружеский внзнт к братьям по разуму, которые живут иа расстояиии 1000 световых лет от Земли, если построить звездолет, способиый лететь со скоростью, близкой к скорости света. Ведь, согласио знамеиитому парадоксу Эйнштейна, прн таких скоростях течение времеии в звездолете замедляется. Не требуется смеиы иескольких поколеиий внутри корабля, чтобы достнчь весьма удалениых районов Галактики. Но ведь для тех, кто провожал стартующий звездолет, земиой ход времени ие меияется. Прн полете, например, к тумаиности Ориоиа, иаходящейся иа расстояиии около 1500 световых лет, звездоплаватели постареют на 30 лет. На Земле же пройдет три тысячелетия. Радостные космоиавты иа «отличио» выполият возложеииую на них программу, прнвезут ответы иа все вопросы, которые иитересовали Землю, ио тут обиаружится, что за трн тысячи лет, прошедшие на Земле, ответы нх иикому ие иитересны, что все это какая-то музейиая труха, что целая взрослая жизнь, прожитая в плену их прекрасной, совершеиной, наикомфортабельнейшей звездной тюрьмы, прожита напрасио...

А ведь так непремеиио случится. Представьте, иаш фан-

тастический звездолет улетел с Земли всего 500 лет назад. И вот сегодня звездолетчики вернулись и рассказывают нам, что Земля — шар, что жизни на Луне нет, что у человека есть большой и малый круг кровообращения, что с помощью некоторых технических ухищрений он может летать по воздуху и т. д. и т. п. Что должны делать мы, слушая их? Улыбаться и говорить спасибо?

И одновременно представьте себе психологию звездолетчиков. Ведь они, вернувшись домой, на самом деле возвращаются на совершенно новую, незнакомую планету. Ни одного любимого лица. Ни одного знакомого здания, ни одного пейзажа, который сердце хранило столько лет! Неизвестные машины, непонятные механизмы, чуждый уклад жизни, непривычный для слуха язык — все, все другое. Как любим мы уэллсовскую сказку о «машине времени»! Но ведь эта машина могла вернуть нас обратно в наше время. А если бы не могла? Иногда, расстроенные какими-нибудь горестями и трудностями, мы восклицаем в сердцах: «Эх, как славно было бы жить лет через сто, а то и через тысячу!» А славно ли? Все мы неразрывно связаны со своим временем, своей эпохой, и если мы потеряем эту связь, то неизбежно потеряем что-то очень важное в себе...

Как видите, проблема CETI — это изощренно переплетенный природой клубок и астрофизических, и биохимических, и радиотехнических, и космоинженерных, и этических, и философских проблем. Но если его так трудно распутать (а я надеюсь, что мне удалось убедить вас, что распутать его невероятно трудно), то, может быть, стоит и вовсе поставить крест на всем этом деле? Искать или не искать? Вот в чем вопрос.

Конечно, искать! Искать непременно!

Мне кажется даже, что, если мы найдем разумных инопланетян, подарком нам будут не ответы на те загадки природы, которые мы еще просто не успели разгадать. «Они научат нас лечить рак!» — мечтают одни программисты от космоса. А может, и не научат, потому что у них нет рака, они не знают, что это такое. «Они научат нас бессмертию,— утверждает Френсис Дрейк,— которого можно достигнуть, «переписывая» из старого мозга индивида всю информацию в молодой мозг». Может быть, и научат. А нужно ли нам бессмертие? Подумайте, как это страшно звучит: я бессмертен! Ведь неглупые люди в древних библейских легендах превратили именно бессмертие в страшную божью кару.

Если мы их найдем, главным подарком будет преодоление одиночества, превращение мечты в знание: да, мы не одни! Узнав других, мы лучше узнаем себя. Мы осознаем свое место во Вселенной, свой нынешний возраст, а возможно, даже

заглянем в свое завтра. Контакт со внеземной цнвилизацией мог бы убедить тех немногих, кого так трудно убеждать, в великих ошнбках настоящего и уберечь многих от ошибок будущего. Контакт превратит нас в подлинно космическую цнвилизацию, космнческую не потому, что мы умеем запускать космические аппараты, а потому, что мы начнем жить жизнью космоса.

История показывает, что Циолковский ошибался очень редко, и я не думаю, что он ошибался, когда писал: «...Теоретически мы уверены в бесконечности Вселенной и числа ее планет. Неужелн нн на одной из них нет жизни? Это было бы уже не чудом, а чуднщем».

Тогда — да здравствуют чудеса!

Содержание

Для среднего и старшего возраста

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Сборник фантастических и приключенческих повестей и рассказов

ИБ № 8601

Ответственный редактор
И. Б. Шустова

Художественный редактор
Л. Д. Бирюков

Технические редакторы
Н. Г. Мохова и Л. С. Стёпина

Корректор
Л. А. Рогова

Сдано в набор 02.06.86. Подписано к печати 11.11.86. А10294. Формат $60\times90^1/_{16}$. Бум. книжно-журн. № 2. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 38,0. Усл. кр.-отт. 39,0. Уч.-изд. л. 39,57. Тираж 100 000 экз. Заказ № 3634. Цена 1 р. 60 к. Ордена Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

М63 **Мир** приключений: Сборник фантастических и приключенческих повестей и рассказов/Сост. О. И. Соколов; Оформ. В. Лыкова.— М.: Дет. лит., 1986.—607 с.

В пер.: 1 р. 60 к.

Ежегодный сборник фантастических и приключенческих повестей и рассказов

М $\frac{4801000000-552}{М101(03)86}$ 096—86 ББК 84

СБ1

1р. 60к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“